РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

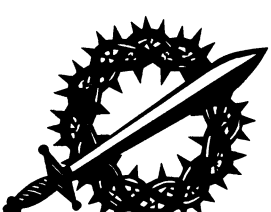
БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

1918 ГОД НА ВОСТОКЕ РОССИИ

РОССИЯ
ЗАБЫТАЯ И НЕИЗВЕСТНАЯ

БЕЛОЕ ДВИЖЕНИЕ

1918 ГОД НА ВОСТОКЕ РОССИИ



Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ
2003

ББК 63.3(2)-8
Т93

Серия основана в 2000 году

Под общей редакцией авторов проекта
Валентины Алексеевны БЛАГОВО
и Сергея Алексеевича САПОЖНИКОВА,
членов Российского Дворянского Собрания

Оформление художника И.А. Озерова

Т93 **1918 год на Востоке России** / Составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. — 463 с.

ISBN 5-9524-0643-2

Книга посвящена начальному этапу Белой борьбы на Востоке России, понимая под востоком в данном случае Волгу, Урал, Западную Сибирь. Этот период характеризовался выступлением офицерских организаций крупных городов этих регионов и Чехословацкого корпуса. Именно в это время заявили о себе и прославились такие деятели Белого движения, как В.О. Каппель, П.П. Иванов-Ринов, А.Н. Гришин-Алмазов, Н.Н. Казагранди, А.Н. Пепеляев и др. Особое внимание уделено Ижевско-Воткинскому антибольшевистскому восстанию и последующим боям ижевцев и воткинцев.

Боевые действия описываются на фоне политических акций Комуча, Уфимской Директории, Временного Сибирского правительства вплоть до вступления в верховное командование адмирала Колчака, то есть с мая по ноябрь 1918 г.

Книга снабжена обширными и впервые публикуемыми комментариями, содержащими несколько сот неизвестных биографических справок об авторах и героях очерков. Книга входит в издаваемую издательством «Центрполиграф» серию под общим названием «Россия забытая и неизвестная».

Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию духовных ценностей возрождающейся России.

ББК 63.3(2)-8

© С.В. Волков, 2003
© Художественное оформление серии, ЗАО «Центрполиграф», 2003
© ЗАО «Центрполиграф», 2003

ISBN 5-9524-0643-2

ПРЕДИСЛОВИЕ

Шестнадцатый том серии «Белое движение в России» посвящен начальному этапу Белой борьбы на Востоке России. Хронологически он охватывает время с начала антибольшевистских восстаний до отхода белых армий от Волги к Уфе и вступления в верховное командование ими адмирала Колчака, то есть с мая до ноября 1918 г.

На Востоке белые формирования создавались в разных центрах на огромной территории с совершенно разными условиями и лишь к осени 1918 г. вполне консолидировались. На территории от Волги до Тихого океана отдаленность от столиц и основных центров большевизма делала положение противников советской власти сравнительно более благоприятным. Учитывая, что во всех крупных городах Поволжья, Урала и Сибири имелись офицерские организации, к моменту выступления в мае Чехословацкого корпуса (роль которого на первом этапе борьбы была тем более велика, что до 80 процентов красных войск в Сибири составляли ненавистные чехам бывшие пленные немцы и венгры) необходимые кадры для создания Белой армии имелись. В Чехословацком корпусе служило немало русских офицеров, которые сыграли не последнюю роль в решении чешских руководителей выступить против большевиков.

В Самаре еще с конца 1917 г. существовала подпольная офицерская организация подполковника Н.А. Галкина, которому, когда 8 июня 1918 г. в городе было создано правительство Комитета членов Учредительного собрания (Комуча), было предложено возглавить военное ведомство, а его организация, насчитывавшая 200—250 человек, послужила основой для развертывания так называемой Народной армии. Одной из первых частей была сформированная капитаном В.О. Вырыпаевым 1-я отдельная конно-артиллерийская батарея. С первых дней борьбы искусными и решительными действиями сво-

его отряда прославился подполковник В.О. Каппель, имя которого стало впоследствии легендарным. Добровольцы Каппеля действовали у Самары и к северу от нее; южнее — части полковника Ф.Е. Махина (Особая Хвалынская группа).

Первоначально армия строилась по добровольному принципу, но в середине августа была объявлена мобилизация офицеров, которым к 1 августа не исполнилось 35 лет (а генералов и старших офицеров независимо от возраста). По мере очищения от большевиков территорий в армию переходило немало проживавших там или служивших в красных учреждениях офицеров. В освобождаемых населенных пунктах организовывались роты, затем сводившиеся в батальоны. В конце июня были развернуты восемь пехотных полков (в июле переименованы в стрелковые). Отряд Каппеля в июле развернулся в Отдельную стрелковую бригаду, а остальные части в середине августа сведены в три стрелковые дивизии. К сентябрю были сформированы еще три стрелковые дивизии, а число кавалерийских полков доведено до пяти.

В Сибири, как и в Поволжье, существовали с конца 1917 г. сильные офицерские организации. Общая численность военных организаций на всей территории Сибири к западу от Байкала к маю достигла 7 тысяч человек. Самой сильной была омская П.П. Иванова-Ринова (до 3 тысяч человек), за ней по численности следовали организации в Томске, Иркутске и Новониколаевске.

Одновременно с выступлением чехословаков в ряде городов Сибири офицерские организации свергли большевистскую власть и приступили к формированию частей. Первым таким городом стал Петропавловск. При приближении повстанцев к Омску там 6—7 июня выступила поддержанная союзом группа солдат-фронтовиков во главе с полковником Ивановым-Риновым, который и вступил в должность начальника гарнизона и фактически управлял всей очищенной от большевиков территорией. В ночь с 13 на 14 июня в Иркутске выступила местная офицерская организация во главе с полковником А.В. Эллерц-Усовым, но большинство участников восстания погибло или было расстреляно. Однако организация сохранилась и сыграла важную роль при взятии Иркутска 10 июля. Позже там была сформирована из местных добровольцев 3-я Иркутская дивизия. Офицерские организации выступили также в районе Тары, в Акмолинске, Барнауле, Камне-на-Оби, Семипалатинске, Зайсане, Павлодаре, Усть-Каменогорске, Томске, Тобольске, Чите и других местах.

В Омске образовалось Сибирское правительство, во главе вооруженных сил которого встал А.Н. Гришин-Алмазов. Сибирским временным

правительством начала формироваться Сибирская армия, ядром которой стал Степной Сибирский корпус (генерал-майор П.П. Иванов-Ринов). Видную роль сыграл случайно попавший в Сибирь штабс-капитан Н.Н. Казагранди, уже в первый день освобождения Омска приступивший к формированию Первого партизанского офицерского отряда, через день выступившего с ним на фронт. Еще один такой же отряд был создан в Омске полковником И.С. Смолиным. Эти два отряда наряду со Степными полками и составили главные силы Сибирской армии.

В начале июня численность войск Западно-Сибирской (с 27 июня — Сибирской) отдельной армии достигла 4 тысяч человек, что позволило в середине июня образовать Средне-Сибирский (А.Н. Пепеляев) и Степной Сибирский (П.П. Иванов-Ринов) корпуса, которые в августе получили номера 1-й и 2-й. Позже был создан Уральский корпус (генерал-лейтенант М.В. Ханжин). К 18 июня армия насчитывала 6047 человек (в том числе 4332 штыка, 1215 сабель и 500 невооруженных). Вместе с чехами и казаками она сражалась с красными войсками по всей Сибири. На 26 августа, после реорганизации, армия состояла из трех корпусов (Средне-Сибирский, Степной и Уральский) по 2—3 дивизии четырехполкового состава каждый.

Формирование частей и в Поволжье, и в Сибири происходило сходным образом: сначала из офицеров, проживавших в данном городе, формировался офицерский батальон, который потом разворачивался в часть. Даже в начале сентября в качестве солдат сражалось более 4500 офицеров, то есть половина всех имевшихся, и в некоторых частях их было больше, чем солдат. Средне-Сибирский корпус состоял сплошь из добровольцев, в основе — членов подпольных офицерских организаций, и в этом смысле не отличался от «именных» полков Добровольческой армии, на 2 сентября там из 5261 человека с винтовками офицерами были 2929. Степной корпус (где было много казаков) состоял из офицеров примерно на четверть (к 31 июля — 2384 офицера на 7992 добровольца, в том числе 1314 на 4502 на передовой), причем в ряде полков и во всех батареях офицеров было свыше половины. В общей сложности к 31 июля в армии было 6970 офицеров и 28 229 добровольцев[1]. После очищения Сибири армия сражалась с большевиками вместе с Народной армией.

На Урале очагом Белой борьбы стали Ижевский и Воткинский заводы, восставшие 8 и 17 августа. Вслед за заводами восстала вся южная часть Вятской губернии. Во главе восставших крестьян Елабужского уезда встал подполковник В.М. Молчанов. При помощи имев-

шихся в районе заводов 80 офицеров руководители восстания совершили поистине чудеса: мобилизовали до 25 тысяч человек, сформировали из них части и сражались в окружении 100 дней (с 7 августа по 17 ноября 1918 г.). В конце ноября ижевцы и воткинцы соединились с Народной армией и впоследствии были сведены в Ижевскую и Воткинскую дивизию.

Таким образом, летом—осенью 1918 г. в состав белых сил на Востоке входили действующие самостоятельно Народная (Комуча) и Сибирская (Временного Сибирского правительства) армии, формирования восставших казаков, а также разного рода добровольческие отряды. До ноября 1918 г. военные формирования, действующие против большевиков на Востоке, формально подчинялись назначенному Уфимской директорией Верховному главнокомандующему всеми сухопутными и морскими силами России генерал-лейтенанту В.Г. Болдыреву.

В настоящем издании собраны воспоминания о борьбе в рядах белых добровольческих формирований в основном в Поволжье и Сибири. В разное время они были опубликованы в русской эмигрантской печати. Эти воспоминания никогда в России не публиковались.

Содержание тома разбито на три раздела. В 1-м разделе публикуются воспоминания участников борьбы на Волге и Каме, во 2-м — материалы о борьбе в Сибири и на Урале, и в 3-м собраны воспоминания об Ижевско-Воткинском восстании и последующих боях ижевцев и воткинцев.

В большинстве случаев все публикации приводятся полностью (некоторые сокращения сделаны только за счет невоенной тематики). Авторские примечания помещены (в скобках) в основной текст. Везде сохранялся стиль оригиналов, исправлялись только очевидные ошибки и опечатки. Возможны разночтения в фамилиях участников событий и географических названиях; их правильное написание — в комментариях.

1918 ГОД НА ВОСТОКЕ РОССИИ

Раздел 1

П. Петров[2]

БОРЬБА НА ВОЛГЕ[3]

Перед выступлением чехов

К маю 1918 года, когда началось выступление чехов, советские вооруженные силы в средней России не представляли действительной опоры власти, способной бороться с организованными войсками; это были жалкие отряды без дисциплины и порядка, страшные только для обывателя. Новый план формирований в прифронтовой полосе и в военных округах еще не дал результатов.

Старая Русская армия развалилась еще в 1917 году. Окончательно добил ее после Октябрьского переворота Крыленко, его сотрудники в Ставке и «Положение о демократизации». Армия самодемобилизовалась с чудовищной быстротой, вопреки всем теоретическим расчетам. «На место постоянной Армии, всегда в основе своей реакционной и проникнутой милитаристическим духом, мы создадим добровольческую армию. Красную, временную, сорганизованную из сознательных товарищей. Армию, по типу совсем близкую к народной милиции, но более совершенную и прочную, более сознательную» — так говорил в январе 1918 года Троцкий, выступая с докладом в Ц.И.К. Совета С. и Р. депутатов.

К моменту перехода в наступление немцев, после перемирия, в начале февраля 1918 года, на фронте оставались штабы, расстроенные хозяйственные части, многочисленные управления, заведения, комитеты от армейского до ротных включительно, комиссары с управлениями и зачатки красных отрядов из добровольцев, которые начали формироваться в начале 1918 года согласно особому положению о формировании, о котором, видимо, и говорил Троцкий.

Остатки армии не оказали немцам никакого сопротивления; почти не оказали сопротивления и красные отряды из сознательных товарищей. В Пскове мне пришлось быть свидетелем поистине комического геройства местного Совета и красных отрядов из рабочих, матросов и пр. Эти отряды не смогли выполнить задач даже по порче железной дороги, когда выяснилось, что немцы из-под Двинска двигаются по железной дороге.

Главный инспектор по формированию красных отрядов в 1-й армии товарищ Сенотрусов (такие в каждой армии назначались армейским комитетом), малоразвитый и полуграмотный большевик, сформировавший за свое инспекторство всего около двух рот, в Пскове с горечью заявил мне про свои войска: «Все сволочи, не хотят драться. Представляете, когда я пригрозил неповинующимся револьвером, то получил в ответ: сам получишь в морду. Придется отступать». Так же работали и везде красные отряды, сорганизованные из сознательных товарищей с выборными командирами и комитетами. Полная несостоятельность их в борьбе против немцев, ослушание, безобразное поведение в городах заставили советскую власть или, вернее, Троцкого признать, что намеченный порядок формирования никуда не годится. Началась проверка записавшихся добровольцев, началось приглашение на командные должности офицеров старой армии и пр.

Наконец, решено было выработать общий план организации новых вооруженных сил на территории России с привлечением для руководства формированиями опытных военных со штабами. Добровольческий принцип формирований еще оставался, но было подробно разработано положение о службе в Красной армии. Старая армия умерла окончательно; оставались различные штабы, ликвидационные комиссии, демобилизационные отделы, которые к этому времени заканчивали демобилизацию или, вернее, кормились остатками и держались вместе по привычке.

В Москву Троцким был вызван целый ряд военных, занимавших в армии ранее ответственные должности (генерал Парский, Бонч-Бруевич, Егорьев, Болховитинов, Пневский и пр.). Очень быстро был намечен план организации, выработаны новые положения, штаты; по положению определены нормы довольствия, жалованья, ограничено право выборности.

Для создания армии вся Россия разделена на военные округа и прифронтовые районы. Во главе округов и районов должны стоять военные руководители — специалисты-военные со штабами; при них по два комиссара с комиссариатами.

В прифронтовых районах военные руководители с комиссарами должны сформировать по дивизии из трех бригад (в каждой бригаде три полка, из коих один запасный). В округах даны задания в зависимости от величины округов. Для проведения работы на местах должны быть организованы управления губернских, уездных, волостных военных руководителей и комиссариатов с большими штатами.

Вместо прежних незначительных управлений воинских начальников формировались громоздкие с большими задачами: пропаганда, вербовка, обучение населения.

В общем, по этому плану вся страна должна превратиться в военный лагерь. Принцип формирования оставлен добровольческий, но зато население должно обучаться военному делу почти поголовно под руководством военных руководителей.

Было обращено внимание и на подготовку командного состава: военные училища переименованы в инструкторские школы для подготовки красных офицеров. Однако Троцкий скоро понял, что эти школы хороших инструкторов в достаточном количестве не дадут и что необходимо привлекать прежних офицеров, обезвреживая их комиссарами и комитетами.

Была создана особая военная инспекция с Подвойским во главе и помощниками из специалистов для проверки подготовки частей и отрядов. План широкий; советская власть как бы серьезно начала интересоваться созданием армии, но к маю месяцу, повторяю, советские силы были и немногочисленны, и в самом плачевном состоянии. По новому плану к июню сорганизовался центр в Москве, частью назначены и частью намечены военные руководители в прифронтовые районы (главковерх Каменев — военный руководитель Невельского района) вместе с комиссарами; во всех районах и некоторых округах начались работы с весьма слабыми результатами.

Причин к этому было много:

1. Местные Советы не особенно слушались указаний центра и относились к работам новой организации большею частью отрицательно, как к контрреволюционной, отнимавшей у них власть над отрядами; были случаи противодействия, отказов в отводе помещений и проч.

2. Новая организация не везде понимала свои задачи; военные руководители и штабы смотрели, что будут делать комиссары, а те не знали, как приняться за дело.

3. Принцип оставался добровольческий; в армию пошли безработные, приток которых оказался большим только в некоторых голодных районах. Эти добровольцы шли из-за куска хлеба и воевать не хотели.

4. Офицерство всячески воздерживалось от поступления на службу; заполнялись только штабы и комиссариаты, да и то очень осторожно, с различными оговорками, которые тогда были еще возможны.

Здесь, для ясности обстановки, нужно коснуться тех настроений, мыслей, отношений, которыми жило весной 1918 года русское офицерство, как продолжавшее «прокармливаться» в различных ликвидационных комиссиях, демобилизационных отделах и пр., так и демобилизовавшееся. Следует отчасти коснуться и настроений вернувшихся домой солдат, обывателей, населения.

Для большинства русского офицерства советская власть считалась лишь временным злом, которое должно скоро исчезнуть. В это верили все; с этой верой часть офицерства пробиралась на Дон и на юг — в Добровольческую армию; шла в подполье для работы против большевиков; значительная часть выжидала, стараясь прокормиться различным трудом, и часть продолжала кормиться остатками различных армейских запасов, растягивая всячески демобилизационную и ликвидационную работу при полном содействии в этом большинства армейских и иных комитетов, которые не совсем-то охотно демобилизовались. Когда произойдет избавление от зла и что будет после, кто станет у власти, — об этом думали мало, но вера в кратковременное царство большевиков была у всех.

Советская власть, на первых шагах своих формирований, держалась принципа добровольчества, офицеров служить насильно не заставляла; наоборот, скорее довольно подозрительно относилась к желающим служить незнакомым военным. В первые добровольческие формирования никто из сколько-нибудь приличных военных не шел.

Когда в Москве под председательством Троцкого при участии видных военных, еще недавно занимавших в армии высокие командные и штабные посты, началась разработка плана создания вооруженной силы, офицерский мир заволновался, обсуждая со всех сторон, как отнестись к этому. Было над чем задуматься и от чего заволноваться; действительно:

1. Старая Русская армия прикончена, и основа ее — командный состав — разбросан, загнан.

2. Пока формировались какие-то «красные отряды» различных наименований различными инспекторами из товарищей и комитетами, можно было смотреть на это иронически, как на несерьезное дело; теперь же начиналась новая работа по созданию Красной армии, по плану, выработанному для всей территории России при участии бывших командиров корпусов, командующих армиями, их начальников штабов и прочих видных специалистов военного дела. План есть,

принцип формирования добровольческий, но если добровольчество не даст достаточного количества? Надо ожидать мобилизации и призыва офицерства.

3. На юге действует Добровольческая армия и борьбу возглавляют Алексеев[4], Корнилов[5], Деникин[6] — лица с большим авторитетом для всех офицеров.

4. Кто же прав: та ли группа, что начала сотрудничать с советской властью, или же другая — борющаяся?

Нужно иметь при этом все время в виду, что хозяйничанье большевиков считалось временным, что Германский фронт, несмотря на Брестский мир, существовал или считался в мыслях офицеров подлежащим восстановлению.

И вот офицерство разделилось. Одни в ненависти своей к большевикам считали всякую работу с ними предательством по отношению к прежней Русской армии и формируемой Добровольческой армии, другие считали возможным принять участие в работе с условием, что новые части создаются только для выполнения задач на внешнем фронте; третьи считали возможным работу без всяких условий, полагая, что нужно создать хорошие части, прекратить хаос, забрать в руки военный аппарат, с тем чтобы использовать его по обстановке; наконец, четвертые просто искали работы. Только небольшая часть шла в Красную армию охотно, и то большею частью в различные комиссариаты.

Никто еще не отдавал себе отчета, что советская власть потребует службы от всех военных без всяких рассуждений и условий, а это случилось скоро.

Насколько советская власть тогда чувствовала себя шатко, не крепко, видно из того, что штаб Поволжского фронта перед приездом в Самару заявил Троцкому письменно, что начнет работать в округе при условии, если не будет привлекаться к работе на внутреннем фронте; по приезде в Самару военный руководитель издал свой первый приказ, скрепленный подписями двух комиссаров при нем, о том, что отряды Красной армии в округе, предназначенные для борьбы на внутреннем фронте, ему не подчиняются и части округа будут формироваться только для борьбы с внешними врагами.

После разработки плана новых формирований, в мае месяце, на съезде в Москве военных комиссаров и военных руководителей прифронтовых районов, когда выяснились причины жалкого состояния новой армии и намечались пути для переформирования ее, один из военных руководителей, старый опытный командир корпуса в Германскую войну, просил точно указать задачи своих формирований, заяв-

ляя, что он не может работать, если не будет точно знать, для чего части формируются.

И вот здесь, впервые кажется, было заявлено Троцким во всеуслышание, что советская власть заставит всех исполнять те задачи, которые она считает нужным поставить, без всяких оговорок и исключений. То же самое в Самаре заявил и Подвойский, сделав выговор окружному комиссару, защищавшему заявление начальника штаба округа о том, что офицеры штаба вправе отказываться от работы на разных внутренних фронтах.

Когда началась работа в округах и районах по выполнению заданий Москвы, то управления военных руководителей, хоть и не всех, начали заполняться желающими; но формирование частей почти не двигалось за незначительностью притока добровольцев. В общем, чувствовалось, что без принуждения прежних офицеров к службе и без мобилизации населения задания по формированиям не могут быть выполнены. На первое советская власть скоро решилась, начав регистрации, а на второе еще не решилась — толчок был дан первыми успехами чехов и белых на Волге.

Таким образом, перед выступлением чехов для офицеров всех родов войск, и в особенности для так называемых специалистов, стояли для разрешения вопросы:

1. Гражданская война разгорается.

2. Власть заставит вас делать всякую работу, пошлет на какой угодно фронт.

3. Пока вы не призваны, но это может быть в любую минуту; остаться посторонним зрителем происходящего не удастся.

4. Раз вас призовут, можете ли вы быть активным работником на пользу советской власти, можете ли поддерживать идеологию Гражданской войны? Если не можете, то что делать? Обстановка припирала к стене; нужно было решаться. Симпатии были, конечно, определенными, но как уйти и куда уйти от воздействия советской власти? Где тот центр, который может сплотить всех и выдержать удары большевиков? Одна Добровольческая армия, но сведения о ней были скудными.

Весной 1918 года, когда пришла весть о смерти Корнилова, многие считали движение на юге окончательно задушенным. Считали, что эта борющаяся группа обречена. Правильной же, серьезной ориентировки у нас не было.

Появились слухи о выступлении чехов, но из-за большевистской шумихи большинство не понимало характера его. Однако это выступление на Волге помогло многим принять решение.

С подходом чехов к Самаре там готовилась к активному выступлению вместе с чехами небольшая офицерская организация; группа эта была очень немногочисленна и слаба во всех смыслах. Остальное офицерство выжидало. Настроение населения в городах вообще, а в Самаре в частности, к приходу чехов складывалось не в пользу большевиков; всякими безобразиями, бесчинством, поборами они насолили всем, не говоря уже о зажиточных классах.

Но все же ожидать большого наплыва добровольцев для борьбы с большевиками было нельзя, так как часть жителей выжидала, а рабочая среда оставалась как бы нейтральной. Сельское население, особенно состоятельная часть, ждало прихода чехов в надежде получить помощь против деревенской голытьбы, игравшей в это время большую роль в деревне, но само выступало осторожно: оно могло дать людей при уверенности в успехе борьбы. Впоследствии, когда выступление было сделано, часто можно было слышать от депутаций: «Добровольцами идти страшно, пусть лучше мобилизация, тогда все пойдут». Но и здесь вера в прочность нового порядка была основой: пока все шло хорошо на фронте, замечалось сочувствие и было содействие. Начинались неуспехи — начиналось уклонение.

Вернувшиеся из армии солдаты жили еще настроениями разложившегося, взбаламученного фронта; только отдельные лица, испытавшие на своих хозяйствах бесчинства хулиганствующих, начинали иногда противиться и даже бороться. Значительной части сельского населения советская власть принесла как будто еще только выгоды, не требуя ничего: вернулись домой солдаты, отняли землю у помещиков, разграбили инвентарь, нет ни податей, ни насильственного набора и проч. Такова была в общих чертах обстановка в советской России, а на Волге в частности, перед созданием Поволжского фронта против большевиков с приходом чехов из-под Пензы.

Истинный характер выступления чехов был неясен не только для многих русских, но для некоторых и чешских групп: кто видел только желание пробиться на восток, кто видел борьбу против советской власти для создания фронта против немцев. В Самаре перед приходом чехов кто-то из членов инспекции Подвойского предупреждал, что это не просто продвижение на восток и что возможно выступление местных организаций вместе с чехами с целью переворота. Большинство не верило в переворот, тем более что совершенно не представляло, кто же из русских может взять в руки власть. Никаких политических групп не было видно, ни одна группа не могла рассчитывать на поддержку населением — все еще было не готово. Могли выступить только мелкие активные группы без серьезной поддержки широких слоев населения.

В Самаре (8 июня — 6 октября 1918 года)

После боев на участке Сызрань—Самара, совершенно расстроивших красные отряды, 8 июня 1918 года на рассвете чехи, не встретив серьезного сопротивления, вступили в Самару и быстро очистили ее от красноармейцев и комиссаров. Вошли они в город без сложных маневров, а прямо по железнодорожному мосту через Самарку, воспользовавшись сумятицей в рядах распущенной, недисциплинированной охраны моста. Сумятицу же внесло нападение с тыла небольшой самарской организации. Артиллерия, которую красные командиры держали для обстрела доступов на мост, бездействовала. Красные отряды бежали в разные стороны. Комиссары на пароходах ушли вверх по Волге.

К полудню стало известно, что власть в городе взяла в руки группа членов Учредительного собрания 1918 года, находившаяся налицо в Самаре, все эсеры (Брушвит, Вольский, Климушкин, Фортунатов[7], Боголюбов[8] и др.) как Комитет Учредительного собрания.

В городе к полудню уже тихо, были случаи выдачи прятавшихся комиссаров, настроение в общем праздничное. Немедленно сняли доски с заколоченного памятника Александру II.

Вечером собрание офицеров в гарнизонном собрании. Его организовали и на нем прежде всего выступили с речами участники, бывшие в военной организации; обвиняли офицеров, начавших работу в штабе округа вместе с большевиками, и вообще всех выжидающих. Были выступления с разбором положения, пессимистическими взглядами на обстановку и на условия работы новой власти, но успеха не имели. Требовалась работа, не обращая внимания, кто взял власть. Эсеровская группа была ничтожной.

Выяснилось, что военная организация не имеет вовсе ничего подготовленного для дальнейшей работы. Нет непосредственного аппарата, и создать его не из чего; нет во главе авторитетного военного лица — самый авторитетный подполковник Галкин; нет плана работы хотя бы на первые часы или дни (основы формирований, службы и пр.), самое сумбурное представление об организации военного командования. Выпущено за подписью штаба Народной армии объявление, что желающие записаться добровольцами должны являться в бывший штаб Поволжского фронта.

Не ясны истинные намерения чехов — только ли пройдут через Самару или задержатся. Если задержатся — то насколько. Во главе чехов, молодой поручик Чечек[9] заявляет, что временно будет держать в районе Самары некоторую часть своих сил, а с остальными будет двигаться на восток.

8 июня было праздником, когда новая власть и самарцы, довольные изгнанием большевиков, мало задумывались над обстановкой, не сулившей успеха. С 9 июня начались будни, начались дни, когда требовалась громадная работа, чтобы хоть сколько-нибудь сносно справиться с трудными задачами. Для каждого совершенно ясно было, что главнейшая задача для новой власти — это срочная организация надежной опоры в борьбе с советской властью, которой объявлялась война. И каждый задавал себе вопросы: долго ли останутся чехи, дадут ли время собраться с силами? можно ли рассчитывать на успех борьбы без чехов?

Мелкие факты из самарского периода напряженной работы по борьбе с большевиками изглажены в памяти, но главные, основные забыть трудно. В 1919 году под Красноярском пропали ценные документы, рисующие день за днем историю этой борьбы, главным образом телеграфные распоряжения и разговоры с Сызранью, Хвалынском, Вольском, Симбирском, Казанью, Чистополем и Уфой, Оренбургом; часть из них, вероятно, вывезена чехами.

Отлично помнятся все бесконечные разговоры, надежды, опасения в первые дни. Ответ на первый вопрос был неопределенный, а потому главным вопросом был второй. Все отвечали: без чехов ничего не выйдет. И это, как уже упоминалось выше, независимо от того, кто становится у власти. Последняя могла дать, конечно, известный плюс или минус, но вообще обстановка для создания фронта была неблагоприятной:

1. Выступившая военная организация — всего 150—200 человек; при первых формированиях пойдет для замещения командных должностей и пр., распылится.

2. Чисто эсеровские силы (дружины) ничтожны, — для внутренней охраны.

3. Город дает добровольцев, но не так много. Действительно, сразу же очень быстро сформировались две роты, эскадрон и конная батарея. Состав — большей частью бывшие офицеры и воспитанники высших и средних учебных заведений из местной буржуазии. Рабочие и вообще горожане дали ничтожное количество добровольцев, главным образом из безработных.

4. Сельское население было, во-первых, еще не в состоянии дать что-либо, так как деревни были не очищены от большевиков, даже самые ближайшие. Да и в дальнейшем нечего было особенно рассчитывать на добровольцев из деревни, как уже говорилось раньше.

5. Значительная часть офицерства все еще выжидала, надеясь, что удастся избежать участия в Гражданской войне.

6. Городская интеллигенция, особенно эсдековского оттенка, присматривалась к обстановке и не хотела влиять на рабочих в сторону активной работы против большевиков.

В общем, надежды на создание своей силы были слабые. Новая власть могла помочь делу только немедленным же привлечением симпатии добровольцев, отнюдь не одних эсеров. Эти добровольцы, рискуя своей жизнью, при неблагоприятной обстановке все же решили вступить в открытую борьбу, несмотря на то что не питали к новой власти никакого доверия. С первых же шагов новой власти стало ясно, что в вопросе создания военной силы она стоит на ложном пути. Боится контрреволюции, раздражает добровольцев и офицеров из буржуазных семей открытыми выпадами против буржуазии, в организации военного командования придерживается форм, принятых в советской России. Члены комитета как будто не задумывались над такими противоречиями: власть эсеровская, партийная, непримиримая даже с кадетами, а воинская сила в большинстве из правых элементов, враждебных эсерам. Надо было как-то сглаживать противоречия.

Совершенно не чувствовалось сознания, что нужно энергично создать силу, привлечь возможно широкие круги к борьбе, пожертвовать интересами партии для одной цели — успеха на фронте. Первоначальные успехи, против сбежавших в панике красных, поднимали дух, открывали перспективы, кружили головы, но не заставляли взяться за дело всеми силами; в первое время в тревожные дни члены комитета иногда просиживали часы ночью в ожидании известий с фронта, а потом, после успехов или при успокоительных вестях, только требовали сводок о положении на фронте. Положение на фронте! А что в тылу, что делается, что мешает, как устранить помехи — как будто это должно делаться само собой!

При этих условиях работа по созданию вооруженной силы пошла изолированно, само собой, без всякого видимого участия комитета. Работа напряженная, но направленная в одну сторону — использовать наличные силы для успеха на фронте и создать хоть какие-нибудь пополнения и резервы. Другая сторона — привлечение добровольцев из сельских местностей, пропаганда среди призываемых — была не по силам военным организациям.

Первые же дни очень быстро создались ячейки первых самарских частей, которые долго потом прочно держались во всех перипетиях борьбы с советской властью от Волги до Тихого океана. И в первые же дни стали перед глазами боевые задачи, потребовавшие громадного напряжения от молодых, еще зачаточных частей.

9-го числа начал работать штаб Народной армии в стенах бывшего штаба Поволжского округа. Начальником штаба — глава местной военной организации подполковник Галкин[10]. Работниками штаба стала небольшая группа молодых офицеров Генштаба, среди которых был и В.О. Каппель[11], в первые же дни выступивший временно из штаба на фронт, но затем так и продолжавший работу на фронте.

На мою долю выпала работа начальника оперативного отдела (генерал-квартирмейстера). Перед тем как начать работу, мы пробовали привлечь к работе начальника штаба Поволжского округа генерала П.; пришли к нему всей группой и заявили: «Знаем, что шансы на успех слабы, но начинаем борьбу открыто. Хотели бы, чтобы вы были с нами». Определенного ответа не получили, а на другой день узнали, что генерал П. выехал в сторону Саратова.

Чисто военная обстановка к этому времени была такова:

1. Чехи, заняв Самару, оставили в ней и западнее всего около батальона и направились на Кинель, чтобы оттуда двигаться на Уфу, обеспечивая себя со стороны Бузулука.

2. Красные отряды были в районе моста через Волгу у Батраков и несколько восточнее; бежавшие из Самары красноармейские отряды собрались частью близ Ставрополя, частью к югу от Самары близ Николаевска. Бузулук занимался советскими войсками, которые базировались на Оренбург. После первых дней растерянности эти отряды начали шевелиться, тем более что в самой Самаре осталось много большевистских деятелей. Прямо против Самары, в деревнях на другом берегу Волги, нашла себе пристанище часть большевиков, бежавших из Самары. Из Ставрополя, где у большевиков были пароходы, можно было угрожать Самаре нападением.

3. Уральские казаки сравнительно успешно, без посторонней помощи боролись с большевиками на Саратовском направлении; фронт их был примерно на линии Ершов—Новоузенск. Частью сил уральцы угрожали Бузулуку, что впоследствии и было использовано при наступлении чехов на Бузулук.

Таким образом, Самара, в которой создавались правительственные учреждения, была в кольце разбежавшихся из нее красных отрядов. Тыла не было; в случае ухода чехов и успеха большевиков единственный путь отхода был на Уральск.

Нужно было немедленно же:

1. Обеспечить Самару от внезапных нападений, очистить ближайшие к ней пункты.

2. Иметь силы для активных действий, чтобы расширить район, занимаемый поднявшими восстание.

3. Иметь резервы на всякие случайности и для пополнения рядов.

Как уже упоминалось выше, Самара в первые же дни дала две роты, эскадрон и конную батарею из добровольцев; позже эти формирования увеличились, но незначительно. И вот эти-то силы и должны были выполнить в первые дни все задачи вместе с чехами, которых в Самаре оставалось всего около батальона. Усиление чехов в Самаре произошло только в первых числах июля, когда они продвинулись через Уфу и смогли вернуть часть сил, когда вообще было решено оставить чехов в России.

Июнь месяц и первая половина июля в Самаре для первых частей Народной армии — это ряд выдающихся действий маленьких отрядов под начальством полковника В.О. Каппеля, совместно с речным флотом, против большевистских отрядов, иногда довольно крупных: очищение левого берега Волги от Ставрополя до Самары, занятие Ставрополя, действия на правом берегу Волги близ Новодевичьего, действия у Ставрополя против сильной группы красных, угрожавших Самаре со стороны Мелекеса, два боя за Сызрань, из них последний 10 июля при участии чехов, занятие Хвалынска. Одни и те же маленькие силы при содействии нескольких вооруженных пароходов перебрасывались из одного пункта в другой и в большинстве, широко маневрируя, били красных и гнали их до полного рассеяния.

Полууспехов, неуспехов не было. Красные отряды совершенно не выдерживали ударов этих небольших сил. Но зато бывали моменты, когда в Самаре трудно было найти взвод пехоты для выполнения мелких задач.

Но советская власть уже забила тревогу. На Волгу перебрасывали отовсюду отряды, командировались ответственные работники.

В Самаре же в это время, кроме чисто боевой работы наличных сил, решался вопрос вообще об устройстве вооруженной силы, ибо ясно стало, что наличными силами из добровольцев в дальнейшем не справиться со всеми задачами. Надо было прибегать к мобилизации.

Район влияния Самары расширился: сначала был занят чехами Бузулук, затем занята Уфа. Атаман Дутов[12] занял Оренбург, и большевистские силы этого района отошли частью по дороге в Туркестан, частью на север. За Уралом, после выступления чехов в Челябинске, создался фронт на Екатеринбургском направлении. Уральские казаки продолжали свою борьбу на Саратовском направлении, прислав в Самару две сотни казаков.

В вопросе устройства вооруженной силы авторитет тех лиц, которые стали во главе военного управления, имеет, конечно, первостепенную важность; в первые дни устройства вооруженной силы это

возглавление, на наш взгляд, было каким-то совершенно непонятным, но казалось временным; к сожалению, никчемная, непривычная организация продержалась до конца.

Во главе военных сил был поставлен «штаб Народной армии» из трех членов, подчиненных Комитету членов Учредительного собрания. Члены штаба были Галкин, Фортунатов, Боголюбов, последний заменен был В.И. Лебедевым[13]. Это была замаскированная советская система: военный руководитель — Галкин и два комиссара.

Почему сразу не был назначен один ответственный командующий силами, сказать трудно. Вероятнее всего, что боялись засилья военного командования. Когда мы узнавали у полковника Галкина, кто же является распорядителем вооруженных сил и ответственным за создание их, он отвечал: «Штаб из трех лиц», из коих он — начальник штаба, а остальные двое члены. Распоряжался же большей частью единолично он, но и остальные члены могли появляться и в штабы, и в войска и требовать исполнения их указаний. Из разговоров можно было уяснить какие-то сумбурные планы насчет дальнейшего: «Когда Народная армия разовьется, тогда будет назначен командующий армией».

Можно с уверенностью сказать, что этот «штаб из трех лиц» не сумел бы даже начать работу, если бы группа молодых офицеров Генерального штаба не явилась к полковнику Галкину 9 июня и не предложила свои услуги, ибо сам он не был подготовлен к работе и не имел в своем распоряжении подготовленного состава. Единственный опытный, старый военный, генерал Т., не подходил для спешной, нервной, требующей исключительной энергии работы.

Этот «штаб из трех лиц» довольно долго стоял во главе дела. Распоряжался всем полковник Галкин; Боголюбов и заменивший его В.И. Лебедев работали больше по политической части; последний участвовал и в операциях под Сызранью и Казанью и выступал довольно часто на митингах. Третий член, Фортунатов, почти не вмешивался в работу по устройству армии и большей частью участвовал в операциях как рядовой боец с винтовкой в руках. В самарский период борьбы он был дважды ранен.

Главнейшее значение приобретала работа начальника штаба, полковника Галкина. Он отдавал работе, особенно на первых порах, всего себя, но по неопытности из тысячи повседневных забот не мог отбросить лишнее и заняться главным. Многочисленные просители, прожектеры, политика отнимали массу времени, выматывали энергию, не давали заняться практическим разрешением целого ряда вопросов, связанных с формированиями. Он не сумел освободить себя для дела.

Подчиненный начальнику штаба оперативный отдел и отдел формирований делали свое ежедневное дело как считали нужным, но, конечно, не могли дать той работы, какую может дать авторитетный командующий войсками. Оперативный отдел еще пользовался вниманием начальника штаба, ибо там ежедневно днем и ночью била ключом жизнь, требующая иногда исключительных распоряжений. А отдел формирований был предоставлен самому себе. Иногда этот отдел настойчиво добивался внимания к своей работе, ставил на разрешение важнейшие принципиальные вопросы, но для него... было мало времени. Получались резолюции или делались представления в комитет, а между тем жизнь требовала иногда сейчас же перевернуть все вверх дном, но добиться необходимых результатов.

Для примера приведу несколько случаев:

1. В Самаре формируются пехотный полк и артиллерийские батареи. Две роты полка при сформировании выброшены на фронт, а остальные еще в периоде формирования в зависимости от поступления добровольцев, наличия снаряжения, вооружения и проч. Мы настояли, чтобы почти ежедневно все назначенные начальники частей в известный час собирались в штаб со своими нуждами. К этому времени собирались и те члены штаба, от которых зависело снабжение. Командир батальона или полка заявляет, что людей у него прибыло до батальона, но он не имеет винтовок, лошадей, денег. Выясняется, что заведующий оружием выдал винтовки кому-то по своему усмотрению, что интендант не в курсе формирований и нужд. На первых порах путем таких собраний достигалось многое, а затем члены штаба не могли уделять им времени.

2. Уже позже, когда при наших успехах захватывалось имущество, необходимое для новых формирований, ни разу не было сделано энергичного шага для того, чтобы немедленно же взять его в свои руки для использования в общих интересах, а не в интересах захвативших, иногда вовсе не нуждающихся. В результате часто возвещалось о захвате значительного имущества, а для формируемых частей нельзя ничего было вытянуть. Требований штаба для урегулирования таких вопросов было недостаточно; нужна была настойчивость со стороны начальника. А он в потоке ежедневных дел не мог уделить этому своего внимания.

3. На первых же порах возник вопрос об основаниях для службы добровольцев, так как нельзя же было ограничиваться объявлением, что добровольцы записываются там-то. Нужно было принципиальное решение целого ряда вопросов: кто принимается, содержание, служ-

ба, внутренний порядок, права начальников по наложению дисциплинарных взысканий и проч. С большим трудом удалось добиться основных положений, составленных в ультрадемократическом духе 1917 года, во избежание длинных разговоров в комитете. Правда, это не имело большого влияния на действующие части Народной армии, так как они были сильны желанием бить большевиков, были сплочены и в большинстве жили не по этим правилам, а по традициям и положениям прежней Русской армии.

С объявлением же мобилизации нужно было решение вообще о дальнейшем направлении службы, о переходе к другим порядкам, в большинстве к прежним уставам. Правда, это мало помогло, так как дело было не в уставах, а в тех настроениях, с которыми пришли на службу мобилизованные офицеры, солдаты и добровольцы. Предположения, что добровольцев будет недостаточно для выполнения всех задач, скоро оправдались. Отдел формирований и оперативный начали усиленно добиваться решения вопроса о мобилизации, так как время не ждало, нужно было торопиться с созданием частей и пополнений и вообще с решением вопроса, какие требования надо предъявлять жителям каждого освобождаемого от большевиков района для собственной обороны. Комитет Учредительного собрания неохотно шел на объявление мобилизации, ибо знал, что в населении она не вызовет сочувствия.

Советская власть приблизительно в это же время уже отказалась от добровольческой системы комплектования. Выступление на Волге дало окончательный толчок к переустройству Советской армии не на утопических основаниях, а на обычных началах; правильно организованную, с твердой внутренней дисциплиной. Правда, работа эта не так скоро наладилась, но все же все внимание советской власти, как центральной, так и местной, было обращено на создание вооруженной силы. Троцкий чутко прислушивался ко всему трезвому и гнал дело со всей своей энергией. Июнь—июль месяцы 1918 года надо считать временем перелома в истории строительства Красной армии. Появился план формирования Красной армии на началах всеобщей воинской повинности. Начиная с июля объявляется одна мобилизация за другой, которая охватывает не только все слои населения, но требует под страхом наказания явки в ряды армии всех бывших генералов, офицеров, и, главным образом, специалистов и офицеров Генерального штаба. Население отнеслось к мобилизации отрицательно, появились зеленые, но все же советская власть смогла выставить на гражданские фронты большое число бойцов. Успехи Белого движения на Волге заставили советскую власть бросить формирования в при-

фронтовом районе и направить все скелеты «дивизий» из этих районов на Поволжский фронт.

Как ни нежелателен был принудительный призыв для самарской власти, но обстановка вынуждала к объявлению его, и он был решен. Сначала были призваны на службу офицеры и врачи, а затем два срока службы, молодые, не бывшие на Германском фронте. Вопрос о том, кого призвать в ряды Народной армии, был весьма важный и вызвал много мнений:

1. Лучше всего призвать фронтовиков, старых солдат, обученных. Но это элемент, только что вернувшийся с войны тем порядком, которым происходила демобилизация, то есть без всякого порядка, со скандалами, на крышах вагонов. Это элемент, который хорошо воспринял положение о демократизации армии и еще не успел излечиться от всех «завоеваний». Только единичные старые солдаты были определенными сторонниками прекращения безобразий, но и то неохотно расставались с домом.

2. Призыв людей, бывших в запасных батальонах, прошедших подготовку в них, был тоже невыгоден, так как подготовка была слабой, а запасные части наши являлись главным очагом всех безобразий.

3. Призыв самых молодых сроков давал совершенно неподготовленных, но зато менее испорченных.

После долгих обсуждений остановились на призыве самых молодых сроков. До известной степени повлияло на это заявление уральских представителей в Самаре о том, что у них лучшие части из молодых казаков. Можно было прибегнуть к другому способу призыва — прежнему рекрутскому: каждый населенный пункт или городской район дает такое-то количество солдат за своей ответственностью. Но для этого, конечно, требовалась громадная работа на местах.

Одновременно с вопросом о призыве возник вопрос вообще о плане формирований. Успехи Народной армии развивались, надежды на благополучный исход борьбы росли; нужно было решить, что должно формировать, и дать соответствующие задания на места.

Еще раньше, до решения этого вопроса, штаб разослал инструкции, как поступать при очищении того или другого пункта или района от большевиков. В этих инструкциях указывалось, что в каждом городе, вслед за изгнанием большевиков, формируется батальон пехоты, эскадрон конницы, а также местные дружины самоохраны из добровольцев. План формирований мог быть широкий, мог быть скромный, независимо от числа людей, которых даст мобилизация. Могло быть решено формирование известного числа бригад, диви-

зий; могло быть решено формирование запасных частей для пополнения действующих на фронте отрядов, где-нибудь в тылу.

По той обстановке, которая к этому времени сложилась в Поволжье, самым правильным было бы ограничиться призывом людей в действующие уже на фронте части и в запасные для пополнения каждого отряда.

Принятие широкого плана прежде всего связано с состоянием финансов и наличных запасов снаряжения, вооружения и проч. Неизвестно, принималось ли это во внимание, обсуждалось ли даже, но решено было формировать независимо от действующих отрядов дивизии: 1-ю в Самаре с уездом, 2-ю в Сызрани и Хвалынске, 3-ю в Симбирске и в Ставрополе, 4-ю в Уфе, 5-ю в Оренбурге и т. д.

Дивизии формировались и на фронте, и в тылу призывом по мобилизации людей из своих районов. Запасные части для действующих отрядов не формировались, так как предполагалось по мере формирования частей в тылу высылать их на фронт.

Во всех этих решениях безусловно сказалось отсутствие во главе военного дела опытного, проницательного, энергичного руководителя. Ни начальник штаба, ни члены его не задумывались особенно над этим, да и не были совершенно подготовлены к такой работе. Ни работавшие на фронте полковники Каппель и Махин[14], ни чины штаба — большею частью молодежь — также не были достаточно опытны в разрешении этих вопросов, да кроме того, слишком далеко стояли от власти.

Члены штаба и не искали опытных руководителей; в дни успехов они чувствовали себя вполне подготовленными к руководству военным делом и держались «вершителями», как будто успехи создали они. Отделы штаба оперативный и формирования и письменно и словесно указывали на многие вопиющие несообразности в ходе работы, но все же это как-то растворялось в ежедневной суете. Так решены были в общем вопросы новых формирований.

Если бы обстановка дала больше времени, может быть, этот план и был бы выполнен. События же развивались быстро, времени было мало, и дальнейшее показало, что лучше было бы призвать немного и готовить просто пополнения для действующих отрядов, где-нибудь далеко в тылу. Кроме того, что времени для спокойной работы по формированию было недостаточно, были и другие неблагоприятные условия для создания частей:

1. Мобилизованные явились исправно, превысив в некоторых пунктах (Бугульма) ожидания, но с настроениями 1917 года.

2. Мобилизованное офицерство работало неохотно, иногда протестуя против Гражданской войны. Неуверенное в успехе, оно час-

то держалось как-то выжидательно. Нужны были исключительные по энергии и умению создавать части командиры частей; таких было мало.

3. Материальные ресурсы были ничтожны, и людей в некоторых частях не с чем было обучать.

4. Во всех районах продолжалась работа большевиков, иногда весьма активная, требовавшая сил для сохранения порядка.

5. Территориальная система формирований приводила к тому, что мобилизованные не отходили от интересов деревни и при первых же признаках слабости власти старались вернуться домой.

6. Население только местами (Хвалынск и Николаевский уезд) было определенно против большевиков и давало соответственное настроение людей.

Обстановка на фронте не давала спокойно заниматься формированием частей, как это было хотя бы в районе Челябинска; в Симбирске, Самаре, Сызрани, Хвалынске нужно было и драться, и готовить части. Обстановка требовала немедленного привлечения на фронт новых сил, ибо освобождаемые от большевиков села и города не смогли дать достаточных пополнений для собственного обеспечения, а советские силы росли и количественно и качественно.

К половине июля положение на фронте в общих чертах было таково:

1. Занятый было большевиками в первых числах июля на несколько дней город Сызрань был взят полковником Каппелем с частями Народной армии и прибывшим обратно в Самару 4-м чешским полком. Большевики широким маневром были настолько потрепаны, что паника распространилась от Пензы до Хвалынска. Последний скоро был очищен от большевиков, и там организовался отряд, стойко и искусно оборонявший район без чехов, почти весь период борьбы, под руководством полковника Махина.

2. В Самару, после прочистки дороги на Уфу и взятия Уфы, прибыл назначенный начальником чешской дивизии полковник Чечек с частью сил, действовавших в районе Уфы. Часть сил этой дивизии от Чишмы была направлена на Симбирск и продвигалась по железной дороге довольно успешно. Положение Самары упрочивалось — и прибытием новых сил чехов с определенными намерениями, и возможностями расширения района борьбы.

3. Берега Волги были очищены от большевиков к северу от Самары почти до Сенгилея, где располагался сильный советский отряд Гая, выдвинувший охранение к югу по берегу Волги и на дорогу Симбирск—Сызрань. Мелекесский отряд красных, потрепанный в

первых числах июля у Ставрополя, оборонял Симбирск от чехов, выдвинувшихся к Бугульме.

4. Появилась новая группа противника, действовавшая от Николаевска в направлении Иващенковского завода и Самары; группа эта была слаба, но подвижна. Получены были сведения, что в Николаевске формируются два полка пехоты и конница. Значение эта группа приобретала потому, что могла действовать как против Самары непосредственно, так и на сообщения наши с Сызранью. Надо было немедленно же уничтожить эту группу, но для этого нужна была конница, которой не хватало; пришлось ограничиться выставлением заслона южнее Иващенкова у Марьина из чехов и оренбургских казаков, полк которых прислал в Самару атаман Дутов по освобождении Оренбурга.

5. Уральские казаки продолжали прежнюю борьбу с незначительными переменами и ожидали наших действий на юг, чтобы прогнать красных до Саратова.

6. Уфа формировала части и одновременно очищала свой район от красных. Между Уфой и Оренбургом оставались еще части красных, действовавших ранее в Оренбургской губернии; красные отряды, кроме того, были на Белой и Каме.

7. Командование частями на фронте скоро было объединено в руках полковника Чечека, как командующего Поволжским фронтом. Попытка расширить его работу в смысле заботы о снабжении и подготовке пополнений встретила противодействие со стороны полковника Галкина и В.И. Лебедева.

Между тем это было бы чрезвычайно полезно, так как, несомненно, полковник Чечек искренно желал русскому делу успеха и мог с присущей ему энергией способствовать, чтобы к нам попала часть имущества, отнятая у большевиков. Впрочем, он это делал позже и сам, считаясь с обстановкой на фронте и желая всячески помочь нашим частям.

В общем, середина июля была весьма благоприятной для самарской власти, и она старалась расширить свое влияние на восток. К половине июля относятся первые попытки сговориться с Сибирским правительством об объединении власти или объединении военного командования. Как известно, эти попытки ни к чему не привели, так как Сибирское правительство и Самарское по своей природе были совершенно разные. Подробности этих переговоров для широкой публики были неизвестны, но, судя по тону самарских газет с выпадами против «буржуазного» правительства, было ясно, что сговориться трудно. Комуч задрался с Сибирским правительством. Здесь нуж-

но отметить, что Сибирское правительство если не в Самаре, то в Уфе пользовалось большой популярностью и тяготение Уфы и Челябинска к Сибири было явное.

В Самару в это время прибывали все новые и новые члены Учредительного собрания 1918 года. Прибыл и В.М. Чернов[15] — «Хозяин Земли Русской», как кто-то величал его на одном банкете и даже в театре. Хотя он как будто и не принимал участия в работе власти, но прибытие его произвело скверное впечатление на войска Народной армии. Скверное впечатление усугублялось тем, что официоз комитета поносил не только Сибирское правительство, но вообще буржуазию, по-видимому почувствовав поддержку с возвращением чехов. Затем, если существуют у офицеров разные мнения о Керенском, то к Чернову они относятся единодушно — с ненавистью и гадливостью. Ленина и Троцкого ненавидят, пожалуй, меньше. Таково было положение перед занятием Симбирска. К походу на Симбирск полковник Каппель начал готовиться сразу же по занятии Сызрани.

К 15 июля отряд для этого был совершенно готов: два батальона пехоты, два эскадрона, батарея легкая, батарея гаубичная и конная. По тем временам это был грозный отряд, особенно в руках полковника Каппеля, уже популярного в частях. Сызрань решено было оставить на чехов и формируемые части 2-й дивизии. Время выступления зависело от успеха продвижения чехов от Бугульмы к Симбирску. Желательно было или подойти к Симбирску одновременно с чехами, но с разных сторон, или несколько предупредить удар чехов.

Когда успех продвижения чехов от Бугульмы к Симбирску определился, приказано было начать движение 17 июля. Для привлечения внимания отряда Гая (около 2000 человек с сильной артиллерией) было приказано гарнизону Ставрополя двигаться вверх по Волге при содействии речной флотилии[16], представлявшей тогда уже внушительную силу, так как красные ничего еще не могли противопоставить ей, кроме береговой обороны.

Полковник Каппель с отрядом выступил 17-го; прошел в 4 дня около 140 верст и, не обращая внимания на угрозу со стороны Сенгилея своему левому флангу и тылу, рано утром 21 июля сбил оборонявших город красноармейцев и вступил в город в то время, когда чехи подошли к левому берегу Волги. Красные были ошеломлены внезапностью и смелостью удара. Маневр был блестящим. Отряд Гая едва выбрался на запад, так как по занятии Симбирска было немедленно организовано преследование его.

Появление чехов на Волге с востока, успехи самостоятельных действий белых, взятие Симбирска в особенности, произвели громадное

впечатление в Самаре и в советской России. Перехваченные радио говорили, что Троцкий объявил революцию в опасности, что все силы должны были сосредоточиться на Поволжском фронте; для этого снималось с Германского фронта все — до последней заставы. Нужно было ожидать усиления советских сил, но паника наличных была столь велика, что можно было рассчитывать на дальнейшие успехи при быстрых ударах наших слабых количественно, но сильных духом и умением частей. Нужна лишь быстрота и решительность; в успехах не сомневались. Боялись одного: не пришлось бы где обороняться, ибо стратегически оборона на Поволжском фронте равнялась смерти.

Разбитые под Симбирском красные отряды бежали частью на север, частью на запад, собираясь у ст. Инза, куда отступил из-под Сенгилея и сильный отряд Гая, проспавший подход Каппеля к Симбирску. Этот отряд Гая скоро положил основание формированию советской дивизии с громким названием «железной» (за бои по обратному овладению Симбирском). Комиссары бежали в Казань, распространяя панику. Там был Вацетис, назначенный командующим войсками против восставших на Волге. У него были латышские части.

Симбирск не дал ожидаемого от него во всех отношениях усиления Народной армии. Добровольцев из офицеров, интеллигенции и буржуазии оказалось меньше, чем в Самаре; своего второго Каппеля в Симбирске не оказалось, и работа по созданию силы для самостоятельного обеспечения освобожденного района и по боевой деятельности оказалась в руках весьма посредственных руководителей из Самары; призыв населения при условии близости красных отрядов не мог дать хороших результатов, ибо и времени для обучения было мало, и обстановка была нервная; из материальных запасов оказались значительными только интендантские; захвачено много винтовок, но среди них большая часть берданок; получен патронный завод, но надо было заставить рабочих не уклоняться от работы.

Тыловой район — Мелекес, Бугульма — был все время под ударами красных шаек с севера, со стороны Мензелинска, Елабуги, где были значительные силы красных, с которыми позже задрались ижевцы и воткинцы. Отсюда Симбирск требовал все время подкреплений в своем районе и части чехов и части Народной армии из самарских формирований.

При ударе на Симбирск, для обеспечения его с запада, полковником Каппелем был выслан отряд для разрушения железной дороги в районе ст. Охотничья-Майна, что он и сделал. Однако попытки в ближайшие дни после занятия Симбирска прочистить железную дорогу возможно глубже не удались. Впрочем, эти попытки были произведе-

ны без особой энергии. После занятия Симбирска нужно было обеспечить его с запада и с севера, со стороны Казани, где красными были собраны значительные плавучие средства и куда могли прибыть подкрепления. Необходимо было держать в своих руках по крайней мере устье Камы, для чего нужно было занять Богородское и организовать там береговую оборону. В этом направлении и были даны указания симбирскому командованию Самарой.

Но Казань, по совершенно достоверным сведениям, была в панике; почти ежедневно приходили оттуда сведения о полной растерянности среди большевиков и в войсках; Казань — средоточие больших военных запасов и хранилище золотого запаса; взятие Казани ставило в опасное положение большевиков по Каме и против Ижевского завода. Казань, по заявлениям прибывающих, имеет значительные военные организации и может удержаться собственными силами; прибывшие через Симбирск в Самару какие-то французы утверждали о скором появлении союзных войск с севера к Котласу. И совершенно естественно, что в Симбирске победители загорелись желанием не только обеспечить себя заслоном близ устья Камы, но ударить по Казани. В успехе удара не сомневались и начали усиливать речную флотилию, которая к этому времени уже имела несколько вооруженных пароходов, успешно работавших на Волге от Симбирска до Хвалынска. В несколько дней устроили две баржи с тяжелыми орудиями и приготовили плавучие средства для переправки войск.

Силы в Симбирске для похода на Казань были небольшие, но зато с отличным духом и верившие в успех. При самом большом напряжении можно было выделить для Казани около двух батальонов Каппеля и двух батальонов чехов с сильной артиллерией. В Самаре и полковник Чечек, и полковник Галкин, и штаб имели ясное представление об обстановке в Казани, о возможности использовать для удара паническое настроение, но не верили в то, что Казань сумеет после занятия обеспечить себя и удержаться собственными силами; считали, что удар в чувствительное место заставит советскую власть напрячь все усилия для обратного овладения и что потому туда потребуются большие подкрепления, которых не было в запасе.

Обстановка же в районе Самары требовала большого внимания к Николаевской группе противника, которая все усиливалась и все время нажимала от Николаевска на Иващенковский завод. В конце июля наш заслон против этой группы находился в районе деревни Марьино, почти ежедневно ведя маневренные бои с весьма подвижным противником. Требовалось ликвидировать эту группу, так как она угрожала центру движения — Самаре.

Все попытки этой ликвидации не удавались, так как противник ускользал от ударов, применяя партизанский образ действий, появляясь даже под Хвалынском против Махина. Для успеха необходимы были действия по обоим берегам Волги, причем по левому восточному по крайней мере двумя колоннами или же удар по центру красных — Саратову через Вольск.

Саратов имел для нас громадное значение не только потому, что был центром, откуда направлялись удары через Николаевск, а еще и потому, что на Саратовском направлении дрались с большевиками уральские казаки и часть крестьян Новоузенского уезда. Силы уральского войска были небольшие, но испытанные в долгой борьбе. Удар на Саратов давал возможность уральцам выйти на Волгу и освободить часть сил для активных действий вместе с самарцами. Кроме того, население побережья Волги относилось к большевикам более враждебно, чем в других местах. Рассчитывать на то, что Саратов после освобождения справится с большевиками своими силами, было трудно, но зато освобождались на своем фронте уральцы. Удар на Саратов при успехе сулил отвлечь внимание большевиков от севера. По всем этим причинам в Самаре склонялись к тому, что Симбирск необходимо обеспечить занятием района устья Камы и демонстрацией в сторону Казани, а все, что возможно было двинуть на судах по Волге вниз для овладения сначала Вольском, а затем Саратовом. Эти взгляды были переданы в Симбирск в разговоре по прямому проводу.

Как известно, ко всякой демонстрации нужно готовиться так, как будто это не демонстрация; так готовились и в Симбирске, почему и в Казани, и в Симбирске говорили о походе на Казань как о деле решенном. В Симбирске в это время были члены штаба В.И. Лебедев и Б. Фортунатов. Командование — русское в лице полковника Каппеля и чешское в лице капитана Степанова[17] — горело желанием ударить по Казани серьезно и при возможности развить удар вверх по Волге; самарские опасения за дальнейшую судьбу Казани и Самары оно не разделяло, так как надеялось, что Казань найдет у себя силы для собственной защиты, а Самаре угроза не столь сильна. Лебедев и Фортунатов стали на сторону симбирского командования, и потому начались разговоры по прямому проводу с настойчивыми докладами о необходимости разрешить удар. В Самаре на это не соглашались (полковник Чечек и полковник Галкин), считая, что для Казани нужно подождать еще чешских сил.

В первых числах августа (3-го или 4-го), когда все было готово для демонстрации, между Самарой и Симбирском происходил длинный разговор. В Симбирске у аппарата были Лебедев, Фортунатов, Каппель

и Степанов, в Самаре сначала я, как начальник оперативного отдела, а затем полковник Чечек. Разговор был длинный, подробности забылись, но суть я отчетливо помню. Из Симбирска по очереди приводились резоны взятия Казани. Из Самары обрисовывалась обстановка под Самарой, отсутствие самого маленького резерва для предупреждения случайностей и, наконец, невозможность выделить для удержания Казани сколько-нибудь серьезные силы. В.И. Лебедев говорил, что успех под Казанью может сокрушить советскую власть, а обстановка под Самарой -- это пустяки. Наконец, полковник Чечек категорически заявил, что разрешает только демонстрацию, и поставил капитану Степанову непременным условием вернуть в Симбирск чехов не позже как через неделю, если бы Казань удалось захватить. Капитану Степанову было сказано в дополнение, что если демонстрация кончится овладением Казани, то на резервы сколько-нибудь значительные он скоро рассчитывать не может. Таким образом, Самара настаивала на демонстрации, но из разговора получилось впечатление, что исполнители пойдут против указаний Самары. Так и случилось.

7 августа Казань была взята, захвачен золотой запас, громадное военное имущество, военная академия. Победителей не судят. Они прислали телеграмму с просьбой о предании суду, но, конечно, никто никого не стал судить. Слишком большой был успех, и слишком большая добыча попала в руки Народной армии. Значение взятия Казани было, конечно, громадным и по результатам, и по впечатлению в России. Благодаря успеху удалось восстание на Ижевском и Воткинском заводах, ушли из Камы по реке Вятке красные, оперировавшие на участке Мензелинск—Елабуга; советская Россия лишилась камского хлеба. Но конечно, удар в самое больное место, потеря золота, запасов заставили большевиков напрячь всю энергию, чтобы организовать контрудар. Против Казани сосредоточилось все, что было можно, и сам Троцкий явился вдохновлять войска к спасению революции и социалистического отечества.

По плану, одновременно с захватом города должен был быть захвачен мост через Волгу, но это не удалось. Для дальнейшего обеспечения города это было бы громадным минусом, так как красные владели обоими берегами Волги. Казань сразу дала значительные формирования артиллерии, два офицерских батальона, но, конечно, на эти силы оставить оборону было нельзя. Обстановка заставляла капитана Степанова задержать в Казани чехов и присоединившийся к Народной армии при взятии Казани сербский отряд майора Благотича. Скоро начались просьбы о подкреплениях, ибо взявшие Казань не имели сил для активных операций и принуждены были обороняться на широ-

ком фронте, охватывавшем Казань с севера и запада. Часть красных заняла правый берег Волги, стремясь перерезать сообщения Казани и Симбирска.

Формирование частей, даже при успехе, не могло идти так скоро, как требовала обстановка. Между тем уже около 10 августа, то есть через три дня после взятия Казани, Симбирск начал переживать тревожные дни, ибо значительные силы красных начали методическое наступление на Симбирск. Полковнику Каппелю было приказано вернуться с частями Народной армии в Симбирск и разбить противника, наступающего к Симбирску; из Сызрани должны были повести демонстративное наступление на Инзу.

14—16 августа произошло под Симбирском длительное сражение, закончившееся 17 августа поражением красных, но без особо решительных результатов. До этого времени бои с красными были кратковременными — наступление на фронте и удар небольшой маневренной группы в глубокий тыл обыкновенно заставляли красных сразу же бежать. На этот раз быстрых результатов не было.

Полковник Каппель рассказывал мне при встрече, что во время этих боев он впервые почувствовал перед собой хоть еще слабо организованную силу, но все же такую, которая выполняет директивы командования. «Мы ожидали, что покончим скоро, а разыгралось целое сражение, причем мы старались нанести удар своим правым флангом, а красные своим правым. И уже прежней уверенности в успехе не было. Выручил энергичный удар самарцев в центре. Мы обеспечены от нового удара не более как на две недели». Такова была оценка действий красных Каппеля, и с ней нужно было считаться.

Действительно, середину августа надо считать временем, когда успех в боевых действиях стал склоняться на сторону красных, в Казани мы оборонялись, и сил для успешной обороны было мало, под Симбирском противника лишь отогнали и потрепали, но не разбили, Сызрань и Хвалынск оборонялись, в Николаевском районе красные усиливались.

Наши новые формирования в Самарском районе из всего намеченного приготовили лишь небольшие части (роты, батальоны), остальные призванные даже не имели оружия. Казань дала много в смысле вооружения, но не столько, сколько ожидалось; во всяком случае, винтовок не хватало и на половину призванных. Ни одной целой части не было готово для фронта, и потому обстановка принуждала вытаскивать батальоны из намеченных формирований.

Власть в Самаре, упоенная успехом под Казанью, по-видимому, не особенно задумывалась над дальнейшим. Она не видела грозных при-

зраков и была поглощена другой борьбой — борьбой за власть с Сибирским правительством, ибо к середине августа относится начало работы уфимского совещания по избранию всероссийской власти, а перед этим шел спор, где лучше собраться.

Вопрос об избрании всероссийского правительства не особенно волновал дравшихся с большевиками на Поволжском фронте русских, но политика Комуча, особенно после прибытия Чернова, когда в печати начались разговоры о сибирской реакции, живо обсуждалась и критиковалась. Даже Каппель, старавшийся всячески не вникать в политику, принужден был заявить председателю комитета, что комитет опирается на офицеров из буржуев, вовсе не сторонников комитета, и их же ругает в печати. Практической пользы от создания такого правительства, когда фронту начала угрожать опасность, видно не было, тем более что между сговаривавшимися лежала пропасть и разговоры затягивались. Зато считалось необходимым немедленное объединение власти, хотя бы в вопросе вооруженной борьбы в объединении командования.

Только в конце августа командование было объединено Сыровым[18], но в его распоряжении были только чехи; русские же подчинялись только в оперативном отношении. Польза от такого объединения была лишь та, что Сыровой мог перебрасывать на тот или другой фронт чехов. Нужно же было принятие общего плана борьбы и распределения в соответствии с ним всех сил.

Что делалось в Сибири, на Урале, что мы могли ожидать и когда, было неизвестно. Уфимское совещание тянулось бесконечно долго, несмотря на явный перелом в борьбе на Волге в пользу красных. Самарская власть, стоявшая на передаче власти Комитету Учредительного собрания, едва ли уступила бы, не будь этого перелома. Избрали Директорию, назначен был главнокомандующий, но это, конечно, не могло уже повлиять на положение на Волге. К избранию Директории Народная армия отнеслась совершенно равнодушно. Была лишь надежда, что новой власти удастся в будущем добиться помощи союзников, ибо в это время фронт переживал тяжелые дни и уже чувствовалось, что раз начались неудачи, то на Волге не удержаться.

Положение в последних числах августа на Волге было уже грозное. Советская власть мобилизовала все свои готовые силы, и армейские, и чисто большевистские, начала пополнение частей по мобилизации. А главное, начала энергично водворять дисциплину и порядок в частях, всеми мерами повышать авторитет командного состава и устранять сумбур в управлении действующими частями, царивший доселе. Конечно, все это была еще слабая сила, ибо, несмотря на газетный шум, на агитацию, на окрики Троцкого и его энергию, не так легко

было все это скоро переделать. Но зачатки порядка уже имелись, численность превосходила восставших в несколько раз.

Опасения полковника Каппеля после боев под Симбирском скоро начали сбываться. Отогнанные от Симбирска силы красных энергично приводились в порядок и начали осторожно давить на Симбирск. Под Казанью в это же время шли бои с переменным успехом; становилось ясно, что долго Казань не продержится, если не будет принято исключительных мер, не будет нанесен удар красным. Надежд на присылку свежих частей чехов с Урала не было, а действующие чешские части начали ослабевать, выдыхались в ежедневном сидении в окопах, а не в вагонах.

В других участках фронта, под Сызранью, Хвалынском, Николаевском, шли бои с переменным успехом, причем с этих участков не только нельзя было ничего снять, а наоборот, требовались постоянно пополнения. Красные везде, хотя и слабо, проявляли активность, после неудач скоро оправлялись и снова продвигались вперед. И здесь (под Сызранью и Николаевском) чешские части заметно начали сдавать: не проявляли прежней активности, обороняться было труднее.

Здесь нужно отметить, что при действиях в районе железной дороги чехи жили в вагонах, из которых выходили для действий, оборона же требовала иногда ночлега в поле, в плохую погоду, долгого лежания в окопах и проч. Все это действовало скверно на людей, ранее быстро добивавшихся успехов. Под Казанью чехи действовали в это время на левом берегу Волги; там был один из лучших чешских полков под командованием лучшего командира полковника Швеца. Красные получали жестокие удары при встрече с чехами, но люди начали выматываться. Начались просьбы о смене и отводе в резерв.

В это время начала сказываться и работа Национального комитета, представителем которого в Самаре был доктор Влассак. В чешской печати начали появляться заметки о неуспехах в формировании Народной армии, а затем скоро последовало официальное заявление об этом в Комитете Учредительного собрания. Все это, конечно, отражалось на настроении чешских войск.

Итак, обстановка требовала решительных мер. Посылать в Казань подкрепления батальонами было бесполезно, ибо даже несколькими батальонами трудно было улучшить положение, а этих батальонов было мало. Единственное средство — это маневр. Так было раньше под Сызранью, так было в половине августа под Симбирском. Для маневра нужен кулак, подвижный, обученный и верящий в своего начальника. После боев под Симбирском полковник Каппель сразу

же занялся собиранием такого кулака. Один или два батальона из мобилизованных дали из Самары, около двух батальонов выделили из симбирских формирований, и это вместе с добровольцами прежнего отряда Каппеля составило маневренную группу.

План был в общем такой: Каппель перебрасывается из Симбирска к Казани, высаживается в районе Нижнего Услона и затем наступает глубоко в тыл противника на правом берегу Волги, стремясь захватить железнодорожный мост через реку в тылу красных. Обороняющие Казань части, а также чехи на правом берегу должны проявлять наибольшую активность. Маневр не дал тех результатов, которые нужны были, чтобы выручить Казань.

По рассказам Каппеля после боев, батальоны мобилизованных шли хорошо, но, совершенно необстрелянные, попав под огонь, смешались и внесли беспорядок в колонну, чем отняли много времени. В дальнейшем, ввиду сложной обстановки при действиях в тылу противника, ему пришлось положиться лишь на свои обученные, испытанные части, которые имели успех, но оказались слишком слабыми, чтобы развить его. Была внесена сумятица в тылу красных, подорвана железная дорога, захвачена добыча, но все это было слишком кратковременно, далеко от фронта и могло отразиться на войсках фронта красных только при сильном ударе и на фронте. Такого удара не было.

По рассказам после, Казань не имела достаточно сил для удара, а чехи только продвинулись вперед и затем вернулись в исходное положение: в их рядах, несших бессменно службу с первых чисел августа, сказалась утомленность. На обратный путь, чтобы вывести людей из тыла красных благополучно, потребовались два дня. Люди вышли утомленными и с подорванной верой в дальнейшие успехи. Полковник Каппель был всегда сторонник глубоких ударов в тыл, но здесь увидел, что красные уже не столь панически настроены, чтобы бежать при одной угрозе, а потому считал, что такого глубокого обхода делать не следовало. Лучше было ударить при содействии чехов на ближайший тыл правобережной группы красных и развивать успех до моста. Казань была обречена. Оттуда взывали о поддержке, которую Самара дать не могла. Не могли ее спасти и призывы населения к обороне. Местное командование не имело мужества заблаговременно объявить об этом населению. 8 сентября ночью Казань была оставлена. Войска и бежавшее население двинулись по левому берегу к Лаишеву.

Участь Казани срезу же нависла над Симбирском, ибо в конце августа оборона его была ослаблена выделением для удара сил под Казань, которые вернулись с Каппелем слишком поздно. Красные в

первых числах сентября приблизились к Симбирску и, ободренные затем успехом под Казанью, начали наступать. Кроме того, на Волге появилась флотилия красных, которая стремилась проникнуть к Симбирску с севера.

Полковник Каппель спешил из-под Казани, чтобы выручить Симбирск теми силами, что были у него после маневра, но опоздал. Прибыв в Симбирск, он увидел, что положение его безнадежно и что нужно выводить войска на левый берег Волги и там организовать оборону. 11 сентября был очищен Симбирск. Нужно было задерживаться возможно дольше против него, чтобы дать возможность казанским частям выйти благополучно на Бугульминскую дорогу. Эта задача и была выполнена полковником Каппелем, несмотря на тяжелую обстановку: скверная погода, упадок духа, несогласие с чехами, неналаженность снабжения продовольствием.

Потеря Казани и Симбирска была совершенно определенным указанием на печальный исход дальнейшей борьбы, а в это время власть и военный министр в Уфе спорили о выборе всероссийской власти. Совершенно ясно было, что раз, после того как мы были принуждены к обороне, красные начали наносить поспешные удары, весь фронт — на волоске. Стоит лишь ткнуть в наиболее уязвимом месте — и все посыплется. Единственное спасение — собрать опять хоть небольшую группу для удара и маневрировать. Но где ее можно собрать?

Полковник Каппель привязан к Бугульминской дороге и не может уже перебрасывать отряды по Волге, резервов нет, чехи, прибывшие из-под Казани, неохотно соглашались на маневры, да кроме того, в районе Самары тучи сгущаются: в Николаевском районе красные активны, Иващенковский завод неспокоен, потеря Симбирска открыла доступ красным на судах — надо опять усиливать хотя бы Ставрополь, чтобы обеспечить Самару с севера. Еле-еле нашлись силы, чтобы на время организовать оборону Ставрополя.

Оперативный отдел ежедневно просил военного министра дать хоть два-три батальона для маневра. Предполагалось держать их в Ставрополе и оттуда действовать на сообщения красных под Сызранью. С большим трудом собрали один батальон, но он был слаб и по духу, и по организации. На южном участке Хвалынская группа Народной армии на фоне уже начавшихся неудач имела кратковременную удачу под Вольском, но эта удача скоро была ликвидирована, и отступление от Вольска было столь быстрым, что группа не смогла удержаться и под Хвалынском. Руководивший боевой работой хвалынских частей полковник Махин был вторично ранен в шею, и это сильно ослабило группу.

После оставления Хвалынска, с одной стороны, ухудшалось положение Сызрани, с другой — части красных с Саратовского направления получали свободу действий на левом берегу Волги. И это скоро сказалось на общем положении: красные повели наступление по левому берегу двумя группами — одной непосредственно по берегу наперерез железной дороги недалеко от Сызрани, другой от Николаевска на Иващенковский завод и Самару. Пришлось снимать части 4-го чешского полка из Сызрани и обеспечивать тыл сызранских войск и мост. В это время как раз произошло выступление иващенковских рабочих, кончившееся для них печально.

После оставления Симбирска, с прибытием в Самару 1-го чешского полка, начальник чешской дивизии генерал Чечек, обеспокоенный несогласиями своих частей с русскими в районе Бугульминской дороги и расстроенный вообще положением, выехал в район Бугульмы, передав временно командование дивизией и фронтом полковнику Швецу. В Самару он уже не вернулся, а встретил отходящие части уже в Кинеле. Полковник Швец горячо принимал к сердцу все, что делалось на фронте, и всю свою энергию вкладывал, чтобы возродить моральную силу чехов. Многое ему удавалось, но изменить положение он не мог. Представитель Национального комитета, совместно с некоторыми членами Комитета Учредительного собрания, старался улучшить обстановку по-своему: предлагали создать особый совет обороны при полковнике Швеце. Из этого, впрочем, ничего не вышло.

К концу сентября настойчивость красных на левом берегу Волги и против Сызрани все увеличивалась. На Николаевском направлении мы еще имели успехи, но затем начались неудачи, так как посланные для совместной работы с чехами новые самарские формирования оказались нестойкими. Начала создаваться угроза сызранскому гарнизону; охрана сообщений требовала больших расходов войск. Было решено очистить Сызрань, повредить мост и затем свою линию обороны перенести ближе к Самаре. Операция очищения Сызрани и переброска войск к Самаре была весьма трудной, так как нужно было держать мост через Волгу недосягаемым для обстрела, а в дальнейшем нужно было иметь в виду, что красные угрожали выходам на железную дорогу около Иващенкова.

Все это было выполнено в первых числах октября, но создать крепкую линию обороны близ Самары не удалось. Мост через Сызрань был разрушен больше, чем полагалось по заданию, ибо на нем загорелся подвижной состав со снарядами. Как всегда при отступлении, а в Гражданскую войну в особенности, дух бойцов был таков, что опасность мнилась там, где ее не было. Будь наступление красных энергичнее, они,

конечно, не дали бы уйти из Самары сравнительно благополучно громадной ленте эшелонов и заняли ее по крайней мере 5 октября. Но действия Николаевской группы были весьма нерешительными, и красные вступили в Самару 7 или 8 октября.

Серьезных боев за Самару у города не было. Было сильное опасение, что красные не торопятся потому, что будут стремиться отрезать эшелоны у Кинеля, но разведка не подтвердила этих опасений. В Кинеле был страшный затор, и 7 и 8 октября потребовалась громадная энергия чешского командования, чтобы отправить эшелоны частью на Уфу, частью на Оренбург, в зависимости от направления войск. В Кинеле 7 октября было совершенно точно выяснено, что красные из Николаевского района двигались и двигаются на Самару без всякого заслона в сторону Кинеля (которого опасались). Будь в распоряжении командования хоть небольшая часть с деятельным начальником во главе, можно было бы еще раз нанести хороший удар наступавшим. Я пробовал подтолкнуть в этом направлении полковника Швеца, но тот только согласился, что это хорошо. Энергия у всех упала, и об ударе можно было только поговорить. Полковник Швец был страшно расстроен поведением части чехов в последние дни.

С отдачей Самары открывалось направление на Оренбург, который дал на Поволжский фронт всего один полк, ссылаясь на то, что едва справляется с Туркестанским фронтом. Этот полк и был направлен на Оренбург вместе с 2-й Сызранской дивизией[19] (полковник Бакич[20]), которая была слаба пехотой, но сильна артиллерией.

Все остальное двинулось на Уфу; среди этого всего остального было мало войск, а все больше эшелоны с бежавшими жителями и имуществом. Крепкие самарские части с Каппелем были между Симбирском и Бугульмой, а мобилизованные почти полностью растаяли. Направление Уфа—Самара должны были прикрывать чехи, остановившиеся у Бугуруслана. Надежд на будущее было мало, так как уже ясно стало, что мы собственными силами не справимся с советской властью, чехи уйдут, а вопрос о союзниках, их появление — миф.

О союзниках ведь говорили почти с первых дней восстания. Говорил называвший себя в Самаре консулом какой-то француз, приезжал какой-то французский офицер; с возвращением части чехов из-под Уфы в Самару прибытию союзников начали даже верить, но затем, когда дорога на восток была открыта, получены были неутешительные сведения. Часто говорили: «Хоть бы для видимости прибыли, тогда население поверит в прочность новой власти и его можно будет использовать». Но и этой видимости не было.

Самара продержалась всего четыре месяца; первые три месяца были временем успехов и больших надежд; последний — временем агонии фронта. В истории всего Белого движения на Востоке России эти четыре месяца имеют, конечно, большое значение. Поволжский фронт прикрывал работу Сибири и Урала, дал значительную материальную часть для борьбы уральцам, Оренбургу, Уфе; наконец, дал золотой запас в 650 000 000 рублей.

Для нас, участников борьбы на Волге в рядах так называемой Народной армии, самарские дни, когда мы были «детями Учредилки», как пелось в «Самарском шарабане», несмотря на печальный конец, являлись самыми отрадными воспоминаниями в течение последующих лет борьбы. Это было время юности движения, со всеми радостями, надеждами и огорчениями; время, когда мы вовсе не вникали в политику, а работали как умели, лишь бы иметь успех на фронте.

Фактическую сторону событий четырех самарских месяцев я излагал в общих чертах, как она осталась в памяти, и, несмотря на отсутствие сейчас документов, считаю, что в этом не грешу. Ибо факты, разговоры переживались и хорошо врезались в память. Некоторые телеграфные разговоры до сих пор помнятся даже с мелкими подробностями. В суждениях же, выводах, конечно, не могли не отразиться последующие годы, ибо о многом в Самаре за повседневной напряженной работой не думалось.

И теперь, после четырех лет испытаний вместе с белыми войсками, когда мысли возвращаются к самарскому периоду, а все случившееся обобщается, думается:

1. Мы не ошибались в оценке обстановки для начала борьбы, в учете своих сил. Мы ошибались в другом — в направлении работы власти. Мы не задавали себе вопроса, почему эсеры, а не кто другой, взяли власть и даже почему они оставили своим флагом красную тряпку. Верилось, что, кто бы ни взял власть, должен поставить своей первейшей задачей успешную вооруженную борьбу с большевиками, так как эта задача казалась единственной, главной. Мы верили, что здравый смысл заставит бросить партийную борьбу, борьбу за партийную власть и объединить всех, кто против большевиков. На деле вышло иначе; Комитет членов Учредительного собрания не дал того, что мог и должен был дать, рубил тот сук, на котором сидел, даже в Самарском районе. Только в одном Хвалынске и представитель гражданской власти, и верховное командование работали вместе и работа была удачной. Стремление поглотить Сибирское правительство и все его разветвления, боязнь Дутова, как контрреволюционера, боязнь всякого нового влияния, очевидно, господство-

вали над сознанием, что надо прежде всего думать об успехах на фронте.

2. Даже при полном единодушии и при направлении всех усилий к одной цели — созданию сил для успешной борьбы — нельзя было ожидать благополучного исхода, так как восстание не было подготовлено. Но оно, конечно, могло иметь большие результаты; в июне и июле большевики были слабы, панически настроены, и удары в различных направлениях, хотя бы и незначительными силами, но решительные, могли внести еще большее расстройство. Ведь еще в июне, после первого занятия Сызрани, броневики Народной армии, наскоро устроенные, доходили почти до ст. Инза, а в Пензе большевики готовы были к бегству; после взятия Симбирска Троцкий истерично вопил о спасении. Власти нужно было с огнем искать человека способного, авторитетного, могущего взять в свои руки все военное дело и людей, вроде полковника Каппеля, не боясь контрреволюции. Она предпочла вручить управление людям знакомым и партийным. Власти нужно было всеми силами привлекать людей к общей работе и уметь вытаскивать их на фронт. На самом деле борьба восставших в Самаре вместе с чехами шла сама по себе, подготовка новых сил и пополнений из мобилизованных сама по себе, и борьба в разных других районах (Уфа, Оренбург, Уральск) сама по себе. Скрепить, объединить работу полковнику Галкину было не по плечу.

3. Несомненно, что многое, в чем упрекают Комитет Учредительного собрания и «штаб из трех лиц», совершенно не справедливо, а многое просто искажено или выдумано противниками «Учредилки», тоже людьми партийными. Часто упрекают, что Народная армия была слаба потому, что Самара ввела в нее порядки времен Керенского. Да, Положение о службе в Народной армии, выработанное наспех в тонах 1917 года лишь для того, чтобы не испугать левые элементы и не затягивать решения, конечно, не отвечало принципам вполне здорового устройства армии. Но ведь это был 1918 год на Волге, где революционный угар еще далеко не прошел и где крутое писаное возвращение к обычным старым порядкам могло возбудить разговоры и рознь. Один вопрос о погонах сыграл бы большую роль, как сыграл, по-моему, вообще в дальнейшей борьбе. «Погоны, золотопогонники» — это было сильным агитационным средством большевиков в низах. Для добровольцев же, сразу устремившихся в дело, это Положение не имело никакого значения, ибо эти части сразу же, без всяких писаных приказов, ввели свою неписаную дисциплину — смесь прежней и своей добровольческой. С этой дисциплиной части дрались с большевиками четыре года и жили

еще недавно в Приморье; она была основана на взаимном доверии и понимании. По объявлении мобилизации и с формированием новых частей Положение было изменено и введены большею частью прежние уставы, но разве это помогло делу, когда начались трудные дни на фронте? От введения прежних уставов дисциплина в новых частях Народной армии не поднялась, ибо в них были и офицеры, и солдаты призванными и мобилизованными. И те и другие помнили еще 1917 год, помнили все перемены власти; первые поэтому держались осторожно — выжидательно, а вторые вообще не склонны были воевать. Нужны были талантливые подготовленные командиры, чтобы взять в руки и тех и других, а таких командиров не отыскали; времени же на подготовку командного состава не хватило, да кроме того, фронт требовал все лучшее себе.

Раздаются голоса, что распоряжалась на фронте молодежь, а старые опытные военные игнорировались. Это неправда. Были пробы назначения заслуженных военных и на боевые участки, и для работы по подготовке войск. Ничего не вышло. Люди совсем не могли работать в необычной обстановке и поневоле устранялись. После взятия Казани в Самару прибыл весь состав академии со слушателями. Мы возлагали на него большие надежды, но для фронта получили очень мало — и то слушателей.

Власть обвиняется в том, что создавала гвардию из эсеров в виде «батальона Учредительного собрания» только для охраны. Тут не все правильно. Эсеровская дружина в первые дни Самары часто выполняла задания штаба — боевые и ответственные. Правда, что охрана комитета была из своих, правда, что у дверей Чернова в гостинице стоял часовой, но правда и то, что зачатки батальона Учредительного собрания прикрывали отход из Самары и позже, когда чехи ушли, стойко дрались на фронте. Был один момент, когда они одни оставались на направлении Уфа—Самара. Раздаются упреки в излишней свободе печати в Самаре; это совсем не мешало, пока было благополучно на фронте, а когда стало неблагополучно, то не спасли и особые меры по охране внутреннего порядка, и работа различных контрразведок.

4. Без чехов выступления бы не было. Чехов обвиняют как бы в вовлечении в невыгодное дело русских. Но почему же так везде единодушно приветствовали появление чехов и изгнание большевиков? Ведь в первый момент даже неизвестно было, на сколько времени они останутся. Выходит, что мы сами бросались в опасность очертя голову и сами ухватились за первую возможность выступления. Не будь этого выступления, многие бы еще долго решали, как лучше, то есть открыто задраться или же стараться быть зрителями происходящего;

в конечном результате оказались бы в руках большевиков. Чехов обвиняют в плохой работе на фронте в последнее время, а затем в уходе совсем. Кто виноват в этом уходе, сказать трудно, но мы знаем, что чешское командование на Волжском фронте жило всецело интересами фронта, болело неудачами и вкладывало в работу всю свою энергию и умение. Имена Чечека, Швеца, Воженилека всегда будут произноситься с уважением теми, кто вместе работал с ними на Волге, кто видел их и в дни успеха, и в дни неудач. А сколько легло неизвестных нам чехов у Самары, Сызрани, Казани, Симбирска, Николаевска, Марьина. Ведь действия против большевиков, особенно в последнее время, вовсе не были безопасными.

В. Вырыпаев[21]

КАППЕЛЕВЦЫ[22]

Вместо предисловия

Многим приходилось слышать о каппелевцах, многие знают, что каппелевцы в конце 1919-го и в начале 1920 года совершили небывалый в истории Ледяной поход, в страшную стужу преодолевая снежные ураганы и метели, поливая своею кровью и усеивая трупами всю дорогу, начиная от Волги, по необъятным просторам приуральских степей, через горы Урала, прокладывая себе дорогу в глубоких снегах непроходимой сибирской тайги, через трескучий лед сурового Байкала и через неприветливое зимой Забайкалье.

Уйдя в Приморье и, наконец, не выдержав напора во много раз превосходившего их численностью врага, каппелевцы покинули пределы Родины, рассеявшись по всему земному шару, разбитые, но не побежденные, потому что они верили в свое правое дело, и ни одной минуты не сомневаются, что пройдут годы и, может быть, десятки лет, — русский кошмар кончится и Россия снова будет процветать, заняв надлежащее место среди других стран. Своими воспоминаниями я хочу, насколько смогу, осветить сущность каппелевской борьбы и ту глубокую веру в Россию, вложенную в сердца каппелевцев их вождем, которая выражена в простых словах несложной русской солдатской песенки:

Когда наш Каппель умирал,
Любить Россию он завещал.

Эти скромные воспоминания посвящаются его незабвенной памяти.

Наш знаменитый профессор-историк генерал Н.Н. Головин незадолго перед смертью Великого князя Николая Николаевича спросил его: «А как писать о России?» Великий князь ответил: «Россия может освободиться только тогда, когда мы о ней будем говорить правду, одну лишь правду!» Как рядовой участник Белой борьбы, в своих кратких воспоминаниях я буду точно держаться этого завета — буду писать правду, как бы горька она подчас ни была.

В Самаре до прихода чехословаков

В начале 1918 года в Самаре было самое неопределенное положение. Благодаря умеренности председателя революционного трибунала (Куйбышева) большевики держали себя довольно скромно, если не считать некоторых реквизиций и того, что наиболее видные представители самарской буржуазии за невнесение возложенной на них денежной контрибуции попали в тюрьму. Правда, посидели они недолго, неделю с небольшим, потом, поторговавшись до сходной суммы, уплатили ее и были выпущены до следующего заключения и следующей контрибуции.

Этот факт взыскания контрибуции был, конечно, неприятен, но затрагивал лишь незначительный круг населения. Однако на митингах ультралевыми ораторами произносились уже довольно смелые выкрики о всемирной революции, о пожертвовании всей страной ради 3-го Интернационала, о классовой борьбе и т. п.

А одна наиболее ретивая большевичка, товарищ Коган, настойчиво рекомендовала сейчас же начать классовую войну. Для этого она предлагала сорганизовать небольшие, хорошо вооруженные отряды по 12—15 красногвардейцев. Эти отряды, наметив себе буржуазные дома, должны были делать ночные налеты и истреблять всех живущих в этих домах, включительно до грудных младенцев. По ее глубокому убеждению, ребенка буржуазных родителей перевоспитать невозможно: все равно, рано или поздно, а буржуазная кровь скажется.

Председатель революционного трибунала товарищ Куйбышев, тот самый, чьим именем теперь город Самара называется, возразил ей:

— Хорошо, сегодня в ночь мы истребим таким образом жителей в 10—15 домах, а завтра тысячи таких домов восстанут против нас...

От подобных угрожающих выкриков, как Коган, а также от доносившихся отовсюду слухов о большевистских бесчинствах и произво-

ле большинство жителей в Самаре как-то притихли и попрятались по своим норам. Многие избегали посещать такие митинги.

Но, как было всегда и раньше, при всяких правительствах и во все времена, ко всему чуткая, особенно к справедливости, и мыслящая молодежь не могла остаться безучастной, она готова была пожертвовать своими жизнями за правду. Эта молодежь, хотя и продолжала посещать митинги, но на большевиков стала смотреть недоверчиво, а потом и враждебно. Отвернувшись от них, молодежь стала собираться в группы. Эти группы, правда, сначала очень осторожно, в своем кругу, начали критиковать действия большевиков и потом ушли «в подполье».

За несколько дней перед новым 1918 годом я приехал с Германского фронта в свой очередной отпуск, да так и задержался. Устав от фронтовой жизни и еще не войдя в жизненную колею тыла, я старался держаться в стороне от политики. Занятый своими личными хлопотами, я мало с кем из молодежи виделся первое время. Но примерно в феврале месяце меня однажды пригласили к себе ученики последнего класса коммерческого училища, в котором я учился семь лет тому назад. Они мне объяснили, что в городе существует противобольшевистская организация, состоящая в большинстве из учащейся молодежи, а также из прапорщиков и подпоручиков (военного времени). Во главе организации стоит подполковник артиллерии Галкин. Они просили и меня вступить в организацию и помочь им. Галкину обо мне они уже говорили, и он будет рад меня видеть.

Занятый волокитой в Совете народного хозяйства, я не спешил увидеться с Галкиным. Но узнал, что в Самаре в это время было около 5000 офицеров и в эту организацию почти никто из них не входил. Из рассказов близко стоявших к Галкину членов организации можно было понять, что, кроме учащейся молодежи, насчитывающей более сотни человек, в эту же организацию входят эсеровские дружины и что общая цель, поставленная организацией после свержения большевиков, — созыв Всероссийского Учредительного собрания.

Было заметно, что, несмотря на малочисленность организации, участники ее полны были резким недовольством и ненавистью к большевикам. Но все же силы в организации еще не чувствовалось. У организации имелись довольно точные сведения о местонахождении оружия у большевиков и о числе красногвардейцев. Налицо же у них пока было всего десятка полтора револьверов, наивно спрятанных за висевшими на стенах картинами в яхт-клубе; часть оружия хранилась кое у кого на руках. Между прочим, у меня было

четыре нагана, залитые растопленным салом и зарытые в землю под парниками на даче. Над ними великолепно выращивались зимой огурцы.

Эсеры имели довольно приличную связь с чехами, шедшими эшелонами через Пензу на Сызрань. И вот на чехов-то и была возложена вся надежда, ибо каждый знал, что самостоятельно выступить против большевиков организация не могла. Чехи радовали: они уже проходили Сызрань, и скоро начались бои под Самарой. Пришедший ходок сообщил, что чехи 6 июня решили атаковать Самару.

В ночь на 6 июня, группами по 15—20 человек, имея связь между собою, организация была собрана в нескольких пунктах города. Тянулась томительная ночь ожидания, а чехи не приходили. Высланные из Самары отряды красногвардейцев в 10 верстах на подступах к городу понесли большие потери, вернее — полное поражение. Побросав все с себя, включая и оружие, красногвардейцы, не дожидаясь перевоза, переправились через реку Самарку и разбежались по городу. И все же чехов еще не было... Отданное Галкиным накануне распоряжение быть готовым, но до прихода чехов ничем себя не обнаруживать было, к счастью, выполнено; большевиками, которым было не до организации, она не была замечена.

Противобольшевистская организация в Самаре была сконструирована по системе десятков, то есть знали друг друга только в своем десятке. Десятники знали других десятников, но часто не знали рядовых из состава не своего десятка и так далее. Старших и опытных офицеров в организации почти совсем не было, поэтому полковнику Галкину нужно было быть особенно осторожным и предусмотреть многое. Общих собраний даже для всех десятников не бывало: собирались небольшими группами в разных местах, десятники сами ходили к Галкину или же посылали своего представителя в штаб-квартиру за получением директив.

Места для встреч десятников каждый раз менялись из предосторожности. Излюбленными местами для сбора десятников и членов организации были: самарский яхт-клуб, две (в разных местах) студенческие чайные, сад кафедрального собора и др. В этих местах по вечерам собирались студенты и учащаяся молодежь петь песни. Там же незаметно собиравшиеся участники противобольшевистской организации обменивались новостями и разной информацией.

Как бы общим паролем для всех членов организации была популярная в то время игривая песенка «Шарабан». И когда появлялся какой-нибудь новый человек среди членов организации, то не знавшие его спрашивали своих людей: «Кто?» И если получали ответ:

«Он — шарабанщик», это значило: «свой». Песенка «Шарабан» впоследствии играла большую роль в жизни Народной армии и охотно распевалась во всяких случаях жизни бойцов. Распевая «Шарабан», наша пехота часто шла в атаку на красных, во главе с Борисом Бузковым, который был ранен в Гражданскую войну шесть раз. Под деревней Беклемишево (под Казанью), ведя свою пехоту под звуки «Шарабана» в атаку на красных, Бузков был ранен в правую руку навылет и, перехватив револьвер левой рукой, он под тот же «Шарабан» продолжал идти на красных. Ближайший солдат на ходу сделал ему перевязку. Скоро другая пуля пробила ему плечо. Бузкова положили на носилки, перевязали и, истекающего кровью, понесли в тыл. Но он не переставая вполголоса продолжал напевать все тот же «Шарабан».

Вследствие малочисленности и неопытности участников организации о самостоятельном выступлении до прихода чехов думать не приходилось. Слухи же об успехах чехов все крепли и крепли. Уже слышалась отдаленная орудийная стрельба между ними и красногвардейцами под Самарой у станции Липяги (17 верст на запад от Самары). Большевики отправляли навстречу чехам эшелон за эшелоном.

Состоявший в противобольшевистской организации видный эсер Б.К. Фортунатов, член Учредительного собрания (впоследствии — член военного штаба от Самарского правительства), закладывал под полотно железной дороги, близ моста через реку Самарку, фугасы с простым аккумулятором, соединенным стосаженным проводом (из ближайшей ямы), с демоническим хладнокровием взорвал фугасы под поездом с красногвардейцами, шедшим из Самары против чехов. При этом, после взрыва, Фортунатов совершенно спокойно, чуть ли не по самому проводу, подходил к месту взрыва.

Чехи под Самарой

7 июня пришедший ходок от чехов сообщил Галкину, что они действительно намеревались овладеть городом 6 июня, но вынуждены изменить свой план и оттянуть часть своих войск на запад за Сызрань против наседавших на них арьергардов красных, оставив на Самарском направлении небольшие заставы. Положение оказалось очень неопределенным, и штаб-квартира Галкина сообщила: ввиду неясности положения, противобольшевистской организации быть готовой к выступлению. А к вечеру 7 июня почувствовалось как

будто оживление со стороны чехов. Хлебную площадь и набережную реки Самарки чехи начали обстреливать из трехдюймового орудия.

В это время я должен был по своим личным делам явиться в Совет народного хозяйства за получением денег за реквизированные машины с кирпичных заводов моего отца. Дожидаясь ассигновки, я от скуки разговаривал с разными чиновниками. Волокита тянулась довольно долго, и многие из служащих отдела меня уже знали. После первых чешских орудийных выстрелов (около 3 часов дня) среди комиссаров и служащих поднялась паника. Но так как стрельба велась одиночными выстрелами и снаряды рвались в расстоянии двух верст на другом конце города, то через некоторое время паника утихла и некоторые остались (для вида) за своими столами.

Из соседней комнаты вышел комиссар внутренних дел — фамилии его теперь не помню (вроде Фогель). Мы с ним были знакомы, и за несколько недель перед этим он уговаривал меня принять должность инструктора артиллерии и заниматься четыре часа в неделю с красногвардейцами, на очень выгодных условиях. Тогда же он наедине доказывал, что я был не прав, отказываясь от этого предложения, «даже, как белый», добавил он. Он отлично знал, что коммунистам я никак не мог сочувствовать. Но он настаивал, говоря:

— У нас, у большевиков, нет работников на ответственных должностях. Мы часто ставим или людей, не знающих своего дела, или же преступников. И если бы вы, белые, пошли к нам, то, очень возможно, большевики, среди которых 90 процентов неинтеллигентных, растворились бы в опыте и знании белой интеллигенции. Но вы отвернулись от нас и предоставили нас самим себе.

Встревоженный обстрелом города, он прямо задал мне такой вопрос:

— Вы, как специалист, скажите, пожалуйста, с какого расстояния стреляют чехи?

Я ответил, что это трудно определить, но надо полагать, что не более как с 5—6-верстной дистанции. Слышавшие за ближайшими столами наш разговор сразу насторожились, а потом поспешно начали складывать свои бумаги и исчезать.

Меня вскоре пригласили в кабинет Куйбышева. Не глядя на меня, он подал мне только что подписанную им ассигновку и сказал:

— Предъявите кассиру, и он выдаст вам причитающуюся сумму!

Не веря своим глазам, я отправился к кассиру, но тот уже уехал. Я позвонил ему по телефону на дом; ответили, что он только что вышел неизвестно куда. Я вернулся к Куйбышеву. Он нервно объяснил мне, что сейчас сделать ничего нельзя:

— Придите завтра в 9 часов утра.

Чехи в Самаре

В эту ночь (на 8 июня) у большевиков началась истеричная паника. По улицам во всех направлениях, без всякого освещения сновали грузовики с каким-то имуществом, большая часть уходила на север, часть грузилась на стоявшие под парами пароходы, которые, не задерживаясь, шли вверх по Волге.

После небольшой перестрелки на железнодорожном мосту через реку Самарку чехи внезапно появились в городе на рассвете 8 июня 1918 года. Красные почти не оказывали сопротивления: убегали по улицам или прятались по дворам. Жители, высыпавшие из домов, выволакивали красных и передавали чехам с разными пояснениями. Некоторых чехи тут же пристреливали, предварительно приказав: «Беги!»

Десятка полтора чекистов во второй полицейской части на Саратовской улице оказали чехам упорное сопротивление. Чекисты, укрывшись в кирпичном здании, отлично отстреливались от чехов, атакующих их с улицы Льва Толстого и Предтеченской. На углу улиц Л. Толстого и Саратовской, около цирка «Олимп», чекистами были убиты два чеха. Ведя отчаянную стрельбу из ружей и одного пулемета, красные продержались около часа; потом, бросив оружие, хотели бежать через задние ворота на Дворянскую улицу, но обошедшие их чехи всех их перестреляли.

Работа организации

Членами противобольшевистской организации были вскоре заняты наиболее важные пункты в городе. Я с частью своих людей занял артиллерийские склады. У орудий не было замков. Случайно где-то нашелся один замок к 3-дюймовому орудию. Со мной было 11 человек (моего десятка). С помощью обывателей, общими усилиями, мы выкатили на всякий случай это одно орудие на Сапекинское шоссе. Вокруг собралась толпа обывателей. Вид у большинства их был празднично-ликующий и все-таки немного тревожный, так как кто-то пустил слух, что большевики на бронированных автомобилях идут обратно на Самару.

Чтобы успокоить взволнованных людей, я навел орудие на ближайшую возвышенность шоссе, до которой было полторы-две версты. Своим молодым артиллеристам я объяснил, кому и как нужно было действовать во время стрельбы. Зарядный ящик, полный снарядов, был при помощи обывателей подтянут к орудию.

Было очень рано, но часам к семи утра ко мне начали прибывать и другие члены моей группы, которых я направил занять (верстах в двух) казармы бывшего 5-го конно-артиллерийского дивизиона, что около трубочного завода. В казармах у красных было отделение Совета народного хозяйства с забытыми в конюшнях лошадьми, более сотни.

Высланным в штаб-квартиру за директивами Галкин ничего определенного не мог сказать, кроме того, что «сейчас формируется правительство». Вскоре я перебрался со своим орудием с Сапекинского шоссе в конно-артиллерийские казармы. Разослал, куда можно, своих людей для направления желающих вступить в наши отряды.

Случайно мои артиллеристы нашли еще одно орудие и склады с амуницией, сбруей и обмундированием, так что после лихорадочно спешной пригонки у нас уже были готовы два орудия с зарядными ящиками, полный комплект орудийной прислуги и небольшая команда разведчиков.

Новое правительство

Часов в 10 утра я поехал в город разыскивать Галкина. По дороге заехал к бывшему в начале войны начальником 5-го конно-артиллерийского дивизиона генералу Миловичу[23], который перед революцией уже командовал кавалерийской дивизией. Я служил прежде под его начальством. Я просил Миловича помочь нам своим знанием и опытом в такой важный момент. Он оказался совсем не в курсе событий и по поводу происходящего высказал самое пессимистическое мнение, ответив мне:

— Из вашей затеи ничего не выйдет!

В женской гимназии (Межак) уже прошло совещание правительства (без участия отцов города), состоявшего из находившихся в Самаре членов Всероссийского Учредительного собрания (Богомолова, Брушвита, Фортунатова, Чернова, Вольского, Климушкина и других). Для заведования военной частью был составлен штаб во главе с подполковником Галкиным, которого в шутку называли военным министром. К штабу, как бы для контроля, были приданы два члена Учредительного собрания. Но все члены правительства были совершенно не в курсе существующей обстановки.

И все-таки к 12 часам дня (8 июня) повсюду уже расклеивались воззвания нового правительства с приглашением записываться добровольцами в Народную армию; в здании женской гимназии (Межак) были объявления по отделам и родам оружия. Коридоры гимназии были заполнены молодежью. Пройдя к заведующему артиллерией ге-

нерал-майору Клоченко[24], я нашел некоторых знакомых, среди которых были соратники по минувшей войне.

Генерал Клоченко объявил меня командиром 1-й отдельной конно-артиллерийской батареи Народной армии и просмотрел список моих ста добровольцев, из которых конно-артиллеристов было пять. Остальные же из записавшихся принадлежали ко всем родам оружия в бывшей Российской армии: были авиаторы, моряки, саперы и др., а больше — зеленая учащаяся молодежь. Но было несколько человек чинами старше меня, отчего я чувствовал себя до некоторой степени неловко.

Не задерживаясь, я уехал в казармы. Назначил командный состав, и было приступлено к разбивке орудийной прислуги, оказавшейся в большинстве из учащейся молодежи, не имеющей понятия об артиллерии. Была выделена команда разведчиков в 25 человек, состоявшая главным образом из студентов и прапорщиков военного времени. Об этом по телефону я доложил генералу Клоченко, который приказал мне как можно скорее прибыть в город, к штабу Народной армии.

Пришлось немного повозиться с необъезженными в групповой запряжке конями, часть которых недавно была реквизирована большевиками у местной буржуазии. И в 5 часов два орудия и два зарядных ящика с полным количеством номеров (артиллерийская прислуга) и с усиленной командой разведчиков стройно шли по главным улицам города.

Конечно, опытный глаз не мог бы не заметить множества недостатков, которые были в конно-артиллерийском взводе, подошедшем к штабу Народной армии. Но тогда мало кто о недостатках думал. Вышедший на улицу генерал Клоченко и многие чины штаба армии буквально ликовали при виде войсковой части новой Русской армии. Ликовала, как мне тогда показалось, и толпа, и все отдельные люди, шедшие навстречу идущей батарее, песенники которой стройно пели:

Вспоили вы нас и вскормили,
Отчизны родные поля.
И мы беззаветно любили
Тебя, святой Руси земля...

Нам приветливо кланялись, махали платками, дружелюбно улыбались совершенно незнакомые люди. Эти приветствия, восторженные улыбки и дружелюбные взгляды тогда в нас, молодых и неопытных, укрепляли веру в наше правое дело, и все мы не задумывались отдать свои жизни за спасение Родины.

Вечером того же дня было назначено общее собрание, которое ничего определенного не выяснило, за неимением каких-нибудь при-

близительных данных. Все собравшиеся, может быть помимо воли и желания, стали перед актом свержения советской власти и сознавали, что теперь, угодно или не угодно, нужно было действовать. А часть не в меру энергичных людей, охваченных паникой, подались в Сибирь. И были такие, которые направились в сторону Саратова.

У чехов было очень непрочно в арьергарде. Красные энергично их преследовали. Самарское (новое) правительство просило их задержаться в Самаре. Чехи обещали и на это потребовали немедленно выслать помощь их арьергардам в сторону Сызрани (о том, как было исполнено это требование, я писал в «Русской Жизни» 14 декабря 1961 года в статье «Владимир Оскарович Каппель»).

В тот же вечер состоялось собрание офицеров Генерального штаба, на котором обсуждался вопрос, кому возглавить добровольческие воинские части. Желающих не находилось. Решено было бросить жребий. Тогда попросил слова скромный на вид и мало кому известный, недавно прибывший в Самару в составе штаба Поволжского фронта офицер.

— Раз нет желающих, то временно, пока не найдется старший, разрешите мне повести части против большевиков.

Это был подполковник Владимир Оскарович Каппель.

Владимир Оскарович Каппель происходил из семьи героев. Его отец Оскар Павлович был награжден орденом Святого Георгия за подвиг во время взятия Геок-Тепе в отряде генерала Скобелева. Его дед со стороны матери — севастопольский герой и тоже георгиевский кавалер. Владимир Оскарович родился в 1881 году в городе Белеве Тульской губернии. По окончании второго кадетского корпуса в Санкт-Петербурге и Николаевского кавалерийского училища в 1900 году В.О. Каппель вышел в 16-й уланский Ново-Миргородский полк. По окончании Николаевской военной академии Германскую войну В.О. Каппель начал в чине капитана Генерального штаба, старшим адъютантом штаба 37-й пехотной дивизии. Во время развала Германского фронта Владимир Оскарович в чине подполковника был заброшен судьбой в Самару за несколько недель до свержения большевиков. С этого времени начинается боевая слава Каппеля как бесстрашного героя, мудрого стратега и любимого солдатскими массами вождя.

Сызрань

Не доходя 14 верст до Сызрани, на станции Батраки, отряд под командой Каппеля вынужден был выгрузиться, так как чехи только что оставили город. Каппель созвал начальников отдельных частей на

совещание. Обрисовал обстановку и общую задачу и точно, до мельчайших подробностей, каждому начальнику отдельной части объяснил предположительно ситуацию у красных и состояние их тылов.

По плану Каппеля, завтра в 5 часов утра главные силы, около 250 штыков, атакуют город в лоб. Выделенной конной группе, то есть мне с двумя орудиями под прикрытием Стафиевского (45 сабель), сделать глубокий обход города с севера, с таким расчетом, чтобы завтра ровно в 5 часов утра обстрелять возможно энергичнее эшелоны красных, по чешской разведке находившиеся на станции Заборовка, в 18 верстах западнее Сызрани. И, не задерживаясь, направиться по шоссе, вдоль линии железной дороги, на Сызрань. По пути взорвать в двух-трех местах железнодорожное полотно.

Задача, полученная мною, на первых порах показалась трудной, почти невыполнимой. Но когда Каппель намечал маршрут для меня, возможные встречи на моем пути и что приблизительно мы должны делать в том или ином случае — эта же задача оказалась простой и легкой, так как стало совершенно понятно, что у красных там ничего не было, так же как и у нас. И для нас этот глубокий обход не представлял большого риска, то есть был точным математическим расчетом нашего начальника.

Недолго думая мы направились в обход, так как день близился к вечеру. Пройдя ускоренным аллюром это расстояние, в 4 часа утра мы были в деревушке в двух верстах от станции Заборовка, сделав небольшой привал.

Станция Заборовка

Немногие проснувшиеся жители деревни с большим недоумением смотрели на нас, как будто мы свалились с неба. И конечно, они никак не могли догадаться, кто мы такие. Все одетые в защитный цвет, мы не имели никаких погон и никаких отличий, кроме небольшой белой повязки на левой руке.

Вернувшиеся от станции Заборовка разведчики доложили, что там стоят два классных эшелона и три товарных, груженные красногвардейцами.

Ровно в 5 часов утра станция Заборовка была, как приказал Каппель, обстреляна семью десятками снарядов (шрапнелью и гранатами) с предельной скоростью, после чего, взяв орудия на передки, мы спокойно, манежной рысью направились по шоссе вдоль железнодорожного полотна на город Сызрань. Сзади нас над станцией Заборовка

стоял черный дым от пожара — наши снаряды подожгли цистерны с нефтью или керосином.

Примерно через два часа мы входили в город Сызрань. Нашим глазам представилась картина только что оконченного уличного боя. На улицах валялись убитые красногвардейцы, разбитые повозки, сломанные полевые кухни и другое разбросанное военное имущество. Около одного дома под сложенным строевым лесом нашли спрятавшегося раненного в бедро мадьяра. Их оказалось среди красных немало.

Как мы узнали позже, утром красные очень упорно защищали город, но, когда к ним пришли сведения об обстреле их тыла — станции Заборовка, они поспешно очистили город, проклиная своих комиссаров. В панике они бежали в сторону Пензы, бросив свои позиции с орудиями, пулеметами и другим военным добром, оставив в городе нетронутыми военные склады. Поспешно из товарных платформ и вагонов был организован броневик, который преследовал бежавших красных до города Кузнецка.

В 12 часов дня в городе был произведен парад Народной армии. Население, заполнившее улицы города, по которым двигались войска, при общем дружном ликовании угощало своих освободителей разными прохладительными напитками, сластями и буквально засыпало их цветами. Позднее все чины Народной армии были приглашены сызранцами на обед, на котором радушные хозяева не поскупились в своем хлебосольстве.

Эта первая операция молодого отряда под командой Каппеля была головокружительной по своему успеху и прошла с пунктуальной точностью даже в самых мелочах, согласно распоряжениям Каппеля. За всю операцию было потеряно убитыми лишь четыре человека, тогда как потери красных были громадны. Эта победа дала как бы толчок для дальнейших действий и вселила в бойцов не только глубокое доверие к их начальнику, но и преклонение перед его знанием военного дела и ясным пониманием атмосферы и духа Гражданской войны.

В отряд стали поступать новые добровольцы. А захваченное военное имущество дало возможность формировать новые и пополнять существующие части. Тогда я получил новые орудия и все, что нужно для четырехорудийной батареи. Свои два старых орудия я потом подарил симбирцам.

Мне тогда рассказывали, что, когда я отправился в обход Сызрани, оттуда пришел лет 13 подросток в бойскаутской форме. Он подробно рассказал, как красные заняли город, разгромив винный склад,

перепились и группами разгуливали по городу, расстреливая не понравившихся им обывателей тут же на улице, и вообще бесчинствовали. Эти сведения очень помогли главным силам при занятии города.

После однодневного отдыха, согласно требованию из Самары, мы готовы были к отправке. Родители привели к нам бойскаута (о котором рассказано выше), прося взять его с собой, так как они не были уверены, что местные формирования смогут справиться с наступлением красных после нашего ухода. И конечно, когда они придут, то его расстреляют, потому что соседи видели и знают, как он нам помогал. Потом Каппель предложил мне взять этого юношу. Я был бы рад его взять, но ему нечего было делать у меня в батарее, так как он самостоятельно не смог бы седлать коня и даже поднять седло. Потом решили прикомандировать его к бронепоезду, с которым он провел всю Гражданскую войну, а теперь благополучно проживает среди нас в Сан-Франциско...

Вверх по Волге

Прибыв из Сызрани в Самару, отряд Каппеля прямо из вагонов был погружен на товаро-пассажирский пароход «Мефодий» и немедленно отправился вверх по Волге, в район города Ставрополя. Этот город и близлежащие деревни были заняты красными. По данным разведки, красные располагали большим количеством пулеметов и сильной артиллерией.

Не доходя верст пятнадцать до Ставрополя, пароход «Мефодий» пристал к крутому левому берегу, на который быстро были построены мостки, и по ним спешно выгружались бойцы, а орудия и зарядные ящики выкатывались на руках.

Из ближайшей деревни пригнали нужное количество крестьянских подвод для нашей пехоты, которая в это время на Волге никогда не ходила в пешем строю. Отнимая у крестьян подводы в жаркое рабочее время, мы согласно приказу Каппеля обязательно платили по 10—15 рублей за каждую (тогда это были приличные деньги). При таких условиях отряд мог передвигаться довольно быстро, не утомляясь.

Расспросив у первых попавшихся местных жителей о противнике, в его сторону направлялся разъезд нашей кавалерии. Приблизительно в одной версте следом за ним двигались главные силы. Наша пехота, расположившись по трое-четверо на телеге на душистом сене, обычно дремала или просто наслаждалась природой. Но лишь

только слышались первые выстрелы по нашему разъезду, как будто под действием электрического тока, пригретая теплым летним солнцем, дремлющая пехота выпрыгивала из своих повозок и, еще не дождавшись команды и остановки, бежала с винтовками наперевес в сторону выстрелов.

Каппель на коне впереди главных сил обыкновенно кричал в сторону командира пехоты бежавшему впереди бойцов Бузкову: «Не рискуйте — берегите людей! Каждый боец дорог!» Бегущий мимо него Бузков брал под козырек и вполоборота отвечал: «Слушаюсь!»

Повозки останавливались. Я со своими орудиями съезжал с дороги вправо или влево, строил фронт, но с передков пока не снимался до приказания начальника. И когда минуты через две-три выяснялось, что противник заслуживал внимания, тогда начинался бой. Кавалерия частью оставалась прикрытием к орудиям, а часто уходила в обход врага. Двигаясь очень быстро и энергично атакуя врага, отряд Каппеля всегда появлялся неожиданно. Противнику трудно было точно определить силы Каппеля.

В районе города Ставрополя Каппель дал ряд изумительных боев, обращая в бегство в десятки раз превосходившего численностью противника. По словам местных жителей, красные группировались большими силами в 18 верстах от Ставрополя, в районе деревни Васильевки. Спускаясь по длинной, верст 5—6, дороге, отряд Каппеля был обстрелян с трех мест трехдюймовыми орудиями почти на предельной дистанции, но потерь мы не понесли. Пришлось немного проехать вперед и, не видя никаких укрытий, встать на открытую позицию.

Не слезая с коня, в бинокль на пятиверстной дистанции я хорошо увидел дым и пыль от орудийных выстрелов красных в трех разных местах в кустарнике, на окраине деревни Васильевки. Завязался настоящий бой. Но нужно сказать, что красные, хотя и с трех мест, но стреляли очень плохо: или перелетами, или очень высокими разрывами, не приносящими нам вреда, что дало возможность спокойно ликвидировать три артиллерийских взвода красных, бросивших свои орудия.

Наша пехота, сильно обстрелянная из большого количества пулеметов, понесла потери и вынуждена была залечь. Бой мог затянуться. Истратив много снарядов на красную артиллерию, я доложил Каппелю, что у меня осталось всего 25 шрапнелей. Каппель немедленно отдал распоряжение взять одно орудие на передки, забрать все снаряды, идти орудию вперед, насколько возможно, и обстрелять линию врага. А разведчиков и свободных артиллерийских номеров присое-

динить к кавалерии и конным разведчикам и широким аллюром пустить в обход правого фланга противника.

Орудие карьером пошло вперед, снялось с передков близ наших цепей и начало в упор расстреливать красные пулеметы. Через несколько минут мы овладели деревней Васильевкой, 28 пулеметами и четырьмя орудиями с большим количеством снарядов, наша пехота уселась на свежие подводы, и весь отряд стремительно преследовал красных, которые с разгона прошли мимо Ставрополя. Район был очищен от красных.

«Мефодий» стоял у пристани, но погрузить орудия было очень затруднительно, так как они перед пристанью сильно вязли в бездонно сыпучем песке, и даже чудные богатыри кони были не в силах их тянуть двойными запряжками. В конечном итоге почти на руках бойцов, с большим напряжением все было погружено на пароход, и отряд готов был вернуться в Самару.

Как было заведено, все чины отряда должны были иметь винтовки или карабины. Каппель в этом отношении был самым примерным. Он не расставался с винтовкой не только как начальник небольшого отряда, но даже и тогда, когда был впоследствии главнокомандующим армиями. Питался отряд из общих солдатских кухонь или консервами. В кавалерии ни у кого из офицеров долгое время не было офицерских седел. Были у всех солдатские седла, как более удобные для вьюка. Добровольцы отряда, видя своего начальника все время перед глазами, живущего с ними одной жизнью, с каждым днем все более и более привязывались к Каппелю. Переживая сообща радость и горе, они полюбили его и готовы были для него на все, не щадя своей жизни.

С отрядом Каппеля (Народной армией) всегда следовал член Учредительного собрания Б.К. Фортунатов. Официально он считался членом Самарского военного штаба, в то же время выполняя успешно обязанности рядового бойца-разведчика. Сравнительно молодой (лет тридцати), он был энергичный и совершенно бесстрашный человек. Ему как-то на моих глазах удалось захватить в овраге четырех красноармейцев. Спокойно сказал всегда следовавшему за ним черкесу: «Дуко»... (его имя). Тот, не задумываясь, моментально по очереди пристрелил этих четырех пленников. Случайно я все это видел и потом вечером, когда мы отдыхали, спросил его, почему он приказал Дуко пристрелить красногвардейцев. Приказ — пленных не расстреливать. Он равнодушно ответил: «Но ведь был бой!»

Однажды, вскоре после взятия Сызрани, Фортунатов просил меня выяснить вопрос о наградах и жалованье, которое хотели бы получать бойцы. Я со многими, если не со всеми, говорил на эту тему, и

почти все сказали мне одно и то же: что выбранное после Учредительного собрания законное русское правительство сможет их вознаградить (предполагалось, что Гражданская война будет не долго); а пока они хотят иметь немного денег (рублей двадцать в месяц) на необходимые расходы и, конечно, казенное обмундирование и содержание (стол).

Эти ответы поразили меня своей скромностью. Но таковы были каппелевцы — кто-то метко назвал их «святыми безумцами». Они по своему личному почину, без всякого уговора или приказа, добровольно записались в боевые части, не считаясь с силами врага, как какие-то древние русские богатыри. Почти ничего не зная о 3-м Интернационале, они даже не вполне понимали, но инстинктивно чувствовали, что на Россию, на родину, надвигалось какое-то чудовище, готовое ради сумасбродной идеи мирового коммунизма взять всю страну за горло. Этого они не могли допустить и, не задумываясь о последствиях, пошли сражаться.

Конечно, таких каппелевцев в действительности оказалось уж не так много в сравнении с общей массой. Огромное большинство, не вдумываясь в окружающее, попряталось по своим норам, предоставив себя, в надежде на какое-то чудо, на волю волн. Многие из этих спрятавшихся погибли позже от рук красных, не зная, за что погибали. Многие как-то уцелели и ушли с общей беженской волной за границу. И уже за границей, в безопасных местах, объявили себя белыми бойцами против большевиков, принимая энергичное участие в эмигрантских организациях и склоках.

Почти перед концом погрузки отряда на пароход «Мефодий» на ставропольской пристани, чтобы вернуться согласно приказанию из Самары обратно, к Каппелю явилась крестьянская делегация с правого берега Волги, прося прогнать из их деревень красных насильников и грабителей. Каппель по прямому проводу сообщил об этом в Самару и наутро выгрузился в указанном крестьянами месте, в 10—12 верстах от деревни Климовки, занятой красными.

После непродолжительного боя красные оставили Климовку, уходя на запад бесчисленными повозками. Наша пехота вошла в Климовку. Б.К. Фортунатов просил не стрелять по отходящим красным и, взяв 6—7 человек разведчиков, ускакал оврагом, чтобы отрезать хвосты уходящей колонне красных. Мы наблюдали за ним, насколько нам позволяла пересеченная местность. Через полтора-два часа Фортунатов вернулся со своими разведчиками и привел четыре военные повозки с одним пулеметом и пулеметными лентами на каждой, а красногвардейцы убежали в кустарник.

Деревня Климовка

Красные поспешно оставили деревню Климовку после легкого обстрела с нашей стороны. Отряд Каппеля вошел в деревню, расположенную в полуверсте от Волги, скрываясь за небольшой возвышенностью, за которой была пароходная пристань.

Наша пехота и конница расположились по избам и дворам, а я со своими пушками, как всегда, в середине деревни, прямо на широкой улице, где разбивалась коновязь для коней; недалеко был постлан прямо на земле большой брезент, на котором расположились все мои артиллеристы. От пехоты было выставлено в стороне охранение, и на пристани оказалось двое 16-летних добровольцев.

Летние ночи на Волге коротки. Перед рассветом, в 2—3 часа утра, я услышал сначала редкие выстрелы. Крикнув дневального Растрепина, наблюдавшего за конями, я увидел двух всадников с винтовками на коленях, одетых в штатское, коротким галопом приближавшихся ко мне. Я спросил их, какой они части. Растрепин, не успевший мне ответить, выстрелом сбил одного всадника, упавшего с лошади к моим ногам. Второй всадник, моментально повернувшись, поскакал в сторону пристани; ему Растрепин послал вдогонку вторую пулю, свалившую его. По деревне началась беспорядочная ружейная стрельба.

Я с лихорадочной поспешностью начал будить своих добровольцев, приказывая: «Седлать, запрягать!» И в это время увидел, как на краю самой возвышенности, прикрывающей от нас пароходную пристань, красные устанавливают пулемет. Не дожидаясь конца запряжки, я приказал запряженному корню (паре коней, ближайших к орудию) вывезти орудие на ближайший огород и направить его на пулемет красных. Я скомандовал:

— С передков, прямой наводкой, по пулемету шрапнелью огонь!

Наводчик орудия доложил: «По пулемету не позволяет прицел». Я энергично повторил команду «огонь». Орудие рявкнуло, шрапнель, картечью ударившись в середину горы, подняла большой столб пыли, закрывшей красных и нас. Это дало возможность подрыть хобот и поднять дуло орудия так, что оно могло перебрасывать снаряды через верхушку горы, что я и стал делать, стараясь попасть в предполагаемую за горой пароходную пристань. Направленный же в нашу сторону пулемет был оставлен убежавшими красными на вершине горы.

Наша пехота обходила возвышенность, я подтянул пушки на пристань и стрелял по уходившим вверх по Волге двум пароходам крас-

ных, которые скоро скрылись за поворотом реки, забрав с собой бывших на пристани двух добровольцев-часовых — или уснувших, или принявших прибывшие красные пароходы за свои.

Село Новодевичье

После стычки с красными, прибывшими на помощь гарнизону Климовки из Сенгилея и по какой-то случайности не знавшими, что в Климовке были мы, отряд Каппеля сделал привал и двинулся на село Новодевичье, до которого было 18 верст. По словам пришедших оттуда крестьян, село Новодевичье было сильно укрепленным пунктом, с красной артиллерией.

В десять с половиной часов вечера отряд подошел к лесу верстах четырех-пяти от села Новодевичьего. Как рассказывали попавшиеся по дороге крестьяне, в селе было около 2000 красногвардейцев и какой-то особый матросский полк в 800 человек и 16 легких орудий (крестьяне зарядные ящики считали за орудия). По их словам, эти войска прибыли недавно из Симбирска на пароходах, стоящих у пристани.

Остановились. Ночь темная, темная при сильном ветре со стороны села. В ближайшем небольшом овражке Каппель собрал начальников отдельных частей: Б. Бузкова от пехоты — около 250 бойцов, Стафиевского — кавалерия, 45 сабель, Юдина — сотня оренбургских казаков, только перед походом на Ставрополь присланных атаманом Дутовым, Янушко — конные разведчики, 40—45 всадников, и я с двумя орудиями. При свете жалкого огарка свечи, которая все время тухла, стали рассматривать карту. Встретившийся крестьянин из Новодевичьего рассказал, что у красных почти никакого охранения нет. Орудия стоят у самой околицы, красные — по избам.

Каппель приказал свернуть с главного тракта, по которому мы шли, на проселочную дорогу, шедшую ближе к Волге, подойдя на три версты от села, там на перекрестной проселочной дороге (со слов встречных) повернуть влево и таким образом обойти село с юго-запада и атаковать с рассветом. Как всегда, Каппель предложил по этому поводу высказаться.

Стафиевский сильно заволновался и, отойдя немного в сторону с Юдиным, стал ему нервно и тихо доказывать: «Это авантюра, нас отрежут... Нас опрокинут в Волгу!..» и т. д. Совсем молодой Юдин как будто начал с ним соглашаться. Каппель не мог этого не слышать и, обратившись к Бузкову, спросил его мнения. Тот ответил, что намеченный план считает вполне правильным. «Ну а ваше мне-

ние, командир батареи?» — обратился Каппель ко мне. Я ответил, что чем глубже обход, тем больше шансов на успех. Обратившись к Стафиевскому и Юдину, стоявшим немного в стороне, Каппель сказал им:

— Вы, кажется, против. Если вообще вы не верите в наше дело, то я вас, как добровольцев, освобождаю. Вы можете сейчас же вернуться обратно, и мы, оставшиеся, уже без вас решим, что делать дальше.

Юдин тут же сказал, что против ничего не имеет и вполне согласен. Тогда Стафиевский пробормотал, что в принципе он тоже согласен.

Шум наших орудий, когда мы проходили почти под самым носом красных, взволновал их. Нам даже было слышно, как у красных хлопали дверки зарядных ящиков, из которых вынимались снаряды. Затем последовали вспышки с оглушительными выстрелами и визг пролетавших над нашими головами снарядов, рвавшихся далеко на главном тракте, по которому мы несколько минут назад прошли. Отсюда, обойдя село с юго-запада, Каппель просил меня поставить орудия на закрытой позиции, предупредив, что у врага сильная артиллерия.

Начинался рассвет. Я выбрал для орудий хорошую, закрытую со всех сторон лесом поляну, дал примерное направление орудиям. Разведчики провели телефон на опушку леса, откуда были видны крайние избы и голубые верхушки церкви; село располагалось на обратном скате к Волге. Саженях в 250—300 на возвышенности были хорошо видны красногвардейцы, устанавливающие пулеметы. Они спокойно рыли для себя и для пулеметов окопы; до меня доносились обрывки их разговора и звук лопат о каменистую почву.

Из села, направляясь в нашу сторону, медленно шло стадо, с пастухом впереди. Мы разговаривали шепотом. Я приказал разведчикам привести мне пастуха, как только он подойдет к нашей опушке. Острием шашки я осторожно открыл консервную коробку с мясом и, пользуясь сломанной веткой, приступил к завтраку.

В это время со стороны орудий пришел ко мне сам Каппель, а за ним Бузков. Я предупредил их, чтобы они говорили тише, и указал на красные пулеметы. Глаза Каппеля заблестели при виде мясной консервной банки в моей руке: «Какой вы счастливец!» Я дал ему часть сломанной ветки и предложил разделить мою еду. Тихо разговаривая, укрытые кустарником, мы дружно принялись за консервированное мясо. Потом выяснилось, что Каппель, погруженный в боевые операции, несколько дней ничего не ел. Он рассказал, что у нас на главном тракте оставлены всего два пулемета — остальные все здесь.

Разведчики привели пастуха. Мы отошли немного в глубь леса. Пастух рассказал, что у самого села близ телеграфных столбов стоят красные пушки, направленные вдоль главного тракта. Другие орудия стоят у самого берега Волги (их нам не было видно). Уговорились, что Бузков через 40 минут, обойдя ближайшие к нам пушки, атакует их с фланга. Мне было приказано обезвредить виденные нами пулеметы и действовать по обстановке. Бузков быстро ушел к нашим орудиям, где его ожидала пехота.

Перед походом на Сызрань военный штаб в Самаре предписал от батареи давать каждый день подседланного коня начальнику отряда, а вечером брать его обратно на общую батарейную коновязь. Вследствие того что в отряде все бойцы были добровольцы, вестовых у офицеров не было, даже у командного состава. Каждый боец, кто бы он ни был, должен был сам ухаживать за своей лошадью и кормить ее. Первое время особенно тяжело и трудно было с этим начальнику отряда. Но, уйдя с головой в свою боевую работу, Каппель не замечал трудностей.

Конечно, потом, и довольно скоро, все наладилось. Появились и вестовые, и денщики. А вскоре, перед походом на Симбирск, к Каппелю прибыл офицер Генерального штаба Мокей Мартынович Максимов, который был отважным стрелком и доблестным помощником начальника отряда и в то же время заключал в себе самый большой боевой штаб со всевозможными отделами. Энергии он был невероятной, доброты и заботливости необычайной. Впоследствии, уже будучи командиром пехотного полка, М.М. погиб смертью храбрых, ведя свой полк в атаку на красных на реке Белой...

Быстро покончив с завтраком, мы тихо и мирно беседовали, укрытые от красных густой опушкой леса. Я успел сходить еще раз на батарею, чтобы дать более точное направление орудиям на красные пулеметы. Мы уже видели, как цепи Бузкова поднимались из оврага по спелой ржи к орудиям красных, до которых от цепей было менее полуверсты.

Сорок томительных минут, назначенных Бузковым, кончились. Я открыл огонь по пулеметам. После удачных разрывов нашей шрапнели красные оставили свои пулеметы без выстрела. Батарея красных сделала несколько беспорядочных больших перелетов в нашу сторону. Пыль от их выстрелов нам была ясно видна. Цепи Бузкова уже приближались к орудиям красных, которые молчали. Я перенес огонь по пристаням с пароходами, которые, по рассказу пастуха, должны были быть немного левее и дальше церкви, кресты которой блестели на солнце.

Стрельба по своим

В это время прискакал с левого фланга конный разведчик и доложил, что Бузкова обходит красный матросский полк. В бинокль было ясно видно, что вслед за первой цепью Бузкова на небольшом расстоянии идет вторая цепь по высокой ржи — хорошо видные нам человек десять—двенадцать. Находившийся случайно при Каппеле Б.К. Фортунатов забеспокоился и, как член военного штаба, доказывал, что видимую цепь матросов необходимо немедленно обстрелять, иначе пехота Бузкова окажется в тяжелом положении, — и так далее в этом же духе.

Обстреливая площадь, где, по предположениям, должны были быть пароходы красных, я посмотрел в бинокль на указанные цепи матросов. До них было более трех верст, и они шли довольно спокойно, хотя и быстро. Но все же я высказал подозрение, что это могут быть свои, так как они были близко от нашей первой цепи, подходившей к красной позиции. Фортунатов настаивал на обстреле этой цепи.

Каппель приказал мне дать несколько выстрелов. Нехотя я дал очередь, умышленно на высоких разрывах. Каппель это заметил и сделал мне замечание, приказав дать еще очередь. В бинокль я увидел, что «матросская» цепь лишь ускорила шаг, но шла спокойно. Не торопясь, я все же с поправкой дал вторую очередь и перенес огонь опять по пароходам, которые должны были быть немного дальше церкви.

Вскоре к нам прибежал с винтовкой со стороны нашей пехоты доброволец, потом оказавшийся моим приятелем по институту. Он еще издали кричал:

— Васька, ведь ты по своим стреляешь! Есть раненые!

Я слез с дуба, служившего мне наблюдательным пунктом, подошел к Каппелю и доложил:

— Господин начальник, как кончится бой, прошу откомандировать меня в Самару и назначить командиром батареи кого-нибудь другого. Мне невыносимо тяжело видеть нашу пехоту, среди которой есть и мои друзья и по которой я стрелял!

Каппель направился в деревню. Я вызвал одно орудие и пошел туда же. По главному тракту мы прошли мимо брошенной красной батареи, у которой мои гранаты выбили несколько спиц из колес зарядного ящика.

Около первых изб села меня встретил сам Каппель, сообщил, что село очищено от противника, и просил зайти в одну из изб. Я послал распоряжение всем моим артиллеристам направиться в село и передал командование своему заместителю.

Наш раненый нашей шрапнелью

Следуя за Каппелем, мы вошли в избу, и я увидел лежавшего на кровати с забинтованной ногой студента-добровольца. Он курил папиросу и приветливо улыбался. В шутливой форме раненый заговорил первый, обращаясь ко мне:

— Это вы меня ранили, но начальник отряда рассказал мне, как это было. Вы совершенно в этом не виноваты, это будут знать все наши. Мне даже приятно быть раненым... Мы будем знать, что, когда вы будете стрелять, вы будете попадать в красных.

Вошедший разведчик доложил, что наша пехота захватила пароходы. Село Новодевичье оказалось обширным. Когда я прибыл на пристань, там были пришвартованы пять больших пассажирских пароходов. Вверх по Волге уходил пароход, по которому я успел сделать несколько малоэффективных выстрелов; противник слабо отвечал на больших недолетах из трехдюймовых орудий и скоро скрылся.

Бузков рассказал, что он со своей пехотой совершенно врасплох с фланга и с тыла атаковал красную батарею, выпустившую несколько снарядов в другом направлении. По пятам бежавших красных артиллеристов, бросавших орудия, наша пехота пробежала более половины села, обратив в бегство красных бойцов, убегавших по берегу вверх по реке Волге на север, бросая на позиции орудия, пулеметы и полные военного добра пароходы. Наша кавалерия не могла их преследовать, так как в этих местах берега Волги овражисты и покрыты густым лесом.

Для красных появление нашего отряда было полной неожиданностью. Молниеносное наступление Бузкова окончательно сбило их с толку. Более трех тысяч красногвардейцев, в паническом ужасе, побросав все и не имея времени забежать на свои пароходы, обратились в бегство. Вторая их батарея, стоявшая на самом берегу Волги, была оставлена целиком, без единого выстрела. В пароходах стояло много коней и незапряженных военных повозок с пулеметами, патронами и провиантом.

Крестьяне села восторгались нашей победой. Отыскивали не успевших убежать спрятавшихся комиссаров и красногвардейцев.

Печальные вести

Тут же крестьяне рассказали, как вчера пришедшие из Климовки пароходы привезли двух наших добровольцев, бывших часовых на пристани, и как эти юноши были начальством отданы красным на

самосуд. Красные водили их по улицам села, нещадно били, отрезали им уши и носы. Били палками, так что у одного мученика был выбит глаз и зубы. Наконец их умертвили и выбросили на ближайший островок. Привезенные нами после тела наших замученных добровольцев были обезображены до неузнаваемости.

Главнокомандующий Сенгилеевским фронтом комиссар Мельников

На следующее утро, совершенно случайно, наши конные разведчики наткнулись на командующего Сенгилеевским фронтом бывшего поручика Мельникова. На отличной верховой лошади он производил рекогносцировку позиций.

Каппель созвал всех начальников частей для полевого суда над Мельниковым, который уверял, что ехал он с целью убежать от большевиков. Но документы, захваченная при нем переписка, телеграфные ленты говорили, что он служил большевикам верой и правдой. Наши добровольцы, захваченные в Климовке, именно приказом Мельникова были отданы на самосуд красным. Мельников был отведен под арест. Некоторые начальники частей предлагали забить в общий гроб живого Мельникова и наших замученных добровольцев для отправки в Самару. Каппель категорически это отверг, сказав: «Он недостоин лежать в одном гробу с нашими добровольцами!»

Полевой суд приговорил Мельникова к расстрелу, и за селом на опушке леса он был расстрелян. Сельскому старосте было приказано назначить людей для уборки тела. Через час или полтора к Каппелю пришел крестьянин и, передавая 40 000 бумажных рублей, сказал: «Сапоги с убитого я взял себе, а деньги принес вам в казну».

Можно прожить долгую жизнь, пережить много потрясающих событий, но жуткая картина пыток, произведенных большевиками над нашими добровольцами, взятыми в Климовке, навсегда будет перед глазами, никогда не забудется... Я допускал, что после этого наши добровольцы могут потерять военный пыл. В действительности наши бойцы ушли в себя, крепче сплотились вокруг своего обожаемого начальника и с какой-то рыцарской доблестью гордо называли себя «каппелевцами», не знающими боевых преград...

Восемь орудий с зарядными ящиками, пулеметами и массой патронов были погружены на красные пароходы, и без того нагруженные разным военным имуществом, и пароходы были отправлены в Самару.

Согласно приказу Самарского военного штаба отряд Каппеля был погружен на свой товаро-пассажирский пароход «Мефодий» и направлен в город Сызрань, где местные формирования нуждались в помощи против наступавших большими силами красных. Энергичным ударом отряд Каппеля второй раз отогнал красных от Сызрани. И после дневки, не задерживаясь, отправился по главному тракту к Симбирску, усадив своих бойцов на подводы.

Симбирск

Слухи о действиях Народной армии и о начальнике ее Каппеле вогнали красное командование Симбирска в панику.

Высланные вниз по Волге, в сторону Сенгилея, Новодевичьего и Ставрополя, красные войска молниеносно были разбиты и уничтожены Каппелем. Это заставило красных в Симбирске с лихорадочной поспешностью превратить крутой берег Волги в неприступную крепость. Блестели жерла орудий, направленных с укрепленных возвышенностей на Волгу для встречи Каппеля...

Зорко смотрели высланные наблюдатели вниз по течению, ожидая прихода Народной армии и уже тогда легендарного Каппеля. Артиллеристы были готовы открыть огонь. Прожекторы тщательно и неустанно по ночам освещали Волгу в ожидании Каппеля. Но Каппель со своим отрядом, на свежих перекладных подводах, буквально протаранил 140 верст по главному тракту от Сызрани до Симбирска, быстрым натиском выбивая красных из попутных деревень, не обращая внимания ни вправо, ни влево. Попадавшиеся на пути красные отряды разлетались в сторону от Народной армии, как осколки стекла из-под удара молота.

И на четвертый день похода, 21 июня 1918 года, совершенно неожиданно для красного командования, каппелевский отряд вырос как из-под земли под Симбирском. Но только не на Волге, где его ожидали.

Главные силы Народной армии, обойдя город с юга и запада, вихрем ворвались в город с фланга и тыла и захватили позиции красных, убежавших через город, побросав орудия, пулеметы и много снарядов и патронов и даже не успев расстрелять арестованных офицеров.

Троцкий забил в набат: требовал подкреплений и всенародно объявил революцию в опасности. Большевистский штаб отдельным приказом назначил денежные премии: за голову Каппеля 50 000 рублей, а также за командиров частей: за капитана Хлебникова, командира

гаубичной батареи, за командира полевой батареи капитана Попова и за меня по 18 000 рублей. Не помню, сколько за Бузкова, Янучина (конные разведчики), Стафиевского (кавалерия), Юдина (Оренбургская сотня); перед именем каждого стояла цена. Каппель, читая этот приказ, сказал, смеясь: «Я очень недоволен, — большевики нас дешево оценили... Ну, да скоро им придется увеличить назначенную за нас цену...»

В этот раз на Симбирск совместно с Народной армией, только с левого берега Волги, через железнодорожный мост одновременно должны были наступать и чехи под командованием русского капитана Степанова. Но по каким-то причинам чехи опоздали на 4 часа и победоносно вошли с оркестром в уже взятый Народной армией Симбирск, где она скромно заняла важнейшие пункты города и окрестностей. Население радостно цветами приветствовало чехов, как победителей и избавителей.

Появление Каппеля перед населением

В тот же день Каппель в первый раз появился перед населением. В переполненном до отказа городском театре, при гробовой тишине, вышел на сцену скромный, немного выше среднего роста военный, одетый в защитного цвета гимнастерку и уланские рейтузы, в офицерских кавалерийских сапогах, с револьвером и шашкой на поясе, без погон и лишь с белой повязкой на рукаве. Он как будто устало обратился с приветствием к собранию. Его речь была удивительно проста, но дышала искренностью и воодушевлением. В ней чувствовался порыв и воля. Во время его речи многие присутствующие плакали. Плакали и закаленные в боях офицеры, только что освобожденные из большевистских застенков. Да и немудрено: ведь он звал на борьбу за поруганную Родину, за народ, за свободу. Отечество, свобода и жизнь народа были в опасности...

Каппель говорил — и не было сомнения, что он глубоко любит народ, верит в него и что он первый готов отдать жизнь свою за Родину, за великое дело, которое он делал... Действие его слов на слушателей было колоссально, и, когда он кончил речь, она была покрыта не овациями, а каким-то сплошным ревом и громом, от которых дрожало все здание.

С этого дня отряд Каппеля стал быстро пополняться добровольцами. Все, кто верил в дело освобождения России и любил свое отечество, брали винтовки и становились в строй. Рядом стояли и офицер,

и рабочий, и инженер, и мужик, и техник, и купец. Крепко они держали национальный флаг в руках, и их вождь объединил всех своей верой в идею, святую идею освобождения родной страны.

Среди добровольцев не было перевеса на стороне какого-нибудь отдельного класса. Мощно поднялась волна народного гнева, чтобы смести насильников с лица земли. И армия в это время справедливо называлась Народной. В составе ее были представители буквально всех политических партий, за исключением большевистской.

Самарское правительство, или, как его тогда называли, Комуч, имело большие недостатки, но это нисколько не отражалось на действующей Народной армии. Главной задачей у войск и у самого Каппеля было — победить большевиков и потом уже думать о правительстве. Да и действительно, Народной армии, живущей беспрерывно боевой и походной жизнью, было не до правительства.

В то время каждый командир, в том числе и Каппель, был в то же самое время и рядовым бойцом. На Волге не раз Каппелю приходилось залегать в цепь вместе со своими добровольцами и вести стрельбу по красным. Может быть, потому он так тонко знал настроение и нужды своих солдат, что ему приходилось вести тогда жизнь рядового бойца. Бывало, где-нибудь на привале или на дневке он охотно делился своими впечатлениями о текущем моменте: «Мы, военные, оказались совершенно застигнутыми врасплох революцией. О ней мы почти ничего не знали, и сейчас нам приходится учиться тяжелыми уроками...»

«Гражданская война — это не то что война с внешним врагом. Там все гораздо проще. В Гражданской войне не все приемы и методы, о которых говорят военные учебники, хороши... Эту войну нужно вести особенно осторожно, ибо один ошибочный шаг если не погубит, то сильно повредит делу. Особенно осторожно нужно относиться к населению, ибо все население России активно или пассивно, но участвует в войне. В Гражданской войне победит тот, на чьей стороне будут симпатии населения...»

«Не нужно ни на одну минуту забывать, что революция совершилась, — это факт. Народ ждет от нее многого. И народу нужно что-то, какую-то часть дать, чтобы уцелеть самим...»

Указывая на добровольцев из крестьян, ведущих коней на водопой, Каппель говорил: «Победить легче тому, кто поймет, как революция отразилась на их психологии. И раз это будет понято, то будет и победа. Мы видим, как население сейчас идет нам навстречу, оно верит нам, и потому мы побеждаем... И кроме того, раз мы честно любим Родину, нам нужно забыть о том, кто из нас и кем был до революции. Ко-

нечно, я хотел бы, как и многие из нас, чтобы образом правления у нас была монархия; но в данный момент о монархии думать преждевременно. Мы сейчас видим, что наша Родина испытывает страдания, и наша задача — облегчить эти страдания...»

Казань

После Симбирской победы Каппель с присущей ему энергией погнал красных вверх по Волге, сообщив об этом в Самару полковнику Чечеку, стоявшему во главе чешских войск, и Галкину, председателю военного штаба. Оттуда пришло разрешение, чтобы обеспечить Симбирск, произвести только демонстрацию в сторону Казани. Не желая отпускать далеко от себя Каппеля, самарское правительство ограничило его движение вверх по Волге лишь до устья впадающей в Волгу реки Камы (до города Богородска).

Донеся о получении этого приказа, Каппель высказал намерение идти на Казань. Самарское командование категорически запретило ему подниматься выше, но не объяснило почему. В это же время из Казани противобольшевистская организация сообщила и настойчиво просила как можно скорее атаковать Казань; в противном случае организация может погибнуть.

На военном совещании, созванном Каппелем, присутствовали члены самарского военного штаба Б.К. Фортунатов, В.И. Лебедев, представитель чешских войск, командир батальона русский капитан Степанов и другие. На этом совещании Каппель доказал необходимость захвата Казани, в которой можно было получить много добровольцев и захватить российский государственный золотой запас. Все члены совещания разделяли взгляды Каппеля и охотно согласились взять все могущие быть последствия на себя, вопреки приказанию Самары.

После тяжелого, но непродолжительного ночного боя Народная армия овладела Казанью. Была взята масса пленных, в том числе весь 5-й латышский полк, много военного имущества и весь российский государственный золотой запас, брошенный большевиками в Государственном банке, находившемся в центре города, далеко от пароходных пристаней. Перевозочных средств не было, все было захвачено убегавшими красными. К вечеру Каппель отдал приказ подать к Государственному банку трамвайные вагоны и на них с помощью каппелевцев погрузить все золото для перегрузки на пароход «Фельдмаршал Суворов».

Добровольцы, как муравьи, поодиночке и группами переносили ящики из кладовых банка, где на полу было рассыпано много золотых монет: видимо, уже начали грабить большевики, да не успели... Добровольцы подбирали с пола монеты и передавали их Каппелю, кладя на стол, за которым он сидел. Тогда никому в голову не приходило взять закатившуюся золотую монету себе на память. Все подобранные монеты назначенная Каппелем комиссия аккуратно пересчитывала, снова укладывала и забивала в ящики и отправляла вместе с другими ящиками на пароход «Фельдмаршал Суворов».

Было погружено 650 000 000 золотых рублей в монетах, 100 миллионов рублей кредитными знаками, слитки золота, запас платины и другие ценности. Впоследствии это золото из Самары было перевезено в Омск, в распоряжение Верховного правителя адмирала А.В. Колчака.

В Казани были десятки тысяч рядовых офицеров и вся академия Генерального штаба с профессорами. На собрании офицеров Генерального штаба Каппель настаивал на дальнейшем движении на Москву. Но большинство решило, как учили учебники: «Сначала закрепить завоеванное, а потом двигаться дальше!» А через два дня самарское командование вынуждено было отозвать Народную армию обратно под Симбирск, так как к красным пришли большие пополнения во главе с Тухачевским.

Симбирск был в безвыходном положении, почти накануне сдачи. Но в последний момент Каппель, как орел, прилетел со своей Народной армией и — правда, не без труда — разбил красных, прогнав их в сторону Инзы.

Опять под Казань

Не докончив удачно начатой операции под Симбирском, Каппель вынужден был погрузить своих добровольцев на пароходы и баржи и идти под Казань, фронт которой затруднялись держать чехи, прибывшие в помощь к местным формированиям.

Опоздав под Казань, Каппель принужден был Народную армию выгрузить на правом берегу Волги в районе Нижнего Услона и дать несколько ожесточенных боев около города Свияжска с превосходящим в десять раз противником. Чтобы взять инициативу в свои руки, Каппель послал конную группу в глубокий обход Свияжска (слева) на станцию Тюрельма, так же как было при обходе Сызрани на станции Заборовка.

Борис В. Савинков

В это время только что бежал от большевиков знаменитый террорист Б. Савинков, который попросил разрешения принять участие в обходе Свияжска на ст. Тюрельма. Каппель приказал мне выделить для Савинкова коня. Савинков следовал все время с моей батареей. Помню, ему, не сидевшему на коне более двух лет, было очень тяжело сделать за первые сутки около девяноста верст.

Обстреляв ст. Тюрельма так же, как когда-то и станцию Заборовка, но только с дистанции 3 верст, я должен был не задерживаясь двигаться на Свияжск, имея у себя прикрытие всего 45 сабель конницы под командой ротмистра Фельдмана. Через полчаса пути нам навстречу показался шедший из Свияжска бронепоезд. Я быстро поставил батарею на позицию, укрытую небольшой горкой, недалеко от деревни. И с трехверстной дистанции начал энергично обстреливать бронепоезд, который скоро остановился, выпуская из паровоза облако пара. Красные как тараканы разбегались врассыпную из вагонов поезда, и почему-то большая часть их бежала в деревню — в нашу сторону.

Мне нужно было беречь снаряды, так как неизвестно было дальнейшее. Согласно общей диспозиции на город Свияжск с рассветом должны были наступать наши главные силы и к нашему приходу он должен был быть взят.

Я послал часть своих разведчиков для захвата бежавших с бронепоезда красных, а сам вместе с Савинковым сидел на больших камнях близ сельской бакалейной лавки, куда мне приводили пойманных красных. Я задавал им несколько обычных вопросов, и согласно приказу самарского военного штаба их отпускали на все четыре стороны, если они не хотели служить в наших рядах. Конечно, предварительно у них отбирали оружие. Расстреливать их тоже не полагалось. А комиссаров и командный состав мы должны были направлять в штаб Каппеля, а оттуда в Самару для допроса. Тогда мы это точно выполняли.

И вот, когда Савинков и я сидели около лавки, ко мне привели грязного 16-летнего красноармейца мои смеющиеся над ним добровольцы. Он от страха заливался горькими слезами. Среди приведших его был мой большой приятель и друг по коммерческому училищу Л. Ш., который сказал: «Господин командир (чинов у нас тогда не было, обращались по должности), разрешите этого парнишку отшлепать. Он убежал от матери и поступил в красные добровольцы». Я ему разрешил, так как хорошо знал, что доброволец Л. Ш. ничего страшного парнишке не сделает. Он скомандовал красному вояке снять штаны и лечь на бревно и

дал ему несколько шлепков, приговаривая: «Не бегай от матери, не ходи в красные добровольцы!» И добавил: «Вставай и иди к своим и скажи, что мы никого не расстреливаем». Красный вояка, застегивая на ходу пуговицы штанов, быстро побежал к бронепоезду, крича: «Никому ничего не скажу!» — и скрылся за плетнями огородов.

Наблюдавший эту картину Савинков, обращаясь ко мне, сказал: «Эх, Василий Осипович, добрый вы человек — что вы с ними цацкаетесь? Расстрелять эту сволочь, да и дело с концом. Ведь попадись мы с вами к этим молодчикам, они ремнями содрали бы с нас кожу. Я только что бежал от них и видел, что они делали с пленными...»

Согласно диспозиции конной группе, то есть мне, нужно было после обстрела станции Тюрельма не задерживаясь двигаться на Свияжск, который, предполагалось, должен был быть очищенным от красных. Мы шли, держась сжатым кулаком, имея в полуверсте впереди себя дозорных, которые уже с окраинных улиц видели в центре площадь, заполненную повозками, кухнями и какими-то войсками.

Из-за угла ближайшего перекрестка прямо на дозорных шел автомобиль «Минерва», который сразу уткнулся в первые ворота. Из него вышли два человека и быстро скрылись в калитке ворот, пока дозорные, имевшие из предосторожности винтовки на коленях, разговаривали с шофером, приказав ему ехать ко мне. На глазах дозорных заполненная площадь как бы закипела. Все разбегались, кто куда мог.

Из расспросов шофера оказалось, что он вез Троцкого и его адъютанта, но нам в подробности входить было некогда. Положение конной группы (то есть нашей) было пикантным. Пришлось спешно повернуть в первую попавшуюся боковую улицу, на спокойной рыси выбраться на окраину города, проехать в поле и только там перевести коней в шаг, придерживаясь направления на юг к деревне, где должны были быть наши главные силы. К ним мы присоединились перед наступлением вечерней темноты, когда части втягивались в только что покинутую красными деревню.

Нас встретил Каппель, поблагодарил за отличную работу и рассказал, что наступление на Свияжск было отложено, так как некоторые наши наступающие части ошиблись в направлении. Выправить его взяло много времени, и пришлось ограничиться боем за это село. В конную группу, то есть ко мне, было послано три сообщения, которые не удалось нам доставить. Наши кони были сильно утомлены переходом, мы вели их в поводу, часто останавливаясь, втягиваясь в большое село.

В нашей группе начальников шли Каппель, Савинков, Фортунатов и я. Немного сзади нас шел тоже член самарского военного штаба В.И. Лебедев. Из ворот вышла старушка крестьянка и, подавая доволь-

но увесистую краюху хлеба Лебедеву, сказала: «На-ка, родимый, чай, изголодались за день-то денской, покушай!..» Лебедев почти вырвал у нее хлеб и, догоняя нас, крикнул Савинкову: «Борис Викторович, смотрика, народ-то за нас»...

Савинков, не останавливаясь, резко ответил: «А ты думаешь, что баба разбирается, белый ты или красный?»...

Троцкий

От пленных и от захваченного в Свияжске шофера Троцкого узнали, что Троцкий недавно прибыл из Москвы с 200 матросами, отборными коммунистами, и теперь наводит порядок и дисциплину в красных войсках. За неделю он расстрелял более двадцати красных командиров, не пригодных к занимаемым ими должностям. Рядовых бойцов он тоже не щадил, вводя железную дисциплину. Из центра прибывали в большом количестве резервы.

Ночью из Нижнего Услона пришло донесение от сербов, что они не в силах выдерживать наступление красных и завтра принуждены будут отходить, отдав им Нижний Услон. Это могло оголить наш фланг и дать возможность красным оказаться в тылу Народной армии.

Каппель принужден был отказаться от Свияжска и идти на помощь сербам. В этом районе Каппель в течение четырех дней выдержал кровопролитный бой совместно с сербами и чехами. Но напрасно лилась кровь. Деревни по нескольку раз переходили из рук в руки. Троцкий вводил в бой всё новые части. Народная армия, чехи и сербы несли громадные потери, но позиций своих не сдавали. Командование приказало Каппелю бросить позиции, погрузиться на пароходы и баржи и спешно идти под Симбирск в третий раз.

Следуя вниз по Волге, Каппель, не доходя до Симбирска, был вынужден выгрузить свои войска в Тетюшах, на левом берегу Волги, с тем чтобы прикрыть отход войск из Симбирска.

Доброволец Рыжинский

Во время жесточайших боев у Свияжска Народная армия должна была атаковать деревню Николаевку. На рассвете все части собрались на сборном пункте. И как только батарея встала, со стороны расположения пехоты ко мне подбежал пехотинец-доброволец Рыжинский и в нервно-приподнятом тоне просил меня, уже не в первый раз,

перевести его из пехоты в батарею, где у него было много приятелей-однокашников.

Недели две назад я обещал о нем поговорить с Бузковым, но как-то это не удавалось или я забывал. В это время неподалеку от нас шел к своей пехоте сам Бузков. Я остановил его и спросил о Рыжинском. Он сказал, что ничего не имеет против перехода Рыжинского в батарею хоть сейчас, а документы на довольствие Рыжинского пришлет потом.

Нужно сказать, что Рыжинский был отчаянным бойцом. Заподозрить его в том, что он, переходя в батарею, укрывается от опасности, не было никаких данных, и никому это не приходило в голову. По его возбужденному и нервному виду можно было, однако, заключить, что он как бы инстинктивно радовался, что избежал смерти: был какой-то особый оттенок во взоре его глаз. Друзья его тут же принялись ему объяснять, что он должен делать во время боев.

Начинался рассвет. Наша пехота потянулась в гору. Каппель послал приказ: батарее встать на правом фланге пехоты и возможно энергичнее поддерживать ее продвижение. За правым флангом пехоты должны быть сербы, но связи с ними еще не было.

Ускоренным аллюром я выехал на правый фланг нашей пехоты и, по указанию своих разведчиков, встал на закрытую кустарником позицию. Не успели наши передки отъехать от орудий, как справа мне во фланг, с той стороны, где должны были быть сербы, с недалекой дистанции раздался короткий ураганный огонь. Пока мои артиллеристы поворачивали на руках наши орудия в сторону стрелявших в нас, я услышал клекот орудийных колес уходящего противника, закрытого кустарником.

Снарядом было оторвано полголовы у добровольца Рыжинского и тяжело ранило еще двух моих добровольцев: Катанухина и Семенова. С того момента, как Рыжинский перевелся к нам из пехоты в батарею, прошло не более получаса. Не переведись он к нам — может быть, жил бы он и до сих пор...

Дальнейшее продвижение

От Тетюш в походном порядке Народная армия, насчитывавшая в своих рядах около 3000 бойцов, спустилась по левому берегу Волги до Симбирского железнодорожного моста, где и заняла позицию с расчетом прикрыть отходящих на левый берег симбирцев.

Мне было приказано обстреливать подступы с юго-западной стороны города. Батарея заняла хорошо закрытую позицию недалеко от

берега Волги и моста, по которому беспрерывной лентой тянулись всевозможные беженские повозки и эшелоны, груженные военным имуществом.

На другой день к вечеру, когда по мосту проходили добровольческие симбирские части, Каппель отдал распоряжение саперам, когда пройдут наши арьергарды, мост взорвать с одной стороны пролета.

Симбирск был оставлен 12 сентября 1918 года. Мне было дано приказание на другой день встать на позицию верстах в трех от берега Волги, на случай, если красный командарм Тухачевский (ему было тогда 25 лет) вздумает переправлять свои войска на лодках или плотах для преследования симбирцев.

При наступлении сумерек я снялся с позиции и направился вслед за отходящими добровольческими частями в Часовню, где мы должны были ночевать по распоряжению Каппеля, который с двумя штабными офицерами направился к мосту, чтобы присутствовать при взрыве. И через каких-нибудь полчаса мы услышали страшный взрыв, от которого стало тяжко на душе...

Красная артиллерия энергично, большими недолетами, обстреливала только что пройденный нами путь, не нанося нам вреда. В этот день мы в последний раз видели нашу родную Волгу... Теперь перед Каппелем встала сложная и трудная задача. Мы должны отходить по Волго-Бугульминской железной дороге и дать возможность казанцам, оставившим свой город 10 сентября, через Лаишев присоединиться к нам. Кроме того, мы не должны спешить с отводом и всячески задерживать Тухачевского, имевшего намерение отрезать отход самарцев на Уфу.

В районе Мелекеса Каппель дал большой бой и задержал красных. Соединившись с казанцами и симбирцами, Народная армия стала называться Волжской группой под командованием Каппеля, который в районе Бугульмы получил от Омской ставки производство в генералы. Во время ночной остановки я поехал в штаб Волжской группы и поздравил Каппеля с производством. Он искренне ответил: «Я был бы более рад, если бы мне вместо производства прислали из резерва батальон пехоты!»

Отход от Волги

Пробивая дорогу на восток среди бушующего красного моря приуральских просторов, Волжская группа должна была отбиваться справа и слева, а также и от наседающих на арьергард красных. На

протяжении 400 верст от Волги до Уфы Волжская группа свою тяжелую задачу выполнила блестяще, и на этом пространстве Каппель дал ряд кровопролитных и изумительных боев, разбивая наседающих красных и буквально протаранивая себе дорогу в страшную стужу, когда плохо одетые бойцы имели по сто человек и больше обмороженных в день, не имея ниоткуда никакой помощи.

Эта боевая работа Каппеля многими до сих пор не понята, не исследована и исторически не оценена. Трудность положения Каппеля еще заключалась в том, что во время боев на Волге Самарское правительство Комуч, боясь контрреволюции, Каппелю не доверяло и всячески тормозило его действия. Сибирское правительство тоже не доверяло Каппелю, как служившему эсеровскому правительству, то есть Комучу, и, как далее будет видно, при всяком удобном случае чинило Каппелю всевозможные препятствия, наговаривая на него Верховному правителю разные небылицы. А Каппель готов был сражаться с большевиками за Россию при любом правительстве. За Россию он и отдал свою жизнь...

Тыловые интриги сделали свое каиново дело. Каппелю вовремя не дали хода. Верховный правитель оценил Каппеля и назначил его главнокомандующим армиями, но это произошло, когда уже поздно было. Каппель скоро погиб на своем посту. И все армии стали называть себя каппелевцами, так же как и некоторые отдельные части, пройдя через всю Сибирь и Приморье, назывались каппелевскими.

Случай в предгорьях Урала

Когда Волжская группа пробивала себе дорогу на восток, красные энергично наседали на ее арьергарды. Задержку наседающих красных полчищ поручили оренбургскому есаулу Шеину, командовавшему двумя сотнями казаков, к которым для большего веса придали меня с четырьмя орудиями.

Отходя на восток, казаки и я с орудиями обошли большое, расположенное в лощине село, которое уже было занято красными. Взойдя на возвышенность и поставив батарею на хорошо закрытой позиции, щадя деревню, я хорошо обстрелял ее окраины, и в бинокль было видно, как красные поспешно убегали из деревни. Есаул Шеин послал в деревню взвод казаков, который скоро вернулся и доложил, что красных в деревне нет.

Казаки и батарея смело спустились в деревню, где зажиточные жители хорошо нас встретили и вскоре обильно нас покормили. Была зима.

Сумерки наступали быстро. Есаулу Шеину я сказал, что пойду на ночлег в следующую небольшую деревню, не обращая внимания на его приглашение остаться ночевать в этой деревне, где жители так любезно нас встретили. Я оставил Шеину для связи двух своих разведчиков: Бориса Г. и Александра Л. — и увел батарею из этой подозрительной низины в другую, совсем маленькую, домов в десять, деревушку в двух верстах по нашей дороге. Была абсолютная темнота.

Войдя в деревушку, мы не успели распрячь и расседлать коней, как услышали гром не менее десяти пулеметов, направленный на большую деревню, в которой находился есаул Шеин со своими оренбуржцами.

Менее чем через полчаса к батарее, уже готовой к движению, прибежал каким-то чудом уцелевший разведчик Александр Л., оставленный Шеину для связи. Конь его и конь другого разведчика были убиты, также были убиты лошади многих казаков огнем красных пулеметов, расположенных с трех сторон на возвышенностях, окружавших эту большую деревню. Там же вместе с убитыми и ранеными казаками пропал и мой второй хороший разведчик Борис Г.

При почти абсолютной зимней темноте я не мог ничем помочь Шеину, у которого в деревне было много убитых казаков и лошадей. Оттуда не мог выбраться и весь его казачий обоз, и там же с обозом осталась большая аптека с ценными лекарствами.

Отношение Омска к волжанам

За ноябрь месяц 1918 года, в страшные морозы в Приуралье, Волжская группа несла большие потери обмороженными. На неоднократные требования прислать теплые вещи из Омска не было ответа. Каппель предложил мне проехать в Омск и навести там справки о теплых вещах.

Прибыв в Омск вечером, я нашел все отделы снабжения закрытыми. Через своих приятелей я узнал о несметных количествах теплых вещей, сданных в интендантство. Это меня окрылило, и я с нетерпением приготовился ждать завтрашнего дня. А когда сумерки сменились ночью, Омск меня, отвыкшего от тыла, просто ошеломил каким-то исступленным разгулом и почти поголовным пьянством, похожим на пир во время чумы. От этого мне стало совсем не по себе.

Я спросил окружающих — может быть, сегодня какой-нибудь особенный день или праздник? Но получил в ответ, что это — обычная вечерняя жизнь тылового Омска. Тогда мне было не до крити-

ки, но перед глазами встали картины боев и замерзающих соратников.

Утром, окрыленный надеждой получения теплых вещей, забыв временно виденный мною вчера кошмар, я сначала отправился в главное интендантство. После долгой волокиты опросов и расспросов я наконец добился аудиенции у главного интенданта, который принял меня очень хорошо, но сказал, что выдать мне сейчас ничего не может, так как полученные вещи хотя и есть, но еще не распределены по частям. Волжской же группы у них на учете вообще не числится. Этот вопрос он выяснит в очередной визит к Верховному правителю, и мне придется подождать с недельку в Омске...

Меня начали душить слезы досады: как легко сказать «подождать», когда там, в Приуралье, замерзали лучшие сыны России, защищая спокойную жизнь тыла!

Я вышел из интендантского управления и бесцельно шел по улице. Вдруг ко мне подошел чех, любезно со мной поздоровался и стал расспрашивать о фронте и о Каппеле. Не сразу я вспомнил, что встречался с этим чехом под Казанью: он командовал чешской батареей. Он был полон воспоминаний о волжских боях, о Каппеле. Я отвечал ему, как мог, и рассказал о причине моего мрачного настроения.

Он охотно предложил мне помочь достать теплые вещи — полный комплект для моей батареи. Мы зашли в чешский штаб, и через несколько минут я имел требование на теплые вещи для «чешской батареи», которые главное интендантство мне немедленно отпустило. К вечеру все вещи были погружены в вагон-теплушку, а ночью прицеплены к отходящему на Урал поезду.

На третий день я был у Каппеля. К нему мне пришлось идти пешком по льду реки Ин, так как один пролет железнодорожного моста беспомощно лежал на дне замерзшей реки.

Починка моста через реку Ин

Перейдя через лед реки, я увидел, что из штаба Волжской группы мне навстречу шла целая комиссия во главе с генералом Каппелем: начальник артиллерии полковник Сущинский, инженер полковник Зигерн-Корн[25] и еще два-три офицера, которые, после утреннего осмотра, доказывали Каппелю, что на починку моста потребуется не менее двух недель. И теперь Каппель шел убедиться в этом. Я присоединился к ним и, между прочим, рассказал о своей поездке в Омск.

Около взорванной части моста, как муравьи, копошились чины наших бронепоездов, которые также несли обязанности железнодорожной бригады.

Каппель попросил позвать ведающего починкой моста. Через несколько минут прибежал запыхавшийся прапорщик Неретник, неуклюже поправляя серую косматую папаху на вспотевшей голове.

Каппель спросил его:

— Когда предполагается пустить эшелоны через мост? Мы имеем всего два-три дня.

Прапорщик Неретник как-то смущенно проговорил:

— Поезда едва ли смогут пройти ранее 12 часов завтрашнего дня.

Каппель протянул ему руку со словами:

— Идите, работайте; спасибо вам!

Возмущенные члены комиссии пытались высказать свое сомнение и недоверие, но генерал Каппель деликатно переменил тему разговора.

Вот тут в застенчивых словах прапорщика Неретника и в его работе и сказалась сила Каппеля: то, что для авторитетов считалось исполнимым лишь в две недели, для каппелевцев было двухдневной задачей.

Как они работали, описать трудно; это надо было видеть. С той и другой стороны взорванного моста были установлены какие-то чудовищные блоки, через блоки были протянуты и привязаны к упавшему пролету сильные тросы. Другие концы этих тросов были прицеплены с той и другой стороны к паровозам, тянувшим с быстротой минутной стрелки в ту и другую сторону, поднимая пролет. Первое время мертво лежавший пролет как бы сопротивлялся, не желал подниматься. Но тросы натянулись, и пролет еле заметно пошел вверх. Особыми свистками Неретник регулировал движение паровозов. Пролет в конце концов был поднят, а вслед за ним росли клетки из шпал и другого материала, заменившие быки (столбы).

Наутро, в 9 часов, поезда медленно, один за другим, проходили по мосту.

Такую работу обыкновенные люди и в обычных условиях в столь короткий промежуток времени не в состоянии выполнить. Кроме исключительного напряжения мускульной энергии, у людей должны быть сильны дух и идея, а главное — должно быть наличие такого вождя, каким был Каппель. Ради него и для него люди забывали себя.

Прапорщик Неретник также самоотверженно служил на наших бронепоездах, пройдя через всю Сибирь, и погиб доблестной смертью в 1921 году под Волочаевкой, вынося под пулями красных своего раненого товарища.

«Маленький Наполеон»

Так прозвала советская военная газета «Красная Звезда» генерала Каппеля за его операцию у Сергеевского посада зимой 1918 года.

Волжская группа медленно отходила вдоль Волго-Бугульминской железной дороги к Уфе. Со стороны Самары по Самаро-Златоустовской железной дороге отступали отряды чехов и остальные части Народной армии.

Отходили медленно, сражаясь за каждую пядь земли. Станция Кандры, деревня Арасланово, река Ин и так далее — все было обильно полито кровью каппелевцев.

Разведка штаба Волжской группы донесла генералу Каппелю, что в Сергеевском посаде, расположенном как бы в вилке между названными железными дорогами, накапливаются большие силы красных. Маневр их был легко разгадан Каппелем. Накопить кулак в Сергеевском посаде, затем ударить на станцию Чишмы, где соединялись обе железные дороги перед Уфой, и таким образом отрезать всю Волжскую группу от Уфы.

Надо было действовать быстро и энергично. И вот Каппель, оставив на Волго-Бугульминской железной дороге один лишь бронепоезд и небольшие заслоны, ночью со всей своей группой неожиданно напал на Сергеевский посад. Красные не ожидали каппелевцев и бежали, побросав свою артиллерию и обозы.

Красный кулак был обезврежен, но развить свой успех генерал Каппель не мог — не было никаких резервов, а главное направление — Волго-Бугульминская дорога — было обнажено. И если бы в это время красные поэнергичнее наступали, то в два-три дня они могли бы очутиться под Уфой, отрезав и Волжскую, и Самарскую группу белых. Но на следующий день после разгрома красных у Сергеевского посада Волжская группа генерала Каппеля была уже на своих старых позициях на Волго-Бугульминской железной дороге, продолжая медленный отход к Уфе.

Эта операция типична для Каппеля. Она и должна была бы подсказать всем Генеральным штабам в Омске и Уфе, как нужно воевать в Гражданскую войну и как бить противника. Но там генералы и генштабисты продолжали «воевать» по старым классическим учебникам тактики и стратегии, да еще используя опыт Первой мировой войны с Германией и Австрией. И все дружно с подозрением относились к «выскочке» Каппелю и «волжской вольнице» — добровольцам каппелевцам.

Каппель на митинге уральских рабочих

Наконец-то Волжскую группу у Уфы сменили уральские формирования. Частям Волжской группы пришлось еще долго продолжить свой путь походным порядком через горно-промышленные районы Урала. Чтобы пропустить части группы, штаб Каппеля (Волжской группы) остановился на заводе Аша-Балашовская. Горные рабочие этой местности были достаточно распропагандированы большевистскими агитаторами и в большинстве своем к проходившим войскам Волжской группы относились враждебно.

Контрразведка донесла Каппелю, что накануне ночью на митинге шахты № 2 рабочие постановили: чинить препятствия проходившим войскам, а определенной группе рабочих было поручено произвести покушение на самого генерала Каппеля. В эти дни рабочие беспрепятственно митинговали каждый по своим шахтам.

Каппель приказал коменданту штаба принять надлежащие меры, а сам, не предупредив никого, с одним добровольцем проводником ночью отправился на митинг рабочих шахты № 2. Одетый в английскую куртку и кавалерийскую фуражку, от времени походившую на кепку, он прошел вместе с рабочими незаметно вперед. И когда кончил речь предыдущий оратор, Каппель попросил слова (этого я сам не видел и узнал потом из рассказов рабочих).

Председательствовавший рабочий разрешил, не обратив внимания на просившего (в шахте было довольно темно). Обратившись к толпе в 250—300 человек, Каппель заявил:

— Здесь вчера было постановлено чинить проходящим войскам препятствия и произвести нападение на меня. Я — генерал Каппель и пришел поговорить с вами, как с русскими людьми...

Не успел он докончить эту фразу, как увидел, что чуть не вся толпа стала быстро разбегаться по темным проходам шахты. Остались очень немногие, возможно из тех, которые не расслышали, или же сочувствующие белым войскам. С большим трудом Каппелю удалось успокоить оставшихся, убеждая их в том, что им нет оснований его бояться, как и он не побоялся прийти к ним без охраны. Понемногу рабочие стали возвращаться.

В кратких словах Каппель обрисовал, что такое большевизм и что он с собой принесет, закончив свою речь словами:

— Я хочу, чтобы Россия процветала наравне с другими передовыми странами. Я хочу, чтобы все фабрики и заводы работали, и рабочие имели бы вполне приличное существование.

Рабочие пришли в восторг от его слов и покрыли его речь громким «Ура!». Потом вынесли Каппеля из шахты на руках и провожали до штаба. Это мне подтвердил сам генерал Каппель.

Наутро я, прибыв в штаб по своим делам, увидел в коридоре делегацию от рабочих, которые говорили:

— Вот это — так генерал!

Делегация выразила Каппелю свою готовность оказывать содействие проходившим войскам. И части Волжской группы без всяких недоразумений и препятствий благополучно прошли тот уральский рабочий район.

Ф. Мейбом[26]

ТЕРНИСТЫЙ ПУТЬ[27]

Наступил 1918 год. Город задыхался от зверств и ужасов Чека (чрезвычайной комиссии). Сотнями расстреливались невинные русские люди без суда и следствия и только потому, что они принадлежали к интеллигенции. Профессора, доктора, инженеры и т. п., то есть люди, не имевшие на руках мозолей, считались буржуями и гидрой контрреволюции. Пойманных офицеров расстреливали на месте. За что? Одному Господу Богу известно.

В Казань приехал главнокомандующий Красной армией, в прошлом капитан Муравьев. Он издал приказ, требовавший немедленной регистрации всех офицеров. За невыполнение такового — расстрел.

Я видел позорную картину, когда на протяжении 2—3 кварталов тянулась линия офицеров, ожидавших своей очереди быть зарегистрированными. На крышах домов вокруг стояли пулеметы, наведенные на господ офицеров. Они имели такой жалкий вид, и мне казалось — закричи Муравьев: «Становись на колени!» — они бы встали. Таких господ офицеров мы называли «шкурниками». Им было наплевать на все и всех, лишь бы спасти свою собственную шкуру. Им не дорога была честь, а также и Родина.

Другая же часть офицерства осталась верной своему долгу, на регистрацию не пошла, а предпочла уйти в подполье, а также и в Жигулевские леса, в надежде, что скоро настанет время, и мы сумеем поднять наш русский народ и совместно с ним уничтожим этого изверга. У этих офицеров был один лозунг — борьба против большевиков. Создавались различные тайные организации, но все они быстро разоблачались, так как не было опыта в конспирации, да зачастую

офицеры из первой группы — шкурники — продавали своих же братьев офицеров за какую-либо мзду.

Наконец, образовалась тайная офицерская организация, возглавленная генералом Поповым[28] (отец полковника Попова Бориса Ивановича[29], председателя Общества Ветеранов в Сан-Франциско). Наладили связь с Москвой и некоторыми городами на Волге. Это была уже вторая тайная организация, в которой я принимал активное участие. Мы думали, что мы на правильном пути, и надеялись, что нам удастся развернуть нашу работу как следует. К сожалению, получилось не так. генерал Попов был арестован и отправлен в Москву на суд, где и был расстрелян. Начались аресты и расстрелы на месте. Чека нашла списки членов организации при обыске квартиры генерала Попова. (Совершенно непонятно, как можно было хранить списки членов тайной организации на квартире возглавляющего эту организацию!)

Через несколько дней после этого инцидента брат[30] вернулся домой очень взволнованный и сказал мне, что идут повальные обыски и аресты офицеров и что лучше всего для меня в спешном порядке покинуть Казань. Я немедля пошел к моему другу гвардии капитану Пете Лескову, члену нашей пятерки. Он жил всего в двух кварталах от моего брата, но время было опасное, и не хотелось попасться в лапы «товарищей» раньше времени. Придя к нему, звоню; вижу — занавес немного приоткрылся, кто-то посмотрел, затем рывком открылась дверь. Петя тоже ожидал «гостей». Я объяснил ему, в чем дело, и мы решили связаться с нашим общим другом Сережей Якунавским — подполковником. Петя, оставив меня одного в своей квартире, пошел за Сережей, а я, как неприкаянный, стал бегать от одного окна к другому в ожидании его возвращения. Петя быстро вернулся в сопровождении Сережи. В Казани мы не могли оставаться, так как, рано или поздно, по списку, найденному на квартире генерала Попова, нас найдут. Мы трое были холостяками, не боялись за наших родных, которые могли пострадать из-за нас.

В конце концов после размышлений все согласились со мной. Я предложил, что поговорю с братом: он губернский агроном, следовательно, имеет много связей с хорошими людьми в близлежащих деревнях и, наверное, найдет местечко для нас переждать создавшееся положение. Позвонив Георгию, я просил его прийти в Дворянское собрание (в данный момент оно именовалось народным собранием). Около этого здания всегда была большая толпа народа, поэтому мы могли быть незамеченными. Петя и Сережа имели наганы, мой же остался в шинели в теплушке, когда я сбежал, спасаясь от «товарищей». Петя предложил мне свой наган, так как он имел автомат — бельгийский браунинг —

и ручную гранату. Добрались мы до собрания благополучно. Народу была уйма, и мы стали пробираться к назначенному мною месту встречи с братом. Когда мы подошли туда, брат уже ожидал нас, он сказал нам, что хочет, чтобы мы с наступлением темноты пришли к рыбачьему поселку, недалеко от Казани, расположенному на берегу Волги. Я хорошо помнил этот поселок, так как много раз ловил там с братом больших жирных щук. Мы решили сразу же направиться туда, не заходя домой.

Закоулками, переулками мы покинули Казань, а затем лесною тропой добрались почти до самого места свидания. Там была небольшая пристань и маленькая сторожка, которая обычно служила рыболовам укрытием от дождя.

Теперь дело только за братом. С наступлением темноты явился брат с каким-то мужичком. Назвал он его Михеич и сказал, что он лесник в Жигулевских горах и большой его друг. Я попрощался с братом, поблагодарил его за все, мы расцеловались, мои друзья также попрощались с ним. Михеич приказал нам залезать в лодку, мы оттолкнулись от берега и поплыли навстречу неизвестности... Мое сердце сжалось от страха за брата, мамочку. Что, если Чека узнает, что брат помог мне и моим друзьям сбежать? Когда или, может быть, никогда мы уже не встретимся? Все от Господа Бога, все от Него, вся наша судьба!

Михеич сидел за рулем, а мы по очереди гребли изо всех наших сил. Лодка была небольшая, поэтому, приняв на борт нас четверых, сидела очень глубоко. Ночь была темная, но, на наше счастье, Волга была спокойная. Плыли мы долго, почти до самого утра. Михеич за всю дорогу не проронил ни слова. Наконец показались очертания Жигулевских гор, и Михеич направил лодку к берегу.

— Ну, вылезайте, чать голодны вы и холодны. Скоро согреемся и подхарчимся, чем Бог послал. Идите за мной, да не отставайте, тропа узкая, горная.

Мне казалось, что нет конца этой проклятой тропе, но наконец она стала спускаться вниз, стало легче идти, и вскорости Михеич сказал:

— Вот за этим бугром и моя хата.

Мы с трудом добрели до хаты. Она представляла из себя одну комнату с печкой. Михеич зажег керосиновую лампу, растопил печку. При свете лампы мы увидели в углу несколько икон с лампадкой под нами; на стене портрет Государя. Все это мне показалось таким чудесным, как в сказке.

На столе появился самогон, который Михеич гнал сам, сушеная вобла, которую, прежде чем кушать, нужно хорошо побить обо что-

либо твердое, чудный утиный суп и, конечно, черный хлеб. С дороги мы наелись изрядно, даже пришлось распустить пояса. Утолив голод, начали разговаривать. Мы были удивлены философствованием Михеича, который начал:

— Я знаю Георгия Федоровича давно, хороший он человек, ваш брат, люблю его и уважаю, поэтому и согласился увезти вас от беды подальше. Я знаю, от кого вы ищете спасения. Эх, вы, молодежь, ведь народ сошел с ума... прет, сам не знает куда, разрушая все на своем пути, и, конечно, сметут и вас, и ваших сторонников, как песчинки...

Он замолчал, молчали и мы. Затем, прервав молчание, он продолжал:

— То, что я вам сейчас сказал, это не значит, что мы не должны противиться этой народной чуме, мы обязаны, и это наш тяжелый долг — бороться с этой чумой, хотя в конечном итоге мы будем сметены и погибнем. Ну, да довольно говорить, давайте ложиться спать — утро вечера мудренее.

Мы все улеглись, и через пару минут раздался тяжелый храп уставших людей. Я же, как ни старался, не мог уснуть. Тяжелые мысли тревожили меня и разгоняли сон. Что же мы должны делать? Нельзя же сидеть тут и ничего не делать, ждать, что откуда-то придут спасители, в то же время зная, что наших братьев офицеров ловят и расстреливают сотнями! С этими мыслями и я погрузился в тяжелый сон. Когда мы проснулись, то Михеича уже не было в хате. Он оставил записку, что поехал в Казань, повидает брата и вернется поздно ночью.

Я рассказал моим друзьям о моих ночных думах. Они согласились со мной, что нельзя сидеть у моря и ждать погоды. Решили, что по возвращении Михеича вернемся в Казань, там все же мы сможем сколотить хотя небольшую группу офицеров и как-то будем бороться против этой чумы.

Как много значит молодость, ее бурные порывы и дерзания! Да, мы были молоды и совсем не думали и не предполагали, сколько еще всяких испытаний готовит нам наша судьба.

Прав был Михеич, когда сказал, что народ очумел, но мы, молодежь, так разгорячились — хоть сейчас в бой! Мы сидели и мечтали, надеялись, что не всех же офицеров арестовали и мы сможем связаться с ними и начать борьбу. Мои друзья готовы были, не ожидая Михеича, ринуться в путь, но я им доказал, что он как бы пошел в разведку и мы должны дождаться его. Прошел день, настала ночь, Михеича нет. Наступил день и опять ушел, наступал вечер, Михеича не было. Мы решили, что что-то случилось и нам небезопасно оставаться в хате. Меня

мучила мысль, что Михеич хотел повидать и брата. Неужели и с братом что-то случилось?

Мы перекочевали из хаты на лесной бугорок, с которого нам видна была тропинка, ведущая к хате, и залегли там. С наступлением темноты тучи комаров атаковали нас; они напоминали нам большевиков, которые также хотели испить нашей кровушки. Папиросы вышли, последнюю мы курили все вместе. Дым прекратился, атаки комаров усилились, разжечь же костер нельзя, можно этим выдать себя. Наконец и луна скрылась за тучами, и мы еле могли видеть очертания хаты. Значит — сиди, жди и наблюдай. Если появится огонек в окне, тогда можно проверить, кто там, так как пуганая ворона куста боится, а в особенности в такое неспокойное время. Предосторожность никогда не мешает. Комары же делали свое дело, и мы из-за этого еще больше нервничали.

Вдруг появился свет в окне хаты, и я вызвался пойти на разведку, но мои друзья запротестовали. Пошли все вместе. Решили обойти хату с трех сторон. Осторожно приблизились к хате, и я заглянул внутрь. Лампа была прикручена, освещение скверное, но все же я увидел Михеича, связанного, сидящего на полу с разбитым лицом, а вокруг стола толпились «товарищи», уничтожая самогон.

Я подал сигнал моим друзьям, и мы отошли на исходное положение, чтобы обсудить, как быть. Михеича нужно выручать. Я решаю еще раз проверить и узнать точно, сколько бандитов в хате. Добравшись опять с предосторожностями до хаты, мы увидели, что их пятеро и они уже хорошо выпили. Мы решили немного повременить, дать им возможность опьянеть сильнее, а тогда атаковать их. Решили атаковать их с двух сторон, двое с фронта, один сзади (сзади тоже была дверь). Мы отлично понимали, что ни один из них не должен уйти из хаты живым и огонь наших наганов должен быть точным и смертельным.

В хате продолжалось пиршество. Мы осторожно подошли вплотную к хате, рывком распахнули дверь и открыли огонь. Крики, стоны раненых, дым, кто-то падает; один пытался выскочить в заднюю дверь, но его уложил выстрелом Петя. Они по небрежности, когда начали пьянствовать, поставили свои винтовки на противоположной стороне стола, а кобуры наганов были застегнуты, и наше внезапное нападение увенчалось полным успехом.

Тела убитых выкинули через заднюю дверь наружу и бросились к Михеичу. Пыл короткого боя прошел, и мы пришли в себя. Михеич горько плакал и благодарил нас за чудное спасение. У него, бедняги, изверги вырвали ногти на левой руке и отрезали часть пра-

вого уха. Это были обычные методы пытки жертв «товарищами». Вид Михеича был ужаснейший. Мы нашли на убитых санитарные пакеты, перевязали Михеича, употребив его же самогон как дезинфектор, и уложили его отдыхать.

У убитых были вещевые мешки, и каждый из них имел наган, также были и гранаты. У нас патроны почти кончились. У Пети с его браунингом их уже не было, поэтому мы, найдя в вещевых мешках изрядный запас патронов как к наганам, так и к винтовкам, были очень обрадованы. Это были наши первые трофеи.

Мы понимали, что оставаться здесь в лесной сторожке долго нельзя, гости могут пожаловать опять. Но куда же идти? Без Михеича мы уйти не могли, нельзя оставлять человека в беде, тем более что он нас тоже уже выручил. Да, по-честному говоря, без Михеича мы не нашли бы нужного направления. Решили лечь отдохнуть, оставив одного дежурить снаружи хаты, чтобы нежданные гости не нагрянули невзначай. Утро вечера мудренее, проснется Михеич, обсудим наше положение и решим, что делать.

Спали мы очень тревожно и настороженно. При малейшем шорохе вскакивали и прислушивались. Единственной нашей радостью было то, что мы пополнили наше вооружение. Теперь каждый из нас был вооружен не одним, а двумя наганами, и мы имели достаточно патронов, также имели две винтовки и пять гранат. Мы считали себя уже небольшой боевой группой, готовой дать отпор любой красной банде.

Михеич проснулся рано и застонал. Мы подошли к нему, он опять поблагодарил нас за спасение и сказал нам:

— Молодцы же вы, так быстро разделались с этими бандитами! — И он снова заплакал.

Мы стояли смущенные, затем заговорили сразу:

— Михеич! Во-первых, что делать с большевистскими трупами? Второе — куда нам отсюда податься?

Он подумал с секунду и сказал:

— Трупы оттащите от хаты, бросьте в овраг в кусты. Как только мы отсюда уйдем, волки сделают что нужно — собаке собачья смерть!

Мы помогли Михеичу одеться, перевязали раны и опять спрашиваем, куда же мы пойдем. Он как-то сразу повеселел и успокоил нас, говоря, что он знает пещеру еще со времен Стеньки Разина и ходил туда охотиться на медведя.

Забрав все, что могли, из продуктов, мы двинулись в путь. Михеич был слаб, поэтому мы по очереди поддерживали его. Шли долго по горной тропе, извивавшейся вокруг горы. Наконец вышли на полян-

ку, но вместо хорошей тропы пришлось продираться через кусты, затем снова полянка, тропа идет в трех разных направлениях. Михеич уверенно показывает на правую тропу, говорит: «Еще немного, и мы будем у пещеры» — и указывает на гору, где виднеется какая-то яма. Михеич сказал, что прежде, чем идти дальше, нам нужно отдохнуть, а затем осторожно подойти к пещере. Нам же издали эта пещера казалась просто какой-то ямой. Спрашиваем: «Почему осторожно?». Михеич рассказал нам, что в прошлом году дождь загнал его в пещеру. Он лег у самого входа в нее и заснул. Когда проснулся, то увидел огромного медведя, идущего прямо на него. «Мы, видно, проснулись с Мишкой в одно время, ну, я, конечно, дал тягу». Мы весело рассмеялись. Спустились в яму, затем по заросшей тропинке, как по туннелю, начали подниматься в гору и пришли в огромную пещеру. Вид из пещеры был изумительный, но, к сожалению, был только один вход. Вот это действительно неприступная крепость, с такой позиции можно с уверенностью сказать, что удержать батальон чекистов проще, чем плюнуть.

Солнце село, и наступил темный вечер, стало сыро и холодно. Развели костер в глубине пещеры, выпили самогону и съели все, что у нас было. Стало как-то уютно и на душе веселее и спокойнее. Обращаюсь к Михеичу:

— Ну, Михеич, расскажи нам теперь, как ты попал в руки красных и видел ли ты моего брата?

— Да, Федорович, видел твоего брата, слава Богу, жив и здоров, но не знаю, что было после того, как меня захватили. Он просил тебя и твоих друзей сидеть и сохранить себя для скорой боевой работы. Также я узнал, что красные очень беспокоятся — началось партизанское Белое движение. Отряды белых партизан налетают на главные пункты красных, уничтожают их и снова исчезают. Особенно славится отряд бывшего сельского учителя Ватягина, в военное время он был поручиком. Красные говорят, что он дьявол, то появится тут, то там, то на правом берегу Волги, то на левом, боя не принимает, а наскочит, перебьет «товарищей» и исчезнет. О вашем брате и семье ничего больше сказать не могу. Красные зацапали меня, когда я садился в лодку, чтобы ехать обратно к вам. Тут-то они и начали мучить меня — вези нас туда, куда ты отвез корниловцев. Замучили так, что уже больше не было терпежу, и я им сказал: «Везите меня, изверги, я покажу вам дорогу, но их там нет, а куда они ушли, не знаю». Они настаивали на своем, я им доказывал, что лодка мала, шесть человек не поднимет. Они же твердили свое. Я же молился Богу за вас, чтобы вы поняли, что раз я опаздываю, то что-то неладное. Слава Богу, когда мы стали подходить к хате

и я увидел, что в ней нет света, подумал: поняли мое отсутствие правильно... Ну и молодцы же вы, предвидели все, и храбры тоже. Думал, когда вы ворвались в хату, что краснюки убьют меня, но они и рта не успели открыть.

Затем Михеич сказал нам, что у него есть большой друг рыбак-волжанин и что он пойдет к нему, все разузнает и достанет продуктов, а вы, мол, сидите тут и ждите меня. Мы запротестовали. Он же очень разумно заявил, что одного из нас он может взять с собой, но не более, так как, когда идет большая группа, легче попасть впросак. Мы все изъявили желание сопровождать его, но пришлось бросить жребий. Он достался мне.

Утром Михеич повел нас к горному ручью, мы умылись, напились чудесной холодной водицы, но, к сожалению, набрать воды, чтобы вскипятить чай, было не во что. Впопыхах покидая хату, мы не захватили с собой ни кастрюли, ни чайника. Михеич успокоил нас, сказав, что он займет у рыбака-друга и чайник, и кастрюлю, чтобы можно было варить и чай, и суп.

Попрощавшись с моими друзьями, мы с Михеичем отправились в дорогу. Путь был недалек, 3—4 версты. Пройдя это расстояние, я увидел красивый дом, огороженный белой изгородью; справа от него паслись корова и лошадь. Вид на Волгу был изумительный, также вдали были видны силуэты больших зданий города Казани. При виде последних у меня больно сжалось сердце в тревоге за мамочку, брата и его семью. Что с ними, живы ли? Что там теперь творится? Тут я пожалел, что мы прикончили всех бандитов. Ведь, оставив одного, мы могли бы получить от него много ценных и нужных сведений — хотя бы кто предал Михеича, а значит, и моего брата. К сожалению, после драки кулаками не машут!

Еще немного, и мы подошли довольно близко к дому. Михеич оставил меня и пошел один. Как только он подошел к дому, дверь открылась, и я мог видеть рослого мужчину (мы их обыкновенно называли богатырями) с большой бородой и красивыми усами. Увидя Михеича, он обнял его и увел в дом. Через несколько минут Михеич вышел и сделал мне знак идти к нему. Я познакомился с милейшим человеком — Василием Ивановичем (все его называли Васятка); по профессии он рыбак, но помимо этого он имел пасеку и хорошо зарабатывал продажей меда. Через некоторое время появилась его супруга и молодая, очень красивая дочка, а за ними и неизменный самовар и еда. Начались разговоры. Хозяин только что вернулся из Казани и говорит, что в городе очень неспокойно, большевики ждут восстания и носятся по городу, как угорелые, что Казань бурлит, как кипяток в котле. Ходят слу-

хи, что генерал Корнилов и генерал Алексеев подняли восстание на юге. В Ярославле уже было восстание, но оно было жестоко подавлено. Возглавлял его какой-то полковник Перхуров[31]. Я подумал про себя, что это имя для меня очень хорошо знакомо — это мой спаситель, и я молил Бога, чтобы он вышел из беды целым и невредимым. В районе Казани тоже неспокойно, партизанские отряды бьют «товарищей», взрывают мосты, портят железную дорогу и исчезают, а «товарищи» никак не могут их поймать. Говорят, что какой-то Генерального штаба капитан Каппель ведет бой под Симбирском со своим довольно большим отрядом добровольцев, и думают, что Симбирск вскоре будет ими занят. Я слушал и глотал каждое его слово. Когда он умолк, я не выдержал и спросил его, откуда у него такие подробные сведения. Он улыбнулся и сказал: «Я живу здесь 36 лет, и за эти годы я сумел приобрести хороших друзей».

Эти новости ободрили меня, и мне хотелось как можно быстрее туда, в бой. Но как и где соединиться с нашими повстанцами? Скорее к моим друзьям, сообщить им хорошие новости. Васятка пообещал, что на днях сообщит нам более подробные новости, а пока снабдил нас провизией и котелком для варки чая. Мы поблагодарили гостеприимных хозяев и направились назад в свое логово. Васятка также снабдил Михеича перевязочным материалом, говоря: «Вот уж кровопийцы, вот проклятые... но погодите, придет время, мы с вами рассчитаемся! А у тебя, Михеич, все это заживет, только злоба на них останется». Мне было приятно слышать такие слова от простого мужика-рыболова. Васятка обещал доставить к нам сам новости, чтобы нам не выходить напрасно из нашего логова.

Поздно вечером мы возвратились в наше убежище. Устал я ужасно, но настроение было такое, что хотелось плясать. Долго разговаривали мы, все строили планы, хотелось поскорее в бой, наши мечты становились реальностью. Закипятили воду, бросили в нее немного чаю; сахару не было, но это не беда — и без сахара хорошо! Заснули поздно, улегшись вокруг Михеича, он для нас стал вместо отца. Это был человек особых качеств. Он глубоко религиозен, с большой, простой мужицкой смекалкой и с большим житейским опытом. Обычно то, что он нам предлагает, принимается безоговорочно, все его распоряжения выполняются быстро, по-военному, без вопросов: «Почему? отчего?» Теперь он наш заправила — атаман.

Прошло уже несколько дней, а о Васятке ни слуху ни духу. Михеич успокаивает нас, говоря, что Васятка не пропадет и скоро придет. Наверное, он хочет наладить для нас связь, поэтому его так долго и нет. Не помню, но, кажется, прошло более недели, а Васятки все нет

и нет. Мы порывались пойти к нему сами, на что Михеич резонно сказал:

— Нет, если он не придет, значит, его зацапали и у него в доме вам делать нечего. Нашу пещеру никто, кроме меня и Васятки, не знает, имейте терпение! С вашим пылом и горячкой вы ничего не сделаете, только ни за что ни про что сложите свои буйные головы. Время придет, и мы найдем выход.

Ночами спали под охраной одного из нас. Михеич выучил нас кричать по-совиному, и тот, кто дежурил снаружи пещеры, при малейшем подозрительном шуме кричал совой.

В одну из ночей, когда дежурил Сережа, вдруг раздался совиный крик. Мы вскочили, схватились за наганы и гранаты и стали прислушиваться. К нашей радости, мы услышали спокойный разговор Сережи и... Васятки. Через минуту они оба вошли в пещеру. Мы подбросили хворосту в почти затухший костер. Васятка, войдя, перекрестился и приветствовал всех, Сережа — хорошо сложенный, высокий молодой человек — рядом с Васяткой казался карликом, поскольку, как я говорил ранее, это был наш русский богатырь. Он положил принесенное на пол, мы уселись вокруг костра, и он начал распаковывать припасы. Чего только там не было! Консервы (где он их раздобыл? Но пословица говорит: дареному коню в зубы не глядят!), зажаренные утки, буханки черного хлеба, сушеная вобла и т. д., и в конце концов он извлек из мешка четыре бутылки водки — красной головки. Взял одну бутылку, покрутил ее немного, ударил ладонью в донышко, и пробка вылетела, как пуля. Встал, разлил водку по кружкам и сказал:

— Ну, будет, все мы живы и здоровы, благодаря Господу Богу. За ваше здоровье, а особенно за здоровье Михеича.

Мы с удовольствием проглотили наш дивный русский напиток — водку — и принялись закусывать. Он степенно уселся и начал свой рассказ.

— Все мои новости из самых верных источников. Восстание против большевиков разрастается. Генерал Корнилов разбил Красную армию на юге, и большевики кричат: «Корниловцы посягают на завоевания революции!» и т. д. Это на юге. У нас же тут говорят, что вот-вот начнется восстание, но что-то пока ничего не видно. Вчера узнал, что капитан Каппель взял Симбирск и, по слухам, двигается на Казань пароходами с баржами, на которых установлены пушки, а другой, полковник Степанов, двигается по берегу с пехотой и конницей, так что вот-вот все взорвется. Слышал я также и далекую пушечную стрельбу, по-видимому, где-то идет бой. Вот и все, что я

вам могу сообщить из военных новостей. А теперь, Федор Федорович, могу тебе сообщить хорошую для тебя новость. Твой брат жив и находится на прежнем месте вместе с семьей. Он был арестован, но его выпустили по просьбе его друга по университету, занявшего пост главного комиссара по агрономии у красных. Я видел твоего брата и сообщил ему, что вы все живы и здоровы. Он просил передать вам, чтобы вы пока сидели спокойно и не рвались в бой преждевременно.

Долго еще мы сидели и разговаривали, и разговор все время был о борьбе против красных. Уговорили Васятку остаться ночевать, так как днем идти лучше, чем ночью.

Через пару дней мы уже ясно могли слышать артиллерийскую стрельбу, значит, капитан Каппель с боями идет на Казань! Сидеть в этой дыре больше невозможно. Нужно пробираться в Казань. Михеич только головой качал, но он знал, что никакая сила не сможет удержать нас от этого шага. В эту же ночь мы решили перейти на другую сторону Волги. Михеич заявил, что он идет с нами, и все наши уговоры и доводы не привели ни к чему, он с улыбкой сказал:

— Ну, куда же вы годны без меня с вашей горячкой, переловят и передавят вас, как цыплят, и только — ведь надо дорогу знать, надо лодку достать. Лодку я могу достать у Васятки. Кроме того, я имею еще одного хорошего приятеля-рыбака на той стороне, у него-то мы и сможем остановиться. Осмотримся, затем подадимся в город, но не все сразу, а поодиночке. Там я тоже имею друга, он нас скроет до поры до времени.

Мы не могли ничего возразить этому разумному, смекалистому человеку.

Наступила ночь, Михеич пошел первым к Васятке, а мы, собрав все, что у нас было съестного, а также наши наганы, патроны и гранаты (винтовки мы отнесли в глубину пещеры и оставили там), последовали за Михеичем. Так как я знал дорогу к Васятке, то шел головным. Когда мы подошли почти к дому Васятки, Михеич уже ждал нас с лодкой. Мы благополучно переправились через Волгу. Высадились, как нам показалось, на каком-то островке, лодку вытащили на берег и спрятали в кустах. Михеич пошел на разведку к своему другу, а мы остались «кормить комаров». Ох и много же их, проклятущих! Михеич вернулся, и мы пошли к его другу-рыбаку, по имени Николай. Встретились, поздоровались. С первого взгляда он мне не понравился. Узкие, бегающие глаза, рябой, голос какой-то хриплый, неприятный. Мы быстро закусили, выпили по чарке водки и легли спать. Рыбачья хата Николая была меньше, чем у Михеича, но отличалась тем, что

была очень грязной, в то время как у Михеича все было на своих местах и была идеальная чистота. Двоим из нас пришлось спать на кровати, а мне, по жребию, пришлось лечь на полу. Михеич же после того, как мы закусили, сразу пошел в город, чтобы узнать, можно ли нам туда пробраться незамеченными. Николай сказал, что он пойдет спать на сеновал, как обычно. Мы, как только улеглись, сразу заснули. Вскорости меня разбудили комары, и, как я ни старался укрыться, через секунду они находили где-то дырочку и опять начиналось их дурацкое жужжание, затем укус. Не вытерпев, я встал и решил пойти к Николаю на сеновал. Поднявшись туда, я не нашел Николая, он исчез. Не застав его, я заподозрил нехорошее. Немедля вернулся в хату и разбудил моих друзей, сказав им, что наш хозяин исчез и у меня какое-то предчувствие чего-то нехорошего: мне кажется, что он предаст нас.

Мы вышли на двор, забрав с собой все наше оружие, но, к сожалению, мы запоздали на несколько минут, так как прямо на нас бежали 5—6 человек с криком: «Вот они — белобандиты, лови их, бей их!» Недалеко от хаты был лес, я крикнул друзьям: «Бегите к лесу и ждите меня там!» — а сам нырнул в стог сена, стоявший почти у самой хаты, и залег там. Уже начинал брезжить рассвет, поэтому, лежа на земле, я ясно видел силуэты бегущих, орущих, стреляющих на ходу бандитов. Я выжидал, когда они подбегут ближе и будут больше в куче, и держал наготове гранату. Когда они были довольно близко от меня, я с силой бросил гранату и опрометью побежал вслед за моими друзьями. Граната сделала свое дело. Преследование прекратилось, оставшиеся в живых бежали в противоположном направлении, очевидно за помощью. Мы вошли в густой лес и стали забираться дальше в чащу, дабы не так легко было напасть на наши следы. Мы шли довольно долго. Выйдя на небольшую полянку, решили отдохнуть и обсудить создавшееся положение. Первая наша мысль была о Михеиче. Как сообщить ему, что произошло? Также мы не могли понять, кто был Николай и его «приятели», ведь Михеич знал его как хорошего человека.

Неожиданно с противоположной стороны поляны показались какие-то фигуры. Они направлялись в нашу сторону, но, благодаря тому что мы полулежали на земле, они нас еще не заметили. Оказалось, впереди всех шел Николай с винтовкой наперевес; мы больше узнали его по голосу, так как расстояние не позволяло точно видеть его лицо, причем он все время оборачивался и, ругаясь, подгонял отстающих. Теперь их было не 5—6, а сколько точно, мы не могли определить, но большая группа. Мы решили тихо отойти глубже в лес, не прини-

мая боя, но Сережа не выдержал, узнав Николая. Он дважды выстрелил в него из нагана, и тот, как-то подпрыгнув, как бы стараясь ухватиться за куст, свалился на землю. Пули засвистали в нашем направлении. Я бросил гранату в наших преследователей, и мы побежали. Увы, и впереди нас мы услышали громкие разговоры. Пропали, мы окружены, но будем драться до последней пули, вернее, последняя пуля для себя, но живыми сдаваться не будем. Вдруг совсем близко кто-то закричал: «Если большевики, бросайте оружие, руки вверх! Если наши, бегите к нам!» Мы как оголтелые закричали: «Свои, свои...» — и побежали на голос. Кто они, эти свои? Не все ли равно, лишь бы не большевики! Подбежали к груде сваленных деревьев. Тот же голос скомандовал: «Ложись и не поднимай головы, поднимешься — убьем». Мы залегли, нас стало охватывать беспокойство. Свои, а лица своего не показывают! На всякий случай вытягиваю осторожно гранату. Мы видели, как через поваленные деревья кто-то перепрыгивает и все бегут в том направлении, откуда мы прибежали. Поднять головы боимся, чувствуем, что около нас есть охрана. Через некоторое время вдали раздалось «Ура!» — и все стихло. Один из наших охранников приказал: встать! Мы поднялись... на нас серьезно смотрел мальчик лет 15—16. Увидев его, мы еле сдерживали смех: взрослых, да еще и офицеров, мальчонка заставил лежать!! Он подошел к нам и очень вежливо извинился за такой грубый прием, но они не могли иначе поступить.

— Вы офицеры, в каких чинах?

Мы сказали, что поручик, капитан и подполковник.

— Это хорошо, наш отряд увеличится на трех человек.

Мальчик сказал, что он кадет Симбирского корпуса, а командир — Георгий Кузьмич Ватягин. Мы слышали от Михеича о грозе большевиков поручике Ватягине. Мальчик сказал, что командир вернется лишь тогда, когда последний из преследовавшей нас группы будет убит. Мы спросили мальчика, кто же они такие. Он с гордостью ответил:

— Мы члены повстанческого отряда поручика Ватягина и уже недели четыре бьем красных. На этих днях пойдем брать Казань, как только Каппель подойдет ближе к городу.

— Сколько же вас в отряде?

Мальчонок, почесав затылок, смущенно ответил:

— Если сегодня никого не убьют, человек тридцать.

Мы ему возразили, что с таким количеством в строю принять открытый бой с красными, которых в пятьдесят, а то и более раз больше... Мальчонка перебил нас, заявив, что они долго следили за карательным отрядом красных, которых было более ста человек, и

командир перехитрил их. Напал на них ночью, и их так расчистили, что ни один не ушел живым. Забрали у них все оружие и даже два пулемета, но «максимы» такие тяжелые, что командир приказал испортить их и бросить в озеро. «Ведь мы ни одного дня не стоим на месте. Наш командир водит нас с места на место, он эту местность знает как свои пять пальцев, и в деревнях его знают и любят и помогают».

Мальчик предложил нам выпить чаю и закусить. Мы с радостью приняли его предложение

Через некоторое время к нам подошел громадного роста мужчина с хорошей, большой черной бородой, протянул нам руки и сказал:

— Добро пожаловать! Я вас знаю, по разговорам, по вашей расправе с пятью чекистами в хате Михеича. Милости просим примкнуть к нам, я бывший учитель, а во время войны получил офицерский чин поручика. Большевики жестоким способом убили мою жену и двоих детишек, теперь я их ловлю и давлю как мух — большего они не заслуживают.

Ватягин сообщил нам, что он знал, что Николай изменник, но Михеич об этом не знал.

— Я шел к вам навстречу, так как моя цель была на вашем пути отступления и я решил помочь вам и рад, что моя помощь подоспела вовремя. Я хочу сообщить вам события настоящих дней. Капитан Каппель движется по Волге к Казани, а полковник Степанов идет берегом, уничтожая всякие препятствия красных, и уже почти подходит к Казани. Я имею сведения, что сербы, отряд которых стоит на переезде, помогут опрокинуть красных, но только тогда, когда наши части начнут бои за овладение Казанью. Я решил помочь полковнику Степанову: зная его направление, нам это сделать легко. Как только части полковника Степанова вступят в бой с красными, мы атакуем их с тыла. Большевистское настроение близко к панике, и взять город не потребует больших потерь с нашей стороны. Между прочим, давайте отрекомендуемся. Я уже сказал вам, кто я и мой чин, теперь очередь за вами.

Мы по очереди отрекомендовались. Он покачал головой и сказал:

— Вы все старше меня по чину...

Но мы перебили его и сказали, что считаем для себя честью вступить в его отряд под его команду и просим его не считаться с нашими чинами.

Поручик Ватягин приказал всему отряду строиться. Боже! Да это все только мальчики — кадеты, гимназисты, реалисты и юнкера Казанского военного училища, в среднем 16—17-летние. Спрашивает-

ся: где же их отцы? Где их старшие братья? Поручик Ватягин вместе с нами прошел по построенному отряду и сказал:

— Мы счастливы, что случайно наш отряд пополнился офицерами. — Он назвал наши чины и имена, затем сказал: — Знакомьтесь! Все эти мальчики уже получили боевое крещение, побывали во многих боях и испытали чувство гордости победы.

После того как мы познакомились, поручик Ватягин разбил свой отряд на три группы: 12—12—15 человек; их было всего 39 человек. Каждого из нас он поставил во главе группы, он же остался командиром всего отряда. По команде Ватягина мы построились по два и пошли следом за ним. Ватягин подробно объяснил нам, что он хочет предпринять. Его план состоял в том, чтобы пробраться красным в тыл и там засесть до тех пор, пока полковник Степанов не начнет боя с красными, тогда мы, в зависимости от обстановки, ударим красным в тыл. Задача не легкая и рискованная, а молодость риск любит, поэтому она нам пришлась по сердцу.

Шли долго, пришли к какому-то большому кирпичному зданию. Ватягин сообщил шепотом, что это сумасшедший дом, а по ту сторону от него, в версте, окопы красных. Ватягин вел нас уверенно, то лесом, то по какому-то ручью, то кустарником. Видно было, что он эту местность действительно знает как свои пять пальцев. Наконец он остановился и вызвал нас к себе. Указывая на холм недалеко от нас, он сказал:

— Вот за этим холмом в версте окопы красных, а с правой стороны от нас артиллерийские казармы и город Казань. Мы уже в тылу у красных. Когда полковник Степанов подойдет и вступит в бой, мы должны осторожно добраться до этого холма, залечь вон в том кустарнике и ждать удобного момента для атаки. Если полковник Степанов собьет красных с их позиции, то мы их возьмем на ура, а если полковнику Степанову будет тяжело, то мы ударим в тыл красных и тем поможем ему. Сегодня ночью мы должны занять исходное положение. Вы, господа офицеры, ведите свои отделения по очереди и занимайте позицию фронтом к противнику. Во время атаки два отделения пойдут в первой линии, третье в резерве. Я буду с 3-м отделением, и если что случится, то мой заместитель капитан Мейбом.

Я был польщен и в то же время смущен, так как среди нас троих был подполковник, но приказ есть приказ.

Со всевозможными предосторожностями мы добрались ночью до места, покрытого густым кустарником, и начали окапываться. Мы все горели нетерпением первый раз вступить в открытый бой с красной бандой, и чем скорее, тем лучше. Ясно слышны были артиллерийские

выстрелы — это капитан Каппель продвигается к городу по Волге, но о полковнике Степанове еще ничего не слышно, кроме далекой ружейной стрельбы. Так продолжалось до рассвета, а с ним начался бой. За ночь отряд полковника Степанова пошел на сближение с красными, а на рассвете атаковал их.

Поручик Ватягин с несколькими добровольцами пошел на разведку. Вскоре он вернулся назад и, собрав нас, сообщил:

— Части полковника Степанова находятся под сильным пулеметным огнем, да и винтовки не молчат. Думаю, что нам надо помочь ему ударом с тыла.

Мы с радостью согласились. Он просил нас ждать его сигнала к атаке, а теперь — с Богом! Мы все, стараясь быть незамеченными, пошли на сближение с красными. Вот уже видны окопы красных, видны их лица, а поручик Ватягин нас сдерживает. Он всегда спокоен, рассудителен и тверд в решениях, он врожденный командир. Он сдерживает нас для того, чтобы мы могли подойти вплотную к красным. Красные видели нас хорошо, как и мы их, но они, по-видимому, думали, что к ним идет подкрепление, а тут... поручик Ватягин скомандовал: «В атаку... Ура!.. Ура!!» Мы как саранча налетели на красных, стреляли в упор, кололи штыками. Они, попав под удар с двух сторон, плюс и кавалерия полковника Степанова, заметались в панике, много поднятых рук: «Сдаемся, сдаемся!!» — но уже было поздно, в азарте боя, да еще после того, что они творили повсеместно, никому никакой пощады, все они были быстро ликвидированы. Бой окончен, и путь в город свободен!

Во время боя я и поручик Ватягин разъединились. Сейчас, когда все утихло, мне хотелось поздравить нашего командира с блестящей победой и пожать руку этого храброго, умного начальника. В этот момент ко мне подбежал один из наших мальчиков и сообщил, что поручик Ватягин тяжело ранен, и мы поспешили к нему. Он лежал без движения, бледный — у него было тяжелое ранение в живот. Распорядившись, чтобы послали немедленно за врачом в отряд полковника Степанова, я наклонился к поручику Ватягину и поздравил его с победой, а также сказал, что уже послал одного из мальчиков за доктором. Он слабо улыбнулся в ответ и сказал:

— Спасибо, пожалуйста, позаботьтесь о моих мальчиках, — и закрыл глаза.

В этот момент подъехал в автомобиле с национальным флагом полковник Степанов. Он был со своим начальником штаба. Выйдя из автомобиля, полковник Степанов поблагодарил нас за такую удачную операцию и спросил: «Где ваш командир?»

Взяв под козырек, я ответил, что наш командир тяжело ранен, указал на лежащего поручика Ватягина и сказал, что я его заместитель. Полковник Степанов подошел к Ватягину, наклонился над ним и сказал, что он много обязан ему за его успешную помощь.

— Я вас представлю к Георгиевскому кресту и к следующему чину.

Ватягин снова, открыв глаза, прошептал, что он георгиевский кавалер с Германской войны:

— Он у меня спрятан в коробочке, в заднем кармане брюк.

Мы все совершенно не знали, что имеем дело с таким доблестным человеком. Подошел доктор, и подъехала подвода с сеном, но полковник Степанов сказал, что он лично на автомобиле доставит его в госпиталь. Мы довольно удобно устроили поручика Ватягина, и я попросил полковника Степанова, чтобы он разрешил мальчикам-партизанам попрощаться со своим командиром. Каждый из них подходил, становился во фронт и отдавал честь, в то же время по их щекам текли слезы. Это была незабываемая картина. Ватягин, напрягая силы, поманил меня к себе и сказал:

— Прошу вас, разыщите моего брата и передайте ему эту коробочку с моим Георгиевским крестом, там же найдете его адрес.

— Кто у вас здесь остался за старшего офицера? — спросил полковник Степанов.

Взяв под козырек, я ответил, что я его первый заместитель.

— В таком случае сразу же ведите свой отряд в город, в Казанское военное училище. Бои идут в городе, красные бегут, Казань скоро будет в наших руках, сербы по приказанию их командира майора Благозе высадились с парохода и ударили в тыл красных. Капитан Каппель подошел на пароходе к Казани. Всем идти на Казань, и как можно скорее, каждый стрелок нам дорог. С Богом! — И автомобиль его медленно стал удаляться, а солдаты его отряда построились в походную колонну и последовали за ним.

Теперь уже «мои» мальчики просили меня перейти в отряд полковника Степанова, так как там много симбирцев, а среди них тоже 10—12 человек из Симбирска. Я сказал, что по прибытии в Казань они могут это сделать, но по дороге в Казань я получил приказ всех рядовых добровольцев передать в распоряжение капитана Каппеля, а господам офицерам идти в военное училище в распоряжение гвардии полковника Радзевича[32].

Улицы города Казани были забиты народом, колокольный звон всех церквей извещал о нашей победе, нас забрасывали цветами, и ясно было слышно, как тысячные голоса поют «Христос Воскресе!». Также меня поразило огромное количество офицеров на улицах, в форме с

орденами, и все торопились к военному училищу, но как я ошибся и как горько я был разочарован! Но об этом позднее...

Я, Петя и Сережа сразу же явились в военное училище. У входа стоял дежурный офицер — поручик, с белой повязкой на рукаве. Подозрительно посмотрел на нас, наш вид был из рук вон плох. Мы были грязные, небритые, волосатые, одеты в полувоенную одежду. На офицеров не походили никак, скорее нас можно было поставить в разряд «бродяг»! Все же он указал нам, куда пройти для регистрации. Вошли в первую комнату. Дежурный офицер зарегистрировал нас и спросил:

— Вы, господа, из Казани или других мест?

Мы сказали, что мы местные. Тогда он нам сказал, что по распоряжению гвардии полковника Радзевича мы можем навестить наших родственников и родителей, но должны вернуться сюда к 5 часам вечера. Мы быстро вышли из училища и разбежались в разные стороны, каждый к своим.

Я почти бежал, когда приблизился к дому брата. Дергаю звонок. Дверь быстро открывается, и я в объятиях брата, мамочки, жены брата и детишек. Все плачем от счастья, что Господь сохранил нас. Момент молчания прошел, и я сообщил, что отпущен на 2 часа, что в военном училище идет лихорадочная регистрация офицеров для создания офицерской дивизии для наступления на Москву. Также я им сказал, что думаю, что очень скоро опять увижусь с ними, поэтому слезы не нужны, а нужно радоваться, что город освобожден от красного дьявола.

Быстро принял ванну, побрился — короче, привел себя в порядок, достал из сундука мой защитный китель с Владимиром 4-й степени. Снова объятия, слезы прощания. Я форменным образом оторвался от моих родных и, выйдя, быстро зашагал к военному училищу. По дороге люди бросали нашему брату офицеру цветы, улыбались, кричали: «Да здравствуют добровольцы, наши освободители!» Некоторые гимназисточки даже подбегали и на ходу дарили поцелуй.

Наконец я добрался до военного училища. На сей раз дежурный при входе был капитан. Я сказал ему, что я прошел регистрацию и был отпущен на 2 часа для свидания с родными, теперь возвращаюсь обратно. Он направил меня к тому же столу, где я был ранее. За ним по-прежнему сидел дежурный офицер в чине подполковника. Он проверил по списку мое имя и чин и с удивлением посмотрел на меня:

— Ну, знаете, господин капитан, узнать вас совершенно невозможно — вы из «бродяги» превратились в статного офицера, совсем другой человек!

Мы оба дружно рассмеялись. Он указал мне на дверь кабинета, ранее принадлежавшего начальнику училища. На двери была вывеска: «Распределение г.г. офицеров по ротам». Вошел и встал в очередь десятым. Всего было три стола, и везде стояла очередь. Настала моя очередь, я подошел с рапортом к симпатичному пожилому полковнику. Он спросил меня, где я был и что делал за время оккупации Казани. Я ответил, что был в отряде поручика Ватягина и боролся против красных.

— О! Господин капитан, я много слышал об этом белом партизанском отряде. Где же теперь Ватягин?

Я сообщил ему, что под Казанью он был тяжело ранен и не знаю, жив ли он. «Я был бы очень благодарен, если бы вы, господин полковник, смогли узнать о его судьбе в госпитале».

Он пообещал узнать.

— Ну а теперь, господин капитан, идите и представьтесь гвардии полковнику Радзевичу на втором этаже, он ваш командир, я вас зачисляю в 1-ю офицерскую роту, которая сейчас формируется. Вот ваш билет.

Поднявшись наверх, я увидел нужную мне дверь. Она была открыта, я попросил разрешения войти. «Прошу», — раздался голос, и я вошел с рапортом к полковнику Радзевичу. Выслушав рапорт, он пригласил меня сесть. У полковника на груди Георгиевский орден 4-й степени и Владимир 4-й степени. Обращаясь ко мне, он говорит:

— Не думаю, что мне нужно вам объяснять, что вы вступаете рядовым бойцом-офицером в 1-ю роту, что мы все офицеры — рядовые бойцы до тех пор, пока не уничтожим эту гадину окончательно. Мне трудно сейчас назначать офицеров на командные должности, так как я никого не знаю, поэтому назначаю наугад — впоследствии увидим, кто на что способен, познакомимся ближе, тогда видно будет. Пока назначаю вас начальником 1-го отделения, явитесь к командиру взвода капитану Рухину, он окончил Одесское военное училище. Всего хорошего вам, господин капитан!

Иду в ротное помещение. Оно гудит, как пчелиный рой, ничего не разберешь. Один из офицеров провел меня к капитану Рухину. Подойдя, я официально отрапортовал, что прибыл в его распоряжение и по приказу полковника Радзевича должен принять от него первое отделение. Он как-то не особенно приветливо посмотрел на меня, вызвал поручика Яковлева и сказал ему сдать отделение мне. Поручик Яковлев крепко пожал мне руку и сказал, что очень рад, что передает отделение мне, так как слишком много в отделении офицеров выше его чином.

Мы подошли с ним к отделению, и поручик скомандовал: «Господа офицеры!» Я представился в отдельности каждому и поздоровался с каждым за руку. После представления потекла задушевная, дружеская беседа, но не надолго. Команда дежурного офицера — «стройся!» — прервала ее. Разобрав винтовки, мы вышли на плац и выстроились в две шеренги. Наш ротный фельдфебель в чине подполковника, георгиевский кавалер, встал на фронте роты и скомандовал: «Господа офицеры!» Все вздрогнули и замерли. Полковник Радзевич спокойно, но твердо подошел к роте, встал смирно и, приложив руку к козырьку, спокойным голосом сказал:

— Спасибо, господа офицеры, прошу стоять вольно.

Его речь была короткой. Он указал на то, что на нашу долю выпало счастье иметь возможность встать на защиту нашей родины, наших храмов, семейств от зверского хама — большевиков.

— Я приветствую вас, господа офицеры, как первых, откликнувшихся на зов нашей Родины, и считаю особой честью командовать вами. Мы, конечно, не будем заниматься построением, шагистикой и т. п. — это было бы смешно, но мы должны помнить, что каждый из нас является рядовым бойцом и все приказания командного состава должны исполняться немедленно, точно и без лишних разговоров. Отпуска запрещены, так как мы не знаем, когда и где понадобится наша помощь, а это может произойти в любую минуту. Благодарю вас, господа офицеры. Фельдфебель, ведите роту на вечерний, поздний обед.

Фельдфебель распустил нас и просил поставить винтовки на прежнее место, по отделениям. Мы все изрядно проголодались, поэтому обед был поглощен быстро и с аппетитом. Спать никто не мог, все горели желанием поскорее сразиться с ненавистным врагом, но молодость и усталость берут свое, и мы наконец все заснули крепким, богатырским сном.

Как долго я спал, не знаю, но мой сон нарушил командир взвода капитан Рухин:

— Господин капитан! Ваша очередь идти с отделением на заставу на Кремлевский Вал и сменить 2-е отделение. Пароль — «Москва».

Построив отделение и получив офицера-проводника, мы тронулись на смену. По пути я заглянул в помещение 2-й роты и был страшно удивлен, увидев, может быть, 60, в лучшем случае 100 офицеров. Смутное беспокойство охватило меня. Где же те 3000 офицеров, которые были зарегистрированы красными? Неужели они предали нас? С такими мрачными мыслями я привел отделение на Кремлевский Вал. Командир 2-го отделения, симпатичный штабс-капитан Васильев, не спеша сдал нам свой пост.

Расставив часовых на шести постах и оставив небольшое ядро в защиту отделения, я взял трех офицеров и с особой осторожностью переполз вал, и мы исчезли в густом тумане, идущем от Волги. Эту местность я знал хорошо — до самой Волги. Мы прошли довольно далеко и залегли в надежде что-либо услышать или увидеть, но везде царила мертвая тишина, и мы вернулись обратно. Подошло время смены, но смена запаздывала. Наконец явилось 3-е отделение, и мы сдали ему охрану поста.

Вернувшись в училище, мы прошли в спальню на отдых. Наш отдых был очень кратковременным. Подняли нас по тревоге и приказали строиться в полном вооружении. Наш фельдфебель — подполковник Васильев — грозно рычал и покрикивал: «Колбасой... не задерживайтесь!» Рота срочно построилась, команда: «Господа офицеры», и полковник Радзевич подошел к нам, скомандовав: «Прошу, господа офицеры», и мы встали вольно. Полковник сказал нам, что настало время для нас показать себя, мы идем в бой, — и тут грозное «Ура!» прокатилось по роте.

— Мы идем на помощь 1-му чешскому полку полковника Швеца, в направлении города Свияжска, где он находится в жестоком бою с латышской дивизией. Я очень доволен, что мы встретимся в первом нашем бою с самой стойкой латышской дивизией Вацетиса, и я уверен, что нас она не испугает...

(Смех роты.)

Полковник Радзевич скомандовал:

— Ряды вздвой! На плечо! Направо шагом марш!

380 человек в сдвоенном строю представляли грозную картину: штыки, как по линии, тяжелый, твердый шаг. Идем на посадку на пароход. Проходим темными улицами, иногда открывается окно, тускло освещенное, кто-то крестит нас, кто-то кричит нам вслед: «Храни вас Господь!»

Подошли к Волге, рота остановилась в ожидании приказаний. Мы подошли к маленькой пристани. Около нее стоял пришвартованным небольшой буксир, приказано грузиться, но буксир так мал, что не может вместить всех. Пришлось грузиться повзводно, и тогда буксир должен будет возвращаться четыре раза. Полковник Радзевич приказал, вопреки протестам капитана буксира, грузиться пополуротно. Мы погрузились и представляли собой картину, «как сельди в бочке». Кто-то из шутников предложил вообразить себе, что мы едем на веселую загородную прогулку. Поднялся смех. Настроение хорошее, всем не терпится поскорее добраться до латышей. Для нас непонятно, как это получилось, что латыши, со всем своим офицерским составом, оказа-

лись на стороне большевиков, и это после того, как царское правительство дало им средства для организации своей, латышской армии. Смех продолжался недолго, нам приказано не курить и соблюдать тишину.

Темно. Толкнувшись о какую-то баржу, получаем тихий приказ: «Высаживайся!» Быстро, но тихо выполняем приказ, и буксир уходит обратно за второй полуротой. Хотя я и хорошо знаю Казань, но не мог определить, где мы находимся.

Подошел командир роты полковник Радзевич и вызвал к себе командира взвода и всех начальников отделений. Капитан Рухин встал около командира роты, мы, отделенные, вокруг них. Полковник Радзевич разложил карту на земле, мы все склонились над ней. Он осветил карту фонариком и указал наше местонахождение. Только теперь я узнал местность — мы находились всего в версте от Услона.

Нашему взводу приказано обойти с южной стороны Услона и перерезать дорогу, идущую на ст. Свияжск. Взвод свернулся и пошел обходить Услон. Меня сразу покоробило, что командир взвода не выслал дозоров. Подойдя к капитану Рухину, я сказал ему:

— Господин капитан, нужно бы выслать дозоры!

Он ответил очень грубо, что не нуждается в советах. Меня это взорвало. Подойдя к нему вплотную, так чтобы идущие сзади не могли слышать, я очень тихо сказал ему, что в его подчинении находятся опытные боевые офицеры и что он может попасть в очень неприятное положение. На это мое замечание он ничего не ответил, а вызвал меня с моим отделением на охранение. Выслав дозоры с обоих флангов, мы быстро пошли вперед. Темно, поэтому приходится ориентироваться по карте, а это занимает время. Но наконец показались какие-то силуэты построек. Я задержал отделение для выяснения обстановки. В это же время раздался редкий ружейный огонь, и я получил донесение от дозора, что они натолкнулись на большевиков, засевших в крайней постройке, видневшейся вперед нас.

Подтянув дозоры, я развернул отделение в цепь и начал обход в тыл этого здания, а также донес командиру взвода, что наткнулся на заставу неприятеля и иду в наступление на них. Это первая наша стычка, в душе злорадство: «Подождите, будет вам жарко — как вы теперь, паршивая рвань, сумеете встретиться с нами в открытом и равном бою. Хватит ли у вас на это смелости?»

Я уже обошел здание и приказываю отделению окопаться и не стрелять без моего приказа. По выстрелам из здания сужу, что там не более взвода. Стреляют беспорядочно и «по воробьям», лишь бы стрелять. Значит, нервничают — это хорошо. Еще раз предупреждаю

отделение не стрелять до моего приказа, ждать, когда они вылезут из здания. Отделение просит меня открыть огонь и перейти в атаку, я категорически запрещаю: «Не настало еще время». Послал донесение капитану Рухину и прошу его открыть огонь по зданию с фронта и дать мне возможность окончательно отрезать их отступление.

Взвод открыл частый огонь, большевики решили, что к нам подошло подкрепление, и начали бежать из здания, пригибаются и бегут прямо на нас. Мы, окопавшись, лежали, поэтому их силуэты на фоне неба были нам видны хорошо. Приказываю не стрелять, а быть готовыми принять их в штыки. Фигуры все ближе, ближе. Отделение без «Ура!» принимает их в штыки. Произошел короткий бой, в нем не было слышно «Ура!», только молчаливые удары штыка, клавшего на землю подвернувшегося под руку врага, да стоны раненых. Все они были убиты, их было 25, только одного мы взяли живого — «языка». У меня потери пустячные: трое раненных легко и один ранен тяжело в грудь. Отделение в сборе, все запыхались, но отовсюду слышны довольные, радостные голоса: «Вот сволочи, попробовали офицерского штыка! Это вам первый урок!»

Получаю поздравления от офицеров отделения, в то же время вопросы:

— Господин капитан, почему вы запретили нам стрелять, когда большевики шли прямо на нас?

Я пояснил, улыбаясь, что если бы мы открыли огонь, то наверняка противник не пошел бы прямо на огонь, а свернул бы и спрятался за зданиями, а тогда что? А сдержав огонь, то есть не спугнув противника, мы его полностью уничтожили! Все были очень довольны удачей операции, а я чувствовал, что офицеры убедились в моих способностях как командира, а также поняли, что мои знания не только теоретические, но практические, приобретенные опытом.

Капитан Рухин, подойдя ко мне, сказал:

— Знаете, капитан, здорово вы их расчихвостили... и что меня восхищает — без выстрела, на штыки, по-суворовски! — Хлопнул меня по плечу и пошел в сторону.

Вокруг моего отделения собрался весь взвод. Разговоры, конечно, о только что законченном бое. Почему не стреляли? Как краснюки работают штыками? и т. д. По ответам моих офицеров я чувствовал, что мой престиж растет, но мне стало как-то неловко. Что особенного я сделал? Для них это была первая боевая схватка, а для меня — ничего нового, и сколько, о Господи, еще предстоит пережить всяких боевых схваток, пока мы окончательно раздавим эту гадину! Неожиданная моя популярность совершенно не нравилась

капитану Рухину, да бог с ним, видно, он такой человек. Взвод выстроился в походную колонну и с охранением двинулся для выполнения нашей задачи.

Недалеко показалось маленькое озеро, на близлежащем холме маленькая часовня, а от нее идет дорога на ст. Свияжск и параллельно с ней вторая дорога, сливающаяся с первой и также идущая на ст. Свияжск. Капитан Рухин донес командиру роты, что задача выполнена и что он ждет дальнейшего приказа. Получили приказ ждать подхода всей роты. Мы, то есть все мое отделение, сразу свалились на землю и захрапели.

Не знаю, как долго мы были в объятиях Морфея, но резкий голос разбудил нас всех. Капитан Рухин скомандовал строиться, подошла вся наша рота во главе с полковником Радзевичем. С прибившимися пришла и походная кухня со вкусными щами, гречневой кашей и нашим незаменимым черным хлебом. Недаром русская пословица говорит: «Щи да каша — пища наша!» Мы крепко проголодались, поэтому были немного недовольны медленной раздачей пищи, но, наевшись, успокоилась и подобрели.

Новый боевой приказ: «Мы идем на сближение с большой силой большевиков, засевшей в селе «Н» (не помню названия), которая собирается задержать нас».

Через час приказано строиться. Полковник Радзевич подошел к нашему отделению и поблагодарил его за боевую хорошо выполненную работу, а подойдя ко мне, пожал мне руку и сказал:

— Ваша работа доказала, что вы были в боевых операциях с поручиком Ватягиным. Спасибо, господин капитан!

Село, куда мы направлялись, находилось в котловине, окруженной горами. Рота тронулась походной колонной, 3-й взвод пошел в головное охранение. Уже настал яркий солнечный день, и простым глазом можно было видеть, как головное охранение рассыпалось — точно веер. Красиво... как на маневрах. Прошло довольно долгое время, нам кажется, что мы уже недалеко от села. Что же случилось с противником? Сбежал? Или готовит нам неожиданный сюрприз? Вдруг выстрелы, мы быстро рассыпались в цепь, видим, что наше охранение делает перебежки.

Приказ: «Рота, стой!»

Полковник Радзевич вызвал к себе всех взводных и отделенных командиров:

— Господа офицеры... мы должны взять это село коротким ударом. Вот мой план: 1-й взвод зайдет с левого фланга противника, 2-й взвод с правого фланга, 3-й и 4-й взводы — фронтовой удар. Я буду

при 3-м и 4-м взводе. Моим первым заместителем назначаю нашего фельдфебеля полковника Васильева. С Богом, господа офицеры!

Полковник Радзевич тотчас же послал приказ 3-му взводу, находившемуся в охранении, окопаться, не двигаться с места, но продолжать сильный ружейный огонь, дабы отвлечь внимание противника от передвижения обходящих его колонн. Капитан Рухин и я точно рассматривали наш план, и мы стали двигаться в обхват левого фланга красных. Перед нами было открытое поле, за ним лес. Мы решили начать перебежку по полю, стараясь быть незамеченными. Нам это удалось. Войдя в лес, мы остановились, и я с двумя офицерами пошел в разведку — главное, узнать, где их левый фланг обороны.

Пройдя с четверть версты, мы увидели мельницу, а перед ней копошившихся большевиков. Они окапывались. Мы решили, что это и есть их левый фланг, а за ним и село. Мы быстро вернулись обратно, и капитан Рухин послал донесение, что левый фланг обнаружен.

Получили приказание командира роты ждать, когда он перейдет в атаку, и только тогда атаковать их с фланга. 2-й взвод также уже был на позиции. С напряжением ждем приказа «вперед!». Наш взвод был сосредоточен на опушке леса. Я предложил капитану Рухину, что я с отделением могу обойти мельницу еще глубже и ждать там полного наступления, на что капитан дал согласие.

Полковник Радзевич перешел во фронтовую атаку, мы услышали громовое «Ура!» и видели, как взвод развернулся и пошел в атаку. Красные открыли беспорядочный огонь из винтовок.

Теперь очередь за мной. Развернув отделение, с громким нашим «Ура!» мы в свою очередь бросились на большевиков. Они заметались, как белка в клетке. Куда бежать? Краснюки очутились в западне. Некоторые бросали винтовки и поднимали руки вверх, другие втыкали винтовки штыками в землю, поднимая руки вверх.

Та же история, как и у нас, повторилась и на правом фланге. Фронтовая атака также прошла успешно, и противник очистил село. Правильнее сказать, только единицы покинули село. Около трехсот человек было взято в плен. Все они были мобилизованы красными. Полковник Радзевич отправил их под конвоем в Казань для пополнения вновь формирующихся частей.

Наши потери были незначительны. В моем отделении поручик Крац был ранен легко в руку, не пожелал даже пойти на перевязочный пункт и остался в строю. Второй взвод потерял двух офицеров убитыми, и один был ранен в плечо.

Фронтовая атака прошла блестяще. Говорили, что это была незабываемая картина. Офицеры шли в атаку с винтовками на ремне —

так, как будто они шли на прогулку. Красные не выдержали такой доблести и, по-видимому, от неожиданности такой картины побросали свое оружие!

Прежде чем отправить пленных, некоторых из них допросили. Согласно их показаниям, к ним на помощь пришли латыши и они находятся в селе, на другой его стороне.

К занятой нами позиции подтянулись все взводы, объявлена получасовая передышка, «а ночевать будем в селе!». Наш командир был в этом уверен, да и мы все. Наша застава с дозором тронулась в направлении села. Пока все спокойно, кажется, что красные оставили село, а пленные врали.

Но... вдруг... из села показались густые черные цепи и идут в упор на нас, в контратаку. Раздаются крики: «Матросы! гроза революции! Ха, ха, пусть подойдут ближе...» Наша застава медленно отходит вместе с дозорами, на соединение с нами. Приказ командира роты: «Стой... ложись... окопаться и не стрелять без приказа».

Слышно ворчанье офицеров: «Зачем окапываться?.. В штыки эту сволочь...» — но приказ был исполнен точно. Три взвода в первой линии и один взвод в резерве.

Матросы подходят все ближе, ближе. Мы молчим. Ни звука. Приказ есть приказ — ни одного выстрела. Первоначально матросы бежали на нас, но... постепенно их шаг замедляется... Уже видны их морды... Команда командира роты: «Рота по противнику... пли»... Пока раздавалась команда, я взял на мушку огромного матроса, шедшего впереди всех. С командой «пли» он как-то подскочил и грянулся на землю. Не думаю, чтобы я один целился в него. После залпа — частый ружейный огонь, и раздается команда: «Встать! В штыки, в атаку!»

После нашего первого меткого залпа матросы сразу потеряли свою передовую цепь. Одно удовольствие видеть, как господа офицеры исполняют приказы и команды! Рота, равняясь, как на параде, цепями пошла навстречу матросам. До боли в пальцах сжимаю приклад винтовки и уже выбираю, на которого матроса наброситься. Подходим вплотную, и наше громовое «Ура!» разрезало воздух. Матросы, не выдержав, поворачивают нам спины и бегут назад, в село. Мы врываемся в село, можно сказать, на их спинах. На единственной улице села бой продолжается, но недолго. Офицеры не брали матросов в плен. Все поле и улица были усеяны черными тужурками. От уцелевших нескольких матросов мы узнали, что это был морской батальон в 500 штыков. Где же латыши? Оказалось, что их перебросили туда, где был полковник Швец, а матросов на подводах со ст. Свияжск доставили

на латышскую позицию, чтобы, как они говорили, «уничтожить отряд корниловцев». Вся матросня оказалась из Кронштадта — значит, все они участники уничтожения морских офицеров. Командир роты приказал всех оставшихся в живых вывести за село и расстрелять. Приказ был выполнен точно.

Наши потери в этом бою были незначительными. Все же мы потеряли четырех офицеров убитыми и десять ранеными. Для нас это казалось пустяком, но фактически это была большая потеря.

Приказ: рота остается на отдых и ночевку в селе. Этот приказ был встречен с восторгом. Выставив две заставы — на юг и на север, — рота разместилась по хатам. Штаб роты поместился в доме священника, отца Павла.

Слева от нас слышен сильный артиллерийский огонь. Это 1-й чешский полк ведет бой с латышами. Мы как бы ограждаем его правый фланг, но связи с ним еще не имеем. Наше отделение разместилось на окраине села в пустом доме. Принесли соломы, постлали ее на полу и мгновенно заснули богатырским сном. Сколько мы спали, не знаю, — нас разбудили идти за пищей, а затем идти на смену 4-му взводу, стоявшему в заставе. Я пошел в штаб роты узнать новости. Меня встретил полковник Радзевич и попросил меня зайти к нему в комнату. Он мне сказал, что назначает меня командиром взвода вместо капитана Рухина, которого пришлось отправить в Казань по болезни. Когда он это говорил, то по его лицу проскользнула какая-то незаметная усмешка. Я же в свою очередь с невинным видом спросил: когда же он заболел? Полковник не ответил мне.

Конные чехи 1-го, полковника Швеца, полка наладили с нами связь. Оказалось, что мы не так далеко друг от друга и чехи скоро протянут к нам в штаб полевой телефон.

Полковник Радзевич очень тактичный и честный офицер. Он предложил полковнику Швецу принять командование над всей нашей группой, на что полковник Швец согласился и сказал:

— Сегодня я получил высшую честь иметь в своей группе господ офицеров Императорской армии, которые борются рядовыми бойцами против нашего общего «врага славянства».

Он просит полковника Радзевича дать нам полный отдых, чтобы на рассвете мы могли обрушиться на правый фланг красных, занявших село «Н», сильно укрепившись в нем. Там сосредоточены большие силы, включая и латышей. Село должно быть нами взято к 10 часам утра. Мы снова легли и заснули мгновенно, так как устали мы изрядно.

Меня разбудил дежурный офицер с приказом идти за чаем и хлебом. На дворе чуть занималась заря. Все взводные командиры были

вызваны к командиру роты. Придя в штаб, мы застали его разговаривающим с полковником Швецем по полевому телефону. По-видимому, шло совещание между нашим командиром роты полковником Радзевичем и полковником Швецем, так как полковник Радзевич отмечал наш путь на тут же лежащей карте. Его последние слова, сказанные полковнику Швецу, были словами, принятыми военным этикетом:

— Благодарю вас, господин полковник, за орудия и прошу вас быть уверенным в выполнении нашей задачи полностью. Итак, всего лучшего, встретимся с вами в селе, не позднее 10 часов утра.

Командир роты пояснил нам, что чешский полк, численностью в 1200 штыков, берет на себя главный удар по селу, с глубоким обхватом правого фланга красных. Наша задача — удар по левому флангу с захватом дороги на ст. Свияжск, дабы не дать возможности латышам отойти к станции, где стоят пустые эшелоны. Полковник Швец посылает нам два полезных 3-дюймовых орудия. Это сообщение вызвало одобрение с нашей стороны.

Мой взвод остается в резерве. Между прочим, когда я принял взвод, многие офицеры подходили ко мне и говорили, что они счастливы видеть меня их командиром взвода. Эти заявления, конечно, были очень и очень приятны мне.

Всем нам даны точные и ясные директивы. Через час мы должны занять исходное положение. Сверили часы с командиром роты и покинули дом священника. Придя к себе в хату, еще раз проверил по карте ход операций. Два взвода атакуют правый фланг противника, один взвод идет в глубокий обхват. Я же со взводом стою в резерве, готовый в любую минуту помочь там, где это будет нужно. Мы ясно представляем себе всю серьезность операции, так как против нас регулярная латышская армия и отряд личного конвоя «тов. Троцкого».

Сигнал к атаке — это начало огня чешской батареи по селу. Подошли обещанные полковником Швецем два орудия, выбрали для себя позицию и также ожидали сигнала — огня батареи.

Видны уже дома селения. Запрещено курить и громко разговаривать. В селе все тихо, также и в окопах противника. Впечатление такое, как будто все спят. Вижу священника отца Павла. Он спокойно идет вдоль наших цепей и кропит всех святой водой. Спрашиваю командира роты: «Что же отец Павел делает? Ведь его далеко видно и его убьют первым!»

Полковник Радзевич сказал мне, что он уговаривал отца Павла остаться дома, но тот возразил, что он считает своим священным долгом быть с нами.

Наш третий взвод ушел в обход, и мы ждем.

Раздался первый залп батареи — это наш сигнал. Наши две пушки открыли беглый огонь по окопам красных. Ой! какая меткость... снаряды рвались точно в окопах противника — хорошие артиллеристы!

Кто-то куда-то бежит... Многие выбегают из окопов, но сейчас же ложатся... видно, наши две пушки бьют метко. Наши два взвода развернулись в цепь и опять, как на параде, держа равнение, спокойно зашагали на красных. Противник открыл огонь. Есть уже убитые и раненые. Приказ остановиться, залечь и начать перебежки, но, видно, этот приказ не для наших офицеров — они с «Ура!» пошли в атаку, и в тот же момент обходной взвод ударил противнику в тыл. Наши два взвода ворвались в окопы и штыковыми ударами заставили противника начать отступление. Как только противник начал отход, наш третий взвод бросился в штыки на отходящих. Латыши попались в наши лапы, мы отрезали их от дороги и от села. Они бросились в бани, разбросанные в большом количестве около села.

Прошу командира роты заменить любой взвод моим, но он ждет контратаки и отвечает мне: «Ваш взвод будет мне нужен». В это же самое время чешский 1-й полк с большим успехом гонит латышей прямо на нас, и мы их достойно встречаем сильным огнем винтовок и наших двух пушек. Мы уже в селе. Приказ нашему командиру роты продолжать преследование противника. Теперь уже я со взводом иду походной заставой. Пройдя все село и выйдя на главную дорогу, я увидел впереди какое-то каменное здание. В бинокль вижу, как латыши копошатся около него, срочно окапываются. Донес командиру роты и получил приказ: «Решительной атакой сбить противника с позиции и продолжать преследовать». Развернув взвод, я объяснил боевую задачу.

В первую линию я послал 3-е и 4-е отделения, 1-е и 2-е в резерве. Взвод пошел на сближение с противником. Окопы молчат. Приказываю начать перебежки. Противник открыл отчаянный пулеметный и винтовочный огонь. Я бросил во фланг 2-е отделение; в это время два чешских орудия подошли к нам на помощь и открыли огонь по неприятелю. Также и батарея 1-го полка открыла огонь. Мы поднялись и бегом бросились в штыки на окопы. Латыши, оставив 4 пулемета и много винтовок, бросились в форменное бегство.

К этому времени подошла вся рота. Много латышей с поднятыми руками просили пощады, среди них были и мадьяры. Им от нас не было пощады... все они были расстреляны, как чужеземцы-наемники.

Ко мне подошел полковник Радзевич и, не говоря ни слова, крепко пожал мне руку, затем сказал:

— Нет теперь наград, и я не могу вас произвести в следующий чин, но назначаю вас моим помощником и первым моим заместителем.

Я только мог сказать:

— Покорно благодарю вас, господин полковник.

На нашем пути к ст. Свияжск препятствием служило маленькое поселение, сильно укрепленное красными. Это маленькое поселение защищалось личным конвоем товарища Троцкого, состоявшим исключительно из отборных латышей.

Рота вся в сборе. Полковник Радзевич, осмотрев позиции противника, решил обойти его двумя взводами с левого фланга, так как в этом направлении был лес и можно было пройти в тыл незамеченными. Он лично пошел с обходной колонной, а я остался с двумя взводами с задачей: через час начать демонстративное наступление с фронта, медленно продвигаясь вперед до тех пор, пока мы не услышим «Ура!», — тогда перейти в решительную атаку — в штыки. Все получилось так, как полковник Радзевич предвидел. Латыши его не ожидали с тыла — это для них было большим сюрпризом, и наше «Ура!» слилось в общий победный крик. Латыши повернули свой фронт на две стороны — на полковника Радзевича и на нас, но мы уже были настолько близко, что штыковой бой был неизбежен, поэтому они, растерявшись, бросились в разные стороны, но... лишь немногие из них избежали нашего штыка. Я обратил внимание на странную форму латышей: красные рейтузы с золотыми лампасами, тужурка синего цвета с серебряной окантовкой. Это конвой товарища Троцкого, который предусмотрительно бросил их, оставив охранять последнюю преграду к ст. Свияжск, а сам удрал на станцию в ожидании исхода сражения.

Перед нами открытое поле, в двух верстах видна ст. Свияжск; по полю бегут остатки конвоя Троцкого в надежде спастись на станции, сев в эшелон, стоящий под парами. Мы бежим по полю и слышим впереди крики: «Кавалерия!» Увы, к сожалению, у нас кавалерии нет, и видно, как эшелон из 15—20 вагонов начинает отходить от станции. Наши два орудия бьют по станции беглым огнем, но эшелон скрывается. Впоследствии мы узнали, что в этом эшелоне был Троцкий. Жаль, что у нас не было кавалерии, был бы он в наших руках...

После занятия ст. Свияжск к нам подошли наши кухни, и мы покушали с большим аппетитом. Вся рота разместилась в станционном помещении.

Начался подсчет потерь. Каждый взводный командир подсчитывал свои потери убитыми и ранеными и доносил командиру роты. Только теперь мы узнали, что за время наших боев мы потеряли довольно

большое количество офицеров. Окончательный подсчет: 21 офицер убит, 60 ранено, из коих 8 офицеров после ранения остались в строю; заболело 10 офицеров, также вынужденных покинуть строй. Всех убитых было приказано отправить в город Казань на кладбище. Эта отправка изъяла из строя еще 6 офицеров, которые сопровождали трупы до Услона, где их принимали назначенные для этого санитары.

Итак, каждый боевой день приносил потери, а пополнения не было... Где же эти так называемые господа офицеры? Неужели предали и не пошли в строй? Раненые офицеры после выздоровления возвращались в строй и передавали нам, что каждый кабак набит людьми в офицерской форме, все улицы также полны ими... сущее безобразие... Одни формируют какую-то гвардейскую часть и находятся при штабе, другие говорят, что рядовыми они не пойдут, и, наконец, многие отговариваются тем, что у нас нет определенного монархического лозунга «За Веру, Царя и Отечество!» и т. д. Для нас они — шкурники и предатели. Эти новости сильно действовали на настроение наших офицеров. Они ничего не говорили, не спорили, а как-то притихли, понурили головы. Чувствовалось, что каждый из них считал себя отрезанным куском, преданным своими же братьями офицерами.

Неожиданно к нам прискакала группа чешских конных, и офицер прошел прямо к полковнику Радзевичу с пакетом от полковника Швеца. Выйдя от полковника Радзевича, офицер поспешно сел на коня, и вся группа моментально исчезла.

Полковник Радзевич вызвал к себе всех взводных офицеров. Сообщение было не из веселых. Капитан Каппель не смог пересечь Московско-Казанскую железную дорогу. Симбирск, защищавшийся малочисленным гарнизоном, после ожесточенного боя попал в руки красных. Отряд сербов не смог взять железнодорожный мост Свияжск, и их доблестный командир майор Благозе пал смертью храброго начальника, что так сильно повлияло на сербов, что они отошли от моста с большими потерями. Нам приказано отойти обратно к первоначально занятой нами деревне, так как две свежие дивизии, сформированные из ярых коммунистов, с новыми отрядами матросов стараются отрезать нас.

Мы спешным порядком отступили к этой деревне, и как мы туда добрались, лишь одному Богу известно, так как мы были усталые, а также были потрясены случившимся, не зная, что же будет дальше. Неужели нам придется все бросить и отступить?.. Куда???

Полковник Радзевич сообщил нам, что в этой деревне мы должны ждать следующего приказа от полковника Швеца. Войдя в деревню,

мы разошлись по тем же хатам, где были и раньше, и спали на той же соломе, что постлали первый раз.

Второй взвод пошел на охранение. Меня разбудил дежурный офицер и сказал, что меня хочет видеть полковник Радзевич. Встретил его сидящим с отцом Павлом. Отец Павел оставался все время с нами, Господь хранил его. Он был всегда с нами — в бою, с умирающими, с ранеными. Изумительный человек, чудный, чуткий духовный отец.

Полковник Радзевич провел меня в следующую комнату и там мне сказал, что получил приказ держать эту деревню до тех пор, пока 1-й чешский полк не оторвется от противника. По сведениям, в нашем направлении движется большая колонна красных. Трудно сказать, когда она подойдет к нам, но возможно — завтра.

— Во всяком случае, нужно быть готовым, и я прошу вас взять любой взвод и им укрепить позицию второго взвода. Вы вступаете в командование полуротой, я же с другими двумя взводами буду стоять в резерве. Всего хорошего, господин капитан! О да, совсем забыл: я имею хорошую новость. Вторая офицерская рота сменит нас при первой возможности; по слухам, она уже высадилась в Услоне.

Возвратясь к себе в хату, я с радостью поделился этой новостью с остальными офицерами. Слава тебе, Господи, хотя еще одну роту собрали — говорили офицеры... Нам пора, брат, и отдохнуть.

Взяв мой взвод, я пошел к заставе. Позиция, выбранная заставой, мне очень понравилась. Застава расположилась на бугре, с которого видна дорога на Свияжск, справа и слева кустарник. Я сообщил командиру 2-го взвода, что по приказанию командира роты я принимаю командование полуротой. Поле зрения отличное. На большом, высоком дереве я поставил наблюдателя. Пока все спокойно и ничего не замечено. Сильный бой идет севернее нас, это чехи в бою с красными. Ясно слышен артиллерийский огонь и даже пулеметный.

Наступила ночь. За ночь чехи опять наладили связь полевым телефоном с командиром роты и заставой. Благодаря тому что мы сумели отбить от красных четыре пулемета «максим», каждый взвод имел теперь один; таким образом, я имел два пулемета, которые поставил на очень выгодную позицию. Командир роты вызвал меня к телефону, спросил, что мною замечено, также просил срочно сообщить ему о поведении противника. Вскорости вернулись высланные мною дозоры и доложили, что на станции идет какое-то передвижение поездов и им кажется, что идет высадка военных частей. Я немедленно доложил командиру роты, который приказал мне не входить в бой с красными, так как полковник Швец уже оторвался и вышел из боя, и приказал нам двигаться в направлении Услона, а он с полком будет у

нас на левом фланге. «Таким образом, снимайте вашу заставу и присоединяйтесь к нам».

Ни я, ни мои офицеры не понимали, в чем дело, почему мы отходим. Впоследствии мы узнали, что свежая дивизия латышей, во главе с их знаменитым Вацетисом, идет с северной стороны на Услон, мы же не имеем никаких частей поставить против него. Кроме того, на ст. Свияжск высадилась Московская коммунистическая дивизия — мы можем оказаться в тисках. Вот что было причиной отхода! Поэтому полковник Швец решил отойти на Услон, где мы совместно будем защищать подступы к нему.

Рота свернулась в походную колонну и с охранением двинулась к Услону. Настроение у всех подавленное. Рота идет с двумя заставами — в голове колонны одна и сзади, в версте, другая. С привалами мы наконец дошли до Услона и остановились там, где мы впервые имели успешный бой с красными. Какая ирония судьбы!

Где же наша вторая офицерская рота? Ведь мы так устали, что нам необходим хотя бы однодневный отдых. С этой мыслью я пошел к командиру роты, доложил ему, что офицеры переутомлены, и спросил, есть ли какая-либо возможность дать нам хотя бы один день отдыха. Полковник Радзевич посмотрел на меня и впервые назвал меня по имени и отчеству:

— Дорогой Федор Федорович! Я прекрасно все это знаю и делаю все, что возможно. Вот только что получил распоряжение от полковника Степанова, что вторая рота должна сменить нас и она уже на пути к нам, а мы должны срочно перебраться в Казань.

Вернувшись к себе, я сообщил хорошую новость моим офицерам. Они были так рады хорошему известию, что чуть не подняли меня на ура. Начались разговоры, как они пойдут в бани, некоторые мечтали пойти в хороший ресторан, хорошо покушать, ну конечно, и выпить и т. д.

Неожиданно загремела артиллерия на нашем левом фланге. Чешский полк вступил в бой с красными. Все сразу как-то притихли. Я читал их мысли — они думали о том, что нам не придется идти на отдых, а, по-видимому, придется опять идти в бой.

В окно нашей хаты был виден дом командира роты. Мы увидели, что оттуда к нам направляется наш командир и второй офицер, в чине полковника.

Придя к нам, командир роты сказал:

— Господа офицеры, представляю вам командира 2-й офицерской роты полковника Филиппова, который завтра заменит нас на нашем участке!

Полковник Филиппов взял под козырек, а мы, как мальчишки, заорали:

— Рады, очень рады видеть вас, господин полковник!

Итак, завтра будем в Казани. Настроение поднялось, но на нашем левом фланге разгорается бой. Мимо нас карьером пронеслась чешская батарея, за ней потянулись подводы, полные чешских солдат. Мы решили, что идет резерв на помощь полковнику Швецу, видно, первому полку приходится тяжело.

Наша застава стояла в полутора верстах от нас, она имела связь с командиром роты по телефону, также командир роты имел связь с первым чешским полком полковника Швеца посредством телефона и конного разъезда. Теперь еще прибавилась и телефонная связь с Казанским гарнизоном штаба полковника Степанова. Бедный наш командир роты, он не имеет ни одной минуты покоя.

Вся ночь прошла спокойно, и мы имели возможность спать, готовые в любой момент по тревоге встать в строй.

Занималась заря, петухи кричали свое обычное «ку-ка-ре-ку» — будили кур, — в долине раздавалось мычание коров. Все было тихомирно. Казалось, что нет никакой проклятой Гражданской войны, наверное, нам все это приснилось. Встав, я пошел в штаб роты узнать новости. Застал полковника Радзевича у телефона. Улыбнувшись, он указал мне на стул. Он разговаривал с начальником заставы. По его усталому виду можно было судить, что он не сомкнул глаз всю ночь. Каких все же хороших офицеров создала наша Императорская армия! Образцом такого офицера был наш командир роты полковник Радзевич.

Мои мысли прервал полковник Радзевич, окончивший разговор по телефону. Он сообщил мне, что разведка выяснила, что красные двигаются в нашем направлении большими колоннами. Полковник Швец ставит в известность нашего командира роты, что, как только подойдет посланное ему пополнение, он перейдет в наступление, и добавляет, что нам с пополнением еще одной офицерской ротой будет легко разбить противника на нашем фронте; также он посылает нам обратно те самые пушки, которые у нас были ранее. Полковник Радзевич назначается начальником всей офицерской группы. Полковник Радзевич просит меня принять командование ротой. Приказ о назначении меня временно командиром роты тут же рассылается всем командирам взводов. Также я получил и немедленную связь с заставой. Мое назначение было встречено очень благоприятно господами офицерами.

Подошла вторая рота в количестве 300—350 штыков, и — о Боже! — кого же я увидел? Моих двух боевых друзей Сережу и

Петю. Мы с особой радостью бросились в объятия друг другу. Полковник Филиппов выстроил свою роту и представил полковника Радзевича как общего нашего начальника офицерского отряда. Полковник Радзевич в краткой речи поведал вновь прибывшим, как доблестно сражалась 1-я рота, и сказал, что он надеется, что при таких силах, которые он сейчас имеет, нам не страшна Московская коммунистическая дивизия, которая идет на нас.

— Я думаю, что скоро мы вступим с ней в бой. Так как 1-я рота — уже испытанные бойцы, то они примут первый удар, конечно с вашей помощью. Даю вам полчаса для знакомства с составом 1-й роты, а затем — на позицию и будьте готовы к бою.

Обе роты перемешались, и начались такие громкие разговоры, что полковник Филиппов вынужден был остановить этот кагал, я же разыскал моих друзей Сережу и Петю. Конечно, разговоры были на злобу дня. Главное, мы никак не могли понять, что стало с офицерами, которых мы видели такое множество. Что они, изменники? Предатели? Как их назвать, раз они не захотели включиться в борьбу против красной банды?!

Полковник Радзевич вызвал меня и полковника Филиппова к себе. Он сообщил нам, что решил перехитрить красных и вырвать из их рук инициативу победы. Он разработал план проведения боевой задачи и точно разъяснил ее нам. Его план был таков: как только красные начнут перестрелку с нашими заставами и дозорами, допустить их на возможно близкое расстояние и обрушиться на них с трех сторон, стараясь прижать их к Волге, а там прикончить их всех. Обходные группы получили точные инструкции действий и ушли на свои позиции. Они все были из 2-й роты. Наша 1-я рота должна быть на первой боевой линии. Я держу непрерывную связь с полковником Швецем, и как только он перейдет в контратаку, так и мы начнем нашу операцию. Таким образом противник увидит, что шутки с нами плохи и что наступление идет по всему фронту одновременно. В резерве была оставлена сводная полурота, три взвода были на передовой линии.

Позиция у нас была выгодная, мы хорошо окопались, установив наши четыре пулемета с расчетом взять противника под перекрестный огонь. Батарея из двух орудий также заняла хорошую позицию. Слева и справа от нас был густой кустарник, он укрывал нас от нежелательных глаз противника и служил хорошим укрытием для наших обходных колонн.

Полковник Радзевич лично руководил предстоящим боем и при обходе позиций со своей неизменной приветливой улыбкой вселял в

нас спокойствие и уверенность в победе. Наши обходные колонны получили от полковника Радзевича задание пройти дальше нашей заставы, занять выжидательную позицию и начать атаку только после того, как мы пойдем в контратаку, таким образом противник окажется в котле.

Наконец все готово. Ждем... Тишина... Нет разговоров, никто не курит, все притаились... Проходит довольно продолжительное время.

Вдруг, как горох, затрещали с нашей заставы выстрелы, и через некоторое время мы увидели, что наша застава развернулась цепью, медленно отходит и доносит, что противник густыми цепями приближается к нам. Вот противник уже проходит позицию нашей заставы, и мы можем видеть надвигающуюся на нас тучу. Мелькает мысль — люди это или саранча? Полковник Радзевич проходит по цепи и просит сделать то, что мы сделали ранее с матросами, то есть не ожидать приказания открытия огня, а дождаться приближения противника почти вплотную, тогда дать залп — и в штыки. Я боюсь за наши обходные колонны... лишь бы они не выдали своего присутствия, лишь бы выдержали до момента нашей контратаки. Цепь противника приближается, они идут на нас с пением «Интернационала».

Бой идет так, как полковник Радзевич предполагал. Мы повторяем в точности маневр с матросами. Подпускаем их совсем близко. Их идет четыре цепи. Первая цепь, увидев нас, с удивлением смотрит на наши залегшие цепи и удивляется, почему не стреляем. Шаги замедляются, но все же краснюки продолжают идти на нас. Раздался свисток, это полковник Радзевич говорит нам: «Пора!» Дружный залп наших винтовок и пулеметов, также и наши орудия не молчали. Краснюки заметались, как белка в клетке! На нашем левом фланге тоже началась контратака — это полковник Швец начал громить неприятеля. Первая цепь краснюков скошена, как косят траву. Вторая цепь залегла. Видно, как их командиры бегают по линии и стараются поднять бойцов, но... они лежат. К ним подходит подкрепление, видим, что они устанавливают батарею. Передаю об этом по телефону нашим двум орудиям. Мне отвечают спокойно: пусть устанавливают, мы их ждем и поднимем на воздух!

Наконец краснюки поднялись и тучей бросились на нас. Снова свисток, и снова наш меткий, убийственный огонь. Их много, мы их косим как траву, но они через трупы своих товарищей идут вперед. Вот они, все ближе и ближе. Наш резерв цепью ложится за нами. Приказ по цепи — быть готовыми к штыковому бою. Наши два орудия быстро выкатились на открытую позицию и открыли огонь кар-

течью. Свисток. Мы встали и пошли вперед на сближение. В это время раздалось громовое «Ура!» с обоих флангов. Это наши обходные колонны перешли в атаку! Все цепи противника остановились — оцепенели и попробовали броситься назад, но они были окружены с трех сторон, единственный выход — к Волге! Этого-то и хотел полковник Радзевич! Пока я с ротой догонял пеших краснюков, полковник Филиппов и полковник Радзевич, на приготовленных ранее подводах, со всем нашим резервом карьером бросились также к Волге, преграждая всякое отступление в сторону от Волги. Короче, 2-й полк краснюков мы гнали прямо в воды Волги.

В ликвидации 2-го коммунистического полка я не был участником, но мне рассказывали, что для коммунистов это была кровавая бойня. 3-орудийная батарея противника смогла сделать лишь несколько выстрелов и сразу была уничтожена метким огнем чешской батареи. На моем участке был большой успех. Мы окружили остаток дивизии, поднявшей руки и просившей пощады, но так как это были отборные коммунисты, то по приказу полковника Радзевича пленных не брать, а оставить в живых только два-три человека для допроса они были расстреляны. Три человека, которых мы оставили для допроса, были офицерами коммунистов. Они же в прошлом были офицерами нашей, то есть Императорской армии в чине прапорщиков. На вопрос: «Как вы могли служить у коммунистов?» — они ответили: «Мы сами коммунисты!» Их немедленно расстреляли.

Получены сведения, что полковник Швец разбил латышей и отходит на старые позиции. Наши роты также потянулись на отдых к Услону, оставив сильные заставы. Наши потери были невелики — шесть офицеров убито и девять ранено. Противник же на нашем и чешском фронте был окончательно уничтожен, и только единицы его уцелели. Ему понадобится долгое время пополнить свои силы, а за это время мы сможем хорошо отдохнуть. Опять этой победой мы обязаны нашему талантливому, прозорливому командиру полковнику Радзевичу.

2-я рота несет всю сторожевую службу, включая и патрулирование по Услону. Мы, 1-я рота, освобождены от всяких нарядов. С наслаждением помылись в бане, сменили белье и даже раздобыли спирту и развели его, сделав водку. Наша походная кухня, работавшая бесперебойно, казалось, снабжала нас наилучшей, наивкуснейшей пищей в мире!

Получили сведения, что капитан Каппель снова занял Симбирск, также получены сведения, что везде происходят восстания против большевиков. В Сибири образовалось социалистическое, а не ком-

мунистическое правительство. Какая разница между социалистами и коммунистами? Одна сволочь! Недаром русская пословица говорит: «Что в лоб, что по лбу!» Но сейчас, в данный момент будем драться под всяким правительством. Уничтожим первоначально коммунистов, а затем и социалистов!! Такое мнение было почти у всех офицеров моей роты. Многие офицеры просили разрешения поехать в Казань навестить родственников, но ответ полковника Радзевича был: «Не имею права разрешить вам поездку — очень сожалею...» На этом разговор заканчивался.

Вчера меня вызвал в штаб полка полковник Радзевич. Придя к нему, застал там и полковника Филиппова. Полковник Радзевич пригласил меня сесть, и в это время принесли чай, и он стал угощать нас. Пили чай с удовольствием и, по старому нашему русскому обычаю, вприкуску (пьют чай внакладку — это сахар-песок кладется в чай, а вприкуску — это берется кусочек сахара в рот и запивается чаем). У меня появилось какое-то предчувствие. Командир не пригласил меня так, только для приятной беседы, время не то, чтобы это делать. Разговор шел в основном о том, что со всех сторон поступают благоприятные известия для нас. Наша разведка, состоявшая из двух взводов 2-й роты, прошла почти до того места, где мы разбили личный конвой Троцкого, и не заметила нигде присутствия противника. В городе Казани идет формирование новых частей из добровольцев, но нужны опытные офицеры, включая и командиров полков, батальонов и т. п. Положение с командным составом критическое. Большинство офицеров не хочет идти в Добровольческую армию (в те годы ее называли Народная армия), находя всевозможные причины, чтобы отказаться от вступления в таковую.

Я с возмущением сказал:

— Довольно нам нежничать с ними, нужно объявить мобилизацию, как это сделали красные: к ним пришло на регистрацию 3000 офицеров. У красных разговор короток — не придешь на регистрацию, поймают и поставят к стенке (расстреляют). Так и нам нужно сделать — не придут добровольно, поймать, предать полевому суду и расстрелять. Если бы мы действовали так, то имели бы не две роты, а два полка! Какая бы это была сила! Мы же собрали еле-еле две роты из лучших офицеров, в то время как другие сидят по кабакам. Наши лучшие люди умирают, где же справедливость? Считаю это большим упущением и преступлением со стороны нашего высшего командования!

Я кончил говорить, и... все молчали...

Полковник Радзевич, тяжело вздохнув, сказал:

— Я вполне разделяю ваше мнение, но боюсь, что если мы так поступим, то какая же будет разница между нами и красными?

Полковник Филиппов вступил в разговор и ответил полковнику Радзевичу, что он вполне согласен с капитаном Мейбом, и — «черт с ним, кто не может нас отличить от красных! Нам нужно уничтожить эту рвань и восстановить национальную Россию с Двуглавым Орлом, а не с красной тряпкой...».

Полковник Радзевич сказал:

— Я вполне с вами согласен, вы оба правы, но это не от нас зависит, мы с вами в этом вопросе совершенно бессильны! Ну-с, а теперь, Федор Федорович, я вам скажу, почему я вызвал вас. Дело в том, что в Казань прибыло много добровольцев татар, там идет какая-то неразбериха, и полковник Степанов приказал мне выслать опытного офицера на должность командира отдельной части, так как это для нас всех очень важно — иметь новое пополнение, вы понимаете меня?

Я слушал и понял только одно, что меня хотят отправить в Казань, но... хотя у меня там и остались дорогие мне люди, однако как расстаться с моими боевыми друзьями?!

Полковник Радзевич продолжал:

— Поэтому мой выбор остановился на вас.

Я встал и сказал:

— От моих офицеров я не хочу уходить, но если это приказ, а не предложение, то я, конечно, его исполню.

— Ну вот и прекрасно, собирайтесь скорее и явитесь к генералу Короленко, который заведует всеми этими делами, я сообщу ему по телефону, что вы уже в дороге.

Мне было очень тяжело и жалко расставаться с нашей офицерской ротой. Я только смог им сказать, что не пожалею сил и энергии как можно скорее сформировать новую часть и, возможно, если Бог даст, сменить их, чтобы они смогли получить заслуженный отдых.

— До скорого свидания! Прошу прощения, если кого когда-либо чем обидел!

Начались рукопожатия и пожелания. Патронная двуколка уже ждала меня, и я уехал.

Приехав в штаб формирования добровольческой Народной армии, я ужаснулся. Что там творилось?! Все бегают с какими-то вещами, укладывают какие-то бумаги, разговоры панические. Только и слышно: «Красные прорвали фронт, Казань окружена, скоро краснюки будут уже в городе» и т. д.

Хватаю за рукав какого-то пробегающего прапорщика и требую, чтобы он провел меня сейчас же к начальнику формирования. Он указал мне на дверь, сказав: «Здесь!» — и быстро исчез.

Стучу в дверь. Никто не отвечает. Открываю дверь, вхожу в кабинет. За столом сидит старый генерал. Прошу у него извинения, что вошел без разрешения.

— О, пожалуйста, капитан, ведь я очень плохо слышу... Садитесь!

Вид у генерала ужасный, неопрятный. На грязном кителе Владимир 4-й степени без мечей и бантов. На стуле рядом с генералом лежит штатское пальто и шляпа. Впечатление такое, что в любую минуту этот генерал может превратиться в жалкого обывателя, раба любого правительства. Передаю ему предписание. Он прочел его и сказал, что полковник Радзевич уже сообщил ему обо мне по телефону. Вдруг он вскочил со стула и начал быстро ходить по кабинету.

— Итак, капитан, принимайте татар... Слава Богу... Слава Богу... Пожалуйста, принимайте их... все равно от этого положение не изменится... все равно нас всех... да-с, нас всех... перебьют... Недостаточно иметь горячие головы, чтобы поднимать восстание... Нужно иметь гарантии, что это восстание будет поддержано народом!

Остановившись у окна, движением руки он пригласил меня к окну:

— Вот ваши татары!

Выглянув в окно, я увидел большой казарменный двор, почти полностью покрытый группами сидящих татар. От возмущения и злости к этому генералу я почувствовал, как кровь прилила к моей голове. На фронте нужда в каждом бойце, а тут сотни добровольцев сидят без дела, никто о них не заботится. Что это? Халатное отношение? Предательство?

Генерал продолжал говорить:

— Татары сидят уже четыре дня, а что я должен делать? Обмундирования и снаряжения не дают, офицеров и со свечкой не найдешь... Кухни тоже нет, а ведь они голодные и холодные, а вот сидят и не расходятся.

Я сухо раскланялся, генерал протянул руку прощаться, но она осталась висеть в воздухе. Кто мог назначить такого генерала на столь ответственный пост? Ведь это непростительное преступление! Я вышел подавленный всем виденным и слышанным. О, как мне хотелось вновь очутиться в моей роте!!

Выйдя во двор, приказал строиться. Небольшая кучка поднялась, остальные продолжали сидеть и смотреть на меня. Подозвав к себе вставших, спросил их, почему остальные не встают. Ответ был прост: «Они не знают русского языка!» Эта новость меня огорошила. С помощью говорящих по-русски мы кое-как построили всех. Спрашиваю:

— Кто был в армии? — Подняли руки около двадцати человек.

— Кто был в унтер-офицерских чинах? — Подняли руки четыре человека.

Слава богу, стало как будто легче, так как через них я смогу объясняться со всеми татарами. Сказал унтер-офицерам, чтобы они сказали всем не разбредаться по всему двору, а рассесться скученно, забрал их и пошел осматривать казармы. Первое, что мне бросилось в глаза, это объявление, гласившее: «Казармы, вход строго воспрещен». Двери забиты досками. Приказал унтер-офицерам сорвать доски. Открыв дверь, мы увидели обширное, хорошее помещение, чистое, с нарами. Приказал сразу же привести всех татар и временно разместить их в этом помещении. Пусть размещаются как хотят. Сам же я пошел осматривать здание дальше. В конце здания увидел дверь, тоже забитую, но только одной доской. Легко отодрал ее, открываю дверь и изумился. Это была кухня, то есть печь и три хороших кухонных стола. Значит, можно будет готовить пищу. Вопрос в том, где ее найти? Выйдя из кухни, пошел разыскивать интендантство. Нашел его помещение, довольно далеко от наших казарм. Войдя в него и пройдя ряд столов и писарей, прошел прямо в кабинет интенданта. Войдя, увидел за большим столом пожилого полковника. Я его спросил:

— Вы интендант и заведуете снабжением Народной армии?

— Да, — ответил мне полковник. — Что вам угодно?

Я рассказал ему мое положение с принятыми мною татарами. Точного числа я еще не знаю, но думаю, что более 500 человек; мне немедленно нужны продукты, как то: мясо, картофель, хлеб, чай. Также на такое же количество человек нужны винтовки, патроны, котелки, сапоги, шинели, гимнастерки, брюки. Короче, нужно всех моих татар обмундировать полностью; добавил, что это должно быть сделано сразу, срочно. Полковник посмотрел на меня с удивлением и спокойно спросил:

— У вас, конечно, на все это есть ордер?

В его голосе чувствовалась нотка издевательства.

— Какой ордер? Где я должен получить его?

Он начал плести мне о правилах получения пищи, обмундирования и т. д. Видя, что я с ним не столкуюсь нормальным путем, я решил действовать напролом. Сказал ему:

— Хорошо, будьте любезны, позвоните в штаб полковника Степанова, он подтвердит мой заказ!

Полковник отклонил предложение, сказав, что все должно быть сделано в письменной форме, а не по телефону. Я уже начинал терять терпение. Встав, я сказал:

— Хорошо, я вызову по телефону полроты офицеров, и мы с вами будем разговаривать иначе, также я потребую предания вас военно-полевому суду за вредительство. Вы же знаете, что за такие дела не милуют, а ставят немедленно к стенке.

Полковник как-то съежился и попросил меня никуда не звонить.

— Мы с вами сделаем все, что в наших силах.

— Отлично, господин полковник. В первую очередь доставьте продукты, их я буду ожидать не позднее 8 часов вечера, — сейчас 3 часа 30 минут.

Я также дал ему указание не позднее 2 часов дня на следующий день доставить в казармы все необходимое, сказав, что рано утром пришлю ему точное число моих будущих солдат-татар. Полковник был, так сказать, в моих руках, хотя я чувствовал, что я потерял всякую военную этику, обращаясь с офицером выше меня чином как с моим подчиненным, но... только таким образом я мог добиться быстрых и точных результатов, а я знал, что время не терпит и миндальничать не приходится. Старик заторопился и начал отдавать приказания тут же по телефону. Прощаясь, я крепко пожал ему руку и просил извинить меня. Он улыбнулся и сказал:

— Не беспокойтесь, капитан, я вас прекрасно понимаю, поэтому всем, чем смогу, помогу вам. Только такие упорные и горячие офицеры, как вы, смогут сделать что-либо в эту эпоху неразберихи!

Я отправился в штаб и оттуда связался с полковником Радзевичем. Подробно изложил ему о творящемся здесь и попросил его выслать мне в помощь 8 офицеров, если же нет, я возвращусь обратно в нашу роту!

Полковник Радзевич расхохотался:

— Спасибо, Федор Федорович! Вы поступили во всем совершенно правильно, и не беспокойтесь, завтра у вас будут 8 офицеров!

Уф! Я вздохнул свободнее: кажется, все начинает входить в норму. Я знаю, что терять времени нельзя, так как бои идут на подступах к Казани.

До сих пор я не сообщил мамочке и брату о моем прибытии в Казань. Немедленно послал им извещение с просьбой брату приехать ко мне в казармы и привезти мамочку, так как я очень занят, но, слава богу, жив и здоров. После этого я направился в казармы посмотреть на моих татар.

Придя в казармы, я был удивлен, увидев воз всяких продуктов, а около них моих унтер-офицеров, расхаживавших важно, охраняя их. Видно, полковник нажал на все кнопки, и хорошо. Спрашиваю: «Умеет ли кто-либо из вас готовить?» Один из унтер-офицеров сказал, что был помощником у повара.

— Ну вот и хорошо. Берите продукты на кухню и начинайте готовить, так как мы все голодны.

Все унтер-офицеры приступили к изготовлению пищи. Слава богу, и это как будто налаживается. Завтра будет тяжелый день — раздать и пригнать обмундирование и снаряжение, а затем еще хуже — как я буду их учить, когда они не знают русского языка? Но на все воля Божия, с Его помощью и эту трудность преодолеем.

Пока я ходил в интендантство, мои унтер-офицеры не спали. Они произвели точный подсчет людей. Оказалось, что мы имеем 606 человек добровольцев. Это хорошо, но при раздаче пищи оказалось, что мы имеем всего 300 котелков и столько же ложек. Позвонил моему «сговорчивому полковнику» и попросил его как можно скорее доставить недостающие котелки и ложки, а также одновременно поблагодарил его за присланные продукты. Он меня успокоил и сказал, что, зная точное число добровольцев, он сделает все, что нужно.

Следующий день был для меня днем праздничным, так как к полудню уже явились 8 офицеров, посланных мне полковником Радзевичем. Среди них был мой друг подполковник Сережа Якунавский. Все прибывшие офицеры знают меня, я — их. Крепкое рукопожатие, и за работу. Я объяснил им, что мы имеем 606 человек, но не 606 штыков, так как единицы из них служили в армии, остальные о ней не имеют ни малейшего понятия; к тому же большинство не знает русского языка, но... мы должны сделать из них солдат в самый кратчайший срок. Решили, что будем работать 24 часа.

Вторая новость — это полковник выполнил свое обещание, прислав подводы с обмундированием и снаряжением и... немногим ранее 2 часов дня. Я разбил татар на две роты, чтобы сократить командный состав. Командиром 1-й роты назначил подполковника Якунавского, он же — мой помощник и заместитель, командиром 2-й роты — капитана Латеева, храброго и дельного офицера. Сразу же построили всех татар и разбили их на две роты по 303 штыка, роту разбили на три взвода, так как у нас была нехватка офицеров. Полковник также не забыл и прислал нам тюфяки, набитые соломой. Мои офицеры кое-как повели своих подопечных татар повзводно в казармы.

Меня вызвали к телефону. Это звонил полковник-интендант и сообщил мне, что обмундирование, которое он мне послал, принадлежит Ленкорано-Нашебургскому полку, но он «не знает, как оно попало к нам!». Я снова поблагодарил его и сказал, что если бы была форма кирасир Его Величества, то я бы надел и ее на моих татар. Оба мы рассмеялись и пожелали друг другу всего хорошего.

Офицеры были очень заняты. Нужно было надеть форму на всех, но они с честью выполнили свою задачу, и довольно быстро. Затем вывели всех во двор и выстроили. Построив, позвали меня. Увидев выстроившихся татар, я был поражен. В форме они уже походили на солдат. Взводные офицеры проходили по рядам, поправляя бескозырки. После этого каждому выдали винтовку со штыком, но боевых патронов им не дали, так как, не умея обращаться с винтовкой, они могли случайно пострелять друг друга.

Начались строевые занятия. Мои четыре унтер-офицера были выше всякой похвалы. Три из них надели по две нашивки на погоны — это значит младший унтер-офицер, и один надел три нашивки — старший унтер-офицер. Я приказал им выбрать из всей массы хорошо говорящих по-русски и бывших в армии. Они привели ко мне на следующий день 10 человек, и я сразу произвел их в ефрейторы. Работа по строевой части пошла отлично. Мы уже проходили с ними перестроение, и они, хотя и плохо, но все же его проделывали. Штаб прислал мне еще шесть офицеров. Стало много легче. Распределил их по три в каждую роту. Работали с утра до позднего вечера, мучая себя и татар. Успели пройти рассыпной строй и удар штыком. Приготовились к стрельбе, как вдруг ночью, по тревоге, нас вызвали идти на поддержку к артиллерийским казармам. Вот ведь несчастье, хотя бы еще 2—3 дня, чтобы пройти с ними стрельбу! Шел восьмой день, как я принял безропотных добровольцев татар. За это время были сделаны чудеса. Из толпы холодных и голодных мне удалось сделать воинскую часть.

Прибыл в распоряжение начальника боевого участка полковника Николая Павловича Сахарова[33], в будущем — командира Волжской имени генерала Каппеля дивизии. С этого момента боевая служба надолго связала меня с этим Белым Витязем чести, храбрости и доблести. Наутро он осмотрел наш отряд и стал хохотать:

— Капитан, откуда вы достали эти мундиры и бескозырки? Ведь ваши солдаты выглядят как кадровые пехотинцы мирного времени!

Я поспешил рассказать ему историю нашей части, также предупредив его, что мои татары еще не прошли учебной стрельбы. Полковник Сахаров ответил, что нужда в срочной помощи отпала, так как все атаки красных отбиты.

— Даю вам на подготовку ваших солдат столько времени, сколько позволит боевая обстановка.

Вернувшись в казармы, немедленно приступили к прохождению стрельбы, и прямо боевыми патронами, также тренировались и в умении владеть штыком. Я знал, как важно знать приемы штыко-

вого боя, они нам всем в прошлом сослужили большую службу, а такие и в будущем будут нам очень и очень нужны.

Наступил третий день после ночной тревоги, а нас еще не вызывают. Я доволен, так как чувствую, что с каждым часом мои татары превращаются в настоящих солдат, а чем больше тренировки, тем меньше потерь в бою; чувствую, что если вызовут, то мои солдаты хотя и с потерями, но сумеют отразить врага, несмотря на их малое знание боевой службы солдата.

Получили приказ занять резервную позицию на правом фланге... Тучами, как саранча, снова лезут красные. Добровольцы отбиваются огнем и штыком, но масса противника все лезет и лезет. Чувствую, что и моим татарам скоро придется пойти в бой. За короткий срок, что я провел с ними, у меня появилось особое чувство любви и уважения к ним. Эти честные, неискушенные мусульмане добровольно пришли к нам, чтобы своею грудью защитить свои семьи и спасти свои храмы от поругания красного дьявола.

Получаю приказ быть готовым к атаке противника. Развертываю своих татар и уступом становлюсь на позицию против цепей противника. Красные во весь рост идут на сближение. Открываю огонь. Против нашей части мадьяры. Меткость огня моих бедных татар ниже всякой критики. Противник это чувствует и начинает идти на сближение быстрее. Вижу, что огнем я ничего не могу сделать, поднимаю солдат и веду их в контратаку. Дружно, как один человек, поднялись мои татары и с криками «Алла!» и «Ура!», перегоняя друг друга, пошли в штыки. Мадьяры не выдержали и стали откатываться назад. Добровольцы левого фланга, увидев наш успех, также перешли в контратаку. Моим офицерам пришлось употребить всю свою энергию и изобретательность, чтобы вернуть татар обратно.

Полковник Сахаров прискакал на своей вороной кобыле и благодарил за блестяще проведенный штыковой бой.

— Ну, знаете, капитан! Ваши татары просто «Железные Аллаяры»!

После этого боя эта кличка так и осталась за нами. Потери у нас были очень незначительные — один стрелок убит и шесть легко ранены. Начались упорные бои. Красные шли на нас волнами, но мои татары старались всегда подпустить противника как можно ближе, открывали огонь и переходили в штыковую атаку, которой противник не принимал, а откатывался назад. По сводкам в штабе я видел, что положение Казани безнадежно. Кольцо обороны все суживалось и суживалось.

К этому времени город Симбирск пал. Капитан, а теперь полковник Каппель медленно, с боями отходил от Волги на Богульманск.

Оставался лишь один последний свободный путь для отхода наших частей из Казани, да и тот уже находился под ударом красных. Но мы начали наш отход и пошли на соединение с полковником Каппелем.

Начался новый период героической борьбы: Бугульма—Уфа.

* * *

Мне хочется поделиться с читателем моими впечатлениями о командире-руководителе Красной армии времен Гражданской войны. Столкнуться пришлось с ними по долгу службы. Было их две командирши, обе имели одинаковую кличку «Красная Машка»!

Одна из них была проститутка из Казани, но она прожила недолго — была убита в боях у пороховых заводов. Вторая была какой-то легендарной личностью того периода борьбы. Про нее говорили, что она красавица и происходит из аристократической семьи. По всей вероятности, обе они были садистками, так как сотни офицеров и добровольцев, попадавших к ним в руки, предавались нечеловеческим пыткам и умирали в страшных мучениях от рук зверей в образе женщин.

После отхода из Казани все воинские части переправились на другую сторону реки Камы. Мои татары были влиты в 1-й Казанский полк, состоявший из 200 штыков добровольцев. Таким образом, полк имел около 800 штыков, его разделили на два батальона. Первым батальоном командовал я, вторым полковник Герман Лебедев, впоследствии ставший моим большим другом. Он умер уже в Америке. Всей Волжской группой командовал полковник Сахаров. Мы шли на соединение с полковником Каппелем, отступавшим по линии Бугульма—Уфа.

Как-то ночью, на одной из стоянок, я получил приказ от полковника Сахарова явиться в штаб отряда. Прибыв туда, я получил от полковника Сахарова боевой приказ — занять с моим батальоном маленький город «Н» (названия не помню), выбив из него красных, так как они угрожали нашему левому флангу. Городок от места нашей стоянки был всего верстах в десяти. Получив проводника, выслав вперед полевую заставу, также дозоры по сторонам, пошли на городок «Н». Не доходя до него, перехватили какого-то мужичка, ехавшего на подводе. Спрашиваем его, много ли красных в городе. Он ответил, что очень много, но они все пьяные и не дай бог как бесчинствуют... страшно смотреть, прямо как дьяволы...

На рассвете атаковали город. Краснюки выскакивали из домов в одном нижнем белье и не могли сообразить, что происходит. Бой был

очень короткий из-за неожиданности нашей атаки. Городок был занят, краснюки разбегались в разные стороны. Пленных мы не брали: кто сумел удрать, остался жив, кто нет — тот был убит. Второй роте повезло, им удалось захватить весь штаб красной группы, включая и командиршу «Красную Машку».

Расположил пост в школьном зале. Донес полковнику Сахарову, что боевая задача выполнена, городок «Н» в наших руках, а также, что удалось захватить весь штаб красных во главе с «Красной Машкой». Полковник Сахаров приказал мне немедленно расстрелять всех, а так как «Машка» легендарная личность, сохранить ее до его прибытия, но только в том случае, если не придется ввязаться в другой бой с красными. Если так, то немедленно расстрелять и ее, иначе она опять ускользнет из наших рук.

За один день ко мне явилось более ста человек добровольцев. В их числе было 5 офицеров и 15 кадет Симбирского корпуса. Эти кадеты были, по моему мнению, в возрасте от 14 до 18 лет. Если бы нам не пришлось отступать, то я смог бы сформировать большой отряд добровольцев. Считаясь с тем, что все добровольцы были, как я их называл, «мальчики», мне было жаль их — неопытных — вливать в наши ряды, поэтому вновь прибывших офицеров я зачислил в строй нашего батальона, а из мальчиков создал особую роту, назначив к ним трех наших офицеров. Моя идея была, как могу, уберечь их от боя и смерти. О, какие они были прелестные, с горящими глазами и боевым пылом!

Когда мне представились прибывшие пять офицеров, то по какому-то внутреннему чувству я с большим подозрением отнесся к одному из них. Во-первых, четыре офицера — местные жители, но они его не знали, также и он их не знал. Он говорил, что по роду службы все время был в разъездах, его родители в Москве, а он застрял здесь, когда красные заняли город. Тип очень неприятный, глаза бегающие, как у вора. После зачисления его (он назвался прапорщиком Хмельницким) в роту вскорости ко мне пришел один из офицеров и доложил, что он встретил одного жителя этого городка, который сказал ему, что прапорщик Хмельницкий не кто иной, как комиссар отряда «Красной Машки». Приказал их обоих привести ко мне. Житель — почтовый чиновник. Спрашиваю его: «Действительно ли вы узнали прапорщика Хмельницкого?» Тот, прямо обернувшись лицом к Хмельницкому, заявил: «Он комиссар и убил много хороших людей нашего городка, не повинных ни в чем. Если вам, господин капитан, нужны еще свидетели, я их приведу к вам немедленно!» Этого было достаточно для меня. Хмельницкий, видя, что он попался, начал дерзить.

Тотчас же я приказал его арестовать, снять с него погоны прапорщика, вывести и расстрелять.

Наступила ночь. Наши заставы вошли в огневую связь с разведкой красных. Сидя у себя в школе в одиночестве за столом, мне пришла в голову мысль посмотреть на «аристократку-садистку Красную Машку». Приказал привести ее ко мне. Мысленно рисую себе ужасную, грязную женщину. Вводят ее и ведут к моему столу. Смотрю на нее и вижу какие-то очень знакомые черты; смотрю и думаю — с кем я ее мешаю? Когда она поравнялась со столом, свет керосиновой лампы осветил ее лицо и я чуть не подскочил на стуле... Это была моя прошлая любовь — Верочка. С трудом произношу: «Садитесь». Знакомая, чуть уловимая улыбка пробежала по ее лицу. Спокойно опустилась на указанный стул. Молчит. Беру себя в руки и приказываю оставить нас одних.

— Вера! — обратился я к ней. — Как это случилось? Что заставило вас быть такой ужасной?

Подняла на меня свои красивые, но полные злобы глаза...

— Прошу вас прекратить ненужную сентиментальность, — резко и быстро проговорила Вера. — Вы временный победитель, я побежденная, но я «Красная Машка» и тем горжусь. Да, я уничтожала вас, царских палачей, и уверяю вас, что если бы я сидела сейчас на вашем месте, то я не задавала бы вам таких вопросов, а приказала бы вывести вас в расход так же быстро, как и остальных ваших бандитов!

Молча я выслушал бред этой ненормальной женщины. Снова мне вспомнился образ былой милой гимназисточки. Ужас! Теперь против меня сидел зверь — кровожадный и жестокий. Встав со стула, я приказал увести ее. Начинался рассвет. Сидя за столом, положив голову на руки, я старался уснуть, но не мог. Мысль о Вере отгоняла сон.

Получил приказ из штаба командующего группой полковника Сахарова оставить городок «Н» и двигаться на соединение с нашими главными силами, предварительно расстреляв всех пленных, в том числе и «Красную Машку». Со мной делается что-то странное. Тень былой Верочки заслоняет личность «Красной Машки»!.. Сентиментальность? А может быть, чувство жалости к больной женщине? Снова приказываю привести ее ко мне, снова мы остались одни. Обращаясь к ней, говорю:

— Вера, за все те зверства, которые вы совершили, вы приговорены к смертной казни — расстрелу. Принимая во внимание наши уже давно забытые отношения и по моим личным убеждениям в том, что вы больны... — тут я совершил непростительную для меня ошибку, — я предлагаю вам два выхода: умереть у стенки или же совершить это самой, сейчас, в этой комнате, в моем присутствии.

С этими словами я спокойно подошел к ней и, вынув из кобуры наган, протянул его ей (какой глупый и необдуманный шаг!).

Поднявшись со стула, чуть заметно дрожащей рукой она взяла от меня револьвер. Молча, как будто думая о чем-то, повернула несколько раз барабан и вдруг с криком «Мерзавец!» выстрелила в меня. Огнем ожгло лицо, пулей сбита с головы фуражка... успел схватить ее за руку, вырвать наган, нажать собачку... еще... и еще. «Красная Машка» упала. Снова чувство непонятной жалости появилось у меня, и я опустился перед ней на колени. Последний раз она открыла свои прелестные глазки и прошептала: «Прости». То была уже не «Красная Машка», а та давнишняя прелестная гимназисточка.

Противник открыл огонь по городку, и снаряды ложились довольно близко от школы. Предстоял горячий боевой день за поруганную нашу Родную Мать-Россию. Мать-Россия заполнила всю душу и сердце белых добровольцев. Одно желание, одна великая цель — это спасти ее, родную, от всяких «Машек» или честно умереть за нее.

Не желая вступать в бой, медленно начал отходить из городка «Н». Отступаем со всеми предосторожностями. Застава в авангарде и застава в арьергарде. Наш проводник, а теперь наш доброволец Петр Петрович Мищенский, почтовый чиновник этого городка, разоблачивший комиссара Хмельницкого, пошел с нами, оставив семью. Он знает хорошо эту местность и все дороги и тропы, что очень ценно для нас. Мы шли к железнодорожному разъезду (названия не помню). Приблизительно в 15—20 верстах от оставленного нами городка. Какой-то партизанский отряд на дороге у нас окопался и пытался пересечь нам дорогу, но... я использовал мой любимый прием, заимствованный мною от полковника Радзевича. Этот прием пока что еще ни разу не подвел меня. Так было и тут. Рассыпав одну роту в цепь, полуроту послал в обход правого и левого фланга партизан. Как только красные увидели, что мы обходим их, они сразу же стали отходить, но было поздно — они были в кольце. Пленных не брали, а главаря, вытянув из стога сена, тут же расстреляли. Он был сапожником из города Самары, как он попал сюда, было загадкой, но это нас особо не интересовало.

Вся наша Волжская группа собралась недалеко от города Бугульмы. Генерал Сахаров был назначен командующим Волжской дивизией, состоявшей из трех полков: Казанского, Симбирского и Самарского (Сахаров был произведен в генералы за его храбрость и решительность).

Наш Казанский полк состоял из двух батальонов. Первым командовал я, вторым капитан Лебедев. За первым батальоном еще сохранилась кличка «Железные Аллаяры», но, к сожалению, от наших

«Аллаяр» не так много осталось в строю. Татары потеряли свой боевой пыл в связи с нашими постоянными отступлениями и постепенно расходились по здешним татарским селам. В батальоне осталось не более 200 штыков, плюс 100 штыков «детей», из коих и пришлось пополнить роты.

Питались мы плохо, отдыха совсем не имели. Все время в боях и отходах. Второй батальон нашего полка совсем растаял, насчитывал всего около 100 штыков, в ротах иногда было по 10—15 человек.

Сравнительно за небольшой период времени Белой борьбы мы, строевые офицеры-бойцы, убедились в том, что наше главное несчастье — это наш тыл. Все честные и храбрые стремились на передовую линию огня, а все жалкие, ничтожные устраивались в тылу. Мы грудью и кровью своей, с винтовкой в руках, захватывали и освобождали от красной нечисти села и города, — казалось бы, что наш тыл должен был закрепить за нами освобожденные территории... Но, к нашему глубокому сожалению и разочарованию, получилось совершенно обратное. Пополнения живой силой мы не получали, снаряжение, обмундирование и продовольствие тоже не доставлялось. Мяса мы не видели месяцами, пользовались тем, что с боем отбирали у противника. Нам на фронте нужны бойцы, а в это время в тылу появились какие-то гвардейские формирования — в их штабах сидят сотни офицеров-шкурников, не желающих подвергаться опасности. Конечно, ни одной части не было сформировано, да они и не собирались этого делать. Вместо формирования частей формировались различных оттенков и характеров самые отъявленные социалисты. Появилась их подлая, разлагающая наш тыл литература. Началась травля друг друга, и в дополнение ко всей этой неразберихе неожиданно для нас создалось какое-то Временное правительство в городе Уфе под председательством генерала Болдырева[34], Лебедева и т. д. Кто они такие? Нас об этом не спрашивали, а просто преподнесли нам как факт совершившийся. Повадки всех этих правителей так нам знакомы по 17-му году! Это они предали нашего любимого Государя Императора, а теперь они «правители» за нашими спинами.

Тыл совершенно разложился и, конечно, дать что-либо на фронт не мог. Наши ряды постепенно редели. Мы шли из одного боя в другой. Месяцами мы не знали, что такое спокойный сон, не говоря уже о бане. При таких условиях невозможно было выделить с фронта маленькую боевую часть и отправить ее в тыл для наведения порядка, дабы выбросить всю эту социалистическую рвань из правительства. Чем дальше мы отступали, тем более мы верили, что так продолжаться не может. Наша Волжская повстанческая армия огрызалась, идя с

жестокими боями. Мы подсчитали, что на одного нашего боевого солдата приходилось до 25 красных солдат. Командующий генерал Каппель был нашим ореолом. Много раз мы неожиданно переходили в контрнаступления и гнали красных почти до Волги, а затем, не имея достаточно живой силы, снова медленно отходили.

Генерал Каппель не позволял нам окапываться и ждать противника. Он хорошо учитывал, что с такими силами, как у нас, невозможно и думать о позиции с окопами. Противник своей массой легко мог окружить и раздавить нас. Поэтому он постоянно нас перебрасывал то вперед, то в тыл красных. Мы были так близки к нашей родной, великой реке Волге, что, получив хорошее пополнение, мы были бы снова в Симбирске, Казани, Самаре. К сожалению, этого не случилось. Мы только получали бесконечные обещания и крики с пустыми лозунгами из Уфы, где заседала Директория Учредительного собрания.

После решительного требования генерала Каппеля с угрозой, что он снимет все войска с фронта, пойдет на Уфу и восстановит там порядок, Уфимская директория, зная, что у генерала Каппеля слова не расходятся с делом, сообщила, что высылает нам в помощь батальон в 1000 штыков имени «Учредительного собрания». Конечно, мы очень обрадовались этой новости, но к имени батальона отнеслись критически. В то же время нам было безразлично, кто и с каким именем, лишь бы сменили нас и дали нам возможность отдохнуть хотя бы два дня.

На следующий день утром пришел батальон «Учредительного собрания». Тысяча свежих бойцов, прекрасно снаряженных и обмундированных, сменила Волжскую дивизию генерала Сахарова, которая дошла до 400—500 штыков, измученных походами и боями белых бойцов. Не понравился нам этот батальон с развернутыми красными, ненавистными нам флагами, со всевозможными лозунгами революции. Все без погон, обращение солдат и офицеров распущенное. Повсюду слышится ненавистное нам слово «товарищ». Под вечер они сменили нас. Их командир, какой-то полковник, очень молодой и самоуверенный. Он заявил: «Мы покажем большевикам, как посягать на нашу свободу, которую мы обрели через Великую Революцию!» Говорили, что генерал Сахаров выслушал его молча, потом сплюнул, повернулся и ушел от него. Мы все хохотали, так нам это понравилось! Молодец наш генерал!

Итак, нас сменили. Впервые в хорошем строю, с удалой песней, мы пошли на место назначенного нам отдыха, но... он был слишком коротким... Перед рассветом красные перешли в наступление, и их удар был сосредоточен на участке батальона «Учредительного

собрания», который они без труда прорвали. Большинство этих «героев» перешло на сторону красных, остальные, оставив свои позиции, в панике бросились бежать в тыл. Снова по тревоге мы были брошены в бой и к утру восстановили полностью прежнее положение фронта. По пути мы ловили беглецов из этого социалистического батальона и силой заставляли вливаться в наши цепи. Один из командиров роты «Учредиловки», как прозвали батальон наши солдаты, не пожелал войти в наши ряды, заявив нам, что он офицер и рядовым солдатом не будет, но, получив несколько хороших, ободряющих тумаков, схватил винтовку и вошел в цепь. В этот день мой батальон пополнился 70 штыками за счет беглецов. Было много курьезных сцен, когда командиры частей гонялись по полю за своими неожиданными «пополнениями». Выбив социалистическую дурь из голов нашего нового «пополнения», мы сделали из них хороших солдат-бойцов.

Попытка Уфимской директории давать нам такие пополнения была каплей, переполнившей чашу нашего терпения. От рядового бойца и до офицера все были озлоблены и разъярены случившимся. Бог знает, что бы получилось, если бы, к нашему великому счастью, не произошел переворот в тылу. Власть взял в свои руки всем нам известный и глубоко уважаемый великий патриот и честный витязь России адмирал Колчак. Директория оказалась арестованной, но, к нашему сожалению, не расстрелянной. Поэтому в будущем она много вредила нашему Белому движению.

Всколыхнулась белая Сибирь, поднялась против красного супостата. Ижевские и воткинские рабочие потянулись к нам на фронт, образуя уфимское и сибирское пополнение, и через месяц нас уже сменяли свежие воинские части. Наш волжский корпус уходил в глубокий тыл, в район Златоуста.

Мне не пришлось уйти на отдых с моими родными частями, так как за два дня до нашего отхода наши два батальона Казанского полка были брошены в бой под деревней Одногулово, в которой засели и окопались красные. Развернувшись в цепь, мы пошли на них в атаку, но под сильным ружейным и пулеметным огнем залегли и ждали подхода второго батальона, который пошел в обход деревни, дабы взять красных в кольцо. У окруженных красных началась паника. Мой батальон решительным ударом с фронта обрушился на них. Во время атаки я почувствовал острую боль в правой стороне груди... все завертелось у меня перед глазами, я почувствовал, что падаю... и потерял сознание. Очнулся от острой боли в груди; я лежал на телеге, меня везли куда-то, причем эту телегу подбрасывало на каждой кочке и

рытвине, что причиняло мне невероятную боль, и я опять впал в забытье...

Помню, когда я пришел в себя и открыл глаза, то первое, что я увидел, это был луч солнца, падавший прямо на меня через большое окно госпиталя. В тот же момент надо мной склонилась сестра милосердия и с улыбкой сказала мне: «Довольно уж вам спать, пора и глазки открыть!» О! Какое громадное, счастливое чувство я испытал, что я жив и нахожусь в уфимском госпитале. Я был ранен в правую сторону груди навылет. Пришел доктор и сообщил мне, что я буду сегодня эвакуирован в госпиталь Ново-Николаевска. «Так как уфимский госпиталь переполнен ранеными и нужно место для вновь прибывающих, всех, которых можно двигать, мы отправляем, в том числе и вас». Он также сообщил мне, что он очень доволен, что я так быстро поправляюсь. «Да, между прочим, о вас справлялся генерал Сахаров, хотел знать, как вы себя чувствуете. Мы сообщили ему, что вы молодцом».

Наш санитарный поезд тихо подошел к станции Ново-Николаевск, где и началась перевозка раненых в госпиталь этого города. Всех раненых проносили через регистрационный центр, где несколько докторов проверяли списки и распределяли больных по отделениям госпиталя. Вдруг слышу, по цепи идет запрос: «Где капитан Мейбом?» А так как носилок с ранеными очень много, то просят поднять руку, что я и сделал. О Боже мой! Кого я увидел! Мой брат, доктор Мейбом[35], подбежал ко мне и радостно закричал:

— Федюшка, дорогой ты мой! Ну, слава Богу, что ты жив. Не беспокойся, мы тебя поправим, и ты будешь как новый.

Слезы счастья появились у нас обоих. Меня положили в палату, которой заведовал мой брат Эрнест. Бесконечные разговоры о братьях Георгии, Борисе, сестре Лидии, мамочке. Все вырисовывалось так ярко перед моими глазами, все прошлое и такое дорогое для нас обоих.

А. Еленевский[36]

ЛЕТО НА ВОЛГЕ (1918 ГОД)[37]

Не прошло еще и полутора лет, как совершилась «бескровная революция», которую в те времена любили всегда так величать. Стояло лето 1918 года, было начало июля месяца. То там, то здесь вспыхивали пожары Гражданской войны. Русская кровь лилась рекой. На Волге белые, окрыленные хотя и кровопролитными, но скоротечными

успехами в боях против красных, с надеждой на скорую окончательную победу двигались на город Симбирск, лежавший на правом берегу реки Волги, в среднем ее течении. Наступление велось из трех направлений: полковник Каппель со своим отрядом несся из Сызрани, в хорошо оборудованных вагонах ехали чехи по Волго-Бугульминской железной дороге и небольшой Ставропольский отряд белых не спеша плелся по левому берегу Волги.

Ставропольский отряд, которым командовал полковник Мельников, состоял из Ставропольского пехотного полка (более трехсот штыков) и приданного ему 1-го взвода 2-й батареи 1-го отдельного Самарского артиллерийского дивизиона. Самарским артиллерийским взводом командовал поручик Адленицкий, кроме него, из офицеров во взводе были еще четыре прапорщика, из них двое выполняли обязанности орудийных фейерверкеров. Вооружен он был двумя пушками, образца 1900 года, из которых предельная норма снарядов уже давно была выпущена, и они дослуживали последние дни своей сверхурочной службы. Угломер, находившийся у этих пушек на казенной части тела орудия, у одного из них перед каждым выстрелом приходилось снимать, иначе силой толчка, получавшегося при выстреле, его срывало, и он со свистом летел в сторону, на страх стоявшей около пушки прислуги. При выстреле эти пушки довольно высоко подпрыгивали, и, чтобы не быть придавленными ими, орудийная прислуга отскакивала от них в разные стороны. Сошник хобота орудия иногда после каждого выстрела так сильно зарывался в землю, что четвертый номер орудийной прислуги, на обязанности которого лежало двигать хобот, помогая наводчику скорее взять точный прицел, изрядно пыхтел, напрягая последние силы, чтобы его вытащить.

Номерами при первом орудии были юнкера, не успевшие закончить курс военных училищ, и вольноопределяющиеся, успевшие немного понюхать пороху на Германском фронте. На номеров второго орудия, состоявших из юнцов, только что окончивших средне-учебные заведения, они смотрели свысока и покровительственно. Юнцы — шесть человек — состояли из четырех самарских гимназистов, очень славных и веселых ребят, Коли Роднина, только что окончившего среднее сельскохозяйственное училище в Кинеле, который, как самый старший по возрасту, был наводчиком орудия, и меня, случайно оказавшегося физически самым сильным, четвертого номера. Несмотря на, казалось бы, все данные и выслуженный стаж прислуг первого орудия, юнцы второго особого уважения к ним не питали, и очень часто между ними происходили словесные перебранки. Чаще всего ночью, когда пушки стояли где-нибудь на позиции и юнцы спокойно спали крепким сном

около своего орудия. Обязательно кто-нибудь из заслуженных подходил, будил и читал наставление, на которое получал обыкновенно всегда один и тот же ответ: «Если вы боитесь, то и не спите, а мы не боимся и будем спать». Начальство почему-то никогда не вмешивалось.

До похода на Симбирск Ставропольский отряд стоял на охране город Ставрополя (Самарского). По уезду бродил сравнительно крупный отряд красных, беспрестанно делая попытки выбить из города белых и его занять. В происшедших нескольких схватках красные ни разу успеха не имели и побитые уходили обратно в глубь уезда. Белым, численно много слабее красных, отходить далеко от города и гнаться за ними было слишком рискованно. Разделившись на два отряда, красные легко могли ворваться в никем не занятый город и его захватить.

Ставропольский пехотный полк, который в первый месяц своего существования не имел и 200 штыков, помещался в двухэтажной казарме, находившейся за городом, между ним и дачным курортом, расположенным в лежавшем вдоль берега реки Волги сосновом лесу. На курорте имелся курзал, и в нем, невзирая на далеко не веселое время, иногда играла музыка и публика весело танцевала. Правда, среди этой публики преобладала безусая молодежь, которая вела себя так, как будто все происходившие печальные события ее совсем не касались.

На большом пустыре, отделявшем город от дачной местности, с полверсты от казармы, стояли на позиции две пушки Самарского артиллерийского взвода, и около одной из них днем и ночью всегда находились дежурные номера. При появлении где-нибудь недалеко от города противника подымалась тревога. Наш артиллерийский трубач трубил поход: «Всадники-други, в поход собирайтесь, радостный звук вас к славе зовет...» Орудийные ездовые бежали сломя голову в пожарную команду занимать лошадей — своих еще не имелось. Выезжая из Самары на фронт, так спешили скорее нас отправить, что не успели достать, а в Ставрополе, по-видимому, было неоткуда. После довольно жаркой схватки, которая, как я упоминал, всегда оканчивалась для нас успешно, мы победоносно, с песней: «Так громче, музыка, играй победу, мы победили, и враг бежит, бежит...» — возвращались к себе на курорт, а лошадей отдавали обратно пожарным.

Один раз в бою под деревней Васильевкой, находившейся близко от Ставрополя и из которой нам несколько раз, за короткое время, приходилось выбивать красных, нам посчастливилось увидеть лихой выезд на позицию конной батареи.

В самый разгар боя, когда наш отряд, отбив наступавших на Ставрополь красных, преследуя их, подходил к деревне, неожиданно отку-

да-то слева появился полковник Каппель со своим отрядом. Состоявшая в его отряде конная батарея, которой командовал капитан Вырыпаев, выехав на открытую позицию, выпустила прямой наводкой десятка полтора снарядов по стоявшей за деревней на опушке леса батарее красных. Противник, который уже собирался уходить из деревни, поспешил ее скорее очистить. Неожиданно появившийся отряд Каппеля так же неожиданно и быстро куда-то исчез. Он, кажется, спешил в Сызрань, которой угрожала опасность от красных. Взяв двух пленных, наш отряд торжественно вступил в Васильевку и, простояв в ней около часа, повернул обратно в Ставрополь.

Чины артиллерийского взвода отдельной казармы не имели и были размещены в трех небольших дачах, поблизости от курзала. Особыми удобствами эти дачи не отличались, да батарейцы ни на что не претендовали и, хотя на шинелях вповалку спали на полу, все же весьма успешно ухаживали за городскими и дачными барышнями, а по вечерам, стараясь надорвать свои глотки, пели песни. Одна из них — «Что там в лесе зашумело...» — пользовалась исключительно большим успехом. Дачники часто приходили к командиру нашего взвода просить, чтобы мы ее спели. Вообще отношение местного населения к батарейцам было какое-то особенно внимательное и заботливое. Все потому, что они были самарцы, а самарцы освободили город от большевиков. Правда, этот взвод участия в освобождении не принимал, он опоздал на два или три дня, но это его чинов мало смущало, и они все принимали как должное, чувствуя себя героями. Довольствие артиллеристы получали из своей походной кухни, которую я немножко проклинал, часто попадая на нее чистить картошку, но питались главным образом подношениями благодарного населения. Идя из города на дачи, сердобольные мамаши, а больше их дочки, проходя мимо артиллерийской позиции, никак не могли удержаться, чтобы не принести дорогим защитникам что-нибудь вкусное. Чаще всего пирожки, молоко и сдобные булочки. Все принималось с благодарностью и с невероятной быстротой уничтожалось.

В середине июля находившиеся в Ставропольском уезде красные решили произвести мобилизацию среди крестьян. Но крестьяне самого богатого уезда Самарской губернии идти в Красную армию особенного рвения не проявили, и в одно прекрасное утро более 200 человек, в большинстве из села Санчалеева, перепутали дорогу. Они не пошли по указанной им красными, а явились к нам в Ставрополь и изъявили желание поступить добровольцами к белым, прося скорее выдать оружие и идти с ними выбивать непрошеных гостей из села. Все они были солдатами царской армии, и многие недавно вернулись

с Германского фронта. Среди них оказалось двадцать артиллеристов, которые тут же были зачислены в наш взвод. У нас уже имелся свой конский состав, и теперь появились старые опытные ездовые. Самарский взвод принял вполне артиллерийский вид. Из этих двадцати санчалеевских артиллеристов 6—7 человек дошли до Приморья, где служили в Волжской имени генерала Каппеля батарее[38] и вместе с ней, после окончания Гражданской войны, ушли в Китай.

Село Санчалеево находилось не очень далеко от города Ставрополя, немного в стороне от берега Волги. Рано утром, на следующий день, сильно пополненный отряд белых выступил в поход против красных. Шли с большим подъемом и быстро. Санчалеевцы торопились домой, им хотелось по-своему расправиться с красными: те, по-видимому, успели им чем-то сильно насолить. После обеда мы уже были там и торжественно вступили в Санчалеево. Красных в селе не оказалось. Они, вероятно расстроенные неудачной мобилизацией, решили, что лучше больше с мобилизованными не встречаться, и куда-то ушли. Отряду белых в селе была устроена радостная встреча, крестьянки чуть не за руку хватали каждого из нас и тащили к себе в дом, стараясь чем-нибудь угостить, и при этом некоторые из них причитали: «Царь был простачок, зато хлеб был пятачок, а теперь республика, не найдешь хлеба и за три рублика». Возможно, им хотелось показать нам свое отвращение к революции.

Изрядно подкрепившись, наш отряд под вечер выступил из Санчалеева — догонять противника. Собственно, выступил не один отряд, а все село. Мальчишки, деревенские бабы и девки с шумом, перекидываясь несложными фразами и шутками с чинами отряда, следовали за нами по обе стороны дороги. Незаметно и весело мы добрались до следующего села. В нем красных тоже не было. Они, как нам там стало известно, спешили скорее добраться до берега Волги. В этом селе нас встретили не так пышно, как в Санчалееве, но все же гостеприимно. В нем мы долго не задержались и проследовали дальше. Сопровождавшие нас постепенно все по дороге отстали, а новых здесь не нашлось.

Совсем стемнело, когда наш отряд прибыл в село Ягодное, находившееся почти на самом берегу реки Волги. Незадолго до нашего прихода в нем были красные, но почему-то не остались поджидать нас, а ушли вверх по Волге. В Ягодном отряд белых остановился на ночлег. Одно орудие и рота пехоты были отправлены в заставу на берег Волги — не пропускать, обстреливая, пароходы противника, которые будут пытаться пройти вниз по течению.

Едва я успел поужинать, командир взвода, вызвав меня, приказал мне отправиться в штаб отряда и явиться командиру полка пол-

ковнику М. Когда я подошел к избе, занимаемой штабом, около нее стояла кашевка, запряженная одной лошадью, в которой, кроме возницы, на козлах сидел доброволец из полка. В ногах у него стояла небольшая кадушка, прикрытая деревянным кругом. На крыльце избы, по-видимому поджидая меня, стоял командир полка. Я подошел к нему и отрапортовал о своем прибытии. Полковник, указав на кадушку, мне пояснил, что это ужин для роты и орудия, стоявших в заставе на берегу Волги, и его нужно как можно скорее туда им доставить. Подозвав меня ближе к себе, он развернул полевую карту, которую держал в руке, и не ней показал дорогу, по которой мы должны были ехать, при этом несколько раз повторил, что, когда доедете до ответвления от нее влево, то сверните и оно доставит вас прямо к заставе.

Оружия у меня никакого не было, и, быстро забравшись в кашевку, я сел рядом со стрелком, который, держа обоими руками винтовку со штыком, сидел, как с ней обнявшись. Медленно, боясь расплескать в кадушке суп, мы двинулись в путь. Стоял прохладный летний вечер. От ярко сиявших где-то высоко в небесах звезд было достаточно светло и легко ориентироваться.

Выехав из села согласно указаниям, данным полковником, мы попали на большую грунтовую дорогу, обсаженную с обоих сторон, вероятно от снежных заносов, деревьями. Они настолько успели вырасти, что дорога походила больше на немного заросшую аллею парка. За деревьями справа расстилались поля, покрытые начинавшей золотиться пшеницей, а слева кусты и луга. Было совершенно тихо. В чистом прозрачном воздухе чем-то приятно пахло, а чем, было трудно разобрать — так пахло только на полях старой России. Молча двигаясь, мы внимательно осматривали левую сторону дороги, ища ответвления. Проехали больше часа, а его еще нигде не было видно. Начали беспокоиться и спросили возницу. «Я что-то такого здесь не знаю», — ответил он. Ничего не решив, продолжали ехать дальше. Скоро вдали показались какие-то огни. Оказалось, что успели добраться до следующего села — Хрящевки. Недолго думая решили ехать в село. На околице встретили двух крестьян, которых спросили: «Нет ли в селе солдат?» — «Есть, — ответил один из них. — Они грузятся на пароход и, кажется, собираются переезжать на другую сторону Волги, в село Ново-Девичье». — «А пушка есть?» — «Есть и пушки», — ответил он. Пушки меня лично немного смутили. У нас могла быть только одна. Но прошло уже больше двух часов, как мы блуждали с супом, а за это время могли произойти какие угодно изменения, решили мы и, не зная толком, что предпринять, поехали дальше. Выехали на

широкую улицу села, по-видимому самую большую, и по ее середине тихонько поплелись вглубь. Сначала справа, а потом кой-где и слева около домов стали попадаться бродившие вдоль них какие-то солдаты с винтовками. С реки несло небольшим туманом, и в стоявшей мгле рассмотреть, кто они, было трудно, а поинтересоваться и узнать у нас все-таки хватило благоразумия не пытаться, да и они на нас не обращали никакого внимания. Немного озадаченные, мы продолжали молча ехать дальше. С правой стороны бродивших около домов солдат становилось все больше и больше. Нас это начало сильно беспокоить. «Что-то уж очень большой отряд?» В это время с нами поравнялись шедшие нам навстречу, тоже по середине дороги, три крестьянина. Один из них подошел к нам вплотную и, пристально на нас посмотрев, спросил: «Ребята, вы белые?» У нас на фуражках были георгиевские ленточки. «Да, белые», — ответил я. «Так это кругом все красные», — сказал он, и все трое не задерживаясь пошли своей дорогой. От такого приятного сообщения у меня отнялся дар речи, и я только с растерянным видом озирался по сторонам, а мой компаньон крепче зажал винтовку в руках. К счастью, нам попался возницею хороший крестьянин. Он на эти вести никак не реагировал и продолжал медленно ехать по дороге. Придя от страха немножко в себя и хорошенько осмотревшись, я заметил, что слева от нас почти никого не было, а вдали виднелся переулок. Тихонько сказал вознице, чтобы он ехал ближе к левой стороне и держал направление на переулок.

Благополучно добравшись до переулка, мы круто повернули и поехали по нему, но все так же тихо, чтобы не вызвать подозрения. Нашего маневра никто не заметил, вероятно, красные были заняты сами собой. Переулок оказался короткий, и мы быстро были уже за селом. Дорога сразу обрывалась, и вдоль села шел неглубокий овраг. Застав у красных нигде не было видно. Осторожно спустились в овраг и, переехав его, очутились на целине. Тут больше сердце не выдержало. Обрадовавшись, что выскочили из ловушки, в которую по своей глупости едва не попали, понеслись, чуть ли не галопом, в сторону грунтовой дороги, по которой так недавно приехали. Деревянный круг, как его я ни старался придержать рукой, все же соскочил с кадушки. От сильной тряски уже окончательно остывший суп плескался во все стороны, но это нас мало огорчало. Мы вырвались и, только когда выехали на дорогу, очнулись, переменили аллюр и поехали шагом. Дали коню передохнуть, но долго выдержать не смогли и опять понеслись рысью. Отъехав от села версты полторы и почти совсем успокоившись, перешли опять в шаг. Разговаривая со стрелком, мы оба основательно ругали полковника и его полевую карту.

Скоро взошла луна, стало совсем недурно видно, а на душе совсем легко. От стоявших на обочине деревьев на дорогу легли длинные тени. Мы проехали около одной трети пути. Пережитое почти забылось, нам стало как-то весело, и мы начали шутить. Но вдруг эти лежавшие на дороге тени зашевелились. Создалось впечатление, что какие-то всадники гуськом ехали нам навстречу. «Красный разъезд», — мелькнуло у меня в голове, и опять сделалось очень грустно. Возница остановил коня. Растерявшись и не зная, что делать, мы начали вглядываться в темноту под деревья. Тени медленно приближались к нам, и скоро уже можно было разобрать, что это не всадники, а пешие люди и их довольно много. «Красные разведчики», — подумал я. Но в этот самый момент, выйдя из темноты на светлую полосу, во всем своем величии перед нами предстали деревенские бабы. Стало немного неловко. Они шли с работы на полях к себе в село и почему-то сильно запоздали. Перекинувшись с ними несколькими словами, мы тронулись вперед. Ехали сравнительно быстро. Супу в кадушке оставалось меньше половины, и расплескивать было нечего.

Шел двенадцатый час ночи, когда мы прибыли обратно в Ягодное, явились командиру полка и подробно доложили обо всем происшедшем. Думали, что за такую блестящую разведку полковник нас похвалит. Но он нам только сказал, что перепутал дорогу, и предложил, пополнив запасы супа, отправляться снова в путь — теперь уже по правильной дороге. Мне что-то путешествовать с супом больше не хотелось, ссылаясь, что я сильно устал, я попросил полковника назначить в эту приятную поездку кого-нибудь другого и ушел к себе во взвод.

На следующее утро, в семь часов, наш отряд выступил из Ягодного догонять красных, которые, как нам сообщили крестьяне, когда мы появились в Хрящевке, только к утру закончили погрузку на пароход и отбыли на другую сторону реки, в село Ново-Девичье. Подними свой отряд полковник сразу после нашей вынужденной разведки, мы могли захватить красных в Хрящевке врасплох и едва ли им удалось так легко переправиться на другую сторону Волги. Но он почему-то этого не сделал, вероятно, у полковника были какие-то другие соображения.

В Хрящевке он нам объявил, что пришло распоряжение нашему отряду спешно двигаться на город Симбирск — выбивать из него красных. Может быть, это и заставило полковника быть осторожным. Он торопился в Симбирск и опасался лишних задержек. А красные и так сами без того спешили скорей убраться на другую сторону реки. Идея попасть в Симбирск всем очень понравилась, а мне особенно. У меня там было множество знакомых барышень, и появиться перед ними в ореоле славы была всегда моя заветная мечта.

Красных на нашей стороне Волги больше не оставалось, и отряд белых, не задерживаясь в Хрящевке, поспешил продвинуться ближе к Симбирску. Ночевали в чувашском селе Берля. Интересного в нем почти ничего не было, только в избе волостного правления висела вывеска с надписью на ней: «Берлинское волостное правление». Она быстро привлекла внимание всего отряда, и около нее было много разговоров — каждому хотелось сказать что-нибудь умное.

После обеда на другой день Ставропольский отряд белых был уже в селе Белый Яр, которое раскинулось по самому берегу Волги. Собственно, не совсем по самому, а по берегу ее протоки, и от главного фарватера оно было отделено несколькими сравнительно большими, утопавшими в зелени островами. Весной в половодье эти острова заливало водой и из Белого Яра на лодке, напрямик через них, виляя между торчащими из воды верхушками деревьев, можно было переехать на другую сторону реки, где у подножия Жигулевских гор лежал небольшой уездный городок Сенгилей. У его пристаней останавливались все большие пароходы, ходившие в те отрадные дни по Волге. Таких изящных и комфортабельных речных пароходов мне больше никогда и нигде не приходилось встречать, хотя, проплавав более 14 лет на морских пароходах, заходя в разные порты, мне удалось побывать на многих больших реках.

В Белый Яр раза два в неделю заходил небольшой пароходик, делавший рейс между Симбирском и Самарой, обслуживая по пути все большие села. От Симбирска Белый Яр находился всего только в 60 верстах, и в ясную темную ночь с Яра (отвесный обрыв, тянувшийся вдоль берега реки) были видны мелькавшие огни города. К одной из сторон села вплотную к нему примыкал сосновый лес, уходивший лентою шириною 5—7 верст вдоль обрывистого левого берега реки вверх по Волге и заканчивавший свое существование около деревни Часовня, как раз против Симбирска. В примыкавшей к селу части леса находилась дачная местность. Приезжали сюда на лето главным образом из Симбирска, но были дачники и из других городов России. Даже почти каждое лето появлялась жившая где-то на Урале какая-то английская семья. Для меня это место было почти родное. Я часто проводил здесь часть летних каникул, приезжая из корпуса к знакомым, которые каждое лето жили там.

Только подали нам команду: «Разойдись!» — как, сгорая от желания встретить кого-нибудь из знакомых, я был уже на дачах. Но там почти никого не было. Жили только три или четыре семьи из Симбирска, по-видимому скрываясь от большевиков. Кругом все было мрачно и пусто, и мне как-то сделалось грустно. Уныло выглядел чудный сосновый лес,

строго разбитый просеками на участки, в котором даже при желании было трудно заблудиться. Из любого места всегда легко было выйти к берегу реки. Бояться было нечего — никто и никогда в нем вас не мог обидеть. Зверей, кроме ежей, которые при встрече с вами старались скорей куда-нибудь улизнуть, больше никаких не водилось. Только в верхушках сосен, радостно порхая, чирикало и пело множество всевозможных птиц.

Так же печально смотрели пустые заброшенные дачи. Нигде не было слышно веселого смеха и крика детей и молодежи. Кругом стояла какая-то неприятная тишина. Никто не торопился на деляны полакомиться сладкой земляникой, дикой малиной и вишней. Сколько ее было там! Правда, вишня была мелкая и не особенно вкусная, но для нас, подростков, это не играло роли. Ели все, что было можно проглотить, и почти никогда не болели. От душистой земляники никак нельзя было оторваться, за что от родных часто и сильно попадало. А росла она все лето напролет.

Везде хотелось побывать. Как будто чувствовалось, что все, что было, — навсегда ушло. Прошелся по яру. Внизу на песчаной отмели, служившей для дачников пляжем, было так же пустынно. Только напротив, как обычно, блестели своей яркой зеленью острова. Но никому теперь не были нужны их усеянные полевыми цветами лужайки и усыпанные ежевикой и костяникой скосы канав. Так ли было здесь еще совсем недавно, всего лишь год тому назад. Сколько плелось гирлянд и венков, какое множество собиралось букетов, которые украшали почти все веранды дач. Одна прекраснее другой, разодетые в яркие платьица (штанов тогда не носили, еще никто не смел додуматься до них), стараясь перещеголять друг друга, молодые девушки, украшенные гирляндами и венками, на лодках, полных цветов, возвращались с песнями к себе домой. Как веселы и счастливы были их милые лица. И тогда где-то далеко на западе шла ужасная война, и у каждого жившего здесь был там кто-нибудь из дорогих близких. Но вдали от всего молодежь жила своей беззаботной жизнью, сегодняшним днем, ничего не думая. Не чувствуя, что и здесь, в этом тихом уголке, работают силы, старавшиеся подорвать основы и так утопавшей в крови родины. И эти силы победили. Стало невыносимо плохо.

Прошло не так долго с того, как пришла долгожданная свобода, которую русская интеллигенция в большинстве так сильно приветствовала. И вот теперь многие жившие здесь дачники не раз пожалели, что так подобострастно слушали умные речи, угощали и восхищались приезжавшим сюда каждое лето студентом из Казани. Одним из тех

вечных борцов за свободу, которые ходили в народ. Вероятно, мало кто теперь упомянул его добром.

Звали этого героя Юрий Григорьевич, а его фамилией никто не интересовался. Жил он вместе с очень хорошенькой курсисткой Ольгой Евгеньевной, снимая небольшую комнату на краю села около дач. На какие средства они существовали и почему он, молодой, болтался по дачам, когда страна, напрягая все силы, вела войну со внешним врагом, так и осталось для всех тайной. Была ли курсистка Олечка его законной женой? Кажется, нет. Они уже тогда, по-видимому, считали все это предрассудком, а из вежливости никто не решался поинтересоваться узнать, хотя об этом между собой много говорили. Несмотря на все, казалось бы, далеко не лестные данные, жившие на дачах матери семейств не находили ничего предосудительного, что их отпрыски проводили дни и ночи в компании этой не совсем приличной пары. Папаш на дачах почти не было, они очень редко и неожиданно появлялись откуда-то с фронта и быстро и незаметно исчезали. А большинство мамаш и сами были заражены всевозможными новейшими идеями и благоволили перед, так сказать, героями. Сам борец за свободу был много старше окружавшей его молодежи, но имел какую-то особенную способность к ней подойти и втереться в ее среду. Он недурно пел, что ему сильно помогало. Ни одного пикника, ни одной прогулки без него никогда не обходилось. Всегда он был первый и желанный. Особенно у слабой половины. Олечка почему-то очень часто отсутствовала. Возможно, он боялся, что она случайно могла обратить свое благосклонное внимание на кого-нибудь другого. На нее искоса многие поглядывали.

Нас, зеленых юношей, пытавшихся во всем подражать взрослым, он тоже без своего попечения не оставлял. При первом удобном случае всегда пытался разъяснить нам сложные государственные проблемы и поставить нас, как он обыкновенно говорил, на правильный жизненный путь. Заметив, что я обладал не совсем противным голосом, он решил выучить меня петь, как он мне постоянно твердил, одну из самых хороших песен: «Станачихе на мыло, по полтиннику с рыла. Ой, горюшко-горе, становой пристав едет». В те незабываемые дни станачиха и пристав меня совсем не интересовали. И из его затеи сделать из меня народного певца ничего не вышло. Днем я с азартом играл в теннис, а вечерами проводил время с милыми барышнями, в которых по очереди умудрялся влюбляться. Нужно признаться, что барышни, которые мне особенно нравились, предпочитали меня старшим, в том числе и борцу за свободу. Но оставлять меня совсем без внимания им было рискованно. У меня

была двухпарная шлюпка, верно, не совсем моя собственная, но в полном моем ведении. Весла от нее всегда находились на веранде дачи, в которой я жил. Всего шлюпок было только четыре, и моя самая красивая. Поездки на остров за цветами без меня редко обходились.

Из всех живших на дачах мамаш только одна почтенная дама питала к борцу за свободу какую-то особенную ненависть и всю ее высказывала. Но к такому заключению она пришла не сразу. Вначале она ничем не отличалась от остальных, высказывала Юрию Григорьевичу свои симпатии и даже очень часто старалась ему чем-нибудь угодить.

В один прекрасный день Юрий Григорьевич, идя на рыбалку, попросил ее одолжить ему чайник, что она с радостью и исполнила. Наутро, не сказав даже спасибо, он подбросил его на ее веранду. Когда она случайно заметила возвращение своего чайника, то он, к ее ужасу, оказался в таком виде, что ей оставалось его только выбросить. С этого дня у ней все симпатии к борцам за свободу, да, кажется, и к самой свободе, сразу пропали. Ей только почему-то было сильно жалко Олечку. «Такая славная и хорошенькая и связалась с таким мерзавцем, — постоянно она все говорила. — И чего хорошего она в нем нашла?» Нравилась Олечка и нам, трем взрослым кадетам, жившим здесь на дачах. С мнением почтенной дамы мы были вполне согласны и, кажется, были единственными ее сторонниками, не считая наших матерей, которые держались как-то в стороне ото всех и своего мнения громко не высказывали. Нам они ни в чем не препятствовали, по всей видимости, были вполне в нас уверены и за нас спокойны.

В это злосчастное лето Юрия Григорьевича на дачах не было. Ему здесь больше нечего было делать. Все уже было сделано. Как я узнал немного позднее, он оставался в Казани, где был комиссаром и занимал какой-то видный пост у большевиков. Случайно жившие в Белом Яру несколько семейств все оказались старые знакомые. В их среде было несколько молодых людей нашего возраста, хотя они и жаловались, сколько им пришлось перенести от большевиков, но поступить к нам в отряд желания не высказали, ссылаясь на массу неоконченных дел в Симбирске.

Уже вечерело, когда вдруг неожиданно чинам нашего отряда было приказано построиться. Перед фронтом вышел наш полковник и торжественно сообщил, что пришла телеграмма: «Сегодня город Симбирск занят отрядом полковника Каппеля и освобожден от большевиков». По этому случаю мы долго кричали «Ура!», а когда успокоились, то полковник объявил, что должны прийти пароходы и наш отряд поедет в Сим-

бирск. Случай порисоваться перед знакомыми барышнями еще не был совсем потерян.

Пароходы пришли на другой день утром, но и пришло нашему Самарскому артиллерийскому взводу предписание грузиться и отправляться не вверх по Волге, а вниз. Все мечты о Симбирске пропали даром. Наш взвод спешно перебрасывался на юг в город Хвалынск, где весьма успешно, без единого чеха, боролся с красными отряд полковника Махина. У него в отряде, кроме одной пушки, и той без уровня, совсем не было артиллерии, а красные наседали на него со всех сторон.

22 июля, на второй день после взятия отрядом полковника Каппеля города Симбирска, как и было указано в телеграмме, в Белый Яр пришло несколько пароходов. Среди них оказался «Фельдмаршал Суворов», самый большой и быстроходный пароход пароходного общества, но и он уже имел весьма революционный вид. От старого блеска оставалось немного. На него был погружен 2-й взвод 2-й Самарской батареи, и вечером мы поплыли вниз по матушке по Волге, а утром уже были в Самаре, где почти всех чинов взвода отпустили в отпуск на берег, с обязательством явиться на пароход на другой день к двум часам дня.

Сговорившись с Колей Родниным встретиться после обеда, побежал скорей домой. Мать была очень огорчена, что я так быстро куда-то исчезаю, но мне везде нужно было побывать, и я очень торопился. Первым делом мы с Родниным понеслись на Барбашину Поляну — дачная местность, верстах в 15 от города. Дачи в Самаре начинались почти сразу за городом, тянулись полосою в некоторых местах от 2 до 3 верст шириною вверх по Волге верст на 25 и немного не доходили до Жигулевских Ворот, место, где оканчивались Жигулевские горы и Волга, стиснутая между ними, вырывалась на широкий простор.

Самарские дачи были в своем роде достопримечательностью. На протяжении нескольких верст вдоль высокого берега реки, выглядывая из окружавшей их зелени, возвышались всевозможных стилей прекрасные дворцы и замки, построенные в миниатюре, не знавшими, куда девать свои деньги, самарскими купцами, которые старались превзойти один другого в красоте и роскоши своих сооружений. Каждые полчаса от пристаней отходили очень славные небольшие пароходики финляндского типа, поддерживавшие регулярное сообщение между городом и дачами, что было очень удобно для отцов семейств, работавших в городе. На Барбашиной Поляне имелся курзал, и туда из города многие ездили кутнуть или просто поужинать на свежем воздухе.

У нас с Родниным на Барбашиной Поляне жили знакомые барышни, и никак нельзя было не побывать там. На дачах все было по старинке, множество хорошо одетой публики, как будто большевиков никогда и не было. Во всем чувствовался достаток. Так же выглядела и сама Самара, только против Струковского сада на здании губернской земской управы, которое занимал Комитет Учредительного собрания, болтался красный флаг и показывал, что не так все спокойно. Кой-кому этот флаг сильно действовал на нервы, и раза два сильно подгулявшая компания представителей тыла, которой хотелось хоть чем-нибудь себя проявить и показать, как им ненавистно все красное, пыталась его сорвать, но безуспешно. Вечером мы с Родниным поспешили показаться в студенческой чайнушке, которая помещалась (поместилась?) в подвальном помещении гостиницы «Национал» на Панской улице. В ней, когда в Самаре хозяйничали большевики, ни одного субботнего и воскресного вечера не обходилось без нашей большой (человек 25) компании молодежи, которая и вносила царившее там всегда беззаботное веселье. Один наш хор чего только стоил. Едва мы появились в чайнушке, как две знакомые барышни, радостно улыбаясь, но с некоторой долей укоризны, нам заявили: «Вот вас не стало, и теперь здесь скучно». Мы все были на фронте. Чайнушка выглядела как-то пустынно и мрачно, только в соседней с ней комнате стоял какой-то шум. Студенты медики изыскивали пути для продолжения образования. Подобрав троих человек, как мы, случайно находившихся в чайнушке, пошли на митинг и устроили там медикам «детский кик на лужайке». Они были сильно возмущены военным вмешательством в гражданские дела, но старались отделаться только протестами. Принять более строгие меры почему-то не решались, а мы предложили им отправиться на фронт и изучать там медицину на практике. Не знаю, имело ли на них какое-нибудь воздействие наше вмешательство, но, во всяком случае, вынести решение в этот вечер им не удалось.

После так приятно и с пользой проведенного отпуска мы на другой день точно в указанное время все были на «Фельдмаршале Суворове». «Шарабаны», как во взводе обычно назвали пушки образца 1900 года, были заменены вполне исправными пушками 1902 года. Наше начальство поторопилось нам сообщить, что эти пушки не прыгают и даже по уставу, после второго выстрела, наводчику и второму номеру полагается садиться на специально приделанные к лафету сиденья наподобие велосипедных и дальше продолжать стрельбу не слезая с них. Ни наводчик, ни второй номер особенной радости не проявили и впоследствии так на них почти никогда и не садились, предпочитая все проделывать стоя.

Вечером, распрощавшись с Самарой, мы поплыли дальше вниз по Волге и утром прибыли в город Хвалынск, который полковник Махин около недели тому назад освободил от большевиков. Отряд полковника Махина состоял из Хвалынского и Вольского пехотных полков, кавалерийского дивизиона есаула Салянского, нескольких небольших отдельных команд и вольского орудия. Почему это орудие называлось вольским? Я никак не мог разобрать. Потому ли, что им командовал поручик Вольский, или потому, что оно было сформировано в городе Вольске, когда там 8 июля было восстание белых. Восставшие легко захватили город, но продержаться в нем долго не смогли, 18 июля им пришлось его очистить, и он снова был занят красными. Одна часть восставших белых уплыла на семи пароходах вверх по Волге в Сызрань, а другая переправилась на другую сторону Волги и присоединилась к находившемуся в это время там отряду полковника Махина. Когда пароходы с повстанцами из Вольска проходили мимо Хвалынска, то были обстреляны находившимися в нем красными и шедший последним, исключительно с беженцами, попал к ним в руки. Судьба плывших на нем мало кому известна, а остальные пароходы благополучно добрались до Сызрани. Ядром отряда полковника Махина были, как они сами себя называли, балаковские мужики. Балаково — громадное село, находившееся недалеко от города Вольска на самарской стороне Волги. Эти мужики первые восстали против красного засилья, и из них образовался отряд белых, который и принял полковник Махин. Находясь в Николаевском уезде Самарской губернии, он едва справлялся с наседавшими на него со всех сторон отрядами красного полководца Чапаева, и только после восстания в городе Вольске, пополненный перебравшимися через Волгу к нему повстанцами, полковник Махин переправил свой отряд на саратовскую сторону реки и занял город Хвалынск, выбив из него красных.

Первую ночь в Хвалынске наш артиллерийский взвод переночевал в ресторане, на его большой застекленной веранде второго этажа. Ресторан помещался в двухэтажном доме, стоявшем почти на самом берегу Волги. На следующий день после нашего появления в городе, вероятно по случаю прибытия артиллерии, было предпринято наступление против красных, которых было много, и находились они на всех направлениях. Наступали мы вниз по матушке по Волге, на близлежащие от Хвалынска деревни и села, занятые отрядами красных. Легко выбили красных из села Старая Яблоновка, они почему-то особенно не сопротивлялись, и под сильным огнем их артиллерии двинулись дальше в сторону села Алексеевка. «Стреляйте громче! — кричали нам, проходя мимо позиции, на которой стояли наши пушки, балаковские мужики. —

Веселее идти в атаку». Палили мы вовсю, но и снаряды красных ложились совсем близко от наших пушек. Нам это было в диковинку. В Ставропольском уезде они такой точностью не обладали. Мы привыкли наблюдать разрывы их снарядов издалека, но здесь делали вид, что это их мало тревожит, хотя из уст многих невольно вырывалось: «Эх, как близко!» или «Ох, как ловко стреляют!». В Алексеевке враг тоже не задержался, и мы отпраздновали полную победу. Он отошел куда-то в сторону Вольска.

На ночь наш отряд вернулся в Старую Яблоновку — небольшое мордовское село, где и остановился на ночлег. Население этого села отнеслось к нам очень доброжелательно и чем могло приветствовало, по-видимому, пришедшая свобода их мало радовала. Совсем не было заметно, чтобы угнетенная нация чем-нибудь показывала хотя бы малейшую ненависть своим поработителям. В селе почти совсем не было видно молодых мужчин, из них мало кто вернулся с Германского фронта, защищая своих угнетателей, они пали смертью храбрых на полях сражений.

Утром, совершенно неожиданно для нас, в селе появился второй взвод нашей батареи, только что прибывший из Самары. Привел его сам командир батареи штабс-капитан К., и, наконец, мы стали называться батареей. Отряд белых, почти сразу после прихода нашего второго взвода, оставив в селе небольшой заслон, вернулся в Хвалынск.

Николаевский уезд Самарской губернии — один из самых хлебородных и по богатству второй после Ставропольского — резко отличался от него. Большая часть населения Николаевского уезда сочувствовала большевикам. Оно еще в 1905 году было сильно распропагандировано социалистами. В уездном городе Николевске (Самарском) обосновался со своим отрядом В.И. Чапаев, прославленный советчиками в кинематографическом фильме, выпущенном под его именем. В этом фильме отряд белых офицеров в погонах, разодетых чуть ли не в парадные формы, смело идет в атаку на героев-чапаевцев и погибает под их метким огнем. В то время у белых, принимавших участие в боях против Чапаева, не было ни одной офицерской части, а добровольцами в воинских частях были те же самые крестьяне, что и у Чапаева, только успевшие ранее других осознать все прелести большевистских свобод. Осознали это потом и те, другие, и в 1921 году в Николаевском уезде Самарской губернии вспыхнуло большое крестьянское восстание, но было уже поздно, и красные его быстро подавили. А погон тогда в белых частях на Волге никто не носил. Главари Комитета Учредительного собрания: Чернов, Вольский и Климушкин, стоявшие во главе власти, — их боялись больше, чем Ленин со своим главкомом Троцким.

Ободренный успехом в боях против красных и не забыв обиды, нанесенной ему Чапаевым, полковник Махин решил еще раз помериться с ним силами. Ночь перед выступлением в поход против Чапаева теперь уже 2-я Самарская батарея провела на застекленной веранде ресторана. Через окна, выходившие на Волгу, была хорошо видна противоположная сторона реки. Всю ночь на ней бушевала сильная гроза: шел дождь и беспрестанно сверкали молнии, и только под утро все стихло.

Под вечер назначенный в поход отряд белых на баржах был перевезен на другую сторону реки в находившееся там село Духовницкое. Самарская батарея, в ожидании дальнейшего движения вперед, разместилась в большом доме имения Дельвига, примыкавшего к селу. В доме помещика кто-то уже сильно похозяйничал — внутри все было разбито и разбросано по полу, хорошая дорогая мебель была вся ободрана, с диванов срезана кожа, и только один несгораемый шкаф стоял в углу одной из комнат и гордо смотрел на все окружавшее его. Верно, и на нем были слегка заметны следы пытавшихся безуспешно проникнуть в него. Привлек он и наше с Родниным внимание — очень хотелось узнать, что там в нем в середине. Провозились мы с ним довольно долго, но напрасно, а возиться дольше не было времени — трубач затрубил поход. На прощание один из добровольцев нашей батареи выстрелил в замочную скважину сейфа. Это тоже не произвело на него никакого должного воздействия, осталась только небольшая отметка о нашем пребывании в имении.

Быстро собравшись, отряд белых выступил в поход. Шли всю ночь, и под утро, незадолго до рассвета, 2-я Самарская батарея стала на позицию, прямо на распаханном поле, против села Ливинка. Пехота, рассыпавшись в цепь, ушла немного вперед. Чернозем на распаханном поле после дождя сильно размяк, и было очень трудно по нему ходить. Земля прилипала к сапогам, и ее постоянно приходилось стряхивать. Едва забрезжил свет, батарея открыла ураганный огонь по селу. Лежавшие перед нами цепи поднялись и двинулись вперед. Что село занимали красные, белым было точно известно.

Батарея красных, стоявшая на позиции где-то на церковной площади села, незамедлительно открыла огонь. Ее наблюдатель, находившийся на колокольне церкви, прекрасно видел на совершенно открытом распаханном поле нашу батарею, и, быстро пристрелявшись, батарея противника начала буквально засыпать ее своими снарядами. Но большинство осколков рвавшихся вокруг нас гранат зарывалось в мокром черноземе. Вверх летели одни лишь фонтаны грязи, обдавая, как из душа, орудийных номеров. И Самарская батарея, не неся почти совсем

никаких потерь, не переставала обстреливать площадь вокруг церкви, стараясь нащупать красную и заставить ее замолчать. Хорошего наблюдательного пункта у белых не имелось, и наш командир батареи корректировал стрельбу стоя, с несколькими разведчиками, немного впереди, слева от позиции батареи. Не зная точно, где стоит красная батарея, он больше стрелял по догадке. Пехотная цепь белых, подойдя почти вплотную к селу, залегла перед ним, готовясь идти в атаку.

Бой шел не только под одной Ливинкой, а на довольно широком фронте. Справа и слева от нас была слышна орудийная канонада. В предпринятом против красных наступлении принимал участие не один отряд полковника Махина, слева от нас находилась какая-то сызранская воинская часть белых, а справа под селом Липовцы дрались наши балаковские мужики. Командир нашей батареи, чтобы принудить красных умерить свой пыл и прекратить сильный обстрел нас, приказал пустить по церковной площади несколько зажигательных шрапнелей, которые сразу подожгли церковь. Она быстро запылала ярким пламенем. Цепи белых поднялись и бросились вперед — в атаку. Батарея красных, вероятно попав под неприятный обстрел и потеряв хороший наблюдательный пункт, моментально снялась с позиции и перешла на новую, где-то за селом.

Две роты самарской речной обороны (что-то вроде морских стрелков), прибывшие из Самары, кажется, вместе со 2-м взводом 2-й Самарской батареи, вырвавшись немного вперед, первые ворвались на церковную площадь. Здесь их встретили служившие у красных латышские стрелки, которые, нарочно подпустив близко белых, открыли по ним, почти в упор, сильный пулеметный и винтовочный огонь. Самарцы, понеся большие потери, отошли за село, где и залегли. Как потом рассказывали нам оставшиеся в живых самарцы, когда они выскочили на церковную площадь, то на ней стояла во весь рост какая-то пехотная цепь с белыми повязками на рукавах и громко кричала: «Стой, остановись, свои!» Цепь самарцев, не дойдя до нее несколько десятков шагов, не понимая, в чем дело, как вкопанная задержалась на месте. Со стороны «своих» моментально затрещали пулеметы и защелкали винтовки, кося стоявших в недоумении белых, большинство которых были ранены или убиты и остались лежать на площади. Только небольшой части белых удалось отбежать назад и укрыться за домами.

Почувствовав за собой силу, красные начали медленно продвигаться вперед, стараясь обойти белых с их левого фланга. Их батарея со своей новой позиции открыла огонь и довольно быстро опять нащупала нашу. Но осколки гранат продолжали зарываться в черноземе,

обдавая грязью батарейцев, не причиняя им особенного вреда. Зато со стороны создавалось впечатление, что 2-й Самарской батареи больше не существует. Вся площадь, на которой стояли пушки, кипела от разрывов неприятельских гранат. Моя белая кадетская гимнастерка, которую я носил, совершенно изменила свой цвет, превратясь в какую-то желто-коричневую.

Наши артиллерийские наблюдатели видели только вспышки выстрелов из орудий красных. По ним командир батареи пытался сосредоточить огонь своих четырех пушек, но, к несчастью, у многих снарядов был перекос гильзы, они постоянно заклинивались в казенной части ствола орудия, и одновременно больше чем из двух пушек батарея редко когда стреляла. Из двух других выбивали заклинившиеся снаряды. Со шрапнелями мы разделывались быстро и легко, вытаскивая их протиральником с дула ствола орудия, а с гранатами нужно было быть более деликатными. От удара они могли взорваться и разнести вдребезги всю пушку. Их осторожно выжимали, накатывая колеса пушки, к которым были привязаны веревки, шедшие от протиральника, что отнимало много времени. Был ли это саботаж или небрежность на заводах, откуда эти снаряды были выпущены, нам не было известно.

В самый, как казалось нам, разгар боя к батарее неожиданно на тройке подъехал раненный в шею полковник Махин и приказал немедленно сниматься с позиции и отходить назад. Предупредив, что все и на всех участках фронта давно уже отступили, он куда-то быстро умчался. На позиции, по недоразумению, оставалась только одна 2-я Самарская батарея, которая продолжала вести бой с красными, как бы прикрывая отход белых.

На батарею сейчас же были поданы передки. Красные, заметив, что батарея снимается с позиции, еще усилили огонь своей артиллерии. Что делалось вокруг нас, нам, номерам 2-го орудия, было некогда смотреть. Мы быстро надели нашу пушку на передок, ездовые с места рванули, и пушка унеслась. А мы, шесть человек ее прислуги, не успев к ней пристроиться, остались на позиции. На ней уже больше никого не было — все куда-то исчезли, только в сторонке стояло брошенное нашим вторым взводом орудие и недалеко от него передок. Когда на позицию были посланы передки, то неприятельская граната разорвалась под ногами подручного коня среднего уноса 3-го орудия и его убила. Командир орудия прапорщик Л. пытался заставить перепрячь коней, он даже для большей острастки вынул наган, но и это не подействовало — ездовые перерубили шашками постромки и поминай их как звали. За ними понеслись и номера орудия. Впопыхах

забыв, что надо испортить орудие, ушел и его расстроенный командир. Увидев оставленную на позиции пушку, номера 2-го орудия подбежали к ней с намерением ее испортить. В этот самый момент откуда-то около нее появились два наших пехотинца с винтовками. У нас ни у кого не имелось никакого оружия. Они соизволили нам сообщить, что являются последними представителями двух Самарских рот речной обороны, остававшихся еще в цепи. Остальные перебиты или отошли назад. Артиллерия красных перенесла огонь своих пушек по удиравшей 2-й Самарской батарее и обозам белых. На позиции сделалось сравнительно тихо, только жужжали пули. Оба подошедших пехотинца, взявшись за колеса пушки, предложили ее утащить. Номера 2-го орудия уже были готовы в нее впрячься, но совсем близко впереди нас раздалось громкое «Ура!», подошедшая пехота красных пошла на нас в атаку. Коля Роднин быстро снял с пушки панораму, а я вытащил из замка гребенку и боек, и мы все стремглав кинулись в росшую позади нашей позиции почти поспелую рожь. И под ясно раздававшиеся крики гнавшихся за нами красноармейцев или латышей: «Стой! Куда, все равно не убежите» — начали набирать скорость. Рожь была высокая, выше роста человека, и сравнительно густая. В ней нас пехоте врага не было видно.

У меня, как полагается для большего фасону, к сапогам были пристегнуты шпоры, которые по уставу орудийной прислуге и не разрешалось носить, но тогда все делали и носили, что не полагается. Я был не хуже других. Они цеплялись за стебли ржи и не давали мне быстро бежать, а убавлять резвости было опасно — за нами гнались красные. Пришлось с ними расстаться и их выбросить. Облегченный, я понесся догонять своих, от которых успел немного отстать. Неожиданно с разбегу наскочил на стоявшую во ржи и мирно рвавшую колосья верховую лошадь, по-видимому кем-то брошенную, а может быть, ее хозяин был ранен или убит. Обрадованный такой непредвиденной удаче, в один момент я был уже на ней. Но сколько я ни бился и чего только ни делал, никак не мог сдвинуть ее с места. Она по-прежнему продолжала утолять свой голод спелыми колосьями ржи. Окончательно отчаявшись, я соскочил с нее и потащил ее за повод за собой. Бросить ее мне было почему-то очень жаль, хотя она меня сильно задерживала.

Увидев немного впереди себя шедшего понуря голову прапорщика Л., командира брошенного орудия, я, чтобы избавиться от коня, который мне только был обузой, галантно предложил ему воспользоваться верховой лошадью. Он с большой радостью согласился и с моей же помощью скрылся из моего вида. Я, сняв с себя поясной ремень, сильно нахлестал лошадь пряжкой.

Батарея красных, вероятно потеряв хорошо видимые ей цели, потому что большинство отступавших белых частей наконец вышли из сферы ее действия, перенесла огонь по ржи и начала долбить нас в ней комбинированным огнем. Это еще сильнее нас подбодрило, и мы моментально развили такую резвость, что если бы были Олимпийские игры, то тогда мы все получили бы золотые медали. Нами наверняка был побит не один стоявший тогда мировой рекорд, и притом на всевозможные дистанции. Скоро голоса преследовавшей нас пехоты красных совсем не стали слышны, и мы понемногу убавили нашу прыть. Но их артиллерия не унималась и продолжала обстреливать рожь. Пули рвавшихся в воздухе шрапнелей сыпались сверху, срезая вокруг нас верхушки колосьев ржи.

Выбежав в конце концов изо ржи на проезжую дорогу, мы наткнулись прямо на свое второе орудие с его командиром прапорщиком П., остановившееся около находившегося здесь колодца немного передохнуть. Мы подбежали к прапорщику и, сообщив о потере вторым взводом нашей батареи орудия, передали ему панораму и боек, гребенку я по дороге выбросил. Прапорщик П. одобрительно посмотрел на Роднина и меня и сказал нам: «Ну, такие, как вы, своей пушки бы не бросили», вынул из кармана серебряный портсигар и выдал из него нам по папироске. Предложить нам взять самим, по-видимому, побоялся, как бы не взяли больше. Простояв еще минуты три, 2-е орудие батареи с его командиром покатило дальше. Три орудийных номера пристроились на передке, а остальные, в их числе и я, остались у колодца утолять свою жажду.

Артиллерийский наблюдатель красных сразу же заметил его на дороге, и их батарея открыла по нему огонь гранатою. Снаряды начали рваться по пятам ехавшего рысью орудия, но прапорщик П. поспешил перейти в галоп, и оно быстро вышло из-под обстрела и совершенно скрылось из глаз за поворотом. Немного отдохнув, мы понеслись следом за уехавшей пушкой и скоро догнали нашего батарейного телефониста Поциуса, тоже отставшего от батареи, который не особенно спеша брел по дороге. Я остался с ним, а мои оба компаньона, продолжая развивать скорость, унеслись вперед.

Оставшись поневоле в арьергарде отступавшей белой армии, мы с Поциусом, изредка переходя в рысь, шагали с надеждой все-таки где-нибудь ее догнать. Картины вдоль дороги, по которой нам пришлось идти, были удручающими. Они напоминали нам отступление великой армии Наполеона и Отечественную войну 1812 года. Во всяком случае, очень близко к тому, как их тогда рисовали. По обе стороны дороги стояли и лежали перевернутые и разбитые повозки и фурманки, во-

круг которых было разбросано несложное солдатское имущество — ранцы, вещевые мешки, скатки, котелки и фуражное довольствие лошадей. Все это далеко не в малом количестве. Кое-где попадались поломанные ящики с патронами и даже кое-какое оружие. По всей видимости, обозы белых частей, попав под сильный обстрел артиллерией красных и спеша поскорей из него выбраться, основательно облегчились. Мы несколько раз останавливались проверить содержание вещевых мешков и ранцев, но ничего привлекательного не нашли и бросили дальнейшие попытки, да и нужно было торопиться догонять своих. Кругом никого не было видно.

Добравшись до селения Озерки (оно, кажется, находилось верстах в десяти от злополучной Ливинки), мы забежали в первую попавшуюся избу. К счастью, сразу же нашли ее хозяина и заставили его запрягать лошадь. Село это у белых хорошей репутацией не пользовалось — оно было сильно с красным душком. В предыдущих боях, когда еще полковник Махин со своим отрядом бродил по этой стороне Волги, часть его сгорела. Наш хозяин, несмотря на то что мы не имели никакого оружия, без всяких возражений запряг телегу. А пока он это проделывал, мы с Поциусом нагрузили ее яблоками из его же собственного сада, которые валялись под деревьями. Он и на это никаких претензий не предъявил.

В Духовницкое мы прибыли благополучно, когда было совершенно темно, но удачно — вовремя. Наши начали грузиться на баржи, переезжать на другую сторону реки в Хвалынск. Опоздай еще на час, мы могли их больше никогда не увидеть. Батарейное начальство встретило нас с некоторым удивлением — откуда мы так поздно появились. По-видимому, считали, что мы пропали без вести. Вернее, еще толком не успели разобраться — кто куда девался.

В Хвалынске ночевали опять в этом самом ресторане, на его застекленной веранде второго этажа. Но спали почти все очень нервно. Многие во сне переживали неудачный день. Проснувшись, с криком вскакивали со своих мест, но, осмотревшись, успокаивались и продолжали дальше спать. Только наутро во всем разобрались: в батарее были потери и в людском, и в конском составе, но небольшие и почти все во втором взводе. Было потеряно кое-какое имущество, и брошена пушка с передком. Ранцы номеров второго орудия были привязаны к передку их пушки и остались целы и сохранны. Особенно неприятно себя чувствовали, после первого и такого неудачного боя с красными, чины второго взвода батареи. Три добровольца из него начали показывать некоторые признаки душевного неравновесия и были спешно отправлены в Самару. Правда, потом в батарее поговаривали, что они

притворялись. Чины первого взвода, уже немного обстрелянные, держались более спокойно, считая себя закаленными бойцами.

В этот же день 2-я Самарская батарея из Хвалынска была отправлена в село Старая Яблоновка, куда и прибыли к вечеру. Поставив на позицию перед селом свои орудия, чины батареи разместились по крестьянским избам на постой. С утра следующего дня было приступлено к оборудованию артиллерийской позиции по всем правилам фортификационного искусства. Орудийные номера каждого орудия принялись рыть окоп для своей пушки, с ровиками для прислуги и козырьками от шрапнельных пуль, которые для маскировки должны были быть обложены дерном. Работа продвигалась вперед медленно. Грунт был очень твердый, долбить землю приходилось кирками и мотыгами, и во время работ в воздухе стоял гул от очень звучных выражений.

Привести в полный порядок образцовую артиллерийскую позицию сразу не удалось. Наше командование решило еще раз попробовать разбить находившихся на противоположном берегу Волги красных. Из Самары, для усиления артиллерией отряда полковника Махина, была послана 4-я батарея 1-й Самарской артиллерийской бригады. В поход против красных от 2-й Самарской батареи был назначен взвод — два орудия. Второе орудие, в котором находился я, осталось охранять образцовую позицию в Старой Яблоновке. Командир батареи в поход со взводом не пошел. Он только, когда пушки погрузили на баржу переправляться на другую сторону, на прощание сказал: «Ну, с Богом!» — и сам остался в Хвалынске ждать результата. Второй поход оказался еще менее удачным, чем первый. Что там произошло, добиться толком ни у кого было нельзя. Все почему-то отмалчивались. Стало только известно, что так торопились скорей выбраться оттуда в Хвалынск, что номера одного орудия 2-й Самарской батареи, при обратной погрузке, даже не потрудились отцепить свою пушку от передка, а так, не задерживаясь на берегу, оно сделало по мосткам лихой заезд на баржу, и, к общему удивлению, благополучно. Буксирный пароход быстро оттянул баржи с отступавшими белыми частями от берега и успел дотащить их до самой середины Волги, когда 4-орудийная батарея красных, выехав на самом берегу на открытую позицию, открыла беглый огонь по ним. Хотя красные стреляли прямой наводкой, но, к счастью для белых, точного прицела никак не могли. Их снаряды ложились большими недолетами и перелетами, что дало возможность буксиру затянуть баржи за находившийся на середине реки небольшой остров и белым выскочить из неприятного положения.

Артиллерия красных, расположившись по левому берегу Волги, сразу же открыла из всех своих орудий интенсивный обстрел правого бе-

рега, занятого белыми. Из Самары к белым в это время прибыла еще 5-я батарея 1-й Самарской артиллерийской бригады, и все батареи белых, кроме нашего 2-го орудия, продолжавшего оставаться на позиции у Старой Яблоновки, заняв позиции вдоль своего берега, открыли ответный огонь. Около двух дней гремела с обеих сторон реки артиллерия противников, не причиняя друг другу никакого вреда. Пострадал только один Хвалынск. От попадания снарядов красных загорелась и сгорела его небольшая южная часть, лежавшая вниз по Волге, и в некоторых районах города были сильно изуродованы деревянные тротуары. К вечеру второго дня красные куда-то исчезли и все разом смолкло.

В Старую Яблоновку вернулся 2-й взвод Самарской батареи, и сооружение образцовой артиллерийской позиции было, наконец, быстро закончено. Такие аккуратные и красивые артиллерийские окопы я видел раньше только в лагерях, где стояла в мирное время батарея, которой командовал мой отец, и тогда они служили как образцы искусства.

Наша батарея зажила на полумирном положении. Белые накапливали силы для нового наступления против красных — вниз по Волге-реке. На артиллерийской позиции около одной из пушек всегда находились, по очереди, номера дежурного орудия, а все остальные батарейцы болтались без дела в селе. Занятий почти не производилось. Вероятно, батарейное начальство считало все это лишним.

Где-то перед нами в сторону города Вольска, вниз по реке, бродил довольно большой отряд красных, но он нас мало беспокоил. Противник только один раз подошел очень близко к занимаемому белыми селу. 2-я Самарская батарея моментально снялась со своей образцовой позиции перед селом и, выехав на новую впереди села, произвела несколько выстрелов по нему. Красные, по-видимому, предпочли с нами не связываться и куда-то быстро ушли, а батарея белых вернулась на свою позицию за селом. С нее так и ни разу батарея не стреляла. Возможно, наше начальство не хотело показать ее противнику. Он мог, чего доброго, испортить ее своими снарядами.

В ожидании начала движения вперед жили скучновато. Днем, почти ежедневно, над нами летал аэроплан красных и иногда бросал самодельные, из шестидюймовых снарядов, бомбы. Они почему-то всегда, как сообщали нам, падали верстах в трех от села, около заимки, и обязательно убивали какую-то слепую старуху. У белых аэропланов не имелось, и бомб бросать было не с чего. По вечерам сельские кардовские девушки развлекали нас танцами. Относились они к нам очень приветливо и доброжелательно. Знали и звали почти всех нас по именам, и даже многие из них были не прочь породниться со сво-

ими завоевателями. Так называемые инородцы, как приходилось наблюдать, в те времена, по деревням, особой радости пришедшей свободе не выказывали, как это делали сами русские, а скорее сожалели тому хаосу, который она принесла с собою.

Танцевали девушки под гармошку кадриль, мало чем отличавшуюся от той, которую еще так недавно в то время танцевали на светских балах. Почти те же фигуры, только девушки танцевали их одни, без кавалеров. И в их задорных взорах легко можно было прочесть: «Куда вам — вы так никогда не сумеете». Да, мы и не пытались предлагать им свои услуги, только со стороны любовались этими простыми деревенскими девушками и их страстным желанием показать себя. «Смотрите, какие мы! — говорили все их движения. — Других таких не везде найдете». Верно, особенной мягкости и грациозности в их движениях не было, но зато сколько было живости и лихости в выполнении этих довольно сложных фигур, которых было чуть не больше, чем в настоящем бальном кадриле. Приподняв слегка одной рукой длинный подол своей юбки, они ловко выбрасывали свои маленькие ножки, стараясь превзойти одна другую в исполнении танца, и, высоко подняв головы, изредка бросали в нашу сторону гордые взгляды. И было видно, что они проделывали что-то для них особенно важное.

Постоять в Старой Яблоновке на полумирном положении нашему 2-му орудию 2-й Самарской батареи долго не удалось. Неожиданно пришло распоряжение перебросить его к Окатной Мазе — селу, лежавшему к северо-западу от Хвалынска, приблизительно верстах в пятнадцати от него. Большой отряд красных, имевший в своем составе все роды оружия, заняв это село, стремился по дороге, ведшей в Хвалынск, продвинуться ближе к городу, создавая этим сильную угрозу тылам отряда полковника Махина. Махин отдал приказ небольшому отряду белых под командою капитана Касаткина, который на этом направлении пытался задержать продвижение противника, во что бы то ни стало удерживать занятую им позицию, обещая скорое прибытие подкрепления. Отряд капитана Касаткина состоял из сводной роты, кавалерийского взвода и вольского орудия, у которого не имелось уровня, что сильно затрудняло, в пересеченной местности, вести точную пристрелку.

Первым на выручку капитана Касаткина, под прикрытием конного взвода из дивизиона есаула Салянского (астраханского казака), переменным аллюром понеслось 2-е орудие 2-й Самарской батареи. Прибыли мы к Окатной Мазе после обеда в самый разгар шедшего там боя. Со стороны села, перед которым по обе стороны дороги

на Хвалынск лежала цепь сводной роты белых, отчетливо доносились винтовочная стрельба и очереди пулеметного огня. Изредка бухала из своих пушек стоявшая где-то за селом на очень хорошо закрытой позиции 4-орудийная батарея красных, обстреливавшая расположение белых. Но почему-то делала большие перелеты. Нигде не было видно разрывов выпущенных ею снарядов.

Вольская пушка белых, находившаяся за левым флангом цепи сводной роты, стреляла куда-то влево. Прибывшее самарское орудие, встав на позицию рядом с ней, поддержало ее своим огнем. Стрельба велась по цепи красных, которая, выйдя из села, медленно продвигалась, стараясь обойти с фланга белых. Удачный огонь двух орудий быстро остановил наступательный порыв противника. Батарея красных, позицию которой никак не могли найти с наблюдательного пункта белых, не замедлила прийти на помощь своей пехоте и открыла беглый огонь по приблизительному расположению орудий своего врага. Красные, вероятно, нас плохо видели или даже, скорее, совсем не видели, потому что начали обстрел площадей, но все же быстро нащупали нашу позицию. Их снаряды стали ложиться совсем рядом с ней, а четыре гранаты разорвались в двух-трех шагах от пушек, осыпав осколками орудийную прислугу. К счастью, кроме телефониста, лежавшего у полевого телефона и принимавшего команды с наблюдательного пункта, никто больше не был ранен. Оба орудия белых ни на минуту не прекращали своего огня, чем сбили красных с толку. И их батарея перебросила огонь своих пушек немного дальше в наш тыл, принявшись долбить снарядами пустое место. Мы нарочно прекратили стрельбу, но, как только красные переставали стрелять по этому месту, орудия белых немедленно открывали сильный огонь по обходной цепи противника, батарея красных с новой энергией принималась стрелять по пустому месту и, в конце концов, основательно вспахала своими снарядами кусочек поля недалеко от нашей позиции. Так мы играли с ней в прятки до самого вечера, а обходная цепь противника медленно, но верно постепенно обходила наш фланг. Начало смеркаться, и красные прекратили огонь своих орудий, а наши две пушки усилили обстрел двигавшейся теперь уже прямо на нас цепи пехоты красных, но быстро стало совсем темно, и, где рвались наши шрапнели, едва ли было возможно точно определить с наблюдательного пункта белых.

Вдруг на позиции неожиданно появился командир самарского орудия прапорщик П., корректировавший стрельбу. Сильно взволнованный, он прискакал вместе с батарейным конным разведчиком с наблюдательного пункта, находившегося недалеко справа впереди от

наших двух пушек, и громко крикнул: «Цепь красных прошла наблюдательный пункт и идет в атаку на пушки, на картечь — огонь!» Загремели две пушки белых, выпуская снарядов по пятнадцать в минуту. Запряжки с передками немедленно были поданы на позицию. Кони нервничали и не стояли на месте — рвались вперед. Ездовые с трудом их сдерживали. Третьи номера орудийной прислуги не успевали ставить дистанционные трубки шрапнелей на картечь — им помогали шестые. От безостановочных выстрелов стоял сплошной гул. Вылетавший из стволов орудий огонь освещал позицию, и всех нас было видно как днем.

Быстро выпустив все имевшиеся на позиции шрапнели, надели наши пушки на передки. Кони с места взяли в карьер и понеслись по направлению дороги на Хвалынск. Орудийная прислуга, не задерживаясь, помчалась что было сил наперегонки следом за ними — устанавливать рекорды на быстроту. Немного позади всех, стараясь догнать, скакал во всю прыть конный ординарец из штаба отряда, а может быть и наш батарейный разведчик, и что было мочи кричал: «Стой! Стой! Куда вы? Красные тоже удрали». «Порыв не терпит перерыва», — говорится в военной поговорке, и, хотя мы отчетливо слышали приятную для нас новость, но остановились только тогда, когда добежали до цели — дороги на Хвалынск. Немного придя в себя от острых переживаний прошедшего дня и отдышавшись после быстрого пробега, поставили наши пушки на новую позицию, тут же справа от дороги. Кругом стояла тишина, как будто ничего и не было. По-видимому, противники решили немного отдохнуть.

Постепенно, кое-как устроившись, все залегли спать. Я забрался на пустую телегу из-под снарядов. Спал крепко, и, когда проснулся, было совсем светло — ярко светило солнце. Кругом все еще продолжала стоять тишина, изредка нарушавшаяся пролетавшими с сильным воем через нас снарядами. Красная батарея, вероятно желая нам напомнить о своем существовании, обстреливала наш обоз второго разряда, стоявший верстах в двух позади нас вдоль Хвалынской дороги. Снаряды почему-то ложились немного не долетая до него, не причиняя ему никакого вреда. Наша новая артиллерийская позиция находилась для батареи противника в мертвом пространстве, и мы чувствовали себя великолепно. Но и батарея красных для нас была в таком же положении, да к тому же наши и не собирались по ней стрелять, так как никто не пытался подыскать подходящего наблюдательного пункта, а который у нас имелся — с него почти ничего не было видно. Все чего-то ждали.

Батарейцы полуголодные бродили около своих пушек — даже чаю нельзя было напиться. Поблизости нигде не имелось колодца, и неоткуда было достать воды. Вдруг на поле со стороны села показался крестьянин, шедший рядом с телегой, запряженной одной лошадью, на которой стояла большая бочка. Он медленно двигался в нашем направлении. Все сразу насторожились. Ждать долго не пришлось — он скоро подъехал к нам и остановился. Батарейцы бросились к бочке, и, о радость — вода! Но к счастью, вовремя подошел доктор. У него рядом с нашей позицией, под небольшим цементным мостиком через овражек, был устроен перевязочный пункт. Он всех остановил и не разрешил пить воду. После анализа, который доктор тут же произвел, оказалось, что она была отравленной. Крестьянина, который, как выяснилось, был здесь совсем ни при чем, вместе с отравленной водой отправили обратно в село.

Время шло как-то особенно медленно. Белые продолжали чего-то ждать, ничего не предпринимая. В стороне села снова начали слегка постреливать — нет-нет да и отобьет строчку пулемет. Прошло около часа после инцидента с бочкой воды. Вдали на дороге из Хвалынска, немного дальше нашего обоза второго разряда, показалась какая-то небольшая пешая колонна, быстро двигавшаяся к нам. Шли полроты чехов (человек шестьдесят), присланное из Самары подкрепление. Но не тех чехов, которых потом можно было встретить по всей Сибири. Эта полурота была готова драться одна против батальона красных. Подойдя к нам, чехи расположились на привал около артиллерийской позиции. От них мы узнали, что скоро должен подойти, тоже присланный из Самары, Самарский батальон пехоты в три роты. Стало всем ясно, чего мы ждали. Батарейцы сильно воспрянули духом. Но чего-то ждали и красные.

Подошло обеденное время. Из обоза пришли походные кухни, и начали развозить обед по позиции. Получилась небольшая задержка. Из стрелковых цепей сводной роты сообщили на батарею, что пулемет красных не давал кухням подъехать близко к цепи и лежавшие в ней бойцы никак не могли получить пищу. При этом очень толково объяснили, где он стоит. Прапорщик П., командир самарского орудия, подав команду «К бою!», быстро вычислил установки для пушки, и мы выпустили три гранаты. Этого было достаточно, пулемет красных взлетел на воздух. Стало спокойно, и стрелки получили свой обед. Больше красные не пытались нарушать обеденного перерыва, возможно, и сами захотели пообедать.

Мы с нетерпением ждали подхода Самарского батальона. Бой как будто совсем прекратился. Наступило затишье, но по всему было вид-

но, что противники что-то задумали и выжидают. Передки наших двух орудий с запряженными в них конями, по всей вероятности, на всякий случай находились все время на самой позиции.

Неожиданно из леса, расположенного вдоль огромного поля, лежавшего позади нашей артиллерийской позиции, выскочило не менее двух эскадронов красной кавалерии, зашедшей нам в тыл. Ни на минуту не задерживаясь и даже не потрудившись перестроиться в лаву, а так, почти сомкнутой колонной, с шашками наголо, они поскакали в атаку на стоявший на противоположной стороне поля, у Хвалынской дороги, обоз второго разряда белых, до которого от леса было не менее 4 верст. На артиллерийской позиции белых, увидев такое не совсем приличное поведение красных, почти все немного растерялись. Только командир чешской полуроты моментально рассыпал своих бойцов в цепь, сам впереди, с револьвером в руке, повел их в сторону скакавшей кавалерии. До нее было слишком далеко и открывать огонь из винтовок было бесполезно.

Наше артиллерийское начальство почему-то медлило, а командир самарского орудия, вероятно не зная толком, что предпринять, видя перед собой куда-то двигавшихся чехов, машинально крикнул в сторону стоявшим в ожидании около пушки ее номерам: «Поезжайте!» — не указав куда и зачем. Номера быстро надели орудие на стоявший рядом передок и сами пристроились кто на нем, а кто на лафете пушки. Ездовые, все старые солдаты, побывавшие на Германском фронте, недолго думая дали посыл коням. Кони с места рванули в галоп, и орудие только с одной прислугой радостно улыбавшихся самарских ребятишек, не успевших еще толком разобраться, что такое в действительности война, покатило наперерез скакавшей красной кавалерии. Быстро проскочило через шедшую в том же направлении цепь чехов, проскакав еще немного вперед, выехав на увал, сделало красивый выезд на открытую позицию и открыло с довольно близкой дистанции прямой наводкой беглый огонь шрапнелью по проскакавшим уже полпути эскадронам красных. Наводчик орудия, Коля Роднин, только что испеченный агроном, так удачно сразу взял прицел, что чуть ли не с первой выпущенной шрапнели несколько всадников слетели с коней, а остальные, повернув круто назад, пустились наутек обратно в сторону леса. Пустив им вдогонку еще несколько шрапнелей, орудие снялось с позиции, и опьяненные невиданным успехом самарские ребятишки покатили догонять красную кавалерию, но она быстро исчезла из виду, скрывшись в лесу. Лихое самарское орудие, выехав на следующий увал, опять стало на позицию и открыло гранатою огонь по лесу.

Выпустив весь хранившийся в передке неприкосновенный запас гранат, самарскому орудию невольно пришлось прекратить стрельбу и возвращаться на свою артиллерийскую позицию, где оно было радостно встречено окопавшимися на ней батарейцами. На позиции пушку с передка не сняли, а просто остановились рядом со стоявшим на своем старом месте вольским орудием. Прошло немного времени, вернулись обратно и чехи. Подходя к позиции, они дружно приветствовали нас громкими криками: «Ура, наши батарейцы!» С собою они привели двух заседланных кавалерийских лошадей и принесли несколько седел, снятых ими с убитых нашими шрапнелями лошадей. Не переставая кричать «Ура!», все эти трофеи чехи торжественно вручили самарскому орудию, и от них мы узнали очень приятную для нас новость: почти на самой опушке, спрятанные в лесу, остались стоять подбитые нашими гранатами и брошенные красными два их бронированных автомобиля. Сообщая нам это известие, они все же поинтересовались узнать, видели ли мы их, когда обстреливали лес? Что касается меня, то я отчетливо понимал, что стреляли мы по лесу «в белый свет, как в копейку» и впереди нас ничего не было видно, поэтому своего рта не открывал. Благоразумно молчал и Коля Роднин, но два номера из нашего орудия, самарские гимназисты, по всей видимости обрадованные еще одним непредвиденным успехом, проделанным нашим орудием, не смогли сдержать своей радости и для большей вескости почти закричали: «Видели, видели!» Остальные не протестовали, и вышло, что как будто и вправду видели. Поверили ли чехи этому заявлению, осталось неизвестно, но, во всяком случае, они продолжали всячески выказывать нам свои искренние симпатии. Скоро появился и сам командир нашего отряда капитан Касаткин. Поблагодарив самарское орудие за проявленную им доблесть в отражении красной кавалерии, он, не задерживаясь долго, поспешил куда-то уйти. На этом все совершенно успокоились, только мы еще долго чувствовали себя героями дня, но на нас никто больше не обращал внимания.

Время шло к вечеру, было около пяти часов. В тех краях в первых числах сентября до темноты не так близко. Пришел, наконец, долгожданный Самарский стрелковый батальон — три роты, не менее трехсот штыков, и начал располагаться на бивуак вдоль дороги, рядом с нашей позицией. Его приход сильно подбодрил бойцов белого отряда, старавшихся всеми силами сдержать наступление красных. Самарский батальон по своему численному составу превосходил весь отряд белых. Состоял он из недавно мобилизованной молодежи Самарского уезда, прошедшей небольшую военную подготовку, и, вы-

глядя весьма опрятно, имел вполне воинский вид. В те смутные времена почему-то почти все воинские части белых предпочитали именоваться стрелковыми, несмотря на то что многие из них имели довольно слабое представление о стрельбе.

Командный состав пришедшего батальона — его офицеры оказались в большинстве мои старые знакомые. Меня они сразу узнали, и я едва успевал отвечать на их вопросы. Впервые попав на этот участок противобольшевистского фронта, им все хотелось знать, что у нас здесь происходило.

В самом начале Белого движения на Волге я был с ними вместе в рядах 1-й Самарской инструкторской роты, состоявшей почти сплошь из одних офицеров, за исключением двух кадет, только что окончивших Симбирский кадетский корпус, — меня и Кости Россина[39], одного из главных героев спасения корпусного знамени от большевиков. Инструкторская рота была сформирована на другой день утром после захвата чехами Самары. Вернее, ее никто не формировал, а просто на вербовочном пункте, не помню сейчас в каком доме, на Саратовской улице, где происходила запись добровольцев во вновь формировавшуюся Народную армию, выкрикнули по списку фамилии ста человек. Всем вызванным предложили построиться в две шеренги, произвели расчет роты — разбили на взводы, назначили командный состав и, выдав винтовки, сразу же отправили на главную улицу города, Дворянскую, показывать освобожденному от большевиков населению военную мощь Учредительного собрания.

Четко отбивая шаг по асфальтовой мостовой и высоко по-гвардейски задрав винтовки, с песней «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую...» Инструкторская рота, под любопытные взоры гулявшей публики, промаршировала раза два из конца в конец главной улицы и, показав товар лицом, ушла на улицу Графа Льва Толстого, где для нее было отведено помещение, в котором всем чинам роты были выданы шинели, вероятно для того, чтобы хоть на чем-нибудь мы могли спать. Кроме сильно загаженных комнат, в этом доме больше ничего не было.

Отношение к нам, двум бывшим кадетам, остальных чинов роты было начальственно-покровительственное. Как будто мы были и на равном положении с остальными рядовыми бойцами, но начальство, по-видимому, смотрело иначе и не находило возможным тревожить господ офицеров по разным пустякам, а может быть, еще с непривычки просто стеснялось. Нас же, двух кадет, оно гоняло, что называется, «в хвост и гриву» со всякими спешными донесениями и различными поручениями. Высунув языки мы во все время дня и ночи

без отдыха бегали по городу. Конечно, за исключением тех дней, в которые рота выполняла возложенные на нее боевые задачи. Через месяц (приблизительно), когда, за нехваткой офицеров в формировавшихся частях Народной армии, было решено роту расформировать, то, как нам ни было лестно нести службу в строю офицерской роты, мы оба с Костей с облегчением вздохнули.

Поговорить со своими старыми сослуживцами мне долго не пришлось — из цепи сводной роты передали, что красных поблизости нигде не было видно. Они, вероятно, увидев прибывшее к нам подкрепление и огорченные постигшей их раньше неудачей, с потерей брошенных ими бронемашин поспешили незаметно куда-то уйти. Услышав, что красных нет, они отступили, ездовые и номера самарского орудия сразу заняли свои места на конях, передке и лафете пушки и, не дождавшись приказания своего начальства, которое опять чего-то медлило, обуреваемые возможной новой славой, одни сорвались с места и покатили как оголтелые со своей пушкой по дороге, шедшей в Окатную Мазу. Обогнали двигавшуюся к ней цепь сводной роты и первые ворвались в село. На счастье, в Окатной Мазе уже не было ни одного красного. Не встретив на своем пути никакой задержки, быстро пронеслись через все село и, выехав из него, проследовали дальше догонять отходивший отряд врага.

Начало быстро смеркаться и скоро стало совсем темно. Вдали замелькали какие-то огни. Мы уже были недалеко от соседней с Окатной Мазой деревней, узрев мерцавшие огни, моментально сняли пушку с передка и, выпустив по ним несколько еще остававшихся в передке шрапнелей, были готовы продолжать свое наступление на противника. Но неожиданно нас догнал командир орудия с сопровождавшими его несколькими кавалеристами из нашего отряда. К великому огорчению чинов самарского орудия, им было приказано не двигаться с места и ждать подхода всего отряда, двигавшегося уже в походном порядке за нами. Отряд довольно скоро подошел, и самарское орудие, влившись в его колонну, через каких-нибудь полчаса вступило в обстрелянную им деревню. Из опроса местных жителей выяснилось, что большой отряд красных при четырех трехдюймовых орудиях, отступивший из Окатной Мазы, задержался у них в деревне с намерением остаться на ночлег. Но пущенные по деревне несколько шрапнелей его спугнули, и он, подальше от греха, быстро собравшись, куда-то ушел. Не задержи порыв чинов самарского орудия, в историю Гражданской войны мог бы быть вписан интересный боевой эпизод, когда одно артиллерийское орудие, без прикрытия, по собственной инициативе бросилось преследовать от-

ходившего врага и, выбив его своим шрапнельным огнем из занимаемой им деревни, заняло последнюю.

В этой деревне остался на ночлег Хвалынский отряд белых, и его бойцы смогли провести спокойно первую ночь после непрерывного трехдневного боя с красными под Окатной Мазой.

На другой день утром, совсем еще рано, сводная рота ушла в разведку, на поиски отступавшего врага. Красные, стараясь выйти из-под удара белых, не принимая боя, быстро уходили по направлению города Вольска. Осторожно и незаметно подойдя к соседнему селу, сводная рота случайно обнаружила в нем беспечно прохлаждавшуюся, оставленную в арьергарде красную кавалерию, ту самую, которая так недавно пыталась атаковать обоз второго разряда белых на Хвалынской дороге. Окружив село, сводная рота, к большому удивлению противника, внезапно со всех сторон ворвалась в него. Застигнутые врасплох и ошеломленные такой дерзостью белых, красные кавалеристы, не оказав сопротивления, не замедлили сдаться в плен вместе со своим комиссаром. К еще большему удивлению чинов отряда капитана Касаткина, сводная рота вернулась из разведки вся сидевшая верхами на конях, держа свои винтовки со штыками, как пики, в правых руках и с развернутым красным знаменем, тоже отобранным у красных. Впереди теперь уже конных стрелков, подгоняемые их грозными окриками, уныло шли спешенные красные кавалеристы.

В это самое время главные силы белых, сосредоточенные вблизи Хвалынска, под командою полковника Махина перешли в наступление против красных по правому берегу реки Волги и, сбив противника, начали продвигаться тоже в сторону города Вольска. На второй день наступления удачным ночным налетом двух рот, не помню Вольского или Хвалынского полка, произведенным по личной инициативе их командира, в деревне Опалихе, находившейся немного в стороне от берега Волги, был взят в плен целиком весь отряд красных — 600 штыков и сабель, вместе со всеми комиссарами, которых выдали сами же красноармейцы. Комиссаров сразу повели расстреливать. Двое из них, когда их выстроили перед расстрелом в одну шеренгу, бросились бежать к находившемуся очень близко позади них лесу, и, хотя по ним открыли стрельбу из своих винтовок чуть ли не обе роты белых, им все-таки удалось благополучно добежать до него и скрыться. Сколько потом их ни искали, так и не могли никак найти.

Больше значительных сил у красных на этом направлении не было, и полковник Махин со своим отрядом беспрепятственно двигался вперед, прикрытый на своем левом фланге речной флотилией белых, состоявшей из нескольких вооруженных пушками буксирных

пароходов. Расстояние между Хвалынском и Вольском было немного больше 70 верст.

Отряд капитана Касаткина, усиленный прибывшим недавно подкреплением, имел в своем составе теперь более 600 штыков и сабель при двух трехдюймовых орудиях. Не встречая никакого сопротивления, он тоже быстро продвигался по следам уходившего противника. Стояли дни золотой осени. Высылая вперед разведку, мы все время шли в походной колонне по содержавшейся каким-то чудом в образцовом порядке шоссейной дороге, проложенной среди полей, сверкавших своей желтизной под лучами яркого солнца. Росший на них хлеб был уже весь сжат, но оставался еще на полях в мелькавших повсюду золотых копнах. Изредка кое-где попадались не успевшие еще пожелтеть небольшие участки земли, засаженные подсолнечниками. Только не теми, шелухой которых в то время была залущена вся Россия. Эти маленькие черные семечки шли только на масло и были мало пригодны для еды, что, однако, не мешало нам на остановках бегать и их срывать. Но любителей было очень немного, и наши набеги большого ущерба их владельцам не принесли.

Оторванный от главных сил, наступавших по берегу Волги, наш отряд находился на их правом фланге и, двигаясь немного окружной дорогой, должен был подойти к городу Вольску с фланга. На второй день походного марша, около обеденного времени, шоссейная дорога, по которой мы шли, сделав довольно крутой поворот, подошла совсем близко к железнодорожной ветке, верстах в четырех от станции Привольская, и в этом месте отряд остановился на привал. Не прошло и нескольких минут, со стороны Привольской показалось что-то вроде бронепоезда, состоявшего из паровоза и нескольких товарных вагонов. Обстрелянный огнем наших орудий, он дал задний ход и моментально скрылся из вида. Эта железнодорожная ветка соединяла Вольск с узловой станцией Аткарск, проходя на своем пути через небольшой уездный город Петровск. В сторону станции Привольская из отряда была выслана конная разведка, которая подозрительно быстро вернулась и донесла, что станция никем не занята. Получив такое благоприятное сообщение, отряд белых был сразу поднят с места, и мы в походной колонне пошли дальше по шоссе, которое, отойдя от железнодорожного полотна, теперь проходило среди молодого дубового леса. В голове колонны находился Самарский стрелковый батальон, но большая часть его чинов сошла с шоссе и двигалась, по-видимому из предосторожности, по обоим сторонам дороги, укрывшись в лесу. У них, вероятно, не было полной уверенности в точности донесения кавалерийской разведки и на всякий случай были приняты кое-какие меры предохранения. Позади

них в непосредственной близости двигалась артиллерия — впереди наша пушка, а за ней вольское орудие, часть обоза, дальше все остальные части и обоз второго разряда. На передке самарского орудия сидели, как полагается по уставу, его три номера — Коля Роднин, я и еще третий, фамилию которого я уже успел забыть, да это и не так важно. Эта троица обладала если не совсем приятными, то, во всяком случае, не в меру звучными голосами (два тенора и бас) и во все свои молодые глотки что было мочи орала: «Едут, поют молодцы артиллеристы, кони-красавцы землю бьют...» Шоссейная дорога, немного не доходя станции Привольская, делала небольшой поворот, дальше шла прямо на переезд и переходила на другую сторону железной дороги. С переезда она была видна вся как на ладони. Только наши пушки успели выехать из-за поворота, как со стороны переезда застучали пулеметы и загремели пушки, специально установленные на нем красными. Создавшийся невероятный шум от несшихся с воем пуль и рвавшихся над нашими головам шрапнелей внес некоторое довольно сложное замешательство в артиллерийскую колонну и обоз. Пушки срезу остановились, а обоз сделал неудачную попытку повернуть назад и сгрудился в кучу на узкой дороге. Ничего не понимая, с «молодцами» на устах, я нырнул с передка вниз и очутился в небольшой канаве для стока воды, вырытой сбоку дороги. Когда я взглянул вверх, то где-то там высоко увидел небо — оно было «с овчинку». Убедившись в правильности русской поговорки, я поднялся на шоссе. Кругом все уже успокоилось, только стояло в беспорядке, да и весь переполох продолжался не больше трех-четырех минут. Шедшие лесом самарские стрелки кинулись с криком «Ура!» в штыки на переезд. Красные от такой неожиданности, бросив свои пулеметы и пушки, пустились наутек, а ездовые стоявших тут же рядом передков, вероятно решив, что они без пушек лишняя обуза, перерубили постромки и, обогнав удиравших своих номеров, унеслись в сторону города. Станция Привольская оказалась в руках белых. Лихой атакой самарцами было взято три действующих пулемета и два совершенно исправных орудия с передками.

Несмотря на столь острые переживания, у нас совершенно не было потерь. Красные, вероятно от радости, что сумели так близко и ловко заманить белых, сильно волновались и взяли слишком высокий прицел — весь их возможный успех пролетел над нашими головами. У них же на переезде осталось лежать несколько убитых красноармейцев. Пехота белых, пройдя станцию Привольская, продолжала цепями продвигаться в сторону города, находившегося от станции в 2—3 верстах, а наши две пушки стали на позицию недалеко от нее на большой поляне. Едва мы успели осмотреться, как

около позиции и все ближе и ближе к ней начали рваться снаряды, но какие-то подозрительные. Раньше таких нам еще никогда не приходилось видеть. Не было того обычного взрыва, от которого всегда вверх летели столбы осколков и земли. Эти, ударившись о землю, лопались как-то особенно нежно и выпускали из себя довольно большой клубок желтовато-грязного дыма, который, гонимый ветром, быстро полз по земле, распространяя едкий неприятный запах. Батарея красных, стоявшая на позиции где-то вблизи города, возможно желая поздравить своего противника с блестящей победой, стреляла химическими снарядами, от которых у него не было никакой защиты. Снаряды ложились очень аккуратно, что показывало, что красные артиллеристы прекрасно видели наши пушки со своего наблюдательного пункта. Запах хлористого газа, шедший от рвавшихся снарядов, сразу привлек внимание нашего начальства и заставил его поторопиться отдать приказ орудийным номерам обоих орудий немедленно отойти от них и укрыться в довольно глубоком овраге, находившемся немного позади позиции, на которой стояли пушки. Но обстрел как-то быстро прекратился. По всей видимости, наступавшая на город наша пехота спугнула красную батарею с ее позиции, а другой она еще не успела найти.

Предварительно дав немного проветриться воздуху около пушек, мы вылезли из оврага и подошли к ним. Недалеко справа от нас опять разорвался снаряд. За ним второй, третий... и начался обстрел нашего расположения шестидюймовыми снарядами, летевшими откуда-то со стороны Волги, где по соображениям нашего начальства должны были находиться главные силы белых, наступавших по берегу с полковником Махиным. Туда немедленно был послан конный разъезд, и обстрел скоро прекратился. Стреляли с судов речной флотилии белых из шестидюймовых гаубиц, которыми некоторые из них были вооружены, по приказу полковника Махина: обстрелять станцию Привольская. Немного погодя, минут через тридцать, как обычно, на тройке прилетел и сам полковник Махин. О чем он говорил с нашим командованием, для нас, мелкой сошки, так и осталось неизвестным. Только потом мы все же узнали, что он был сильно поражен, как наш отряд, идя дальнею дорогою, успел обогнать его главные силы, быстро подойти к городу Вольску, выбить из него противника и его занять. Наша пехота была уже в городе, а отряд полковника Махина дошел только до села Терса, лежавшего на берегу Волги в 6 верстах от Вольска. Махин приказал капитану Касаткину, ввиду малочисленности его отряда, вывести на ночь все его части из города и сам уехал обратно в Терсу. Наша пехота вернулась на станцию Привольская.

На другой день утром главные силы белых во главе с полковником Махиным вступили в город, а мы попали туда только после обеда и дошли до находившегося на самом краю города, в сторону станции Привольская, здания Вольского кадетского корпуса, в котором и расположились. В нем уже находилась наша 2-я Самарская батарея, и мы, наконец, с ней соединились. Здание кадетского корпуса до прихода белых было никем не занято и блестело снаружи и внутри идеальной чистотой. Немного спустя мы узнали, что красные незадолго до захвата города белыми, вероятно чтобы не ударить в грязь лицом, мобилизовав всех вольских буржуев, заставили их произвести генеральную чистку здания корпуса.

Ночь чины 2-й Самарской батареи провели в портретном зале корпуса и, конечно, оставили после себя кое-какое воспоминание на чисто натертом вольскими буржуями полу. Простояли занявшие город белые части в Вольске немного более суток и двинулись дальше догонять красных по двум направлениям — полковник Махин с главными силами его отряда опять по берегу матушки-Волги, а отряд капитана Касаткина, имевший теперь в своем составе всю 2-ю Самарскую батарею, по линии железной дороги в сторону Аткарска.

Отряд полковника Махина, даже в самый его расцвет, никогда не превышал 3000 штыков и сабель и имел в своем составе только полроты чехов, пришедших к нам под Окатной Мазой. Несли потери, а резервов никаких не было. Дрались с большевиками, надеясь больше на Провидение Свыше. Красные в Саратове, собрав сильный кулак, во много превосходивший силы белых, перешли в контрнаступление. Белые уже находились в 60 верстах за Вольском вниз по течению реки Волги. Произошел встречный бой, в котором белые понесли поражение. Одна из самарских батарей, не помню 4-я или 5-я, в этом бою потеряла все свои орудия. Хотя на дворе стояла золотая осень, но для белых настали черные дни — началось отступление. Отряд капитана Касаткина, болтавшийся на линии железной дороги, еще не имел крупных столкновений с красными, но тоже должен был повернуть назад. 13 сентября почти без сопротивления был оставлен белыми город Вольск, вскоре за ним и Хвалынск. На фронте шли только небольшие арьергардные бои. Сдерживать красных не имелось достаточно сил. Белые отходили и по правому берегу Волги к Сызрани. Немного не доходя до нее, под деревней Ореховкой, полковник Махин, собрав все свои последние силы, сделал последнюю попытку и дал шедшим по его пятам красным бой, который продолжался три дня. Среди черных дней белых на мгновение блеснул яркий свет — красные были разбиты. Части полковника Махина перешли в наступление,

и их разъезды были опять под Хвалынском, но было поздно и не нужно. Со стороны Сызрани и Самары шли дурные вести. Белые везде отступали. Этим городам, лежавшим в тылу у Махина, создавалась угроза быть в любой момент захваченными быстро наступавшими красными, а отряду Махина быть совершенно отрезанным от своих. Невзирая на так дорого доставшийся успех, пришлось спешно отходить к Сызрани. Все рушилось. Боевой дух отряда стал угасать.

Когда подошли к Сызрани, из нее уже все спешно эвакуировалось. Красные стояли почти у всех дверей города. Сопротивляться им никто особенно не пытался. Все старались поскорей перебраться на самарскую сторону Волги. В Батраках на железнодорожном мосту через Волгу творилось что-то невероятное. Бесконечной вереницей по нему шли эшелоны вперемежку с обозами воинских частей, беженскими повозками и батареями артиллерии белых. Все это плелось черепашьим шагом с надеждой поскорее куда-нибудь уйти от надвигавшегося красного ужаса. Большинство начальников растеряли свои части и почти все были предоставлены самим себе. Только справа от железнодорожного моста, недалеко от станции Батраки, на самом высоком берегу реки Волги, еще стояла на позиции, стараясь прикрыть всеобщий отход, 2-я батарея 2-й Сызранской стрелковой дивизии, поставив свои пушки дулами в разные стороны и не зная, куда стрелять. Везде были красные. И немного правее батареи находился Башкирский полк белых, кажется единственная часть, остававшаяся еще в арьергарде. Подошедшие части отряда Махина, влившись в этот хаос, с ним смешались и почти растворились в нем.

Артиллерия красных, пытаясь задержать спешивших поскорее убраться белых, обстреливала подступы к мосту. От их снарядов загорелись большие штабеля дров, сложенных по обе стороны станции Батраки, освещая как днем картину исхода. 2-я Сызранская батарея, дождавшись, когда мало кто уже оставался на этом берегу, тоже снялась со своей позиции и подошла к мосту, который теперь находился под обстрелом красной артиллерии, но перейти по нему с пушками уже не представлялось возможным. На нем получился затор. У какой-то самарской батареи на самой середине моста провалились между рельс орудие с передком и так крепко застряли, что вытащить их быстро не было никаких сил, да и было всем некогда — все спешили скорее перейти на другую сторону реки.

Испортив свои орудия, сняв с них замки и панорамы, чины 1-й Сызранской батареи, медленно обходя сбоку застрявшие на мосту поезда, из вагонов которых в панике выскакивали и бежали беженцы, благополучно перешли на другую сторону Волги. Среди беженцев от

рвавшихся над мостом шрапнелей противника было много убитых и раненых, на которых мало кто обращал внимание, оставляя их без всякого присмотра. На другой стороне реки тоже не было никакого порядка. Первое, что бросилось в глаза батарейцам, это одиноко стоявшие на позиции, слева от моста, брошенные своей прислугой четыре вполне исправные 42-линейные дальнобойные пушки. Куда девались чины этой батареи, никому не было известно. Немного позднее все же нашлись сердобольные люди и эти пушки, но, кажется, только две, были погружены на платформу и доставлены в Самару. Проходя мимо железнодорожной станции в Самаре, я видел платформу, на которой, разукрашенные черепами и надписями «С нами Бог и атаман», красовались эти две пушки. Как они попали к анненковцам — никто не знал. Поговаривали, что они отцепили их от какого-то эшелона.

Остававшийся в арьергарде Башкирский полк не успел вовремя подойти к мосту, был от него отрезан красными и прижат к берегу Волги. Пытаясь переправиться, кто на чем, через реку, весь погиб. Рано утром 4 октября саперами были взорваны два пролета моста, и белые наконец оторвались от наседавшего со стороны Сызрани противника. Но и на самарской стороне Волги положение перебравшихся туда было не из блестящих. Со стороны Николаевского уезда сильно нажимали части красного полководца Чапаева, старавшиеся выйти к железной дороге и отрезать белых от Самары. Слева от полотна доносилась артиллерийская канонада, там, вероятно, все еще находились кое-какие воинские части белых, пытавшиеся сдержать порыв Чапаева. Ему несколько раз удавалось прорваться, и он доходил почти до линии железной дороги, но был отбит чехами и белыми, не успевшими еще окончательно потерять способность воевать в общей неразберихе. На станции Ивашенково, лежавшей на пути отступавших, вспыхнуло восстание, поднятое рабочими находившегося там завода взрывчатых веществ, решивших не пропустить белых, но было быстро потушено подоспевшими чехами.

Невзирая на все встречавшиеся на пути препятствия и отсутствие всякого порядка, отошедшим от Сызрани воинским частям и беженцам удалось, почти всем, добраться до Самары, в которой снаружи все еще пока было спокойно. Но все знали, что и ее участь решена. Защищать ее от наседавших со всех направлений красных было некому. Шла спешная эвакуация — вывозили главным образом золотой запас, взятый отрядом полковника Каппеля под Казанью, и всевозможные тыловые управления и учреждения с присосавшейся к ним публикой.

Когда, за день до окончательной сдачи Самары, я случайно утром забежал на вокзал, то он до отказа был набит ждавшими очереди

погрузки в эшелоны. Что меня немножко поразило, в этой толчее было много не старого мужского населения города Самары и среди них немало молодых военных. Управление 1-го отдельного Самарского артиллерийского дивизиона, к которому принадлежала 2-я Самарская батарея, покинуло Самару и пошло походным порядком в сторону станции Кинель в 11 часов вечера 7 октября. В городе еще оставались кое-какие воинские части белых, но на улицах уже можно было встретить разгуливавших с красными бантами господ. На них никто не обращал никакого внимания.

Сильно потрепанные, но сумевшие привести себя в порядок, никем не поддержанные воинские части Народной армии уходили с Волги походным порядком на восток, только материальная часть ее артиллерии (и то не вся) была погружена в поезда. Шли медленно с арьергардными боями по двум железнодорожным направлениям — на Уфу и на Оренбург. На Волге все было кончено. Если бы все те находившиеся в поездах, спешившие на восток укрыться от красного ига в дебрях Сибири случайно повернули на запад, то совсем неожиданно белые могли бы очутиться в Москве.

В. Лебедев[40]

БОРЬБА РУССКОЙ ДЕМОКРАТИИ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ[41]

К концу апреля 1918 года положение России было следующее. Большая часть русского населения поняла, что большевизм губителен для нее, и начала активно выступать против большевиков.

Собственно говоря, это было понято гораздо раньше и были отдельные активные протесты, но широкого общественного движения в этом роде еще не было. Широкое общественное движение началось в той самой среде, которая послужила главной поддержкой большевикам в их перевороте, то есть в рабочей среде, а именно к весне 1918 года рабочие массы Петрограда выступили с ярким и резким протестом против всей политики Совета народных комиссаров. К этому времени петроградские заводы начали испытывать резкий кризис вследствие того, что большевистское хозяйничанье в корне убило всякую возможность организованной промышленности, а также и вследствие того, что с захватом немцами наших южных областей — Донецкого каменноугольного бассейна и Украины — прекратился подвоз не только пропитания, но и всех тех сырых материалов, которые необходимы были для продол-

жения работы на заводах. Рабочая масса, состоявшая главным образом из пришлых из деревни людей, не связанная с рабочим классом никакими кровными интересами, пришедшая из деревни только на время войны, неразвитая и неграмотная, хлынула к себе обратно в деревню; в Петрограде же осталась лучшая часть пролетариата, наиболее сознательная, та часть его, существование которой самым тесным образом связано с организованной промышленностью. К этому времени из 400 000 с лишком рабочих, составлявших рабочее население во время войны, осталось приблизительно 132 000 наиболее сознательных квалифицированных рабочих. На эти 132 тысячи около 100 тысяч не доверяли политике Советов. Не доверяли их политике и матросы минной дивизии, стоявшей в это время на Неве. В матросской среде также быстро наступило отрезвление, особенно когда они увидели, что опасность, принесенная большевиками, грозит не только целости России, но и целости тех остатков флота, которые удалось сохранить. Матросы несколько раз уже выступали в Петрограде с требованием отставки Совета народных комиссаров и даже подготовляли организованное выступление совместно с другими протестующими элементами против Советов. Но рабочие не могли протестовать в том учреждении, которое говорило якобы от их имени, то есть в Совете рабочих депутатов, ибо Совет, несмотря на короткий срок, успел выработать такие методы выборов, за которыми нельзя было угнаться никаким архибуржуазным государствам, и поэтому, не имея возможности добиться на общих перевыборах в Совет согласия не посылать туда своих депутатов, рабочие решили устроить организацию, параллельную Советам, и в апреле месяце 1918 года созвали так называемую «Конференцию уполномоченных от рабочих от заводов и торгово-промышленных предприятий города Петрограда и его окрестностей». Эта конференция представляла собой с лишком 100 тысяч рабочих, на общее количество 132 тысяч человек, бывших в это время в Петрограде. Конференция протекала бурно и, несмотря на все попытки большевиков сорвать ее, вынесла резолюцию — «наказ» — к рабочему классу всей России, в котором в ярких красках описывалось все несчастье, обрушившееся на Россию, и весь тот вред, который Совет народных комиссаров и большевистская политика принесли России. Этот наказ, написанный в яркой и красивой форме, был внутренним криком души отчаявшегося, обманутого и преданного народа. В нем говорилось, что большевики обещали всеобщий демократический мир, а вместо этого дали унижение и позор Брест-Литовского мира и жесточайшую Гражданскую войну на бесчисленных внутренних русских фронтах; что они обещали народу хлеб, а вместо этого дали голод; что они обещали свободу, а принесли с собой

жесточайший произвол, уничтожили свободу слова, свободу собраний, свободу личности; что они обещали народу честный созыв Учредительного собрания, а вместо этого убили всякое проявление самоуправления и народовластия, разогнав все земские и городские самоуправления. Наказ заключался требованием немедленной отставки Совета народных комиссаров, передачи всей власти Учредительному собранию и приглашал всех рабочих России действовать дружно. Была избрана специальная делегация к рабочим города Москвы для того, чтобы и Москва начала подобное же движение. Эта делегация приехала в мае месяце в Москву, и среди рабочих Москвы, и без того волновавшихся, началось очень сильное брожение, которое закончилось созданием подобной же конференции рабочих города Москвы. Советская власть пыталась арестовать делегацию, но была принуждена отказаться от этого под давлением московских рабочих. В то же самое время появилось аналогичное воззвание железнодорожников, в котором указывалось на то, что в скором времени железные дороги будут принуждены остановиться, если подобная политика будет продолжаться, и точно так же требовалась передача всей власти Учредительному собранию и отставка Совета народных комиссаров. В ряде городов в связи с этим начались сильные рабочие беспорядки. В Колпине большевики были вынуждены расстреливать рабочих; в Сормове, около Нижнего Новгорода, произошли аналогичные расстрелы рабочих.

Между тем крестьянство внутренней России, голодающее, не имеющее подвоза ни из Украины, ни из других богатых хлебом мест, стало, в свою очередь, сильно волноваться. В ряде губерний произошли беспорядки. Эти беспорядки были в губерниях: Смоленской, Воронежской, Тверской, Тамбовской, Рязанской и Московской. Были восстания и так называемых солдат-фронтовиков в Самаре, Саратове и иных городах Поволжья. В Самаре и Саратове восставшим удалось захватить на несколько дней в свои руки власть, но, ввиду того что движение это было не организованное, а чисто стихийного характера, большевикам не стоило большого труда его подавить. Союз солдат-фронтовиков состоял из солдат, главным образом уроженцев занятых немцами губерний, не желавших после Брест-Литовского мира сложить оружие и образовавших свой союз под предлогом несения нейтральной караульной службы главным образом в приволжских городах. Большевики не хотели вступать с ними в конфликт и оставили их на службе, и при каждом удобном случае эти солдаты восставали.

В ряде городов началось сильное движение в рядах самой Красной армии. Как известно, большевики очень недоверчиво относились к тем вооруженным силам, на которые они опирались. Так, в Петрограде

Октябрьский переворот был произведен матросами и некоторыми гвардейскими полками города Петрограда. Через несколько недель эти полки, которым перспектива Брест-Литовского мира казалась позорной, были уже разоружены. Из 1-го контингента Красной гвардии наиболее сознательные рабочие ушли сами. То, что пришло потом, в свою очередь, постепенно разоружалось большевиками, и Красная гвардия превращалась в Красную армию. Многие части Красной армии, в свою очередь, разоружались; матросы минной дивизии были разогнаны также. В конечном итоге большевиками выработался особый вид наемной армии, состоявшей из военнопленных, главным образом мадьяр, китайцев, работавших раньше на Мурманской железной дороге, латышских частей, примкнувших почти целиком к советской власти, и подонков русского населения, польщенных громадными деньгами, которые платила им советская власть, легкостью службы, привилегированным положением и, главным образом, возможностью хорошего питания, ибо все это время вся внутренняя Россия страшно голодала и только Советы и Красная армия роскошествовали и получали прекрасный паек. Кроме этих сил, активно протестовавших против большевиков, были силы интеллектуальные. Против большевиков протестовали и все партии, начиная от партии с.-д. меньшевиков и соц.-революционеров и кончая всеми остальными русскими партиями, за исключением, конечно, левых с.-р. и большевиков-коммунистов.

В это самое время наметился и уже образовался блок, которому суждено было сыграть в истории возрождения России такую большую роль. Это Союз Возрождения России, состоявший из центра и левого крыла партии народной свободы (к.-д.), из правого крыла наиболее государственных элементов партии с.-р., партии народных социалистов, группы «Единство» Плеханова и всех беспартийных демократических элементов, одним из наиболее ярких представителей которых был генерал Болдырев. Это большое государственное новообразование, знаменующее собой объединение руководящих элементов русской государственной жизни, было в официальных сношениях с союзниками и вело переговоры о восстановлении общесоюзного фронта в России для борьбы с Германией и с теми, кто мешал этой борьбе и кто заключил позорный Брест-Литовский мир.

Кроме Союза Возрождения, раскинувшего свою сеть по всей внутренней России, были и другие новообразования, как Национальный центр, состоявший из элементов более правых, левый фланг которого тоже был, насколько мне известно, в официальных сношениях с союзниками. Помимо всего этого, во всех больших центрах России были беспартийные офицерские организации, готовившиеся к открытой

борьбе с большевиками. Большинство этих беспартийных офицерских организаций работали в тесной связи с организациями соц.-революционеров, перешедших к этому времени уже на нелегальное положение. Часть этих офицерских организаций находилась под руководством бывшего военного министра в кабинете Керенского, Б.В. Савинкова, который тоже был в постоянных сношениях с представителями союзников.

В конце мая месяца состоялся Совет партии соц.-революционеров, который был арестован большевиками, но большей части его членов удалось ускользнуть. Этот Совет вынес резолюцию о необходимости открытой борьбы всеми средствами с большевистской властью, передачи всей власти Учредительному собранию, уничтожения Брест-Литовского мира и восстановления общесоюзного фронта в России. Вслед за этим произошел съезд партии к.-д., принявший приблизительно ту же самую программу. Таким образом, к концу мая месяца Россия представляла из себя страну, готовую вполне к борьбе с большевизмом, но совершенно безоружную, дезорганизованную и находящуюся под террором большевиков, опирающихся на наемные войска. Все ясно понимали, что большевистская власть сама по себе не может долго продержаться, но нужен был какой-то толчок, какая-то внешняя сила, вокруг которой и под прикрытием которой могла бы сформироваться национальная сила.

Такой силой могло явиться или уральское казачество, ведшее уже в течение 3 месяцев самую ожесточенную борьбу против большевиков на Урале, или армия генерала Алексеева, находящаяся на Юге России, или же союзные войска, которые должны были высадиться на днях, как нам говорили представители союзников, и во Владивостоке, и в Архангельске, или же образованием для такой национальной силы могло послужить удачное восстание где-нибудь подальше от центра политической жизни; предполагалось, что такое восстание имело больше всего шансов произойти на Волге, ибо непосредственно в тылу восставших находилось бы уральское и оренбургское казачество. Уральское казачество являло, само собой, самый совершенный тип движения такого рода, ибо, будучи весьма демократическим и объединенным в своих действиях, оно вело успешную борьбу вот уже с лишком три месяца, пользуясь колоссальным сочувствием всего населения. Достаточно сказать, что там произошла частичная мобилизация (всеобщая была решена, но не могла быть осуществлена, потому что не было оружия), что там прошли очень успешно внутренние займы и во главе всего движения стояло объединенное правительство. Как раз в это время все элементы, в том числе и соц.-

революционеры, протестующие против большевиков, решили переправляться сами и переправлять все офицерские партийные и добровольческие организации на Волгу для осуществления этого плана, о чем были поставлены в известность и союзники, выработавшие вместе с представителями этой организации целый план создания Волжского фронта, который должен был быть базой в дальнейших операциях против Германии и ее союзницы — советской власти.

В конце мая мне пришлось ехать в качестве особоуполномоченного от этих общественных организаций на Волгу и дальше на Уральск, именно для ведения этой борьбы. Как раз в это время в Пензе и Ртищеве произошли первые бои чехословаков, вызванные знаменитым приказом Троцкого об их разоружении и не пропуске во Владивосток. 8 июня чехословацкие эшелоны подошли к Самаре. Сызранские рабочие, несмотря на приказ Троцкого и противодействие своего Совета, решили пропустить чехословаков дальше, и часть их эшелонов прошла за Самару; большая их часть прошла даже за Уфу, когда получился новый приказ Троцкого, приказывающий во что бы то ни стало остановить их движение. В Самаре был сосредоточен штаб так называемого Урало-Оренбургского фронта, и войска в количестве приблизительно около 8 тысяч человек, бывшие там, вышли навстречу чехословакам с целью преградить путь их последним эшелонам, находившимся под командой полковника Чечека. Эти эшелоны состояли из 1-го, 4-го и запасного чехословацких полков. В самой Самаре существовала довольно сильная беспартийная офицерская организация, главой которой являлся артиллерийский полковник Галкин. Эта организация находилась в самом тесном контакте с нелегальной группой партии с.-р., во главе которой стояли пять членов Учредительного собрания, случайно находившиеся в Самаре. Эти члены были: Вольский, Брушвит, Климушкин, Нестеров и Фортунатов. В то время как чехи дали бой под Самарой превосходившим их численностью и особенно вооружением и артиллерией советским войскам, эти две организации выступили в Самаре, и таким образом совместными усилиями чехословаков и наших русских сил советская власть была уничтожена.

Нельзя не отдать должного героизму чехословаков, побивших лучшие большевистские войска, в том числе матросский батальон, вооруженный массою пулеметов и всевозможной артиллерией, в то время как у чехословаков не было ни того ни другого. 8 июня советская власть была свергнута в самой Самаре, и в тот же день было приступлено к созданию правительства и формированию армии.

По единогласному решению всех политических партий и общественных организаций власть была вручена членам Учредительного

собрания, составившим Комитет членов Всероссийского Учредительноо собрания, с тем условием, чтобы по мере прибытия других членов Учредительного собрания в Самару они автоматически входили бы в это правительство. Исключение было сделано для членов Учредительного собрания от партии большевиков и левых эсеров. Эти партии Комитетом членов Учредительного собрания были объявлены партией государственной измены.

Новая армия строилась на следующих основаниях: добровольное вступление в ее ряды сроком на 3 месяца. Ввиду отсутствия каких бы то ни было денежных средств — жалованье весьма ничтожное — 15 рублей в месяц, как солдатам, так и офицерам, на всем готовом. Эта деталь особенно характерна, ибо она указывает на высокую степень патриотизма и честности у тех, кто шел в такую трудную минуту в армию, собственно говоря, окруженную со всех сторон превосходящими большевистскими силами, не руководствуясь никакими корыстными мотивами, в то время как большевики буквально закупали совесть своих солдат бешеным жалованьем.

В армии вводилась строгая дисциплина, никаких комитетов и комиссаров, беспрекословное исполнение всех приказов и военно-полевой суд для не исполняющих таковых. 8 июня было положено начало формированию этой армии, а 15 июня она, совместно с ротой чехословаков, уже взяла с боем у противника город Ставрополь, и, таким образом, в распоряжении нового правительства был небольшой кусок Волги и возможность судоходства на ней.

С первых же дней формирования армии на Волге начала формироваться боевая флотилия, состоявшая из вооруженных буксиров. Буксиры эти вооружались как трехдюймовыми орудиями, так и пулеметами, причем и для тех и для других делались прикрытия, иногда бетонированные. Эти буксиры уже 15-го числа участвовали в боях при взятии Ставрополя.

Одновременно продолжалось движение чешских частей и войск новой армии, названной Народной армией, в смысле «народно-национальная», по всем направлениям к Уралу для соединения с уральским казачеством, по направлению к Бузулуку для соединения с оренбургским казачеством, к Оренбургу по направлению к Уфе для соединения с чешским эшелоном, бывшим восточнее Уфы, и по направлению к северу от Ставрополя для отражения большевистских сил, наступавших с севера. Таким образом, и формирование, и самые сильные бои происходили в одно и то же время. Числа 15—16-го большевики оставили город Сызрань под влиянием слухов о том, что чехословаки и Народная армия намерены двинуться на

Сызрань. Советская власть в Сызрани, несмотря на громадное превосходство вооруженных сил, стала готовиться к эвакуации, и в одно прекрасное утро, в ничем не объяснимой панике, большевики сами покинули город. Правда, положение этой власти в Сызрани было очень тяжелое, ибо сызранские рабочие, особенно железнодорожники, были враждебно настроены по отношению к ней.

После того как благодаря настоянию рабочих сызранский Совет был принужден пропустить чехословаков за Сызрань, советская власть, состоявшая в буквальном смысле слова из уголовных элементов, решила отомстить рабочим, и 23 человека наиболее видных рабочих города Сызрани вместе с председателем профессиональных союзов и железнодорожного союза были заключены в тюрьму. Накануне своего внезапного ухода из Сызрани эти 23 человека были перевезены из тюрьмы в подвал винного склада — небольшое помещение, приблизительно 5 шагов в ширину и 5 шагов в длину, где они и были расстреляны. Ввиду того что советские солдаты отказались произвести это ничем не обоснованное убийство, председатель революционного совета Емельянов, комиссар юстиции Лазда, член революционного трибунала Контримович и член совета и комиссар Фролов вместе с двумя мадьярами стреляли в упор в этом небольшом подвальном помещении в кучку беззащитных людей. Шесть человек были или тяжело ранены, или случайно остались невредимыми под 17 свалившимися на них трупами их товарищей. Весьма понятно, какой ужас и какое озлобление вызвало это зверское убийство в рабочей среде, и поэтому, когда бежавшая советская власть попробовала вернуться в Сызрань, рабочие и железнодорожники вместе с населением города, вооружившись чем попало, вышли за стены города и дали такой жестокий отпор большевистским войскам, что те принуждены были отступить, а сами они немедленно послали делегацию в Самару, прося прислать представителей нового правительства и вооруженную помощь несчастному городу.

Правительство послало меня, прибывшего как раз 13-го числа в Самару в качестве своего представителя и военного ведомства, с неограниченными полномочиями как по гражданской, так и по военной части. Вместе с тем туда же было послано небольшое количество вооруженных сил, состоявших из роты чехословаков и двух рот Народной армии. Большего послать мы не могли, ибо приходилось сражаться, как я уже говорил выше, на нескольких направлениях. Сызранское население нас встретило необычайно радушно. Рабочие и состоятельные классы населения с готовностью несли пожертвования, — было ассигновано 550 тысяч на формирование Народной армии, — и за-

писывались в добровольческие полки. Железнодорожниками также были образованы особые железнодорожные дружины, к несчастью мало устойчивые вследствие отсутствия организации и достаточного времени для правильной организации, ибо они были принуждены в то же время и драться. Сил, которыми мы располагали в Сызрани, настоящих дисциплинированных сил, было всего 400 человек, тогда как большевики выставили для обратного взятия во что бы то ни стало Сызрани 4 тысячи человек под командой знаменитого полковника Муравьева, того самого главнокомандующего всеми силами большевиков, который брал в свое время и уничтожал Одессу, Киев и другие города южной России и который стоял во главе всех большевистских войск во время Октябрьского переворота.

Большевистские войска, состоявшие под Сызранью главным образом из мадьяр, китайцев и латышей, с небольшим сравнительно количеством русских красноармейцев, были прекрасно вооружены артиллерией, чего у нас было очень мало. Поэтому, превосходя нас в 10 раз количеством вооруженной силы, они производили атаки на наши небольшие части, выставленные заставами на железных и грунтовых дорогах с таким расчетом, чтобы мешать большевикам бомбардировать тяжелой артиллерией город Сызрань. Вполне понятно, что, не имея подкрепления, эти части были постоянно охватываемы большевиками и мало-помалу под сильным артиллерийским огнем и натиском превосходящих сил были принуждены отступить к городу. Такое положение длилось приблизительно 14 дней и привело в состояние полного изнеможения наши части.

К этому времени у нас уже произошло соединение с оренбургским казачеством, имевшим свой собственный Орский и Актюбинский фронт, и с уральским казачеством, имевшим также свой собственный Уральский фронт, и таким образом образовался еще новый фронт, к югу от Самары, — Николаевский фронт, не говоря уже о фронте Ставропольском. К этому же времени пала Уфа. Падение ее произошло следующим образом: во главе всех большевистских сил города Уфы стоял подполковник Генерального штаба, оренбургский по происхождению, Махин, принявший от большевиков эту должность с разрешения Центрального комитета партии с.-р., с тем чтобы дезорганизовать советские войска и в нужный момент способствовать их поражению. Поэтому, когда чехи подошли к Уфе, Махин, вместе с набранным им штабом, дезорганизовав под конец всю защиту Уфы, скрылся, и большевистские войска оказались без какой бы то ни было команды и принуждены были уйти из Уфы, и неприступная цитадель, каковую представляла собой расположенная на горе и окруженная со всех сто-

рон водой Уфа, пала без боя. Таким образом, в начале июля значительная часть заволжской территории освободилась от советской власти и вместе с тем образовалось несколько фронтов и несколько армий, требовавших объединения командования в одних руках.

Силы, которые боролись на освобожденной от большевиков территории, были следующие: Народная армия, чехословацкие части, оренбургское казачество и уральское казачество. В политическом отношении вся эта территория подчинялась Комитету членов Учредительного собрания, сохраняя, конечно, за уральским казачеством и оренбургским войсковым кругом автономию в их казачьих делах. В военном отношении было решено поставить во главе всех этих вооруженных сил чешского военачальника, как представителя наилучше организованных и пользующихся громадной любовью и популярностью среди населения войск. Таковым был избран начальник 1-й Чешской Гуситской дивизии полковник Чечек, вскоре произведенный в генерал-майоры. В административном отношении во главе всего военного аппарата было поставлено военное министерство, находившееся под руководством полковника Галкина и его помощников — меня и Взорова.

Ввиду того что добровольчество не могло дать результатов, необходимых для защиты такой большой территории, и ввиду того что население предпочитало мобилизацию, было решено объявить мобилизацию, и декретом правительства от 5 июля был объявлен призыв в ряды Народной армии всех родившихся в 1897-м и 1898 годах.

Ввиду критического положения города Сызрани мною 3 июля эта мобилизация была уже объявлена, с тем чтобы 6 июля она была закончена. Население охотно откликнулось, и все мобилизованные по городу Сызрани в количестве двух с половиной рот к 6 июля вечером были уже в казармах.

7 июля, после первых учений, они уже вышли на позиции, но в этот же день вечером наши измученные части отступили в самый город и перед нами встала дилемма: или принять бой в степях Сызрани, что было обречено на верную неудачу, и потерять вместе с городом все те силы, которые нам удалось сорганизовать, а также и мост через реку Волгу, являвшийся для нас совершенно необходимым для дальнейшего движения во внутреннюю Россию, или же уйти из города, оставив его во власти большевиков, с тем чтобы потом попытаться взять его снова. Как ни было тяжело последнее решение, пришлось скрепя сердце принять его, и в ночь на 7 июля мною было приказано очистить город.

Женщины и старики тех семейств, которым угрожала большевистская резня, иначе говоря — большинство рабочих и все так называ-

емые интеллигентские и буржуазные семьи покинули город. Вместе с войсками ушло почти все рабочее население Сызрани, и войска укрепились на позиции у Батраков, в 4 верстах от города.

8 июля утром большевистские войска вошли в город и немедленно же принялись за грабеж несчастного города. Женщины и старики, которым удавалось в это время уйти из города, прибегали к нам и рассказывали о том, что творилось в городе. И вполне понятно настроение мобилизованных и рабочих Сызрани, бывших с нами на позиции, при этих рассказах. Они все рвались в бой и требовали немедленной атаки. Но большую часть тех немногочисленных подразделений, которые защищали Сызрань, пришлось отправить на отдых в Самару ввиду их безумной усталости, а из Самары, им на замену, пришли батальон 1-го чехословацкого полка и часть Народной армии под командой подполковника Генерального штаба Каппеля, к тому времени уже известного вождя Народной армии, простиравшей свои действия в районе Ставрополя, Климовки и Новодевичьего. В общем, вместе с рабочими и мобилизованными города Сызрани наши силы составляли около 2 тысяч человек, причем отряд Каппеля, как посланный в глубокий обход на железную дорогу, в самой атаке города не участвовал. В атаку города пошло не более 1500 человек против тех 4 тысяч, которые были в Сызрани.

10-го утром атака началась, и это было чудесное зрелище, когда в лучах восходящего солнца атакующие части огромным полукругом охватили город и на расстояние $3^1/_2$ верст с криком «Ура!» бежали в штыковую атаку. Отряд меньшевиков, железнодорожные рабочие, мобилизованные части Народной армии, добровольческие роты и чехословаки — все это соперничало в своем порыве и мужестве. Люди на перебежках оставались стоять во весь рост и выдерживали ужаснейший огонь пулеметов и артиллерии, не отвечая выстрелами, и, когда я спрашивал мобилизованных, почему они не стреляют, они отвечали: «Ведь там наши родные, и мы не можем стрелять».

В 9 часов утра мы на плечах большевиков уже вошли в город. В городе нам представилась ужасная картина. Уже на передовых позициях в патронных двуколках мы находили странные вещи: дамские ботинки, шляпки, граммофоны, фотографические аппараты. В городе во всех больших зданиях — в нашем бывшем штабе и штабе большевиков — образовались склады награбленного: горы носильного платья, белья, всевозможных товаров, серебряных и золотых вещей.

Жители рассказывали, что, войдя в город, большевики немедленно начали громить магазины и квартиры железнодорожных рабочих и всех состоятельных людей. И действительно, все было разбито. На

станции мы захватили поезд, груженный награбленным. Те наивные рабочие, которые, сочувствуя нам, остались все же в городе, были расстреляны.

В моих руках было оригинальное донесение одного из командующих матросским батальоном, в котором он говорил, что он не потерпит, чтобы его солдаты в Сызрани арестовывались, в то время как все остальные части войска грабят город. «Если это будет продолжаться, — добавляет он, — то я введу и своих солдат в город для того, чтобы и они могли принять такое же участие».

Бои под Сызранью были характерны тем обстоятельством, что здесь воочию произошло столкновение подлинных народных сил с наемными войсками большевиков. Действительно, 10-го утром к городу бежали с криком «Ура!» рабочие, крестьяне, интеллигенция, все политические партии, за исключением советских, в то время как в городе находились латыши, мадьяры, китайцы и красноармейцы, грабившие свой собственный город.

Это сравнение невольно бросалось в глаза, и каждому было ясно, с кем народ и кто против народа. Успех Сызрани, точно так же как и успех на всех остальных фронтах, поставил перед нами вопрос, что делать. В это время в Самару прибыл военный французский агент при чешском национальном совете комендант Альфонс Гине, который на общем собрании военных руководителей заявил нам, что согласно союзному плану нам необходимо продолжать наши завоевания на Волге, для создания и удержания в своих руках Волжского фронта до той поры, пока не подойдут союзники, а союзники, по его словам, должны были подойти очень скоро. Это вполне отвечало тому плану, который был выработан союзными и русскими организациями в Москве и по которому волжский плацдарм, приблизительно от Казани до Саратова, и Северный фронт у Вологды должны были быть созданы возможно скорее. Это подтверждалось тем обстоятельством, что мы знали о высадке союзных войск в Мурманске и Архангельске, об их боях в направлении Вологды и о прокламации американского посла Френсиса в Архангельске, в которой он призывал русский народ к борьбе против большевиков, обещая им помощь всех союзников.

Альфонс Гине сказал нам, что в целях союзников и России нам необходимо торопиться со взятием городов Симбирска, Казани, а также и Саратова. Кроме того, Симбирск был нам очень важен потому, что там был единственный патронный завод, то есть именно то, чего у нас не хватало.

Я не могу здесь не отметить исключительной трудности и исключительного геройства, с которым чехословацкие части и части новой

Народной армии выполняли свою нелегкую задачу. Ведь они начали буквально с голыми руками: голыми руками они добывали себе винтовки, затем добыли патроны, добыв и то и другое, добыли пулеметы и легкую артиллерию, затем добыли тяжелую артиллерию — все это добывалось у своего противника; все наше снабжение протекало именно путем отобрания всего необходимого нам в военном смысле у бесконечно превосходящего нас силами и техникой врага.

Помощь союзников, обещанная нам столько раз, в это время реально не была осуществлена ни войсками, ни вооружением, но вера в их приход, подкрепленная их официальным заявлением, была настолько велика, что приход этот не вызывал ни у кого никаких сомнений, и, производя нашу мобилизацию для продолжения начатой борьбы, мы все время имели в виду борьбу не только с большевиками, но и с Германией, о чем и объявлялось официально населению.

Больше этого: в это время нами было приступлено к сформированию семи стрелковых дивизий именно для борьбы с Германией. Были сформированы кадры и намечен весь план их развертывания, и единственное, чего нам не хватало для осуществления этого плана, — это вооружения.

Фактически в это время мы уже приносили известную помощь общесоюзному делу, отвлекая, во-первых, некоторое число пленных от отправки их на Западный фронт и составляя, кроме того, существенную угрозу для германцев, ибо наше продвижение вперед к Москве грозило им созданием нового Восточного фронта.

Ввиду всех этих соображений, полковник Чечек решил взять Симбирск и с этой целью приказал командиру 1-го чешского полка, капитану, а ныне полковнику Степанову, начать движение с двумя батальонами полка от Уфы по железной дороге к Симбирску.

В Симбирске в это время было сосредоточено около 7 тысяч большевистских войск, правда несколько дезорганизованных как нашим успехом, так и попыткой большевистского главнокомандующего Муравьева поднять вооруженное восстание против Советов. В связи с убийством Мирбаха и с поражением у Сызрани этот главнокомандующий решил переменить фронт и произвести переворот в Симбирске. Произвести этот переворот ему не удалось, он был убит, но известная дезорганизация была внесена.

Батальоны капитана Степанова двинулись с необычайной быстротой, разбивая многочисленные советские войска, расположенные по Волго-Бугульминской железной дороге. У большевиков на этой дороге было два прекрасных бронированных поезда, именовавшиеся один — «Товарищ Ленин», а другой — «Воля или Смерть». У Степанова был само-

дельный броневой поезд, то есть платформа, на которой было поставлено трехдюймовое орудие под командой поручика русской службы Холявина. Этот последний из 13 первых пушечных снарядов 12-ю угодил в «Товарища Ленина», большевистские поезда понеслись с бешеной скоростью по направлению к Симбирску, и все большевистские войска в панике разбегались. Позднее нам попал в руки переговор двух большевистских главнокомандующих — одного, находившегося в Симбирске, капитана гвардии Тухачевского, и другого, командовавшего на линии железной дороги матроса Пугачевского. «Что ты, — говорил последний, и тут следовало невыразимое ругательство, — не присылаешь подкрепления. Сколько раз я тебе говорил — присылай». — «Разве ты не знаешь, — отвечал другой, и следовало то же самое ругательство, — что вся моя сволочь разбегается».

Командир блиндированных поездов Подлупанов меланхолически доносил своему начальству: «И все наши войска самовольно покинули позиции, и все мои машины испорчены, и все разбежались, и сам я болен и уезжаю. Подлупанов».

Словом, 21 июля, через 5 дней своего марша по железной дороге, капитан Степанов был у Симбирска, на левом берегу Волги, и в его руках находился патронный завод. Но, как известно, Симбирск, лежащий на правом высоком берегу Волги, доминирует над всем левым берегом, и взять мост и расположенный на горе город было весьма трудно. Предвидя это, полковник Каппель предложил полковнику Чечеку, одновременно с уходом капитана Степанова, послать часть Народной армии из Сызрани к грунтовой и проселочной дороге на Симбирск по правому берегу реки Волги. Этот план был принят, и два батальона Народной армии вместе со взводом легкой артиллерии и гаубичным взводом, а также добровольческим эскадроном двинулись из Сызрани в Симбирск. Это был один из феерических маршей, ибо войска сделали (на крестьянских телегах) в 5 дней около 130 верст, оставляя вправо и влево от себя громадные отряды большевистских войск. Достаточно сказать, что они прошли мимо 4-тысячного отряда «товарища Гая», оперировавшего в районе Сенгилея, тогда как их число не было никоим образом выше 1500 человек.

В селе Теренге нашим отрядом была уничтожена большевистская застава. Переговариваясь с Симбирском по телефону, наш отряд продолжал двигаться с громадной быстротой к Симбирску, и симбирские большевики думали, что с ними говорят по телефону их собственные войска.

21 июля вечером подполковник Каппель был под стенами города, начал бой, и 22 июля большевики были изгнаны из Симбирска, и

наши войска, после жестокого боя, вошли в него. Через четыре часа после нашего входа с левого берега Волги в город вошли чехословаки, и общее командование всеми силами перешло к командиру чешского полка, капитану Степанову, офицеру русской службы, русскому по происхождению. Мне были даны в Симбирске также самые исключительные полномочия, которыми я пользовался в Сызрани и вообще на всей территории, занятой войсками Народной армии.

Симбирск встретил нас удивительно радушно. Состоятельные классы пожертвовали 5 500 000 рублей на формирование Народной армии, рабочие патронного и других заводов постановили поддерживать новую власть и отчислять часть заработка в фонд Народной армии. Офицеры до чина капитана включительно по моему приказу в течение шести часов образовали батальон, который немедленно, в тот же день, выступил на позиции. Женщины всех классов населения образовали «Женское общество помощи Народной армии» и делали все, что могли, для ее лучшей организации. Из окрестных деревень и уездов приходили крестьяне с просьбой выдачи им винтовок для сформирования дружин для борьбы с большевиками, но наше постоянное несчастье заключалось в том, что у нас не было достаточно винтовок.

В Симбирске мы взяли громадное количество тяжелой и легкой артиллерии, неисчислимые склады интендантского снабжения, и отныне в наших руках был значительный участок Волги, протяжением приблизительно в 300 верст с двумя мостовыми через нее переправами. Надо сказать, что к этому времени произошло восстание в городе Вольске, перекинувшееся на другую сторону Волги и охватившее весь Николаевский уезд, где сформировались отряды крестьянских дружин, боровшихся с большевиками. Эта крестьянская борьба отличалась особенной жестокостью в тех частях Николаевского и Ново-Узенского уездов, которые примыкали к области войска уральского. Это самый хлебородный район Самарской губернии и один из главных поставщиков хлеба в советскую Россию давно уже протестовал против советской власти и беспощадно ею расстреливался. Были случаи, когда в деревне Семенихе красноармейцы расстреливали по 100 человек крестьян, заставляя стариков рыть могилы для их сыновей и расстреливая последних на глазах у их семейств.

Под влиянием восстания в Вольске произошли восстания в Петровском, Аткарском и других уездах Саратовской губернии. Кроме того, к этому времени нами был взят город Хвалынск, и образовался еще один фронт, к югу от Сызрани, который был объединен в руках того самого полковника Генерального штаба Махина, который так удачно расстроил дело большевистской обороны города Уфы. Его

отряд состоял исключительно из войск Народной армии и крестьянских дружин, организованных в этой части нашей территории. Он действовал очень удачно против превосходящего его силами противника.

В Симбирске мы встретились с капитаном французской службы Бордо, прибывшим через Казань от генерала Лаверня, французского военного атташе в России. Он принес нам известие, что союзники уже подходят к Вологде и что необходимо как можно скорее взять Казань для того, чтобы через Вятку соединиться с союзными войсками, которые якобы в это самое время должны будут двинуться из Вологды на Вятку. Я послал его на аэроплане в Самару к главнокомандующему Чечеку, который по выслушании его дал разрешение на взятие Казани.

Казань нами было решено взять еще и по следующим мотивам: в Казани находилось все золото Российского государства, часть которого по примечанию к Брест-Литовскому договору должна была перейти в руки Германии. Там же находилось колоссальное количество всякого интендантского и артиллерийского снаряжения и вооружения. Туда была свезена артиллерия и интендантское добро с нескольких фронтов при эвакуации последних. В Казани было очень много офицеров, среди которых значительное число организовалось для выступления против большевиков и которых большевики начали уже беспощадно расстреливать. Кроме того, Казань была большим политическим центром России и главным центром Поволжья. Здесь сосредоточены были самые видные большевистские силы, отсюда посылались карательные экспедиции во все концы России, и тут же, недалеко от Казани, находилась самая хлебородная часть России; можно сказать, что советская власть в это время, вследствие восстания в Николаевском и Ново-Узинском уездах, получала весь свой хлеб из Чистопольского уезда и уездов, расположенных на Каме. Кроме всего этого, мы очень боялись, как бы правые с.-р. и офицеры города Казани не выступили преждевременно и этим не подвергли бы город беспощадному террору со стороны большевиков, тем более что перед нами был пример такого восстания в городах Ярославле и Муроме.

Как раз в это время офицерские организации были приглашены союзниками к одновременному выступлению в Рыбинске, Владимире, Ярославле и Муроме, с тем чтобы при союзной помощи из-под Вологды охватить железным кольцом Москву. В Рыбинске и Владимире восстания не удались, но в Ярославле и Муроме они удались. В первом всем делом руководил артиллерийский полковник Перхуров, во втором доктор N. Ярославль держался в течение 15 дней. На его не-

счастье, там не было достаточно ружей и совершенно не было артиллерии. Не получая обещанной помощи от союзников, он пал, разгромленный тяжелой артиллерией большевиков.

По собственному признанию большевистских органов печати, Ярославль представлял из себя ужасающее зрелище — это были развалины с массой трупов на улицах и в разрушенных домах. Население винило в этом, конечно, союзников, вовремя не оказавших помощи. Этот пример был слишком ужасный, и мы решили во что бы то ни стало взять организованной силой Казань и, если можно будет, двигаться дальше, идти на Нижний Новгород, где нас ждали сормовские рабочие, а затем, если обстоятельства позволят, двинуться прямо на Москву, ибо политическая обстановка говорила нам, что промедление совершенно невозможно, что каждый день промедления больнее всего отражается на нас, ибо, как я уже сказал выше, наши ресурсы были ограничены, помощь союзников не прибывала, в то время как ресурсы большевиков были громадны, германцы оказывали им действительную помощь и каждый день промедления был для них днем выигрыша, ибо, располагая огромным количеством денег и всяких материальных средств, они, при помощи германцев, могли организовать свои вооруженные силы. Поэтому нам было необходимо как можно скорее захватить центр их политического влияния, то есть Москву, где были сосредоточены и все их средства, и весь их деловой аппарат.

Взятие Москвы послужило бы также колоссальнейшим толчком к восстанию во всей России, уже давным-давно готовой бороться против большевиков, но терроризируемой теми ее силами, которые могли организоваться только потому, что Москва и Петроград были в руках советских войск. Вместе с тем надо было взять как можно скорее эти центры и свергнуть власть большевиков, потому что советская власть в это время приступила к массовому уничтожению всего лучшего в России. После покушения Доры Каплан на Ленина и убийства Урицкого в Петрограде большевики решили ответить массовым террором. Их тюрьмы наполнились тысячами заложников, принадлежащих преимущественно к слоям русской интеллигенции и партиям кадетов и эсеров. Звание члена Учредительного собрания являлось смертным приговором для того, кто его носил. Принадлежность к партиям, не стоящим на платформе советской власти, рассматривалась большевиками как величайшее преступление. Заложники без рассмотрения вины расстреливались простым приказом; так, после ранения Ленина все местные Советы получили циркулярную телеграмму из Петрограда, предписывающую перестать «миндальни-

чать» и ответить массовым террором. Телеграмма в конце требовала донесения в Москву о том, что сделано Советами в этом направлении. Результатом этой телеграммы были расстрелы в большинстве провинциальных городов, где 50, а иногда и больше человек из числа заложников, без всякого разбирательства их индивидуальной вины, расстреливались советской властью.

На совершенно особом положении находились в советской России офицеры. В Москве 15 000 офицеров были посажены в тюрьмы, и из них 10 000 человек, по сведениям из Москвы, сидят и теперь. В самой Москве после покушения на Ленина было расстреляно, по сведениям, дошедшим до нас, 1500 человек. В советских газетах, попадавших к нам различными путями, приводились длинные списки расстрелянных заложников во всех городах России. В деревнях террор принимал еще более упрощенную форму. В Петрограде и Москве и во всей внутренней России, кроме того, все лучшие слои русской демократии и русского народа погибали от голода, от всей разрухи российской жизни и ждали с нетерпением освобождения своего как с Волги, так и с Мурманска, так как им было известно торжественное обещание союзников помочь демократической России. В это самое время нами был взят Екатеринбург. Генерал Гайда[42] пробился сквозь Сибирь — Сибирь была очищена от большевиков. Произошло соединение войск генерала Гайды с войсками, действующими в Восточной Сибири, на станциях Словяне и Чехас было официально объявлено, что они из арьергарда союзников становятся авангардом союзников. Все эти обстоятельства побуждали нас как можно скорее осуществить первоначальный план, выработанный нами сообща с союзниками, то есть взять Казань и продолжать наше движение на Нижний Новгород, с одной стороны, и к Вятке, с другой стороны, для соединения с союзниками и для быстрой ликвидации советской власти. Это убеждение было настолько сильно, что генерал Чечек внезапно изменил свое решение и предписал войскам, шедшим уже на Казань, вернуться. Вследствие изменившейся обстановки на Южном фронте, в Самаре, войска решили продолжать свое движение, и, несмотря на такое запрещение, Казань была взята.

Движение на Казань заслуживает быть отмеченным как исключительное по своему героизму явление. В Симбирске нами была очень быстро организована тяжелая артиллерия. Несколько шестидюймовых орудий и даже 42-линейные дальнобойные шнейдеровские пушки были поставлены на баржи. Было создано несколько добавочных вооруженных буксиров, и 1 августа утром два батальона чехов и батальон Народной армии, под командой подполковника Каппеля, были погружены на пароходы, и вся эта эскадра, в количестве 21 судна,

двинулась вверх по Волге, оставив часть Народной армии и добровольческий Сибирский батальон для борьбы с превосходным противником, наседавшим на Симбирск. От Симбирска до Казани приблизительно 1400 верст. Наше движение вверх по Волге было такой же стремительности, как и предшествующее движение на Симбирск и Уфу. Не надо забывать, что в Казани в это время находилось 8000 советских войск, главным образом латышей, находившихся под командой заменившего полковника Муравьева главнокомандующего всеми большевистскими силами Вацетиса, офицера действительной службы, окончившего академию Генерального штаба, являвшегося одной из самых крупных сил Советской армии.

Мы шли по Волге так же, как и шли к Симбирску, то есть оставляя вправо и влево по берегам Волги значительные отряды большевиков, не обращая внимания на то, что делалось по бокам и сзади нас, как бы загипнотизированные одной мыслью — взять Казань. 5 августа к вечеру наша эскадра была уже на виду Казани. Большевики не ожидали такой необычайной дерзости и не предприняли никаких мер для нашей встречи. Наша боевая эскадра, под начальством мичмана Меерара, прошла мимо казанских пристаней, атаковала и прогнала большевистскую вооруженную эскадру, находившуюся под начальством комиссара по морским делам знаменитого Раскольникова, и прошла вверх по Волге выше города на 15 верст; мы же, к сожалению, задержались в 17 верстах от города, на нижнем услоне, с высадкой двух рот, эскадрона кавалерии и батареи, предназначенных для захвата сильных большевистских позиций на правом берегу Волги, верхнего ее услона, и для продвижения к городу Свияжску с целью перерезания железной дороги в тылу у большевиков. Тем временем большевики успели выслать к казанским пристаням орудия легкой артиллерии, пулеметы и броневые машины. Таким образом, подойти прямо к пристаням казалось невозможным. Наши боевые суда были принуждены вернуться под жестоким обстрелом противника, и нами было решено отложить операции до утра 6-го числа.

Рано утром 6 августа наш отряд высадился на левом болотистом берегу Волги, что лишало его возможности взять с собой артиллерию, и двинулся к городу Казани. Силы его были следующие: 4 роты чехословаков, ибо 2 роты остались на правом берегу, одна рота в устье реки Камы в деревне Епанчино (эти чехословацкие роты должны были взять пристани и войти в город с его южной окраины) и 3 роты Народной армии, под командой полковника Каппеля, которые должны были войти в город с его восточной окраины. Чешскими частями командовал полковник Швец, всей операцией — полковник Степанов.

Я же находился при отряде с теми же исключительными полномочиями, какие были у меня в Сызрани и Симбирске. Нам пришлось брать с упорным боем все деревни, находящиеся на нашем пути к Казани. Большевики за ночь успели выставить очень большое количество артиллерии и пулеметов для защиты города; мы же шли без всякой артиллерии, если не считать бывшей у чехов небольшой 37-миллиметровой пушки.

Уже к 1 часу дня отряд Каппеля вошел с восточной стороны в Казань, чего остальные войска не знали; чехословацкие части с упорным боем продвигались к пристаням и к городу, и казалось абсолютно невозможным, чтобы эта небольшая горсточка людей могла взять огромный город, расстилавшийся перед ними на необозримой равнине, город, защищаемый многочисленными большевиками, обладающими массой артиллерии, пулеметов, броневыми машинами и даже блиндированным поездом. В самый критический момент боя на левом фланге чешских войск появились новые войска — это было 300 человек сербов, пришедших под начальством сербского майора Благотича из-под Буинска.

История этих сербов поистине фантастическая: они прибыли в Казань за несколько дней до нашего наступления как сила нейтральная, не враждебная советской власти, но Советы сразу почуяли, какую опасность для них могут представлять эти сербы, и пытались сначала убрать от них офицеров, но, когда солдаты этого не допустили, — их разоружить. Сербы, предчувствуя такой исход, ушли тайком из города, пришли в Буинск, к тому времени взятый нами, узнали, что мы идем на Казань, и, когда им предложено было отправиться в место общего формирования сербских частей — в город Самару, отказались, говоря: «Мы сначала возьмем Казань, а потом отправимся куда угодно». Им дали пароход, и они, вместе с одной чешской ротой, бывшей в городе Буинске, догнали нас и присоединились как раз в самый критический момент боя. Поведение этих сербов было героическое. Они двинулись прямо к пристаням, и я был очевидцем и участником их безумной атаки на орудия, пулеметы и броневые автомобили на пристанях. С одними ружьями в руках сербы атаковали сильнейшие позиции противника, в упор стрелявшего на них орудиями с броневых автомобилей, и немедленно повернули взятые ими орудия в бегущего врага. Впрочем, точно таким же образом шли в атаку на в упор стрелявшие орудия тяжелой и легкой артиллерии и пулеметы и остальные части отряда и чехов, и Народной армии.

Вечером разразилась страшная гроза, шел проливной дождь, гремел гром, сверкали многочисленные молнии, и в этой феерической

обстановке наш немногочисленный отряд вошел с трех концов в город — с трех концов потому, что к этому времени части Народной армии, вошедшие первыми еще в 1 час дня, были принуждены отступить. Народная армия вошла с восточной части города, чехи с южной, сербы от пристаней. Немедленно была взята крепость, и 10 человек сербов проверяли сдавшийся им латышский полк, с музыкой во главе, игравшей «Марсельезу». И всю ночь 6 августа на улицах города продолжался бой, который закончился 7-го к полудню, когда Казань была в наших руках со всеми ее колоссальными запасами и с ее исключительным влиянием. В Казани мы взяли 30 000 пудов золота, на 100 миллионов рублей кредитных знаков, всю платину, которая была в российских банках, массу серебра и на неисчислимую сумму процентных бумаг, свезенных сюда из всех главных банков России. Все это было мною немедленно отправлено в Самару, а оттуда в последующие месяцы в Омск. В Казани мы взяли массу тяжелой и легкой артиллерии, огромное количество интендантских складов, но, что было важнее всего, в Казани мы увидели, как энтузиазм населения достиг высшей степени своего напряжения, как горячо новая власть приветствовалась всем народом и как волшебное слово «в Москву» будило в нем и веру в будущее России, и лучшие чувства, и проявления восторга и патриотизма. Достаточно сказать, что одновременно со взятием Казани восстали города и уезды Чистопольский, Спасский, Царевококшайский, Уржумский, Малимский и несколько южных уездов Вятской губернии. Громадная территория была охвачена стихийным крестьянским восстанием против большевиков. Повсюду отряды красноармейцев и отдельные красноармейцы уничтожались крестьянами. Из всех уездов и волостей к нам являлись многочисленные делегации с просьбой о помощи и, главное, ружей с целью сформирования крестьянских дружин Народной армии. К несчастью, и в Казани нашлось все, что угодно, но только не винтовки. Мы посылали во все уезды и во все города представителей нового правительства и начальников гарнизона. И в большинстве из этих городов была проведена мобилизация двух годов — родившихся в 1897-м и 1898 годах.

Повсюду эта мобилизация прошла весьма успешно, но мы не могли их вооружить; тем не менее, мы продолжали мобилизацию, надеясь на быструю помощь союзников. В это самое время восстали ижевские рабочие в количестве 20 000 человек. У них было несколько орудий, и они, совместно с крестьянами и бывшими солдатами, сформировали более 100 рот и начали упорную борьбу против большевиков. Этими импровизированными отрядами были взяты горо-

да Сарапуль, Лабуга и Воткинский Завод, и они предприняли движение к Перми. Эти рабочие сражались в течение трех месяцев, и, судя по последним газетным известиям, не получив достаточной помощи, они должны были, окруженные со всех сторон большевиками, теперь, то есть в ноябре месяце, сдаться им. Их судьба поистине ужасна.

В самой Казани население встретило нас с беспредельным восторгом. В течение 34 дней, которые мы там оставались, во всех церквах служились молебствия, в мечетях то же самое. Железнодорожные рабочие образовали дружины против большевиков; университет целиком примкнул к нам, городское и земское самоуправление приняли самое деятельное участие в работе по защите города, по организации всего движения и по пропаганде в пользу формирования Народной армии. На текущий счет фонда Народной армии, учрежденного мною при государственном банке, в течение нескольких дней поступило свыше 8 миллионов рублей; пожертвования, которые граждане приносили мне, варьировались от рубля до 400 тысяч рублей. Неслись золотые и серебряные вещи; всюду, где только было возможно, устраивались сборы. День Народной армии прошел с исключительным успехом. Женщины образовали, как в Симбирске, общество помощи Народной армии, и на другой день по своем образовании можно было видеть их моющими в казармах города Казани и устраивающими десятки питательных пунктов и на позициях, и в самом городе, для солдат и населения. Состоятельные классы обложили себя добровольным пожертвованием на Народную армию в сумму 30 миллионов рублей. Я просил мусульманское население дать мне кавалерию, и в течение суток был сформирован эскадрон кавалерии. Студенчество горячо откликнулось на призыв и вместе с лучшею частью рабочих пошло в добровольческие полки. Офицерство сформировало четыре инструкторских батальона, где оно дралось простыми рядовыми. Была создана могущественная артиллерия. В Казани большевики несколько раз производили мобилизацию лошадей, и поэтому в городе их было весьма ограниченное количество, но, когда я обратился к городской думе с просьбой доставить мне лошадей, гласные в течение ночи бегали по всему городу, и к утру было приведено 1500 лошадей. Крестьяне из окрестных деревень тоже вели лошадей для Народной армии. Даже те, у кого были только две лошади, вели к нам одну на Народную армию.

В это время положение советской власти было поистине трагическое. Весть о наших победах достигла Москвы. Нижний Новгород был эвакуирован. Вокруг Москвы, по известиям, дошедшим до нас, рылись

траншеи, и в Совете народных комиссаров говорилось, что наступил момент отказаться от власти.

В самой Москве в это время находились только два китайских батальона и один «интернациональный»; все остальное было брошено на Волжский фронт. Население с нетерпением ждало нашего прихода, и, если бы в это время обещанная помощь нам была оказана, если бы у нас в это время было хоть два лишних полка, мы несомненно двинулись бы на Нижний Новгород и положение было бы совершенно иным. Но у нас не было лишних сил; мы и то дрались все время один против пяти, иногда один против десяти, и, взявши Казань, уже 8-го числа вечером были принуждены отправить полковника Каппеля вместе со всеми частями Народной армии в Симбирск, где опомнившиеся большевики начали сильно нажимать на город, и на долю Каппеля выпала нелегкая задача разбить их многочисленные банды под Симбирском, что он и выполнил с большим успехом. В этих его действиях им были уничтожены целиком два неприятельских полка и нанесено очень жестокое поражение Советской армии.

Под самой Казанью большевики, отошедшие к Романовскому мосту на Волге и получившие подкрепление, начали активно действовать против нас. Конечно, будь у нас в это время резерв, мы без труда справились бы с ними, а справившись с ними, мы могли бы двигаться дальше, ибо в этот момент, я повторяю, все большевистские силы были сосредоточены на Волге, главным образом у Казани, и окончательное поражение их у Казани означало бы для нас свободный путь внутрь страны. Но у нас этих сил не было, и поэтому, вместо наступления, пришлось перейти к обороне. Положение же обороны было чрезвычайно невыгодно для нас, ибо каждый день промедления с нашей стороны давал возможность большевикам оттягивать все те свои силы, которые у них находились на фронтах Украинском и Германском. Имея в своих руках огромное количество денег, они могли за большую плату подыскать наемников. Кроме того, по настоянию Троцкого советская власть решилась на героическую меру: был заключен формальный договор с Германией, благодаря которому большевики получили возможность снять с Германского и Украинского фронтов все свои войска и в количестве до 150 тысяч перебросить их на Волжский фронт.

Конечно, говоря о 150 тысячах, я говорю не только о моменте взятия Казани; переброска началась немного раньше, но с особой активностью она продолжалась после взятия Казани. Кроме того, в связи с действиями большевиков против союзников на Северном фронте Вильгельмом был издан декрет, в котором предписывалось

военнопленным оказывать содействие советской власти, как находящейся в войне с союзными войсками. Кроме всего этого, большевики принялись за энергичную чистку своих штабов, где было много офицеров, расположенных к нам. Германский Генеральный штаб пришел к ним еще более активно, чем раньше, на помощь, и у нас были довольно достоверные сведения, что часть одной дивизии военнопленных, формируемых для отправки на Западный фронт, была отправлена германцами из Орши под Казань.

Как я уже говорил выше, каждый день промедления в наступлении служил на пользу большевикам и был вреден нам. У нас был людской материал, но не было вооружения и не было той возможности быстрой организации, которая была у большевиков, и их огромных материальных и технических средств, и выгодность их положения усиливалась еще тем, что в их руках был весь деловой аппарат государства. Как бы то ни было, мы были уверены в том, что союзная помощь не замедлит прийти, и поэтому продолжали выполнять общее задание, то есть держать в своих руках, при наших немногочисленных силах, огромный Волжский фронт — от Казани и до Хвалынска. Если бы мы знали наверное, что те части японцев и американцев, составляющие в общем не менее 50 тысяч человек, которые высадились во Владивостоке, и не подумают прийти к нам в ближайшее время на помощь, если бы мы знали, что наш фронт предоставлен самому себе и чехам, то весьма вероятно, что мы, вместо того чтобы пробивать дорогу во Владивосток и растягиваться на протяжении 7 тысяч верст в глубину и 500 верст в ширину на одном Волжском фронте, сконцентрировали бы все свои войска, двинулись на Москву еще в июле или начале августа месяца после занятия Казани и судьба России была бы иная, потому что вместе с падением Москвы рухнуло бы и влияние советской власти. Для этого марша у нас было достаточно сил, но у нас не было достаточно сил для него при условии защиты Волжского фронта и ожидания союзников, которые все не шли.

Действия под Казанью, направленные к овладению Романовским мостом и к окончательному поражению большевистских сил, сосредоточенных под Казанью, представляют собой один из самых героических моментов всей волжской экспедиции. В одном из этих жестоких боев с силами и вооружением врага геройской смертью погиб майор Вологодич[43], один из освободителей Казани. Именем этого героя была названа мортирная батарея, действовавшая в его районе; казанская городская дума постановила назвать начальную школу его именем и взять на свое содержание его семью; университет учредил стипендию.

Смерть Вологодича в бою под Зеленым Долом имела роковой исход для боя 16 августа, ибо сербы, видя смерть своего вождя, отступили, и мост, судьба которого была уже решена, остался в руках у большевиков.

В это время и большевистская армия Блохина, получившая от нас по телеграфу ложный приказ от имени Троцкого, стала подниматься вверх к Вятке, поняла свою ошибку, вернулась и начала наступать на Казань от города Арска. С Германского фронта были переброшены, как я уже сказал, большие силы, и Казань мало-помалу стала принимать вид осажденного города.

Насколько ужасны были эти бои, можно судить по тому, что официальные известия большевиков говорят о потере убитыми под Казанью 12 тысяч человек. Конечно, эти цифры могут показаться небольшими сравнительно с абсолютными цифрами современной войны, но ежели принять во внимание, что в стенах Казани в момент нашего отхода находилось всего 3 тысячи штыков — чехословаков и Народной армии, — то можно понять, что эти бои были и жестокие, и героические.

В конце августа месяца нами была сделана последняя попытка уничтожения скопившегося под Казанью узла и нами было собрано, с величайшим трудом, приблизительно около полка Народной армии. Правда, он состоял из трех полков, но они были в состоянии развертывания и на самом деле представляли собой численно не более одного полка. К нему был придан эскадрон кавалерии ротмистра Фельдмана, легкой и тяжелой батареи. Весь этот отряд под начальством подполковника Каппеля поднялся вверх по Волге (он был сформирован в Самаре и Симбирске) и, высадившись у села Ташевка, на правом берегу Волги, пошел в глубокий обход в тыл противника. Обход этот продолжался двое суток, и в конце концов мы вышли в деревню Говядино, расположенную приблизительно в 4 верстах от станции Свияжск, где стоял поезд Троцкого и главнокомандующего Вацетиса.

Я забыл сказать, что советская власть придавала такое значение взятию Казани потому, что ею был командирован под Казань Троцкий, Кобозев и 200 членов Центрального исполнительного комитета. В Свияжск приезжал даже сам Ленин. К нашему несчастью, мы пришли в Говядино вечером и не решились начать ночного боя. Большевики ничего не подозревали, хотя в еще более глубоком тылу, ст. Тюрлема уже была взорвана отрядом ротмистра Фельдмана, ушедшего туда с конной батареей. На ст. Тюрлема находился поезд с артиллерийскими снарядами, и конная батарея с первых же выстрелов взорвала и поезд, и стан-

цию. Тем не менее у Свияжска все было настолько спокойно, что мы могли совершенно свободно расположиться в 4 верстах от железной дороги. Большевики настолько не подозревали нашего присутствия, что ночью я лично с 12 волонтерами два раза ходил на железную дорогу и взрывал железнодорожный путь, благодаря чему нами были пойманы два блиндированных поезда, нами уничтоженные. Утром мы начали наступление. Большевики бежали во всех направлениях, и победа была за нами, когда им удалось перебросить с другого берега Волги латышей, ударивших в наш фланг.

У нас не было ни одного взвода в резерве, чтобы противопоставить им, и пришлось отступать, несмотря на то что мы почти одержали победу. За нами бежали красноармейцы, сдаваясь нам, и говорили: «Куда вы уходите? Там вас ждут еще 3 тысячи красноармейцев, чтобы вам сдаться». Это была последняя попытка уничтожить то большевистское ядро, которое в это время образовалось вокруг Казани. Мы попробовали предпринять еще атаку в другом направлении, но большевики успели выставить сильный заслон латышей, прекрасно управляемых, очень богато снабженных пулеметами и артиллерией, и попытка не удалась. К этому времени я был вызван правительством в Самару и послан представителем правительства на уфимское совещание. Поэтому дальнейший рассказ мой является уже не рассказом очевидца, а человека, знающего это из официальных донесений и рассказов очевидцев.

10 августа Казань была оставлена нами, измученными немногочисленными ее защитниками. Безоружные рекруты были отведены в глубокий тыл, все, что могло быть вывезено, было вывезено, и вместе с войсками ушло свыше 30 тысяч жителей города, боявшихся мести со стороны большевиков.

Под конец защиты Казани войска, ее защищавшие, до того устали, что в глазах чехов, например, мне ясно виделось безумие. Только необычайная приподнятость и неестественный энтузиазм могут объяснить тот факт, что эти люди, так же как и войска Народной армии, дравшиеся до того на всех фронтах, уже в течение трех месяцев без всякой смены, могли держаться в продолжение 34 суток под Казанью, борясь с противником, превосходившим его в 5 раз, все время переходя в наступление, теряя массу жертв и убив в 4 раза больше противников, чем было их самих. Эти доблестные войска, все время ждавшие подхода союзных войск и говорившие об их приходе населению, выполнявшие ту задачу, которая совместно с союзниками была нами разработана, были принуждены отступить, и я не знаю, не отчаяние ли этого вынужденного отступления после геройской защиты было

причиной самоубийства полковника Швеца, командовавшего 1-м чешским полком, о котором мне сообщили в русском посольстве в Вашингтоне. В то же время пришлось оставить и Симбирск, где полковник Каппель сделал все, что было в человеческих силах, и более того, для его защиты против превосходящего численностью врага. Делать было нечего. Немцы обещали большевикам помощь и дали ее; мы же помощи никакой не получили.

Вслед за тем пришлось оставить, в начале октября месяца, и Сызрань, и таким образом Волжский фронт исчез. Наши войска были принуждены уйти из Самары, и я не знаю, что делалось в областях, занятых неприятелем, где население с такой готовностью отозвалось на наш призыв, где оно встречало нас с таким восторгом и нам помогало всем, чем только могло. Судьба его, наверно, ужасна. Мы знаем только о том, что в первый же день своего вступления в Казань большевики расстреляли массу народа, что эта вакханалия длилась несколько дней и были известия, будто германские офицеры старались внести некоторое успокоение и удержать большевиков от зверств. Нет сомнения, что, ежели бы с нами не ушло большое число людей интеллигентных, а также всех тех, кто сочувствовал нам, в Казани произошли бы еще более потрясающие зверства. Об уровне казанских большевиков можно судить по тому факту, что еще зимой прошлого года они хотели превратить университет в баню, основываясь на том, что казанские бани были испорчены, а в университете учатся буржуазные дети.

Если продлится дальнейшее наступление, судьба уральского и оренбургского казачества будет поистине ужасна, ибо уральское казачество никогда не было с большевиками и всегда доблестно дралось против них. Это население привязано к своей стране; оно и солдаты, и крестьяне в то же время, уйти не может и, следовательно, будет вырезано. Что касается оренбургского казачества, то оно испытало на себе весь ужас большевистских карательных экспедиций, когда по линии железной дороги ходили блиндированные большевистские поезда и громили казачьи станицы, снося их буквально с лица земли.

Я не знаю, что сталось теперь с теми ижевскими рабочими, которые в продолжение трех месяцев доблестно сражались против большевиков, ожидая, что скоро придет помощь.

Во всяком случае, все это движение против большевизма, тесно связанное с движением против Германии, ясно показало, что Россия, разбитая, униженная и обессиленная, сделала сверхъестественные усилия.

В мае 1918 года началось ее возрождение, и оно сопровождалось не одними словами, а рядом героических и потрясающих фактов. Тот факт, что вокруг чехов, как вокруг кристалла в насыщенном растворе, окристаллизовалось население такой огромной территории России, как от Волги до Владивостока, показывает на чудесное отрезвление русского народа от лозунгов, которыми обманули его, прикрываясь именем демократии, большевики. И если бы это движение было вовремя поддержано, согласно своим обещаниям, союзниками, нет никакого сомнения, что Россия успела бы еще присутствовать в качестве активной силы при окончании войны с Германией и теперь бы находилась не в роли скромной просительницы, а в роли полноправной союзницы остальных стран. Она и теперь вправе считать себя такой же равноправной союзницей, как и все остальные, ибо те громадные потери, которые были ею понесены за первые три года войны, те громадные услуги, которые она оказала общему делу во все время войны, помогли союзным государствам довести войну до благополучного конца.

Было бы неправдой не отметить того факта, что в областях освобожденной России большевистское течение перестало существовать. В скрытом виде оно отразилось, главным образом, в рабочей среде, в ярко выраженном меньшинстве рабочей среды. Оно и понятно: большевизм основывался не только на идеологическом основании; с этой стороны он был блестяще разбит самими же рабочими на всех их рабочих конференциях и теми социалистическими партиями, которые стоят во главе рабочего движения. Главная сила большевизма теперь заключается в том, что большевики, действуя от имени рабочего класса, дают тому меньшинству рабочих, которые его поддерживают, возможность ничего не делать, получать бешеную плату за это ничегонеделание и пользоваться всеми правами господ положения.

Большевики печатают деньги в Экспедиции заготовления государственных бумаг верстами, и поэтому известное меньшинство они могут закупать так же, как они закупают свою армию. И поскольку возможность печатать эти деньги, возможность политически влиять из центров страны — Москвы и Петрограда — не вырвана у них из рук, поскольку в их руках находится деловой аппарат государства и значительная часть русской территории, где население, терроризируемое и голодом, и Красной армией, ничего не может сделать, — постольку для всех большевистских элементов, находящихся в областях, занятых нами, не исключена сладкая возможность в конечном счете восторжествовать, постольку они поддерживаются большевиками внутрен-

ней советской России и пытаются в критический для нас момент испортить нам наше положение.

Такая вещь была при нашем отходе и из Казани, и из Симбирска. В Симбирске, например, весь комитет рабочих патронного завода вместе с большинством рабочих ушли с нашими войсками, но было меньшинство, которое приняло сторону большевиков. Поэтому необходимо для пользы самого рабочего класса покончить с этим порядком вещей, вырвать у большевиков из рук Москву и Петроград и положить конец иллюзиям развращенной части рабочих, которые принуждены будут тогда понять, что советский строй более невозможен, что надо начать, наконец, работать и перестать бездельничать. Дальнейшее промедление — гибель для России, ибо нет никакого сомнения, что большевизм все равно долго продержаться не может, а теперь, лишенный поддержки масс, лишенный их морального сочувствия, держащийся только террором, он свирепствует все больше и больше, и мы видим, с какой безумной скоростью и жестокостью разрушается вся экономическая и моральная жизнь великого народа, как убивается, в буквальном смысле слова, все лучшее, что там есть, как губится самая душа народа.

Что касается наших отношений к союзникам, то я хочу подчеркнуть еще раз то обстоятельство, что восставшая против большевиков Россия фактически считала себя в состоянии войны с Германией с начала июня месяца, когда она определенно заявила, что она не признает Брест-Литовского мира и что она формирует свою армию для войны с Германией, и не наша вина, что мы могли драться только с германскими военнопленными и не могли сойтись грудью на подлинном Русско-Германском фронте. Мы для этого сделали все, что могли.

Ввиду того что теперь в России существует уже два фронта — Северный союзный и Волжский, оттянувший на себя огромное количество большевистских сил, — движение с Юга России могло бы счастливо разрешить задачу водворения в России настоящего демократического порядка. Для этой цели было бы достаточно посылки 60 тысяч человек из Одессы, которые вместе с русскими силами, сформированными уже на Юге России, а по газетным сведениям взявшими уже Киев, могли бы очень быстро двинуться к Москве.

Вся наша война от Самары и до Владивостока велась главным образом по линии железной дороги или на водных путях. В данном случае произойдет то же самое, и поэтому нельзя медлить ни минуты и надо посылать как можно скорее войска хотя бы с того же Салоникского фронта, теперь совершенно свободного вследствие германского перемирия.

То обстоятельство, что Германия вышла из войны, никоим образом не может изменить решения, принятого уже союзниками, ибо большевики и германцы были в полном и тесном союзе в их действиях против нас и союзников. Выбытие одного из врагов не может ничего изменить в наших отношениях к другому врагу, поскольку он продолжает действовать против нас. Кроме того, необходимо, чтобы американские войска, находящиеся во Владивостоке, послали хоть несколько своих частей к Волге, для того чтобы русское население видело и американские части среди себя, ибо оно совершенно не понимает, каким образом великая демократия может оставить лучшую часть русской демократии, русского населения на произвол судьбы, каким образом американцы могут спокойно, сложа руки смотреть из Владивостока, будучи все же на русской территории, как гибнет то русское население, которое они же сами, через посредство своего посла в России, сэра Френсиса, призвали к восстанию против большевиков. И необходимо, чтобы Соединенные Штаты способствовали отправке на этот фронт всего нужного в смысле экипировки, вооружения и снаряжения, как для уже бьющейся на фронте Русской армии, так и для тех новобранцев, которые нами призваны и которые не могут принять участия в боях из-за отсутствия вооружения.

А. Котомкин[44]

О ЧЕХОСЛОВАЦКИХ ЛЕГИОНЕРАХ[45]

Для того чтобы читателям были яснее мои взаимоотношения с чехословацкими легионерами, я вынужден начать именно с описания этих взаимоотношений и с того момента, когда, наконец, исполнилось мое заветное желание — увидеть настоящих сыновей моего любимого чешского героя Яна Гуса. Образ этого славянского мученика не раз вставал передо мною в ореоле своих страданий за чешский народ, за его Веру и Свободу. И вот, будучи эвакуирован из действующей армии в Киев, в 1915 году, под влиянием празднества в память пятисотлетней годовщины со дня мученической кончины Яна Гуса, решил посвятить ему свои строфы в нескольких отдельных драматических картинах, которые впоследствии были переделаны мною в 5-актную пьесу, под руководством известного профессора, слависта Казанского университета Н.М. Покровского (скончавшегося потом от голодного тифа).

Первая встреча с чехословацкими легионерами произошла в то время, когда моя драма «Ян Гус» уже освободилась от цензурного запрета, а я сам, как и все русские люди, находился под властью большевиков и, конечно, вместе с родной Казанью и всем Поволжьем радовался успехам чехословацких легионеров, идущих на помощь своей старшей сестре — России, еще так недавно освободившей одних славян от тысячелетнего иностранного ига, других — от угрозы порабощения.

Как сейчас я вижу картину занятия Казани чехословацкими легионерами. С каким восторгом все население города Казани, от мала до велика, встречало своих избавителей — братьев чехословаков, сербов и отряд русской Народной армии, пришедших с белыми повязками на рукаве!

С какой поспешностью, равной панике, бежали коммунисты из Казани в разные стороны — не успевшие бежать бросали оружие, падали на колени, плакали, просили пощады...

Во главе всего Волжского фронта стоял генерал Чечек. Во главе 1-го Чешского стрелкового, имени Яна Гуса, полка стоял доблестный командир, в то время только поручик, а потом полковник Швец, храбрый и честный воин, любивший Россию горячей, неподкупной любовью, рвавшийся освободить ее от большевистских пут.

Во главе Сербского отряда стоял доблестный воевода Благотич, вскоре погибший смертью храбрых за Россию, Сербию и все Славянство, в неравных боях под городом Свияжском. Как сейчас вижу его гроб на лафете, буквально утопавший в цветах, славянских лентах и многочисленных венках — это провожали на место вечного упокоения героя-славянина, помнившего свой долг и оставшегося верным до конца матери России. Русским отрядом командовал полковник Степанов; сюда же входил и только что созданный добровольческий отряд доблестного героя Каппеля. Все это движение возглавлялось Комитетом Учредительного собрания, с помощником военного министра эсером Лебедевым и эсерами — Фортунатовым, Брушвитом и другими.

Еще задолго до выступления чехов к нам на берега Волги летели вести о чем-то важном, о каком-то торжественном событии. И когда это совершилось, то почувствовалось, что наступил действительно торжественный момент, впоследствии выдвинувший много героических и предательских имен — имен, запечатленных историей. Эти имена передавались в то время из уст в уста, и как эхо отзывались по всей России, и волновали сердца обывателя, жаждавшего прихода избавителей от коммунистического ига. Но что они несли Русскому Народу —

не было известно. А слухи шли, набегали, разрастались, и, наконец, свершилось!

Была взята Самара, затем Симбирск — настала очередь и Казани. Волнение среди населения усилилось: одни говорили, что подошли бандиты, другие отвечали, что идут освободители, несущие закон, порядок и хлеб.

Но вот стихла орудийная и ружейная стрельба — вошли избавители... Жизнь казанцев начала выпрямляться, как цветок из-под давившего его камня; лица граждан, до того хмурые, забитые, повеселели, и опять затрепетала, как выпущенная на свободу птица, повседневная жизнь.

К сожалению, это состояние длилось недолго — был упущен важный момент закрепления взятых позиций. Вместо этого начались бесконечные митинги, всевозможные собрания, заседания, резолюции, голосования и все то, что в конце концов явилось одной из важнейших причин неудач в борьбе с большевиками. Чувствовалась бессистемность, неуместная нервозность, суетливость. Все это остановило порыв, движение вперед, а самое главное, не был захвачен железнодорожный мост у Казани, дабы пресечь накапливание большевист-ских сил.

А между тем опять начались бои; большевики, бежавшие вначале без оглядки при одном имени «чехи», оправились, ибо первый удар, который был настолько ошеломляющим своей неожиданностью, что, при условии дальнейшего его развития, чешские, сербские отряды и русская добровольческая Народная армия могли бы, чуть ли не на плечах бегущих коммунистов, выйти на Московскую дорогу, — этот первый удар не был своевременно развит, и это случилось по многим причинам.

Я лично считаю эти причины следующими: 1) отсутствие определенного задания у руководителей движения; 2) полная неспособность поставить дело не на митинговую, а на серьезную, чисто военную почву; 3) не было дано населению действительной уверенности в правоте этого дела из-за бесконечной расплывчатости лозунгов, провозглашаемых на митингах и в воззваниях; 4) отсутствие единой руководящей авторитетной роли у главнокомандования, так как генерал Чечек не был популярен среди русского населения и отрядов, а следовательно, и не имел достаточного авторитета; 5) открытый вывоз золотого запаса из кладовых государственного казначейства и перевод его в депозит эсеровского Комуча. Последнее послужило одним из сильнейших средств пропаганды большевиков, во множестве оставшихся в Казани, вследствие опять-таки недоста-

точного устройства административного аппарата и непринятия соответствующих мер, как для борьбы с этими элементами, так и для борьбы с их пропагандой.

Большевики распространяли слухи, что чехи и эсеры пришли не для освобождения Казани, а для вывоза русского народного достояния — русского золота, и что они это проделают и в других городах. Эта пропаганда возымела свое действие и в сильной мере воспрепятствовала дальнейшему притоку добровольцев.

Так как ни уговаривания, ни воззвания, ни митинги не помогали, то в отношении местного крестьянского населения были приняты крутые меры — вплоть до насильственной мобилизации крестьян с угрозами расстрела дезертиров.

Но население в своей массе оставалось глубоко равнодушным к различного рода «демократическим» призывам, ибо оно уже один раз больно обожглось на этих лозунгах; и действительно, сулили ему и красный рай, и братство, и равенство, и свободу, и землю, и волю, а вместо этого оно получило цепи рабства и неслыханный гнет III Интернационала. Очевидно, крестьяне и рабочие помнили пословицу «Изверившись в рубле, не поверим и в игле» и оставались безразличными, думали свою думу, тяжелую, непроницаемую...

А бои под Казанью развивались, становились упорнее, ожесточеннее, силы большевиков увеличивались, а наши слабели. Появились убитые и раненые — много раненых. Общеславянская кровь как бы венчала общий подвиг четырех братских славянских народов: русских, сербов, чехов и словаков. Единственный раз за все время борьбы эта кровь братского единения являлась ярким символическим лучом в наступившей затем тьме деморализации, охватившей чехословацкие легионы, когда они от берегов Волги покатились назад и когда на все просьбы о помощи их вожди со спокойствием, граничащим с цинизмом, отвечали: «Мы не вмешиваемся в русские дела, наша политика — рельсы».

Но еще не было произнесено этих предательских слов, еще на чехах и словаках почивал великий дух героев Зборова и Бахмача, и они еще дрались как соколы, мужественно отбиваясь от черного воронья — интернациональных сил, среди которых было немало мадьяр, латышей, австрийцев и немцев, переодетых в красноармейскую форму и организованных в особые отряды.

Среди чехов особенно выделялся из командиров доблестный Швец — всегда в бою, всегда на позиции...

Душой и вдохновителем русского отряда на Волге был молодой офицер Каппель; его добровольческий отряд, состоящий большей ча-

стью из офицерства, студенчества и гимназической молодежи, творил чудеса храбрости. Он держал в страхе большевистские силы и оборонял до последней возможности весь так называемый Услонский район, на другом берегу Волги, оттоняя с помощью одной лишь пушки большевистские банды — не только на суше, но и на реке.

Этим-то водным путем большевики и думали воспользоваться, высадив десант, разъединить молодецкий отряд Каппеля с главными силами и, окружив, уничтожить. Но каждый раз Каппель неожиданным контрнаступлением разрушал их планы, и часто бывало, что, поддержанный нашей небольшой речной флотилией, обращал как наступавшие с суши, так и с Волги большевистские, во много раз лучше вооруженные, суда и пешие отряды в бегство.

Между тем число раненых все увеличивалось, и, наконец, решено было серьезно заняться этим вопросом. Под госпиталь или, вернее, перевязочный пункт было отведено Дворянское собрание, там же была стоянка ночного дежурства внутренней стражи милиции, несшей службу по отдельным, разбросанным по всему городу постам, на случай беспорядков или оказания помощи и в качестве резерва войскам, находящимся на позициях; как инвалид Великой войны, я тоже получил назначение — начальника одного из сторожевых постов внутренней охраны. Помощь этой охраны понадобилась в последний критический момент защиты Казани.

Чтобы достать необходимые деньги для ухода за ранеными, на лекарства и перевязочные средства, которых далеко не хватало, решено было устроить день сбора и наименовать его «Днем Народной армии».

Во дворце бывшего командующего войсками Казанского военного округа генерала Сандецкого, среди ряда разных комиссий, заседала и комиссия культурно-просветительная. Эта комиссия и возложила на меня задачу организовать культурный вечер в Казанском городском театре, что и было с успехом выполнено, при горячем отклике как артистов, так и дирекции этого театра. Этот вечер-концерт начался исполнением чешского и сербского гимнов и «Марсельезы», а вся программа была посвящена славянской музыке и славянским произведениям и памяти Яна Гуса. Городской театр был переполнен: от аристократа до рабочего — все принесли свою лепту «Дню Народной армии». Вечер-концерт закончился американской лотереей, где публика, под влиянием охватившего ее жертвенного порыва, отдавала ряд ценных вещей, некоторые русские дамы снимали с себя даже обручальные кольца и серьги.

Как это ни странно, но нужно подчеркнуть, что меньше всего на призыв жертвовать в пользу больного и раненого отозвались имущие

классы — казанское купечество, за редкими исключениями, нехотя развязывало свою мошну; были неоднократные случаи, когда сидевшие на миллионах купцы давали не больше как керенку... двадцатиили сорокарублевую — измятую и изорванную...

Между тем события развивались далеко не в пользу нашу, иначе говоря, приближался роковой момент подведения итога тем непоправимым ошибкам, которые были допущены главарями движения на Волге.

Эти роковые итоги пришли неожиданнее, чем можно было бы рассчитывать; развязку ускорил мятеж — выступление рабочих Прохоровской слободы и Алафузовских заводов. Никто не ожидал, что Казань — главный город Поволжья — будет так быстро и внезапно сдана.

Хотя рабочие Прохоровской слободы и Алафузовских заводов и были усмирены, хотя по улицам города, за подписью городского головы Корсакова, от имени В. Лебедева и расклеивались воззвания, что Казани никакая опасность не угрожает и что население призывается спокойно заниматься своим ежедневным трудом, — повсюду, там и тут, чувствовалось приближение роковой развязки.

И она наступила скорее, чем ожидали, именно в силу тех причин, которые могли бы быть легко устранены, если бы руководителем был не дилетант — морской министр Керенского, а лицо опытное, авторитетное, разбирающееся в обстановке и заботящееся не о партийных выгодах, а о пользе страждущего Отечества, и прежде всего только о нем.

Руководители из Комуча не поняли и не оценили достаточно всей важности Казани как главного и опорного пункта всего Поволжья, да, откровенно сказать, и не до этого им было: с утра до ночи и с ночи до утра митинги, заседания, собрания и опять митинги, — на которые допускались в оппоненты ораторы с явно коммунистической окраской, — отнимали у них все деловое время.

Большевики — наоборот, поняв огромное значение Казани, воспользовались пустоболтанием вождей противной стороны и заняли важный стратегический пункт — переправу через Волгу; укрепили в то же время свои позиции против Казани окопами, проволочными заграждениями и могущественной артиллерией — вот почему все усилия незначительного гарнизона Казани отбросить большевиков и развить дальнейший успех оказались запоздалыми и осуществлены быть не могли.

Не поняли или не хотели, — или же в их расчеты уже не входила эта «второстепенная задача», как удержание Казани, — главная зада-

ча — задача по вывозу золотого запаса из Казани — была уже блестяще ими выполнена. А что она была в это время выполнена «аккуратно» и кладовые казанского казначейства были очищены своевременно и основательно — об этом свидетельствуют многочисленные данные. К ним принадлежит, между прочим, малоизвестная широким русским кругам книга чешского легионера майора д-ра И.Ф. Кудели. Книга эта носит название «О Российском золотом запасе и чехословацких легионах».

ЗАПИСКИ БЕЛОГВАРДЕЙЦА[46]

Начало Белого движения

Революция, начавшаяся под национальным лозунгом, была принята почти всем русским народом, как военным, так и гражданским населением, как надежда на доведение войны до успешного конца. Однако вмешавшийся интернациональный социалистический элемент, раздувший классовый антагонизм, с другой стороны, падение дисциплины и всяких тормозящих центров начали усиленно разлагать спайку и единство, с которыми только было возможно продолжать вооруженную борьбу с противником.

Офицерство, начиная с командующих и кончая самыми молодыми офицерами, почти без исключения подчинилось совершившемуся перевороту, понимая, что всякий раздор или несогласие, выявленные в его рядах, будут иметь самое пагубное влияние на фронт. Это, конечно, понималось и многими другими, но боязнь, что революция от этого может пострадать, недостаточно углубиться, заставляла русских партийных деятелей, выросших преимущественно за границей и чуждых русскому народу, решить, что революция выше фронтовых дел, почему все внимание и было направлено на укрепление позиций для достижения лелеянных ими идеалов. О разлагавших родину со специальными намерениями нечего и упоминать. Благодаря этому получилось совершенно недопустимое положение: все офицерство упорно оставалось на фронте и своих местах, в тылу же толпы разнузданных солдат расправлялись с их товарищами, а крестьяне оскорбляли и грабили их родных, всячески издеваясь над ними. Положение офицерства вследствие этого становилось подчас невозможным. При этом негде было искать защиты, ибо зачастую власть в лице комитетов была источником всего этого, но долг перед родиной, как он понимался большинством, заставлял все с горечью переносить. Это бывало иног-

да поистине трагедией! И в итоге на душе у офицеров накоплялась злоба против революционных масс, против правительства, играющего, как иногда казалось, двойную игру, и против комитетов, поощрявших это, — злоба, обострявшаяся еще тем, что ясно было, что все идет к разрушению, что родина гибнет.

Неудавшееся выступление Корнилова показало, что Гражданская война неизбежна, и, как только падение Риги выяснило, что фронт фактически не существует, что война, объединяющая и заставляющая офицерство честно сидеть на своих постах, окончена, невольно началось Белое движение. Оно началось без общего предварительного сговора, все потянулось на Дон, на Кубань, где положение казалось более надежным. К этому же времени большевики, захватившие силой власть в руки, оттолкнули от себя и чиновничество.

Одновременно с концентрированием военных на Дону начали организовываться контрреволюционные центры и ячейки по всей России.

Отсутствие опыта в подпольной работе осложнялось природной мягкотелостью и скупостью буржуазии, не отдававшей себе отчета в происходящем и упорно цеплявшейся за остатки своего имущества и капитала; организационное дело шло весьма туго. Приходилось начинать все с азов, устанавливать между ячейками связь, находить их, объединять платформами и т. д.

Сейчас не время касаться этой работы в полной ее мере, но надо засвидетельствовать, что много людей, несмотря на все затруднения, честно выполняли свой долг перед родиной, как они его понимали, стараясь находить общий язык, откидывая партийные разногласия, ставя родину выше всего, выше революции, своих кастовых интересов или какого-либо отвлеченного лозунга. Много теперь из этих честных сынов России погибло, но придет время, когда им будет воздано по заслугам.

Полный недостаток средств очень осложнял работу. Благодаря этому активные части организаций, состоящие из вооруженных людей, не могли долго выдерживать и дождаться момента выступления, ибо за отсутствием средств люди принуждены были расходиться, ища себе заработка на стороне. Правда, они старались совместить свою платную работу с борьбой с большевизмом, но это, конечно, удавалось редко.

Мне пришлось принять участие в этих организациях совершенно случайно. Все мало-мальски живое, активное и не настроенное демагогически не могло спокойно мириться с окружающей обстановкой, когда всякий так называемый «революционный солдат», а в сущности просто разнузданный, потерявшей человеческий облик во-

оруженный тип был волен над вами, вашей честью и близкими. Так, организации создавались не по письменной, обдуманной программе или уставу, а просто образовывались везде, где приходилось; и в столицах, и в больших городах, и в малых, и даже в захолустных местечках были свои ячейки, состоящие из людей или видящих гибель всего ценного кругом, или пострадавших тем или иным способом от революции и потому не могущих ею восторгаться.

Группировка происходила везде по двум главным признакам: с одной стороны, общественные элементы, более знакомые с политическими вопросами, а с другой — военные круги, где находились люди, стоявшие ближе к оружию, к возможности оказывать сопротивление насильникам, узурпировавшим власть и разрушавшим родину. Были, конечно, люди и из указанных категорий, не принимавшие участия в этом движении, но это происходило по каким-либо чисто индивидуальным причинам.

Как бы то ни было, ячейки организаций возникали к зиме 1917 года повсеместно. В мелких центрах политические и военные составляли одно целое, в крупных же образовывались раздельно и только лишь с течением времени переходили на совместную координированную работу.

Я был в январе 1918 года проездом в Москве и, уже принимая в то время близкое участие в работе одной из провинциальных ячеек Поволжья, разыскал в Москве людей, которые, по моим соображениям, должны были сочувствовать переживаемому нами и потому не сидеть со сложенными руками.

Найдя интересующих меня людей, я увидал, что они, отбросив тогда всякую партийность, уже признали как единственное государственное начало Добровольческую армию, начавшую тогда свою деятельность на Дону, и старались направлять свою деятельность в соответствии с ее.

Мне было дано поручение, как ехавшему в Петроград и знакомому по войне с некоторыми центральными учреждениями, связаться с ними. Это было мной исполнено, но тогда Петроград уже работал самостоятельно, и потому практически это имело мало значения. По возвращении через довольно короткий промежуток времени в Москву я был послан одним из крупных политических объединений, начавшим тогда принимать более определенные формы, в Среднее Поволжье, куда в течение марта 1918 года и съездил, побывав в Самаре, Саратове и Пензе.

Везде в этих местах ячейки нашлись, но носили они различный характер. Так, например, в Саратове была хорошая военная органи-

зация, и, начнись тогда, как многие и ожидали, восстания в столицах или приблизься части генерала Алексеева с Дона, эта ячейка могла бы сыграть серьезную роль, захватив в свои руки город Саратов, который тогда был для большевиков очень важен как база в их борьбе с уральскими казаками, не признавшими до того времени власти коммунистов. Эта же группа держала связь с Уралом.

В Самаре политическая организация, которую мне пришлось нащупать, была близка к местным социалистическим кругам, и впоследствии, при обстреле Самары летом 1918 года, эта организация выявилась, оказав при занятии города помощь в борьбе с местными красными войсками.

В Самару я попал в момент выступления анархистов, матросов и местных извозчиков против Советов. Это оригинальное соединение произошло вследствие того, что извозчики, предъявившие экономические требования к власти, были поддержаны матросами, находящимися в городе и на волжских пароходах, а также анархистами, игравшими почти везде в это время по городам довольно серьезную роль. Это вообще был момент анархии, Советы устанавливали свою власть, в городах происходили налеты различных банд, действовала еще самоохрана из городских жителей; власть же большевиков проявлялась в требовании с обывателей контрибуций и в арестах обывателей за ее неуплату.

Из Самары я проехал в Пензу. Пенза в ту пору производила с виду более спокойное впечатление. Эсеровские и другие комитеты времен последнего периода власти Временного правительства были заменены Совстами лишь в январе месяце, и притом это произведено было большевиками так несмело, что власть их, казалось, будет весьма недолговечной. Кроме этого, местный губернский комиссар по фамилии Кураев, по-видимому более идейный человек, чем какие встречались в других городах, оказался довольно культурным и дикостей проявлялось значительно менее. А это клало известный отпечаток на весь город. Зато в следующий период, к осени того же года, говорят, этой местности пришлось перенести все ужасы жестокого террора, проявленного председательницей Чрезвычайной комиссии, видимо извращенной садисткой, еврейкой по фамилии, кажется, Бош. Она так зверствовала, что сам Троцкий обратил на нее внимание и отозвал ее оттуда.

Пензенский кружок оказался довольно незначительным и особенно страдал из-за отсутствия денежных средств, но имел хорошие связи с окружающими губерниями, организовал в свое время ячейки, помещая их в различные продовольственные отряды и части милиции,

имел связь с крепкими крестьянами. При наступлении армии с Дона эта местность должна была играть роль плацдарма перед Волгой и казачьими войсками, кои в Оренбурге организовывал атаман Дутов, а на Урале генерал Мартынов[47], мобилизовавший своих казаков и не допустивший туда большевиков.

Одним словом, работа везде шла, и она могла бы принести существенную помощь, если бы Добровольческая армия была в состоянии перейти в наступление. Однако этого не произошло, деньги, которые обещали дать французы, даны не были.

Путешествие, которое мне тогда пришлось совершить по железным дорогам, было почти невообразимым. Не говоря уже о разбитых окнах и дверях, опоздании поездов на полсуток и более, страшном холоде в теплушках вследствие отсутствия печей и дров, что-то неописуемое творилось из-за огромного наплыва пассажиров.

По направлению к Волге тянулись тогда солдаты с Кавказского фронта. Вследствие дальности расстояния, непровозоспособности железных дорог по Кавказу, они от Батума и Трапезунда ехали до Новороссийска морем. Выгрузившись там, им приходилось или дожидаться без конца очереди, или проезжать с неимоверными трудностями через места, где шли бои казаков с Красной гвардией. Путь у Ростова тогда был местами разрушен, и потому возвращающимся домой солдатам приходилось ехать окружным путем через Царицын, что их очень задерживало.

Настроение солдат, я бы сказал, было довольно спокойное и не столь большевистское, как у солдат с Западного фронта. Но рассказы их о распродаже полкового и казенного имущества и запасов с присвоением денег в свою пользу были поистине потрясающими. Между прочим, они говорили, как они погрузили на пароход где-то на анатолийском берегу несколько тысяч пудов муки и сахару из своих полковых запасов для продажи их в России, где цена на эти продукты была выше, и по уговору с матросами военного транспорта, на котором они шли, груз должен был быть между ними поделен. Однако, когда они дошли до места назначения, матросы отказались признать договор и, высадив солдат на берег, груза им не выдали, а увезли его куда-то еще в другое место, где думали получить еще большую прибыль.

Часть уцелевших винтовок, которые по приказанию Троцкого должны были быть оставлены на руках солдат, продавались ими на узловых станциях. Покупатели находились, плата в это время колебалась от 25 до 40 рублей за штуку. Настроение, повторяю, у большинства солдат, в особенности у запасных, было довольно миролюбивое, и стремились они лишь домой.

Зато, попав случайно в вагон 4-го класса, который был полон возвращающимися делегатами с крестьянского съезда, я получил совершенно другое впечатление. Это было что-то невозможное! Видно было, что люди наэлектризованы до последней степени руководителями съезда и возвращаются они как настоящие рассадники большевизма. У этих людей все спуталось в голове, для них все мировые вопросы были ясны и решались они весьма просто. С этими надо было быть осторожным, ибо неудачная фраза могла повести к тому, чтобы быть выкинутым без дальнейших разговоров за дверь вагона.

В это время проезд по железным дорогам разрешался еще беспрепятственно. Билеты выдавались свободно, мешочники преследовались мало, и ими, и солдатами поезда были переполнены. Тогда только впервые появилась на станциях железнодорожная милиция, старавшаяся проявлять свою деятельность, не давая публике спать на вокзалах и т. д. Но местами уже началось воспрещение вывоза съестных припасов в багаже и требовалось иметь разрешение от станционного продовольственного комиссара.

В своих разъездах в конце марта месяца я столкнулся по линии Рязано-Уральской железной дороги с чехословацкими войсками, тянувшимися через Самару на восток. Вид был у них хороший, дисциплинированный, и они разительно отличались от растерзанных наших солдат, оставшихся еще до того времени по гарнизонам.

По дороге и на станциях я слыхал, что появление их в этих местах произвело на местных крестьян потрясающее впечатление, и тотчас же разнесся слух, что пришли немцы для восстановления порядка. Это сразу сбавило у всех тон.

Некоторые местные организации пытались войти в контакт тогда же, еще в марте месяце, с чешским командованием и начальником их корпуса, генералом русской службы Шохор-Троцким[48], но из этого ничего не вышло, ибо чехи отказывались от переговоров, ссылаясь на объявленный ими нейтралитет и на то, что они находятся в зависимости от французского правительства, которое предполагает их отправить на Западный фронт во Францию. На роли чехословаков я еще остановлюсь дальше.

Вернувшись в Москву, я доложил Комитету организаций о мною виденном и сделанном.

В политических кругах раздавались тогда рассуждения об ориентациях, то есть на чью помощь надо России базироваться (Антанты или Германии) для восстановления государственности в стране, ибо ясно уже тогда стало, что русским внутренним силам с этим справиться нет возможности.

Надеявшиеся на помощь Германии, как ввиду ее географической близости, так и ввиду ее нужды в нашем сырье, называли себя «реальными политиками» и считали необходимым завести с ней переговоры или, во всяком случае, прозондировать эту возможность (это фактически и было сделано). Они считали, что германские войска, стоявшие тогда в Пскове и под Смоленском, могут легко, с силой одного лишь корпуса, подойти к обеим столицам и помочь водворить твердую власть. Но для этого нужно было, чтобы Берлин порвал с большевиками и понял, что ему не по пути с ними, а надо мириться и искать сближения с русскими государственными элементами. При этом Германия должна была определенно признать как базу следующие условия: 1) оказание реальной помощи в свержении большевистской власти, 2) полное аннулирование Брест-Литовского мира и 3) предоставление России самой установить себе образ правления.

Необходимость обратиться к помощи Германии политические деятели видели в том, что веденные до того времени переговоры с Антантой реальных успехов не достигали, главным образом оттого, что Антанта не понимала сущности большевизма и, например, представитель С.А. Штатов, сэр Фрэнсис, давал своему правительству такую картину о положении России, что ясно было, что он совершенно не отдает себе отчета в происходящем. Это влияло и на решение Франции прийти на помощь генералу Алексееву денежной субсидией, что тормозило дело с организацией Добровольческой армии и заставляло только понапрасну терять время.

Противники же этой постановки вопроса исходили из того мнения, что Антанта продолжала быть нашей союзницей, что вести дело с Германией, заставившей принять позорные условия Брест-Литовского мира, невозможно и порывать с Антантой для Германии, искренности желания которой восстановить Россию нельзя было верить, было бы нецелесообразно.

Вопрос оставался в стадии «академических рассуждений» и обострился более к началу лета того же года, к какому времени и относится знаменитое письмо Милюкова, написанное им из Украины. Разногласие между членами организаций повело к выходу группы лиц, присвоивших себе название Национального центра. Не касаясь политической платформы этих групп или объединений, могу лишь указать, что они шли под лозунгом неизбежности активного, насильственного свержения коммунистической, террористической власти Советов.

Москва обвиняла немецких дипломатов, не желавших идти на переговоры с антибольшевистскими элементами.

Поделившись добытым мной, я рассказал о появившемся Чехословацком корпусе, и тут же начались попытки договориться с французами, которые, однако, что-то медлили, обещали снестись с Парижем и т. д. В общем, в тот момент мы не смогли добиться ничего реального.

А жаль! Уже в это время чехи могли сыграть роль, а этим выиграно было бы 2 месяца, а за 2 месяца Красная армия, с легкой руки генерала Шварца[49], положившего ее основание, сделала много успехов. Нам казалось тогда заманчивым остановить чехов, появившихся головным своим эшелоном в Самаре, захватить в свои руки губернии (Самарскую, Пензенскую, Саратовскую и часть Симбирской) и положить этим начало помощи Донской армии, опираясь на Заволжье с его уральскими и оренбургскими казаками. Прельщало нас еще то, что в Пензе, ввиду угрозы немцев Петрограду, была эвакуирована часть Экспедиции заготовления государственных бумаг, а иметь сразу аппарат, печатающий деньги, и получить заготовленный уже запас было более чем важно и, главное, легко осуществимо: развернуться можно было бы шутя.

Однако все это разбилось о непонимание обстановки союзниками, да и наши круги действовали недостаточно энергично, не дерзали, — чем так сильны всегда большевики.

К концу апреля я уехал из Москвы и поселился у своих родственников в имении Саратовской губернии, где хотя все уже было давно отобрано крестьянами, но была возможность оставаться жить в доме и где хозяева обрабатывали землю своими руками. Для хозяйства было оставлено еще старым комитетом две лошади, телега без колес и один большой экипаж. Остальное все было продано, кончая последней курицей, еще при Чернове с аукциона сельским комитетом на глазах у хозяев; деньги же поделены между крестьянами. В доме на имущество была составлена опись, часть обстановки снесена в отдельное помещение, и на двери наложена печать, дабы нельзя было расхитить «народного достояния». Но жить пока все же разрешалось. Не желая служить у большевиков и принимать участие в их работе, я предпочитал лучше заниматься личным трудом и обрабатывать своими руками землю.

Мужчин в доме не было, и потому моя помощь была кстати, тем более что я сельское хозяйство знал хорошо. Временами я уезжал в один из ближайших городов, почему имел возможность наблюдать за происходящим по линиям железных дорог и следить за работой наших организаций, принимая в них посильное участие. Газеты в то время приходили довольно аккуратно.

Деревня в это время повсеместно доделивала растащенное, нажитое не одним поколением добро, но оставшихся единичных к этому времени помещиков не трогала, не являлась, как это было в предшествующий период, и днем и ночью с требованиями и переходила в лице своих комбедов и комитетов на борьбу с так называемыми кулаками и более зажиточным крестьянством.

На отношение ко мне крестьянства я жаловаться не могу, они видели, что я справляюсь с полевыми работами удовлетворительно и потому обвинений в дармоедстве не заслуживаю. Но лучше расположенные крестьяне побаивались обвинения со стороны своих руководителей, а также и уездного начальства в дружбе с помещиками, почему не препятствовали проявлению в некоторых случаях опеки, выражавшейся в расследовании, зачем пошла лошадь на станцию без разрешения сельского совета, а также в требовании отвода мне земли по жребию наравне со всеми односельчанами и притом непременно в разных участках по лоскутам. Это все, конечно, надоедало, тем более что при бестолковости на ожидание решения уходила масса времени. Вообще, кому не приходилось иметь дело с общинным хозяйством, тот не может понять, что это за нелепая и стеснительная на каждом шагу зависимость.

Красноармейцы в село наезжали редко, но успели надоесть и тогда уже крестьянству, как вообще и все советское правительство, почему нередко можно было услышать чаяния и ожидания прихода чехов или Дутова, о которых в этих местах доходили слухи.

* * *

Перехожу теперь к описанию образования Восточного фронта, сыгравшего затем такую серьезную роль во всем антибольшевистском движении в России.

Моментом образования восточно-большевистского фронта является занятие чехословаками средней Волги с городами Сызранью, Самарой, Уфой, когда был отрезан восток от центра России. Эти события относятся к началу июня месяца 1918 года. Они имели огромное значение в том отношении, что способствовали развитию борьбы с большевиками в отрезанных от центра России районах; и накоплявшиеся до этого антибольшевистские силы в Сибири получили возможность вылиться в формы, годные для борьбы с большевизмом.

Появление чехословацких войск в приволжских губерниях относится, как я уже указывал, к первой половине марта 1918 года, и появление их в этой местности объясняется осуществлением договора их

командного состава с советской властью, по которому Чехословацкий корпус, начало формирования которого относится еще к дореволюционному периоду и насчитывавший при появлении его на Волге до 60 000 человек, должен был быть эвакуирован в Чехию через Сибирь.

По первоначальному плану эвакуация должна была быть произведена через Архангельск, но какие-то осложнения, а может быть, и всегдашняя путаность и нерешительность в союзнических действиях помешали приведению этого плана в исполнение, почему чехи из пределов Украины были направлены к Волге. Эвакуация производилась с большими затруднениями, как из-за возникновения различных препятствий, чинимых чехам комиссарами, требовавшими отдачи оружия, снаряжения, аэропланов и т. д., так и вследствие малой пропускной способности железных дорог, которые, как, например, Самаро-Златоустовская, могли пропускать лишь по одному эшелону в сутки.

Однако, несмотря на все это, чехи постепенно продвигались, и к 20-м числам мая по новому стилю головные эшелоны уже достигали Челябинска, хвост же их подходил к городу Балашову, стоящему на Рязанско-Уральской железной дороге. Независимо от этого, небольшой отряд находился в Забайкалье.

Но к этому времени отношение советской власти к чехам по настоянию германского посла в Москве графа Мирбаха стало проявляться все в более и более настойчивом требовании приостановки их передвижения и разоружения. По-видимому, Мирбах, по указанию из Берлина, должен был препятствовать усилению союзной армии Чехословацким корпусом, и потому задачей его было остановить корпус в пределах России, разоружить его, а личный состав перевести на положение военнопленных. Уступчивость чехов, проявленная ими в начале весны в центральных губерниях и приведшая к отдаче части своего оружия, прекратилась, и они стали выказывать явное желание не подчиняться.

Тогда из Москвы было отдано распоряжение отобрать оружие силой, и в городе Пензе, где в это время их находилось около 4 тысяч, после безрезультатных уговоров местного комиссара был послан большевиками отряд мадьяр для приведения московского приказа в исполнение. Последнее обстоятельство страшно возмутило чехов, появление мадьяр оскорбило их национальное достоинство, и солдаты потребовали у своего командования дать отпор. 20 мая большевики открыли из орудий огонь по поездам, чехи же начали подтягивать свои отставшие эшелоны, выдержавшие за это время тоже бой около ст. Ртищево Рязанско-Уральской железной дороги. Не надеясь удержать

город в своих руках, ввиду высылки красным командованием из Москвы тяжелой артиллерии и войск, они через 3 дня оставили Пензу и ушли на восток, где в это время шли бои у Самары и Уфы.

Создавшееся положение вызвало у большевистских комиссаров страшную панику. Они, как мне говорили очевидцы, видимо, совершенно не ожидали быстрых и решительных действий со стороны чешского командования, а также не предвидели и не рассчитали неспособности своих частей оказывать сопротивление; небоеспособность же их действительно оказалась феноменальной. Потери чехов за этот бой выразились что-то цифрой около полутора десятка, тогда как у красных она достигала более полутораста человек, в числе коих попалось и несколько комиссаров.

Местный Совет обратился с воззванием за помощью к населению, призывая его стать на защиту крестьянского и рабочего правительства.

Но отношение крестьян было самое отрицательное или в лучшем случае выжидательное. Часть сел просто отказалась дать помощь, часть же, после долгих обсуждений, решила послать ходоков узнать, как обстоит на самом деле дело. Испугали еще крестьян прибежавшие из города односельчане, служившие в Красной армии, дезертировавшие во время паники и рассказывавшие различные ужасы о происшедшем бое: будто бы часть города сравнена с землей и т. д. Комиссаров, удиравших на поездах, провожали по дороге на станциях со свистом и улюлюканьем.

То, что делалось в освобожденных чехами городах, как, например, в Пензе, Сердобске, Кузнецке, Сызрани, нельзя себе и представить. Все облегченно вздохнули, чувствовали себя как на Светлом Празднике.

В городах собрались немедленно думы выборов времен Керенского. Но в Пензе, например, открыто взять на себя власть опасались, ограничиваясь лишь специальной работой, организацией продовольственной помощи или милиции, словом, той, без которой обойтись нельзя было. Это происходило оттого, что чехи предупредили, что они оставаться в городе не предполагают из-за военных соображений, но думают все же скоро вернуться. Однако побывать им в этой местности больше не было суждено. Отойдя по Сызрано-Вяземской железной дороге по направлению на Сызрань, которая в это время уже была в их руках, они остановились примерно в 70 верстах от Волги.

Самара, получив соответствующее распоряжение из Москвы об обезоружении Чешского корпуса, пробовала тоже сопротивляться, но гарнизон ее был наголову разбит. Чехи начали обстреливать город, затем, сделав вид, что отступают, неожиданно отрезали красных от

города и загнали их в речку Самарку. Поднявшееся в это время в Самаре восстание помогло освобождению города. Часть комиссаров была растерзана рассвирепевшей толпой, причем ловили и спасшихся из воды красных, вбегавших в город голыми.

Зато в городах, оставленных чехами, водворившимися назад большевиками был учинен суд и расправа над всеми горожанами, так или иначе проявившими симпатию к чехам. Так, например, буфетчик одного из вокзалов в Пензе отсидел под арестом более двух месяцев за то, что дал какому-то чеху напиться чаю. Павшие во время боя красноармейцы были торжественно похоронены как жертвы контрреволюции, причем жители под угрозой обвинения в сочувствии чехам должны были присутствовать на этом торжестве.

После освобождения Самары от большевиков там начала организовываться Народная армия, мобилизуя офицеров и призывая добровольцев. Приблизительно через месяц пал Симбирск, а вскоре и Рязань. Вниз по Волге очищен был Хвалынск, а также и Вольск, в котором при приближении белых произошло офицерское восстание. В течение лета были полностью очищены местности к востоку от Самары, взята Уфа, Екатеринбург, Челябинск. Одновременно шли бои и в Западной Сибири, и в Забайкалье, и на Дальнем Востоке. В особенности стоило много трудов очищение от красных Байкальского района, где, благодаря горной местности, они долго оказывали сопротивление, сильно разрушив Кругобайкальскую железную дорогу. Все же к концу августа железная дорога была от красных очищена и Владивосток с Самарой соединился.

Как я указал выше, я жил в это время в деревне. Жилось там сравнительно спокойно, и все рассчитывали на скорое приближение чехов, к чему было полное основание, ибо красные отскакивали с невероятной легкостью и быстротой, оставляя нейтральную зону в 50 и более верст.

Как-то в июле месяце красная печать оповестила, что большевиками взята Сызрань, через два дня появилось по Сызранской железной дороге много раненых и оказалось, что чехи, заманив большевиков, вновь перешли в небольшое наступление, при котором Кузнецк, находившийся на полпути между Сызранью и Пензой, был красными очищен, хотя чехи и не думали к нему подходить. Пенза же стала экстренно эвакуироваться, для чего большевики пользовались ночами, в течение которых выход на улицу запрещался.

Бои, конечно, шли преимущественно по линиям железных дорог, фронт же обозначался лишь разведочными отрядами, как с той, так и с другой стороны.

Внутренняя политика Советов к этому времени выражалась в учреждении по деревням комитетов бедноты, в стремлении через продовольственные комитеты получить оставшийся от помещиков хлеб, в реквизициях у городского населения продовольственных запасов. В составы комитетов бедноты, однако, не попадали одни лишь бедняки, как это проектировалось декретами, крестьяне ухитрялись зачастую ставить туда середняков. Вообще же власть чувствовала себя, по крайней мере в прифронтовой полосе, весьма непрочно. Из городов и со станций эвакуированы были все запасы и подвижной состав, а комиссары в городах неоднократно были наготове к бегству, для чего всегда держались паровозы под парами.

Однако, видя, что чехи не наступают, что Донская армия, взяв Новохоперск, на Балашов не двигается, большевики постепенно начали успокаиваться и чувствовать себя увереннее, и к концу июля стали появляться симптомы более агрессивной деятельности, и в связи с этим по городам России начались требования различных регистраций, как военных, так и гражданских, между прочим, судейских чинов; была также объявлена офицерская мобилизация. Таковы были, по-видимому, задания из центра.

Все это кончилось появлением по всем уездным городам особых Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией, состоявших из петроградских и московских рабочих. В том уезде, где я был, во главе ее стоял местный молодой еврей, а в помощь ему даны были два петроградских рабочих. Приехав на место, эта комиссия сразу произвела аресты самых видных людей в городе, причем вначале ограничивались только задержанием более известных своей предыдущей деятельностью на общественном поприще и потому, по-видимому, казавшихся им более строптивыми.

Это происходило до ранения Ленина и убийства Урицкого. Эти два эпизода узаконили борьбу с контрреволюцией, и тут же с объявлением террора началась вакханалия, не поддающаяся описанию и казавшаяся в то время мирному русскому обывателю невыносимой. В городах хватали в ночь по нескольку десятков человек сразу, преимущественно офицеров, чиновников, промышленников; на места же была разослана телеграмма с приказом волостным Советам немедленно арестовать всех бывших офицеров, помещиков, кулаков, бывших полицейских чинов, священников и вообще всех контрреволюционеров с угрозой в случае неисполнения этого приказа предать составы волостных Советов суду трибуналов. Фраза, упоминающая о контрреволюционерах, могла трактоваться весьма свободно, и под это понятие мог подойти всякий и каждый, и потому ждать добра не приходилось.

Я лично в это время был уже начеку, чуть не попался за некоторое время до этого на одной из станций железной дороги, где был случайно проездом и избег ареста лишь благодаря пьяному комиссару из местных хулиганов, который, вместо того чтобы задержать меня сразу, как это, вероятно, ему полагалось, пошел с кем-то советоваться и сноситься по телеграфу, как со мной поступить. Я воспользовался удобным моментом и скрылся со станции.

Меры предосторожности были не излишни; через несколько дней после инцидента на станции, примерно дней через 7—8 (это было 25 августа по старому стилю), к усадьбе, в которой я жил, подъехали неожиданно вечером двое членов местного волостного совета с целью меня арестовать. Сообразив, что их приезд неспроста, я выскочил в сад через окно. Узнав, что я в отсутствии, один из совдепщиков высказал известное удовлетворение по этому поводу: дескать, им самим неприятно участвовать в таком «конфузном деле», но должны подчиняться, боясь ответственности. И они отправились арестовывать других лиц, кои значились у них в списках.

Оставаться нельзя было, все равно мое присутствие было бы обнаружено кем-нибудь из сельской молодежи большевистского толка, находящихся в связи с уездным советом. Как оказалось впоследствии, вся первая партия арестованных в уездном городе была зверски собственноручно расстреляна приехавшей комиссией; и у меня не было никаких оснований делать себе иллюзий, что мне удалось бы выскочить из этой истории.

Что касается арестованных сельских кулаков, то за них повсеместно начали заступаться местные сходы, которые выносили удостоверительные приговоры, что эти люди не являются кулаками и паразитами; словом, появилась защита в своих же кругах, которая в большинстве случаев и увенчивалась успехом благодаря тому, что списки контрреволюционеров в конце концов составлялись своей же волостью, где сидели, конечно, свои люди. При этом нужно отметить, что чем данная деревня находилась дальше от своего уездного города или местечка, где хозяйничали приезжие коммунисты, тем волостная власть была мягче, менее подчинялась.

Теперь мне оставалось решить вопрос, куда идти? У меня был фальшивый паспорт, приготовленный на всякий случай заранее, и до 600 рублей в кармане, но это была слишком небольшая сумма, чтобы на нее можно было долго продержаться. Я решился перейти в другой уезд, где у меня был знакомый священник и где меня не знали. Я все время придерживался того взгляда, что организации рассыпаться не следует: мы несравненно больше могли принести

пользы, поддержав наступление внутренним восстанием, и, будучи в связи с железнодорожниками, могли захватить подвижной состав и не дать вывезти запасы из этого района, а тут местами были запасы нефти, которые были очень нужны и для населения.

Решив двигаться, я взял смену белья в солдатский мешок за спину и отправился в путь. Прожив два дня в безопасности в другом уезде, я убедился, что ничего хорошего не выясняется; начали появляться из местного уездного города спасавшиеся от приехавшей тоже и туда Чрезвычайной комиссии.

Бежали люди самых различных профессий: были учителя, служившие на войне прапорщиками, были лавочники, бежали купцы, чиновники, бывшие полицейские, агрономы и другие интеллигентные и полуинтеллигентные люди. Все это стремилось либо к чехам, либо в более глухие места в надежде пережить первый шквал.

Убедившись, что есть арестованные и среди близких мне по конспиративной работе людей, что организация разгромлена, что фактически дело наше пропало и помощи оказать нельзя, я, уведомив друзей, решился идти к чехам, фронт которых был от меня по прямой линии верстах в 350. Направившись на восток, я шел в полной уверенности, что иду не надолго; все так говорило за успех Белого дела, всем так ненавистен был красный режим и таким бессмысленным и уродливым он казался по своему существу и основаниям, что тянуть его, казалось, нет никакой возможности. Да и логика, и обещания союзников о необходимости восстановить на Волге противонемецкий фронт ввиду связи Германии с большевиками были так убедительны. Однако все надежды обманули.

Сперва я шел по довольно знакомой мне местности, заходя к известным мне хуторянам, мелким землевладельцам, мельникам, которые давали мне рекомендации и направляли к своим родным и приятелям. Тогда большинство из них еще сидело на местах, но впоследствии много и из них погибло, сидя в тюрьмах за неуплату контрибуций. Все эти люди входили в мое положение, способствовали всеми силами, давали советы, указания. Местность, по которой я шел, была довольно глухой, я избегал больших дорог, проезжих или торговых сел, хотя это, конечно, удлиняло значительно путь, но зато давало возможность идти, где террор еще не успел проявиться. По дороге мне называли и других лиц, бежавших теми же днями по тому же направлению.

Общее мое впечатление от соприкосновения не только с сельской буржуазией, но и вообще с населением, попадавшимся мне по дорогам и селам, выражалось в определенном недовольстве совет-

ским режимом. То, что власть перешла в руки более бедных крестьян и молодежи, вызывало известный протест. Ведь в большинстве случаев бедными в селах являются неудачники в хозяйстве или пьяницы и лодыри. Неудачники вследствие несчастий не являются подходящими для руководства Советами, в большинстве случаев они тихие и скромные мужики. Плохой же хозяин, лодырь, уважением села не пользуется, хотя временно он и может выплыть на поверхность.

Ближе к фронту можно было услышать разговоры о различных боевых действиях; население было в курсе дела происходящих столкновений, знало линию фронта.

Тут пришлось услышать много рассказов о преследовании священников со стороны красных в связи с борьбой и преследованием лиц, сочувствующих белогвардейцам. Эти рассказы имели, по-видимому, одни и те же основания, и молва шла из уст в уста, повторяя те же случаи. У меня еще и сейчас на памяти рассказ, как к дьякону какого-то села близ ст. Барыш Московско-Казанской железной дороги пришли вечером какие-то люди и, назвавшись белыми, попросились у него переночевать. Дьякон этот, узнав, что его гости белые, с удовольствием впустил к себе, начал угощать, сказав, что для них у него хватит провизии хоть на целую неделю. Через некоторое время вновь послышался в окно стук, и, опасаясь за своих гостей, дьякон спрятал их под пол. От пришедших он скрыл присутствие находящейся компании, но те вдруг появились, заявили, что они красные, и тут же, выведя на двор дьякона, расстреляли его за сочувствие белогвардейцам.

Пройти эти 350 верст пришлось по Пензенской и Симбирской губерниям. У линии фронта мне стали попадаться подводы, а иногда и целые обозы, шедшие из Сызрани и обратно с товаром и продовольствием. В Сызрань везли преимущественно табак, производства которого на Волге нет, а обратно везли из чехословацкого района соль и керосин, в котором тут ощущался острый недостаток. К этому времени, то есть к началу сентября по старому стилю, пропуск через фронт был свободен.

Однако, когда я подошел к линии, положение неожиданно обострилось. Еще по дороге я услыхал разговоры о полученных в волостях сведениях, что Симбирск и Казань пали, и, хотя это известие казалось невероятным в силу тех надежд, которые возлагались на чехов, тем не менее, приходилось верить.

Последнюю часть пути я шел с попутчиками, какими-то рязанскими мужиками и бабой, пробиравшимися в Сибирь к родственни-

кам, ближе к хлебу. Один из них, старик, проживший в Петрограде в качестве приказчика в зеленной на Сенной площади и купивший после долгих лет упорного труда где-то дом за Выритой, никак не мог примириться с тем, что большевики реквизировали у него этот дом, а его из него выгнали. С этими спутниками мы случайно встретились по дороге и наняли шедшую в Сызрань за солью подводу, с тем чтобы иногда подсаживаться на телегу, но по пескам и в гору был уговор идти пешком.

За несколько десятков верст до последней деревни, находившейся в то время в руках красных, мы справлялись у встречающихся относительно возможности проехать в Сызрань и получали неизменный ответ: «Идите смело, никакой задержки по пути нет». Однако при въезде в это последнее село, за которым уже в 12 верстах находились чехи, нас неожиданно задержал разъезд, только что въехавший в деревню. После короткого разговора, осмотра паспортов, убедившись, что оружия нет, задержавший нас рослый красноармеец, по-видимому латыш, разрешил идти дальше. Обрадовавшись, мы все уселись на подводу и поехали рысью, надеясь до ночи проскочить фронт.

Но не тут-то было. При повороте в переулок мы увидали, как какие-то тени замелькали в окне углового дома, и затем выбежавший на дорогу красноармеец приказал нам вслед остановиться. Пришлось подчиниться, ибо чувствовалось, что шутить не будут. Тогда подошли к нам человек пять вооруженных «товарищей», и один из них, в белой панахе, на вид совершенно молодой, с удивительно ясными голубыми глазами, принялся нас допрашивать, откуда и куда едем, зачем, кто мы такие и. т. д. После предварительного допроса, который он вел в весьма повышенном, совершенно не шедшем к его детскому облику тоне, нас повели в угловую избу, где находился штаб. Там сидело и стояло человек 8—10 красноармейцев, и их начальник, в гусарских красных чакчирах, начал выслушивать доклад нас приведшего. В докладе упоминалось, что ввиду полученного два дня тому назад приказа о запрещении проезда через фронт нас надлежит отправить в ближайший штаб отряда, находившийся в 50 верстах на станции железной дороги, лошадь у возчика реквизировать для нужд армии, телегу же пусть подводчик везет на себе. При этом телега называлась все время «повозкой», что показывало, что говорившие были не из этой местности. Начальник, однако, недолго нами занимался, его отвлекли вопросами фуража для лошадей, который реквизировался у крестьян для только что приехавшего отряда. Оказалось, что этот разъезд въехал в село всего за час до нашего появления. Вместо начальника, принялся за нас матрос, важно развалившийся и начавший весь допрос снача-

ла. В конце концов, не вынеся никакой резолюции, человека четыре пошли обыскивать телегу и наши вещи.

Я им говорил, что еду к семье, находящейся за Волгой, показывал паспорт и удостоверение от какой-то мастерской, где раньше я будто служил, причем доказывал неосновательность нашей задержки, убеждал, что запрещением проезда через фронт они подрывают отношение к советской власти, ибо при недостатке соли и керосина это запрещение будет учитываться с недоброжелательством. Такие разговоры были мыслимы еще в то время! Доводы мои в конце концов подействовали на белокурого, и он отступился, сказав, что с его стороны препятствий к нашему пропуску нет и он решение передает на усмотрение товарищей. Тогда подошел к нам второй и начал обыск снова, причем снял с меня куртку, обшарил карманы, вывóротил кошелек, ощупал всего, однако не взял ничего, на что он с гордостью указывал. Во время этого обыска слышно было, как один из красноармейцев говорил другому: а может быть, и правда, что пролетарий, отпустим их. Они вообще на меня, как на самого молодого, обращали внимания больше. А может быть, и физиономия моя казалась им более подозрительной. В итоге на четвертом допрашивающем нас было решено ввиду позднего времени задержать, а утром уже решить, что делать с нами. После этого отвели нас в избу какого-то чувашина (село оказалось чувашским), где и предложили расположиться. Караульного не приставили, а только с вечера раза два к нам понаведались.

Вскоре после того, как стемнело, стало слышно пение со стороны штабной избы, стали раздаваться выстрелы, бешеный лай собак. Оказалось, красноармейцы достали самогонки и загуляли. Пение продолжалось довольно долго, и только начавшийся дождь загнал гуляющую публику по избам. Мне, конечно, было не до сна. К утру, когда еще было совершенно темно, часа, вероятно, в четыре, я разбудил своих спутников и стал доказывать им необходимость немедленно трогаться дальше. Возница, боявшийся реквизиции лошади, присоединился ко мне, и все согласились.

Во избежание задержки у штаба мы решили проехать задами, а ввиду незнания дороги я начал уговаривать нашего хозяина, явно не сочувствовавшего красным, проводить нас до леса, начинавшегося верстах в четырех от села. Однако боязнь ответственности заставила его наотрез отказать.

Ощущение сырости, незнание местности, возможность быть вновь задержанными патрулями красных были весьма неприятны. В каждом кусте, каждой точке, чернеющейся на начинающемся светиться

горизонте, чудился верховой. Лошадь мы гнали насколько могли, но благодаря грязи пришлось все же идти пешком. Через некоторое время, уже недалеко от леса, мы нагнали какие-то подводы. Это оказался довольно большой обоз, шедший с беженцами из города Кузнецка Саратовской губернии, откуда они бежали со своим скарбом ввиду происшедшего налета на город анархистов, сопровождавшегося страшной кровавой бойней. Все эти беженцы стремились на восток, думая найти убежище и безопасность у чехов.

Узнав от нас, что мы вырвались от красного разъезда, весь этот обоз, растянувшийся на порядочное расстояние, всполошился, дремавшие люди встрепенулись и, в испуге повторяя «красные, красные», начали стегать лошадей; пассажиры спешились и бежали рядом с телегами. Картина была до того курьезная, что, несмотря на довольно серьезное положение, без смеха нельзя было смотреть на эту растянувшуюся по дороге ленту лошадей, телег и бегущих, с поднятыми на голову подолами от шедшего довольно сильного дождя, людей. Как вся эта компания проскочила мимо застав, один бог знает. Вероятно, загулявшие с вечера красноармейцы под утро крепко заснули и прозевали обоз.

Добравшись до леса, тянувшегося до села, занятого, по слухам, чехами, верст на шесть, мы вздохнули свободнее. Тут уже легче нам было спастись, свернув в нужный момент с дороги в чащу. Однако опасения оказались напрасными, и мы никаких разъездов или дозоров более не встречали. В деревне, находящейся на чешской стороне, тоже никаких дозоров не оказалось, и только уже дальше, верстах в 25 за этим селом, нам попались двое верховых с белой повязкой на рукаве, принадлежавших к составу Народной армии, собственно же чехов не было в этом районе совсем.

Приближаясь к Сызрани, мы видели в стороне линии железной дороги, как вышедший броневой или просто вооруженный поезд обстреливал шедший навстречу паровоз красных. Каких-нибудь частей войск мы не встречали по дороге совершенно. Впечатление было такое, что идет спор за обладание полотном железной дороги и занятие или оставление деревень происходило исключительно по этим соображениям. Население к белым или, как оно говорило, к «чекам» было благожелательно, и только местами говорили, что белые уже несколько месяцев не платят добровольцам жалованья. Зато указывалось на обилие на Волге продуктов, белого хлеба, на свободную торговлю, и последняя в особенности казалась населению ценной. Таким образом, я добрался на 12-й день на Волгу. Это было 6 сентября по старому стилю.

При въезде у нас спросили документы, но это делалось более для формальности. Вообще картина представлялась отнюдь не боевой, и жизнь во всем этом районе имела самый мирный, безразличный характер.

У белых

Если прилегающая местность к Сызрани не была занята войсковыми частями и не имела вида театра военных действий, то сам город Сызрань был настоящим военным лагерем. Вся власть как в городе, так и на станции железной дороги была в руках чехословаков, образовавших свои штабы, комендатуры, контрразведки. Русские части были в этот момент на фронте, и жизнь населения руководилась чехами.

Порядок в городе был сравнительно хороший, то есть никаких поражающих глаза ненормальностей или уклонений от общего типа прежней жизни русских городов заметно не было. В магазинах товары были, продажа съестными продуктами шла везде. На базаре на площади, в лавках по городу можно было видеть и белый хлеб, и сливочное масло, и притом по весьма недорогим ценам. Урожай 1918 года был очень хороший, и потому недостатка продуктов при свободной торговле не было.

Ощущение возможности ходить, свободно ходить по городу, быть равноправным с другими гражданами, после порядков Совдепии, было исключительно приятное, и кто не пережил этого контраста между моральной подавленностью и внешней хотя бы свободой передвижения по городу, соединенной с чувством защиты и возможностью искать ее у властей, вероятно, не поймет переживаемого мной в тот момент.

Но в это время население уже переживало неприятные дни, так как после падения Казани, Симбирска, Хвалынска фронт стал постепенно приближаться и к Сызрани. Появились слухи о продвижении красных на степном берегу Волги, в пределах Николаевского уезда. Речная Волжская флотилия вела в эти дни бои с красными пароходами всего в 30—70 верстах по реке книзу, и, ввиду серьезности положения, было отдано распоряжение рыть окопы вокруг Сызрани. Для этой цели было мобилизовано население, и можно было видеть лавочников и местных буржуев, нанимающих для работы за себя охотников из чернорабочего люда, на что стояла цена около 12 рублей за день.

Сдавать Сызрань врагу, видимо, в расчет чехов не входило, и потому принимались меры для ее удержания. Сызрань, как охранявшая подступы к Александровскому железнодорожному мосту через Волгу, имела большое значение, так как с отдачей его невозможно было бы удержать Самары и вообще всего левого берега. Однако слухи о неудачах ползли, с Волги передавали о происходящих перестрелках пароходов, и по наименованиям сел было видно, что красные имеют успех. Население, то есть та часть его, которая не желала оставаться в руках красных, стала собираться за Волгу.

В первый же день своего приезда в Сызрань я случайно встретил в чешской контрразведке двух своих приятелей из антибольшевистской организации, бежавших, как оказалось, от арестов в те же дни, что и я.

Ввиду нахождения штабов и центра власти в Самаре, мы втроем решили двинуться туда. Пришлось брать у чехов пропуск на проезд, и, получив его, мы отправились на пароходную пристань, где очередного парохода пришлось ждать ровно сутки, ибо на только что ушедший мы опоздали.

Волга представляла собой тихое зрелище; и кто ее помнил по экскурсиям довоенного времени, дававшим такое наслаждение и отдых всем городским жителям, теперь не узнал бы ее. Она была совершенно мертва. У пристаней стояло несколько маленьких буксиров и с десяток баржей. Часть баржей, пришедших при нас сверху, была полна беженцами западных губерний, попавшими еще на Волгу в течение 1915—1916 годов. На эти баржи они были посажены не то в Казани, не то в Симбирске еще при весеннем владычестве большевиков для отправки их на родину, а ввиду мешавшего по дороге фронта их направили на Саратов, откуда якобы они должны были ехать по железной дороге дальше. Судьбы этих несчастных я не знаю, но вид их и положение было ужасное, более чем тяжелое.

7-го вечером я со своими спутниками попал на шедший вверх пароход, и 8 сентября по старому стилю мы добрались до Самары.

Самара кипела народом. Места, где можно было бы остановиться, абсолютно не было. Гостиницы были все переполнены. В конечном итоге, после долгих скитаний, случайно в одной из грязных, находящихся на берегу Волги у пристаней гостиниц нам сказали, что место можно найти на пароходах, находящихся в распоряжении комендатуры речной флотилии.

Отправившись на пароход «Харьков», стоявший у пристани «Кавказ и Меркурий», я нашел штаб боевой флотилии; там я встретился со знакомыми моряками, тут же давшими нам приют на одном из

пароходов, где мы и прожили до момента эвакуации Самары. Вскоре нас зачислили в списки флотилии, дав мне, например, работу по службе связи с береговыми учреждениями и штабом сухопутных войск, где у меня оказались сотрудники по антибольшевистской работе.

Военное управление области было разделено между чехословацким командованием (державшим в своих руках главное командование и управление по оперативной части, железнодорожное сообщение с телеграфом) и штабом Народной армии. Народная армия была организована на добровольческих началах, причем обязательность службы была объявлена на три месяца. Офицерство было мобилизовано. Во главе Народной армии стоял полковник Галкин, находившийся до освобождения Самары в конспиративной организации, поднявшей при приближении чехословаков восстание.

Части, входящие в состав Народной армии и находящиеся на фронте, состояли из нескольких самостоятельных отрядов или групп. Во главе этих отдельных групп в течение лета и осени 1918 года между прочими находились: полковник Генерального штаба Махин, тяготевший к эсерам и командовавший отрядом, оперировавшим к югу и юго-востоку от Самары; затем капитан Степанов, оперировавший под Казанью; подполковник Генерального штаба Каппель на Бугульминской железной дороге. Волжской флотилией командовал мичман Ершов[50], Камской — капитан 2-го ранга Феодосьев[51]; были еще отдельные части Ижевского и Воткинского заводов. Самой популярной частью из вышеназванных был, бесспорно, отряд Каппеля. Каппелевцы признавались всеми самой стойкой и цельной частью, они позже без перерыва защищали позиции вплоть до падения Уфы при необычайно тяжелых условиях, почти раздетыми при сильных морозах, и своим поведением внесли не одну красивую страницу в борьбу за освобождение родины. Вообще почти все, как стоящие во главе боевых частей, так и сами части вели себя с большой доблестью. Во главе чехословаков стоял полковник Чечек, который и считался главнокомандующим всеми военными силами.

К моменту борьбы, в которой я принял участие, начался период неудач. Заняв на севере Казань и Симбирск, а на юге Хвалынск, красные перешли за Волгу и своим движением на Николаевск и Самару обнаруживали стремление перерезать Самаро-Златоустовскую линию железной дороги, отрезав Самару. Одновременно красные двигались от Симбирска по правому берегу Волги, угрожая отрезать Сызрань, а с севера из Казанского района от Чистополя нажимали на ст. Нурлаты Бугульминской железной дороги.

Народная армия оказалась нестойкой, частью из-за плохого обмундирования и полного недостатка снаряжения, пополнявшегося исключительно отбиранием его от красных в бою, частью же благодаря неспайке фронтовых отрядов, формировавшихся по случайным признакам, с приемами времен Керенского, что, конечно, устойчивости и боеспособности не давало. Вследствие этого, несмотря на весьма низкое состояние тогда Красной армии, бывшей лишь в стадии формирования, все же преимущество оказалось на стороне последней.

Чехословацкий корпус, проявивший столько доблести в начале лета, к этому времени начал проявлять усталость; в существовавших у них при частях комитетах появилось разложение, начали учащаться случаи неподчинения боевым приказаниям, стали обнаруживаться разговоры об усталости, о нежелании воевать за Россию, что является обязанностью самих русских и т. д.

Колоссальную роль в этом отношении сыграла неустойчивая, колеблющаяся политика Антанты. С одной стороны, все говорило, что союзники решили поддержать антибольшевистское движение, как продолжение борьбы с Германией, и потому поддержка руководителей и лояльных элементов, не допускающих приятия позорного Брест-Литовского договора, казалась и естественной, и логичной. При этом такие факты, как работа французского консула (Гине) в Самаре, позиция англичан (сэра Элиота, Нокса) и японцев во Владивостоке и на Дальнем Востоке, высадка десанта на Мурмане, поддержка армии генерала Алексеева, говорили за желание союзников оказывать помощь в этой борьбе, и потому распространявшиеся по городу слухи, как, например, слух об ожидаемом на днях прибытии тяжелой артиллерии, снаряжения и т. д., вызывали вполне естественные надежды, создавая известные расчеты на эту, казалось, законную в общем деле поддержку.

Одновременно с этим явное покровительство и имеющиеся данные об активной роли Германии в лице графа Мирбаха, в связи с проявленным им весной отношением при разоружении чехов, определенно делило и идеологическую, и практическую сторону дела на две части: антибольшевистскую с союзниками, с одной стороны, и германо-большевистскую, с другой. Эта сторона дела очень важна, и можно видеть, как она проходит красной чертой во всем последующем периоде, вплоть до 1920 года.

До чего помощь Германии большевикам считалась бесспорным фактом, видно хотя бы из того, что момент происшедшей революции в Германии, в ноябре 1918 года, учитывался всеми деятелями Белого движения и печатью как скорый разгром Красной армии, ос-

тающейся без немецкой помощи. Однако проявленный уже тут явный разброд мысли и многогранная политика союзников, считавших себя окончательно застрахованными от немцев, привели к тому печальному положению, в котором оказалась Европа в период после Версальского договора, к гибели стольких русских людей и культурных сил, к обескровлению надолго России. Это положение всецело отразилось на чехословаках, уронило сперва их боеспособность и привело их затем в такое состояние, которое вызвало презрение и негодование среди русских в Сибири и Владивостоке. Между тем летом 1918 года отношение к ним было более чем восторженное и благодарное.

Что касается времени, о котором я говорю, то поколебавшаяся дисциплина среди чехов привела к преждевременному оставлению Ставропольского района (к северу от города Самары), что немедленно отразилось на общем положении фронта и, в частности, Самары. До чего дисциплина поколебалась и до какой степени разложение стало прогрессировать, видно из того факта, что полковник Швец, командир одной из чешских боевых групп, не перенес создавшегося положения и, незадолго до оставления Уфы, кончил самоубийством. Факт этот произошел в серьезный момент, когда приказание его не было исполнено подчиненной ему частью во время сражения, и он тут же, не выходя из вагона, где находился его штаб, пустил себе пулю в лоб. Швец считался одним из выдающихся и лучших чехословацких военачальников.

Говоря об общем положении дела на Волжском фронте, нужно указать, что, при занятии чехословаками Самары, бывшие в это время там члены Учредительного собрания Брушвит, Вольский, Фортунатов и другие взяли гражданскую власть в свои руки. В скором времени примкнули к ним и другие их товарищи, выделившие из себя Комитет, получивший сокращенное название «Комуч», члены которого и поделили между собой министерские портфели. Не останавливаясь на том, как у них шла работа по управлению области, могу лишь указать, что, например, министерством внутренних дел заведовал Климушкин, бывший в свое время волостным писарем и, конечно, оказавшийся совершенно неподготовленным ко взятым на себя обязанностям. Что это так, видно из того, что, несмотря на всю его развязность, ему пришлось обратиться к бывшему самарскому губернатору, проживавшему там (князю Голицыну), за частичными указаниями для дел, в которых Климушкин запутался.

Само собой понятно, что направление Комуча было совершенно социалистическое, ибо почти все члены Учредительного собрания не

большевики принадлежали к партии эсеров. Знаменательно при этом, что одновременно с Комучем существовал в городе Совет солдатских и рабочих депутатов.

Из состава учредильщиков главное участие принимали: Вольский (присяжный поверенный из Твери), Фортунатов и Климушкин от Самары (первый штабс-капитан), Авксентьев (от Пензы), Лебедев (бывший морской министр времен Керенского), Брушвит, Федорович и кое-кто другие, фамилии которых сейчас не помню. Лебедев больше разъезжал по фронту. Отличался еще некий Мейстрах, выступавший в Самаре по сбору денег на нужды антибольшевистской работы. Этот Мейстрах замечателен тем, что в течение следующего лета (1919 года) он уже при большевиках занимался усиленной критикой работы Комуча, писал ярые статьи в самарской красной печати в защиту советской власти, одним словом, продался ей совсем, принеся повинную за свою деятельность. Виктор Чернов появился только к концу августа и, конечно, был принят учредилкой нескончаемыми овациями, заняв место председателя. Общее число учредильщиков к этому времени, если не ошибаюсь, достигало 70.

Как велось дело, а также все тонкости, трения и отдельные эпизоды, довольно трудно теперь вспомнить. С тех пор прошло несколько лет, события же слишком быстро менялись, причем они развертывались около фронта, и потому уследить за всем было очень трудно. Однако как на характерный факт отношения гражданской власти к военной можно указать на то, что при начальнике штаба Народной армии полковнике Галкине был приставлен в качестве его помощника (по крайней мере, так говорили среди военных) некий поручик Взоров, партийный с.-р. (мало похожий с виду на офицера), на обязанности которого лежал надзор за работой Галкина и чинов его штаба и недопущение проявления контрреволюции в командовании. Он ни минуты не оставлял Галкина одного, и, даже при приемах посторонних, фигура Взорова неотступно следовала по пятам Галкина, обходившего приемную залу.

Насколько позиция учредильщиков сделалась среди военных непопулярной, видно из того, что многие из офицеров в прилегающих к Волге местностях (я слыхал это незадолго до бегства своего к чехам) предпочитали идти на юг в Добровольческую армию, несмотря на ее отдаленность, а не в Народную, в надежность которой не верили, усматривая в общем курсе политики определенное партийное течение.

Вначале, по освобождении Самары, как говорили, этого не было заметно, но чем дальше, тем нагляднее начала проскальзывать та тенденциозность, которую особенно ярко проводил председатель Коми-

тета Учредительного собрания — Вольский в своих крикливых, полных демагогии воззваниях.

В конечном итоге крепкой армии создать не удалось, чехословакам сражаться надоело, и, вместо движения на Москву (на чем настаивали в своих сношениях агенты Антанты), начался общий отход, ряд неудач. Сперва пали Симбирск и Казань, немного погодя отдали Вольск и Хвалынск, затем стали очищать Сызранский район, а потом Самарскую и Уфимскую губернии. Так блистательно начатая операция, на которую возлагали надежды мыслящие оставшиеся в России круги, постепенно начала сходить на нет. Единственный отряд, крепко державшийся и отступавший шаг за шагом с боем, был отряд доблестного полковника Каппеля.

Справедливость требует, однако, сказать, что в течение лета как отряды чехов, так и Народной армии проявляли чудеса храбрости и самоотвержения. Но общая обстановка в связи с неоказанием помощи союзниками, неправильной позицией партийных руководителей, не сумевших поддержать главную опору армии — офицеров, и неполучением, с другой стороны, серьезной, длительной помощи и сочувствия у крестьянства дала возможность большевикам не только занять Приволжский район, но даже продвинуть свой фронт на 60 верст за Уфу.

Отношение населения к Белому движению я бы охарактеризовал так: наступающие, освободительные части встречались везде восторженно. Городское население — мещанская, чиновничья часть его, пригород чаяли получить усиленное продовольствие, свободную торговлю, известный порядок старого уклада, личную безопасность. Однако невозможность удовлетворить все эти чаяния и надежды делало городское население пассивным к борьбе.

Крестьянское население в своей массе относилось с места более инертно, как вообще более недоверчивое, менее к тому времени пострадавшее от красного режима, чем городское, и, кроме того, боявшееся до известной степени ответственности за учиненные им грабежи и самовольство. Немалую роль, конечно, играли и репрессии, производимые красными в случае их успеха. Кроме того, в самарских степях большевики к тому времени своей власти вполне проявить еще не успели, а степное население, как я буду иметь еще случай указать впоследствии, до известной степени всегда было склонно к анархии или, вернее, нежеланию подчиняться властям.

Если меня спросили бы, в чем разница между Народной и Красной армиями и почему в то время, в первый период борьбы, преимущество оказалось у красных, я, кроме вышеуказанных причин,

указал бы на следующее: преимущество Красной армии заключалось в том, что она опиралась, как-никак, на некоторые организованные части (например, латышские, красногвардейские, матросские и другие), либо не потерявшие офицерский кадр, либо уже испытанные, спевшиеся в своих делах, состоявшие из фанатичных, искренно увлекающихся, распропагандированных людей, оказывающих потому огромное сопротивление. Кроме того, эти части, как-никак, были хорошо снабжены и экипированы.

Народная армия этих свойств не имела. Достаточно указать на различную идеологию ее элементов, не понимавших военного духа, не дававших возможности спаяться, а затем и на отсутствие как административного аппарата, так и воинского снаряжения, в особенности винтовок. Кроме того, большевики принуждали выполнять намеченное, не стесняясь средствами, здесь же думали о правах, демократических требованиях, искали поддержки у людей мягких по своему существу. Последнее относится ко всему Белому движению, за весь период этих двух лет.

Народная армия держалась, пока были чехословаки, служившие известной канвой, но как только сдали они, то все остальное, руководимое партийностью, неопытными людьми, начало распадаться. А условия начала борьбы, в первой ее стадии, были во всех отношениях весьма благоприятны. При всем этом среди руководителей и в управлении белых было много авантюристов, а также людей, стремящихся вводить немедленно порядки и нормы правового уклада, что, конечно, после пережитого было невозможно.

В лучшем положении была Сибирская армия, заслоненная от Москвы Волжским фронтом; она вела у себя борьбу не всеми кадрами сразу, почему смогла сорганизовать ядро, удержавшее в итоге красных на Урале, и даже взять к весне 1919 года инициативу в свои руки. Разложилась она лишь после затяжки Гражданской войны, вследствие атаманческих тенденций, руководящихся лишь местными целями, а также эсеровской большевистской разрушительной работы в тылу, по всей необъятной Сибири. Казачьи войска, как более однородные, оказались более способными для борьбы, и город Уральск, например, гордился, что он не знал большевистского режима и системы вплоть до весны 1919 года, то есть $1^1/_2$ года после 25 октября. Но отсутствие снаряжения погубило и его.

Вернемся, однако, к описываемому мною времени. Дела Волжского фронта, как я упоминал, стали к этому времени все ухудшаться. В последних числах сентября по новому стилю пала Сызрань и, несмотря на уничтожение одного из пролетов Александровского же-

лезнодорожного моста, наступление большевиков развивалось, в результате чего, в первых числах октября, решено было оставить Самару.

Я был по эвакуации штаба речной флотилии оставлен для связи штаба армии с пароходами, державшими линию фронта вверх и вниз по Волге. В городе в это время уже чувствовалось нервное напряжение, появились кучки шушукающихся, ночью раздавались по улицам выстрелы, а затем уже начались грабежи складов пристаней на Волге, оставшихся к этому времени без хозяев.

6 октября, в воскресенье, остатки войск двинулись по направлению ст. Кинель, находящейся в 40 верстах к востоку от Самары. К вечеру сложился и штаб Народной армии, передав защиту города полковнику Махину, только что вернувшемуся с южной линии фронта. Грохот орудий в этот великолепный летний день, отдельные части с обозами, тянувшиеся по улицам города, которые были полны народа, усиливали напряженность момента. Но радости на лицах я не видал. Чувствовалась у большинства тревога как от неизвестности, так и от связанных с переменой хозяев неизбежных репрессий.

Придя на вокзал, откуда должен был отправляться штаб армии, я увидел полную невозможность эвакуироваться с ним. Тогда я решил уговорить несколько офицеров, не попадавших тоже на поезд, идти самостоятельно по большой дороге догонять свои части. Мне, прошедшему перед этим почти что 400 верст, это путешествие казалось пустяшным, тем более что дивная погода способствовала этой прогулке.

Взяв винтовку и мешок со сменой белья за плечи, мы двинулись в путь. Настроение было хорошее, верилось в правоту дела, рисовалось, что все происходящее плод какого-то недоразумения, и лишь тревожила оттяжка освобождения России, где томились несчастные оставшиеся под игом негодяев и грабителей, калечивших страну во имя своих интернациональных экспериментов. Пройдя Бугурусланским трактом верст 15, мы подошли к полотну Самаро-Златоустовской железной дороги, по которой проходили каждые полчаса эшелоны из Самары.

Железнодорожное сообщение было, как я указывал выше, в руках чехов, и потому, естественно, они заботились сперва об эвакуации своих, отстраняя и мало интересуясь нуждами русских. В особенности трудно было жителям, стремящимся к выезду и не могущим получить места в поездах и потому принужденным выбираться из Самары самыми разнообразными способами. Но интересно было то, что настроение беженцев было такое, что будто они оставляют насиженные

места на 2—3 недели, и потому большинство ехало налегке. Я знаю людей, зимовавших затем в Сибири, оставивших даже теплую одежду дома и бедствовавших потом от холода.

Но сравнительно жители Самары и Сызрани все же эвакуировались с большим удобством, чем, например, жители Казани, которым пришлось бросить город неожиданно в течение 2 часов и бежать пешком, ибо другого сообщения ни водой, ни железной дорогой не было. Одних беженцев из Казани, по большевистским сведениям, насчитывалось 78 тысяч. Путь, как говорят, между Казанью и Лаишевым (на Каме) представлял из себя черную ленту от массы людей, тянувшихся по дороге. Бедствовали эти люди ужасно, ибо хлеба или вообще питания получить в селах почти было нельзя. От Лаишева их везли на баржах до Уфы, что также принесло много горя, но страх перед властью красных, уже раз пережитой, гнал этих несчастных хоть на край света.

Добравшись 7-го до Кинели, я разыскал эшелон Волжской флотилии и кое-как пристроился к нему. Движение по железной дороге было трудное; недоставало паровозов, и потому всякий эшелон, заполучивший таковой, тут же и ставил на него часовых с винтовками, дабы не завладел им кто-либо другой.

Эвакуация вообще дело трудное, а тут при плохо функционирующем аппарате, массе хозяев, недостатке всего дело шло из рук вон плохо и, кроме того, каждая часть стремилась захватить как можно более вагонов, стараясь вместе с тем не принимать к себе посторонних. В вагонах можно было, например, видеть железнодорожных служащих, вывезших из Сызрани все свое имущество, вплоть до рогатого скота, рядом же военные части оставались без места.

Чехи в этом отношении побили рекорд. Они захватили подвижной состав, расположились жить в нем с большим комфортом, поставили кровати с пружинными матрацами и так прочно засели в них, что и в следующий период не оставили вагонов, загромоздив, в особенности в течение следующей зимы, все станции Сибирской железной дороги своими эшелонами и не уступая недостающего для транспорта подвижного состава. Их эшелоны можно было узнать по различным украшениям и эмблемам, вывешенным на дверях теплушек. Вели они себя, конечно, полными хозяевами.

Эшелон флотилии, в который я попал, двигался с трудом. На всех станциях были постоянные задержки. То пропускали какой-либо специальный поезд, то еще что-либо мешало. В итоге с большим трудом добрались мы на 12-й день до Челябинска. Тут начались хлопоты о пропуске эшелона в другое царство, в Сибирь. Что это

совсем другой район, что это чужое владение, не входящее в состав Самарской области, говорило все. Офицерство на станциях и в эшелонах мечтало уехать в Западную Сибирь, где, как им казалось, нет партийного начала, где крепка работа практического Сибирского правительства. Поднимало дух в среде моряков, в которой я был, сведение о приезде с Дальнего Востока в Омск адмирала Колчака.

Но общий вывод был тот, что самарские неудачи надо приписывать исключительно тенденциозному ведению дел и партийному составу с.-р. правительства, решившему скорее предать дело, чем отступить от своих социалистических идеалов.

Всей подоплеки, конечно, никто не знал, и общая обстановка была неясна, в особенности нашему брату, жившему и питавшемуся слухами, а не подлинными данными, но всем военным казалось, что давно желаемому и требуемому природой вещей — установлению твердой власти — сознательно мешает курс партии Чернова, предавшей в свое время и Корнилова, и всю Россию. Пусть это был психоз, несоответствие действительности, но оно характерно с той точки зрения, что ведь одни военные кадры могли противостоять красным: они являлись реальной силой, и неумение на них опереться лежит на ответственности Комуча. Одним словом, у всех была вера в Сибирь и стремление попасть в те ряды, где рисовалось нечто другое, сильное, могучее, идущее по пути спасения родины. В это время Сибирская армия не только не сдала, как Народная, а наоборот, вела бои с успехом, да и вид ее частей, формировавшихся и обучавшихся повсеместно, начиная с Челябинска, невольно бодрил, говоря об успехе и правильности взятой линии.

В. Молчанов[52]

БОРЬБА НА ВОСТОКЕ РОССИИ И В СИБИРИ[53]

Сравнительно много написано о борьбе с большевиками армий Юга России, Запада и Севера, но очень мало в настоящее время трудов, освещающих борьбу Народной армии и армий Верховного правителя адмирала А.В. Колчака на Востоке России.

Мне кажется, причины этому следующие:

1. Большинство офицеров Генерального штаба попали на Юг России, так как там ранее других мест было поднято восстание.

2. Интеллигентные силы оказались там же, как в ближайшем месте от столиц и жизненных центров России.

Поэтому я думаю, что мой труд не окажется лишним и поможет разобраться в той борьбе, которую вели на Востоке России и в Сибири доблестные офицеры и солдаты.

Если на Юге России были корниловцы, марковцы, дроздовцы, то там не было таких частей, как ижевцы, воткинцы, михайловцы, состоявших исключительно из рабочих, а также не было и таких частей, как уфимские башкиры и татары.

Меня Гражданская война выдвинула с поста начальника маленького отряда в одной из волостей Елабужского уезда Вятской губернии до командира 3-го отдельного стрелкового корпуса в Забайкалье, с чина капитана инженерных войск в 1917 году до чина генерал-лейтенанта в 1920 году. Никаких талантов у меня не было, было лишь одно великое желание, горение бить большевиков и помочь моей родине избавиться от тяжелой болезни.

Я был только строевым начальником, и с 1918 года по 1 декабря 1922 года был непрерывно в боях, почему и думаю, что мои воспоминания могут быть интересными. Никакими документами я не пользовался, буду писать только о том, что глаза мои видели вокруг меня. Если будет много личного, не посетуйте.

В Вятской губернии

По приезде в Елабугу из госпиталя в апреле 1918 года я стал искать что-либо антибольшевистское, главным образом какую-либо организацию среди офицерства. Узнал, что офицеров несколько сот, но кадровых как будто ни одного. В январе и феврале 1918-го город буквально был разгромлен прибывшим отрядом красногвардейцев, уничтоживших всех казавшихся сколько-нибудь интеллигентными или зажиточными. Пострадали купцы (Стахеевы, Ушковы) и офицерство. Их расстреливали, топили в реке Томке. Погибло более 500 человек.

Все пряталось в городе, за исключением членов партии эсеров, эти еще были во всех органах управления и все-таки как-то боролись с большевизмом. В селе Алнаши, в 40 верстах от Елабуги, мой старший брат А.М. Молчанов был мировым судьей. В студенческие годы он занимался революцией и отсидел в тюрьме. Я знал, что он пользуется большой популярностью среди общественности (он был гласным уездной и губернской земских управ), и я рассчитывал узнать многое от него. Я не ошибся.

Через него я познакомился с лидером эсер, очень умным человеком, а этот посоветовал мне прежде всего завязать связи с военко-

мом, дабы не быть притянутым на службу в Красную армию. Комиссаром был бывший сельский учитель и штабс-капитан, помощником его матрос Балтфлота, эсер. Оба они пользовались порядочной репутацией, так как разгромили красногвардейцев и явились спасителями города.

Вскоре меня потребовали в управление военкома, где я заполнил длинный опросный лист, а через несколько дней получил запрос от военкома, имею ли я что-либо против назначения моего «инженером левого крыла 5-й армии». Я ответил, что раны мои еще не зажили достаточно, и представил медицинское свидетельство, а также просил о назначении комиссии об освобождении меня вовсе от службы. Через некоторое время я свиделся с матросом, помощником военкома; он мне сказал, что меня призовут на следующей неделе обязательно, а может случиться, и завтра, почему он советует мне немедленно уехать в уезд и скрываться. Дал несколько адресов. На другой день утром я уехал к брату.

В селе Алнаши обстановка была такова, что все должности и учреждения волости носили названия по-большевистски, но и только, ни в селе, ни в волости ничего коммунистического не было. Все крестьяне жили ожиданием Дутова или кого-либо, кто избавил бы их от притязаний большевиков.

У меня установилась связь с солдатами-фронтовиками. Они охотно вспоминали прошлое и задумывались над будущим. В это время Казань была занята белыми, Ижевск вел славную борьбу с большевиками, сбросив их иго в самом городе. Воткинцы присоединились к ним, образовав единый фронт Ижевско-Воткинской армии. Красные, обеспокоенные создавшимся положением, решили произвести мобилизацию, призвав в первую голову всех бывших на фронте. Фронтовики решили не идти. Я убедил их подчиниться приказу, указывая, что сейчас они нуль, а вот когда у них в руках будут винтовки, тогда они и могут говорить. То же я советовал и офицерам, правда очень немногим, бывшим в округе.

В село примерно в 2—3 недели раз приходил продовольственный отряд для сбора хлеба, но в этом богатом районе им доставалось очень мало, так как крестьяне, главным образом вотяки, прятали умело, а доносчиков среди них почти не было. При подходе таких отрядов я из села скрывался, преимущественно к татарам, где было достаточно сказать, что я брат А.М. Молчанова, как для меня открывались любые двери.

В связи с шевелением в районе Уфы крестьяне глухо волновались. Как это ни странно, самыми нетерпеливыми были старики, которые

открыто говорили, что надо бить большевиков. Много говорили со мной, я советовал им выждать, сговориться с соседними волостями — Можгинской и Вардягинской, тем более что железная дорога Казань—Сарапул проходила по первой и по ней оперировали красные войска против Ижевска. Я находил, что без этой волости начинать не следует, так как тогда будет два фронта.

В Можге я говорил с несколькими лицами, был в Сюгинском стекольном заводе у управляющего Блинова и вынес вполне определенное впечатление — без Можги ничего не сделать. Взволновавшаяся Можга займет красных, может быть, не даст заводу встать на их сторону, и только тогда мы поможем Ижевску. Везде мне говорили, что оружие найдется, и я был уверен хотя бы в двух-трех сотнях винтовок; патроны уже давно понемногу скупались у красноармейцев. Во время моего пребывания в Сюгинске я от ревкома узнал, что Казань пала.

С большим трудом я добрался обратно в Алнаши, так как всюду подняли голову немногие коммунисты, производили обыски, аресты. Приехал я в село вечером, лег спать, а в 11 часов ночи меня разбудили и попросили на сходку, также и брата. Собравшийся волостной сход решил начать борьбу с большевиками. Меня назначили начальником всех войск, а брата волостным казначеем, он же должен был взять на себя обязанности всех существовавших судов. Тут же ему в карманы насовали около 17 000 рублей царскими и керенками. Гражданская власть останется за волостным исполнительным комитетом. Сход решил выплачивать ежедневно мне 40 рублей, конному — 20 рублей и пешему — 10 рублей. Решено образовать дружину в 200 конных.

Выяснив, что ничего изменить уже нельзя, я отдал распоряжение наутро все оружие зарегистрировать у военкома, оставленного мною при исполнении обязанностей на первое время; военком был очень смышленый писарь бывшего управления воинского начальника. Он меня спросил, какие же его обязанности. Я ответил: «Воинского начальника», — что он до конца и выполнил блестяще. Все списки всегда были в полном порядке, сразу же до одного человека можно было узнать, сколько призовется такого-то года, все отсутствующие, больные и т. д. были на учете. Работал он днем и ночью.

Алнашская дружина

Уже на другой день в полдень выяснилось, что винтовок в волости всего лишь 6, несколько шашек, 2 револьвера и больше ничего... Я же в душе рассчитывал даже на пулемет Льюиса, про который мне под

секретом говорили, но оказалась лишь обойма. Людей явились сотни, и я выбрал из них дружину полностью. Назначил командиров рот и эскадрона. Эскадрон пополнили почти исключительно татары — рослые, красивые молодцы на великолепных конях. Приказал остальным вооружиться дробовиками, сноповыми вилами. Отдал распоряжения относительно сбора по тревоге, наряда тарантасов, охраны села и деревень.

В несколько дней установилась такая охрана волости и разведка противника, что только надо было даваться диву. Если кто-либо за 10 верст от меня чихнул бы не по правилам, я знал бы об этом не больше чем через полчаса.

Казалось, что все, населяющие волость, собираются воевать с большевиками; мальчишки босоногие шныряли по всем дорогам, представляя из себя армию разведчиков какого-нибудь «Парфеныча». Я побывал почти во всех деревнях волости и видел такую охрану, какую больше никогда мне не приходилось видеть. Коммунисты до того были ненавистны, что каждый день я узнавал — такой-то убит, такого-то поколотили так, что не выживет. Я пытался все это ввести в более или менее законные рамки, но всегда получал ответ: «Сейчас, пока война не кончена, правит народ, он наказывает, он и милует, начальники пока тоже служат нам, так как другим мы сейчас не поверим» и т. п.

Стало известно, что большевиков где-то потрепали под Уфой и им выход только в нашу сторону (ближайший). Пошла разведка до самой Камы, и скоро было сообщено, что отряд в 2 роты с четырьмя пулеметами двигается к нашей волости. Комиссар этого отряда выехал вперед и, ничего не предполагая, прикатил прямо в Алнаши, с ним была женщина. На протяжении 70—80 верст никто не выдал, а всюду подобострастно ему старались угодить и гнали лошадей вовсю. У комиссара взяли револьвер и 8000 рублей денег. После допроса расстреляли, а женщину, по моему настоянию, пока арестовали при волости. Ночью часовой пытался ее изнасиловать. Утром, по выяснении, я настоял, что часовой должен быть расстрелян. Исполком долго протестовал, но в конце концов я и брат убедили их, что правое дело нельзя творить грязными руками.

Виновного повели на расстрел, и только в самую последнюю минуту я приостановил казнь и объявил, что я его помилую, если все поклянутся мне, что впредь будут выполнять мои требования, как в былое старое время солдат исполнял приказания начальника. Забурлили мужички, я ушел, и через час мне принесли постановление, что вся власть в волости, как военная, так и гражданская, принадлежит

мне, на время войны все выборные должности отменяются, сходы собираются только по моему приказанию. Я утвердил это постановление, оставив председателя комитета волостным старостой, а комитет упразднил. Брата своего я назначил помощником волостного старосты и казначеем. Назначил контрольную комиссию под председательством доктора и двух крестьян.

В этот же день вечером вышеуказанный отряд красных остановился на ночлег в 7 верстах от села, около хутора. Я решил их атаковать на рассвете, но все мои дружинники настаивали на ночном бое. Доводы: нет оружия, все места, входы и выходы нам известны, а утром, дескать, они нас перестреляют. После некоторого колебания я согласился и назначил атаку в 9 часов вечера. Мы могли передвигаться всем отрядом по 12—15 верст в час, так как каждая пара людей ехала на парном тарантасе, запряженном прекрасными лошадьми.

Место остановки красных каждому из нас было известно точно, и я распорядился так: дорогу вперед закрывают 6 винтовок и 30 человек конницы, у которых к этому времени было около 20 револьверов и у всех — отточенные шашки. Красные остановились в лощине у ручья, склон западный (наш) был покрыт лесом и кустарником. Вот с этого-то склона должны были атаковать главные силы (150 человек пехоты) с дедовскими дробовиками, вилами, топорами и одной ручной гранатой. Наш расчет был такой: красные не могут броситься назад, так как оттуда они бегут, на восток — открытое поле (сжатая рожь), где две деревни уже выставили охранение и обещали переловить всех. Впереди же у нас 6 винтовок и прекрасная конница. В 8 часов 30 минут все должны быть на местах. Ровно в 9 часов сигналом для атаки послужит артиллерийский выстрел (граната). Я был с главными силами. Атака произошла как по писаному. Граната была брошена в группу у костра, и небо разверзлось от страшного грохота и крика «Ура!». Красные не стреляли, а бросились удирать, да едва ли они и поняли что-либо. Дальше всякое управление боем вышло из моих рук, так как и мой штаб бросился вперед и кого-то бил. Я боялся лишь одного — как бы раньше времени не начала стрелять засада. Но фельдфебель З. был испытанный солдат и начал бой вовремя, как только к нему стали подбегать красные, он открыл стрельбу и уложил 11 человек. Конница, конечно, за темнотой многого сделать не могла, хотя и оставалась вблизи боя до утра.

Наши потери — двое раненных собственными ружьями, которые при выстреле разорвались, один — тяжело в шею. У противника убито 18 человек, ранено 31, в плен взято 22, винтовок 22, пулеметов 2, одна кухня и много снаряжения. Куда делись винтовки, выяснить не мог,

думаю, что деревни забрали и не отдали. Пленные же утром были отпущены, так как стало известно, что Елабуга занята белыми, и бояться разглашения о нас уже не было причины.

Так закончился первый и последний бой моей дружины под моей командой. Я стал деятельно готовить дружину для нападения на линию железной дороги около Сюгинского завода. Пытался достать оружие и помощь от Елабуги, но связи не было, так как между нами бродили шайки красных, которые отняли много времени и энергии.

В Елабуге чувствовалось отсутствие какого-либо управления. Я получал непрерывно приглашения от общественных деятелей приехать и возглавить управление войсками и городом. Одно письмо говорило, что жители не знают, кто ими управляет, так как каждый день все новые лица отдают разноречивые приказы и приказания.

Отряд силою 50 штыков был отправлен на соединение со мной с задачей получить от меня ориентировку. Не доезжая 5 верст, отряд повернул обратно, испугавшись чего-то неизвестного, и только один верховой галопом прискакал ко мне и поведал о случившемся. От него многого я не узнал, а радостного — абсолютно ничего. И тем не менее, я увидел, что если что-либо и возможно сделать, то все-таки из центра — Елабуги. Простился с дружиной и поехал.

* * *

Начальником гарнизона был поручик Серов, который заявил, что он давно ждет меня, чтобы передать должность. На это я ему указал, что шагов к этому он не предпринимал. Узнал, что на правах командующего войсками состоит капитан 2-го ранга Ф., который находится в Сарапуле. Если я хочу видеть его, то могу сегодня же идти на судне «Орел», что я и сделал, так как никаких других пароходов не ходило и местами по берегам были еще красные.

В Сарапуле увидеть капитана 2-го ранга Феодосьева не удалось. Меня принял начальник его штаба капитан Озолин[54], который и дал мне предписание вступить в «командование сухопутными войсками района Соколки—Елабуга» и в должность «начальника гарнизона г. Елабуги». Никаких указаний относительно формирований, гражданского управления, вопросов продовольствия и снабжения он не мог дать и добавил, что это дело всецело мое.

С невеселыми думами я отправился обратно. Я готов был снова уехать в Алнаши и вести мою дружину в Ижевск, для борьбы в рядах организованных рабочих. Решив подчиниться, я в первый день приезда отдал приказ о вступлении моем в должность. Знакомство с об-

становкой привело меня в тихий ужас. Военное положение было таково, что если бы красные перешли в наступление хотя бы ротой, то удержать их было нечем — людей много, но организации никакой. Помощь со стороны флотилии выразилась в выдаче 10 пулеметов Кольта (взятых в большом количестве в Казани), но и только. Требования флотилии заключались в доставке провианта, продовольствия и... спирта. Офицеров оказалось — вступивших добровольцами и призванных моими предшественниками — 396. Я — единственный из кадровых. По специальностям — почти все пехотинцы (артиллеристов 8, сапер 1). Много было юристов по образованию, были математики. По чинам — 5 штабс-капитанов, примерно около 100 поручиков, а остальные прапорщики, не нюхавшие пороху.

Что же было из войск? Формировались 1-й и 2-й Елабужские пехотные полки. В 1-м полку имелся один батальон в 600 штыков, пулеметная команда — 6 пулеметов; 2-й полк — лишь офицеры; Чистопольский отряд поручика Михайлова — 60 пеших и конных. Батарея — одно орудие без прицела. Громадный штаб гарнизона, громадная комендатура и контрразведка. Отпусков продовольствия не было ни от кого, жили на пожертвования деньгами и припасами, а оклады офицерам и солдатам были так высоки, что, не разбирая по чинам, я на первое время уменьшил вдвое, но все-таки, не знаю по какому рангу, получил за первый месяц 1300 рублей!

Первые дни по вступлении в должность я потратил на то, чтобы предотвратить неожиданное нападение красных: существующие части распределил по участкам, которые приказал оборудовать к обороне; установил телефонную связь с позицией.

При слиянии Вятки и Камы находился отряд штабс-капитана Калашева силою около 500 штыков при 3 пулеметах и 20 конных. Связь с этим подчиненным отрядом была только боевыми судами. Иногда по 2—3 суток об этом отряде не было никаких известий. Телеграфную связь — не помню, по какой причине — установить не удалось. Этот отряд оперировал в районе Мамадыша на Вятские Поляны — направление чрезвычайно важное, и, если бы во главе этого отряда был человек с большим опытом, при наличии 500 штыков — исключительно добровольцев, — можно было бы сделать очень много.

Находясь в Соколках, отряд являлся только лишь десантом с флотилии для прикрытия ее нахождения в Соколках. Я просил капитана 2-го ранга Феодосьева, как только они бросят Соколки, перевезти на пароходах отряд в Елабугу, но это не было сделано, и отряд, переправившись на левый берег Камы, опять-таки прикрывал флотилию уже от несуществующего здесь противника.

Начальник дивизиона боевых судов предложил мне перевезти отряд в Елабугу, когда тот находился против города, но было уже поздно, Елабуга была под угрозой с суши и с реки, почему я приказал отряду двигаться на Набережные Челны и прикрыть будущий пункт нашей переправы через Каму с юго-запада. Этот отряд присоединился ко мне в Набережных Челнах.

Работая с 8 утра до 12—2 ночи, я быстро наладил оборону города; затем я занялся приведением в порядок войск. Приказал формировать только 1-й Елабужский полк, прекратив формирование 2-го. За месяц моего пребывания полк возрос до 2000 человек, но винтовок было лишь около 700, патронов примерно по 100 штук на винтовку; пулеметов недостаточно. Связи город не имел ни с одним городом. Прежде всего я установил связь с Ижевском, пользуясь правительственным проводом. Переговорили по прямому проводу с начальником штаба Ижевской армии[55] и взаимно информировали друг друга. Мне обещано было еженедельно 500 винтовок в обмен на хлеб. К сожалению, я получил всего лишь 1500, так как пришлось уходить.

Исправив линию на Мензелинск—Бирск—Уфу—Самару, я донес в Самару о существовании сил при слиянии Вятки с Камой. Получил ответную телеграмму, где говорилось, что рады появлению наших сил на правом фланге, не указывая, где и какие силы находятся; утверждают меня в чине подполковника со дня выслуги (это явилось следствием их запроса о моем движении по службе), но не указывали, кому я подчинен: подписана телеграмма двумя — «Галкин» и «Лебедев». Таким образом, я нашел правительство, так как капитан 2-го ранга Феодосьев отрицал всякое правительство, кроме монарха.

Ответ этот не мог удовлетворить меня, поэтому я снова настойчиво просил указать мне ближайшее войсковое соединение не ниже дивизии. Ответ получил из Уфы от начальника штаба 20-го пехотного Уфимского корпуса, что я с отрядом вхожу в состав дивизии, штаб которой в Бирске.

В первые дни моего пребывания в Елабуге вверх по Каме в Белую проходили эвакуированные пароходы из Казани. Это была армада! Одних пассажирских пароходов пришло в Елабугу 43, сколько буксирных — не помню. Часть, по приказанию капитана 2-го ранга Феодосьева, была пропущена вверх, остальные я подверг осмотру на предмет задержания более свободных для эвакуации Елабуги. Феодосьев дал в мое распоряжение боевое судно, стоявшее на якоре вверх по течению, с приказом стрелять в те пароходы, которые двинутся без пропуска. Я со своими офицерами лично решил осмотреть несколько пароходов.

Громадный волжский пароход занимается одним офицером и пятью солдатами-чехами, имущества никакого. Никого не пускают к себе, заявляя, что пароход числится за чешским штабом. Другой пароход занимается командующим Чистопольской армией и его штабом. Находясь уже на пристани, я получил приказание этого командующего явиться к нему. Решил, конечно, идти. Прием в рубке 1-го класса. Командующий армией подполковник Лукашевич, бывший командир запасного полка в Елабуге. Познакомившись, я выразил удивление его приказанию, указав ему, что я уже имею законных начальников; но если он действительно имеет армию, которую высадит здесь, чтобы бороться с большевиками, то я немедленно подчинюсь ему со своими частями, а так как я знаю, что у него никаких частей нет, то если он сойдет с парохода со своими офицерами и тем самым увеличит число бойцов-интеллигентов, то я передам ему мои должности и буду работать там, где он укажет. Во время разговора я ему указал, что у меня нет кадровых офицеров, а у него писарем генерал — здесь этот чин был бы крайне необходим в гражданском управлении, да, кроме того, необходимо вывести войска Елабуги для активных действий.

На все мои мольбы этот подполковник отвечал, что разумным офицерам здесь нечего делать, так как здесь эсеры и керенщина, и он с офицерами отправляется в Сибирь, где формируется настоящая Русская армия.

Я поблагодарил его за оценку и, уже возмущенный, сказал ему: «Вы отдали мне приказание и ничем не могли подкрепить его. Теперь я приказываю вам немедленно выстроить всех офицеров на верхней палубе и солдат на нижней, чтобы я мог разъяснить им положение и предложить желающим остаться здесь. Все выходы с парохода заняты моими людьми, так как я предвидел, что может случиться здесь. Посмотрите на боевой корабль, который уже давно встал против вас и по моему приказанию утопит пароход со всеми вами. Даю вам 5 минут времени».

Во всех коридорах уже стояли верные мне люди, и фактически пароход был в моих руках. Из офицеров никто не пожелал остаться, передал мне Лукашевич. Я же лично им ничего не говорил, так как предвидел исход. Приказал коменданту пристани отвести всем офицерам по одному месту в 1-м и 2-м классах, свободные места заполнить такими же путешественниками с других пароходов. Этот пароход был отправлен в первую очередь, и о случившемся я телеграфировал своему начальству, думая, что этот караван офицеров будет задержан в Бирске или Уфе. Как оказалось, никто на это не обратил внимания, так как это не было из ряда вон выходящим случаем.

Вот в таких условиях приходилось работать. После падения Казани офицерство перестало верить в возможность, при существующем правительстве, что-либо сделать и удирало туда, где, по слухам, было лучше. Слишком много вынесли обид, огорчений при правительствах демократических (с.-р.). Так думало большинство офицерства, и, мне кажется, никто не сможет упрекнуть его за это. Не слабые уходили в тыл, а, во многих случаях, убежденные, что они делают наилучшее. Ведь у нас на Востоке России не было авторитетных лиц, могущих дать исчерпывающее разъяснение событий, которым бы поверили. Мы и ими были бедны — у нас не было Алексеева, Корнилова, Деникина. У нас появились свои «звездочки», никому не известные: подполковник Каппель, капитан Степанов, герои Казани. Таким же случайным был и я — не было авторитета, не было знаний, не было стажа. Все распоряжения мои были с горячим желанием сделать хорошее, но очень часто через некоторое время их приходилось заменять новыми, иногда еще худшими. Страдало население, страдали и войска.

Во главе гражданского управления сперва никого не было, а потом прибыл уполномоченный правительства, инженер, бывший член Совета солдатских и рабочих депутатов в Петрограде, а впоследствии личный секретарь председателя Директории Авксентьева (фамилии не помню). Желания работать у него было много, но умения не было тоже, и фактически жизнью руководил городской голова и председатель земской управы первого состава после революции. Последний — эсер, но очень дельный, знающий край и пользовавшийся большим уважением и популярностью среди населения города и уезда.

События шли ускоренным темпом. Флотилия отходила под давлением красной флотилии. Я до сих пор не могу понять, кому она подчинялась, какие задачи выполняла в связи с действиями сухопутных частей. Могу сказать одно, что от Елабуги я отошел только потому, что отошла флотилия и мне было передано, что через два дня она отойдет к Пьяному Бору. Мне было приказано переправляться через Каму, и отход мой был на Мензелинск, Бирск, поэтому без флотилии я не смог бы произвести переправу. В общем, я совершенно откровенно должен сказать, что управления ни гражданского, ни военного не было, а были лишь суррогаты, попытки найти правильные пути.

Каковы же были возможности? Безусловно можно утверждать, что громадная часть населения была настроена антибольшевистски. Доказательством могут служить многие факты:

1. Войска, дошедшие к эвакуации Елабуги до 6000, довольствовались добровольными пожертвованиями деньгами и продуктами. Еже-

дневно утром громадный двор штаба гарнизона был заполнен телегами с продуктами. Из деревень везли все: мясо, овощи, крупу и т. д. Для приема пожертвований деньгами в штабе был особый казначей. Я не скрываю, что большую часть дал город, но приведу пример: из одной волости я получил 25 000 рублей царскими и 50 000 керенками. Это уже показательно.

2. Я получил из всех волостей, не занятых красными, постановления, где предлагалось мобилизовать население от 18 до 45 лет, а это дало бы до 30 000. Добровольцами идти боялись, опасаясь за семьи в случае нашего отхода. Я телеграфировал в Самару, прося разрешения мобилизовать хотя бы некоторые года и отправить их через Уфу в Сибирь для формирования частей в глубоком тылу. Ответ был такой: «Мы не позволяем вам мобилизовать ни одного человека. Галкин, Лебедев». Что элемент этот был бы надежным, доказывает вся последующая борьба: в конечном результате в армии остались: вятичи, пермяки, уфимцы и волжане.

3. В 7 верстах от Елабуги есть большое село Танайка, шибко революционное во время начала революции. Как-то, когда я находился в штабе гарнизона, мне было доложено, что танаевцы привезли восемь гробов с телами и просят принять покойников, а их отпустить. Отправленный мною офицер выяснил, что танаевцы накануне напали на деревню, которая в свое время разгромила имение и убила помещика Адашеева, члена 1-й Государственной думы и в свое время гонимого дореволюционным правительством. Танаевцы убитых положили в гробы и прислали в штаб как доказательство того, что они порешат с каждым большевиком.

4. Однажды ко мне явилась депутация от названного села Танайка с просьбой приехать к ним в день, когда у них будет сходка. Я поехал. Так как у меня не было ни верховой лошади, ни экипажа, я поехал на паре почтовых, в тарантасе, с офицером и четырьмя конными ординарцами. Подъезжая к селу, я услышал церковный звон. Меня встречали как архиерея. Женщины стояли по левую сторону улицы, а мужчины по правую, и все кланялись. У церкви аналой, иконы и священник, который отслужил молебен. Я сказал несколько слов о большевиках, но меня скоро прервали и радостно заявили, что сход решил сформировать одним селом конный дивизион. На покупку всего необходимого они дают деньги и будут довольствовать эту часть, пока она вблизи села. Сформировать конный дивизион не удалось, но впоследствии в полку, который я сформировал, была Танаевская стрелковая рота сверх девяти рот полка. Об этой роте я скажу впоследствии.

Возможностей было много, но использовать их не сумели благодаря многим причинам; некоторые я указал выше. Вятский край не был использован, я думаю, и в десятой части, как в первый момент борьбы Народной армии летом и осенью 1918 года, так и армией адмирала Колчака в мае—июне 1919 года, когда Ижевск, Воткинск, Сарапул, Елабуга вновь находились в наших неумелых руках.

Боевые действия под Елабугой были очень малые. Несколько раз противник со стороны Вятских Полян пробовал наступать небольшими силами, но легко был отбиваем верстах в 20—30 от города. Мы потеряли 8 убитых, около 40 раненых, у красных было взято одно орудие, несколько пулеметов, кухня. В общем, красные не лезли, мы, надо сказать, желания тоже не имели, прикованные к реке, да и начальство нас не перчило, а спрашивало, когда перейдем на левый берег Камы. Как оказалось, там мы были нужнее. За все время нахождения моего в Елабуге я не получил ни одной ориентировки, ни одной газеты, ни одной сводки и совершенно не знал, где и какие части или отряды существуют. Реальными для меня были Ижевск и Воткинск.

Наконец, после сговора с капитаном 2-го ранга Феодосьевым было эвакуировано гражданское население и имущество, много товаров из кооперативов. Войска, после ухода всех пароходов и флотилии, ночью отошли на берег Камы, против села Набережные Челны. Феодосьев обещал устроить переправу быстро, необходимым количеством барж и пароходов. Мы имели с собой около 200 голов скота. Когда я прибыл к берегу, установив на позиции арьергард, ни одного человека не было переправлено, хотя прошло уже 4 часа с назначенного для переправы времени. Несмотря на вызовы, ни один пароход, ни одна лодка к месту посадки не прибывали. Пробовали кричать, ничего не выходило, был сильный ветер. А стрельба красной флотилии была все ближе и ближе, наши суда отходили.

Положение было таково, что, казалось, части снимутся и побегут куда угодно, чувствовалось приближение паники и раздавались грозные крики по адресу нашей флотилии. Чтобы обратить на себя внимание, я приказал произвести выстрел из орудия. Появился паровой катер и спросил, в чем дело. Какой-то солдат полез на катер с криком: «Я покажу, в чем дело...» Пришлось остановить рьяного, возмущенного добровольца. Я немедленно поехал к Феодосьеву, которого застал пьяным. Насилу втолковал ему, в чем дело, убедив его, что его суда уже бросили Битки и находятся верстах в 3—4, что красные теснят малые суда, а большие стоят в бездействии у пристаней, что никто от него никаких распоряжений о перевозке не получал.

Часа через два переправа наладилась так хорошо, что, начав перевозить в 11 часов утра, не могли перевезти скот до вечера, а ночью флотилия ушла и увела с собой все перевозочные средства.

Когда я был в Челнах, ко мне пришел один артиллерист с флотилии и просил, ради сохранения престижа, арестовать Феодосьева, назначить любого морского офицера, и флотилия выполнит любую задачу. Но пьяный Феодосьев увлекся идеей устроить у устья реки Белой «Верден» и стремился к нему. В свое время он выхлопотал у начальства и забрал от меня одну офицерскую роту как гарнизон будущего «Вердена».

Я убежден, что, не будь Феодосьева, флотилия так поспешно не ушла бы. Я знал, что отличные офицеры-моряки, командиры судов, артиллеристы и пулеметчики сухопутные, матросы-гимназисты, реалисты и студенты выполнят свой долг, но Феодосьев, будучи безусловно храбрым, не хотел воевать под флагом Народной армии, вечно был пьян и путал все распоряжения. Что в это время делал командующий Камской речной флотилией контр-адмирал Старк[56], не знаю. Знаю одно — Феодосьев делал то, что хотел, а хотел он в большинстве случаев плохо.

Я решил части свои в Челнах не останавливать, а отвести на 18 верст по тракту на Мензелинск, чтобы прикрыть свой левый фланг и тыл от появившегося к юго-западу противника, но тем не менее часть войск я решил сутки держать на берегу и сам остался с ними. Сокольский отряд был оставлен на элеваторе, поставленном среди строений, с прикрытием офицерской роты, и одно кинжальное орудие для действия по судам противника.

Утром все были на местах. Получив сведение, что флотилия красных показалась, я с прапорщиком Блиновым пошел к орудию и офицерской роте. Подходя к реке, я увидел, как настоящая речная канонерка медленно движется вверх по течению. Ни одного человека не видно. С нашей стороны выстрел — разрыва не видно. Противник как шел тихо, так и продолжал, как бы не обратив внимания на выстрел. Я бросился к орудию и роте, но уже было поздно — все убежало от одного вида канонерки, такой это судно имело величественный военный вид, по сравнению с буксирами, превращенными в боевые суда. Вслед за канонеркой двигались остальные суда (пять), уже обыкновенного типа. Обгоняя их, полным ходом подошел к пристани пароход «Межень», на котором в 1913 году совершал переход по Волге Государь Император. Лихо отшвартовался, но в этот же миг с элеватора застрочили пять пулеметов Сокольского отряда. От рубки полетели щепки, и «Межень» полным задним хо-

дом пошел вниз. Я первый раз видел такой маневр. По-видимому, это было возможно только для «Меженя», одного из лучших казенных пароходов на Волге. Как потом узнали, на нем был тов. Раскольников. Через некоторое время суда открыли огонь по элеватору и селу. Я приказал вывести отряд из помещения элеватора и присоединиться к главным силам. Каму оставили.

Еще в Челнах я получил ориентировку из штаба в Бирске, что мой правый фланг обеспечивается флотилией, на которую возложена задача не допустить переправы красных через реку Белую. Левый же фланг на весу, так как до частей подполковника Каппеля от меня примерно 250 верст. Промежуток этот кишит отрядами, формируемыми на местах. Этим же приказом мне подчинялся Мензелинск с небольшим гарнизоном. Первый раз проявилась для меня некоторая обстановка.

Через несколько дней после отхода от Камы красные переправились через Каму между Челнами и Пьяным Бором. Нами это было вовремя предугадано, и к этому району был подтянут Сокольский отряд, который и охранял реку очень удачно на фронте в 15 верст. Но все же в одном месте красные огнем судовой артиллерии сбили заставы штабс-капитана Калашева и переправили около батальона пехоты при четырех пулеметах. Штабс-капитан Калашев очень искусно задерживал этот батальон и, несмотря на то что был прижат к Каме, не давал распространяться вглубь. В это время в мое распоряжение подошел 1-й батальон 13-го Уфимского стрелкового полка под командой капитана Модестова[57], который я направил на усиление штабс-капитану Калашеву, подчинив последнего капитану Модестову.

Капитан Модестов быстро разобрался в обстановке, и, стянув силы в угрожаемый пункт, он ударил не в лоб, не сбрасывая в Каму, а наоборот, атаковал отряд, с тем чтобы отбросить его от реки, а значит, и от артиллерии и прикончить, пользуясь превосходными (в $2—2^1/_2$ раза) силами. Капитан Модестов это выполнил, и я в скором времени оттянул весь отряд к главным силам, где надо было опасаться на левый фланг. Беда была в том, что части не имели никаких телефонных проводов, поэтому главные силы должны были находиться на линии правительственных проводов и, таким образом, все время подставлять противнику сперва левый фланг, а потом и тыл.

В сторону подполковника Каппеля я, не имея в своем распоряжении конницы, вел разведку на 100—120 верст, но ни разу мои части не столкнулись с частями подполковника Каппеля. В разведку назначалась рота в 120 штыков на подводах, при трех пулеметах. Рота дви-

галась два перехода (по 30 верст), собирая сведения о противнике. Через 50—60 верст рота занимала какое-либо селение (обыкновенно на перекрестке больших дорог), где оставался командир роты с полуротой и двумя пулеметами и строил укрепление на случай наступления красных. Задача этой полуроты — производить разведку в стороны от главного направления разведки. Другая полурота меняла подводы и немедленно двигалась дальше на 20—30 верст, где закреплялся взвод с пулеметом. Последний взвод производил разведку вперед по двум направлениям на 12—15 верст и, собрав сведения, в тот же день возвращался к ядру первой полуроты, которая немедленно снималась и соединялась со 2-й полуротой разведки. Как правило, такая разведка должна была вернуться на семь день.

Конечно, первоначальное удаление роты на 50—60 верст слишком далекое. Приходилось это делать, так как, повторяю, других средств не было. Не было и офицера, могущего организовать агентурную разведку. Впоследствии это было налажено, но плохо. Я очень не доверял таковой и всегда предпочитал войсковую, натаскав для этого несколько офицеров.

Долго красные с фронта не тревожили нас, но наконец стало известно, что в Челны они переправили Симбирскую отдельную бригаду тов. Вахрамеева, который первым долгом занялся формированием отряда у нас в тылу, используя для этого большого организатора по этой части тов. Кожевникова. Кожевников, как после стало известно, решил организовать 10—12 отрядов, каждый из которых состоял из 800 человек пехоты, 100 конницы и одного орудия. Все чины должны быть местными. Возможности у них были, так как населения Уфимской губернии к югу от реки Белой было более на их стороне, чем на нашей.

После небольшого боя я отошел к Мензелинску, но и там я не мог долго задерживаться. Необходимо было отойти ближе к Бирску, чтобы подравняться с подполковником Каппелем и обеспечить свой левый фланг.

Раздел 2

Б. Филимонов[58]

ПОХОД СТЕПНЫХ ПОЛКОВ ЛЕТОМ 1918 ГОДА[59]

Обстановка к началу борьбы

Призыв к немедленному прекращению войны привлек было к большевикам в 1917 году симпатии народных масс. Таким простым и вместе с тем таким заманчивым для несознательных, полутемных крестьян, одетых в солдатские шинели, казалось прекращение затянувшейся войны путем оставления окопов и разъезда по своим домам. Но для всех тех, кто хоть что-либо понимал в причинах и сущности борьбы, кто мало-мальски разбирался в обстановке и понимал, что прекращение борьбы одною стороною вовсе не означает еще замирения, но только передает стороне, сохранившей в своих руках оружие, огромнейшие преимущества и делает из нее победителя, для всех них действия большевистских главарей были омерзительны и вызывали лишь чувство презрения или ненависти. Заключение же Совнаркомом с немцами «похабного» Брест-Литовского мира только еще больше увеличило число врагов новой власти.

Не принявшие большевизма, не желающие подчиниться ему, лишенные, с развалом армии, службы и заработка, гонимые, беспощадно и зверски истребляемые советской властью офицеры, главным образом, составляли ту среду, которая готова была в любой час на восстание — отмщение за поруганную честь Родины и собственное унижение. Здесь следует подчеркнуть, что офицерство к этому времени не являлось больше своего рода более или менее замкнутой кастой, оторванной или удаленной от тех или иных слоев России. Нет, состоя из многочисленного ряда лиц различных классов, профессий, взглядов, убеждений и интересов, оно, бесспорно, представляло собою всю Россию.

Во имя долга и чести генералы Корнилов, Каледин и Алексеев на Дону, полковник Дутов в Оренбургском крае, уральские казаки в своей области, есаул Семенов[60] в районе ст. Маньчжурия, юнкера в Иркутске, полковник Орлов в полосе отчуждения Кит. Вост. железной дороги и еще несколько других более мелких групп вступили, почти одновременно, в вооруженную борьбу с большевизмом. Силы вышеуказанных противобольшевистских отрядов в первые месяцы борьбы были, в общем, невелики.

Движение к этому времени еще как следует не выкристаллизовалось, а потому на первых порах, от противобольшевиков нельзя было ожидать нанесения ими решительного удара по Советам. Благодаря огромным пространствам Российской державы связь между отделами организаций, находящимися в различных областях, естественно, сильно затруднялась. Установление единства действий поэтому становилось делом не совсем легким, и в начале движения, всего вероятнее, приходилось ждать разрозненных действий по отдельным очагам восстания, вследствие чего приходилось допускать на первое время возможность неудачного исхода некоторых выступлений с разгромом по частям отдельных очагов восстания. Но по накоплении опыта, отбору наиболее действенных глухая борьба в подполье, прерываемая волнениями и мятежами, неизбежно должна была вылиться в стихийное движение и привести к общему выступлению, произведенному в благоприятный для этого момент. Таким путем должно было развиваться противобольшевистское движение в России — обычная история всех национальных, народных, революционных и иных движений мира, затягивающихся иногда на многие годы. Поэтому ничего удивительного не было в том, что в первые месяцы борьбы с большевиками и добровольцы на Дону и Кубани, и уральское казачество, и оренбуржцы во главе с Дутовым лишь отражали удары красногвардейских отрядов, посылаемых Советами для ликвидации «контрреволюции». Интересно все же отметить, что в течение полугода большевики не могли раздавить ни одного из этих ядер враждебного им движения, так как оно нашло здесь более или менее благоприятную почву для своего развития — свободный дух казачества. В других же местах, как то, например, в Иркутске (выступление юнкеров в декабре 1917 года), в Казани (выступление татар-националистов в феврале 1918 года), эти выступления успеха не имели и ликвидировались, ибо население здесь еще не успело проникнуться мыслью о необходимости вооруженной борьбы с большевиками.

Руководителям противобольшевиков невозможность свергнуть новоявленную власть комиссаров одним быстрым ударом стала очевид-

ной уже в начале 1918 года. Было решено перейти на планомерный образ борьбы с Советами. Так началась подготовка противников большевизма к одновременному и повсеместному выступлению против советской власти.

Следует отметить, что действительной властью Советы в описываемый период не обладали даже на территории, которая, на первый взгляд, находилась под их полным контролем. Враги большевизма и здесь действовали почти что в открытую, создавая ячейки и отделы своих «тайных» организаций. Подобная работа облегчалась до известной степени тем, что кадры недовольных новым положением вещей имелись всюду и везде и многие из противобольшевистских ячеек и организаций создались сами собой, по почину снизу.

Одновременно с развитием сети противобольшевистских организаций в советские учреждения и управления мало-помалу стали просачиваться члены этих организаций. С другой стороны, на службу к большевикам стало поступать немало лиц из «бывших людей», ставящих себе единственной целью личное выдвижение. Свою голову они не забивали теми или иными возвышенными или отвлеченными идеями.

* * *

Подготовка к повсеместному выступлению против большевиков далеко еще не была закончена, когда непредвиденные обстоятельства неожиданно вовлекли во внутренние дела Руси постороннюю силу — чехословаков.

Как известно, чехи не собирались вступать в борьбу с большевиками. После развала Русско-Германского фронта все усилия их были направлены к тому, чтоб только поскорей выехать из России и перебросится во Францию. Требование о невыпуске чехов из России, их разоружении и заключении в концентрационные лагеря, предъявленное германским и австро-венгерским правительствами Совету народных комиссаров, привело к ультимативному требованию Троцкого к чехословакам о сдаче последними русского оружия. Хотя моральное состояние частей Чехословацкого корпуса в то время было неважным, но страх выдачи на расстрел австро-венграм вынудил чешских руководителей (командование и национальный совет) взяться за оружие, дабы силой пробиться через Сибирь и вывести корпус из пределов Российской республики. Русские офицеры, остававшиеся в те времена еще в штабах и отчасти на командных постах в чехословацких войсках, в этом решении чешских руководителей сыграли далеко не последнюю роль.

Итак, в целях своего собственного самосохранения чехословаки вынуждены были вступить в борьбу с большевиками. Недостаток собственных сил (около 12 000 человек), разбросанных на колоссальных расстояниях от Пензы до Владивостока (свыше 10 000 верст), повудил их искать действенной поддержки в среде русских, недовольных московским правительством. В этом отношении единственно только офицерство могло оказать существенную помощь чехословакам, ибо друзья чешских «политиков» — социалисты различных толков — реальной силой не обладали. И чехи обратились к русскому офицерству за помощью.

При том хаотическом состоянии, в коем находились вооруженные силы большевиков, и зачаточности, в подполье, сил их противников, выступление 12 000 организованной массы чехословаков было действительно весьма крупным событием для того, но и только для того, момента. Это событие было использовано врагами большевизма для открытых действий против Советов. С выступлением чехословацких частей, растянувшихся от Волги до берегов Тихого океана, на всем этом пространстве связь порвалась и тем самым противодействие большевиков было значительно ослаблено, а местами и совсем парализовано. Противобольшевикам же предоставлялась возможность быстрого установления связи друг с другом, взаимной помощи, единства действий и единства возглавляющих организаций. С другой стороны, ввиду того что враждебные большевикам силы еще не успели откристаллизоваться, окрепнуть духовно и морально, преждевременность выступления их в борьбу с Советами стала сказываться очень скоро.

Во всяком случае, с последних чисел мая 1918 года борьба русских патриотов с большевиками, благодаря выступлению чехословаков и поддержки последними первых, в течение двух-трех месяцев развернулась на огромных территориях Сибири, Урала и Поволжья. В Сибири образовался противобольшевистский центр, предъявивший затем свои претензии на исключительную роль в Белом движении, на первенствующее положение во всероссийском масштабе. Так раскрылась новая страница истории великой, по пролитию крови и разрушениям, русской революции.

Гадать о том, что произошло, если бы чехословаки не выступили, не приходится. Во всяком случае, борьба противобольшевиков с приверженцами власти Совета народных комиссаров имела бы место, ибо подготовка к ней шла полным ходом по всей территории Российской державы. Можно предполагать, что противобольшевистское движение, разрастаясь постепенно, привело бы к вспышкам многочисленных вос-

станий, пусть вначале неудачных, но постепенно приобрелся бы опыт, сплоченность, объединение и т. д. Возможно, что борьба с большевиками в этом случае приняла бы совсем иные формы. Возможно, что она была бы менее напряженной, но более продолжительной. Также возможно, что она не кончилась бы решительной победой большевиков, но, ведомая изнутри силами, находящимися на службе у тех же большевиков, она изнутри подточила бы большевиков. Как бы там ни было, но на деле произошло иное: борьба в большом масштабе и с сильным напряжением, но силами слабыми.

* * *

Хотя к лету 1918 года враги большевизма еще не совсем подготовились к нанесению решительного удара по власти Совета народных комиссаров, но обстановка в общем была благоприятна для развития противобольшевистского движения. Настроение основной массы населения — крестьянства — было пассивно-выжидательным, однако с определенной тенденцией к «охранению за народом свобод и завоеваний революции», как то, конечно, понималось крестьянством. Очагов истинного большевизма было очень немного, а в Сибири семена большевизма были раскиданы только по более крупным станциям Великого Сибирского пути, да и то в самых незначительных количествах.

Противобольшевикам поэтому не приходилось ждать сильного отпора в населении со стороны приверженцев Октября, и в вооруженной борьбе им предстояло иметь дело лишь с одними частями, еще не вполне сложившейся Красной армии. Последние состояли в Сибири главным образом из отрядов бывших военнопленных — мадьяр и отчасти немцев. При этом организация красных частей еще не носила стройного характера и управление ими, в общем, не было еще как следует налажено. Таким образом, официальные хозяева положения — большевики — особых преимуществ над своими противниками не имели.

Успех молодого движения зависел главным образом от самих переворотчиков — единения и твердого проведения раз принятых положений своей программы и от быстроты движения. На этом пути для молодого движения была еще одна опасность, происходившая от малой сознательности масс населения, являвшего собою тип обывателя, а не тип гражданина. Действительно, массы довольно безучастно относились к делу борьбы двух сил. Они, правда, до известной степени ощущали зло, но о всей силе его они еще не догадывались. Кроме

того, они, видимо, совершенно искренне считали, что вооруженная борьба с большевиками — дело армии, а их дело, под прикрытием штыков молодой армии, занятие собственными делами и делишками. О том же, что армии нет, что ее надо создавать самим, так как нет ни правительства, нет вообще никакого аппарата управления, до этого додуматься обыватели не могли.

* * *

Несколько слов об офицерских кадрах молодой Сибирской армии. Как известно, в Добровольческую армию офицерство стекалось со всех концов России, туда его привлекала слава имен генералов Корнилова, Каледина, авторитет генерала Алексеева. В Сибирь же, при большевиках, пробиралось и там оседало главным образом офицерство, имевшее какую-либо связь с этим обширным краем Российской державы. Число офицеров, не связанных с Сибирью, попавших туда случайно, главным образом по причине стремления в отряды Дутова и Семенова, было, в общем, незначительным.

Военачальников, составивших себе имя на фронте за время Великой войны, по ряду причин в Сибири, к моменту выступления чехословаков, не оказалось. Видных работников Генерального штаба в Сибири также не было, хотя в Екатеринбурге в то время и находилась академия Генерального штаба во главе с ее начальником — генерал-майором Андогским[61]. Состав ее в описываемое время, по вполне понятным причинам, был неполным.

Таким образом, при воссоздании армии значительную роль должны были сыграть молодые армейские офицеры, при этом командный состав армии мог оказаться слишком молодым и недостаточно подготовленным к разрешению ряда основных вопросов организации и управления армией. Во всяком случае, при воссоздании армии неизбежно должны были встретиться значительные трудности, а «господину Случаю» предоставлялось слишком обширное поле деятельности.

Тут следует указать, что в пределах Западной Сибири, на территории Акмолинской области, находились земли Сибирского казачьего войска, которое подразделялось на три отдела, или округа, выставлявших в мирное время по одному полку. Кроме того, в городах Западной Сибири перед Великой войной была расквартирована 11-я Сибирская стрелковая дивизия: в Ново-Николаевске стоял 41-й Сибирский стрелковый полк, в Томске — 42-й, в Омске — 43-й и два батальона 44-го Сибирских стрелковых полков. Третий

батальон этого полка квартировал в Барнауле, а четвертый в Семипалатинске. Данные сведения приведены потому, что именно офицеры этих полков, находясь в своих родных городах в момент выступления чехословаков представляли собою более или менее сплоченные ячейки, кои, благодаря этому, невольно и неизбежно должны были при воссоздании армии сыграть роль тех основных ядер, к которым бы примкнули более многочисленные, но в то же самое время и более разрозненные офицеры иных полков старой Российской армии.

С началом борьбы чехословаков и русского офицерства с большевиками к ним стала сразу же присоединяться молодежь, главным образом учащаяся, — люди не измятые колесами жизни, мечтавшие о порядке, законности и освобождении России от ярма чужеземных наймитов — большевиков. Вместе с тем ряды противобольшевистских отрядов пополнялись также и теми, кто, не задаваясь высокими идеями, попросту возненавидел советскую власть, пострадав от произвола местных представителей этой власти. Так движение против большевиков, за коим очень скоро установилось наименование белого, захватило собою офицерство, учащуюся молодежь и подняло крестьян, казаков и рабочих некоторых волостей, станиц и заводов.

Молодые части Народных армий (Сибирская Народная под бело-зелеными цветами, а другая Народная, создавшаяся на Волге, под цветами георгиевской ленты) создались на началах добровольчества, характерной особенностью коего являлась крепкая духовная связь между начальником и подчиненным. Эта связь была результатом полной общности интересов, а нередко и близких отношений, предшествовавших службе под знаменами. Взаимоотношения начальников и подчиненных в этих частях, отличаясь полным отсутствием рутины и излишних формальностей и безусловным обоюдным доверием и общим пониманием выполняемых ими задач, нормировалось, однако, за редким исключением, достаточно разумной и строгой дисциплиной.

Несмотря на то что белые численно и материально уступали красным, они были зато сильнее последних в моральном отношении, а также превосходили их, в первый период борьбы, своей квалификацией; и пока белые опирались на народные массы, пользуясь их симпатиями и поддержкой, они были непобедимы. Но организация белых сил, говоря вообще, отличалась большими несовершенствами; она носила подчас совершенно случайный характер, например, наряду с офицерскими ротами и батальонами в одних полках и отрядах суще-

ствовали иные отряды почти при полном отсутствии офицеров. Затем, так как с началом стихийно развивающейся борьбы все и вся основательно перемешалось, то каждый из добровольцев (как офицер, так и солдат) шел или попадал в ту часть и тот род оружия, куда его тянуло либо собственное внутреннее призвание, либо узы родства, дружбы, иногда и просто случай. Вследствие этого в пехоте оказались и отрядами ее командовали артиллеристы, кавалерией — пехотинцы, а иногда даже и моряки. Немало пехотинцев оказалось и в артиллерии. Подобное положение вещей привело к тому, что, как скоро Красная армия стала постепенно сорганизовываться и принимать относительно регулярный облик, силы белых оказались опять недостаточными для успешного продолжения и завершения борьбы. Перед белой властью встала большая задача — реорганизация повстанческих отрядов, в возможно наикратчайший срок, в настоящую армию, способную бороться и победить врага.

Начало борьбы

В мае месяце 1918 года по станциям Сибирской железной дороги можно было видеть расклеенные воззвания с призывом советских властей к чехословакам о переходе их на службу в ряды только еще начинающей создаваться Красной армии. Воззвания эти заканчивались угрозами разоружения чехословацких эшелонов в случае невыполнения последними предложений советских властей. Несмотря на это, они никакого успеха не имели и вызывали разве только одни насмешки со стороны чехословаков. Следует отметить, что в рядах Красной армии в это время, кроме русских, мадьяр, немцев и латышей, имелся также небольшой процент русин и чехов. Последних, правда, было очень немного.

14 мая в Челябинске произошло первое столкновение чехословаков с красными. Поводом к тому послужило, согласно чехословацким источникам, ранение одного чешского солдата немецким военнопленным, находившимся на службе в Красной армии. По тем же источникам, немец был якобы убит чехами на месте. Во всяком случае, это убийство и усиленные им трения между советскими властями и чехословаками привели к вооруженному столкновению чехословаков с большевиками. Дело происходило в общих чертах так.

В 20-х числах мая месяца последовал приказ Троцкого о разоружении всех чехословацких эшелонов. Вслед за сим все движение по Великому Сибирскому пути сразу остановилось. Понуждаемые чув-

ством собственного самосохранения, чехословаки, благодаря поддержке русского офицерства, несмотря на невысокое моральное состояние своих частей, все же оказались более подготовленными к борьбе, чем их противники — большевики. Командование чехословацким частями захватило почин в свои руки. В течение нескольких дней, начиная с 25 мая, в ряде городов и станций по линии железнодорожного пути Пенза—Владивосток произошли выступления чехословаков. Большевики везде были биты. Вот перечень мест, где произошли эти выступления: Пенза, Сызрань, Самара (здесь руководство чехословацкими войсками принял на себя начальник одного из чехословацких эшелонов — поручик Чечек), Миас, Челябинск (во главе чехословаков — бывший русский офицер, полковник Войцеховский), Петропавловск, Курган, Омск (во главе чехословаков — капитан Сыровой), Ново-Николаевск, Тайга (во главе чехословаков — капитан Гайда). Немного позже произошло выступление чехословаков во Владивостоке совместно с русскими частями. Так началась борьба.

Уездный город Петропавловск расположен на линии железной дороги Челябинск—Омск, на правом берегу реки Ишима. От станции железной дороги до города примерно версты две-три. Западнее города, под горой, на берегу реки — большая и богатая казачья станица. На восточной окраине города — консервный завод, укрепленный и превращенный большевиками в свою базу. Со станции железной дороги к нему вел подъездной путь. К югу от города, за железной дорогой, начинаются степи. В этом направлении — крупный пункт — город Кокчетав, находящийся примерно верстах в 180 от Петропавловска.

В конце мая 1918 года, накануне выступления чехословаков, большевистский гарнизон в Петропавловске определялся примерно человек в 800. Из них до 500 располагалось на консервном заводе. Последний был обнесен кирпичной стеной, в которой были устроены бойницы. Пулеметов красные имели значительное число, но артиллерии у них не было. Остальные красноармейцы несли охрану Совдепа, почты, железнодорожной станции, банка, телеграфа и иных учреждений в городе.

На железнодорожной станции в это время находился один чехословацкий эшелон — рота под командой капитана Жака и 604-й русский санитарный поезд, везший солдат-хроников с развалившегося Русско-Германского фронта и направлявшийся теперь на восток, в более хлебные места. Тайная противобольшевистская организация в городе Петропавловске насчитывала примерно человек 60—70. Это были преимущественно офицеры — казаки и пехотинцы.

Один из русских, участников выступления в Петропавловске, рассказывает следующее: дня за три до переворота в городе большевиками было объявлено осадное положение. Они чувствовали неизбежность столкновения и лихорадочно готовились к нему, усиленно укрепляясь на консервном заводе. Вокруг города были выставлены посты, которые никого туда не пропускали. Станция железной дороги и казачья станица из охраняемого района были почему-то исключены. Атмосфера сгущалась, и горожане это чувствовали.

Штаб тайной противобольшевистской организации находился в помещении станичного управления. Накануне переворота, часов в 10 вечера, сюда явились представители чехословаков и поставили в известность главу организации о своем выступлении против большевиков, назначенном на полночь. Чехи просили о поддержке. Они дали русским свои пропуск и отзыв, а последние сообщили им пропуск и отзыв красных частей (в организации они были известны, так как несколько членов ее находились на службе у большевиков).

Ровно в полночь, как то было условленно, чехи первыми выступили на станции, быстро ее захватили и повели наступление на консервный завод. Выстрелы на станции послужили сигналом: в казачьей станице ударили в набат и члены тайной организации с оружием, какое имелось у них под руками, повели наступление на город. Оружия было очень немного — примерно одна винтовка на пять человек. Встречающиеся по дороге красноармейцы разоружались. Кое-кто из числа жителей, не состоя в организации, теперь присоединился к переворотчикам. К часу ночи город был уже очищен от большевиков. Белыми был захвачен весь состав Совдепа. Исключение составлял один его председатель, уехавший за несколько дней до того в Омск. Важно отметить переход в руки белых материальной части автомобильного отряда, насчитывавшего чуть ли не полсотни машин, на которых во время Великой войны из района города Кокчетава подвозился хлеб на линию железной дороги. Повстанцами было также захвачено и кое-какое оружие.

Потери при этом у противобольшевиков (русских и чехословаков) были совсем незначительные: 4—5 убитых и несколько человек раненых. Потери красных были во много раз больше. Часть красных (мадьяры), видя, что города им не отстоять, бежали в степи. В последующие дни там их вылавливали киргизы и приводили в город.

По свержении власти большевиков в городе войсковой старшина Волков[62] (позднее генерал, выполнявший несколько особых поручений адмирала Колчака, командовавший в 1919 году конным корпусом и погибший во время Сибирского Ледяного похода) объявил себя на-

чальником военного района. Начальником его штаба стал есаул Сибирского войска — Блохин[63]. Комендантом города и в то же время воинским начальником — полковник Панкратов. Начальником мобилизационного отдела — подъесаул Поротиков.

Очищение города от большевиков далеко не могло дать повстанцам и жителям душевного спокойствия, тем паче что Петропавловск был первым городом Сибири, где произошел переворот. Было совсем еще неясно, как повернутся дела. В напряженной, неопределенной атмосфере производилось формирование первых белых частей. Во главе отдельной инструкторской роты, укомплектованной почти исключительно офицерами, встал капитан Васильев. Вскоре в ней насчитывалось уже до 60 чинов. Реалисты и гимназисты, изъявившие желание вступить в ряды отряда, образовали вторую — добровольческую роту. Казаки приступили к созданию сотни из числа охотников, каковых набралось от 30 до 40 всадников. Началось также формирование добровольческой роты из киргиз.

Выступление шло под демократическим флагом, и по ряду причин погоны не были надеты повстанцами. Поэтому когда на следующий день по освобождении города от большевиков туда прибыли из степей для связи несколько чинов отряда есаула Анненкова[64], в погонах, то они привлекли к себе внимание населения. Начальником района им было предложено снять погоны, что выполнить они отказались и уехали назад в степь.

Нервность и напряженность в Петропавловске пошли сразу на убыль, когда в нем стало известно о состоявшемся выступлении в Кургане, о захвате его чехами и белыми русскими, а также о предшествовавшем этому занятию и освобождению от большевиков Миаса и Челябинска. Город Кокчетав к этому времени был также очищен от большевиков. За запад и юг петропавловцы теперь могли быть спокойны. Враг находился на восток и север от города — в Омске и Ишиме. Руководители белого Петропавловска сочли своевременным перейти к наступательным действиям.

Сравнительно небольшой, но богатый уездный город Тюменской, ранее Тобольской, губернии Курган расположен на линии железной дороги Челябинск—Омск и славился как центр маслоделия Западной Сибири и довольно значительной хлебной торговлей. До Великой войны свое масло Курган поставлял даже за границу, преимущественно в Данию, где оно перерабатывалось и выпускалось на рынок уже под маркой «датского». Население Курганского уезда отличалось своей зажиточностью и довольно рациональной постановкой сельского хозяйства.

Пришла революция. Волна большевизма докатилась до Кургана, и там утвердился Совдеп, советские порядки и такой же уклад жизни. И все это продолжалось до тех пор, пока в ночь на 2 июня в стороне станции железной дороги не началась стрельба...

Поначалу курганцы особого значения этой стрельбе не придали, ибо со времени Октябрьской революции ночная стрельба на улицах стала делом заурядным. Время шло. Стрельба не только не прекращалась, но, напротив, огонь участился. Судя по выстрелам, фронт увеличился. Не минуты, но неприятные часы переживали жители ближайших к станции кварталов: пули свистели и щелкали о стены домов...

Стало брезжить. Выстрелы приближались. От станции по улицам, отстреливаясь, бежали одиночные бойцы. То были красноармейцы. Прошло несколько минут, и показался их противник — чехи. Скоро бой перешел к реке, куда отошли красные. В городе стало тихо, и жители вылезали из своих домов на улицу, дабы узнать об обстановке. Далеко отходить от своих домов они, однако, не решались до тех пор, пока кто-то не принес известия, что последний опорный пункт красных — паровая мельница Бакинова, находящаяся за рекой, занята чехами.

Так был освобожден Курган.

Были только большевики изгнаны из Кургана, как на улицах города появились печатные обращения местного отдела партии социалистов-революционеров. В торжественном тоне население оповещалось о падении тиранов-большевиков, и освобожденный народ призывался строить новую, свободную жизнь.

Хорошо, конечно, строить новую жизнь, но в обстановке первых чисел июня 1918 года, когда вся Россия была во власти большевиков, освобожденному Кургану, как и иным освобожденным местам, в первую очередь приходилось думать не столько о налаживании того или иного мирного распорядка жизни, сколько с оружием в руках отстаивать только что данную Небом свободу. Социалисты реальной силой не располагали, и на предложение чехословаков о создании городского отряда самоохраны отозвалось в первую очередь офицерство.

По городу носились вести о том, что и Челябинск, и Омск, и Петропавловск также освобождены чехами, но все же все это были лишь слухи, точных сведений не было, и перед многими противниками большевизма, готовыми взять в руки оружие, вставал вопрос: а что, если это только эпизод? Что, если завтра или послезавтра отношения между чехами и большевиками уладятся и последние снова вступят в город?

Вопрос был серьезный, и надо было иметь мужество, чтобы встать в только что строящиеся ряды будущей Белой армии.

Во главе формирующегося Курганского добровольческого отряда встал чешский офицер — поручик Грабчик. Ему было примерно 35 лет. В прошлом это был офицер австро-венгерской армии. Помощником его был назначен русский — штабс-капитан Титов. Бойцами в отряд записывались офицеры и учащаяся молодежь — гимназисты, реалисты. Партийные работники предпочитали в ряды отряда не вступать, видимо намереваясь служить Родине иным порядком, главным образом или даже исключительно одной своей лишь политической работой. О представителях остальных слоев местного общества совсем уж не приходится говорить: освобождению они были очень рады, но это они, видимо, находили в полном порядке вещей и потому не утруждали себя думами о всяких не совсем приятных «мелочах».

Число добровольцев, записавшихся в отряд, вскоре достигло 150 человек. На этой цифре оно и остановилось. Оружия между тем в гарнизоне было так мало, что даже эта горсть добровольцев не была как следует вооружена. С содержанием отряда дело обстояло также не слишком важно.

После бегства большевиков выяснилось, что городская касса пуста. На содержание же отряда требовались деньги. Конечно, в этом отношении огромную помощь освобожденному городу могло оказать местное купечество, уделив малую толику от своих капиталов. Но тут-то и сказалась мелкая душонка этих «рыцарей аршина». Еще так недавно, при большевиках, они спешили по первому требованию Совдепа выплачивать наложенные на них значительные суммы. Тогда перед кассой Совдепа образовывались хвосты, в которых дело доходило даже до драк. Теперь же, когда новая власть предложила каждому жертвовать на общее дело столько, сколько каждый может, картина получилась обратная — в кассу поступали гроши. В результате городская дума принуждена была, в целях изыскания средств не содержание отряда и иных городских надобностей, обложить население налогом, правда мизерным, да к тому же еще и добровольным.

Получив известия о выступлении чехов в Петропавловске, Челябинске, Кургане, большевики выслали из Омска на запад сильный отряд с артиллерией и пулеметами. Нужно сказать, что после выступления в Петропавловске, в районе ст. Исиль-Куль, что между означенным городом и Омском, произошло неудачное выступление какой-то нестроевой чешской части. И вот большевики, подбодренные своим «успехом» под Исиль-Кулем, видимо, решили, что они

так же легко и свободно раздавят своих противников и в Петропавловске, и в Кургане.

Со своей стороны чехи и белые в Петропавловске не дремали. Они успели даже на трех-четырех грузовых автомобилях съездить в город Ишим, находящийся на линии железной дороги Омск—Тюмень—Екатеринбург. Без труда был освобожден этот город от красных. Здесь была сформирована своя Ишимская добровольческая рота, а смешанный русско-чешский отряд из Петропавловска дня через три после своего выхода в экспедицию был уже снова у себя в Петропавловске, куда с запада прибыли чешские подкрепления. Не задерживаясь долго в Петропавловске, чехи и русские двинулись к Омску, навстречу врагу.

Столкновение вышеуказанного красного отряда, состоявшего в значительной своей части из пермских железнодорожных рабочих, с чехословаками произошло у станции Марьяновка. Большевики были разбиты наголову. Чехи захватили пленных, пулеметы и артиллерию, в которой сильно нуждались противобольшевики. Теперь путь на Омск был открыт.

7 июня чехи и белые приблизились к ст. Куломзино, находящейся против города Омска, на левом берегу реки Иртыша. После небольшого столкновения с красными она была ими занята. Одновременно с сим в городе выступила тайная организация, поддержанная союзом солдат-фронтовиков. Мост через реку Иртыш был занят отрядом, двигающимся с запада, но не омскими повстанцами. Переворот в будущей столице Белой Сибири произошел в общем быстро и безболезненно: утром в городе были еще «товарищи», а вечером на стенах домов и на заборах уже красовались воззвания новой власти.

Глава местной тайной офицерской организации, полковник Иванов-Ринов[65], объявил о своем вступлении в должность начальника местного гарнизона. Человек это был прослуживший много лет по административной части, но особой распорядительности он, во всяком случае, не проявил ни в последние часы советской власти в Омске, ни в первые часы новой национальной власти. Поэтому красные благополучно вывезли из города все суммы омского отделения Государственного банка и двинулись вниз по Иртышу.

«Западная Сибирь очищена от большевиков. Они бегут, унося с собою все, что можно захватить. Ярмо нового самодержавия уничтожено, Сибирь вновь свободна». Так начиналось первое воззвание-декларация новой власти. Далее указывалось, что «впредь до окончательного освобождения всей Сибирской территории, высшей местной властью является Западно-Сибирский Комиссариат, состо-

ящий из уполномоченных Временного Сибирского Правительства: членов Всероссийского Учредительного Собрания: Павла Михайлова, Бориса Маркова и Михаила Линдберга, и председателя Томской уездной Земской Управы Василия Сидорова». Декларация эта стала известна в Омске до появления там уполномоченных. Первоначально в городах заявили о себе более мелкие эмиссары новой власти, фактически же освобожденной территорией правил Иванов-Ринов, как относительно опытный администратор и человек с характером.

Но вот в Омск прибыл Павел Михайлов. Бледный человек с горящими глазами, он работал день и ночь. Он немедленно созвал совещание из всех общественных деятелей, выяснил положение и приступил к формированию отделов управления. Оставляя в стороне создание различных ведомств и управлений, следует отметить, что относительно военного отдела на совещаниях к соглашению пришли не сразу. Вначале на должность заведующего этим отделом была выдвинута кандидатура члена Учредительного собрания Фомина (28 лет), но он не был военным. Тогда стали обсуждать, может ли штатский стоять во главе такого важного отдела, как военный, и следует ли вообще отделять военный отдел от штаба командующего армией. Г.К. Гинс[66] в своей книге указывает, что только он высказался за разделение сих должностей и управлений, но ни сам П. Михайлов, ни Фомин не только не поддержали Гинса, но даже наоборот: они высказались за совмещение обеих этих должностей и управлений, но при этом их доводы, по мнению Гинса, были не совсем убедительны. Позднее стало общеизвестным, что глава тайных военных организаций Гришин-Алмазов[67] по этому предмету предъявил П. Михайлову ультимативное требование. Должности управляющего военным отделом и должность командующего армией были совмещены. «Так было положено начало зависимости гражданской власти от военной», — восклицает Гинс в своей книге.

Относительно этого восклицания приходится сказать, что войны и революции всегда прекращают действия конституционных законов (гарантий) даже в самых демократических странах, где армия находится всегда в тени. Обстановка понуждает сосредоточить власть в руках немногих лиц, из числа которых силой обстоятельств наверх выносятся наиболее твердые характеры. Не столь важно, из какой среды выйдет этот вождь — из военной или гражданской, важно отметить, что в дни великих потрясений всегда доминирующее значение приобретает армия. Так было в давно прошедшие времена, так было и в Великую войну, когда и в Германии, и в Англии, и во Франции на первом месте были военные интересы. То же оказалось

и в РСФСР, где Ленин, не будучи даже военным, но будучи выдающимся человеком, все силы страны направлял на вооруженную борьбу и создал «военный коммунизм». Поэтому, возвращаясь к фразе профессора Гинса, приходится отметить, что Гришин-Алмазов был прав, требуя совмещения должностей командующего армией и управляющего военным министерством. Жаль только, что правильная, верная идея не дала больших плодов, но это проистекло уже от личностей: несчастье белых было в том, что за время Гражданской войны в их лагере не выдвинулись люди типа Петра Великого или Александра III. Налицо был лишь разброд партий, групп и всяких течений, руководимых недостаточно волевыми и недостаточно глубокими людьми. Поэтому приходится лишь сожалеть, что в белом лагере не нашлось действительных великанов ума, прозорливости и воли, то есть лиц с диктаторскими характерами, а не одними только диктаторскими замашками.

Военачальники белых и их штабы

Эмблема снегов и лесов — бело-зеленое знамя взвилось в Сибири. Оно было встречено с надеждой на светлое будущее. Во главе вооруженных сил Сибирского правительства встал полковник Гришин, проживавший при большевиках под конспиративной фамилией Алмазов. Можно сказать, что это назначение было случайным, как вообще случайны были все назначения того времени, как случайны и произвольны были выборы и самих членов Сибирского правительства.

До конца 1917 года Гришин не был совершенно известен. Его знали лишь его друзья, знакомые да сослуживцы. Это был молодой, заурядный армейский офицер. По некоторым сведениям, полковник Гришин прибыл в Сибирь по поручению генерала Алексеева, имея своей задачей объединение доморощенных офицерских организаций на территории этого огромного края Российской державы.

Во всяком случае, полковник Гришин-Алмазов вместе с видным эсером Павлом Михайловым, членом Учредительного собрания, изъездил при большевиках все более крупные города Сибири, внося всюду систему и единство в кустарно создававшиеся офицерские организации. Гришину-Алмазову, как и Павлу Михайлову, нужно отдать должное: оба они не покладая рук работали, находя среднюю примиряющую линию, и привлекали к совместной работе под флагом Сибирского правительства и эсеров, и лиц правого направления. Разъезды и подпольная работа были, конечно, сопряжены с преодо-

лением различных трудностей, так как большевики охотились за Гришиным и Михайловым. Требовалось немало смелости, а еще больше такта ввиду разнородности направлений политических целей и различных организаций.

Все это они преодолели, и, когда произошло выступление и власть в освобожденных районах взяли в свои руки эмиссары Сибирского правительства, Гришин-Алмазов и Павел Михайлов заняли видные посты. Первый из них принял на себя звание командующего Сибирской Народной армией. Этого титула у него никто не оспаривал, и военные Омска, Томска, Ново-Николаевска, Барнаула, Кургана, Челябинска и Петропавловска ему подчинились без всяких разговоров. За переворот Гришин был произведен в генерал-майоры.

Что же представлял собою Гришин-Алмазов? Какими способностями он обладал как командующий армией? Был ли он вообще подготовлен к занятию этого поста? Все это не было еще известно. Будущее должно было показать это.

Выше уже говорилось, что в Омской округе территорией, освобожденной от большевиков, фактически правил генерал Иванов-Ринов. В прошлом это был начальник одного из уездов в Туркестане, позднее там же помощник военного губернатора.

В создающейся Сибирской Народной армии Иванов-Ринов, произведенный за переворот из полковников в генерал-майоры, получил пост командира Степного Сибирского корпуса[68]. Штаб этого корпуса должен был находиться в Омске. Данное назначение, как показало недалекое будущее, оказалось совершенно неудачным: на должность строевого начальника Иванов-Ринов совершенно не годился, а как организатор и политик он был совершенно никудышным. Самого простого такта у него также не оказалось.

В Томске сразу выдвинулся молодой офицер 42-го Сибирского стрелкового полка — подполковник А.Н. Пепеляев[69]. На Великую войну он пошел в чине поручика — начальника полковой команды конных разведчиков. В течение всей войны он держался просто, не старался обставить себя комфортом, как это замечалось у некоторых, дисциплину в своей команде он поддерживал строгую и склонности к эсерам, в чем стали обвинять его недруги в более позднее время, у него не замечалось. Люди, знавшие его еще по Германской войне, указывают, что у Пепеляева наблюдалось стремление проводить в жизнь суворовскую тактику. В боевом отношении он считался дельным офицером. Там же, на Германской войне, Пепеляев получил орден Святого Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие за разведки на реке Неман в конце 1915 года. В то время он ко-

мандовал отрядом конных разведчиков всех четырех полков дивизии.

Начальником 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, формируемой в Омске, был назначен офицер 44-го Сибирского стрелкового полка — полковник Фукин[70]. Последний не замедлил взять в свой штаб лиц хорошо известных ему, коими, естественно, должны были явиться его бывшие сослуживцы — офицеры того же 44-го Сибирского стрелкового полка. Нескольких офицеров этого же полка полковник Фукин протолкнул и в штаб корпуса. Когда пришло время выступать из Омска на фронт, то полковник Фукин, считая, видимо, что силы его недостаточны и формирование их еще не закончено, стал оттягивать с выступлением на фронт. Вследствие этого он был отстранен от занимаемого им поста.

На место полковника Фукина офицерами 44-го Сибирского стрелкового полка, занимавшими в это время различные посты в штабе корпуса и дивизии, была выдвинута кандидатура другого их однополчанина — полковника Вержбицкого[71]. Последний находился в это время в городе Усть-Каменогорске, где занимался пчеловодством.

В 44-м Сибирском стрелковом полку Старой армии полковник Вержбицкий считался одним из самых дельных офицеров. Он провел в должности командира роты этого полка всю Русско-японскую войну. Осторожный, умный, воспитанный, с выдержкой и большими познаниями в области литературы и истории, он пользовался в полку уважением. Он отлично владел пером, выявляя, однако, склонность к красоте, пышности и витиеватости слога. «Гриша», как звали его офицеры, считался в полку «стратегическим резервом». Во все наиболее торжественные и серьезные моменты жизни полка без помощи «Гриши» не обходились. Офицеры знали, что если он взялся за дело, то выполнит его безусловно добросовестно и умнее других. Вержбицкий всегда избирался членом суда общества офицеров полка. До 1913 года он занимал должность начальника учебной команды. С отправкой по Высочайшему повелению экспедиционного отряда в Китай, в район крепости Шарасун, капитан Вержбицкий распрощался временно с полком, к которому он вновь присоединился лишь 30 апреля 1915 года. За Великую войну он получил орден Святого Георгия 4-й степени и Георгиевское оружие. В октябре 1916 года полковник Вержбицкий был назначен командиром 336-го Ефремовского пехотного полка. За бои под Сморгонь — Крево в 1917 году он был удостоен солдатами полка награждения солдатским Георгиевским крестом с пальмовой веткой. 1 сентября того же года он вступил в командование бригадой 134-й пехотной диви-

зии. После захвата власти большевиками и начавшегося полного развала частей фронта полковник Вержбицкий был судим за неповиновение советской власти, но, спасенный преданными ему солдатами 536-го и 534-го пехотных полков, бежал и, уехав в Омск, затем скрылся в Усть-Каменогорске. Предложение офицеров 44-го Сибирского стрелкового полка о назначении полковника Вержбицкого начальником дивизии было принято генералом Ивановым-Риновым. Полковнику Вержбицкому было послано предложение, на что последовало немедленное согласие. 20 июня полковника Вержбицкий прибыл в Омск, а на следующий день, 21 июня, он уже выступил с отрядом на фронт.

Командиром 1-го Степного Сибирского стрелкового полка был назначен сначала подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка Вознесенский, но после приезда в Омск генерала Гришина-Алмазова подполковник Вознесенский был заменен капитаном Жилинским — офицером 109-го Камского пехотного полка, произведшим очень хорошее впечатление на Гришина-Алмазова за время подпольной работы, но оставшимся без какой-либо должности и назначения после переворота. Узнав об этом, Гришин-Алмазов очень удивился и назначил его командиром 1-го Степного Сибирского стрелкового полка. Командиром 2-го Степного Сибирского стрелкового полка был назначен сначала капитан лейб-гвардии Павловского полка*, но вскоре он был заменен подполковником 43-го Сибирского стрелкового полка Панковым, который и вывел этот полк на фронт. Командиром 3-го Степного Сибирского стрелкового полка был назначен подполковник Черкасов — офицер 42-го Сибирского стрелкового полка. Назначение это нельзя было назвать удачным, так как Черкасов был полуинвалид.

Среди этих назначений командиров «регулярных» частей невольно приходится отметить командира первого партизанского офицерского отряда — штабс-капитана Казагранди[72]. Это был чужой для Омска и вообще Сибири офицер, случайно занесенный туда волею судеб. В день освобождения Омска он уже приступил к созданию своего отряда, а через день он уже покинул Омск, двинувшись вниз по Иртышу для борьбы с врагом.

Таковы были военачальники белых сибирских частей — молодые, полные сил и задора. Вчера еще они занимали незначительные посты в старой армии, сегодня в их руках — руководство полками возрождающейся армии. Им даны были большие возможности, и в извест-

* Фамилия не указана. *(Примеч. ред.)*

ной степени от воли, способностей и такта их зависела судьба не только края, но и всей страны.

В нормальное время штабные должности замещаются лицами, специально подготовленными к таковой деятельности. В Гражданскую войну в этом отношении процветало «кумовство». Конечно, вначале, когда начальнику не приходилось много разбираться, но брать то, что находилось под руками, заполнение штабов рядом лиц, мало пригодных для такой работы, было простительно, но с течением времени начальники должны были бы оглянуться вокруг и почистить личный состав как своих штабов, так и штабов и управлений им подчиненных и подведомственных.

Сейчас обрисуем кратко обстановку в центральных управлениях белого Омска. И управление военного министерства, и штаб Степного корпуса уже в июне 1918 года поражали бывалых людей своими значительными размерами, не соответствовавшими наличному количеству войск. В управлении военного министерства и в штабе корпуса, особенно в последнем, наряду с бездельничаньем наблюдалась хаотическая постановка дела. Штаб корпуса возглавлялся весьма молодым есаулом, человеком, видимо, энергичным, но совершенно неопытным в порученном ему столь серьезном и ответственном деле, и притом крайне нервным, грубым, высокомерным и бестактным, возбудившим, благодаря этому, очень скоро против себя почти всеобщее негодование.

Каковы порядки были в штабе генерала Иванова-Ринова, показывает хотя бы следующий незначительный случай. Когда в штаб корпуса 21 июня, то есть на четырнадцатый день освобождения Омска от власти большевиков, явился неизвестно откуда прибывший некий подполковник Смолин[73] и предложил свои услуги по сформированию партизанского отряда, то в штабе никому и в голову не пришла мысль проверить как следует, действительно ли он является тем самым лицом, за кого себя выдает. Никто совершенно не подумал поинтересоваться его политической физиономией. Спохватились об этом только недели через две, когда в руках подполковника Смолина уже был партизанский отряд. Штаб корпуса тогда страшно всполошился и забил тревогу. Дело в том, что кто-то не то шутя, не то серьезно заявил в штабе корпуса, что Смолин фактически состоит на службе у большевиков и провоцирует Иванова-Ринова. И вот полетели из Омска в Курган телеграммы, секретные предписания, поехали агенты контрразведки для немедленного и точного выяснения местоположения отряда Смолина и задержания его. Но тут пришли донесения в штаб корпуса об успешных действиях отряда подполковника Смолина в глубоком тылу красных, кои внесли

успокоение, доставили радость белому командованию, а для некоторых лиц, надо полагать, и порядочный конфуз. Невольно приходится задать вопрос: а что было, если б вместо Смолина генералу Иванову-Ринову представился какой-нибудь ловкий и предприимчивый большевик?

Первые походы белых

Большевики и красноармейцы, бежавшие из городов при захвате их чехами и белыми и не выловленные сторонниками белых, скрываясь в окрестностях, стали постепенно сорганизовываться в отдельные группы, партии, отряды. Они вели агитацию среди населения и, накапливая свои силы, готовились вступить в борьбу со своими врагами. В районе Петропавловска местность открытая, поэтому скрываться там большевикам было негде, тем паче что киргизы были настроены против них. Но в Курганском районе, где имеются леса, большевики успешно скрывались.

В целях пресечения зла в самом корне, русские добровольческие отряды (белые) при поддержке чехословаков приступили к вылавливанию большевистских партий и групп, скрывающихся поблизости. Последние устраивали засады, производили нападения. Последовали стычки, перестрелки...

Курганский офицерский добровольческий отряд был двинут для борьбы с этими зачатками красной партизанщины. Первое столкновение, в котором приняли участие курганцы, было столкновение у заимки Новоявленского. Тут курганцы потеряли, между прочим, одного убитого — прапорщика.

Это было 7 июня, в день освобождения города Омска от власти большевиков. В городе в нескольких местах была открыта запись желающих поступить добровольцами в только что зарождающиеся отряды будущей Белой армии. В течение каких-нибудь двух-трех первых часов в отряды записалось до 70 человек. К следующему утру налицо имелось уже несколько отрядиков, правда по своей численности совсем незначительных, но состоящих почти исключительно из офицеров. Во главе одного из таких отрядов встал некий штабс-капитан Казагранди.

Бежав из Омска вниз по Иртышу, большевики угнали с собою все пароходы, катера. Короче говоря, они не оставили белым никаких перевозочных средств, за исключением одного маленького буксира, перетаскивавшего за собою паром через Иртыш. Само собою разумеется, что на такое суденышко нельзя было ни поставить орудий, ни

даже погрузить достаточный запас продуктов. Однако с целью первоначальной разведки пароходик этот был отправлен в тот же день, 7 июня, вверх по Иртышу. Ничего не заметив, через несколько часов после своего выхода пароходик вернулся.

На следующий день, 8 июня, когда в Омск прибыл большой пароход «Семипалатинск», последний был взят для военных надобностей. При помощи тюков пакли пароход этот был превращен в «крейсер», и в ночь на 9 июня он покинул Омск, отправившись вниз по течению Иртыша и имея на борту команду в 72 человека. Эта команда, возглавляемая штабс-капитаном Казагранди, состояла из 61 пехотинца, вооруженных трехлинейками и берданками при 11 ружьях-пулеметах Льюиса, и 10 артиллеристов, обслуживавших одно орудие, на кое имелось всего 93 снаряда. Официальное наименование команды штабс-капитана Казагранди было — «Первый офицерский партизанский отряд».

Из Омска большевики бежали частично на пароходах вниз по Иртышу, частично же отступили на восток, но тут, будучи разбиты под городом Татарском чехословаками, отдельными отрядами, двинулись на север, намереваясь проскочить к Тобольску. В подавляющей части своей это были интернациональные отряды. Слух о движении этих красных достиг отряда штабс-капитана Казагранди, и последний решил нанести несколько ударов отступающему врагу.

Под городом Тара, что отстоит от Омска примерно верст на двести, произошла встреча отряда штаб-капитана Казагранди с отрядом мадьяр под командой лейтенанта Легетти. Численность белого отряда указывалась выше, красных же было до 250 человек. В результате боя — боевого крещения белых — красные были разбиты. Кроме винтовок, пулеметов, патронов, добычей белых явились сам тов. Легетти и 208 человек, взятых в плен. Следует указать, что лейтенант Легетти был первым организатором интернациональных отрядов Омска. На подошедшем к Таре пароходе «Ольга» пленные были направлены в Омск.

В эти первые дни и недели Гражданской войны в Сибири фронта в полном значении этого слова еще не было. В записках генерала Смолина имеется описание перехода им «фронта» — проскока с красной стороны на белую и встречи им первого «белого» разъезда. Эпизод этот до известной степени характерен, а потому заслуживает быть приведенным здесь.

Преследуемый большевиками, подполковник Смолин бежал из города Туринска, где он проживал у своих родственников после возвращения своего с развалившегося Русско-Германского фронта.

Некоторое время он скрывался в окрестностях Туринска, а затем, решив перейти фронт и присоединиться к белым, направился в сторону Кургана. Двигался он по «веревочке», то есть по рекомендациям верных лиц его переправляли из одного пункта в другой. 18 июня И.С. Смолин со своим возницей прибыл в Белозерское, что в верстах 16—18 от города Кургана. Здесь они узнали, что накануне в районе этого села был бой русско-чешского отряда с красными, но результаты боя почему-то не были известны населению села; оно почти пустовало. Оставшиеся говорили, что все жители ушли в поле на работы. Не задерживаясь долго здесь, подкормив лишь свою лошаденку, путники двинулись дальше.

Было чудное летнее утро. Отъехав версты полторы от села, только успела повозка поравняться с ветряными мельницами, как вдруг из-за одной из них появились два вооруженных дюжих детины. Остановив подводу, они задали путникам несколько вопросов и, поверхностно осмотрев телегу, предложили Смолину и вознице следовать за ними к мельнице. Предложение это не на шутку встревожило Смолина, так как по внешнему виду и вообще по тому, как держались вооруженные молодцы, трудно было понять, кто они — красные или белые? Между тем у Смолина в телеге был спрятан револьвер и маленький пакет с бумагами, долженствующими скомпрометировать его владельца в том случае, если бы задержавшие оказались красными.

Подошли к мельнице. Там оказалось еще трое таких же молодчиков, а рядом стояли поседланные кони. Все чины этой заставы или разъезда были несколько на «взводе». На земле разостлан армяк, на нем бутыль с самогоном, каравай хлеба, селедка. Последовал вторичный допрос. Допрашивавшие особенно интересовались, не встречались ли путникам по дороге какие-либо отряды. Смолин и возница ответили, что отрядов они не встречали, но от крестьян слышали о вчерашнем бое в районе села, но к сожалению, о результатах этого боя они также не могут сообщить, ибо крестьяне сами не знают, кто кому всыпал.

— Конечно, мы им всыпали, — вырвалось у одного из детин.

— Кому? — воспользовался подходящей минутой Смолин.

— Кому? Знамо дело, красной сволочи, — пояснил другой из служилых, — весь отряд их вчера расхлестали, даже начальника ихнего поймали и угробили, и посейчас лежит он неубранным, вон у той речки.

На душе у Смолина стало сразу легко — значит, белые. В это время третий белогвардеец кричит:

— Да чего там разговаривать. Видно дело, они не красные. Выпьем лучше по этому случаю. Да и вы, ребята, с нами, — закончил он, обращаясь к задержанным.

Выпили, разговорились. Тут Смолин вполне убедился, что имеет дело с белыми — казачьим разъездом, высланным из Кургана. Стало веселее...

Дружески распрощавшись с казаками, наши путники продолжали прерванное свое движение, и к полудню того же дня они были уже в Кургане, добравшись туда без каких-либо новых приключений.

В Кургане в один прекрасный день были получены сведения о том, что в районе Белогорского женского монастыря, находящегося верстах в сорока на запад от города, собирается и сорганизовывается отряд красных. Для ликвидации его был назначен в поход весь Курганский добровольческий отряд, о коем уже говорилось раньше.

Из города выступили в обед. Под вечер пришли в имение местного землевладельца Смолина (этот землевладелец Смолин ничего общего не имел с подполковником Смолиным, о коем говорилось выше; здесь уместно отметить, что фамилия Смолины очень распространена в Западной Сибири, и в частности в Курганском уезде). Конный взвод под командой ротмистра Манжетного[74] (всего до 20 всадников), двигаясь впереди отряда, сразу же оцепил усадьбу. Белые конники вошли в господский дом. Все разорено. Всюду грязь, окурки. В доме белые застали каких-то двух-трех крестьян. Последние сказали, что комиссар имения находится у себя в спальне. Приготовив оружие, белые вошли. На прекрасной двуспальной кровати храпит какой-то тип. С ним лежит женщина. На кровати, кроме пружинного матраса и какой-то грязной подстилки под головой, ничего нет. На туалетном столе — пустые бутылки из-под водки и коньяка, стаканы...

При появлении белых женщина вскочила. Она была трезва. Мужчина же продолжал спать, выделывая носом невероятные рулады. Подняли белые этого раба божия. Долго он протирал глаза, ничего не понимая. Наконец, придя в себя, спросил: «Кто вы такие?» Ротмистр Манжетный решил разыграть с комиссаром комедию и, выдав себя и прибывших с ним за красных, объявил, что они присланы сюда, дабы арестовать комиссара за приведение последним имения в полную негодность. Эта шутка попала, по-видимому, не в бровь, а прямо в глаз комиссара. Бедняга аж позеленел от страха. Продолжения, однако, не последовало, так как подошедший в этот момент один из всадников, называя Манжетного «господин ротмистр», доложил, что начальник отряда прибыл. Услышав это и окончательно

проснувшись, бедный комиссар имения пришел в неописуемый ужас, упал на колени и стал просить помиловать его.

На следующее утро белый отряд продолжал свой путь. Дорога от имения Смолина до самого монастыря шла сосновым бором. Прошли еще верст двадцать. Наконец, конному взводу приказано было спешиться. Выслав в обход взвод пехоты, белые в пешем строю всем отрядом повели наступление на монастырь.

Продвигались по лесу. Вот-вот, кажется, начнется стрельба. Но ее все нет. Ожидание становится невыносимым. Наконец, за стволами деревьев забелели постройки монастыря. Он был без ограды. Выстроенный на берегу огромного озера, число которых весьма значительно в данном районе, окруженный вековым бором, монастырь казался чем-то сказочным. Но эта картина еще полностью не открывалась белым: цепь залегла. Прошло несколько минут. Со стороны монастыря никакого движения, шума, шороха. Тогда цепь двинулась дальше, но уже ползком.

Уже отчетливо видна церковь, домики. Вдруг: бум, бум, бум... Удары колокола мерно и торжественно режут зловещую тишину. Мгновение, и в лесной тиши еле-еле слышно церковное пение. Ротмистр Манжетный снял фуражку и перекрестился. Сразу стало очевидным отсутствие красных в монастыре. Белые бойцы вошли в него. Немедленно были выставлены посты, а свободные люди, составив винтовки, вошли в церковь. Там шла литургия. Хор монашек, будучи скрытым от взоров молящихся, казался хором ангелов... Такое неожиданное стечение обстоятельств так подействовало на нервы многих из белых бойцов, что у кое-кого выступили из глаз непрошеные слезы. Ведь только подумать, шли в бой, готовились к смерти и ранам, а встретили богослужение и хор монашек...

Со слов монашек выяснилось, что красные должны были явиться в монастырь за провизией, которую они приказали приготовить, но, узнав, по-видимому, о движении белого отряда, не пришли. Основательно подкрепившись припасами, приготовленными для красных, белые переночевали в монастыре, а на другой день утром тронулись в обратный путь.

Не успели курганцы отдохнуть после своего похода в Белогорский монастырь, как в Кургане было получено новое донесение разведчиков о том, что верстах в восьмидесяти на северо-запад от города из разбежавшихся красноармейцев и сочувствующих Совдепу крестьян и железнодорожных служащих некий Пичугин формирует отряд.

Немедленно, ночью, Курганский отряд был двинут в поход, имея своей задачей разгон организующейся банды и поимку главаря. При

этом конный взвод ротмистра Манжетного, с согласия начальника отряда — поручика Грабчика, своих коней оставил в городе, так как, проделав сразу 80 верст, кони все равно измотались бы и потому в бою от них нельзя было бы ждать должной резвости. Седла же белые взяли с собою, так как имелось в виду использование в нужный момент местных крестьянских лошадей. Здесь уместно отметить, что население Западной Сибири в описываемое время было зажиточным. В каждом дворе имелось по нескольку коней, из которых всегда можно было выбрать одного-двух добрых скакунов.

Быстрота движения ставилась поручиком Грабчиком в основу движения на отряд Пичугина. Отряд двигался поэтому безостановочно. В попутных деревнях подводы быстро сменялись, и весь 80-верстный переход был проделан в одни сутки. Когда до местонахождения красных осталось всего верст 10—15, то в одном из сел люди ротмистра Манжетного подобрали себе хороших коней, и дальше они уже двигались в конном строю. Пехота же продолжала свое движение на подводах.

Наконец, белые подошли версты на четыре к селу, в котором, по сведениям разведки, располагался тов. Пичугин со своим отрядом. Село это находилось на берегу реки, название же его забылось. У красных, в сторону Кургана, было выставлено сторожевое охранение с заставой у мельницы.

Решив отрезать сторожевку, начальник отряда направил конный взвод влево от мельницы по кустарнику, дабы взвод вышел в тыл противника и в подходящий момент атаковал бы врага. Белая же пехота была разбита на две части, причем одна половина повела наступление в лоб, а вторая двинулась к лесу, имея в виду отрезать путь отхода красной заставе.

Прошло с полчаса. Затрещали винтовки, и вскоре на поскотине показался бегущий к деревне противник в количестве человек 30—40. Выхватив из ножен шашки, конные понеслись за красными. Нескольких нагнали и зарубили, но большинство красных, подаваясь вправо, ушли в поле, огороженное пряслами.

У белых началась суматоха: лошади крестьянские, брать препятствия не умеют, разборка же прясел, коих на пути имелось до десятка, должна была занять слишком много времени, тем и дать возможность уйти красным от их преследователей в лес, что чернел за полем. Что делать? Белые подскакали к пряслам, а красные уходят все дальше и дальше. Волей-неволей пришлось белым всадникам спешиться и приняться за разборку прясел. Все же у самого леса белые вновь нагнали красных...

Возвращаясь к своей пехоте, конные услышали одиночные выстрелы, они доносились с середины луга. Ничего особенного не видно. Подъехали. Оказывается, в кочках залег один красный, не сдается и не подпускает близко к себе никого. Белые обозлились, решили так или иначе забрать его. Четыре офицера с разных сторон поползли к красному, в то же время трое других офицеров поднялись во весь рост и направились к тому месту, откуда раздавались выстрелы, прекратившиеся на время. Увидев идущих на него трех белых, красный открыл огонь и тем обнаружил себя. Подходившие немедленно залегли и открыли огонь пачками по направлению выстрелов. Вскоре со стороны красного огонь прекратился. Снова поднялись белые и осторожно двинулись вперед. Огня на этот раз не было. Выждав минут десять, двинулись цепью и нашли израненного красного, оказавшегося мадьяром, а около него целую кучу расстрелянных гильз. Мадьяра, конечно, не пожалели, тем более что взятие его обошлось белым в трех раненых.

Покончив, таким образом, с последним чином красной заставы, белые продолжали свой путь. Впереди шли конные. Вот и село. Никого не видно. Дозор вошел в село. Красных там нет, но жители подозрительно молчаливы. Пока конники обследовали дворы и околицу, пехота, пройдя колонной село, вышла за него. Таким образом, конники оказались в хвосте.

За селом, саженях в двухстах от дороги, находилась мельница. Вправо мокрый луг, а дальше река. Оставив своих людей позади пехоты, ротмистр Манжетный со своим вестовым поехал в голову колонны к начальнику отряда. Подъезжая к нему, Манжетный вдруг видит, что от мельницы навстречу отряду движется подвода. Внезапно она поворачивает и вскачь бросается наутек. Манжетный дал шпоры своему коню и за подводой. Остановил... В ней оказалась партия винтовок, которую сопровождал один красноармеец. Он хотел было вскинуть винтовку, но выстрел из «смита» оборвал его жизнь. Подбежали белые пехотинцы, подъехало несколько всадников... Вдруг кто-то крикнул: «Противник вправо!»...

На лугу, в стороне реки, видны были люди — целая цепь. Она медленно отходит к реке. Расстояние до нее — шагов шестьсот. Поручик Грабчик скомандовал: «Кавалерия в атаку»...

Ротмистр Манжетный скомандовал: «Шашки к бою»... Оглянулся на своих, а их всего человек шесть—восемь. «Где остальные?» — спросил он их. «Начальник отряда послал в деревню», — последовал ответ. Делать нечего: «Марш — марш»...

Понеслись. Не успели проскакать двухсот шагов, как из травы поднимается цепь человек в сорок. «Ну, конец: залп и прощай бо-

жий свет», — молнией проносится в мозгу Манжетного, но он скачет вперед и неистово кричит «Ура!».

Белые конники подскакали к цепи. Стрельбы нет. Красные стоят, подняв руки, а винтовки их на земле... Ротмистр приказывает им отойти от винтовок на 50 шагов, оставляет около них двух всадников, а с остальными несется дальше. На душе стало сразу легче...

Вторая цепь, и та же картина... Осталось всего трое: ротмистр Манжетный, его вестовой и ахтырский гусар, штабс-ротмистр Гусев... Последний пришпорил коня и стрелой помчался к реке. У ротмистра Манжетного конь завяз в болоте. Пришлось спешиться. Кое-как выбрался. Сел на коня — и к реке...

На берегу Гусев, держа коня в поводу, целится из карабина в какого-то человека, стоящего по пояс в воде с сапогами на плечах.

— Это Пичугин, — говорит Гусев.

Кубарем скатился с коня в воду Манжетный. Пригрозил пистолетом и за шиворот вытащил на берег «господина с сапогами». Обыскали. По документам действительно Пичугин...

Но тут белым бойцам пришлось пережить несколько жутких минут: речка неширокая, всего шагов сто, поросшая по тому берегу кустарником, в котором ясно видны были люди и винтовки. Берег же, на котором находились белые, был низкий и шагов на двести ни одного кустика.

Ведут Манжетный с Гусевым пленного, а сами так и ждут стрельбы в спину. Готовы, кажется, были превратиться в мышь, чтоб не служить мишенью... А главное, они были в этот момент беспомощны: всего двое, так как вестовой вел лошадей... Наконец добрались до кустов. Тут еще раз обыскали пленного. Нашли у него пистолет «стейер», который, как трофей, взял Гусев. (Между прочим, из этого «стейера» штабс-ротмистр Гусев вскоре застрелился под Далматовом, будучи раненным в обе ноги.)

Все пленные стояли кучей там, где их забрали конные. Красные находились под охраной шести всадников. Пехота же белых не пожелала мочить ноги и наблюдала за всей этой картиной с дороги. По приказанию ротмистра Манжетного бывший красный начальник построил бывших своих подчиненных, а ныне пленных, скомандовал и повел их на дорогу. Сделал это он, конечно, не сразу, сначала отнекивался, но потом, после нескольких убедительных слов, исполнил требование.

Подошли к отряду. Пленных стали допрашивать. Пичугин оказался бывшим солдатом лейб-гвардии Преображенского полка. Кроме него, среди пленных оказался один видный большевик — военрук, в

прошлом сиделец казенной винной лавки. Остальные же были мобилизованные. Первых двух арестовали, а остальным было приказано разойтись по домам. Человек пять из пленных тут же изъявили желание поступить в отряд белых и были приняты. Отряд вернулся в село. Так без потерь курганцы приобрели от противника около 150 винтовок, в которых чувствовался такой недостаток у белых. Пичугин же и военрук на обратном пути отряда были расстреляны, ибо таковое решение вынесли на совещании старшие офицеры отряда.

Заканчивая описание первых действий Курганского добровольческого отряда в районе родного города, хочется отметить, что данные, на первый взгляд не заслуживающие особого внимания мелочи организационной и боевой работы белых все же характерны. Следя за действиями Курганского добровольческого отряда, мы видим, в какой обстановке и при каких условиях создавались вооруженные силы Белой Сибири, что являлось их кадром и какого рода трения пришлось перебороть на местах отдельным белым отрядам, прежде чем, будучи руководимыми единой волей, устремиться на запад в борьбе за свободу России.

Освобождение Западной Сибири

Как видно из предыдущего, весь участок Великого Сибирского пути от ст. Миас (что западнее Челябинска) до ст. Тайга (что близ Томска) к 10 числам июня месяца находился в руках противобольшевиков. Освобожденная территория в эти дни представляла собою не столь более или менее обширный плацдарм, сколь длинную и узкую полоску, которую противник мог легко прорвать во многих местах. Поэтому неотложной задачей противобольшевиков являлось распространение их власти на близлежащие районы.

С первых дней своего выступления чешское командование стало торопить русских, настаивая на немедленном выдвижении в боевую линию только еще создающихся русских отрядов. Настояния эти чешское командование обосновывало на необходимости использовать создавшуюся обстановку: захватить почин в свои руки и нанести не успевшему опомниться врагу сокрушительные удары. Но с другой стороны, целесообразно ли было ввести в действие еще не организованные как следует части? Военная наука самым категорическим образом восстает против этого. Но она также и не разрешает понапрасну тратить время. «Не давай опомниться врагу, бей его кулаком, но не растопыренными пальцами». Одно положение как бы

отрицает другое. Приходилось искать среднее решение, кое в итоге дало бы наибольший плюс. И вот для разрешения положения в июне 1918 года требовались глубокий и быстрый ум, твердая непоколебимая воля и опыт великана военного дела. Этого не было. Военачальники противобольшевиков были молодые, правда, доблестные офицеры, водившие с успехом свои части в бой, но знаний и опыта особых у них не было, и они не были даже полностью объединены, так как во главе стояли два командующих, два штаба... Перед чехами стояли их задачи: установление связи между всеми чехословацкими отрядами, очищение пути на восток и, наконец, создание Восточного противогерманского фронта. Перед русским же командованием стояли иные задачи: захват жизненных центров страны, полное ее освобождение, и только после этого можно было бы говорить о воссоздании Русско-Германского фронта.

На этой почве с первых же дней совместной работы между чешским и русским командованиями возникли трения. Одним казалось, что их соратники медлят, не проявляют должной дееспособности, тратят понапрасну время. Другие же считали, что их союзнички делать сами ничего не хотят, а лишь стремятся укрыться поскорей за спины своих друзей-братьев. Немало усугубляли дело также, конечно, и личные бестактности некоторых руководителей как той, так и другой сторон.

* * *

Потратив в общем до двух недель на создание частей (срок, во всяком случае, не слишком большой), противобольшевики перешли в 20-х числах июня месяца в общее наступление по расходящимся линиям: Гайда с Пепеляевым двинулись на восток, вдоль по линии Великого Сибирского пути, а Вержбицкий и Сыровой — на запад, по дороге на Тюмень

Движение частей Сибирской Народной армии, поддерживаемых чехословаками, из района города Омска на запад представляется в следующем виде:

1. На крайнем открытом правом фланге действовал партизанский отряд штабс-капитана Казагранди, спускавшийся вниз по Иртышу.

2. Левее этого отряда, по железной дороге Омск—Тюмень, двигалась главная группа противобольшевиков — колонна полковника Вержбицкого (русские и чехословаки).

3. Левее нее на путях из Кургана в Тюмень оперировал партизанский отряд подполковника Смолина.

4. Еще левее, в направлении на город Шадринск, действовала колонна подполковника Панкова, усиленная чешским батальоном. Эта команда должна была поддерживать связь с частями полковника Войцеховского.

5. Чешско-Русские части полковника Войцеховского[75] базировались на Челябинск.

Следует иметь в виду, что Челябинск в описываемое время являлся одним из значительных противобольшевистских центров, где шли формирования русских народных полков, и откуда, сильной рукой полковника Войцеховского, чешские и русские части направлялись как в сторону Уфы, так и Екатеринбурга.

Ко времени перехода противобольшевиков в наступление силы их на Западно-Сибирском фронте определяются примерно следующими цифрами:

1. Партизанский отряд штабс-капитана Казагранди	90	человек	1	орудие
2. Колонна полковника Вержбицкого (русские и чехи)	1100—1200	«	7 (?)	«
3. Партизанский отряд подполковника Смолина	80	«	—	«
4. Колонна подполковника Панкова (русские и чехи)	500	«	1 (?)	«
Итого	1800—1900	«	9 (?)	«

(Вопросительный знак, поставленный в скобках против орудий в колоннах полковника. Вержбицкого и подполковника Панкова, означает, что число орудий находится под сомнением. Так, по некоторым сведениям, в колонне полковника Вержбицкого было 9 орудий (2+2+2+3). В колонне подполковника Панкова орудие при атаке этой колонной города Далматова уже было, но когда оно появилось — точно установить не удалось.)

Своим общим заданием колонны имели очищение территории Западной Сибири от красных и уничтожение встречающихся на пути красных отрядов. Более подробные данные о заданиях каждой колонны будут приведены ниже при описании действий этих колонн.

Относительно частей новообразованной Сибирской Народной армии, принимавших участие в борьбе с большевиками летом и осенью 1918 года на Западно-Сибирском фронте, удалось собрать следующие данные.

Пехота. 1-й Степной Сибирский стрелковый полк в момент его выступления из Омска насчитывал в своих рядах до 150 человек. В подавляющем своем большинстве это были офицеры. Полк состоял из четырех стрелковых рот по 30—40 человек в каждой и пулеметной команды — 5—6 «льюисов». Кроме того, конечно, была хозяйственная часть. Командиром полка, как это уже указывалось выше, был капитан Жилинский — георгиевский кавалер Великой войны. Помощником его и в то же время начальником хозяйственной части был штабс-капитан Доможиров[76] — адъютант 43-го Сибирского стрелкового полка старой армии.

2-й Степной Сибирский стрелковый полк, сформированный, подобно 1-му, в Омске, насчитывал в своих рядах при выступлении из родного города также до 150 чинов. Но в Кургане, куда полк прибыл из Омска, он был усилен Курганским добровольческим отрядом под командой поручика Грабчика (до 100 человек), о котором уже говорилось в главах второй и четвертой. Командиром полка был подполковник Панков, но так как он являлся в то же самое время и начальником колонны, в состав которой, кроме русских, входил также и батальон чехословаков, то цепи 2-го полка на врага водил обычно отчаянно храбрый помощник подполковника Панкова — капитан Мельников.

3-й Степной Сибирский стрелковый полк, зародившийся также в Омске, был вскоре усилен двумя ротами, сформировавшимися в городе Петропавловске (смотри главу вторую), после чего его численность достигла примерно также цифры в 150 человек. Подразделялся он также на четыре стрелковые роты и пулеметную команду. Командиром полка значился, как то уже было своевременно указано, подполковник Черкасов. По своей инвалидности он не мог водить полк в бой, и в полку видную роль играл капитан Вержболович — по роду оружия артиллерист, оказавшийся чрезвычайно деятельным, распорядительным и боевым офицером. К чести подполковника Черкасова должно отметить, что он не препятствовал капитану Вержболовичу наводить порядок, держась скромно в стороне.

Конница. Сибирский казак — сотник Тимофеев после переворота в течение нескольких дней сформировал в городе Омске из своих станичников отряд коней в 50—70. При выступлении на фронт отряд этот был придан 1-му Степному Сибирскому полку, так как последний конной разведки не имел. В дальнейшем отряд сотника Тимофеева продолжал находиться при 1-м полку. Переходы, военные действия и привалы быстро сроднили отрядников с чинами полка, и когда, где-то в районе Ишима—Ялуторовска, сотник Тимофеев уехал

в Омск за получением какой-то амуниции и вместо него во главе конников встал сотник Вальшевский, донской казак по происхождению, то отряд очень быстро превратился в команду конных разведчиков 1-го Степного Сибирского стрелкового полка. Сотник Тимофеев из командировки не вернулся. Сотник же Вальшевский оказался дельным и храбрым офицером.

2-й Сибирской казачий полк, присоединившийся к колонне полковника Вержбицкого в районе ст. Омутинская, был создан в Омске. Сведений о нем, к сожалению, собрать не удалось. Известно только, что одним из дивизионов полка командовал есаул Блохин.

Артиллерия. 1-я Степная Сибирская батарея была сформирована в Омске. Командиром ее был капитан Плотников. Старшим офицером — капитан Козлов. Батарея была вооружена двумя 3-дюймовыми орудиями образца 1902 года. В строю значилось 33 человека — 25 офицеров, 6 кадет и 2 старых солдата, поступивших добровольцами. Капитан Плотников был дельным офицером и хорошим артиллеристом.

Среди чинов батареи можно отметить штабс-капитана Фролова — боевого офицера и хорошего артиллериста, игравшего видную роль в батарее. Одним из орудий батареи командовал подпоручик Гайкович[77] — лихой офицер, позднее с успехом командовавший одной из батарей в армии адмирала Колчака.

Официальное наименование 42-линейной гаубичной батареи, которой командовал капитан Остальский, к сожалению, установить не удалось. Вооружена эта батарея была двумя гаубицами и обеспечена весьма небольшим числом снарядов. По некоторым сведениям, в колонне полковника Вержбицкого имелась еще одна двухорудийная батарея, коею командовал капитан Седов (?), но сведений о ней совершенно не удалось собрать.

Броневики. При движении колонны полковника Вержбицкого на город Ялуторовск и дальше на Тюмень, трудами чинов колонны из подручного материала был создан самодельный бронепоезд. Определенной команды он не имел и обслуживался поочередно сменяющимися ротами 1-го и 3-го Степных Сибирских стрелковых полков.

Партизанские отряды. Отряды штабс-капитана Казагранди и подполковника Смолина мало чем отличались от «регулярных» частей Сибирской Народной армии, разве только большей дееспособностью и предприимчивостью их начальников по сравнению с командирами «регулярных» полков. <...>

Чехословацкие части. При движении частей Сибирской Народной армии на запад от Омска с ними следовали, главным образом

во второй линии, а в нужную минуту оказывали свое содействие и помощь части 2-го и 6-го (?) чехословацких полков и трехорудийная батарея капитана Кречержика. Выяснить точное количество чехословаков (батальонов и рот), принимавших участие в движении на Тюмень, к сожалению, не удалось. Можно только сказать, что чехословацкие роты были более полного состава, нежели русские. Вооружены и экипированы они были однообразно и лучше русских частей. Как-никак, это были уже сколоченные части, и они заметно выигрывали в сравнении с довольно разношерстно одетыми и еще хуже того вооруженными хозяевами страны — чинами русских белых полков.

СИБИРСКИЙ МАРШ

Вспоили вы нас и вскормили,
Сибири родные поля,
И мы беззаветно любили
Тебя, страна снега и льда.
Теперь же грозный час борьбы настал, настал,
Коварный враг на нас напал, напал.
И каждому, кто Руси — сын, кто Руси — сын,
На бой с врагом лишь путь один, один, один...
Мы жили мечтою счастливой,
Глубоко Тебя полюбив,
Благие у нас все порывы,
Но кровью Тебя обагрим.
Вперед, вперед, смелее...
Сибири поля опустели,
Добровольцы готовы в поход.
За край родимый, к заветной цели,
Пусть каждый с верою идет, идет, идет...
Мы знаем, то время настанет,
Блеснут из-за тучи лучи,
И радостный день засияет,
И вложим мы в ножны мечи.
Теперь же грозный час борьбы настал, настал,
Борьбы за честь, борьбы за светлый идеал,
И каждому, кто Руси — сын, кто Руси — сын,
На бой кровавый путь один, лишь путь один...

Действия отрядов штабс-капитана Казагранди и полковника Киселева

Выше уже говорилось о первых действиях отряда шт.-капитана Казагранди — разгроме им красного отряда тов. Легетти под городом Тарой. Теперь кратко укажем, что в Таре к шт.-капитану Казаг-

ранди присоединился Тарский повстанческий отряд под командой шт.-капитана Черкеса[78] и в составе 19 человек. Затем, при дальнейшем движении отряда Казагранди в сторону Тобольска, последовал ряд мелких стычек с противником, неизбежно кончавшихся победой белых и захватом последними ряда трофеев. Так, например, у устья реки Тавды, близ села Бачалина, белыми был захвачен катер с 25 красноармейцами-разведчиками.

На своем пути отряд Казагранди встречал со стороны местного населения исключительно и в высшей степени сочувственное отношение. Всюду белых снабжали, как продовольствием, так и деньгами. Под городом Тарой, например, крестьяне преподнесли отряду около 2 000 000 000 рублей.

Этими краткими сведениями приходится ограничиться в описании боевой работы отряда штабс-капитана Казагранди, позднее полковника, который был, несомненно, офицером исключительного мужества и боевой доблести, обладающим к тому же и свойствами хорошего организатора в обстановке Гражданской войны. Никогда не унывающий, весьма энергичный и дисциплинированный, он, пользуясь любовью и преданностью своих подчиненных, умел прививать им эти личные свои свойства. Отряд Казагранди, благодаря неустанным заботам своего командира, редко испытывал материальные затруднения и, следуя его примеру, доблестно и всегда успешно выполнял ставимые ему боевые задачи. В заключение следует указать, что имя Казагранди, как офицера и начальника, связанное со многими блестящими и лихими делами белых, приобрело в Сибири и в Приуралье широкую и вполне заслуженную большую и добрую известность. Оба помощника Казагранди — капитаны Цветков и Ушаков — были также выдающимися во всех отношениях офицерами и незаменимыми в разрешении и выполнении тех или иных боевых задач.

* * *

В городе Тобольске в руки белых власть перешла без участия чехословаков — в результате выступления местной подпольной офицерской организации. По очищении города от красных стало известно, что военная власть принадлежит полковнику Киселеву — офицеру 42-го Сибирского стрелкового полка старой армии. Здесь, как и в других местах, была открыта запись желающих поступить добровольцами в белый отряд. Таковых набралось всего до 100 человек, и с ними полковник Киселев двинулся на юг, навстречу молодым сибирским частям, двигающимся со стороны города Омска.

Несколько слов о полковнике Киселеве: это был храбрый боевой офицер. В Великую войну он был тяжело контужен. В результате с течением времени он постепенно становился все более и более ненормальным. Кроме того, он злоупотреблял спиртными напитками. Помощником его и в то же время начальником хозяйственной части был назначен подполковник Бордзиловский[79], по роду оружия артиллерист, долгое время служивший в дворцовом ведомстве (Великая война застала его на должности коменданта Гатчинского дворца).

Двигаясь вверх по Тоболу, отряд полковника Киселева, после ряда незначительных стычек с красными, соединился с отрядом штабс-капитана Казагранди у села Бачалина. В это время в рядах Тобольского отряда насчитывалось не более 120—150 человек, разбитых на три роты.

После соединения оба отряда под общей командой полковника Киселева двинулись к Тюмени, но вначале, по причине отсутствия связи с главными силами — колонной полковника Вержбицкого, поход совершался довольно медленно. Только после боя под селом Покровским полковник Киселев вошел в связь с полковником Вержбицким, связавшись разъездами у деревни Криводановой, что в 40 верстах от города Тюмени.

Выдвижение колонны полковника Вержбицкого от Омска к линии Тобола

21 июня, это был второй день Святой Троицы, полковник Вержбицкий выступил из Омска на город Ишим во главе колонны войск, состоящей из не вполне еще сформированных 1-го и 3-го Степных Сибирских стрелковых полков, конного отряда сотника Тимофеева и батарей капитанов Плотникова и Остальского. Численность колонны в момент выступления ее из Омска равнялась всего 348 человекам. В дальнейшем эта горсть людей явилась ядром и основой славной 4-й Сибирской стрелковой дивизии.

Так как линия железной дороги от Омска до Ишима была уже очищена от большевиков, то передвижение частей колонн полковника Вержбицкого было произведено по железной дороге. Части были переброшены двумя эшелонами, каждый по 30—40 вагонов. В первом эшелоне проследовали 1-й Степной полк с отрядом сотника Тимофеева и одной батареей. Вторым эшелоном прошли: штаб полковника Вержбицкого, 3-й Степной полк, другая батарея и хозяйственная часть отряда.

27 июня части полковника Вержбицкого находились в городе Ишиме, где к ним присоединился гарнизон города — Отдельная Ишимская офицерская рота численностью в 30 бойцов. На усиление колонны полковника Вержбицкого в Ишим из Омска прибыли части чехословацкой пехоты со своей трехорудийной батареей. Здесь же в Ишиме была закончена организация частей. Этим временем из Омска прибыл командующий армией — генерал-майор Гришин-Алмазов. Он произвел смотр частям, после чего те выступили в поход.

Уместно сказать несколько слов о сравнительно незначительном происшествии, имевшем место в городе в пулеметной команде 1-го Степного Сибирского стрелкового полка. Дело в том, что чины этой команды, находясь под известным градусом, смеха ради, выпустили из пулемета ленту по саду. Конечно, немедленно прибыло начальство. Штабс-капитан Доможиров очень волновался и хотел всех пересарестовать, но в конце концов все обошлось без особых репрессий. Эта мелочь, о которой не хотелось бы упоминать, характерна: 1) она указала на недостаточную сознательность некоторых чинов кадра армии, офицеров, видимо полагавших, что за честь и свободу России можно бороться и в то же время допускать подобные «шутки», 2) она указала на наличие распущенности в частях, распущенности, воспринятой русскими людьми со времен революции и особенно по водворении большевиков, 3) она вызывала старших начальников белых на принятие тех или иных решений в целях борьбы с этим, недопустимым в любой армии, явлением. Как же отнеслись к этой «шутке» старшие начальники? История была потушена: слишком мало было бойцов в рядах, это были свои офицеры, а потому на первый раз простили.

28 июня противобольшевики выступили из Ишима. И с этого дня для молодых частей началась пора военных действий.

В то время как части полковника Вержбицкого находились в городе Ишиме, а красные сосредоточивались на ст. Голышманово, что в 70 верстах на запад от Ишима, передовые части противников вели разведку и беспокоили друг друга. Со стороны белых здесь действовал конный отряд сабель в 50—60. Кто командовал этим отрядом — выяснить не удалось.

Первыми из Ишима были выдвинуты чехи с батареей капитана Плотникова. По железной дороге в эшелоне они были переброшены до станции Карасульская, что примерно верстах в сорока на запад от города. Тут они выгрузились и двинулись по тракту на север от железной дороги. По сведениям белой разведки, этим путем на Ишим шла колонна красных.

29 июня у деревни Крутая Речка, что примерно верстах в 12—15 от станции Карасульская, на утренней заре произошло первое столкновение. Со стороны красных в деле также принимала участие артиллерия. В результате трехчасового боя красные были сбиты. При этом во время боя белая батарея подбила у красных одно орудие. По сведениям жителей и пленных, командир красной батареи был ранен. Бой этот обошелся чехам в несколько человек раненых. Во всяком случае, часам к 10 утра противобольшевики были уже в деревне Крутая Речка. Передохнув здесь немного, они продолжали свое движение к Голышманову, до которого теперь оставалось примерно верст 20—25.

Этим временем главные силы колонны полковника Вержбицкого двигались из Ишима на запад по железной дороге в эшелонах. Отступая, красные всячески старались затруднить продвижение белых вперед. Они оставляли в выемках на путях вагоны, устраивали баррикады, портили стрелки и т. п. На ст. Карасульская белые наткнулись на три тела зверски умученных большевиками белых бойцов.

30 июня обходная колонна противобольшевиков (чехи и батарея капитана Плотникова) заняли Голышманово. Тут белые установили, что силы красных, находившихся здесь накануне, достигали полутора тысяч. Сейчас они находились в полном отступлении, отходя к ст. Омутинская, что в 58 верстах на запад от ст. Голышманово, у которой, по слухам, они намеревались оказать сопротивление белым. Целый день простояла обходная колонна противобольшевиков в Голышманове, поджидая прибытия главных сил. Наконец, в сумерках, те прибыли.

Этим временем из тыла в распоряжение полковника Вержбицкого прибыл 2-й Сибирский казачий полк. Прибытие его было очень уместно, так как противобольшевикам предстояло в ближайшие дни атаковать позицию красных у ст. Омутинская.

2 июля произошел этот бой. Он был тяжел для белых, так как силы были неравны, да кроме того, некоторые обстоятельства не дали белым возможности своевременно ввести в дело все свои силы. Дело обстояло так. Под прикрытием бронепоезда головным эшелоном двигался 3-й Степной Сибирский стрелковый полк. За ним, во втором эшелоне, следовал 1-й Степной Сибирский стрелковый полк. Прибыв под ст. Омутинская и выгрузившись, полки должны были атаковать ее, действуя: 1-й полк к северу от полотна железной дороги, а 3-й — к югу от него.

Сначала все шло гладко: 3-й Степной полк подтянулся к ст. Омутинская верст на 7—8. Здесь он выгрузился и, развернувшись в бо-

евой порядок, медленно двинулся вперед к станции. С минуты на минуту ожидалось прибытие 1-го полка, но он почему-то не показывался. Белая батарея, ставшая в лесу за расположением 3-го полка, редким огнем обстреливала станцию. Белые стрелки сошлись с противником на 200 шагов. Бой разгорался, а 1-го Степного все не было. Что за причина?

Правый фланг 3-го Степного полка был совершенно обнажен. Отсутствие белых к северу от полотна железной дороги, естественно, не могло ускользнуть от внимания красных, и вот — там показалась колонна красных. Она двигалась с Омутинской на село Сорокино и, видимо, имела своим заданием выход на базу 3-го Степного полка — его эшелон, стоящий ныне порожняком верстах в 3—4 за фронтом полка, точнее, за его правым флангом.

Это движение красных было вовремя замечено белыми, и против них был выдвинут отряд — один взвод пехоты (30 человек) под командой штабс-капитана Филимонова и взвод конницы (30 коней) под командой подъесаула Дружинина. На полпути между Сорокином и линией железной дороги имеются две маленькие деревушки. Белые успели вовремя занять их. Между тем красные, двигаясь от Сорокина к линии железной дороги и встретив сопротивление, остановились, а затем несколько подались назад.

Этим временем бой под Омутинской продолжался. Белые орудия вели обстрел станции. По сведениям, попадания были весьма удачны. Между тем опасения за свой правый фланг в штабе 3-го полка не проходили. Откуда-то были получены сведения, что красные, остановленные на своем пути от Сорокина к эшелону, ведут теперь более глубокий обход, двигаясь к большому железнодорожному мосту, что примерно верстах в 18 к востоку от Сорокина. Так как никаких резервов у командира 3-го полка, насчитывавшего в своих рядах всего-то до 150 человек, не было и не могло быть, то к железнодорожному мосту был направлен тот же штабс-капитан Филимонов с его людьми.

Проделав верст 12—15, штабс-капитан Филимонов к 16 часам прибыл к мосту. Там было все спокойно: мост только что был занят ротой чехов, коих кто-то в поспешности принял, видимо, за красных. Эти чехи вышли откуда-то с севера. Они, видимо, принадлежали к составу обходной чешской колонны. По прибытии штабс-капитана Филимонова чехи оставили на его попечение железнодорожный мост, а сами направились вперед, к станции Омутинская.

Через некоторое время после ухода чехов к железнодорожному мосту прибыл эшелон 1-го полка, опоздавший из-за крушения, про-

изошедшего утром. Оказывается, красные спустили поезд под откос: видимо, были развинчены рельсы. При крушении среди людей пострадало немного, но коней было покалечено порядочно. До Омутинской еще было слишком далеко, и полку, выгрузившемуся из разбитого эшелона, пришлось ждать, пока прибудет новый состав. Прибыв на мост, охраняемый штабс-капитаном Филимоновым, 1-й полк выгрузился и походным порядком проследовал дальше, направляясь на предназначенный ему участок.

Вступление ли 1-го полка в боевую линию, или же только одно его появление в пределах наблюдений красных, или же, наконец, иная какая причина, но, так или иначе, красные стали отступать, и в сумерках белые были на ст. Омутинская, где и заночевали.

Более или менее подробного отчета о потерях обеих сторон в этом бою составить не удалось. Единственно, имеющиеся данные относятся в 1-й батарее капитана Плотникова. Она потеряла убитыми двух добровольцев-кадет Омского кадетского корпуса — Одинцова и Караваева.

После тяжелого и неравного боя под Омутинской части колонны полковника Вержбицкого провели ночь с 2 на 3 июля на станции и в селе того же наименования. Затем последовало быстрое движение, и 4 июля белые были уже у ст. Вагай. Здесь большевики заняли позицию по опушке леса у глухого разъезда, что в нескольких верстах на восток от станции. Позиция у них была вполне хороша, так как на протяжении примерно 3—4 верст противник должен был двигаться почти по совершенно открытой местности, в то время как движение и перегруппировку красных сил должен был скрывать лес.

К глухому разъезду белые приблизились ночью. Не доходя верст 5 до него, эшелоны остановились в поле. Выгрузились. Оба пехотных полка (1-й и 3-й Степные) развернулись в боевой порядок. При этом 1-й занял участок к северу от железной дороги, а 3-й — к югу от нее. Цепи тронулись...

Приближался рассвет. На белый бронепоезд, команду коего в этот момент составляла 3-я рота 1-го Степного, явился начальник колонны. Он был недоволен тем, что бронепоезд болтается на месте. «Вагай уже оставлен красными, они бегут, а вы еще тут околачиваетесь, — были его слова. — Немедленно отправляйтесь вперед». Бронепоезд тронулся...

Вот и разъезд. Видны уже станционные постройки. Полная тишина, не заметно никакого движения. Бронепоезд прошел семафор и входную стрелку. Против станционного барака, на запасном пути, стоит состав с сеном. Бронепоезд почти уж поравнялся с ним, как

затрещали пулеметы: состав с сеном оказался замаскированным красным бронепоездом, который открыл огонь по белому. Заговорила и красная батарея. Белый бронепоезд попал в «переплет», на нем стало «жарко». Стало уже совершенно светло, бой продолжался...

Примерно часа полтора бились враждебные бронепоезда. Наконец белый, видимо испытывая недостаток в воде, принужден был податься назад и отступить. Этим временем белая пехота сблизилась с красной, примерно шагов на 200—300, залегла и окопалась. Белая гаубичная батарея тем временем гвоздила по станции. Время шло...

Обходная колонна противобольшевиков, составленная из сибирских казаков и чехословацкой пехоты, лесом вышла прямо на станцию. Этот удар был неожиданным для красных. Чехи действовали молодцами. Между прочим, несколько охотников-чехов проникли на станцию и тут на глазах у красноармейцев подорвали одну большевистскую броневую машину. Подрыв ее явился толчком: в рядах красных войск возникла паника. Весть о белой коннице, появившейся под станцией, только способствовала усилению паники. Дело красных в этот день было проиграно. Они поспешно уходили на запад. Белая пехота заняла глухой разъезд, а затем и станцию Вагай, где вся колонна и заночевала.

На следующий день, 5 июля, противобольшевики двигаются к городу Ялуторовску. 1-й и 3-й Степные полки направляются в обход города с юга и двигаются двумя колоннами. Чехи продвигаются прямо вдоль по линии железной дороги.

Не доходя верст трех до Тобола, 3-й Степной полк остановился на заимке. Вперед была выслана разведка. Она нащупала местонахождение парома. Красных слышно не было. На рассвете на этом пароме 3-й полк благополучно переправился через Тобол и часов в 10 утра вышел на городскую тюрьму, находящуюся верстах в двух на юг от города. Здесь красные оказали слабое сопротивление. Тюрьма перешла в руки белых. В ней оказалось до 170 местных крестьян, посаженных советскими властями за саботаж и прочие преступления против революции. Белые поспешили их освободить...

Крестным ходом и звоном во все колокола было встречено вступление белых войск в город Ялуторовск. Первым в него вошел 3-й Степной, потом чехи, и, наконец, подтянулся и 1-й Степной, проделавший, по заданию, наибольший крюк. К 7 июля весь район, прилежащий к реке Тоболу, был уже очищен от красных. Отряд подполковника Смолина вошел в связь с колонной полковника Вержбицкого.

Между прочим, местное крестьянство было сильно восстановлено против большевиков. Оно приняло весьма деятельное участие в поим-

ке разбежавшихся и пытающихся скрыться на местах красных деятелей. Можно отметить, что латыша, бывшего при красных комендантом «Дома Республики» в городе Омске, крестьяне ловили несколько раз, так как в первый раз, будучи доставленным в город в штаб белых, ему удалось бежать, обманув бдительность приставленных к нему караульных.

Характерно также отметить что в районе ст. Омутинская к белым перебежал начальник авиационного парка красных. Он со своим помощником проскочил через красные посты на автомобиле. Прибыв в штаб полковника Вержбицкого, он просил, чтобы белые завтра не стреляли по аппаратам, так как они завтра перелетят к ним, кроме того, он предлагал дать ему небольшую команду для захвата всей базы авиационного парка. Сначала ему не поверили, но затем согласились дать людей с условием, что в случае западни первая пуля будет ему.

На следующий день, действительно, белые войска увидели, как один за другим в их тыл перелетело несколько аппаратов со стороны красных, а ночью полковник Вержбицкий направил команду для захвата авиационной базы согласно указаниям перебежчиков. База эта находилась где-то неподалеку, но в стороне от линии железной дороги. В полной целости и сохранности она перешла в руки белых.

Казалось бы, что перелет на сторону белых целого авиационного отряда должен был бы дать большие преимущества белым и, конечно, должен был бы ими быть использован, но, к сожалению, результатов никаких не последовало, так как по тем или иным причинам авиационный отряд не остался в составе колонны полковника Вержбицкого, но отбыл в тыл белых...

Действия партизанского отряда подполковника Смолина

21 июня только что прибывший в Омск через Курган из Туринска подполковник Смолин получил разрешение на сформирование партизанского отряда для действий в округе Курган—Тюмень—Шадринск. Так как этому отряду суждено было сыграть в течение нижеописываемых операций далеко не последнюю роль, то да разрешено будет несколько подробнее остановиться на истории его создания.

Как уже известно из предыдущих материалов, 18 июня в Курган прибыл некий подполковник Смолин, проживавший до этого в городе Туринске и бежавший оттуда из-за преследования большевиков. Не задерживаясь в Кургане, Смолин проехал в Омск, с которым он был связан своей службой в мирное время в 44-м Сибирском стрелковом

полку. В Омске он представился командующему армией — генералу Гришину-Алмазову и командиру Степного корпуса — генералу Иванову-Ринову. Тому и другому он подробно доложил, что видел и знал о районе, пройденном им после побега из Туринска, а также и свои соображения о значении решительных партизанских действий на важнейших путях сообщений красных. Подполковник Смолин просил разрешения на сформирование в Кургане хотя бы небольшого партизанского отряда для действий в треугольнике Курган—Тюмень—Камышлов или же для выполнения тех задач, кои командование найдет более целесообразными. План подполковника Смолина был одобрен, и ему был дан недельный срок для сформирования отряда в кургане. В этих целях курганский воинский начальник должен был выделить в распоряжение подполковника Смолина 40 вооруженных конных и пеших добровольцев, а чешский батальон, стоявший там же, в Кургане, должен был усилить отряд подполковника Смолина 30—40 стрелками (чехами).

Отряду ставилась задача: 1) выдвинувшись из Кургана, занять Исетское, лежащее на пересечении двух трактов: Курган—Тюмень и Ялуторовск—Шадринск, 2) удерживая этот пункт, иметь связь с частями войск, наступающими с одной стороны по линии железной дороги Омск—Ялуторовск—Тюмень, а с другой стороны—Курган—Шадринск, 3) иметь неослабное наблюдение за всем районом Курган—Ялуторовск—Шадринск. В оперативном отношении подполковник Смолин подчинялся начальнику колонны, наступающей на Шадринск.

От села Исетского до Шадринска около 100 верст, а от того же села до Ялуторовска немногим более 50 верст. Телеграфной линии между этими пунктами, а также между Исетским и Курганом не имелось. При подобных условиях поставленная задача подполковнику Смолину показалась невыполнимой, а потому он выговорил себе некоторую свободу действий и право широкого проявления инициативы.

Перед своим отъездом из Омска подполковник Смолин вновь представился генералу Иванову-Ринову для получения от него дополнительных указаний и общей ориентировки. Все это было генералом охотно исполнено, при этом он особое внимание уделил вопросу о личной инициативе, посвятив ему довольно пространную речь. Денежных сумм подполковник Смолин в Омске не получил, но генерал Иванов-Ринов обещал ему, по получении донесения о сформировании отряда, выслать денежный аванс. Следует сказать, что говорил Иванов-Ринов складно и красиво. Он вообще недурно владел словом и любил говорить речи.

Снабженный соответствующими документами и даже шифром, подполковник Смолин выехал из Омска в Курган на следующий день, 22 июня, в эшелоне подполковника Панкова. 24 июня партизанский отряд подполковника Смолина уже был сформирован. Он состоял из 79 человек, в том числе 35 чехов и 44 русских. Среди последних было 16 человек конных под начальством ротмистра Манжетного. Состав русских был следующим: 25 офицеров, 4 вольноопределяющихся, 6 солдат из местных крестьян и 9 человек учащейся курганской молодежи. Состав отряда, в общем, удовлетворял подполковника Смолина: все были воодушевлены и горели искренним желанием скорее принять участие в боевой работе. Конечно, судя по численности, отряд был весьма незначительным, к тому же вооружение было разнокалиберным, запас патронов был крайне мал, пулемет имелся всего лишь один. Но в обстановке июня 1918 года было важно не количество, а качество и подвижность отряда. Итак, подполковник Смолин решил действовать с этим отрядом быстрыми и смелыми налетами на тылы красных и надеялся, что первое же удачное дело даст ему возможность не только пополнить запасы огнеприпасов, улучшить вооружение, но и усилить отряд живою силою.

Первое дело партизанского отряда подполковника Смолина — набег его на ст. Тугулым — представляет собою довольно характерную картину первого периода Гражданской войны в Сибири. Дело происходило так.

25 июня отряд подполковника Смолина выступил из Кургана, снабженный продовольствием на 2 дня и имея 2 тысячи рублей, взятых начальником отряда взаимообразно у воинского начальника, до присылки из Омска обещанного аванса. Отряд двигался на подводах. Вообще в дальнейшем все передвижения отряда совершались на подводах и преимущественно ночью, что способствовало, с одной стороны, быстроте и скрытности маневрирования, а с другой — неожиданности появления отряда в различных и далеко удаленных друг от друга пунктах. Обмундирование отряда было, за исключением чехов, чрезвычайно разнообразным, так как каждый носил то, что у него имелось; некоторые были даже в штатском.

26 июня вечером отряд подполковника Смолина без боя занял село Исетское. Бывшие здесь красные милиционеры бежали до прибытия белых, кто на Ялуторовск, кто на Успенский завод. В Исетском подполковник Смолин простоял четверо суток, ведя разведку на Ялуторовск, Тюмень и Шадринск. Здесь же отряд несколько пополнился: из Кургана прибыло одиннадцать добровольцев-чехов да из Ялуторовска пробралось несколько офицеров. Разобравшись в обстановке, под-

полковник Смолин нашел дальнейшее свое пребывание в селе Исетском бесцельным и решил совершить набег на ст. Тугулым, очистив попутно от красных округу Успенского завода.

Выступив из Исетского в ночь с 29 на 30 июня, отряд под видом красных проскочил в завод, где быстро покончил с местными большевиками и небольшим их отрядом, ранее бежавшим сюда из села Исетского.

Об этом эпизоде полковник Манжетный в своих записках пишет так: «Отношение жителей к нам было самым благожелательным. Двигаясь к Тюмени, мы получили сведения, что на Ертарском стеклянном заводе, принадлежащем Поклевскому-Козелу, свирепствует совдеп. Связавшись с заводом через жителей, явно сочувствующих нам, при их помощи получили сведения о дне и часе пленарного заседания совдепа. Решили забрать его. Подошли к заводу скрытно, лесом. Чехи двинулись цепью, а я со взводом карьером влетел в завод и спешился у здания, над которым развевался красный флаг. Оставив при конях половину людей, сам с остальными вбегаю в зал. Там как раз происходит судебное разбирательство: кого-то судят, как потом оказалось — не сочувствующего красным. За столом сидит человек семь-восемь. Председательствует фигура в засаленной гимнастерке, которая обращается ко мне: «Что надо?» — «Кто председатель?» — спрашиваю. «Я», — отвечает гимнастерка. Поднимаю карабин, целюсь в него и говорю, что весь совдеп арестован. Мы — белые. Впечатление разорвавшейся бомбы, ибо красные думали, что вошедшие — красные, и вначале не обратили на нас даже внимания. Приказал совдепу идти за мной. На улице, окружив их, повел за завод, где встретил Смолина и чехов. По дороге бабы становились на колени и слезно благодарили за этот арест, так как, по их словам, «ели их поедом — житья никому не было от этого совдепа».

При движении отряда к Тугулыму произошел, между прочим, такой случай. Ночь. Навстречу белым несется тройка. Остановили. В шарабане сидит нестарый смуглый мужчина. Потребовали документы. Оказывается, прапорщик Битюгов. Он говорит, что бежал от красных из Тюмени. Окружившие его тут же предлагают ему поступить в отряд, но с задних подвод подходят другие бойцы. И вдруг двое из них, офицеры, жители Тюмени, узнают Битюгова и говорят, что они действительно знают его, что он служил у красных, был комендантом города, арестовывал офицеров и благодаря ему многих расстреляли. Битюгова стали обыскивать. Нашли при нем 25 000 рублей «керенками», что для отряда было огромной удачей, ибо всюду платили за корм наличными. Битюгова арестовали, связали и поехали дальше.

В ночь с 30 июня на 1 июля подполковник Смолин с отрядом двинулся на ст. Тугулым, отстоящую от завода на 28 верст. Белые ставили себе задачей уничтожение красной железнодорожной охраны, порчу полотна дороги, разрыв телеграфной линии. При случае предполагалось попытаться уничтожить красный бронепоезд, курсировавший между ст. Поклевская и ст. Тюмень.

Ст. Тугулым находится примерно в полутора верстах от села того же наименования. Прибыв в село и узнав от жителей, что на станции, кроме нескольких милиционеров, никаких воинских отрядов не имеется, подполковник Смолин двинулся к станции. Впереди, под командой ротмистра Манжетного, шли конные, кои и заняли станцию точно таким же порядком, как накануне стеклянный завод. Первым делом белые захватили телеграфное отделение. За аппарат уселся находившийся во взводе у Манжетного поручик Малявкин — георгиевский кавалер Великой войны, в прошлом телеграфист. Таким образом, связь Тугулыма с соседями не порвалась ни на один момент, и ни Тюмень, ни Поклевская, ни Подъем и не подозревали, кто хозяйничает на Тугулыме. На выходные стрелки были выставлены посты. Этим временем на станцию подтянулся Смолин с остальными своими людьми.

Судьбе было угодно, чтобы через несколько минут по занятии Тугулыма белыми затрещал аппарат: Поклевская вызывала Тюмень. Комиссар бронепоезда доносил с Поклевской в Тюмень, что на Талицком заводе, что вблизи ст. Поклевская, появились красноармейцы разбитых под Шадринском частей. Красноармейцы разгромили на заводе винный склад, перепились и требуют немедленной отправки их по железной дороге в Екатеринбург.

На это Тюмень ответила, что командующий войсками района приказывает комиссару бронепоезда решительным образом привести в порядок этих красноармейцев, коим следует объявить, что их поведение и требования равносильны измене трудящимся и всему делу великой пролетарской революции и что за дальнейшее они будут отвечать по всей строгости военно-революционного закона. Если же и это предупреждение окажется безуспешным, то бронепоезду надлежит пустить в ход пулеметы. В заключение Тюмень выражала уверенность, что «товарищ не замедлит все усердно и точно выполнить». Комиссар бронепоезда возражал: «Не управлюсь. У меня всего-то 42 человека, а их слишком много» — и тут же просил о поддержке его вторым красным бронепоездом. Тюмень в высылке своего бронепоезда, находящегося в районе Ялуторовск—Ишим, отказывала, но обещала, если сумеет, чем-нибудь да помочь. Комиссар продолжал просить: «Поспе-

шите, товарищ, у меня здесь с каждой минутой положение становится все хуже и хуже».

Видимо, в это самое время по расписанию из Тюмени на запад должен был выйти почтово-пассажирский поезд. Неурядица в районе Поклевской невольно ставила под вопрос целесообразность его отправления в такой момент. Тюмень запросила по этому поводу совета комиссара бронепоезда, на что последовало предложение задержать отправку поезда. Аппарат замолчал.

Взвесив шансы, подполковник Смолин нашел, что ему представляется возможность уничтожить красный бронепоезд, заманив его, обманным способом, на Тугулым. Примерно через час Тугулым вызвал Поклевскую — комиссара бронепоезда. Имея достаточные сведения о лицах, занимающих положение в красной Тюмени, подполковник Смолин, назвавшись комиссаром ст. Тюмень, совершено свободно начал беседовать с красным. Он заявил комиссару: «Через 20 минут выезжаю на паровозе на ст. Тугулым. Следом за мною примерно через час подойдет к вам бронепоезд с Богандинки. Мне необходимо лично с вами повидаться и передать вам некоторые особо важные указания. У меня очень мало времени, поэтому прошу вас немедленно выехать и встретить меня на ст. Тугулым». Комиссар бронепоезда на это ответил: «Понимаю, товарищ, сейчас выезжаю».

Вслед за сим подполковник Смолин вызвал Тюмень и, называясь комиссаром бронепоезда, заявил: «У меня здесь устанавливается порядок. Из Талицы прибыло начальство, собрало людей, и они примерно через полчаса будут уведены в Талицу и присоединены к своим частям. Таким образом станция от них будет совершенно очищена. Поэтому почтово-пассажирский поезд можно будет отправлять». — «Благодарю вас, товарищ. Очень рад, что все это кончилось так благополучно. Поезд отправляю».

Между ст. Поклевская и ст. Тугулым — 35 верст. Почти такое же расстояние отделяет ст. Тугулым от ст. Тюмень. Разыграв благополучно первый акт «пьесы», подполковник Смолин и его соратники все же волновались, как бы случайная мелочь не расстроила бы всего плана. Вызвав бронепоезд и почтово-пассажирский поезд, белые не намеревались допустить скрещения их на ст. Тугулым. Почтово-пассажирский поезд было решено задержать на ближайшем разъезде.

Время шло, и, когда почтово-пассажирский поезд, вышедший из Тюмени, показался в виду ст. Тугулым, белые засели за штабелями шпал у входной восточной стрелки, поставленной на запасной путь. Подошел поезд. Дабы поезд остановился перед станцией, белые семафор не открыли. Когда поезд остановился, белые бросились к нему.

Ожидали встретить охрану, но она спала. Быстро ее разоружили. Ротмистр Манжетный с тремя людьми вошел в служебный вагон, бывший самым последним. В салоне сидят человек пять инженеров и с ними какой-то подозрительный тип. Комиссар? Так и оказалось... Среди инженеров оказалось два знакомых ротмистра Манжетного, но они его не узнали. Когда же ротмистр назвался, то были страшно удивлены и, конечно, сразу же успокоились, ибо сначала думали, и не без оснований, что остановившие поезд — простые грабители: внешний вид белых партизан явно на то указывал. В поезде белые выловили двух комиссаров. Мадьяра отдали чехам, а русского взяли себе...

Но вот появился бронепоезд. Хотя белые его и поджидали, но все же его появление оказалось преждевременным. У белых не все еще было готово к приему гостя. На станции засуетились. Чехи с пулеметом были брошены к пакгаузу и стрелке. Ротмистр Манжетный со своими людьми в это время поспешно заканчивали сооружение баррикады из шпал и рельсов на главном пути. Не успели белые закончить ее, как подошел бронепоезд.

Затакал пулемет. Дал очередь и замолк. Заговорил второй — та же история. Поезд между тем тихим ходом стал приближаться к баррикаде. Огней на нем нет. Люди Манжетного едва успели отбежать и спрятаться за колесами товарного состава, стоявшего через путь от главного, как послышался треск шпал, и поезд остановился. В этот момент чуть-чуть брезжило. Вдруг машинист дал контрпар, осадил немного назад бронепоезд и затем вновь двинулся вперед. На завале поезд остановился вновь. Дабы не дать механику возможности управлять, люди Манжетного открыли огонь по будке паровоза. Оттуда в белых бросили несколько гранат, вынудивших белых понадежней спрятаться за колесами. Механик воспользовался этим моментом и дал полный ход. Бронепоезд врезался в баррикаду, столкнул ее и медленно стал уходить. Забыв всякую осторожность, белые выскочили на путь и из винтовок открыли беспорядочный огонь по уходящему бронепоезду. Сгоряча белые забыли, что в самый последний момент перед появлением бронепоезда на станции стрелка главного пути была переведена в тупик.

Пройдя шагов двести, бронепоезд остановился в левом боковом тупике. Несколько белых бойцов, оказавшихся поблизости, подбежали левее линии и залегли за штабелями шпал, шагах в 15—20 от бронепоезда. Капитан Корочкин оказался против паровоза и держал под огнем «бульдога» паровозную будку, заставив тем бригаду укрыться на тендере. Другие белые открыли огонь по амбразурам боевого вагона. Оттуда не отвечали. Кто-то из белых принес пятифунтовую гранату

Новицкого, которую ротмистр Манжетный бросил на крышу боевого вагона. После взрыва оттуда послышался вой нескольких голосов. В этой суматохе белые выскочили из-за закрытия и забрались под боевой вагон. Тут они стали совещаться — что предпринять далее? У кого-то оказалась пара ручных гранат, и он предложил такой образ действий: бросить их через амбразуры в вагон, а самим вновь перебежать за шпалы. Так и сделали. Но после первой же гранаты из вагона раздался вопль: «Сдаемся».

Капитан Корочкин, человек безумной храбрости, заявил, что войдет в вагон и за уши по очереди выведет всех. Остальные белые бойцы стали его отговаривать, указывая на безумие одному войти в вагон, где, наверное, не менее 15—20 человек красных. На это Корочкин усмехнулся, вскочил на площадку и, открыв дверь, крикнул: «Выходи». Вылезла одна фигура. Корочкин ее столкнул на землю. Тот упал и лежит. Подбежали белые. Смотрят — красный пьян вдребезину. Тем временем из вагона выкатываются второй, третий и т. д. Все они еле стоят на ногах. В вагоне остались раненые и убитые. Команда бронепоезда оказалась состоящей из латышей, мадьяр и русских. Всех их тут же перерубили, так как держать пленных было негде, да, кроме того, как было известно белым, команды бронепоездов набирались исключительно из добровольцев-коммунистов.

В броневом вагоне победители нашли два ведра спирта и ряд вещей с инициалами Поклевского-Козела. Как выяснилось позднее, команда бронепоезда принимала участие в разгроме дома Поклевского-Козела, находящегося на станции того же наименования. Белые вошли в служебный вагон. Купе закрыты. Капитан Корочкин опять впереди. Открыл по очереди все три купе, и там — никого. Но тут некоторые спохватились, что в тот момент, когда белые забежали за шпалы, на площадке служебного вагона как будто мелькнул кто-то в белом и скрылся... А между тем взорам белых бойцов предстала такая картина: все три купе были завалены вещами Поклевских. Были тут и фотографический аппарат, и кожаные чемоданы, и палка с толедским стилетом и золотым набалдашником, словом, все, что угодно.

Тем, что команду бронепоезда люди ротмистра Манжетного прикончили, подполковник Смолин остался весьма недоволен. Он стал разносить ротмистра. Последний отвечал, что если партизанить, так партизанить, а пленных брать не для чего, ибо девать их некуда, да кроме того, половина — латыши и мадьяры. Слыша этот довольно крупный разговор, машинист бронепоезда подошел вплотную и, показывая на ротмистра пальцем, тоном возмущения заявил: «Вот этот

здесь больше всех безобразничал». Офицеры, бывшие с Манжетным при встрече с бронепоездом, закричали: «Да этот мерзавец бросал гранаты с паровоза». Тут ротмистр Манжетный поднял свою винтовку и пустил машинисту пулю в лоб... подполковник Смолин умолк. Помощника машиниста и кочегара отпустили.

Прошло сравнительно немного времени после разгрома белыми красного бронепоезда, как победители узнают, что на ст. Поклевская прибыл из Камышлова отряд красноармейцев численностью до 400 человек. Кроме того, туда же, к Поклевской, подтягиваются другие части красных, двигающиеся со стороны города Шадринска. Еще проходит время, и дозоры белых, высланные подполковником Смолиным на запад и восток от станции, сообщают о подозрительном движении, замеченном на путях к Тугулыму.

Оставаться на станции белым больше нечего. Испортив железнодорожную связь, захватив с собою телеграфные аппараты и захваченное оружие, спустив, наконец, у восточного семафора броневой вагон бронепоезда с телами «выведенных в расход», белые поспешно двинулись на юг и скрылись в обширном лесном районе. Так закончилось первое дело отряда подполковника Смолина. Трофеями белых оказались 44 винтовки, 2 пулемета и различное имущество и припасы (до ананасов включительно).

На обратном пути отряда от ст. Тугулым разыгрался такой незначительный эпизод: когда отряд подполковника Смолина, оставив станцию, прибыл в село Тугулым, то один из чинов отряда, зайдя совершенно случайно на почтовую станцию, имеющуюся в этом селе, увидел фигуру в нижнем белье. «Кто такой?» У белого как-то сразу мелькнула мысль, что не комиссар ли поезда находится перед ним. Фигура не стала запираться и тут же подтвердила предположение партизана. Оказывается, комиссар не нашел ничего лучшего, как отправиться на почтовую станцию в село и заказать там лошадей. Но тут не то смотритель замешкался, не то умышленно задержал комиссара, ссылаясь на то, что лошадей сейчас нет. Так или иначе, песенка комиссара бронепоезда была спета — он был в руках белых.

Откатившись на юг верст на семьдесят пять, белые под вечер достигли села, где и расположились на отдых.

Появление партизанского отряда подполковника Смолина в глубоком тылу красных, выход его на линию железной дороги и гибель бронепоезда — все это, вместе взятое, произвело в стане красных значительный переполох. Как всегда бывает, молва народная значительно преувеличила размеры события. Гибель красного бронепоезда и задержка почтово-пассажирского поезда превратились в катастро-

фу. Болтуны и тайные доброжелатели белых раздували полученные ими сведения. Большая подвижность отряда подполковника Смолина, неожиданность появления его в различных пунктах, при сочувствии жителей, способствовали успешности распространения число легендарных данных о силе и предприимчивости белого партизанского отряда. В результате красные решили, что в районе с. Исетское — Успенский завод — Тугулым действует несколько белых партизанских отрядов: и там белые, и тут белые, везде белые. Это побудило красных усилить охрану участка железной дороги Ялуторовск—Тюмень—Поклевская.

Тревога в рядах красных еще более увеличилась, когда тюменский совдеп в своей газете стал помещать полные ужаса и негодования статьи о «зверствах» белобандитов. В этих статьях, в коих по общему шаблону «пролетариат призывался встать с оружием в руках на защиту Революции от гидры контрреволюции», красные умудрялись настрочить столько ужасов, что невольно только отпугивали сочувствующих от поступления в Красную армию.

Действия колонны подполковника Панкова

22 июня подполковника Панков со своим 2-м Степным Сибирским стрелковым полком выбыл по железной дороге в одном эшелоне из Омска в Курган. Усилившись тут Курганским добровольческим отрядом под командой поручика Грабчика и батальоном чехословаков, подполковник Панков проследовал далее на запад до ст. Мишкино, где выгрузился. Отсюда он должен был повести наступление на город Шадринск, занятый красными, дабы овладеть им.

Своими главными силами подполковника Панков решил двигаться по большой дороге через село Бакланское, у коего, по сведениям, сосредоточились красные. Курганский же отряд подполковник Панков направил в обход, двинув его через село Вознесенское. Обойдя Шадринск, курганцы должны были ударить по нему со стороны города Долматова, отрезав тем самым путь отступления красным.

Итак, выполняя задание, курганцы под командой поручика Грабчика, обойдя город с запада и выйдя на линию железной дороги Далматов—Шадринск, повернули в сторону последнего и двинулись на него.

Брезжил рассвет. Теплое летнее утро. Стараясь избежать встречи с красными, курганцы осторожно приближались к городу. Люди шли, прислушиваясь к каждому отдаленному шуму, шороху. Жутковато. Дорога проходила большим сосновым бором и выводила на полотно железной дороги Шадринск—Далматов.

Поручик Грабчик подал команду: «Стой»... Несколько отрывистых слов команды, и отряд двумя цепями пошел по обе стороны полотна железной дороги. Несколько человек с топорами и пилой повалили телеграфные столбы, оборвав тем связь Шадринска с Далматовом. Всматриваясь в каждую точку, в каждую сосну, шли дальше белые. Все ждали первого выстрела. Уже шепотом передавали, что до Шадринска осталось пять верст. Нервно-возбужденному уху уже мерещились выстрелы...

Вдруг впереди что-то зашумело, как будто заработал где-то мотор. С каждой минутой становился он слышнее и слышнее. По знаку начальника поручика Грабчика бойцы как подкошенные упали на землю... Из-за поворота линии железной дороги вдруг вылетела большая дрезина, которую усиленно крутили четыре человека, а двое других стояли с наганами в руках и давали какие-то указания. Не выдержали нервы лежавшего в цепи молодого гимназиста Дарского — выстрелил, сорвал все... Дрезина моментально остановилась, люди с нее бросились к лесу, но частый огонь цепи сразу же остановил их. Двое были убиты, двое ранены, а остальные сдались. Выяснилось, что на дрезине ехали в город Далматов военный комиссар и его помощник, а остальные были простыми рабочими.

Поставив пулемет на захваченную дрезину, белая цепь двинулась вперед. Через некоторое время проводник передал, что до города осталось не более версты.

Большой лес вплотную подходил к станции железной дороги. Вот показалась водокачка. Станция. Какие-то составы с шипящими паровозами. По перрону шмыгают люди с винтовками. Заметили. Защелкали затворы. Начался бой...

С криком «Ура!» бросились белые. Одни пошли на станцию, другие на город, третьи к кладбищу. Внезапность появления белых с тыла произвела на красных столь ошеломляющее впечатление, что они не смогли оказать сопротивление белым у станции. Те же белые, что пошли к кладбищу, наткнулись на мадьяр при двух пулеметах. Мадьяры оказали упорное сопротивление. Белые, неся потери, залегли и могли только удерживать свою позицию, о штурме же кладбища не могло быть и разговора: под огнем мадьяр добровольцы не могли даже поднять головы. Добровольцы, ворвавшиеся в город, были обстреляны с броневой машины, разъезжавшей по всему фронту. Мало-помалу бой стал принимать, таким образом, затяжной характер.

Когда стемнело, добровольцам-пулеметчикам удалось проползти с пулеметом во фланг мадьярам и открыть по последним огонь. Этим они дали возможность белой цепи подняться и броситься в атаку.

Оставив шесть человек убитыми, мадьяры покинули укрепленное кладбище. К 20 часам все подступы к городу были в руках белых. Вдруг огромный столб дыма и пламени взвился к небу, вслед за сим раздался оглушительный взрыв, потрясший землю. Это красные, оставляя город, взорвали мост через реку Исеть.

В результате захвата города Шадринска в руки белых перешло порядочно патронов, винтовок и некоторый запас обмундирования и снаряжения. На следующий день в городе начал формироваться Шадринский добровольческий отряд. Во главе него стал капитан Куренков[80] — местный житель.

В городе Шадринске части колонны подполковника Панкова простояли несколько дней. За это время отряд частично перевооружился, получив лучшее вооружение, а также и снаряжение, а с другой стороны, усилился вновь сформированным отрядом капитана Куренкова в 120—150 человек.

Красные этим временем, конечно, также не дремали и успешно сосредоточивались в городе Далматове, что в 35 верстах от Шадринска. Красные сами намеревались, по своем сосредоточении, перейти в контрнаступление и выкинуть «белобандитов» из Шадринска. Таким образом, особенно мешкать белым не приходилось, так как красные обладали подавляющим преимуществом в живой силе и материальном снабжении. Здесь уместно отметить, что положение начальников белых частей и колонн, особенно в первые недели борьбы, было очень тяжелым: беспрестанно приходилось внутренне бороться с самим собой, делая выбор между немедленным движением вперед на превосходящего силами врага и временной остановкой на месте, чтобы усилиться, пополнив свои ряды новыми чинами. Вся глубина этой борьбы заключалась в том, что начальник знал наперед, что в случае неудачи его атаки противника ему не только неоткуда ждать поддержки, но что в случае его разгрома неминуемо образуется прорыв, который нечем будет заткнуть его начальнику, и тем самым успех всего дела будет поставлен под большой вопросительный знак. Итак, подполковник Панков назначил час выступления своей колонны из Шадринска на Далматов, а красные все еще «сосредоточивались»...

Из-за угла большого дома, крытого жестью, показалась коренастая фигура поручика Грабчика. «Смир-на, равнение направо», — прорезал воздух голос штабс-капитана Титова, скомандовавшего отряду, построенному на площади у церкви. Поручик Грабчик, подойдя к отряду, бросил: «Наздар, братче» — и, как один, полторы сотни голосов грянули: «Здравия желаем, господин поручик». После чего на ломаном, но вполне понятном русском языке он стал говорить,

что Курган и Шадринск теперь свободны от большевиков, что следует идти дальше до самого сердца России — Москвы. «Пусть малодушные и несмелые увидят нашу силу и поймут, что враг не так уж страшен. Работы предстоит много, у красных в Далматове имеется артиллерия и броневики. Поэтому добровольцы нигде не должны давать промаха, должны быть в меру осторожны и решительны. Итак, братья, с Богом!» — закончил начальник курганцев.

Было раннее летнее утро. Верхушки соснового бора, через который проходила дорога на Далматов, слегка качались, и смолистые, красные почки поили воздух своим пряным ароматом. По пыльному шоссе шли белые. Омцы, под командой капитана Мельникова, должны были обойти город и ударить по красным с тыла. Курганцы, под командой поручика Грабчика, должны были этим временем атаковать город с фронта. Задачу, поставленную Шадринскому отряду капитана Куренкова, выяснить из-за отсутствия данных не удалось.

Вот уже и недалеко до Далматова. Курганцы остановились, приняли боевой порядок и стали поджидать свою «тяжелую артиллерию» — одну 6-дюймовую гаубицу с четырьмя снарядами. Когда она подтянулась, отряд двинулся дальше...

Впереди показалась водокачка... Отряд вышел из леса и сразу же оказался под сильным ружейным и пулеметным огнем. С водокачки по белым строчили два пулемета. Правда, красные брали слишком высокий прицел, а потому пока били поверху... Спокойным голосом поручик Грабчик произнес: «Братче, вперед»... Без единого выстрела пошли добровольцы на сближение с врагом. Скоро к фронтальному огню пулеметов присоединился фланговый ружейный огонь — справа от дороги, шагах в 400 от нее, лежала цепь красных. Белая цепь упала на землю. Продвижение дальше белые производили уже только перебежками. Но вот наступление белых захлестнулось. Началась страшная трескотня с обеих сторон, трескотня, продолжавшаяся более часа. Спустя некоторое время огонь пулеметов вдруг смолк — вероятно, красные почувствовали себя неважно. Команда «встать», а затем «Ура!», и курганцы погнали противника перед собою. Форсированным маршем шли дальше курганцы. Вот и город... Красные, заняв удобную позицию у монастыря и вокзала, приготовились дать надлежащий отпор белым.

Белые атаковали город. При входе в него завязался упорный бой. Красная артиллерия засыпала белые цепи гранатами. Ружейные пули летели в белых со всех сторон, казалось, что каждое окно каждого дома — бойница. Вдруг что-то сзади грохнуло, с шумом пролетело над головами белых бойцов и наконец где-то далеко за станцией разорва-

лось — то белая «батарея» дала свой первый выстрел по вокзалу. Как выяснилось позднее, батарея застряла в болоте, подойти ближе к белой цепи она не могла, а потому командир батареи решил оттуда открыть огонь. Но четыре снаряда — небольшое количество, и скоро белая батарея замолчала. Бой же в городе не утихал. Обе стороны проявляли упорство.

После двух часов беспрерывной пальбы красные стали отходить, а цепи добровольцев медленно, но верно стали продвигаться ближе к цели — монастырю и вокзалу. Красная артиллерия не прекращала огня по белым. Но вот — монастырь перешел в руки белых. Красные отступили на вокзал, куда вслед за противником двинулись курганцы.

Перебегающие звенья уже ложились у самого здания вокзала, падение коего ожидалось с минуты на минуту. Правый фланг курганцев уже вышел на полотно железной дороги и занял товарную платформу. В это время вошли в дело красные бронепоезда, находившиеся на вокзале. Они открыли огонь по белым из четырех легких орудий. Бой продолжался. Ни та ни другая сторона не отступала. Тогда красные решились на хитрость. Красные бронепоезда оставили станцию, делая вид, что начали свой отход на Каменский завод. Опять победное «Ура!» добровольцев, и курганцы на вокзале. Но тут красные бронепоезда вернулись и открыли убийственный огонь по скопившимся на перроне белым бойцам. Откуда-то взялись красные пулеметчики, кои, выйдя во фланг белым, открыли по ним пулеметный огонь. В результате этого огня курганцы отступили, оставив и вокзал, и монастырь, доставшиеся такой недешевой ценой. Белые отступали с огромными потерями, не имея возможности вынести своих раненых. Видя, что резервов у белых нет, красные нажали, и курганцы покатились. Город был ими оставлен...

В трех верстах за городом остановились курганцы и стали приводить себя в порядок. Отряд собирался медленно — приходили мелкими группами, единицами. Одним из последних пришел к месту сбора начальник отряда — поручик Грабчик, с группой в четыре человека. На нем, что называется, не было лица, он осунулся, побледнел, глаза сделались какими-то ненормальными. Он был нервно потрясен этой первой неудачей и огромными потерями. Не сказав ни единого слова, он лег на траву. Полежав минут пять, он спросил: «Ну, братья, что мы теперь будем делать?» — «Пойдем снова», — был единодушный ответ добровольцев. «Пойдем снова, — повторил Грабчик, поднялся, вздохнул и добавил: — А храбрые вы люди, господа... Ну ничего...»

Отдохнув часа два, курганцы, послав донесение подполковнику Панкову, снова пошли на город. Казалось странным, что стрельба везде прекратилась. Эта тишина поразила всех, когда курганцы вступили в Далматов. Пошли дальше — город как вымер. Вот и вокзал. То тут, то там лежат трупы убитых. Большинство из них изуродованы. Вот студент Доревский с отрубленными руками, вот, с размозженной головой, начальник конной разведки (25 всадников), штабс-ротмистр Гусев, дальше молоденький гимназист Коля Петров и много, много других...

Оказывается, город был оставлен красными вследствие удара омцев капитана Мельникова, кои по дороге заплутали, а потому вышли несколько позднее назначенного им времени.

На другой день две платформы были нагружены телами убитых и отправлены сначала в Шадринск, а затем в город Курган к месту вечного упокоения.

Подъем

Город старый, близкий к эпохе завоевания Сибири, с населением, в описываемое время, до 40 тысяч, — Тюмень была ранее уездным городом Тобольской губернии, а позднее превратилась в губернский город Тюменской губернии. Это один из наиболее значительных, по числу населения, городов Западной Сибири. В торговом отношении это также видный центр, раскинувшийся по обоим берегам реки Туры, притока Тобола, и находящийся на перепутье из Европейской России в Сибирь.

Тюмень — город транзита, в коем происходила перевалка товаров: из России с сухого пути на водный, из Сибири — с водного пути на сухопутный. Со времени постройки железной дроги Пермь—Тюмень транзит значительно усилился, так как товары стали подвозиться прямо с пароходных пристаней. Оба берега реки заняты пристанскими сооружениями, с огромным числом контор, складов, амбаров и т. д. Тут же, по берегу реки, верх и вниз разбросались судостроительные верфи. Торговому движению отчасти вредит бывающее почти каждое лето мелководье реки Туры. Тогда производится лишняя перегрузка товаров на мелко сидящие суда, крейсирующие между Тюменью и устьем Туры, но иногда доходящие и до Тобольска. В последние годы перед Великой войной был поднят вопрос о шлюзовании реки Туры.

Промышленное значение Тюмени заключалось, главным образом, в кожевенном производстве, которым были заняты не только жители

города, но также некоторые из подгородных селений. В описываемое время среди городского населения имелось порядочно татар и старообрядцев. Точно так же и по всему уезду. Об этом приходится упомянуть, так как и те и другие являлись решительными противниками большевизма.

На путях к Тюмени теперь, по оставлении большевиками ст. Омутинская, Багай и, наконец, города Ялуторовска, имелся только один рубеж, на котором можно было бы задержаться и дать отпор наступающему противнику. Это линия реки Пышмы. Река эта весьма болотиста и трудна для форсирования, а потому она является довольно серьезным препятствием на путях движения к Тюмени с востока.

Линию реки Пышмы большевики решили использовать и если не остановить, то, во всяком случае, задержать противника на ней. В сих видах они заняли две переправы через Пышму и стали их укреплять (одна у ст. Богандинка, а вторая у села Червишева, находящегося на тракте Курган—Тюмень). Эти два пункта, в сущности, и составляли ключ всей позиции большевиков на реке Пышме. С потерей одного из них неизбежно должно было последовать оставление большевиками и города Тюмени. Учитывая это, красные, подтянув к данным пунктам значительные силы, основательно их укрепили.

Хотя генерал Иванов-Ринов и предоставил подполковнику Смолину право широкого использования его собственного почина, но все же подчинил его подполковнику Панкову. В начале операции, когда колонна подполковника Панкова находилась в районе города Кургана, а главные силы 1-й Степной дивизии (колонна полковника Вержбицкого) — в районе города Омска, подобное подчинение подполковника Смолина подполковнику Панкову было целесообразно, но позднее, когда, с одной стороны, колонна полковника Вержбицкого сблизилась с отрядом подполковника Смолина, а с другой стороны, колонна подполковника Панкова, продвинувшись за Шадринск, удалилась от отряда подполковника Смолина, то целесообразность подобного подчинения нарушилась.

Имея в своем подчинении всего до 500 человек русских и чехов, подполковник Панков намеревался теперь притянуть ближе к себе отряд подполковника Смолина, но последний считал, что при строгом учете общей обстановки переход его отряда в район Шадринска никакого значения там не оказал бы, но, с другой стороны, этот самый переход отряда несомненно отрицательно отозвался бы на ходе всей операции главных сил, двигающихся от Омска через Ялуторовск на Тюмень. Свои соображения подполковник Смолин изложил в докладе своем генералу Иванову-Ринову и просил последнего о переда-

че его с отрядом в подчинение полковнику Вержбицкому. Возможно, что здесь также оказали свое влияние и узы боевой дружбы, существовавшие между полковником Вержбицким и подполковником Смолиным со времени Великой войны. Доклад подполковника Смолина получил полное одобрение.

Незначительность своих сил при весьма значительной численности врага понуждала полковника Вержбицкого к предприятию каких-то решительных действий, нанесению ошеломляющего удара, дабы, таким образом воздействовав на психику красноармейских масс, сокрушить и понудить их к оставлению Тюмени. Доклад подполковника Смолина был получен полковником Вержбицким как раз вовремя. Ознакомившись с ним, полковник Вержбицкий придал ему еще большее значение, нежели сам автор доклада. Полковник Вержбицкий решил усилить отряд подполковника Смолина за счет своих сил, действовавших по линии железной дороги, и затем отрядом подполковника Смолина нанести решительный удар по красным.

Отряд подполковника Смолина получил предписание подтянуться к колонне полковника Вержбицкого. Сделав порядочный крюк, отряд подполковника Смолина вышел на линию железной дороги Тюмень—Омск, где в поезде располагался штаб полковника Вержбицкого. Набегом на ст. Тугулым в штабе были очень довольны и бойцов отряда подполковника Смолина там встретили очень радушно.

Здесь отряд подполковника Смолина был усилен 3-м Степным Сибирским стрелковым полком (до 190 штыков), двумя взводами 2-го Сибирского казачьего полка (60 сабель) и одним орудием (подполковник Перхуров[81]). Должно отметить, что к этому времени в 3-м Степном полку имелось уже до 12 пулеметов «льюис». Одновременно с сим чехи, входившие до сего времени в состав отряда подполковника Смолина, получили приказ отправиться на присоединение к своей части. Таким образом, к выходу в новую операцию подполковник Смолин располагал отрядом всего до 230 штыков, 80 сабель и 1 орудия.

Задача подполковника Смолина была примерно такова: выход на линию железной дороги Тюмень—Камышлов в районе ст. Подъем, что в 20 верстах на запад от Тюмени, для разрушения линии железной дороги и поражения по частям красных сил. В случае благоприятного стечения обстоятельств не исключалась возможность удара по Тюмени.

С линии железной дороги отряд подполковника Смолина прошел сначала в село Исетское. Передохнув здесь, отряд двинулся затем на северо-запад в район Успенского. В это время чины отряда все еще не знали, куда и зачем ведет их начальник. Порядочно проблуждав,

для заметения своих следов, отряд переправился через реку Пышму и с запада вышел на село Кармаки. Отсюда он проследовал в деревню Ушаковку, что в 8 верстах на юг от станции Подъем.

Была ночь с 15 на 16 июля. В деревне Ушаковке подполковник Смолин собрал в одной из изб начальников, до командиров рот включительно, посвятил их в задания отряда, изложил свои предположения и отдал свои приказания. Между прочим, на этом совещании были разговоры о движении на город Тюмень и о захвате последней в случае благоприятного оборота дела.

Первым делом отряд должен был занять ст. Подъем и разрушить несколько железно-дорожных мостов, находящихся на запад от нее. Само собою разумеется, телеграфная и телефонная связь между Тюменью и Камышловом должны были быть прерваны. Дальнейшее зависело от обстоятельств. Для захвата станции была направлена пехота эшелонами поротно, а для разрушения мостов брошена конница. Орудие должно было следовать с пехотой.

Первый эшелон пехоты вышел на станцию. Красной охраны не было, если не считать нескольких полусонных красных милиционеров, поспешивших сразу же сдаться «белобандитам». Заняв без труда станцию и поставив немедленно к аппарату своего телеграфиста, подполковник Смолин принялся за разрушение железнодорожного полотна, стрелок и т. п. Следует отметить, что с собою у белых не было захвачено надлежащих инструментов, так как предполагалось, что все нужное будет найдено на станции. К сожалению, на станции отрядники нашли далеко не достаточное количество инструментов, а самое главное, люди не были вытренированы для подобной работы. Поэтому, несмотря на порыв и всеобщее желание поскорее и основательнее разрушить пути, немало энергии было потрачено впустую.

Работы были в полном разгаре, когда пришла весть, что с востока на станцию надвигается красный бронепоезд, показавшийся в виду Подъема без предупреждения о его выходе со ст. Тюмень, являющейся ближайшей к ст. Подъем. Это был самый мощный красный бронепоезд, хорошо оборудованный (два броневых вагона) и снабженный большим числом пулеметов (8 или 9 «максимов»). Орудий, однако, у него не имелось. Команда состояла из 70 человек — отборных большевиков — матросов и латышей.

При появлении бронепоезда отряд, работавший на полотне, бросившись вправо от полотна, быстро спрятался и залег. Бронепоезд подошел к семафору. Не решаясь двигаться дальше, он остановился у сторожевой будки и, осведомленный сторожем об уходе белых, стал справляться по телефону, действительно ли очищена белыми станция.

Получив утвердительный ответ, бронепоезд выслал вперед имевшийся у него второй разведывательный паровоз, который и был беспрепятственно пропущен белыми. Спустя некоторое время на станцию двинулся и сам бронепоезд.

Едва успел красный бронепоезд приблизиться к станционному зданию, как рота 3-го полка, состоявшая почти исключительно из добровольцев — учащейся молодежи — и занимающая позицию на восток от станции вдоль южного откоса полотна железной дороги, открыла ружейный огонь по бронепоезду, вслед за тем у обоих семафоров белые подорвали полотно, а орудие полковника Перхурова открыло огонь по бронепоезду. После нескольких выстрелов белого орудия подполковник Смолин предложил бронепоезду сдаться без боя, но в ответ раздался треск пулеметов. Бронепоезд двинулся на восток, но, отойдя шагов на двести, остановился: в паровоз попал один из снарядов, посланных в врага белым орудием.

Борьба разгоралась. Команда бронепоезда, нужно отдать должное, защищалась чрезвычайно упорно и мужественно. Красные пулеметы строчили с обоих бортов. Несколько слов о местности: к северу от полотна — небольшая возвышенность, поросшая редкими березами, а к югу — низина, поросшая густым кустарником и мелким березняком. Цепь белых, залегшая к северу, была сметена почти целиком чуть ли не первой пулеметной очередью, так как залегла всего шагах в 30—40 от полотна железной дороги. Южная цепь белых находилась в лучших условиях, хотя также несла потери; эта цепь была скрыта от глаз противника. Кроме того, красные, имея на север высокую местность, видимо, предполагали, что и к югу — такая же, а потому брали слишком высокий прицел.

Выполнив свою задачу, ротмистр Манжетный приближался уже к станции, когда раздался первый орудийный выстрел. Затем второй, третий... Подошли ближе. Стала доноситься ружейная и пулеметная стрельба. Огонь, вначале редкий, постепенно усиливался и, наконец, превратился в сплошной треск. «Видно, бой идет вовсю», — мелькает в голове конников...

Сойдя с полотна железной дороги, ротмистр Манжетный вышел к станции с юга. Оставив своих людей и коней за прикрытием, сам отправился на станцию, где встретил подполковника Смолина. Последний познакомил ротмистра с обстановкой и приказал его сотне занять позицию к северу от бронепоезда. Ротмистр направился было к сотне, дабы, взяв ее, ввести в бой, но подполковник Смолин остановил его и, приказав вести в бой сотню капитану Корочкину, предложил ротмистру Манжетному пройти с ним на правый фланг, к орудию

по цепям. Вызвав Корочкина, Манжетный передал ему приказание, а сам с подполковником Смолиным пошел на восток от станции.

Попав в кустарник, ротмистр Манжетный потерял возможность ориентироваться. Кто стреляет? Откуда? Куда? Кругом кипит, как в котле. Пулеметы не трещат, а воют. Отдельных выстрелов не слышно, в ушах стоит сплошной вой, а над головой будто свист ветра. Впереди медленным шагом идет Смолин, позади него Манжетный. «Признаться, я в те минуты как-то не сознавал опасности, — пишет в своих записках полковник Манжетный, так как, во-первых, в первый раз был под таким огнем. Из-за кустов ничего не было видно, только наша цепь, вдоль которой мы шли. При мне двое или трое были убиты в голову, причем пуля, попадая, издавала какой-то шамкающий звук».

Двигаясь медленно, Смолин с Манжетным прошли всю цепь, вышли из-под огня и подошли к орудию полковника Перхурова, которое стояло шагах в двухстах от бронепоезда и било по нему в упор, но ничего особенного сделать не могло, так как стояло почти в створе поезда, имевшего паровоз в середине. В сторону орудия находился тендер и один или два товарных вагона. Оба же боевые вагоны находились на противоположном конце бронепоезда.

Поговорив с полковником Перхуровым, Смолин в сопровождении Манжетного так же медленно и тем же порядком двинулись назад. «Смотрю, убитых больше, — пишет полковник Манжетный, — насчитал человек до десяти. А стрельба между тем усилилась. Ружейных выстрелов почти не было слышно — одни пулеметы. Как потом выяснилось, у нас работало 12 «льюисов», а на бронепоезде 8 «максимов». И это буквально на пятачке».

«Обратный путь был труднее. Так и хотелось согнуться, а временами приходилось напрягать всю силу воли, чтобы не лечь, но удерживало самолюбие. Наконец, дошли до станции. Смолин пожал мне руку, поблагодарил за выдержку и помощь. Я второго не понял и, несколько удивленный, спросил: «Чем же я помог?» Тогда Смолин мне признался, что перед моим подходом с сотней цепи, понеся в первые минуты боя огромные потери, чуть ли не до 40 чел. убитыми и ранеными, начали было отходить без приказа. Настроение бойцов было таково, что Смолин опасался возможности панического бегства чинов его отряда. Поэтому он решил для поднятия настроения лично пройти по цепи, а для компании взял меня. Он сказал, что броневик стоял от цепи всего шагах в 20—30. Вот тут-то меня обуял «задним числом» ужас, да такой, что я на несколько секунд потерял дар речи. Тут только я сообразил, какой опасности мы подвергались. Только

чудом объясняю, что вышли целыми из этой «прогулки». Весь березняк был почти начисто срезан пулеметным огнем».

Два часа бились белые с бронепоездом. Наконец огонь стал ослабевать и вскоре совершенно затих, лишь раздавались отдельные ружейные выстрелы со стороны белых. Подполковник Смолин приказал атаковать бронепоезд. Белые цепи двинулись вперед. Тишина. Лишь слышны стоны в вагонах.

Несколько смельчаков подползли под самый бронепоезд и для большей верности в каждый из вагонов пустили через амбразуры по 2—3 гранаты. Открыли двери и вошли. В каждом вагоне было человек по двадцать. Почти все были мертвы. Несколько тяжелораненых. В глаза белым бросились две розовые фигуры, сидящие у двух пулеметов (в дыму от гранат в первый момент трудно было рассмотреть). Подошли ближе. Фигуры неподвижны. Толкнули. Мертвы. Оказывается, оба эти молодцы-пулеметчики были сплошь забинтованы розовыми бинтами, до головы включительно, причем оба убиты в лоб, по-видимому, пули попали в прицельную скважину. Был виден мозг, выползавший из раны густой массой.

Белым досталось: 8 или 9 пулеметов, 54 винтовки, значительное количество патронов и иные трофеи. Так как белые сильно потрепались, то в первую очередь с убитых были сняты сапоги, кои и поделены между ротами. В углу одного из вагонов, между прочим, в двух ящиках были обнаружены консервы. В одном из них — ананасы, а в другом — кильки и шпроты. «Недурно, голубчики, питались», — сострил один из белых. День был жаркий, в броневом вагоне — настоящий ад. Жажда мучила ужасно, а потому ящик консервированных ананасов доставил белым бойцам огромную радость.

Подобрав раненых, число коих ротмистр Манжетный в своих записках определяет в 50 человек, и окончательно подорвав бронепоезд, белые отошли в ближайшую деревушку, дабы немного передохнуть и привести себя в полный порядок.

Расположившись в деревушке, не успели белые закусить, как сторожевое охранение открыло огонь. Оказывается, со стороны Камышлова к ст. Подъем подошел эшелон, который и остановился, не доходя до семафора. Началась выгрузка красной пехоты... Так, значит, снова бой. Подполковник Смолин решил атаковать красных, но последние успели уже развернуться в боевой порядок и сами стали надвигаться на белых.

Противник давит, а тут, как назло, крестьяне с подводами поразбежались. Как увезешь раненых? Пока искали и собирали подводы, красные поднажали так, что белые не выдержали и стали оставлять

деревню и в ней раненых, но, выйдя за околицу, остановились и затем, перейдя в контратаку, ворвались в деревню и выперли красных из нее. Этим временем одна из рот 3-го Степного стрелкового полка зашла в тыл к красным. Большевики дрогнули, и скоро их отступление превратилось в паническое бегство. При этом белые захватили до 20 пленных, от которых узнали, что сражались с Петроградским продовольственным отрядом, состоявшим исключительно из рабочих бывшей столицы.

В своих записках генерал Смолин вспоминает такой комический эпизод: «Бой шел на поле, покрытом густой и высокой рожью, где, между прочим, имелось несколько небольших хлебных амбаров. Наступали уже сумерки, когда нам удалось обойти и потеснить красных, а затем, когда те обратились в бегство, мы, после короткого преследования, занялись тщательным осмотром поля боя. Вдруг мне докладывают: «Красные занимают амбары». Приказываю атаковать. Приближаемся к амбарам. Вижу, там, действительно, группа красных с пулеметом. Но странно — не стреляют. Подходим ближе, и я предлагаю им сдаться. «А бить не будете?» — слышу голос из этой «цитадели». Заверяю, что гарантирую им жизнь и даже отпущу их по домам, если убежусь, что они действительно мобилизованы. «Так что, Ваше Высокоблагородие, действительно, ей-богу, мобилизованы. Явите милость, не бейте». — «Не будем, не будем, выходите и сдавайте скорее оружие, иначе подожгу амбары и всех расстреляю». Через несколько минут все было кончено. Одни из пленных были отпущены, другие отправлены в тыл».

Хоть белые и выиграли в этот день два боя, но настроение у всех было подавленное. Потери огромные, всего выбыло из строя 47 человек (из них было 13 убитых и 26 тяжело раненных). В бою со стороны белых, между прочим, отличились: пулеметчик прапорщик Аарон Розенталь (еврей) и прапорщик Юрченко. Последний с горстью добровольцев забрал в плен чуть ли не 200 человек красных. Подполковник Смолин решил отойти в леса, что близ села Успенского.

Значение боя под ст. Подъем сводилось к следующему: 1) уничтожение белыми чуть ли не единственного хорошо оборудованного красного бронепоезда, 2) потери красных, как материальные, так и в отношении живой силы, 3) деморализация красных в Тюмени, откуда они чуть было не приготовились бежать на Туринск, 4) разрыв связи между Тюменью и Камышловом, 5) после этого боя стал более заметен приток добровольцев в отряд подполковника Смолина.

Следует также указать, что моральное значение этого боя сказалось и на Тобольском отряде полковника Киселева, который сумел,

где-то на тракте Тюмень—Тобольск, включиться в уцелевший провод и подслушать панические сообщения красных о «зверствах» белых на Подъеме. Это подбодрило отрядников полковника Киселева, и он стал упорнее и решительнее нажимать на красных. В Тюмени красные подняли страшный шум по поводу этих двух налетов белых на ст. Тугулым и ст. Подъем. Были устроены торжественные похороны героев, павших в неравной борьбе с «палачами-белобандитами». Жертвы были похоронены в городском сквере в двух братских могилах.

В материальном отношении Подъем также дал белым кое-что. Следует не упускать из виду, что у белых, в отрядах Сибирской Народной армии, ощущался большой недостаток, даже нужда в каждой лишней винтовке, пулемете, не говоря о патронах. Все захваченное на Подъеме подполковник Смолин передал позднее в отряд полковника Вержбицкого.

Падение красной Тюмени

По высылке отряда подполковника Смолина в тыл красных, полковник Вержбицкий с остальными своими частями двинулся из Ялуторовска вдоль по линии железной дороги к Тюмени. Без труда была занята белыми первая станция, находящаяся на полпути между Ялуторовском и рекой Пышмой, пересекающей линию железной дороги у ст. Богандинка, где она поворачивает на север. На реке Пышме, у села и станции Богандинка, белым предстояло вновь померяться силами со своим противником. Вот как описывают выход белых к Богандинке участники его.

Двигаясь вдоль линии железной дороги, 1-й Степной полк уже приближался к Пышме. До нее было недалеко. Вправо, на север от дороги, верстах в трех виднелось большое село. Это село — Богандинское, раскинувшееся по правому берегу Пышмы. По не вполне проверенным сведениям, оно было свободно от красных.

Дойдя до переезда железной дороги, от которого проселок круто поворачивал на север и вел в село, командир 1-го Степного полка, капитан Жилинский, человек вообще весьма осмотрительный, решил предварительно точно выяснить, действительно ли село свободно, и с этой целью остановил полк у переезда, а вперед выслал конную разведку во главе с сотником Вальшевским. Сотнику Вальшевскому было приказано, в случае отсутствия противника, выполнить попутно и обязанности квартирьера.

Итак, сотник Вальшевский со своими разведчиками направился по проселку к селу. Вправо и влево от дороги простирались открытые поля, и только вдали за селом темнел большой лес. Медленно и спокойно приближаясь к селу, разведчики заметили линию окопов, вырытых вблизи самого села, по обеим сторонам проселка. Окопы казались незанятыми. Не было заметно движения и в селе. Вдруг у околицы его, обращенной к белым, появилась группа крестьян, как бы спокойно наблюдающая приближающихся конников.

Почуяв возможность какого-либо трюка со стороны красных, сотник Вальшевский выдвинул четырех разведчиков, приказав им на рысях, но смотря «в оба», выяснить, что это за «крестьяне». И вот, когда дозорные, оторвавшись от своей колонны, подскакали примерно на полсотню шагов к группе крестьян, оттуда последовал окрик: «Эй, вы, какой партии будете-то?» Всадники остановились: «А вы кто такие?» Последовало минутное замешательство. «Да ведь это белая сволочь», — послышался крик из группы крестьян, спешно скрывшейся, а следом за сим по всадникам затрещали с трех сторон пулеметы и винтовки.

Сомнений быть не могло. Во всю прыть драли назад разведчики. В это время уже заговорила и красная артиллерия — она открыла огонь по району полотна железной дороги, где заметила колонну пехоты: стрелковые роты 1-го Степного полка, ожидавшие вестей от сотника Вальшевского.

Когда разведчики подлетели к переезду, то роты, уже развернувшиеся в боевой порядок, двигались в сторону села. Делать конным теперь было нечего, и капитан Жилинский направил их в лес, что тянулся к югу от полотна железной дороги. Без потерь ушла команда сотника Вальшевского от села, но тут, войдя в лес, попала под артиллерийский огонь и потеряла несколько всадников и коней убитыми и ранеными.

Атака 1-го полка была отбита красными: белые наткнулись на кольцевые окопы, блиндажи. У красных под Богандинкой имелось не менее десяти орудий.

Подошли чехи и казаки. Новое наступление на Богандинку — и тот же результат. Должно отметить, что обе атаки Богандинского не принесли белым слишком больших потерь, не подорвали духа белых бойцов, ибо, встретив сильное сопротивление со стороны красных, белые не лезли на рожон, не стремились «лбом прошибить стенку». Возможно, что, наступая на Богандинское, полковник Вержбицкий имел в виду не столько обязательность овладения этим селом, сколь создание у красных впечатления о стремлении белых форсировать Пышму именно у

Богандинского и нанести удар по Тюмени именно с этой стороны. (Не должно забывать, что, в то время как белые нажимали у Богандинки, сильный отряд подполковника Смолина находился в тылу красных и должен был там развивать свою деятельность.)

Отбив белых под Богандинкой, красные, считая, видимо, силы врага иссякшими, выслали в обход правого фланга противобольшевиков свою сильную колонну. Навстречу последней полковник Вержбицкий бросил чехов и казаков. Произошел бой. Красные были разбиты, хотя и оказывали во время боя сильное сопротивление. Между прочим, в этом бою две красные сестры милосердия, не желая сдаваться, упорно защищались гранатами и, наконец, потеряв надежду на благоприятный для них выход, подорвали себя гранатами.

На другой день после боя на ст. Подъем, то есть 17 июля, подполковник Смолин решил овладеть с. Червишево. Немедленно была выслана разведка на это село с задачей подробного и точного выяснения подступов к нему, а также и сил красных, расположившихся там. О своем намерении подполковник Смолин донес полковнику Вержбицкому.

К вечеру 18 июля выяснилось следующее: огромное село Червишево расположено на южном берегу реки Пышмы и прикрыто мелкими болотистыми речками, проходимыми вброд и впадающими в Пышму. К северу от села через Пышму перекинут большой деревянный мост и тянется земляная дамба длиною примерно с версту. Местность всюду лесистая; с востока и с юга лес походит почти вплотную к селу, и только с запада имеется слегка всхолмленное открытое поле, протяжением также примерно с версту. Северный берег реки Пышмы покрыт густым лесом. Верстах в двух к западу от Червишева имеется на реке Пышме брод, но переправляться может только конница, да и то с трудом.

Гарнизон Червишева, всего до 400 человек при 7—8 пулеметах, состоит преимущественно из мадьяр. Село частично оплетено колючей проволокой, бдительно охраняется и имеет телефонную связь в два провода: один идет в Тюмень, другой — в Богандинское. Гарнизон чувствует себя уверенно и прочно, поджидая появления противника не ранее как через несколько дней.

Подполковник Смолин со своим отрядом скрытно подошел к селу Червишеву. Атаку села он назначил на рассвете следующего дня, отдав приказания такого рода: 1) коннице ротмистра Манжетного к рассвету пересечь тракт к северу от Червишева, прервав связь его с Тюменью и Богандинкой. После этого быстро перейти в наступление и захватить северную часть дамбы; 2) 3-му Степному полку, под

командой капитана Вержболовича, обойти Червишево с юго-востока и атаковать его не позднее 4 часов; 3) партизанский отряд с находящимся при нем одним орудием, под командой самого подполковника Смолина, должен был в это же время атаковать село с западной стороны.

В 23 часа 18 июля белые приступили к выполнению задачи. Чтобы скрыть свое движение и захватить красных врасплох, белая пехота всю ночь буквально двигалась ползком. Село охранялось полевыми караулами. Несмотря на это, белым удалось снять вражеские посты почти без выстрела. Только на участке капитана Вержболовича со стороны красных последовал один выстрел, но настолько запоздалый, что гарнизон села не успел приготовиться к бою. Красные почивали, и в таком виде их «накрыли» белые. В результате короткой схватки часть красных бросилась бежать через дамбу, где сначала попала под огонь белого орудия, а затем напоролась на конников ротмистра Манжетного и в результате была почти целиком уничтожена.

Следует, однако, заметить, что бой этот не обошелся без неприятного для белых эпизода. Когда ротмистр Манжетный соответственно полученному им приказанию, пересек тракт к северу от села, он спешил свою конницу и занял здесь скрытую позицию вблизи опушки леса, по которому шла дорога. Фланги позиции белых наблюдались конными.

Примерно через полчаса, как повествует в своих записках ротмистр Манжетный, со стороны села Червишева появились бегущие красные — частью пешком, частью на подводах. Приказав своим людям соблюдать полную тишину и скрытность, ротмистр Манжетный решил атаковать противника, когда он уже будет в непосредственной близости от позиции. Цепь спешенных конников замерла. Среди людей заметна нервная напряженность, волнуется и сам начальник — ротмистр Манжетный, не имея точного представления о силах красных и вообще о результатах боя у села. Все яснее и яснее становятся фигуры людей надвигающейся колонны противника. Для людей ротмистра Манжетного минуты кажутся часами. Вот головная группа красных приблизилась к белым на расстояние каких-нибудь шагов 600—700. «Разрешите огонь, господин ротмистр», — обращается к Манжетному один из пулеметчиков. «Сгинь», — следует в ответ грозный шепот ротмистра. Ему хочется ближе подпустить противника, вытянув под огонь большую часть его колонны.

Между тем красные, не подозревая засады, приближаются, по-видимому двигаясь без всяких мер предосторожности. Белые замерли. Наступила тишина, нарушаемая лишь изредка шепотом леса. Вот уже,

наконец, голова отступающего противника почти у самого правого фланга белых. Еще одна-две напряженно-томительных минуты для белых... Вдруг громкая команда ротмистра: «Огонь». Затрещали винтовки, пулеметы, ухнуло несколько брошенных белыми ручных гранат, раздалось истошное «Ура!», все это смешалось с неистово-отчаянными криками людей, застигнутых врасплох, и... пошла «потеха». Справедливость требует, однако, отметить, что красные довольно быстро очнулись и, в свою очередь, стали интенсивно осыпать белых ружейным и пулеметным огнем, но затем они ринулись врассыпную по лесу. На месте боя ими были брошены повозки, лошади, убитые и раненые, частично также и оружие. Белые бойцы преследовали уходящего противника, доставляя на дорогу к ротмистру Манжетному пленных.

Не прошло и полчаса после ликвидации отступавшей красной колонны, как ротмистр Манжетный получил донесение от одного из дозорных, высланных ранее, что по дороге со стороны Богандинки движется какая-то колонна конницы, примерно в два эскадрона. В то же время на дороге, со стороны Червишева, появилась новая пешая группа красных, которая открыла огонь по людям ротмистра. «Попали в переплет, — пронеслось в головах белых, — слева конница — справа пехота». Между тем, как должен помнить читатель, сотня ротмистра Манжетного состояла всего лишь из 70 всадников, а за вычетом коноводов в бою могло принять непосредственное участие всего около 45—50 человек. Двигающаяся же на Манжетного колонна конницы была сильнее его раза в четыре-пять. Настроение у белых бойцов стало, конечно, нервным.

Сам ротмистр переживал в это время также довольно кислые минуты. Но уходить все же стыдно. Он послал подполковнику Смолину донесение, прося поддержки. Время идет. Подъесаул Катанаев, расположив свой пулемет за поворотом дороги, готов открыть огонь в любую минуту.

Вот из-за поворота показалась голова колонны — несколько всадников в красных фуражках. Катанаев, подпустив противника шагов на двести, открыл огонь. Застрочил пулемет... Вскинулись передние и попадали, а Катанаев продолжает. Наконец, ротмистр Манжетный приказал прекратить огонь. Но в тот же момент стали щелкать по деревьям пули. «Значит, красная пехота пришла в себя, увидела поддержку и перешла в контрнаступление», — таковы были мысли ротмистра Манжетного. Огонь между тем стал усиливаться. Появились раненые. Белых стали охватывать.

Дело плохо, надо отходить. Кругом лес, местами болотистый. Тут, как назло, выяснилось, что проводник, бывший при ротмистре Ман-

жетном, сбежал. Ротмистр Манжетный решил двигаться по старому следу. Приказал отводить коноводов, а цепи отходить с боем. Однако не прошли и двухсот шагов, как слева залп. Подались белые вправо — там конница. Опять плохо. Что делать? Поставили пулемет и пустили ленту в сторону залпа. Там сразу же затихло. Белые двинулись дальше.

Проблуждав по лесу часа четыре, белые наконец выбрались на дорогу и во второй половине дня вошли в село Червишево, где преспокойно стоял отряд подполковника Смолина. Явившись к последнему, ротмистр Манжетный застал у него в хате какого-то казачьего офицера. Подполковника Смолин был мрачен. Он познакомил ротмистра Манжетного с казаком, который оказался есаулом Блохиным.

— Что же это вы, ротмистр, обстреляли меня? — спросил Блохин Манжетного.

— Я? Когда?

— А сегодня утром, на тракту, — отвечал Блохин, — человек восемь ранили, двух убили да перекалечили массу лошадей.

— Я столько же знал о вашем присутствии здесь, сколько и подъесаул Катанаев, который был у пулемета. Почему же вы, господин есаул, слыша бой, двигались без охранения, и почему вы разрешили своим людям надеть красные фуражки?

— Видит Бог, я в этом печальном случае неповинен.

Из дальнейшего выяснилось, что полковник Вержбицкий, узнав из полученного от подполковника Смолина донесения о предполагаемой атаке села Червишева, выслал для содействия ему дивизион сибирских казаков под командой есаула Блохина, который должен был установить связь с подполковником Смолиным и, выйдя в тыл красного гарнизона, отрезать ему путь отхода на Тюмень. Но есаул Блохин несколько запоздал, а ротмистру Манжетному подполковник Смолин не мог дать каких-либо сведений об этой коннице, вследствие того что и сам не был своевременно осведомлен об этом.

Ротмистру Манжетному «попало» от подполковник Смолина лишь за то, что он вышел слишком далеко к северу от села и запоздал поэтому со своим донесением о вступлении в бой с отступавшими красными. Это же обстоятельство привело к тому, что подполковник Смолин, не уверенный в том, что ротмистр Манжетный успел пересечь путь отступления красных, ограничился, ввиду утомленности чинов его отряда, слишком коротким преследованием красных по оставлении ими села Червишева. Позднее и есаул Блохин получил надлежащее «надирание» от полковника Вержбицкого за медлительность и неосторожность в этом случае. Так закон-

чился сей печальный эпизод — но в обстановке Гражданской войны, особенно в первый период ее, он понятен и до известной степени, пожалуй, простителен.

Красным бой у села Червишева обошелся недешево, о чем свидетельствовало не только все то, что было оставлено на месте, но и число трупов, найденных впоследствии крестьянами в окрестных лесах и болотах.

Одновременно с ударом подполковника Смолина по селу Червишеву полковник Вержбицкий «нажал» на красных у села Богандинка. В результате красные покатились на запад. Отход красных от Богандинки произошел ночью и протек незаметно для их противника. Наутро белые и чехословаки без боя заняли хорошо сохранившуюся, укрепленную позицию красных. Путь на Тюмень теперь был открыт. Противобольшевики двинулись к ней.

20 июля русские и чешские части полковника Вержбицкого заняли город Тюмень. В самом городе красные сопротивления не оказали, но бежали частью на город Камышлов, частью же на город Туринск. На следующий день в город втянулись остальные части колонны полковника Вержбицкого, двигавшиеся по железной дороге. В этот день в Тюмень прибыл и полковник Киселев, части коего, как то указано было выше, связались с разъездами полковника Вержбицкого в деревне Криводановой.

Население города, несомненно радуясь уходу большевиков, в то же время, должно сказать, встретило белых и отнеслось к ним на первых порах довольно сдержанно, что объяснялось неуверенностью в прочности положения белых, опасения скорого возвращения большевиков и отсюда — расплаты перед ними за особое внимание к «белобандитам». За взятие города Тюмени полковник Вержбицкий был произведен в чин генерал-майора.

По случаю освобождения города в один из ближайших дней в Тюмени был проведен парад всем войскам, находившимся в тот момент там. Парад принимал генерал-майор Вержбицкий. На параде присутствовали как почетные гости генерал Сыровой и «бабушка русской революции» — небезызвестная Брешко-Брешковская. Парадом командовал только что произведенный в чин полковника Смолин.

После парада состоялся банкет, устроенный тюменской общественностью, решившей чествовать своих освободителей — русское и чешское командование. Между прочим, на этом банкете «бабушка русской революции» Брешко-Брешковская сидела рядом с генералом Сыровым. Ее старческая, сгорбленная и сморщенная фигурка как-то особенно бросалась в глаза в соседстве с плотной, отъевшейся и над-

менной фигурой генерала Сырового, с черной повязкой на одном глазу. Бабушка много говорила, точнее, шамкала о величайшем историческом подвиге русского народа, сумевшего освободиться от многовековых цепей самодержавия, несомненном и скором освобождении России от цепей нового, большевистского самодержавия, о последующем за сим расцвете страны и многом, многом ином, все того же порядка. Эти речи и иные, произнесенные членами партии эсеров, пришлись не совсем по вкусу большинству из присутствовавших на банкете русских офицеров, и некоторые из них, в своих ответных речах, не замедлили это подчеркнуть. Следует отметить, что уже к этому времени русское командование не доверяло Сыровому. Деятельность его и та помощь, которую оказывали чехи под его руководством, носили заметно неискренний характер. Чувствовалось, что и он сам, и его подчиненные помогают не столько белым, сколько самим себе. В этом, конечно, не приходилось винить рядовых чешских офицеров и солдат, многие из коих, ходя с белыми бок о бок в атаки, искренне желали белым успеха. Возвращаясь опять к банкету, следует признать, что в конце концов этот банкет лишний раз подчеркнул отсутствие действительного единения не только между союзниками — русским и чехами, но и в самой среде первых — истинных хозяев страны, на территории которой и за которую велась борьба.

Для более полной обрисовки создавшихся к концу июля месяца взаимоотношений союзников — русских белых и чехословаков — можно привести следующие примеры.

При занятии города Тюмени первыми в него вступили чехи, так как они двигались вдоль полотна железной дороги, а потому имели возможность перейти реку, что протекает перед самой Тюменью, ранее русских (1-й Степной полк), наступавших правее полотна и упершихся при своем движении в реку. Этим вступлением в город сначала чехов, а потом русских остался очень недоволен полковник Вержбицкий, тем более что некоторые из чехов не преминули подчеркнуть, что они, а не русские, освободили Тюмень. Полковник Вержбицкий сделал суровый выговор капитану Жилинскому: «Как вы могли допустить, чтоб чехи первыми вошли в город?» «Дело мы делаем или в перегонки играем? Не все ли равно, кто первыми войдет в город — наши ли, чехи ли?» — говорили потом белые бойцы, когда до них докатилась молва о неудовольствии в высших сферах. «Нет, для поддержания нашего престижа, для успеха нашего дела всегда мы, а не чехи, должны первыми вступать в города», — возражали другие. Из этого видно, что уже в середине июля достаточно выявилось стремление некоторых старших чешских и русских начальников к нездо-

ровому соревнованию за честь вступления первыми. На этой почве мог быстро махровым цветом распуститься взаимный антагонизм, а вместе с тем в деле борьбы за освобождение страны создавались ненужные и большие затруднения.

С другой стороны, в эти же примерно дни пришлось наблюдать случай иного порядка. При движении своем еще к Ялуторовску, в районе ст. Заводоуковская, 1-я Отдельная Степная батарея была придана чешскому батальону. В батарее этой из 33 чинов ее 25 человек были офицерами. Хотя погоны или иные знаки отличия по чинам редко кто носил на фронте, но по общему виду и отчасти по обмундированию, взгляду командира чешского батальона нетрудно было распознать русских офицеров в фигурах, возившихся на платформах у орудий и готовившихся сгружать их на землю. Это исполнение русскими офицерами работы нижних чинов поразило чеха. «Разве у вас не хватает солдат, что офицеры принуждены выполнять их работу? — спросил он командира батареи, и когда тот доложил о составе своей батареи, то командир батальона был очень поражен и заявил: — Почему вы раньше мне об этом не сказали? Я сейчас пришлю вам наряд из моего батальона и они сгрузят орудия». Действительно, через несколько минут в распоряжение командира батареи прибыла команда чешских стрелков и последние, по указаниям русских офицеров, сгрузили орудия и даже запрягли коней. Примеров подобного расположения и поддержки друг друга можно привести не один. Они свидетельствуют, что в толще русских и чехословацких войсковых частей в это время антагонизма еще не было, и развился он позднее, проникая из зараженных самомнением и честолюбием верхов и штабов.

Выход сибирских войск в Зауралье

20 июля, сразу же по занятии Тюмени, на запад, по линии железной дороги в сторону Камышлова, выступила конница — сибирские казаки. На следующий день, 21 июля, согласно приказанию полковника Вержбицкого отряды полковника Киселева и шт.-капитана Казагранди выступили из села Криводанова. Первый из них, под командой помощника полковника Киселева подполковника Бордзиловского, на пароходах направился вверх по реке Тавде, имея своей задачей захват пароходных пристаней Каратунка и железнодорожной станции Тавда, являющейся конечной на линии Екатеринбург—Ирбит—Туринск—Тавда. По захвате пристани Картунка и ст. Тавда, отряд полковника

Киселева должен был идти на город Туринск, который должен был атаковать и взять шт.-капитан Казагранди, выйдя к нему по тракту Тюмень—Туринск. В дальнейшем, согласно расчетам полковника Вержбицкого, отряды полковника Киселева и шт.-капитана Казагранди, по своем соединении, должны были захватить город Ирбит.

Тем временем полковник Панков, выступив из города Далматова, овладел Каменским заводом и оттуда двинулся к железнодорожному узлу Богдановичи. Полковник Войцеховский, действуя в направлении на город Екатеринбург, в нескольких боях разбил противника и, произведя утомительный фланговый марш, вышел на столицу красного Урала. В ночь с 24 на 25 июля Екатеринбург перешел в руки противобольшевиков.

Этим временем главные силы колонны генерала Вержбицкого, произведенного в этот чин за взятие города Тюмени, как то было уже указано выше, развивали наступление вдоль линии железной дороги, и 27 июля станция и город Камышлов перешли в руки сибирских войск, а еще через четыре дня, 31 июля, сибиряками с боя была занята ст. Богдановичи. Здесь части полковника Панкова встретили сильное сопротивление. Шадринский отряд был направлен в обход на разъезд Грязнуха, где, после 24-часового боя, выбив красных, захватил два красных бронепоезда. В Богдановичах произошло соединение частей полковника Панкова с главной колонной генерала Вержбицкого. Затем, вскоре после этого, произошла вторая встреча: сибиряки (Шадринский отряд) соединились с чешскими войсками полковника Войцеховского, медленно шедшими от Екатеринбурга навстречу частям генерала Вержбицкого. Имея своей задачей быстрое продвижение на север, начальник Шадринского отряда, между прочим, передал на время оба броневика чехам, акт об этом был подписан русскими и чешскими представителями, но в дальнейшем, как о том повествует генерал Сахаров в своей книге «Чешские легионеры в Сибири», чехи не выполнили условия договора и оба бронепоезда, взятых трудами Шадринского отряда, чехи удержали у себя. Многократные обращения к чешскому командованию по этому поводу остались без результата.

Красные же теперь, после потери Тюмени, Екатеринбурга и Богдановичей, отступали прямо на север, откатываясь к Нейвинскому заводу и к узловой станции Егоршино.

Отряд полковника Киселева, двинувшись вверх по реке Тавде, шел к Каратунке. Отряд сей (6-й Степной Сибирский стрелковый полк) в это время состоял всего из трех стрелковых рот (шт.-капитан Атавин, поручик Ильин, поручик Митрофанов), команды кон-

ных разведчиков (поручик Волков) и хозяйственной части (подполковник Бордзиловский — он же и помощник комполка 6-го). При этом 1-я и 2-я роты состояли из тоболяков, а 3-я рота — «Тарская», по численности своей превосходившая 1-ю и 2-ю, вместе взятые, была приведена вышеозначенным поручиком Митрофановым из города Тары. Всего в полку насчитывалось не более 200 чинов. Задержавшийся по делам в Тюмени, полковник Киселев нагнал свой отряд в Андрющине, вступил вновь в командование им, а подполковник Бордзиловский возвратился к исполнению своих прямых обязанностей начальника хозяйственной части. Можно указать, что хозяйство он держал в образцовом порядке и все его бывшие подчиненные с большим удовольствием вспоминают, как сытно, разнообразно и вкусно кормил он их.

Каратунка — конечная станция железнодорожной линии, исходящей от Екатеринбурга, — расположена на берегу реки Тавды у пристаней того же наименования. От города Туринска она удалена на 90 верст. На Каратунских пристанях, между прочим, стояли в то время несколько барж, груженных огромным количеством меди, каучука, чая, машин и прочих товаров, принадлежавших тихо скончавшемуся Военно-промышленному комитету. Баржи эти еще при Временном правительстве Керенского были доставлены к Каратунке с Оби, должны были разгрузиться и товары с них переотправиться в Москву и иные центры, но грянула Октябрьская революция, и грузы на Каратунке оказались всеми забытыми.

Подойдя к Каратунским пристаням, белые заняли их без боя, обменявшись всего несколькими выстрелами с красными, поспешившими отойти. В погоню за ними была выкинута конная команда поручика Волкова, которая и захватила ст. Тавда.

Партизанский отряд шт.-капитана Казагранди в городе Тюмени был усилен приданным ему партизанским отрядом подполковника Смолина, насчитывавшим тогда в своих рядах всего от 100 до 120 человек. Что касается самого подполковника Смолина, то ему было приказано лично задержаться в Тюмени, впредь до особого распоряжения генерала Вержбицкого, приняв должность начальника гарнизона. Последнее обстоятельство, неожиданно нарушившее расчеты подполковника Смолина и немало огорчившее его, объяснялось некоторыми предосторожностями генерала Вержбицкого. Дело в том, что в городе Туринске оставалась семья подполковника Смолина, которой, по имевшимся у него сведениям, красные учинили жестокую расправу, мстя за его выступление против них. Переживая вследствие этого большое горе и мечтая об отмщении, подполковник Смолин рвался в

Туринск, чтоб учинить там соответствующую расправу со всеми, кто прямо или косвенно был повинен в гибели его семьи. Зная это и опасаясь, как бы в таком случае подполковник Смолин не увлекся и не потерял головы, генерал Вержбицкий вынужден был заменить его шт.-капитаном Казагранди.

Лихой и решительный шт.-капитан Казагранди подошел к городу Туринску — небольшому, захолустному городку Тобольской губернии, насчитывавшему в то время всего до 3000 жителей. Красные попытались было сначала дать отпор врагу. Они даже остановили горсть чехов, приданных Казагранди, но потом, перед неукротимой энергией Казагранди, быстро спасовали и, разложившись, обратились в паническое бегство. Следует указать, что численность красных в Туринске в это время достигала, по некоторым данным, 3000 человек. Вся эта масса была разбита горстью храбрецов, потеряла огромное число своих чинов ранеными, убитыми, пленными, потеряла оружие, снаряжение, имущество и позорно бежала. К сожалению, сейчас не представляется возможным точно установить истинную дату захвата города Туринска шт.-капитаном Казагранди: по одним данным, это имело место 25 июля, по иным — 30 июля. Первая дата, пожалуй, более вероятна, так как, по третьим данным, вступление частей полковника Киселева и шт.-капитана Казагранди в город Ирбит, бывшее, во всяком случае, несколькими днями позднее боя в город Туринске, состоялось в день Св. Владимира, то есть 28 июля нов. ст.

В Туринск отряд полковника Киселева прибыл уже по окончании боя в нем. Здесь оба белых отряда соединились и дальше совместно двинулись на город Ирбит. Начальником гарнизона в город Туринске был оставлен подполковник Бордзиловский с одной ротой и хоз. частью.

Отряды полковника Киселева и шт.-капитана Казагранди приблизились к городу Ирбиту на 15 верст. Весть о приближении «белогвардейцев» переполошила ирбитских большевиков. Они приступили к спешной и беспорядочной эвакуации.

Между тем, наблюдая поспешность сборов красных, их очевидную неуверенность в себе, один из ирбитян поскакал к белым, дабы осветить им обстановку и звать скорее идти в город. Этому жителю, фамилии коего восстановить не удалось, повезло: он быстро и благополучно добрался до белых военачальников. Его доклад был выслушан, и вслед за тем отряды были подняты и белые выступили на Ирбит...

Но красных предупредили. Примерно в 11 часов 28 июля большевистские части покинули город и станцию Ирбит, двинувшись на за-

пад в эшелонах по железной дороге, а в 2 часа дня за ними последовал и последний красный бронепоезд (самодельный, состоявший из нескольких платформ с мешками песка на них). Спешка у красных была такова, что председатель Совдепа оставил в своем кабинете секретные бумаги большой ценности. К чести этого председателя должно отметить, что, вспомнив о бумагах, он в единственном числе вернулся в оставленный красными город, проехал в помещение совдепа, взял, что нужно было, и... благополучно выбрался назад.

Около 14 часов того же дня по улицам Ирбита проскакало несколько всадников с белыми флагами. Они оповещали граждан Ирбита о вступлении в город сибирских правительственных войск... Город ожил. На улицах появились сияющие лица. И когда, спустя некоторое время, в город стали втягиваться немногочисленные подводы с сидящими на них бойцами с бело-зелеными ленточками, они были встречены колокольным звоном и криками «Ура!»...

Белых была горсть. Они заняли важнейшие точки в городе. Никаких больших частей видно не было. Больше никто не появлялся. «Маловато что-то», — думалось ирбитянам, полагавшим, что и в происходящей борьбе, подобно войне Русско-германской, на фронте с обеих сторон принимают участие многие и многие десятки тысяч, если не сотни тысяч солдат. На вопросы о том, есть ли еще войска и много ли их, бойцы с бело-зелеными ленточками неизменно отвечали, что они только авангард, а что главные силы идут за ними... Прошло часа три с момента вступления белых в Ирбит, и вот на окраине города запылила новая колонна. Она была также невелика, не больше первой... Опять радостные крики, звон колоколов... Штаб 6-го Степного полка прибыл в город...

По занятии белыми Ирбита офицеры — местные жители — сорганизовали комендатуру, и человек 60—70 из них сразу же изъявили свое желание на вступление в ряды сибирских войск. Следует отметить, что многие ирбитяне-офицеры обратили внимание на небольшую численность прибывших. «Маловато что-то наших, каким бы широким фронтом ни шли б, но на город все же должна была бы выйти более крупная часть войск, хотя бы штабы и обозы. Маловато, у красных в этом отношении было посолиднее» — таковы примерно были мысли офицеров-ирбитян в первые часы по своем освобождении от красного зверя, но скоро, очень скоро, к вечеру первого дня, они уже знали истину: те 400 человек, что пришли сегодня в город, — это все войсковые части белых, находящиеся в данном округе. Никаких обходных или боковых колонн или отрядов нет. Их нет на многие десятки верст, ближайшие отряды белых находятся верстах в 70—100

на линии железной дороги Екатеринбург—Тюмень... У простых же горожан, у одних от радости, у других с перепугу, все двоилось и троилось в глазах и «максимка» с «люйсом» превращались, с их слов, в «орудия и массу пулеметов»...

На следующий день или через день отряд капитана Казагранди выступил из города по Верхо-Гурскому тракту. С ним ушло до 30—40 ирбитян (почти все офицеры), присоединившихся к его отряду. Полковник же Киселев со своим 6-м полком остался в районе Ирбита: штаб полка временно остался в городе, а боевая часть выдвинулась на запад, в сторону Ирбитского завода, заняв деревню Зайкова.

Итак, к 1 августа 1918 года, в результате 40-дневного похода, степными полками при поддержке чехословаков были очищены от красных уезды: Ялуторовский, Тобольский, Тюменский, Туринский, Шадринский и Камышловский, короче говоря, равнины Западной Сибири были уже освобождены от большевиков и победоносные сибирские войска вступили в пределы Зауралья.

Здесь следует отметить, что еще 18 июля Временное Сибирское правительство постановило включить в сферу своего влияния уезды: Челябинский, Троицкий и Златоустовский. Так по частям Урал стал крепче и крепче связываться с белой Сибирью. Население радостно встречало бойцов со скромными бело-зелеными и бело-красными ленточками, горящих желанием бить врага и гнать его все дальше и дальше на запад...

31 июля генерал-майор Вержбицкий был назначен, как то официально значилось, «Уполномоченным Временного Сибирского Правительства по насаждению государственного порядка и насаждению государственного и общественного аппаратов управления в освобожденных от большевиков районах Западной Сибири, с правами генерал-губернатора», вместе с тем он был оставлен стоять во главе подчиненных ранее ему войсковых частей (его собственная колонна, колонна полковника Панкова, отряды полковника Киселева и капитана Казагранди), составивших теперь по новой терминологии «Западно-Сибирский отряд». Чехословацкие части генерала Сырового, находившиеся до сего времени в подчинении русского генерала, в этот же день получили предписание оставить фронт и, оттянувшись к линии железной дороги, приготовиться для переброски по железной дороге в район Челябинска. Таким образом, вступая в Зауралье, сибирские войска открывали вместе с тем на этом участке фронта новую страницу Гражданской войны — единоборство белых с красными.

Что же происходило за это время в тылу сибирских войск, точнее, в стране, прикрытой паутинкой тех небольших отрядиков, дела кото-

рых известны из данной книги? Откуда взялось Временное Сибирское правительство, о котором только что упоминалось в предыдущем отрывке?

О политических пертурбациях в Сибири достаточно подробно и полно толкует книга профессора Гинса «Сибирь, Союзники и Колчак», здесь же кратко отметим, что Западно-Сибирский комиссариат, взявший на себя бремя власти сразу же по перевороте, просуществовал недолго. Трудность проведения необходимых и спешных мероприятий и необходимость согласовать между собой деятельность различных ведомств привела к мысли о создании Административного совета. Тем временем члены Сибирского правительства, находившиеся на освобожденной территории, предъявили свои претензии на власть. Западно-Сибирский комиссариат, вошедший во вкус власти, не хотел было сначала отдавать ее пяти, из общего числа двадцати «избранных» министров, но в конце концов, на совместном заседании 30 июня, когда дело дошло уже до угроз, члены комиссариата вняли голосу здравого смысла и сдали власть пяти министрам.

Так, 30 июня в Омске появилось Временное Сибирское правительство, возглавляемое П.В. Вологодским[82]. Слепой случай оставил в Западной Сибири наиболее трезво мыслящих, умеренных членов правительства. Постепенно правительство стало завоевывать симпатии все больших и больших кругов. Но левым это не понравилось...

Между прочим, 11 июля был подписан акт провозглашения государственной независимости Сибири, но к нему никто не отнесся с вниманием, никто не обратил серьезного внимания на появление на свете «нового» государства. Даже в самом правительстве имелся только один-единственный, горячий и последовательный защитник отстаивания сибирской независимости — Г.Б. Патушинский[83]... Таким образом, несмотря на декларацию, Сибирь продолжала фактически оставаться частью России — ее областью.

А. Ленков[84]

НИКИТА ЛЬВОВ[85]

В январе 1918 года ротмистр Лебедев и шт.-ротмистр Львов[86] приехали в Москву, куда их просили прибыть такие же офицеры, как и они, чтобы вместе ехать туда, «где еще бьются».

Петровская гостиница в Москве была местом сбора двенадцати непокорных советской власти людей. Маршрутов указывалось много,

куда можно было ехать, а именно: через Архангельск ехать на службу к англичанам, в Иностранный легион Франции, на Дальний Восток к атаману Семенову, на Дон к генералу Корнилову, и даже упоминался адрес Скоропадского[87], — одним словом, куда угодно, хотя бы с чертом, лишь бы драться с предателями и разрушителями Родины — социалистами и коммунистами.

Как и следовало ожидать, общего решения, куда всем ехать, не нашли. Каждый старался выставить свое предложение, свой план и склонить всех его принять. В результате такого разногласия Никита Львов и Степан Лебедев, отойдя в сторону, сговорились и решили вдвоем ехать на Дальний Восток к восставшему против большевиков есаулу Семенову.

В сильный февральский снегопад покидал Москву сибирский поезд, увозя в неизвестность двух русских офицеров. В набитых солдатами и «мешочниками» вагонах ехали они на Дальний Восток, среди ругани, табачного дыма и давки. Несмотря на то что Львов и Лебедев были также в солдатских шинелях без погон, опытному глазу сразу было видно, что это офицеры, тем более что ротмистр Лебедев носил пенсне.

Конечным пунктом своего передвижения эти офицеры наметили город Иркутск, совершенно не зная тех препятствий, которые неминуемо начались бы для них значительно раньше, чем они предполагали.

Подъезжая к городу Омску, на одной из остановок Львов и Лебедев стояли на вагонной площадке, когда к ним подошел с виду солидный господин, железнодорожник, и пригласил их пройти к нему в его служебное купе попить чайку, на что они и согласились.

Во время беседы железнодорожник, присматриваясь к ним, сказал:

— Господа, я вижу, что вы не солдаты, почему и пригласил вас сюда. Вы офицеры и безусловно едете в отряд есаула Семенова, но имейте в виду, что в Красноярске и Иркутске имеются на станциях особые контрольные большевистские пункты, где всех подозреваемых в том, что они офицеры, снимают с поездов и отправляют для допроса в город, в Чрезвычайку, и там уже подробно разбираются. Я думаю, что вы знаете, что это за учреждение и что офицеру выйти оттуда на свободу очень трудно. Мой же совет вам такой: перемените маршрут. Вот будет следующая остановка — слезайте с этого поезда и пересаживайтесь на поезд, идущий обратно. Доезжайте до станции Курган, которую мы уже проехали, и там оставайтесь до благоприятного, может быть, для нас времени. Город Курган тихий, и там вы спокойно поживете, осмотритесь, а потом видно будет, как обернутся события.

Наши собеседники переглянулись и решили последовать совету доброго человека. Так и сделали. При остановке, поблагодарив за добрый совет своего нового знакомого, они сошли с поезда.

Небольшой, но сравнительно богатый город Курган незаметно принял приехавших. Советская власть себя здесь активно еще не проявляла, и, действительно, пока жилось спокойно, но с каждой неделей становилось заметнее, что в город прибывают небольшие отряды красной вооруженной силы, состоящей, главным образом, из матросов и латышей.

Население Кургана насторожилось и стало проявлять некоторое беспокойство, особенно после того, как курганский Совдеп обложил контрибуцией почти все состоятельное население города и национализировал все частные торговые предприятия, а через некоторое время начались и аресты. Стало неспокойно.

В конце марта 1918 года на ст. Курган прибыл первый эшелон чехов, которые вместе с красными пользовались железнодорожной станцией, телеграфом и подвижным составом. Прибытие чехов в Курган население встретило с тихой радостью. Оно думало, что в случае каких-либо репрессий со стороны красных чехи их защитят.

Офицерская тайная организация, куда с большим трудом удалось попасть Львову и Лебедеву, с появлением в Кургане чехов повела более активную работу по свержению красной власти в городе. Руководители этой организации вошли в связь с чехами, дабы выяснить, какую позицию займут чехи по отношению к возможному восстанию антикоммунистов (белых) против советской власти и смогут ли они, чехи, чем-либо помочь восставшим.

Ответ белые получили очень для себя рискованный, а именно: чехи категорически отказались от помощи белым живой силой, но согласились дать 50 русских винтовок с 60 патронами на каждую, два легких пулемета «льюис» с десятью дисками на каждый (470 патронов) и 50 ручных гранат, но с условием, что, если переворот удастся и чехи будут поставлены перед совершившимся фактом свержения советской власти, тогда они признают новую власть в Кургане; но если белые потерпят поражение от красных, тогда чехи совместно с красными приступят к разоружению белых.

Этот ответ чехов породил неуверенность и даже страх в некоторых членах офицерской организации — к счастью, в меньшинстве. Глава офицерской организации подполковник К-ов категорически отказался принять такие условия чехов и открыто выступать против красных, считая такое открытое выступление пока преждевременным и опасным.

Львов и Лебедев и еще несколько офицеров настойчиво требовали принять немедленно условия чехов, напоминая, что «промедление времени — смерти подобно есть». Большинством членов организации было решено немедленно выступать против советской власти. Несогласившихся членов организации, в числе девяти человек во главе с полковником К-вым, арестовали домашним арестом до того времени, когда восстание будет совершившимся фактом. После переворота они были выпущены и вступили в ряды вновь сформировавшегося добровольческого отряда в Кургане. Выступление было намечено на ночь на 1 июня, но, ввиду того что чехи не смогли еще полностью выдать боевое «снабжение», пришлось восстание перенести на ночь на 3 июня.

Раннее утро 3 июня 1918 года в Кургане огласилось ружейной стрельбой и тарахтеньем пулеметов — это кучка добровольцев, белых повстанцев, в числе 120 человек, бросила вызов красным захватчикам. Во главе этих храбрых добровольцев были Степан Лебедев и Никита Львов. Курган был взят в течение пяти часов. Пехотная рота в 100 штыков при двух уже тяжелых пулеметах «максим», отнятых у красных, восьми легких «льюисах» с конным взводом в 30 коней была вооруженной силой белых повстанцев.

Взяв Курган, через неделю белые повстанцы, организовав охрану города совместно с чехами, двинулись на другой город, Шадринск, что в 80 верстах от Кургана и принадлежит уже к Пермской губернии. Город был взят у красных с боем, с захватом большого количества снаряжения и вооружения, а главное было в том, что по взятии Шадринска местные добровольцы сформировали свой, Шадринский, повстанческий большой отряд силою около 400 штыков под командой энергичного боевого капитана Куренкова. Курганские добровольцы стали именоваться Курганским добровольческим отрядом, и сила его по взятии Шадринска увеличилась до 200 человек пехоты и 50 конных.

Отдохнув пять дней в Шадринске, курганцы двинулись на следующий город Далматов, находящийся в 45 верстах от Шадринска. И этот город был взят курганцами, но победа досталась дорогой и очень дорогой ценой. Почти половина отряда была выведена из строя убитыми и ранеными, ввиду того что красные здесь имели артиллерию на двух броневиках, которая почти в упор расстреливала курганцев, наступавших со стороны монастыря и вокзальной площади. В этом бою был убит и начальник отряда ротмистр Лебедев. Пехоту возглавлял боевой офицер шт.-капитан Титов, а конный отряд принял Никита Львов.

Курганцы двигались дальше. Ст. Козел-Поклевская, Каменский завод, дер. Сухой Лог, Синарская, с. Ирбитские Вершины, ст. Кунара, д. Елкина — и уже почти доходили до большого села Егоршина, что

на реке Пышме, но благодаря неустойчивости старшего начальника полковника Панкова взятые ранее пункты пришлось снова оставить красным и отступить до ст. Богданович.

К этому времени от Курганского отряда остались жалкие остатки, ибо этот боевой отряд при всех наступлениях всегда был головным. Что касается конного отряда ротмистра Львова, то тот закончил свое существование как боевая единица после взятия города Алапаевска.

С остатками своего отряда ротмистр Никита Львов был переброшен на Южный фронт в период больших успехов Сибирской армии, которая двигалась быстро в центр России. В это время Никита Львов уже командовал кавалерийским дивизионом.

А. Орлов[88]

ПЕРВЫЙ БОЙ ЕРМАКОВЦЕВ У СТАНЦИИ ЧИШМА[89]

Станция Чишма находится в 50 верстах к западу от Уфы. Туда и спешила 1-я Сибирская казачья бригада походным порядком, высадившись накануне из вагонов в городе Уфе.

1-й Сибирский казачий Ермака Тимофеева полк под командой полковника В. Водопьянова, при помощнике командира полка есауле Глебове, подошел к станции Чишма 31 мая 1918 года (новый стиль) и, пройдя станцию, при усиленном охранении, примерно верстах в пяти к западу от нее, встретил отступавшую нашу пехоту (если не ошибаюсь — то была Уфимская стрелковая бригада), непосредственно за которой шли дозоры красных, обстрелявшие первым боевым огнем наши казачьи дозоры.

Полк принял боевой порядок, выслав 1-ю, 2-ю и 3-ю сотни вперед под командой есаула В. Вологодского[90]. Сотни перестраивались на крупном намете, рассыпаясь в лаву, и неудержимо двигались вперед.

Состоя младшим офицером во 2-й сотне, я на ходу получил приказание своего командира сотни, есаула К. Киселева: «Выводи в лаву первую полусотню, со второй полусотней я пойду в резерве сзади!» Справа была 1-я сотня, слева — 3-я. Впереди нас виднелся лесок или, вернее, роща (примерно на расстоянии одной версты), и я взял направление на ее середину. Вскоре наши разъезды влились в лаву и сообщили, что заставы красных с пулеметами занимают лесок, а главные их силы (каковы они никто не знал) дальше за лесом, на высотах.

Приблизительно с восьмисот шагов противник открыл ружейный огонь, но пули свистели высоко над головой. Не знаю, по чьей коман-

де, вернее — по инициативе рвущихся вперед коней, мы перешли в широкий намет.

На мгновение я оглянулся назад, и сердце мое переполнилось радостью: полусотня не шла, а летела, держа равнение, как на ученье, а оружие готовым к бою. В это время из леска начали строчить два пулемета, но лава неудержимо неслась на огонь противника, огонь начал слабеть и вдруг прекратился... «Красные бегут!» — услышал я над самым ухом возглас. Повернувшись, я увидел рядом со мной с шашкой в руке взводного урядника 2-го взвода Антонова («Лобановец», как он с гордостью себя величал по имени своей станицы — Лобановской). Высокий, стройный, с торчащим в пол-аршина чубом, всегда щегольски одетый, он напоминал нам всем Ермаковца-рубаку славных времен Саракамыша и Ардагана.

«Нажми, Антоныч!» — крикнул и я, и мы, повернувшись в седлах к лаве, издали казачий «гик», который подхватила лава, смыкаясь. Через несколько минут мы проскакали лесок, в котором, кроме стреляных гильз, никого и ничего не осталось.

Перед нами открылась проселочная дорога, уходящая в холмы, а по ней уносящиеся во весь опор несколько тачанок, очевидно — с пулеметами и защитниками рощи. Разомкнувшись, лавою продолжали движение, а урядник Антонов, взяв с собою лучших 5—6 наездников, понесся за тачанками. Но картина боя вскоре изменилась: красные открыли огонь по всему фронту лавы, а их артиллерия стала бить по резервным колоннам. Наше продвижение не остановилось, но замедлилось.

Вскоре перед фронтом 2-й сотни попался глубокий овраг, уходивший далеко за фланги лавы. Урядник Антонов ждал нас здесь. Тачанки ушли. Найдя овраг хорошим убежищем для коней, полусотня здесь спешилась и, выйдя на другую сторону оврага, залегла, растянувшись в стрелковую цепь.

Вскоре к нам прискакала вьючная пулеметная команда есаула Рассохина, который славился молниеносным развьючиванием и открытием огня при всякой обстановке. Действительно, через каких-нибудь 5—6 минут его пулеметы застрочили по красным. Это была первая стрельба по противнику с нашей стороны. Цепь тоже открыла редкий огонь. Чувствуя огневую поддержку, мы без особого усилия поднялись и двинулись вперед. Нам было видно, что соседние полусотни спешились и тоже шли цепями.

Огонь противника становился все более и более действительным. Пули ложились то перед цепью, то свистели мимо ушей. До позиции красных оставалось 1000—1200 шагов, и, дабы избежать потерь,

я решил продвигаться перебежками, к чему казаки были мало тренированы, но зато имели хорошую сообразительность, как применяться к местности. Цепь залегла, и первые звенья обоих взводов, со взводными заместителями, перебежали на новую позицию, на 100—120 шагов вперед. Не успели подняться вторые звенья, как прискакал помощник командира полка, есаул Глебов. Соскочив с своего кровного скакуна, при сверкающих погонах и в серебре шашки, он открыто подошел к цепи, не обращая внимания на свистящие пули. «Ну, что тут у вас?» — спросил он, обращаясь ко всей цепи. Я, стоя на одном колене за серединой рассыпного строя, объяснил ему обстановку и начатые перебежки. Противник, заметив «группу начальников» (с есаулом были один офицер и ординарцы), усилил пулеметную стрельбу.

«Ну, продолжай! Вторая ваша полусотня войдет в цепь тоже», — сказал он и пошел медленно вдоль фронта на правый фланг. Это было первое высокое начальство в передней линии с начала боя. Казаки улыбались на его шутки, поворачивая головы.

Я собирался с предпоследней сменой на новую позицию, когда появился есаул Киселев. «Как, жарко здесь у тебя?» — спросил он. Я объяснил ему то же, что и помощнику командира полка. Подошедшая вторая полусотня залегла рядом и в интервалах остатков первой. Забрав остатки своей цепи, я начал двигаться на новую позицию, обещав дать место слева для 2-й полусотни.

Нашей артиллерии до сих пор не было слышно. Говорили, что она заблудилась или застряла. Мы открыли огонь с новой позиции, что называется «по закрытым целям», с прицелом 100 шагов.

Идти в наступление по открытой местности на занятые противником возвышенности без поддержки артиллерии значило обречь себя заранее на неудачу и напрасные потери. Маневра со стороны высшего начальства как будто бы не предвиделось. С другой стороны, и красные, видя такое решительное наступление казаков в первый раз после боев на Волге, собрали все свои заставы на укрепленную, как нам казалось, позицию и не показывались, а вели усиленную стрельбу.

Было уже около 11 часов утра, когда все наши взводы собрались на новой позиции и готовились перейти опять в наступление, как из тыла появились настоящие пехотные цепи, бодро шедшие к нам. По-видимому, это была все та же Уфимская стрелковая бригада, ободренная нашим решительным наступлением. Теперь она спешила к нам на поддержку. Но нам уже передали, чтобы казаки готовились к «посадке», так как подадут коней.

Напряженное состояние людей сразу разрядилось шутками, смехом и бравированием под огнем. Действительно, как только пехота, пройдя в наши интервалы, залегла впереди, к нам отдельными группами стали подскакивать коноводы. Казаки быстро очутились в седлах. Здесь, во время посадки, у командира сотни был ранен в голову конь, и он взял строевого казачьего коня. Говорили, что были раненые казаки в других сотнях, но во 2-й, насколько я помню, не было.

Выровняв лаву, мы стали маневрировать, наблюдая за противником. Вскоре меня со 2-м взводом отправили для наблюдения за тылом, на случай обхода красных. Расположив по холмам отдельные группы всадников, я с главным ядром наблюдал за стыком флангов 1-го и 2-го полков. Станция Чишма была позади и влево от меня, верстах в 2—3, и нам видно было, как там дымился паровоз. Посланный мною для ознакомления с обстановкой казак доложил, что там стоит броневик для прикрытия наших войск.

В дальнейшем нам пришлось наблюдать конную атаку 2-го Сибирского казачьего полка на лаву красных казаков-оренбуржцев, ушедших, как нам известно, к большевикам за есаулом Кашириным. Они наметили атаковать правый фланг Ермаковцев, на стыке со 2-м полком, но резервные сотни 2-го полка выскочили из-за холма и, в сомкнутом строю, ударили по красной кавалерии, которая, не приняв удара, пошла наутек. Сибирцам досталась как трофей походная кухня с горячим обедом, которая шла, видимо, питать красных казаков. Атакующие сотни, увлекшись преследованием, подскакали близко к позициям пехоты, которая встретила их огнем.

Мы видели еще два раза красную кавалерию, маячившую на горизонте, но близко она не подходила. Между тем нашу лаву начали усиленно обстреливать шрапнелью и гранатами. Мы встретили наших раненых, отправляемых на Чишму.

Около 2 часов дня показались отступающие цепи нашей пехоты. Разговорившись с одним из офицеров, я узнал, что красные безнаказанно выкатили артиллерию на передовую позицию и ведут меткий огонь, а с нашей стороны нет ни одного снаряда. Казачья лава тоже начала медленно отходить назад. Часам к 5 вечера полк подошел к станции Чишма, где я присоединился к своей сотне. Так закончился первый бой ермаковцев, после чего началось отступление на город Уфу.

Раздел 3

Б. Апрелев[91]

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ[92]

Еще не настало время для историка, спокойного, беспристрастного, который написал бы полную картину страданий русского народа с момента падения исторической государственной власти в 1917 году. Однако записки современников, хоты бы и не личные, лишь бы они были правдивы и точны, дадут в будущем лучший материал для составления истории. Наша задача в данное время — сберечь и собрать этот материал и передать его «нашей смене».

Эпизоды героической борьбы рабочих Ижевского и Воткинского заводов мало кому известны, и о них необходимо напомнить. Это необходимо еще и потому, что на русского рабочего наклеена вывеска как на предателя своей Родины, как на главного губителя и мучителя русской культуры.

Напомним, что рабочий класс в прежней России был ничтожным. Почти каждый рабочий был одновременно и крестьянином. Только очень немногие, так называемые «цеховые» рабочие, то есть, вернее, мастеровые были подлинными, настоящими рабочими, не имевшими иного заработка, как только за свой труд на заводе. Таковыми были ижевские рабочие и рабочие Воткинского завода.

Естественно, что палачи нашей Родины — партии социалистов-революционеров и социал-демократов — видели в них свой оплот и считали себя выразителями их воли и их мнений.

В мирное время Ижевский оружейный и сталелитейный завод был гордостью России. До 50 тысяч рабочих, разбитых на многочисленные цехи. Перечислю лишь часть из них: два механических (оружейный и сталелитейный), ствольный, ложечный, приборочный, литейный чугунный и литейный стальной, молотовой, прокатный, кирпичный и другие.

Основанный при Екатерине Великой на реке Иже, завод был организован генералом Дерябиным. К нашему времени он разросся чрезвычайно. Завод лежал примерно в 400 верстах от Уфы, в стольких же от Перми и приблизительно в 350 верстах от Казани. Воткинский механический и судостроительный завод находился в 60 верстах от Ижевского завода на реке Каме.

Характерной особенностью ижевских рабочих было то, что они были, так сказать, потомственные рабочие. Ремесло отца переходило к сыну. Завод был для них не случайным, не чуждым, а родной стихией. Редкие по качеству ружейники, замочники, ствольники были среди них, и они гордились качеством своей работы. В награду за хорошую работу они получали особые, обшитые позументом почетные кафтаны, денежные награды, медали и, наконец, пожизненную пенсию.

Все эти особенности чисто русского быта и организации завода были, конечно, бельмом на глазу интернациональной шайки, питающейся кровью России.

В конце лета 1918 года Ижевский и Воткинский заводы восстали против власти советов. Печать замолчала, как могла, это событие. Подумать только: рабочие восстали против рабоче-крестьянской власти! Против их власти! Против власти, давшей им все, сделавшей их хозяевами и диктаторами!

Однако это понятное для нас и непонятное для иностранцев событие произошло. Ижевцы и воткинцы восстали, как восставали в свое время запорожцы. Восстали за оскорбляемую веру свою, восстали за поруганную Родину, за свои обычаи и привычки, за родные им заводы.

Порваны цепи кровавого гнета,
Гневно врага уничтожил народ,
И закипела лихая работа:
Ожил рабочий, и ожил народ!

Молот заброшен, штыки и гранаты
Пущены в ход молодецкой рукой.
Чем не герои, чем не солдаты —
Люди, идущие с песнями в бой?!!

Люди, влюбленные в светлые дали,
Люди упорства, отваги, труда,
Люди из слитков железа и стали,
Люди, названье которым — руда!

Кто не слыхал, как с врагами сражался
Ижевский полк под кровавой Уфой?
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец — русский рабочий простой?!!

Годы пройдут над отчизной свободной,
Сложится много красивых баллад,
Но не забудется в песне народной
Ижевец — истинный русский солдат... —

запели их роты и батальоны. Наскоро сколоченные. С офицерами из своей же рабочей среды. Без обмундирования. Одетые в рабочие блузы и чуйки, ижевцы и воткинцы, не рассуждая, бросились в борьбу.

Страшные бои на Иже... под Уфой... Зверства большевиков, особенно беспощадных к ижевцам и воткинцам. Суровый переход через ледяную Сибирь... Тысячи убитых и искалеченных... Байкал. С грохотом ломающийся лед... Люди и лошади, исчезавшие в холодной пучине... Нет возможности в кратких строках описать все ужасы, испытанные этими героями-рабочими, восставшими на защиту своей родины.

В то время как бывшие военнопленные — «братья-чехословаки» — с награбленным ими в Сибири русским добром катили в бесчисленных вагонах на восток, ижевцы и воткинцы, с другими частями Русской армии, совершали свой крестный путь от Волги к Тихому океану.

Жуткая весть о расстреле в Иркутске социалистами-революционерами преданного союзниками Верховного правителя адмирала Колчака, жестокие холода, смерть от сыпного тифа, косящего ряды, — ничто не сломило этих рабочих.

Их роты и полки, упорно стиснув винтовки в руках, пробивали себе путь на восток...

Ныне они — обломки когда-то сплоченной, многотысячной массы, выброшенные на чужбину, как и все мы. О них как-то забыли. Социалисты-революционеры молчат по понятным причинам: им, духовным союзникам палачей России, эти единственно настоящие русские рабочие являются навсегда живым укором. Остальные русские молчат о них, ибо или забыли, или не знают. Но молчать о них нельзя. Ижевцы и воткинцы — больше, чем обыкновенные добровольцы. Это люди, не только умиравшие за Родину нашу, но и люди, благодаря которым смыт позор с честного имени русского рабочего.

Оказалось, что для них Вера Православная, Россия, наши обычаи так же дороги, как они дороги казаку и крестьянину-добровольцу.

Вот почему можно верить, что страдания ижевцев и воткинцев не пройдут бесследно. Тысячи и тысячи их погибли за русское дело.

16 августа они празднуют годовщину восстания их заводов.

Мне верится, что в этот день по всему пространству рассеяния Русской Рати мы услышим безмолвную команду: «Смирно! На молитву! Шапки долой!» В наших церквах мы услышим моления: «Во бла-

женном успении вечный покой подаждь, Господи, убиенным, умученным и погибшим рабам Твоим воинам Ижевцам и Воткинцам, имена же их Ты, Господи, веси... и сотвори им вечную память».

Не безнадежные рыдания услышат эти погибшие герои, а тихую грусть и радость, что они не забыты, что среди миллионов погибших детей России они занимают одно из самых почетных мест.

Пусть в этот день оставшиеся в живых немногочисленные, но могучие духом ижевцы и воткинцы споют свою боевую песню:

Вспомним же, братцы, как полк наш сражался,
Ижевский полк под кровавой Уфой,
Как с гармонистом в атаку бросался
Ижевец — русский рабочий простой...

Д. Михайлов[93]

ИЖЕВСКО-ВОТКИНСКОЕ ВОССТАНИЕ[94]

В России было два больших завода, поднявших восстание против большевиков, — Ижевский, ружейный, он же и сталелитейный, построенный еще в царствование Императрицы Елизаветы Петровны, и Воткинский машиностроительный.

Оба завода находились в Сарапульском уезде Вятской губернии. Ижевский был расположен на небольшой реке Иж, впадающей в реку Каму, в 40 верстах от нее. Город Воткинск — в 60 верстах от города Ижевска. В 1915 году население Ижевска достигало до 170 000 человек. На заводе работало приблизительно 50 000 человек. Во время войны производство винтовок доходило до 3000 в день.

Все были обеспечены работой и потому жили хорошо и в полном достатке. Религиозность и патриотизм рабочих были велики, о чем свидетельствовали десять церквей, воздвигнутых исключительно на их средства. Большинство рабочих было освобождено от военной службы, так как они работали на производство оружия для армии и этим приносили пользу отечеству.

И когда пришла революция и с ней обещания свободы, равенства и братства, передачи всей земли крестьянам, фабрик и заводов рабочим, то этим обещаниям не поверили ни рабочие, ни крестьяне окрестных сел и деревень, которые питались от завода. Советское правительство сразу же почувствовало, что рабочие заводов не с ним.

Большевики решили обманным путем отправить на Казанский фронт, где уже шла Гражданская война, в первую очередь ижевцев-

фронтовиков. Фронтовиками называли тех, кто по окончании войны с немцами вернулся домой. Эти фронтовики впоследствии и подняли рабочих на восстание против советской власти.

Советы собрали на заводе всех фронтовиков и объявили им, чтобы они были готовы к отправке на фронт. Фронтовики ответили: «Мы согласны, но выдайте нам оружие на месте, тем более что оно у нас имеется на заводе». Большевики заверили: «Оружие получите на фронте». Пошли пререкания между рабочими и большевиками. Но вот пришел решающий момент: потеря Казани всполошила большевиков на заводе. От них центральная власть требовала посылки рабочих на фронт.

Утром 7 августа коммунисты собрали митинг и, вопя о спасении завоеваний революции, требовали подчиниться приказу и выступить на фронт. Рабочие отказались, послышались крики: «Долой Советы!» Председатель совета фронтовиков капитан Солдатов повел всех с площади к штабу «Союза фронтовиков» на Казанской улице. Рабочие стройно с пением ушли. Так началось открытое выступление против красной власти, пока без кровавого столкновения. Но это было лишь затишье перед бурей.

Вечером стало известно, что Солдатов и многие члены «Союза фронтовиков» арестованы. Рано утром 8 августа загудел гудок, этот гудок был слышен на 40 верст кругом. Рабочие бросились на завод в пристрелочную мастерскую, где были винтовки и патроны. Разоружили растерявшихся часовых из пленных австрийцев, разобрали винтовки, поделили патроны.

Красные стали разгонять толпы на улицах, запрещать собираться. На Нагорной части, где были казармы красноармейцев, послышались выстрелы. Нарастало напряжение. Но вот на плотине появились вооруженные рабочие. Пришедший с фронта лихой унтер-офицер Осколков бросился вперед и дал первый выстрел по заставе красных, загородивших дорогу. Другой отряд рабочих по Долгому мосту двинулся в обход. Однако винтовок был мало, и пока вооружались немногие.

У красных было более 700 вооруженных: две батареи, рота красноармейцев и несколько «продовольственных» отрядов для выколачивания хлеба в деревнях. Бой разбился на несколько очагов. Дрались с ожесточением обе стороны. Около полуночи весь завод был очищен от красных, понесших большие потери.

9 августа рабочие дружно стали налаживать оборону завода. Стали формировать роты. Роты носили различную нумерацию и наименование, например: 10-я техническая, 15-я крестьянская, 30-я лесная (из лесников), ею командовал сам лесничий; эта рота была одной из луч-

ших. 17 августа была послана 15-я рота на Воткинск. Эта рота помогла воткинцам быстро расправиться со своей красной властью.

Восстание рабочих этих двух заводов стало быстро распространяться далее среди крестьян, в особенности к северу от Ижевска в Уржумском и Малмыжском уездах.

Соединенные силы двух заводов создали Ижевско-Воткинскую Народную армию; на должность командующего этой армией пригласили оказавшегося единственным на заводе полковника Федичкина[95]. Это был доблестный офицер 13-го Туркестанского полка, получивший большой боевой опыт на Кавказском фронте в 1-ю Великую войну. Он имел много боевых наград, в том числе орден Святого Георгия 4-й степени. Заводы мужественно оборонялись в продолжение трех месяцев. Полчища красных продолжали увеличиваться и окружать заводы.

7 ноября ижевцы и воткинцы отходили к реке Каме, где в районе Воткинска через реку был построен мост под руководством инженер-механика флота Вологдина[96]. Мост представлял собою тип понтонного, где устоями служил рад баржей. Перил не было. Уходили ночью под покровом темноты.

Красные ночью в завод не вошли — не осмелились, а днем, заняв завод, стали расправляться с теми семьями, главы которых воевали и ушли на левый берег Камы. За три дня было уничтожено 9993 человека. На левом берегу ижевцы сформировали бригаду в 12 000 человек в составе двух полков, Егерского батальона, дивизиона артиллерии, конного дивизиона и инженерной роты.

Пехотные полки имели по 4500 человек, 1-й полк имел еще и военный оркестр. Ижевцы составили ударные части. От начала и до конца поражений не знали и беспощадно уничтожали ударные части красных — латышей и отдельные коммунистические отряды.

А. Ефимов[97]

ИЖЕВЦЫ И ВОТКИНЦЫ[98]

В борьбе с большевиками на Восточном фронте большое участие приняли рабочие некоторых приуральских заводов. Дружно восставали они против гнета и издевательств власти, которая называла себя «рабоче-крестьянской». Рабочие формирования отличались крепкой сплоченностью состава и выдающейся стойкостью в боях. Наибольшую известность заслужили ижевские и воткинские рабочие, восстание которых осенью 1918 года нанесло большевикам тяжелый удар и отвлек-

ло у них значительные силы с других участков фронта. В дальнейшем восставшие рабочие влились в общий фонт борьбы.

В историю Гражданской войны ижевцы и воткинцы вписали своими подвигами много ярких и красивых страниц. Они обильно полили своею кровью длинный путь от родных заводов до берегов Тихого океана.

Те, которых судьба пощадила в боях, не покорились власти Советов и ушли в изгнание. В чужих краях они бережно хранят память о днях, проведенных в борьбе за счастье родной страны, и чтут свято память своих погибших братьев.

Этот очерк дает краткую историю восстания и борьбы ижевцев и воткинцев с поработителями русского народа.

Ижевский завод

Основателем завода был мастер Дерябин, построивший в 1752 году небольшой железоделательный завод, из которого с годами вырос огромный оружейный завод. Мастеру Дерябину на берегу Заводского озера стоит памятник.

Завод расположен среди лесов на реке Иж в Сарапульском уезде Вятской губернии, в 40 верстах от реки Камы. В 1774 году завод был разрушен Пугачевым, но после усмирения бунта восстановлен.

В 1807 году на заводе начали выделываться ружья. С 1809 года он перешел в ведение военного ведомства. В некоторые годы выделка ружей сдавалась частным предпринимателям. Игольчатые ружья выделывал капитан Бильдерлинг, а «берданки» начал выделывать капитан Страндершельд.

С 1873 года на заводе начали изготовлять разные сорта стали для ружейных стволов и частей и для выделки инструментов. Завод обратился в двойной — ружейный и сталелитейный — и начал быстро расширяться. В 1884 году он перешел в ведение Главного артиллерийского управления.

Для обеспечения своей работы завод имел земельный надел в 130 тысяч десятин, из которых 120 000 десятин леса. Завод работал на древесном топливе.

Перед 1-й мировой войной завод выделывал для армии 150 000 винтовок в год и стволы для всех остальных ружейных заводов, а всего до полумиллиона стволов ежегодно. Кроме того, вырабатывалась сталь для ружейных частей, для артиллерийских щитов, пружинных накатников, лафетов, инструментальная сталь для артиллерийских заводов и т. д.

С 1904 года завод выделывал в год до 200 000 снарядов мелкого калибра.

Кроме казенных заводов, в Ижевске обосновалось несколько небольших частных заводов, выделывавших охотничьи ружья (Евдокимова, Петрова, Березина и др.).

Перед войной в Ижевске работало до 18 000 рабочих, составлявших вместе с семьями и нерабочим населением завода около 50 000 жителей.

Кроме того, крестьяне соседних деревень были тесно связаны с заводом, находя там подсобный заработок в сбыте своих продуктов и получая работу для завода, особенно по заготовке лесных материалов и дров, подвозя их на завод, и по перевозке готовых изделий на железную дорогу и на пристань Гальяны на реке Каме.

Заводские мастерские были на одной стороне реки Иж, поселения рабочих — на другой. Запруда на реке образовывала большое озеро, и дамба служила для сообщения между заводом и жилым районом. Водяная энергия озера приводила в движение электрические установки завода.

За более чем полуторавековое существование жизнь завода сложилась в устойчивых рамках большого государственного предприятия и текла спокойно и размеренно, как текут многоводные реки на великой русской равнине. Сменилось много поколений рабочих, и часто сыновья и внуки работали в тех же мастерских и на тех же станках и машинах, на которых работали их отцы и деды. Много искусных мастеров вырастил завод. Они вносили свои улучшения и усовершенствования в производство, и их именами гордились завод и рабочие.

Заводское население, обеспеченное постоянной работой, жило хорошо и в достатке. Большинство рабочих семей имело собственные дома и участки земли с садами, огородами и покосами. Кроме заводских школ для специалистов, в Ижевске было много начальных и средних школ для детей рабочих.

Было несколько церквей. Красивый, великолепной архитектуры Михайловский собор, построенный на средства, собранные самими рабочими, украшал жилую часть завода. В большие праздники в соборе и на улицах можно было видеть рабочих в кафтанах старинного покроя. Это были мастера, получившие кафтаны по Царскому указу в награду за отличную работу и разные заслуги. Они очень гордились Царским подарком, а сами со стороны остального населения пользовались большим почетом и уважением.

Молодежь любила сходиться вместе и гулять по улицам с песнями и гармошками. Случались и драки между группой парней с одной

улицы или района с такой же группой соседней. Это было в порядке вещей, но приучало незаметно теснее держаться «своих» и не забывать о взаимной выручке.

Из поколения в поколение складывались характер и качества ижевских рабочих: трудолюбие, независимость взглядов, любовь к крепкому семейному и общественному укладу, привязанность к своему кормильцу-заводу, стойкость душевных качеств, горячее русское сердце, не склонное терпеть несправедливость и обиду, и готовность отдать все, не исключая своей жизни, за родную страну и правое дело.

Война и революция

Мировая война, вспыхнувшая в 1914 году, внесла много перемен в жизнь завода. Часть рабочих была призвана в ряды армии, и многие из них отдали свою жизнь за Родину.

Вместо ушедших на фронт на все возраставшее производство винтовок и стальных изделий стали прибывать рабочие из Москвы, Петрограда и других промышленных центров. Количество новых рабочих росло, и к началу революции число работавших на заводе достигло 27 000, в том числе несколько сот женщин. Считая крестьян, работавших в лесу и на перевозках, на заводе и для завода работало до 40 000 человек.

Среди вновь прибывших было значительное количество сторонников разных сортов крайних учений. Как и везде, они вели предательскую работу по разрушению старой России и подготовляли захват власти, пользуясь временем войны. И добились своего. Вспыхнула революция, развалился фронт.

Ижевцы, призванные в армию, начали возвращаться домой. Они надеялись вернуться к своей привычной работе на заводе, но пришельцы заняли их места. К тому же и работы из-за начавшейся разрухи стало меньше. Образовавшиеся большевистские комитеты, сплошь из пришлого элемента, очень враждебно встретили вернувшихся с фронта, как враждебно относились они и ко всем порядкам на заводе, и к частной жизни рабочих с ее «буржуазным» укладом.

Два раза избирался «совет» рабочих, и рабочие проводили беспартийных и умеренных. Оба раза последовал разгон «советов» и аресты видных представителей населения, неугодных большевикам. Прибывших с фронта рабочих местная красная правящая головка лишила всех заработанных и заслуженных на заводе и на фронте прав и преимуществ. «Записывайся в партию и делай, что тебе прикажут комиссары,

или жди очереди быть обвиненным в контрреволюции, быть арестованным и подвергнуться пыткам и смерти в подвалах чекистов» — таков был смысл «завоеваний революции», приготовленный для вернувшихся домой защитников Родины.

Но вернувшиеся солдаты-рабочие не пожелали вступать в партию большевиков. Они и на фронте, и здесь дома быстро познали преступный, разбойничий нрав новой власти и стали противиться ее преследованиям, произволу и гнету. Создали «Союз фронтовиков» — правление в доме Семенова на Казанской улице. Задача Союза — защита экономических интересов бывших рабочих завода, вернувшихся с фронта. Устав не был утвержден большевистскими главарями, так как не говорил ничего о поддержке советской власти.

Жизнь становилась все тяжелее и тяжелее. Начали исчезать предметы первой необходимости. Запрещалась свободная торговля. Введена карточная система, по которой комиссары и их подручные получали все в избытке, а рабочие — крохи. Пошли обыски, отнимали золото, серебро, деньги, перерывая весь домашний скарб, выворачивая половицы, у некоторых по три раза. Готовилась хлебная монополия. Цель — прикрутить рабочего и заставить исполнять все прихоти советской власти, так как в Вятской губернии никакого голода не могло быть. У вотяков-крестьян огромные скирды хлеба накапливались годами, и его запасы были неисчерпаемы.

5 или 6 августа произошло первое столкновение с большевиками на базаре. Прекращая частную торговлю хлебом, они послали конных милицейских разогнать хлебных торговок. Последние имели для отвешивания хлеба безмены. Торговки накинулись на милицейских, стащили их с лошадей и избили безменами. Толпа на базаре помогла торговкам избивать милицейских.

Встречая сопротивление, совстчики усилили преследования и расправы. Производились аресты купцов, мастеровых и др. Из купцов несколько было расстреляно для устрашения населения. Из рабочих мастеров убит ни в чем не повинный Круговых. Убит любимый рабочими токарь Сосулин. Он смело выступал на собраниях против большевиков, их притеснений и зверств. Возвращаясь с одного из собраний, он был застрелен из-за угла. Многие, предупрежденные об очередной расправе, скрылись из завода, находя убежище в окрестных деревнях или в глухом лесу, в землянках. Их жены тайно возили им продукты и сообщали о положении на заводе и событиях вне его.

А события на заводе и в России шли своим чередом. Багряные тучи кровавой Гражданской войны начали заволакивать небо родной стра-

ны и приближаться к Ижевску. Давно уже доходили сведения о восстаниях и борьбе с большевиками на Юге России, в Оренбургских степях, на Урале, в Сибири... Наконец, борьба против красных стала распространяться по Волге и подошла вплотную, когда большевики 6 августа бежали из Казани.

Восстание

Захват Казани отрядом Каппеля и чехами сильно всполошил большевиков. Их Восточный фронт резался в центре на две части. Главари большевиков в Ижевске получили приказ немедленно мобилизовать рабочих и двинуть их на Казань. Рано утром 7 августа они собрали митинг и, вопя о спасении завоеваний революции, требовали от рабочих подчиниться приказу и выступить на фронт.

Союз фронтовиков был к этому готов и имел заранее разработанный план. Остальные рабочие присоединились к фронтовикам и поддержали их. Тут же большевистским главарям были предъявлены требования из 10 пунктов, из которых важнейшие: 1) призвать всех от 18 до 30 (40) лет; 2) вооружить и обмундировать на заводе и отправить всех вместе; 3) обеспечить семьи; 4) охранять завод и плотину рабочими и т. д.

Комиссары почуяли заговор. Их ответы: 1) не надеются справиться с мобилизацией и призывают 4—5 сроков; 2) вооружить не могут — налицо только 300 винтовок, остальные будут выданы на фронте; 3) о семьях будут заботиться; 4) плотина охраняется надежно и красноармейцами и т. д.

— Коли так — не пойдем! Долой Советы! — послышались крики из толпы рабочих.

Большевики поспешили закрыть митинг, но рабочие не разошлись. Председатель Союза фронтовиков Солдатов[99] предложил перейти к штабу Союза на Казанской улице, и рабочие стройно, с пением ушли туда и продолжали обсуждать требования советчиков.

Так началось открытое выступление против красной власти ижевских рабочих, пока без кровавого столкновения. Но и оно не заставило себя долго ждать. Вечером распространилось известие, что Солдатов и многие члены Союза фронтовиков арестованы.

Рано утром 8 августа загудел гудок. Этот заводской гудок отличался большой мощностью, и его рев можно было слышать за 40 верст от завода. Рабочие бросились по условленному заранее плану в пристрелочную мастерскую, где были винтовки и патроны. Разоружили

растерявшихся часовых из пленных австрийцев, разделили найденный запас патронов — кому по 5—15, другим не досталось ничего.

Красные разгоняют толпы на улицах, запрещают собираться, грозят расстрелом. На Нагорной части, где были казармы красноармейцев, послышались выстрелы. Напряжение нарастало. Но вот на плотине появились вооруженные рабочие. Пришедший с фронта лихой унтер-офицер Осколков[100] бросился вперед и дал первый выстрел по заставе красных, загородивших дорогу. Бой начался. Другой отряд рабочих по Долгому мосту двинулся в обход. Поднялся весь завод.

Кое у кого были припрятаны винтовки. Но оружия было мало, и вооружиться могли немногие. У красных было более 700 вооруженных: рота красноармейцев, две батареи, 100 пеших и 20 конных милиционеров и несколько «продовольственных» отрядов для выколачивания хлеба.

Бой разбился на отдельные очаги. Дрались с ожесточением обе стороны. Около полуночи весь завод был очищен от красных, понесших большие потери и разбежавшихся по разным направлениям.

Первые бои под Ижевском

Ночью враг бежал, а рано утром 9 августа началась дружная работа по организации обороны. Всем было ясно, что «рабоче-крестьянская» власть постарается как можно скорее задушить этот взрыв рабочего гнева.

Борьба предстояла упорная и ожесточенная, не на жизнь, а на смерть. Время было дорого, надо было немедленно выработать руководство военными действиями и организовать вооруженные силы. Собравшиеся фронтовики выбрали штаб обороны в составе трех лиц — капитанов Цыганова и Солдатова и поручика Зебзиева.

Командование вооруженными силами предложили полковнику Федичкину, единственному строевому кадровому офицеру, оказавшемуся на заводе. Стрелок 13-го Туркестанского полка, он получил большой боевой опыт на Кавказском фронте и был награжден многими боевыми наградами, в том числе орденом Святого Георгия 4-й степени. Свою боевую службу он начал молодым офицером еще в Японскую войну.

Заведующий школой оружейных мастеров полковник Сорочинский организовал интендантство. Жандармский полковник в отставке Власов был призван в штаб. Другие офицеры мирного времени, составлявшие мирно настроенный старший артиллерийский техничес-

кий персонал, уклонились от помощи восставшим. Непосредственное ведение боевых действий пало на унтер-офицеров и офицеров военного времени, которых не успели добить война и «великая бескровная». Большинство из них до войны были рабочими и техниками на заводе.

Наиболее опытные из них назначались командующими «фронтами» и командирами рот. «Фронтами» назывались направления, с которых угрожал враг, — Казанский, Северный, Кальянский (пристань на реке Каме), Агрызский (станция ж.д. к югу от Ижевска) и т. д. Отряд, действовавший на данном направлении, — «фронт», — состоял из нескольких рот. В спокойное время роты по очереди несли охранение, по тревоге собирались все.

В первых боях участвовали только отряд (рота) артиллерийских техников и отряд фронтовиков. По мере усиления нажима красных организовывалось все большее количество рот, число которых дошло до 50, в среднем силою в 100 штыков, иногда (на Северном фронте) до 250 штыков.

Роты имели номера, а некоторые из них и названия, указывающие на состав роты. Были роты: «Техническая» — из техников завода, отлично действовавшая под командой своего энергичного командира, шт.-капитана Куракина; были роты «крестьянские», состав которых был преимущественно или полностью из крестьян; позднее была сформирована рота «Учредительного собрания»; 30-я рота называлась «Лесной», сформированная, по-видимому, из лесников, и командовал этой ротой лесничий, поручик Лесин, выдающийся своей смелостью и умением производить глубокие разведки в районы красных, дававшие полные данные о силах и расположении противника.

Ижевский завод зажил жизнью «военного лагеря». Рабочие сражались на фронтах, несли охранение, работали у станков. Выделка винтовок, упавшая при большевиках до 600 штук в сутки, поднялась до 2500. Все население приняло участие в обороне завода — женщины кормили бойцов на фронте, рыли окопы, работали на заводе; подростки также рыли окопы, набивали пулеметные ленты, делали много другой работы по своим силам...

Бои начались на другой же день после восстания. Утром 9 августа с линии Казанской ж. д. предупредили, что для подавления восстания на завод направляется в поезде отряд красных. Полковник Федичкин немедленно собрал отряд в 300 фронтовиков и выступил навстречу. В 5 верстах был встречен поезд красных. Быстро развернувшись, ижевцы охватили поезд с обеих сторон. Красные, пытавшиеся выскочить из вагонов, падали тут же под пулями фронтовиков. Полковник Фе-

дичкин предложил им сдаться, что они и поспешили сделать в количестве 300 человек.

14 августа большевики повели наступление с двух сторон: опять со стороны Казани и от пристани Гальяны. Со стороны Казани красные послали отряд в двух поездах, силою в две с половиной тысячи. Их встречает тот же небольшой отряд фронтовиков в 300 человек. В 6 верстах от завода ижевцы разобрали путь, а сами укрыто расположились по сторонам в кустах.

Передний поезд остановился перед разобранным местом. Вследствие большой численности красных ижевцы не обнаруживали себя и расстреливали их из кустов. Красные вывесили белые флаги и сдались. Ижевцы прекратили огонь, и в этот момент 40 красных бросились бежать в лес. Все они были переловлены и оказались членами ижевской большевистской головки, терроризировавшей население завода и скрывшейся после восстания. Их связали и после исправления пути, в их же поездах, отдельно от остальных пленных, отправили в Ижевск для получения должной «награды».

По шоссе со стороны пристани Гальяны в этот день наступал небольшой отряд красных в 200 пеших и 50 конных с четырех пулеметами. Штаб обороны выслал против них роту артиллерийских техников под командой шт.-капитана Куракина. Красные бежали.

Бои у Ижевска 17—19 августа

Первые бои восставших рабочих были удачны для них, но указывали, что красная власть не остановится ни перед какими мерами, чтобы задавить восставших. Действительно, 17 августа враг снова повел наступление со стороны Казани и от города Сарапуля через пристань Гальяны.

Ожидая нового наступления со стороны Казани, ижевцы в 12 верстах от завода выбрали на холмистой и покрытой кустами местности хорошую позицию, вырыли и умело замаскировали окопы, прорыли ходы сообщения, устроили наблюдательные пункты, измерили точные расстояния.

На позиции был поставлен постоянный гарнизон в 800 бойцов под командой поручика Зебзиева. В 6 верстах перед позицией железнодорожный путь был разрушен, чтобы не дать возможности бронепоездам противника подходить близко к позиции.

Утром 17 августа красный отряд в 2000 пехотинцев, 200 конных, с 8 орудиями и несколькими десятками пулеметов доехал до разру-

шенного участка и начал разгружаться. В сторону Ижевска был послан конный разъезд. Двигаясь по грунтовой дороге, шедшей рядом с железнодорожным полотном, разведчики проехали мимо ижевцев, не обнаружив их. Двигаясь дальше, они доехали до пригорка, с которого был виден завод. Нигде на дороге не было никакого движения. Разъезд вернулся и доложил об отсутствии «противника».

Красные в походной колонне, без надлежащего охранения, двинулись на Ижевск. Ижевцы подпустили их вплотную к позиции и здесь покрыли колонну пулеметным огнем из своего единственного пулемета и перекрестным огнем винтовок с обеих сторон дороги. Неожиданное появление врага вызвало общую панику. Необстрелянные крестьянские лошади, бывшие в большом количестве в обозе красных, кинулись назад или в сторону, в лес, и расстроили ряды колонны. Началось беспорядочное отступление. Ижевцы преследовали врага 6 верст, захватив разное брошенное снаряжение и имущество и много пленных.

* * *

Со стороны Гальяны в этот день началось наступление больших сил красных. На этот раз они собрали из своей 2-й армии все боеспособное и послали в Ижевск около 6000 бойцов с 8 3-дюймовыми пушками, 2 полевыми гаубицами и 32 пулеметами. В отряде было значительное количество коммунистов и преданных красным латышей и мадьяр. Отрядом командовал опытный и осторожный большевик Антонов.

Несколько десятков артиллерийских техников под командой капитана Куракина загородили им дорогу. Антонов начал их окружать, но они скрылись в лесу. Наступила ночь. Антонов побоялся вступить в лесную просеку, по которой шло шоссе к Ижевску, и остановился на ночлег в селе Завьялове.

Ночью Куракин отправился на завод, взял несколько пудов пороха и вернулся в лес. В 6—7 верстах от Ижевска был подготовлен взрыв моста и оставлены два подрывника из отряда Куракина. Один из них, Владимир Аксенов, кончил Воткинское среднетехническое училище, фамилия второго не сохранилась.

После полудня 18 августа колонна Антонова подошла к Ижевску на 6 верст и начала переходить мост. Раздался взрыв, и 200 красных полетели на воздух. Поднялась паника, с трудом прекращенная. Но герои подрывники были обнаружены и тут же расстреляны разрывными пулями.

Восстановив порядок, красные выкатили пушки и начали обстреливать Ижевск. Загудел гудок. Гудел не переставая. Отовсюду стекались

В.М. Молчанов

Д.М. Михайлов

А.Г. Ефимов

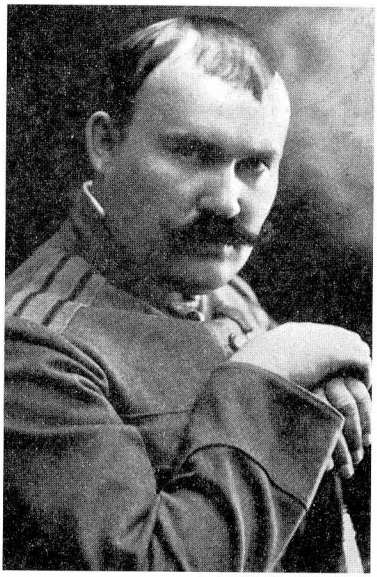
Д.И. Федичкин

Генерал-лейтенант В.О. Каппель

Генерал-майор
С.Н. Войцеховский

Генерал-лейтенант
А.Н. Пепеляев

Генерал-лейтенант
Г.А. Вержбицкий



Генерал-лейтенант Г.М. Семенов

Генерал-лейтенант И.С. Смолин

Генерал-лейтенант П.П. Иванов-Ринов

Генерал-лейтенант А.И. Дутов

Полковник В.Н. Дробинин

Полковник Б.П. Перхуров

Контр-адмирал Г.К. Старк

Р. Гайда

Военный врач Э.Ф. Мейбом

Я. Сыровы

Полковник Швец

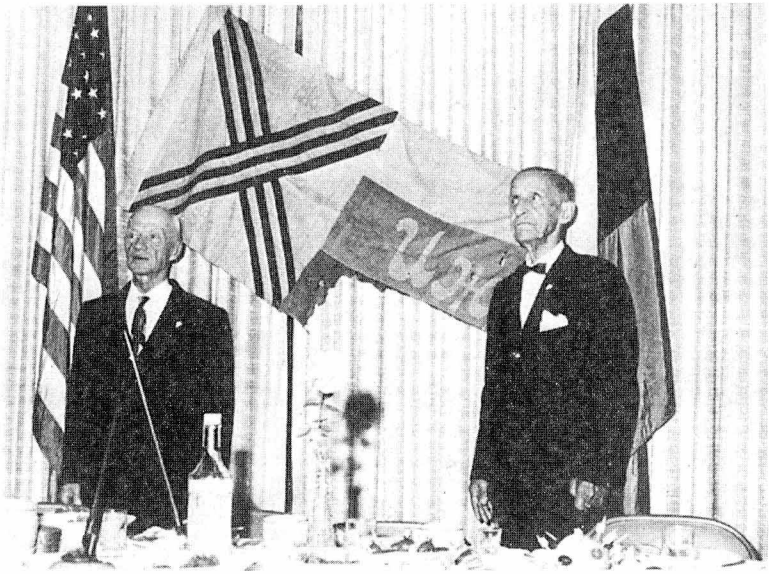
С. Чечек в Самаре

Ижевский завод, Заречная часть

Ижевский завод, Нагорная часть

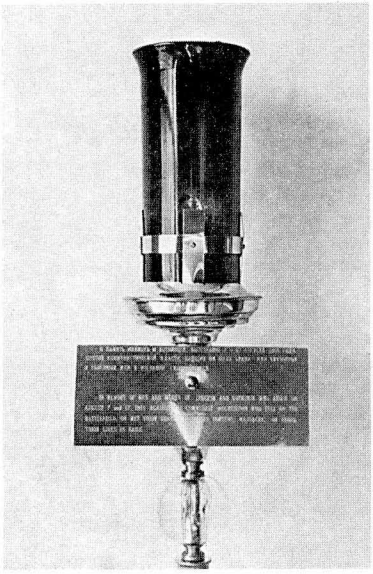
25-летие Ижевско-Воткинского восстания в Шанхае (1943 г.); впереди — полковник Солдатов и капитанТопоров

40-летие Ижевско-Воткинского восстания в Сан-Франциско (1958 г.)



50-летие Ижевско-Воткинского восстания в Сан-Франциско (1968 г.): В.М. Молчанов и А.Г. Ефимов со знаменем Ижевской дивизии

Знак в честь Ижевско-Воткинского восстания



Неугасимая свеча в честь Ижевско-Воткинского восстания

рабочие, формировались фронтовиками в роты и шли в сторону противника. У шоссе при входе в лес полковник Федичкин встречал подходивших и направлял в лес по обе стороны шоссейной просеки. Он решил окружить красных со всех сторон и уничтожить весь отряд.

Под командой капитана Цыганова ижевцы распространились по лесу, обходя левый фланг противника; шт.-капитан Перевалов обходил правый фланг и имел задачу зайти также в тыл красному отряду; шт.-капитан Терентьев действовал с фронта. Подходившие позднее роты направлялись на усиление ушедших раньше. Старый лес скрывал все движения ижевцев. Когда со всех сторон показался невидимый до того противник, красные развили бешеный огонь. Ижевцы залегли в лесу или залезли на деревья, отвечая редко, но метко.

Ночь застала обе стороны на занятых позициях, и огневой бой постепенно затих. Близился рассвет. Вытянувшиеся вдоль шоссе цепи красных беспомощно лежали перед двумя стенами темного леса. Рявкнул могучий гудок. Раздалось громкое «Ура!», и жестокая штыковая атака закончила существование красного отряда. Ижевцы захватили в полной исправности все орудия и пулеметы и большой обоз красных. Антонову удалось бежать с небольшой группой своих подчиненных.

Население Ижевска третий день тревожно ожидало развязки. Быстро разносится радостная весть — полная, блестящая победа. Ижевск встречает возвращение своих героев колокольным звоном и крестным ходом. На глазах у всех слезы, на устах молитвы и приветствия победителям. Соборный хор поет благодарение Всевышнему.

Восстание на Воткинском заводе

В тот день 17 августа, когда красные повели с двух сторон наступление на ижевцев, собираясь сокрушить их сопротивление, их ожидал новый удар — восстание воткинцев.

Положение в Воткинске под игом большевистской власти создалось такое же, как и в Ижевске. Те же преследования со стороны комиссаров — обыски, аресты, пытки в Чека и, как в Ижевске, особенное внимание к вернувшимся с войны защитникам Родины, организовавшим Союз фронтовиков. Но у воткинцев было очень мало оружия. Договорившись с ижевцами, воткинцы приготовились к выступлению.

Союз фронтовиков, около 180 человек, под командой унтер-офицера Корякова, тайно выбравшись с завода, направился в Ижевск за оружием. Получив оружие, отряд воткинских фронтовиков и 15-я

рота ижевцев подошли утром 17 августа к заводу и быстрым ударом опрокинули отряды красных матросов и красногвардейцев. Председателю Совета удалось бежать, но его охрана была захвачена почти целиком. Озлобленное против советской власти население не дало им возможности ускользнуть.

Бой закончился, и радостный колокольный звон раздался со всех церквей. Жители Воткинска, как на Пасху, радостно обнимали и приветствовали друг друга. На похороны павших в бою освободителей собралось почти все население завода. У открытых могил люди плакали и давали клятву защищать вновь завоеванную свободу и Родину до последнего издыхания. Так вспоминает об этом дне один из воткинцев, который участвовал в восстании ижевцев, потом вернулся в свой родной завод и был назначен затем командиром 4-го Воткинского полка.

После окончания боя лишь немногим красным удалось спастись бегством, главным образом в сторону ст. Чепца Пермской железной дороги. Большое число разбежавшихся большевиков было выловлено. Один из фронтовиков — М.И. Агафонов — захватил удиравшего конного милиционера, спешил его и, не теряя времени, стал собирать бывших кавалеристов, положив основание к сформированию воткинских конных частей. Этот доблестный и энергичный воин погиб в одном из боев при защите завода.

Как и в Ижевске, воткинцы энергично принялись за организацию вооруженных сил. Во главе командования был поставлен летчик капитан Нилов. Начальником штаба был выбран капитан Юрьев[101]. Эти два офицера были единственными кадровыми офицерами старой армии, бывшими в Воткинске. Капитан Нилов оказался неудачным командиром, и его действия вызвали неудовольствие. Он проявил мало энергии в организации борьбы с большевиками и больше занимался политикой в духе углубления революции по рецептам Керенского, а не спасением Родины.

На общем собрании старшего командного состава и представителей общественных организаций на должность командующего Воткинской армией был выбран кап. Юрьев. Капитан Юрьев был энергичным организатором и, обладая талантом хорошего оратора, умел привлекать всех к дружной работе, подбадривать в неудачах и, во время тяжелых боев, вселять в ряды воткинцев уверенность в успехе. У воткинцев он пользовался большим доверием и любовью.

Присоединение Воткинского завода с его большим населением, примерно равным населению Ижевска, удвоило ряды восставших. Началась энергичная борьба двух огромных русских заводов и присоединившихся к ним крестьян с кровавой большевистской властью, борьба, полная

подвигов, самопожертвования и любви к Родине. Если бы родившийся в Воткинске великий русский композитор П.И. Чайковский мог быть свидетелем этой борьбы, то к его чарующим музыкальным произведениям прибавилась бы еще одна увертюра.

В этом произведении, к знакомым мотивам «Увертюры 12-го года» — к перезвонам церковных колоколов — прибавился бы шум фабричных станков, прерываемый ревом заводских гудков и перекатами пулеметных очередей, а среди звуков чуждой «Марсельезы», ставшей гимном русских революционеров, можно было бы услышать мотивы мадьярских военных песен, распеваемых на подступах к осажденным заводам ожесточенными наймитами красного интернационала.

Присоединение к восставшим крестьян

Восстание на Ижевском и Воткинском заводах распространилось среди крестьян в уездах Сарапульском, Малмыжском, Уржумском, отчасти также в Нолинском, Глазовском и Оханском. В Елабужском уезде вспыхнуло и разрослось независимо действовавшее восстание под руководством подполковника Молчанова. Вся южная часть Вятской губернии поднялась против красного гнета.

Ближайшие к заводам деревни и села сразу же поддержали восставших рабочих, так как были тесно связаны с ними общими интересами: работой, сбытом своих продуктов, родственными узами... Но кроме этого, у крестьян были свои счеты с большевистской властью. Богатая хлебом и разными сельскохозяйственными продуктами Вятская губерния привлекла внимание красных властителей страны. Сюда были посланы многочисленные «продовольственные» отряды для отбирания от крестьян хлеба, скота и других продуктов для питания больших голодающих городов и растущей Красной армии.

Эти отряды, составленные из подонков городских жителей, выпущенных из тюрем преступников, «красы и гордости революции» — матросов и другого сброда, отнимая от крестьян продукты пропитания, заодно грабили у них деньги и все ценное. Их «продовольственная» деятельность сопровождалась насилием, избиениями и нередко убийствами. После разгрома советской власти в Ижевском и Воткинском заводах, разбегаясь в разные стороны, эти отряды совершенно потеряли признаки организованных единиц и обратились в шайки мародеров.

Крестьяне и более дальних районов от восставших заводов искали способов отделаться от грабителей и пославшей их советской власти. В

лесах и оврагах они устраивали сходы и слали в Ижевск своих представителей с просьбой дать им оружие. Взамен они обязались снабжать заводы съестными припасами. Полковник Федичкин и штаб обороны начали вооружать крестьян винтовками, руководить организацией у них отрядов и давали им боевые задачи.

Восстание разрослось на большую площадь. Площадь восстания достигла 12—13 тысяч кв. верст с 700—800 тысяч населения. Но на картах красных же исторических изданий район восстания занимает по крайней мере площадь в 35 000 кв. верст, простираясь на параллели города Оса от реки Камы до реки Вятки более чем на 250 верст и с севера на юг примерно на 150 верст.

Руководство боевыми действиями в таком районе, покрытом труднопроходимыми лесами и болотами, было, конечно, затруднительно, но оно очень облегчалось сильно развитой телеграфной и телефонной сетью, построенной в Вятской губернии еще до Великой войны. Вятское земство было в России одним из наиболее деятельных — строительство дорог и телефонной связи было поставлено очень широко, как отлично было развито и школьное дело.

По сведениям некоторых ижевцев, на вооружение крестьянских отрядов было выдано не менее 60 000 винтовок; другие считают много больше. Крестьянские формирования значительно увеличили силы восставших рабочих, но усложнили питание боевыми припасами. Если старые запасы материалов на Ижевском заводе могли поддержать выделку большого количества винтовок, то с патронами дело обстояло плохо. В Ижевском заводе их запас был незначителен. Патроны, орудия и пулеметы добывались, главным образом, в боях у красных, иногда значительными партиями.

В этом отношении интересно показание одного участника. Он сообщает, что 3-я Красная армия, защищавшая Пермь и не имевшая возможности, вскоре после восстания, выделить достаточные силы для обеспечения железной дороги от Перми на Вятку, дала только кадры для нескольких полков. Для пополнения этих полков была произведена мобилизация в северных уездах Вятской губернии и в Пермской губернии.

Эти полки хорошо работали на пользу восставших: после встречи с противником они поспешно отступали или разбегались, оставляя свое оружие и боевые припасы. Их снова собирали и вооружали, а они снова повторяли прежнее, и так несколько раз, пока более надежные части не стали прибывать из центра страны на замену не желавшего воевать за советскую власть местного населения.

Разгром 2-й Красной армии

В бою под Ижевском 17—19 августа ижевцы уничтожили наиболее боеспособные части 2-й Красной армии. Надо было закончить полный разгром этой армии, уничтожив остатки их отрядов и тыловых учреждений, группировавшихся около города Сарапула. Здесь же был и штаб 2-й армии.

Полковник Федичкин послал шт.-капитана Куракина для очистки от красных дороги до пристани Гальяны. После захвата пристани этот же отряд направился на город Сарапул и очистил его от противника в конце августа.

Ижевцы переправились также на левый берег Камы и заняли там деревню Ершовку, Камбарский завод и некоторые другие пункты, где поставили небольшие гарнизоны. Связь между 2-й и 3-й армиями была прервана. Разгром боевых частей 2-й Красной армии обратился в полный развал всей армии.

Красный историк описывает, как «оставшиеся в Сарапуле силы, к которым присоединились отступавшие от Елабуги, а также прорвавшиеся к Сарапулу отряды, не могли устоять против натиска чехословаков (чехословаков здесь совершенно не было. — *А. Е.*) и вырвались из рук управления; часть этих отрядов бросилась к рекам Каме и Вятке, захватила пароходы и, грузя на них награбленное по дороге, стремительно поплыла вверх по р. Вятке, паникуя к распространяя по пути самые фантастические и нелепые слухи; те, кто не успел сесть на пароходы, продолжали в беспорядке отходить по берегам рек и по линии Екатеринбургской жел. дороги на Вятские Поляны»... В центре забили тревогу и срочно командировали новых красных командиров и комиссаров. Они направились в город Вятку, где торопились «...для противодействия дальнейшему распространению белогвардейских банд безотлагательно принять меры по укреплению г. Котельнич и обеспечению там железнодорожного моста от захвата и взрыва, а также построить окопы у сел Медведского и Петровского по р. Вятке»...

От Ижевска до города Котельнича по прямому расстоянию 300 верст, а до указанных сел 200 верст. «Безотлагательные меры» красных указывали, какую угрозу чувствовали они от дальнейшего распространения восстания. Вновь назначенные командиры и комиссары отправились из города Вятки на пароходе разыскивать рассыпавшуюся армию: «Чем дальше пароход спускался вниз, тем чаще стали попадаться тянущиеся в кильватерных колоннах пассажирские пароходы, буксиры с баржами и даже остатки боевой речной флотилии.

Все это отступало; находившиеся на этих пароходах красноармейцы и матросы представляли совершенно разложившийся элемент, держали себя вызывающе, никаких приказов исполнять не желали; на пути грабили селения, пьянствовали. Остановить этих панически настроенных людей никто не был в силах, хотя попытки к этому делались... От одного из встреченных пароходов удалось узнать, что полевой штаб находится в Малмыже...»

В полевом штабе вновь приехавшие начальники нашли старый командный и политический состав в таком виде: «Все эти лица производили удручающее впечатление; вследствие целого ряда неудач и отступлений они были измучены, лишились всякой энергии и желания работать; настроение у всех было подавленное. От временно командующего каких-либо ценных и подробных сведений о действиях его отрядов и о противнике получить не удалось. Связь была лишь с ближайшими к штабу отрядами, так как для связи с более удаленными средств не имелось. Все виденное приводило к заключению, что, в сущности, армии никакой не существует и что нужно заново строить 2-ю армию...»

Таковы свидетельства самих красных — разгром их сил под Ижевском и в последующих боях вывел всю их 2-ю армию из строя.

Небольшие группы красных, не успевшие бежать вовремя, бродили в лесах к югу от железной дороги Казань—Сарапул. По красным сведениям, к югу от ст. Агрыз прятался отряд в 2000 человек под командой Чевырева. Присутствие этих групп красных в сравнительно недалеком расстоянии от восставших заводов препятствовало установлению надежной связи с другими антибольшевистскими силами.

Подготовка к решительному столкновению

Сентябрь месяц прошел в расширении района восстания; происходили стычки передовых частей, и обе стороны готовились к решительным боям. Ижевцы и воткинцы, освобождая от разбежавшихся шаек красных и от «продовольственных» отрядов ближайшие районы, продвигались на всех направлениях.

На западе ижевцы и присоединившиеся к ним крестьяне подходили к реке Вятке на участке городов Малмыж и Уржум. На севере под угрозой восставших находилась железная дорога Вятка—Пермь, где ижевцы подходили близко к городу Глазову, а воткинцы угрожали захватить ст. Чепцы. На востоке воткинцы были недалеко от города Оханска, одно время занимая большое село Сосновское, а на левом берегу

Камы вели бои около города Оса. Оба города — Пермской губернии. К востоку от своего завода воткинцы за Камой занимали некоторые пункты, где происходили столкновения с левым флангом главного фронта 3-й Красной армии (5-я Уральская дивизия Красной армии).

К югу от заводов, как было сказано раньше, был взят город Сарапул, и далее к западу на железнодорожной линии Казань—Екатеринбург ижевцы вытеснили красных со ст. Агрыз, от которой шла ветка на Ижевск и Воткинск. Делались также попытки войти в связь с другими антибольшевистскими армиями для согласования действий и получения недостающего снабжения; с другой стороны — для отправки избытка винтовок туда, где они были нужны.

Запасы огнеприпасов были очень незначительны. Имевшиеся на заводе в Ижевске и захваченные в боях у красных снаряды и патроны таяли, а организовать их выделку в достаточном количестве не было возможности из-за отсутствия пороха, капсулей и других материалов. Некоторое количество ружейных патронов было сделано из старых, собранных в окопах гильз с пулями из красной проволочной меди.

Когда Казань была еще в белых руках, три ижевца добрались туда через красное расположение и просили о помощи присылкой боевого снабжения. Но казанцы переживали тяжелые дни и помочь не могли.

Позднее все тот же энергичный шт.-капитан Куракин с небольшим отрядом добрался до Самары, получил там 10 000 трехдюймовых снарядов, 60 пудов взрывчатых веществ, деньги и разное другое снабжение. Все это он мог довезти только до города Бирска. Пробираясь через расположение красных, он вернулся в Ижевск, доставив лишь деньги и телефоны.

Только Волжская флотилия адмирала Старка и капитана 2-го ранга Федосьева, дошедшая после падения Казани до Сарапуля, дала ижевцам одну 37-миллиметровую пушку с 50 снарядами, 40 000 ружейных патронов, 30 фунтов толу, 100 капсюлей для ручных гранат и 50 седел. Какая это была ничтожная помощь, можно судить по тому, что ижевцы на вооружение восставших крестьян выдали не менее 60 000 винтовок, а по некоторым сведениям — много больше. Количества патронов, полученных от флотилии, не хватило и по одному на винтовку.

В красном лагере шли усиленные приготовления для подавления восстания ижевцев и воткинцев. Разгром, бегство и полный развал 2-й Красной армии и явные сочувствие и помощь крестьян восставшим рабочим делали восстание чрезвычайно опасным для красной власти. Ненадежность мобилизованных из местного населения заставляла по-

сылать войска из центра страны. Упорство в боевых столкновениях требовало посылки особо стойких частей, составленных из коммунистов, из отрядов «чрезвычаек», из латышей и китайцев... Отряды наемных инозе мцев по своей жестокости не отличались от доморощенных коммунистов, и борьба принимала свирепый, кровавый характер с большими потерями с обеих сторон.

Ижевцы, бывшие на «Северном» фронте, вспоминали, как им пришлось иметь дело с каким-то интернациональным полком, в котором все бойцы были одеты в красные рубахи. Сильно опьяневшие, они с пением «Интернационала», переходившего при сближении в дикий рев, бросались на своего противника, несли большие потери, но повторяли атаки по нескольку раз.

На восстановленную 2-ю Красную армию возлагалась задача подавить восстание. 3-я армия помогала ей на севере, выделив для защиты железной дороги Вятка—Пермь сильные отряды, а для защиты города Перми с юга назначалась 5-я Уральская дивизия, расположенная в районе города Оса. 2-я армия с приездом новых командиров начала залечивать свои раны. Из разбитых, деморализованных и распущенных отрядов и групп новый командный и политический состав начал формировать батальоны, полки и дивизии.

Состав формирований стоит того, чтобы на нем остановиться. Пользуясь тем же источником (Гражданская война, т. 1), находим: «50-я, 51-я и 52-я маршевые роты Московского продовольственного отряда сводятся в батальон; отряды Елабужской и Мензелинской групп составляют 2-й батальон; отряды тт. Анисимова и Никулина составляют 3-й батальон. Все три батальона сводятся в 1-й сводный полк». Из таких же маршевых рот и случайных отрядов формируется 2-й сводный полк. Третьим полком в образованную таким образом 1-ю сводную дивизию входит 1-й Смоленский полк. Полки снабжаются артиллерией. Например, во второй сводный полк придается 2 орудия Московского продовольственного отряда и 3 орудия морской батареи. Состав Московского продовольственного отряда из 50 с лишком рот с артиллерией, нагрянувших на крестьян Вятской губернии для «сбора» хлеба, разъясняет многое в ходе описываемых здесь событий. Хлеб собирали пушки. Кроме 1-й сводной дивизии, во 2-ю армию была придана временно Вятская дивизия.

После падения Казани 9 сентября у красных освободились новые силы, и на усиление 2-й армии прибыл отряд Азина. Этот отряд был усилен другими частями и переформирован во 2-ю сводную дивизию, состоявшую из трех пехотных полков, одного кавалерийского и артиллерийской бригады. В конце сентября на помощь 2-й

армии подошла красная Волжская флотилия Раскольникова. На железной дороге у них появились бронепоезда.

В середине октября присылаются в эту армию роты чрезвычайных комиссий: Московской, Тамбовской, Смолено-Рязанской, Саратовской и Нижегородской. Из этих чекистов формируется 6-й сводный полк. Наконец, прибывают на усиление уже готовые сформированные полки: Карельский, Пензенский и Мусульманский.

Переформировывая и организуя 2-ю армию, усиливая ее надежными частями, красная власть снабжает ее большими боевыми запасами. Постепенно перевес сил и преимущества в материальном снабжении переходят на сторону красных.

Характер борьбы

За отсутствием документов и достаточно полных показаний участников, восстановить ход борьбы восставших рабочих и крестьян со все более увеличивающимися силами красных возможно лишь в самых общих чертах.

Личные впечатления и рассказы участников этих событий дают много ценных данных о все нараставшем упорстве и ожесточенности боев, начавшихся в конце сентября и в октябре превратившихся в почти ежедневные столкновения на всех направлениях. Но время, место и другие важные сведения обычно не указываются — они забыты.

Записи, которые велись некоторыми, погибли в последующих походах. Та же участь постигла приказы и другие документы частей. Предлагаемые здесь описания двух боев, как достаточно полные, могут дать представление о характере боевых действий.

* * *

В последних числах сентября были получены сведения, что в направлении к городу Сарапулу двигается со стороны города Уфы большой красный отряд. Воткинцы должны были выделить часть своих сил для защиты города Сарапула.

Не ожидавшимся с этого направления противником оказался отряд Блюхера, около 6 тысяч бойцов, который был отброшен атаманом Дутовым из пределов Оренбургской области на север, проскочил район Уфы восточнее этого города и теперь искал удобного пункта, чтобы прорваться в район красного расположения.

Блюхеру благополучно удавалось проходить по тылам белого фронта, так как здесь не было никаких значительных резервов. Все силы были или на фронте, или формировались в глубоком тылу. Мелкие отряды противника Блюхера не пугали. На ночлегах Блюхер применял удачный прием, располагая свои силы треугольником, в углах которого размещались боевые части, а внутри обозы. При нападении на один из пунктов расположения отряда гарнизон этого пункта отражал нападение, а другие высылали на помощь части, чтобы охватить противника с флангов и тыла. Небольшие отряды белых, встречавшие Блюхера, должны были отступать, чтобы не попасть в окружение и не быть уничтоженными. Применяя эту тактику и не встречая крупных сил белых, Блюхер успешно продвигался на север.

Получив сведения о движении отряда Блюхера к Сарапулу и не имея под рукой резервов, командовавший воткинцами капитан Юрьев вызвал командира только что сформированного батальона поручика Болонкина[102], доблестного и энергичного боевого офицера, и направил его с батальоном в распоряжение Сарапульской народной армии корнета князя Ухтомского[103].

Сарапульская армия начала организовываться после захвата города ижевцами 31 августа, но состояла только из штаба и не имела боевых частей. В течение 24 часов батальон поручика Болонкина был переброшен в город Сарапул. Здесь командир батальона получил приказ двинуться в Михайловский завод, расположенный за рекой Камой, и препятствовать движению противника к городу Сарапулу.

Переправившись через реку Каму, батальон прибыл в указанный завод, где находился партизанский отряд прапорщика Преснова (впоследствии 15-й Михайловский полк 4-й Уфимской дивизии). Выяснив, что Блюхер расположился в 50—60 верстах к северо-востоку от Михайловского завода, поручик Болонкин выступил в сторону противника и ночью атаковал красных в деревне Запуново. В деревне находились мадьяры и красные казаки Каширина, закаленные в походах и боях против атамана Дутова в течение нескольких месяцев.

Бой отличался большим упорством, хотя и не был продолжительным. Воткинцы яростно атаковали красных и, после горячей схватки внутри деревни, заставили их поспешно отступить, бросив 200 повозок с боевым имуществом. Блюхер не решился ввязываться в дальнейший бой с дерзким противником, не стал прибегать к своему излюбленному приему — окружению с флангов — и, наверное, не предполагал, что против его 6-тысячного отряда находится всего один батальон воткинцев, во много раз слабейший и только что сформированный. Весь отряд Блюхера начал немедленное отступле-

ние на север, где вскоре вышел на линию красного фронта восточнее города Оса.

Воткинцы нанесли большие потери «блюхеровцам», но и сами сильно пострадали — одних убитых было 83. Преследования красных, состоявших из конницы и пехоты на подводах и быстро уходивших, не было. У воткинцев было всего лишь несколько конных ординарцев. После прихода в район, занятый красными, отряд Блюхера был переформирован в 30-ю дивизию.

Воткинцам пришлось несколько раз встретиться со старым знакомым в Уральских горах и за Уралом. Блюхеру не удалось в этот период своей деятельности похвалиться большими успехами и выдвинуться на первые места советских полководцев. Прославился он позднее.

* * *

В первой половине октября, под напором красных, ижевцы начали сокращать свои растянутые фронты и отходить на позиции ближе к заводу. На Глазовском направлении они отошли к югу и держались верстах в 30 от завода, отражая натиски красных и переходя в контрнаступления. Деревня Якшур-Бадья и находившаяся недалеко южнее небольшая Заимка в несколько дворов были заняты крупными силами красных. Заимка стояла в густом лесу, недалеко от дороги Ижевский завод — деревня Якшур-Бадья.

Правая группа Северного фронта получила задачу разбить и отбросить противника из Заимки. Командующий группой подпоручик Вершинин с отрядом в 3000 бойцов выступил для выполнения задачи. В обход обоих флангов он послал по одной роте, а с главными силами двинулся по дороге, рассчитывая движение так, чтобы обходные роты имели время пробраться по старому, труднопроходимому лесу и ударить с флангов.

Обход с правого фланга был поручен прибывшей из Ижевска роте, состоявшей из 250 рабочих под командой прапорщика Х. Пулеметов в роте не было. Орудий не было во всей группе подпоручика Вершинина, так как снаряды в октябре подошли к концу и имевшиеся пушки были отосланы на завод. Командир роты не внушал доверия: бледный, видимо болезненный, он имел, по словам участника боя, «вид обреченного человека». Поэтому подпоручик Вершинин назначил к нему, под видом командира батальона, другого офицера. Но и этого случайного офицера он тоже не знал, а задача требовала руководства опытного боевого начальника.

Подпоручик Вершинин посылает с ротой также и своего помощника — поручик Михайлова. Последнего он знал очень хорошо, так

как Михайлов был организатором и руководителем тайной антибольшевистской группы офицеров в городе Глазове. Вершинин состоял в группе у Михайлова. Вместе с другими офицерами этой организации они оба были захвачены, попали в тюрьму и оттуда совершили весьма рискованный и дерзкий побег.

Подпоручик Вершинин, совсем молодой офицер, раньше прибыл в район восстания и получил в командование правую группу Северного фронта. Поручик Михайлов, пробравшись к ижевцам позднее, попал помощником к своему соучастнику по тайной организации и бегству от большевиков. Отправляя поручика Михайлова в обходную роту, Вершинин был уверен, что успех обеспечен.

Рота углубилась в лес и взяла направление с расчетом выйти к Заимке справа. Движение было тяжелое — заросли кустов и особенно стволы огромных упавших деревьев, часто в аршин диаметром, загораживали дорогу. По истекшему времени выходило, что Заимка должна быть вблизи. Не видя ее, начали сомневаться, не взяли ли слишком вправо и не прошли ли мимо.

Неожиданно раздались выстрелы красной заставы. Поручик Михайлов крикнул «Ура!», и все бросились за ним. Застава противника бежала. Перепрыгивая через упавшие деревья, ижевцы преследовали их, продолжая кричать «Ура!». Три раза красные останавливались и пробовали задержать ижевцев стрельбой, прячась за стволы деревьев. Но ижевцы бежали вперед и гнали красных дальше. Таким путем красная застава помогла обходной роте найти Заимку.

Показались строения. Перед ними расчищенное пространство, всего шагов в 70. Рота сильно растянулась. Бег по лесу с преодолением препятствий утомил более слабых. С поручиком Михайловым впереди оказалось всего около 20 бойцов и «командир батальона».

Красные открыли пулеметный и ружейный огонь. «Командир батальона» тяжело ранен в ногу. Он не может бежать дальше, на лице выражение досады. Поручик Михайлов приказал ему пробираться назад и найти фельдшера. У противника замешательство. Торопятся взять на передки две пушки и увезти их. Михайлов, рассыпав бойцов в цепь на небольшом бугре у опушки леса, приказал им перебить лошадей. Оставшись без лошадей, красные артиллеристы повернули орудия на ижевцев и открыли бешеный огонь на картечь. Из-за близости расстояния снаряды разрывались над головами и сзади лежавших в цепи, поражая подбегавших отсталых.

Лес загудел от пушечной пальбы. В цепи казалось, что орудийная стрельба происходит сзади, за лежавшими на бугре. Из-за черной завесы шрапнельного дыма по временам выскакивали отдельные бой-

цы и вливались в цепь. Двинуться вперед было невозможно. Многие были убиты и ранены картечью и кусками деревьев, разбиваемых снарядами. Тяжелое положение еще более ухудшилось, когда красные поставили пулемет справа и открыли продольный огонь по бугру, за которым прятались бойцы. Казалось, все будут перебиты.

Но вот слева от Заимки появилась из леса группа в сотню солдат и бросилась на красных. После короткого штыкового боя красные бежали, бросив пушки. Неожиданная помощь пришла от отставших во время преследования заставы и собравшихся около командира роты. Но его самого не было. На вопрос: «Где он?» — последовал ответ: «Убит в наступлении». Но это было не так. Выяснилось, что прапорщик был подавлен грохотом стрельбы и отказался вести собравшихся около него вперед. Отставшие ижевцы рвались на помощь своим. Убеждать и уговаривать ротного было некогда. Каждое мгновение было дорого. Несколько штыков закончили жизнь недостойного командира.

В командование вступил унтер-офицер, участник мировой войны. Он сразу понял, что бешеный огонь красных задержал находившихся впереди и надо не подпирать их с тыла, а ударить врага с фланга. Его находчивость спасла роту от уничтожения. Рота потеряла треть своего состава — 80 человек было убито и ранено.

Упорно дравшийся отряд красных состоял из латышей. Главные силы группы подпоручика Вершинина и левая обходная рота в бою принять участие не успели. Но по колонне главных сил, следовавшей по дороге, красные открывали огонь со стороны деревни Якшур-Бадья.

* * *

Два боя, описание которых здесь приведено со слов участников, являются случайными в общем ходе борьбы ижевцев и воткинцев. Но они указывают на чрезвычайно высокое боевое воодушевление восставших против большевистского гнета — то воодушевление, которое не покидало их за все три месяца отстаивания ими своих родных очагов, а потом и в четырехлетней борьбе на Урале, в Сибири, в Забайкалье и в Приморье.

В красном окружении

Взятие красными Казани 10 сентября (отступление белых из Казани началось 9 сентября вечером) не только позволило им значительно усилить свою разбитую и растрепанную 2-ю армию, но

поставила ее в выгодное положение беспрепятственного выхода из района реки Вятки в Каму и движения по ней в тыл восставшим заводам.

Насыщенная коммунистами и надежными отрядами из мадьяр, латышей и других наемников, 2-я Красная армия начала медленное продвижение к Ижевску. Из центра своего сосредоточения около села Вятские Поляны (120 верст к северо-востоку от Казани и в 140 верстах от Ижевска) красные двинулись двумя путями: вдоль железной дороги Казань—Екатеринбург и по рекам Вятке и Каме на Сарапул.

К концу сентября красные подошли к ст. Агрыз, откуда идет ветка на Ижевск—Воткинск, и здесь загораются бои, продолжавшиеся весь октябрь. Спустившись на пароходах по реке Вятке и двинувшись вверх по реке Каме, красные в первой половине октября захватили город Сарапул. Наша Волжская флотилия незадолго перед этим ушла в реку Белую на зимовку. Это открыло дорогу красной флотилии Раскольникова.

Вражеское окружение все теснее облегало восставшие заводы. Просьбы о помощи оставались без ответа. Пополнение огнеприпасами, почти исключительно трофейными, становилось все труднее и труднее. Снаряды были на исходе, ружейных патронов было ничтожное количество. Нужно было считаться с возможностью оставления заводов и искать путей проделать это с наименьшими потерями.

20 октября командующий Прикамской армией полковник Федичкин созвал совещание старших чинов армии и местный Комитет Учредительного собрания, представлявший из себя высшую гражданскую власть. Полковник Федичкин, объяснив создавшуюся обстановку и невозможность рассчитывать на своевременное прибытие помощи, предложил начать заблаговременную эвакуацию раненых, женщин и детей, а также ценного имущества и запаса винтовок, на восточный берег Камы, пока это возможно было сделать в порядке и в условиях достаточной безопасности.

Председатель Комитета членов Учредительного собрания Евсеев не согласился с предусмотрительным полковником Федичкиным и назвал его предложение об эвакуации трусостью. В ответ на это полковник Федичкин подал заявление об отставке. После этого заседания весь Комитет членов Учредительного собрания скрылся. Два дня их не могли нигде найти. Даже своего секретаря А.П. сбегавшие не предупредили о том, куда они исчезают, и секретарь не знал, где их искать.

Причиной исчезновения всего комитета, как выяснилось, была боязнь ареста полковником Федичкиным. Но последний никому никакими арестами не грозил. Не желая вызывать никаких разногласий и вносить раскол в ряды защитников в эти тревожные и решительные дни, полковник Федичкин, заявив о своей отставке, покинул Ижевск и пробрался в город Уфу в распоряжение Верховного главнокомандующего генерала Болдырева.

В «генеральском доме», как назывался бывший дом начальника Ижевского завода, на втором этаже разместился Комитет членов Учредительного собрания. В первом этаже издавалась газета «Ижевский Защитник». К этому дому ежедневно собирались все имевшие отношение к делам, которыми ведали члены комитета, в том числе и поставщики на армию, ждавшие срочных распоряжений на разные заготовки, так как все суммы находились в руках комитета.

Исчезновение членов комитета могло быстро распространиться среди населения и вызвать тревогу и панику. Поэтому находившиеся в «генеральском доме» служащие в канцеляриях комитета и газетные сотрудники условились скрывать бегство «верховной власти». Доброволец М.Т., сотрудничавший в перерывы от боев в газете, заявил, что комитет мог сбежать только в Воткинск, и взялся его разыскать.

Взяв паровоз с двумя машинистами и захватив 5 вооруженных гимназистов в качестве охраны, так как в 60-верстном промежутке между заводами появились разведывательные партии красных, М.Т. в 8 часов вечера помчался в Воткинск. Там в доме Чайковского, где собирался Воткинский совет обороны, М.Т. нашел сбежавших комитетчиков. Получив необходимые сведения и распоряжения, М.Т. ночью же вернулся в Ижевск, успокоив заинтересованных лиц. Тем временем поставщикам говорились разные небылицы, почему их не могут принять по их делам. Но скрывать правду становилось все труднее и труднее,

На место полковника Федичкина командующим Прикамской армией был назначен капитан Юрьев. Командование ижевскими частями было передано шт.-капитану Журавлеву, по оценке некоторых, очень храброму офицеру, но малоопытному и бестолковому начальнику. Интересно отметить, что за время своего недолгого командования — около месяца — шт.-капитан Журавлев не был известен многим ижевцам, даже из числа старших начальников, а некоторые даже никогда нечего о нем не слыхали.

Через несколько дней после бегства успокоившиеся члены Комитета Учредительного собрания приехали в Ижевск на устроенный ими многолюдный митинг. С ними приехал также новый командующий

армией капитан Юрьев. На этом митинге ижевцы услышали горячие призывы к спасению заводов от захвата красными и даже призывы к походу на Москву. О том, будут ли доставлены патроны и как без них дойти до Москвы, красноречивые ораторы не говорили.

* * *

Чем ближе красные подступали к заводам, тем упорнее и ожесточеннее становились бои. Особенно сильно красные нажимали с юга. К концу октября бои из района ст. Агрыз переместились к Ижевску на 18 верст. На севере ижевцы и воткинцы удерживали врага в среднем верстах в 30 от заводов.

Дорого доставался врагу каждый шаг. Но и защитники заводов несли тяжелые потери. Недостаток патронов был очень чувствителен; приходилось все чаще и чаще обращаться к штыку и всеми способами экономить патроны на крайний случай.

Все рабочие, по установившемуся порядку, где бы они ни находились, не расставались с винтовками. Кто бы какую работу ни делал — винтовка была рядом. По тревожному реву заводского гудка все немедленно бежали на сборные пункты своих рот. Из штаба приходили приказы, и роты быстро направлялись на атакованные пункты.

Пленные красноармейцы показывали, что, как только комиссары начинают их гнать вперед, они с волнением ждут рева могучего заводского гудка. Услышав его, в их рядах начинает нарастать паническое настроение. Они знают, что через час к месту боя подойдут и опрокинутся на них волны рабочих и начнется кровавая штыковая схватка.

По словам добровольца М.Т., только в Ижевске до 20 000 рабочих принимали участие в отражении атак врага, когда красные бросались на приступ в больших массах. Никто не пробовал уклониться от боя. Взаимная спайка и выручка стояли необыкновенно высоко. Если кто-нибудь не поспевал присоединиться к своей роте, он пристраивался к другой.

Один из участников боя последнего дня защиты завода 7 ноября рассказывает, как был собран последний резерв. Это была сводная рота, куда вошли все, кто еще оставался на заводе по разным причинам, не мог теперь попасть в свою роту или не знал, где ее искать. Командовал ротой полковник Власов, пользовавшийся любовью и доверием ижевцев, как храбрый и распорядительный офицер. Когда потерявшие свои роты бойцы узнавали, что командует Власов, они охотно присоединялись к этой сборной роте. Всего набралось около 300 бойцов.

Рота по Казанской улице вышла к станции Ижевск, находившейся в одной версте от завода. Здесь она заняла окопы недалеко от

татарского кладбища. На кладбище и левее в большом количестве накапливался противник. Полковник Власов решает помешать красным в их сосредоточении и подготовке к штурму и атаковать их теперь же. Он отдает распоряжение, сам первый со знаменщиком и одним бойцом выскакивает из окопа и бросается к кладбищу. Одновременно доброволец М.Т. с пятью бойцами бросается левее.

Но у красных уже стояли наготове пулеметы, и их огонь перебил всех выскочивших вперед и заставил остальных, поднявшихся для атаки, укрыться в окопах. Полковник Власов был тяжело ранен, и его с большим трудом вытащили из-под обстрела. У рассказчика-добровольца была перебита нога. Он начал ползти к окопу. К нему выскочила гимназистка Попова, работавшая сестрой милосердия и отличавшаяся необыкновенной смелостью, и хотела перевязать раненую ногу. Пуля ранила ее в лоб, и лицо ее залилось кровью. Доброволец приказал ей бежать зигзагами в окоп. Ему удалось самому доползти до окопа, где его перевязали и отправили в тыл.

После нескольких настойчивых атак красные захватили станцию. Она была оставлена в 2 часа дня. Около этого же времени были очищены другие пункты, лежавшие впереди завода, и защитники отступили на последние позиции у окраины завода. Утомленные боями и потрясенные упорством обороны, красные не чувствовали уверенности в окончательном успехе, остановились и набирали силы для дальнейших действий. Ночью они бездействовали.

По красным сведениям последние дни защиты Ижевска излагаются так: «Бои под Ижевском 5, 6 и 7 ноября достигли большого напряжения; та и другая сторона дрались с большим упорством, неся большие потери. Этими боями подтвердились сведения агентуры, что вокруг территории завода противником вырыты окопы с ходами сообщения в тыл и усилены проволочные заграждения. Войскам отдается приказ взять Ижевск 7 ноября во что бы то ни стало. 7 ноября с утра началась артиллерийская подготовка атаки и устройство проходов в проволочных заграждениях. Вера в успех настолько велика, что было приказано держать прямой провод с Московским Кремлем для немедленной передачи сообщения о падении Ижевска в день, когда праздновалась годовщина Октябрьской революции. К 17 часам войска были уже у проволочных заграждений и готовились к штурму. Противник вел бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей... На правом фланге боевой линии в числе прочих частей был 2-й Мусульманский полк, который не выдержал огня, дрогнул и позорно бежал с поля сражения, оставив противнику батарею, пулеметы и другую материальную часть. На пути бегства людьми полка был разграблен

полковой обоз, похищены вещи командного состава. Весь же командный состав в этом полку держал себя образцово. 2-й Мусульманский полк за свое позорное и преступное поведение был расформирован. В 19 час. 40 мин. Ижевск был взят штурмом... Бронированный поезд «Свободная Россия» ворвался на станцию Ижевск и своим огнем внес в ряды белогвардейцев сильнейшее расстройство. Кавалерия вслед за пехотой ворвалась в город, на улицах которого завязались ожесточенные бои».

Это описание красного историка имеет значительные неточности. Каких-либо серьезных проволочных заграждений у ижевцев не было: проволока на заводе не выделывалась и запасов ее не имелось. Защитники не могли вести бешеный огонь из орудий, пулеметов и ружей из-за недостатка огнеприпасов. На улицах города боев не было, красные не посмели войти ночью в город, и в Москву была послана преждевременная «поздравительная» телеграмма о взятии Ижевска, не соответствовавшая действительности.

Следует также отметить, что бегство 2-го Мусульманского полка не было единственным случаем. Защитники много раз обращали красных в паническое бегство, но их историк отмечает только один случай, который трудно замолчать, так как была брошена батарея, разграблен обоз и полк был расформирован.

После очищения станции и других передовых пунктов впереди завода дальнейшее сопротивление красным было оказано на южной окраине города. Здесь с наступлением темноты бой затих. Красные остановились, не решаясь ночью двигаться дальше.

Трехмесячная борьба за Ижевск подходила к концу. Героизм и самопожертвование восставших должны были покориться грубой силе численного превосходства и подавляющего огневого преимущества красных. Был отдан приказ об оставлении завода. Ижевцы — как бойцы, так и большинство их семей — покинули свои родные места.

Раненого М.Т. везли вместе с другим раненым на подводе. До него доносился плач женщин и детей. Он всматривался в темноту. Людей было трудно различить, но можно было видеть, как двигалось огромное количество белых пятен. Это были узлы с одеждой и едой — все, что могли захватить с собой жители Ижевска. Подвод было мало, большинство шло пешком.

Около 40 тысяч, может быть, до 50 тысяч рабочих и их семей бросили родные очаги и все, что им было дорого. Уходили от расправы и мести той власти, которая именовала себя защитницей всех трудящихся.

Последние дни восстания

Оставление Ижевского завода поставило на очередь дальнейшую судьбу всей борьбы восставших против красной власти.

На совещании в Воткинске, на котором присутствовали Комитет членов Учредительного собрания, командующий Ижевско-Воткинской армией капитан Юрьев, начальник штаба армии полковник Альбокринов[104] и командующий ижевцами шт.-капитан Журавлев, выяснилось: 1) что нет достаточно сил захватить обратно Ижевск; 2) что оборона Воткинска против превосходных сил противника на восточных и северных подступах к заводу, где продолжаются упорные бои, и при наличии больших сил красных в захваченном ими Ижевске — становится невозможной; 3) что подход обещанных и долгожданных сибирских частей не предвидится. Совещание решило оставить район Ижевского и Воткинского заводов и отвести армию за реку Каму.

В предвидении возможности отхода уже собирались материалы и начиналась постройка через Каму плавучего моста (длина моста — 482 сажени, начало постройки 26 декабря, закончена 4 ноября) на баржах в 2 верстах выше по течению от деревни Усть-Речка. Строителем был капитан 1-го ранга Вологдин.

Утром 10 ноября капитан Юрьев вызвал командира 4-го Воткинского полка поручика Болонкина и приказал ему передать в распоряжение штаба армии 2-й и 4-й батальоны.

Общее положение у Воткинска к этому времени было следующее: 4-й полк занимал растянутый фронт; два батальона (1-й и 3-й) обороняли подступы к заводу на трактовой дороге от ст. Чепца; 2-й батальон охранял участок к северо-западу от завода и находился в селе Светлом, поддерживая связь с северным фронтом ижевцев; 4-й батальон был выдвинут в село Паздеры в 20 верстах к юго-западу от строящейся переправы, имея задачу не допускать движения противника на север со стороны занятого им села Гальяны.

С оставшимися в его распоряжении двумя батальонами поручику Болонкину было приказано упорно оборонять северные подступы к заводу, держа тесную связь с расположенным правее 2-м Воткинским полком под командой поручика Дробинина[105]. Далее к востоку у реки Камы действовал 1-й Воткинский полк в районе Ножовского завода. На другом (левом) берегу Камы против частей красных, напиравших от города Оса, действовал 3-й Сайгатский полк.

Требование упорной обороны обусловливалось необходимостью произвести планомерную эвакуацию госпиталей, дать возможность населению Воткинска и его окрестностей, не желавшему оставаться у

большевиков, уйти за Каму и дать ижевцам подойти к переправе. Оставить позицию поручик Болонкин должен был только по особому приказу. Остальные полки получили соответствующие распоряжения.

Ижевцам, отступавшим вдоль железной дороги на Воткинск, было приказано свернуть к переправе кратчайшим путем, имея сильный заслон в сторону села (и пристани) Гальяны. Красные части, занявшие Ижевск, настолько были изнурены боями, что не могли двинуться в преследование, и, по показанию участников, только разведывательные отряды противника следовали за арьергардами уходивших ижевцев.

Во исполнение указанного ему задания, 2-й батальон 4-го Воткинского полка (поручик Бускин[106]) перешел из села Светлого в деревни Верхний и Нижний Кокуй (10—12 верст к западу от завода). Противник, заметив приготовления к эвакуации завода, усилил свои атаки, но воткинцы удержали все свои позиции.

Около этого времени (по другим сведениям, это было раньше) поручик Дробинин у деревни Мишкино нанес сокрушительный удар 4-му Латышскому полку, захватив несколько орудий, пулеметы и много пленных и обратив красных латышей в поспешное бегство.

11 и 12 ноября противник вел атаки днем и ночью. Спать почти не приходилось. Все устали и вымотались. Настроение было нервное, особенно в самом городе. В ночь с 12 на 13 ноября поручик Болонкин опять был вызван в штаб к капитану Юрьеву. В штабе, уже опустевшем, его встретил капитан Юрьев, начштаба полковник Альбокринов и начальник связи шт.-капитан Щадрин. Поручик Болонкин вспоминает:

«Все они выглядели от усталости как мертвецы. Здесь я лично от кап. Юрьева получил приказ оставить свои позиции 13 ноября с наступлением темноты, собрать полк (два батальона) и отходить через восточную часть города к переправе. Отдавая мне приказ и давая последние инструкции, командующий армией сильно нервничал и несколько раз спрашивал начальника штаба и начальника связи, какие сведения они имеют об ижевцах, а также — какое положение на участке 4-го батальона, находившегося в распоряжении штаба и охранявшего направление со стороны с. Гальяны...»

Поручику Болонкину было сообщено, что центральная телефонная станция будет работать до 6 часов вечера 13 ноября и что 2-й батальон его полка, находившийся в распоряжении штаба, будет отходить с последними телефонистами штаба армии и с подрывниками, которые должны будут взорвать железнодорожный мост через реку Сиву, что в 5 верстах к югу от завода (на ветке с завода к пристани Галево).

Успешно отбив днем 13 ноября все атаки красных, поручик Болонкин около 9 часов вечера вышел на восточную окраину Воткинска, в 3 часа утра 14 ноября был у моста и в 5 часов утра переправился на левый берег Камы. Начальником переправы был строитель моста капитан 1-го ранга Вологдин. В его распоряжении находился шт.-капитан Самарцев, который встречал части и указывал им порядок переправы.

От Самарцева поручик Болонкин узнал, что его 2-й батальон уже переправился, а 4-й находится в 2 верстах ниже переправы и пропускает последние подходящие части ижевцев. Самарцев в разговоре с Болонкиным высказал ему мнение о весьма неудовлетворительном управлении шт.-капитана Журавлева ижевскими частями. По его словам, ижевцы отступали, не зная обстановки и не имея указаний о направлении движения. Мнение Самарцева находит подтверждение от других лиц и из фактов происшедших событий.

Неудачное управление или его полное отсутствие в отношении к Северному фронту ижевцев привело к тому, что большая часть этого фронта была отрезана красными. Незначительная часть выбралась благополучно, отойдя со 2-м батальоном 4-го Воткинского полка. Другая часть пробовала пробиться через Ижевск, уже захваченный красными, попала в плен и стала жертвой чекистских зверств. Немногим удалось рассеяться и скрыться в лесах.

Кроме того, отдельные мелкие группы ижевцев подходили все время к мосту. Когда красные, наступавшие по правому берегу с востока, подошли близко к мосту и он мог быть ими захвачен, руководители переправы отдали приказ поджечь его. Некоторые запоздавшие ижевцы перебегали по уже горевшему мосту. В их числе был и один из чинов комендантской команды Агрызского фронта В.М. Новиков. По сведениям, несколько групп ижевцев не успели дойти до моста и были захвачены красными.

Число ижевцев и воткинцев, перешедших за Каму, указывается участниками очень различно. Минимальная цифра для ижевцев будет примерно 16 000 человек, из них 10 000 боеспособных мужчин. Другие считают, что ушло 30 000 и даже больше. Поручик Болонкин для воткинцев дает цифры: вооруженных воткинцев было около 15 000 и почти сколько же гражданского населения — членов семей.

Ижевцы вывезли с собой несколько тысяч винтовок. Воткинцы вместе с госпиталями и семьями эвакуировали управление завода и увезли некоторые электрические машины, что делало завод неработоспособным на долгое время.

* * *

С переходом за Каму закончилось крупнейшее по своей стихийности и масштабу восстание рабочих против красной «пролетарской» власти — восстание ижевских и воткинских рабочих и присоединившихся к ним крестьян. Восстание это самостоятельно боролось против своих угнетателей. Оно началось 7 августа отказом рабочих-фронтовиков в Ижевском оружейном заводе выступить на защиту большевистской тирании.

14 ноября — день переправы последних частей восставших за Каму — является 100-м днем борьбы в родных местах. Следует подвести итоги этим ста дням.

Итоги восстания

Борьба ижевцев и воткинцев против советской власти при защите ими своих заводов получила лишь краткое освещение на страницах «Вестника»[107]. Отсутствие источников, недостаток времени и другие причины ограничили возможность дать более подробный очерк.

Долг участников восстания, оставшихся в живых, сохранить в той или иной форме воспоминания об этих днях. Дело будущих исследователей — собрать все уцелевшие материалы и дать полное описание этого восстания. Но и краткие сведения, которые были здесь даны, позволяют дать оценку этой интересной странице из Гражданской войны и сделать некоторые выводы.

Значение восстания в ходе вооруженной борьбы против красного порабощения будет яснее и понятнее, если напомнить об общем положении, сложившемся на Восточном фронте. Выступление против большевиков Чехословацкого корпуса, начавшееся 25 мая, дало толчок к восстанию многочисленных тайных противобольшевистских организаций на Волге и в Сибири. Большевики начали немедленно и энергично готовиться к отпору.

Уже 29 мая ВЦИК объявил об организации Красной армии, вместо слабо работавшего добровольного пополнения, наборами по мобилизации. Это дает красным возможность быстро умножить свои силы. Июнь и июль проходят у них в усиленных формированиях отрядов и армий. Восточный фронт привлекает большое внимание красной власти, но успехов у них нет. Постепенно они теряют Заволжье, Урал и обширную Сибирь. На Волге их бьет полковник Каппель. 21 июля он берет блестящим маневром Симбирск.

Красные шлют на восток все новые и новые силы. Вместо убитого или застрелившегося главнокомандующего фронтом Муравьева назначается Вацетис. Новый «главком» считает, что у него в распоряжении имеется достаточно сил, чтобы перейти к решительным действиям. 28 июля он докладывает наркомвоену: «Я решил в ближайшее время нанести противнику решительный удар и отбросить его с линии Волги на восток» (Н. Какурин: «Как сражалась революция», Т. 1. С. 225).

Он ставит задачи: 3-я армия должна перейти в наступление для «овладения Екатеринбургом и дальнейшего действия на фронте Челябинск—Златоуст». 2-й армии дается задача захватить Уфу и овладеть узловой станцией Чишма, наступая одной группой на Бугульму в направлении на Самару, заслонившись со стороны Сызрани. Наконец, 5-я армия, вновь создаваемая в районе Казани, должна была в районе Чистополь—устье Камы—Тетюши сосредоточить возможно большую группу войск и перейти в решительное наступление на фронте Симбирск—ст. Бряндино. «В случае нашего успеха, — писал главком Вацетис, — ближайшей задачей будет поставлено овладеть фронтом Актюбинск—Орск—Троицк—Курган—Тюмень» (Там же).

Когда Вацетис разработал свой план, намечавший захватить в клещи белые и чешские части в районе Симбирск—Сызрань, — в Самаре стоял вопрос: что делать дальше? Никакими армиями Самара не располагала, сформирование добровольческих отрядов шло медленно, чехи не были склонны к большим операциям. Полковник Каппель и капитан Степанов — командир 1-го Чешского полка — настаивали на захвате Казани. Для овладения этим большим городом и его удержания требовалось гораздо больше сил, чем те, которые находились под командой этих двух начальников. Поддержать их было нечем. Также были и другие причины, отвлекавшие Самару в противоположную сторону — к югу, на Саратовское направление. Тем не менее, удар по Казани был сделан, красные в панике бежали. Не приходится теряться в догадках, несколько положение Казани оказалось бы еще более тяжелым, если бы 2-я Красная армия была двинута на Казань.

Восстание заводов отвлекло большие силы красных. Их 2-я армия была сначала прикована к району Сарапула, а вскоре разгромлена ржевцами. Дезорганизованные остатки ее бежали в бассейн реки Вятки. Отсюда некоторая часть этих беглецов была направлена на усиление красных войск, обложивших Казань, и действовала на Арском (восточном) участке.

Восстание оказало также большое влияние на действия 3-й Красной армии. Необходимость защищать линию сообщения с центром — же-

лезную дорогу Пермь—Вятка — заставила 3-ю армию выделить из своего состава значительные силы для охраны дороги. Это ослабило армию противника, и наступление на Екатеринбург согласно плану Вацетиса не только не могло состояться, но армия едва держалась против сибиряков. Позднее, в декабре, она была выбита из Перми.

Продержавшись несколько больше месяца, Казань была захвачена красными. Они не предприняли энергичного преследования отступавшего казанского гарнизона, и он довольно спокойно переправился через реку Каму у деревни Епанчино близ Лаишева. Свои освободившиеся у Казани войска красные направляли против ижевцев и воткинцев, торопясь покончить с восстанием. В первую очередь перебрасывались: отряд Азина, сформировавший 2-ю Сводную дивизию (потом 28-ю), и латышские полки. 4-й латышский полк, как отмечалось раньше, был разбит воткинцами, а 5-й Латышский полк, сильно пострадавший при захвате Казани полковником Каппелем, видимо, действовал со стороны города Глазова, и один из эпизодов встречи с ним ижевцев был описан в «Вестнике».

Таким образом, восстание отвлекло силы и отразилось на действиях трех Красных армий Восточного фронта. Значительные подкрепления шли также из внутренних округов и с затихшего Западного фронта, при этом против ижевцев и воткинцев посылались особенно преданные и испытанные части, в их числе роты Чрезвычаек. Если план Вацетиса был нарушен захватом Казани отрядом Каппеля и чехов, то его полное крушение было обусловлено восстанием ижевско-воткинских рабочих.

После обратного захвата Казани красные войска смогли одержать на линии Волги некоторые успехи и продвинуться вперед. Севернее восставшие еще два месяца приковывали большие силы красных, и на левом участке своего фронта все их усилия перейти в наступление были парализованы на долгое время.

* * *

Большевистская власть с большими жертвами и жестокостью подавила восстание. Если бы надо было пролить крови в десять, в сто раз больше — большевики не задумались бы над этим. Человеческая жизнь в их расчетах стоит на последнем месте.

Более существенной для них была политическая сторона событий. Присвоив себе право исключительного руководства рабочими массами, они не могли допустить, чтобы рабочие могли идти не вместе с ними или, тем более, против них. Они пробуют немедленно подавить

восстание ижевцев, боясь, что их пример может увлечь других. Им это не удалось. Ижевцев поддержали воткинцы, и поднялись в разное время еще несколько уральских заводов. Замолчать эти выступления было невозможно — они стали достоянием истории Гражданской войны. Но с историей большевики не стесняются и дают всему свое собственное объяснение и толкование.

«История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков)», изд. 1938 г., трактует события так: «Мятеж корпуса (чехословаков) послужил сигналом к мятежу кулачества на Волге и в Сибири и эсеровски настроенных рабочих на Воткинском и Ижевском заводах...» Сходное объяснение дает Какурин («Как сражалась революция». Т. 1. С. 96): «Ижевское восстание было организовано союзом фронтовиков, насчитывавшим в себе до 4 тысяч членов, в котором в течение долгого времени велась эсэровская пропаганда».

Большевики имеют все основания высоко расценивать силу пропаганды, которой сами они так умело и нагло всегда пользовались. Но их обвинения эсэров, что они своей пропагандой вызвали восстание в Ижевске, не имеют никаких оснований. Союз фронтовиков, который поднял восстание, далеко не насчитывал численности в 4000 человек, указанной Какуриным, и не имел никакой политической программы, а был организован исключительно для защиты прав вернувшихся с фронта солдат, бывших рабочих.

После успеха восстания вынырнули из подполья эсеры, члены Учредительного собрания, воспользовались отсутствием власти после уничтожения большевистского «совета» и, как убежденные «народоправцы», никого не спрашивая, объявили себя высшей гражданской властью под названием «Прикамского Комитета Учредительного собрания». Как обычно у них практиковалось, они поспешили захватить казначейство и стали распоряжаться денежными средствами. Их появление и начавшаяся теперь, после восстания, эсеровская пропаганда были встречены большинством рабочих равнодушно.

Надо было вести упорную борьбу с большевиками, а не заниматься политикой и партийной болтовней. Но эсэры, по крайней мере более влиятельные из них, на первое место выставляют свои собственные партийные интересы и под маркой «Учредительного собрания» стараются прежде всего укрепить свою власть. Они начинают формировать свои собственные части — на первых порах роту «имени Учредительного собрания».

В эту роту не находилось добровольцев, и не было желающих занять должность командира роты. Тогда из самарского Комуча были командированы два эсера, Шмелев и Шеломенцев, привезшие деньги

и начавшие агитацию за поступление в эту роту. Рота, наконец, была организована. Когда пришло время выступать на позицию, Шмелев поспешил в тыл. Шеломенцев, командуя ротой, долг свой выполнил и погиб в бою под Ижевском.

Если рабочие в большинстве относились безразлично к пропаганде и затеям эсеров, то и последние не доверяли ижевцам, и в особенности их командному составу. Этим объясняется поспешное бегство Евсеева и членов его комитета, удравших от вымышленной ими же самими опасности.

Последующие события, которые отстранили эсэров от всякого участия в налаживании государственного порядка и которые кончились передачей власти в руки адмирала Колчака, еще яснее подчеркивают, что ижевцы и воткинцы выбрали дорогу, по которой пошли все честные и действительно любящие свою родину русские люди. Они, за малым исключением упорных «партийцев», без оговорок признали власть адмирала Колчака. Они не пошли за партией, которая свои партийные интересы ставила всегда выше благополучия России и русского народа.

Бросив большевикам свой вызов на смертный бой, рабочие забыли, к каким партиям они принадлежали, забыли, кто были их политические единомышленники или противники, кто были их друзья или недруги, все они, как один, поднялись против красного гнета. Для них время слов, программных различий и других разногласий прошло, и, крепко спаянные в своем порыве, они упорно, самоотверженно бились с врагом. Считавшие себя эсерами не хотели выделяться из рядов других восставших рабочих и не пошли за своими незадачливыми главарями. Среди восставших против большевистского гнета были также принадлежавшие к партии большевиков. Эти большевики отказались поддерживать зверства и преступления своих однопартийцев.

В отличие от «большевиков», стоявших во главе кровавой власти, они называли себя «большевиками-мстителями», а своих врагов «комиссародержавцами». Все это, конечно, хорошо известно большевикам и их историкам. Также они отлично знают, что их притеснения и кровавые расправы с непокорными рабочими вызывали возмущение и озлобление и были настоящими причинами восстания.

Ижевец М.К. Данилов вспоминает, как в Ижевск, недели за три до восстания, прислали «всероссийского старосту» Калинина, который пробовал успокоить и задобрить рабочих, собравшихся в одной из обширных мастерских. Раздражение против него, как представителя ненавистной власти, было таково, что ему не дали говорить. Шум и

угрозы встречали все его попытки начать свою речь. Он поспешил уехать из Ижевска, ничего не добившись, но самолично познакомившись с настоящим отношением рабочих к советской власти. Заметил, без сомнения, и единодушие, с которым все рабочие, как один, кипели гневом при его выступлении.

Этот гнев через три недели прорвался наружу и дорого обошелся советской власти. Долгий путь Гражданской войны с честью и славой был пройден ижевцами и воткинцами, дела которых отличались высокой доблестью и самопожертвованием. Никакая пропаганда никакой партии не могла повести ижевцев и воткинцев по пройденному ими пути. Это могла сделать только любовь к страдающей Родине. Это большевики знают, но не смеют об этом говорить.

* * *

Необходимо коснуться еще одного вопроса — почему восставшим заводам не была оказана достаточная помощь со стороны других антибольшевистских сил.

Незначительную помощь боевыми припасами восставшие получили от эскадры капитана 1-го ранга Федосьева. Пробравшийся в Самару шт.-капитан Куракин получил 10 000 снарядов и другое подкрепление материальных запасов, но не мог довезти их до Ижевска вследствие начавшихся наших неудач на Волге.

Сибирская армия, захватившая 25 июля Екатеринбург и накапливавшая там свои силы, имела больше возможностей помочь ижевцам и воткинцам. Собственно, это была бы не помощь, а использование сложившейся обстановки в собственных целях Сибирской армии — нанесения своему противнику, 3-й Красной армии, сильного удара, а при удаче — и уничтожения этой армии.

Вместо фронтального наступления на Пермь, Сибирской армии давался шанс захватить этот город скорее и с меньшими усилиями глубоким обходом через район восстания. Этим путем Сибирская армия не только захватывала Пермь, но решала более важную задачу — нанесения противнику поражения. 3-я Красная армия находилась в очень тяжелом положении, так как восставшие рабочие отрезали ее от соседей и угрожали ее тылу. К сожалению, во главе Сибирской армии находился неспособный на такие действия генерал Гайда.

Таковыми оказались печальные последствия — как для Ижевско-Воткинского восстания, так и для общего хода борьбы на Восточном фронте — назначение на важный пост командующего Сибирской армией совершенно неподготовленного для этого генерала Гайды.

Д. Федичкин[108]

ИЖЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ В ПЕРИОД С 8 АВГУСТА ПО 20 ОКТЯБРЯ 1918 ГОДА[109]

Ижевские заводы

Ижевские заводы — Оружейный и Сталелитейный — находились в Сарапульском уезде Вятской губернии. Они построены предками современных ижевских рабочих в 1760 году, в 45 верстах от судоходной реки Камы, притока Волги, среди обширнейших государственных лесов, на большом, 12 верст длиною, пруду, сделанном запрудою на реке Иже.

Заводы состояли в ведении Главного артиллерийского управления, владеют огромным богатым имуществом, хозяйством и, имея ряд собственных подъездных железнодорожных путей, связаны с общей сетью российских железных дорог магистралью Казань—Пермь.

Ижевский сталелитейный завод делает высшего качества сталь, которая идет на выделку винтовок в Ижевском оружейном заводе и еще в двух других российских государственных оружейных заводах — Тульском и Сестрорецком, куда сталь посылается в виде недоделанных частей винтовок и пулеметов. Кроме того, сталь Ижевского завода шла во все технические учреждения военного ведомства в России.

Деятельности ижевских заводов Российская армия обязана своим перевооружением нынешней трехлинейной винтовкой образца 1891 года. В период Первой мировой войны ижевские заводы выделывали ежедневно для вооружения действующей армии по 2000 винтовок.

В то время на заводах работало в три восьмичасовых смены 27 000 рабочих специалистов-мастеров и до 15 000 крестьян ближайших к заводам сел. Крестьяне работали вне заводов: они подготовляли, грузили или подвозили на собственных лошадях все необходимые заводам материалы.

Ижевск

По обеим сторонам пруда, на котором стоят заводы, располагается город Ижевск с населением 70 000 жителей, преимущественно рабочих и служащих на заводах. Ижевские рабочие почти все люди семейные, имеют собственные дома, имущество, сады, огороды, покосы, домашний скот и птицу. Они прочно живут на своих местах в Ижевске и крепко держатся за постоянную и хорошо оплачиваемую государственной казной работу.

Причины восстания

С первых же дней революции в Ижевске образовался Совет рабочих депутатов, числом в 250 членов, избранных ижевскими рабочими. С захватом в России государственной власти большевиками в Ижевске начали происходить резкие трения между рабочими и представителями советской власти, большевиками, на почве этого Совета.

Выборы в ижевский Совет рабочих депутатов всегда давали состав депутатов, нежелательный большевикам. Большевики всячески добивались однородного большевистского состава Совета рабочих депутатов и этим вызвали в ижевских рабочих к себе большую ненависть.

Перевыборы Совета рабочих депутатов в Ижевске большевиками производились часто, и каждый раз большевиков, выбранных в Совет, оказывалось меньшинство. Последние перевыборы Совета рабочих депутатов в Ижевске большевиками были произведены в июне 1918 года и дали в результате выборов большинство депутатов беспартийных.

Тогда большевики вызвали из города Казани в Ижевск специальный отряд Красной армии, который, прибыв в Ижевск, разогнал ижевский Совет рабочих депутатов, главным деятелям которого пришлось скрыться, и объявил прежний ижевский Исполнительный комитет, состоявший только из одних большевиков, полномочною властью в Ижевске.

После целого ряда бесчинств, произведенных большевиками в Ижевске, началось объединение вокруг создавшихся из фронтовиков, то есть офицеров, военных чиновников и солдат, бывших на войне, умеренных партий рабочих для противодействия большевистскому террору. Эта организация получила наименование «Союз фронтовиков». Главной причиной спайки этой организации послужили слухи о предстоящей мобилизации фронтовиков в ряды Красной армии.

В целом ряде конспиративных собраний наиболее деятельных членов Союза фронтовиков было решено: подчиниться мобилизации лишь в том случае, если мобилизованным тут же выдадут вооружение и обмундирование, для того чтобы вслед за этим немедленно произвести вооруженное восстание против большевиков.

Восстание

7 августа 1918 года в Ижевск пришло известие по телеграфу о взятии чехословаками и Белой армией города Казани. Казань богата большими складами военного вооружения и обмундирования, поро-

ховыми заводами и пороховыми погребами, в которых хранится громадное количество пироксилина и прочих взрывчатых веществ, употребляющихся в военном ведомстве. Казань находится в 340 верстах от Ижевска и соединена с ним водным путем по судоходной реке Каме и линией железной дороги.

Большевики в этот же день не в урочный час (в 3 часа утра) сильным тревожным заводским паровым гудком созвали ижевских рабочих на митинг на Михайловской площади. Здесь большевики объявили приказ народных комиссаров о мобилизации всех, прибывших с фронта Первой мировой войны, в ряды Красной армии для действия против белогвардейцев в городе Казани.

Фронтовики согласно заранее принятому ими решению заявили большевикам, что они, «фронтовики», без оружия и без обмундирования из Ижевска никуда ни на шаг не пойдут. Большевики за такой ответ стали арестовывать фронтовиков и тут же писать им приговоры о смертной казни. Митинг рассеялся.

На следующий день, 8 августа, фронтовики сами дали тревожный сигнал заводского парового гудка для сбора на митинг во дворе заводов. Фронтовики собирались на митинг, но большевики разгоняли их и грозили им поголовным расстрелом, если не разойдутся. Такая свирепая угроза большевиков возмутила фронтовиков, и они рванулись всей толпой в двери проверочной мастерской, где тогда имелось 7000 готовых винтовок, и там вооружились. Затем, выйдя вооруженными во двор заводов, окружили большевиков и потребовали от них категорическим тоном освобождения из-под ареста арестованных вчера фронтовиков.

В этот момент с нагорной части Ижевска, где квартировали красноармейцы, раздалось несколько резких ружейных выстрелов. Вот эти выстрелы и послужили ижевцам сигналом к окончательному вооруженному восстанию против большевиков. Готовясь к восстанию, ижевские рабочие заблаговременно запаслись винтовками и хранили их у себя по домам. И вот теперь, с началом стрельбы большевиков с нагорной части города, рабочие поднялись с оружием в руках и 12 часов ловили и расстреливали большевиков в Ижевске. Таким образом совершился факт восстания ижевских рабочих в Ижевске против большевиков.

По окончании расстрелов в городе водворилась тишина. Гражданская власть в городе, бывшая до сих пор в руках большевиков, теперь перешла было в руки ижевского Совета рабочих депутатов, разогнанного большевиками; но через два дня ижевцы воочию убедились, что такой громоздкий, в 250 человек, орган власти абсолютно не способен к быстрым решениям и распоряжениям, которые до крайности необ-

ходимы в период восстания. Поэтому гражданская власть на третий день восстания была передана Прикамскому комитету, состоявшему из четырех членов Всероссийского Учредительного собрания, собравшихся в Ижевске после разгона Учредительного собрания большевиками.

Командовать всеми вооруженными силами, действовавшими против большевиков, было предложено организатору восстания капитану Цыганову, но он, вследствие утерянного на войне своего здоровья, отказался от этой чести, и тогда Прикамский комитет членов Всероссийского Учредительного собрания назначил старшего из строевых офицеров, участника двух войн — Русско-японской и Первой мировой — и кавалера ордена Святого Георгия, полковника Д. Федичкина, главнокомандующим прикамской Народной армией под флагом за Всероссийское Учредительное собрание.

С переменой власти переменился и образ правления, как в Ижевске, так и на заводах. Все закрытые большевиками в городе общественные и государственные учреждения и заведения начали действовать по-прежнему, как было до большевиков. Все уволенные с заводов за антипатию к большевикам рабочие и служащие снова были приняты на свои прежние места. Разрешена воспрещенная большевиками торговля хлебом. В городе было снято осадное положение и введен порядок мирного времени. Фронтовики, ненавидевшие Красную армию, радовались, что отделались от мобилизации в нее.

Все населенное пространство Вятской, Уфимской и Пермской губерний, в центре которого восстал Ижевск, было переполнено сильно вооруженными продовольственными красноармейскими отрядами, имеющими своими заданиями красного правительства отбирать от крестьян их хлеб и скот на потребности Красной армии.

Таким образом, восставший против большевиков Ижевск с двумя богатейшими государственными заводами оказался в центре враждебно действовавших красноармейских, хорошо вооруженных сил и, следовательно, был отрезан и изолирован ими от всех тех, кто в то же время, но в других местах великой России с оружием в руках действовал против большевиков.

Большевистское правительство, обыкновенно охотно и очень громко оповещавшее весь мир — «всем! всем! всем!» — о победах Красной армии в борьбе с контрреволюцией, не нашло для себя полезным известить мир о восстании ижевских рабочих против рабоче-крестьянского правительства; поэтому о восстании в Ижевске, кроме ижевцев, жителей его окрестностей и большевиков, окружавших его со всех сторон, до самой ликвидации этого восстания никто ничего не знал.

Средства, с которыми Ижевск продолжал работать на заводах на три восьмичасовых смены в сутки и выделывать по 2500 винтовок ежедневно, а кроме того, начал воевать против большевиков, нападавших на Ижевск со всех сторон, были таковы:

В ижевском отделении Государственного банка:

25 000 000 рублей (Временного правительства)
2 500 000 ружейных патронов
7000 винтовок
1 радиостанция (приемник).

Так как количество денег в распоряжении Ижевской волости было ограничено, а срок пребывания Ижевска в изолированном состоянии был неопределенный, неизвестный, то Прикамский комитет членов Всероссийского Учредительного собрания, представлявший собой в то время высшую власть в Прикамском крае, постановил:

«Всем работающим на заводах, всем действовавшим против большевиков с оружием в руках и всем городским и заводским служащим без различия должностей и старшинства — платить всем одинаковое жалованье: 420 рублей в месяц».

Недоразумений по этому поводу никаких не было.

Бои под Ижевском

На другой день после восстания фронтовикам, собравшимся к зданию только что сформированного штаба Ижевской Народной армии, пришедшим узнать новости о намерениях большевиков, была прочитана телеграмма, посланная одним из начальников железнодорожных станций на линии Казань—Ижевск. Он предупреждал ижевцев о движении в поезде на Ижевск отряда Красной армии для усмирения ижевских рабочих.

По прочтении этой телеграммы фронтовикам, полковник Федичкин сформировал отряд из 300 человек и тотчас же выступил с ними пешком по линии железной дороги навстречу противнику. Пройдя по линии железной дороги 5 верст от Ижевска, ижевцы увидели впереди себя едущий навстречу им поезд красных.

Они моментально рассыпались в цепь и быстрым движением своих флангов охватили поезд с красными с обеих сторон. Затем залегли в высокой и зеленой траве. Большевики пытались было высаживаться из вагонов, но падали убитыми, едва став на землю. Ижевцы, не желая напрасно расстреливать их в вагонах, предложили красным сдать-

ся. Красные охотно согласились и сдались ижевцам. Их было всего 360. 20 были молодые ижевцы, по глупости попавшие в ряды Красной армии. Теперь они радовались, что попали к себе домой в плен.

14 августа отряд Красной армии силой в 2500 человек пехоты наступал по той же Казанской железной дороге на Ижевск, в поездах.

Полковник Федичкин считал, что 300 ижевских, опытных в боях и дисциплинированных фронтовиков в десять раз лучше и сильнее в боях такого же числа необученных и разнузданных свободами красных. Поэтому он взял с собою тех же 300 фронтовиков и повел их навстречу красным поездам.

В 6 верстах от Ижевска на линии железной дороги ижевцы остановились и здесь испортили часть железнодорожного пути, чтобы поезда красных дальше этого места к Ижевску ехать не могли. Затем засели в растущие здесь по обеим сторонам густые зеленые кусты и стали поджидать подхода поездов противника. Недолго ждали ижевцы. Появились впереди поезда противника. Машинист с переднего паровоза первый заметил разрушенный путь и, на счастье ижевцев, остановил поезд как раз там, где они его ожидали. На этот раз ижевцы не бросились на поезд с криком «Ура!», потому что красных было слишком много, но, продолжая скрываться от взоров противника за кустами, метко стреляли по дверям и окнам вагонов с обеих сторон поезда, не давая никакой возможности большевикам из вагонов выгрузиться.

Большевики, поняв, что ижевцы избрали лучший способ перестрелять их всех в вагонах до единого, вывесили из окон белые тряпки. Ижевцы прекратили стрельбу. В этот момент 40 большевиков, желая воспользоваться остановкой стрельбы, чтобы убежать из вагонов в лес, выпрыгнули и пустились бежать, но все были ижевцами пойманы и обезоружены. Но когда ижевцы разглядели их, то узнали в них своих прежних врагов, ярых большевиков, бывших представителей советской власти в Ижевске, которые своим зверским отношением к ижевским рабочим довели их до вооруженного восстания. Этих 40 молодцов ижевцы связали крепко по рукам и ногам веревками и с особым почетом, в их же поезде, но отдельно от прочих пленных красноармейцев, отправили на расправу рабочим в Ижевск.

В тот же день, 14 августа, большевики силою в 200 человек пехоты, 50 человек кавалерии, с 4 пулеметами наступали от пристани Гольяны (на Каме) по Гольянскому шоссе на Ижевск.

В это время на Гольянском шоссе ижевских войск не было. Но служащие Гольянской железной дороги сообщили по телеграфу о наступлении по этой дороге отряда противника на Ижевск. Тогда ижевский

штаб послал туда маленький отряд артиллерийских чиновников под командой штабс-капитана Куракина, который прогнал отряд красных обратно на пристань Гольяны.

17 августа 1918 года отряд Красной армии силою в 2000 человек пехоты, 200 человек кавалерии, с 8 пушками наступал опять по той же железной дороге со стороны города Казани.

Вследствие часто повторявшихся наступлений Красной армии все по той же линии железной дороги и каждый раз в поездах, ижевцы построили в 12 верстах от Ижевска на линии этой дороги, на возвышенной местности, укрепленную позицию с линией окопов полного профиля, на протяжении 6 верст по фронту, с ходами сообщения и наблюдательными пунктами. Все расстояния до видимых предметов впереди позиции были измерены и в окопах на дощечках переписаны.

В окопы был поставлен постоянный гарнизон в 800 человек, а сзади, в двух верстах от передовой позиции — резерв, также в окопах. Командовать вооруженными силами на этой позиции был назначен коренной ижевец, знающий всю местность вокруг Ижевска, поручик Зебзиев.

Так как артиллерии у ижевцев не было, а противник на своих бронированных поездах, вооруженных артиллерией и пулеметами, мог бы близко подъезжать по линии железной дороги к ижевской позиции и безнаказанно обстреливать ее артиллерией и пулеметами, то ижевцы впереди себя в шести верстах разрушили часть железнодорожного пути, так что противнику, желающему прокатиться по этой дороге, починка взяла бы много времени.

И вот 17 августа поезда противника появились в 6 верстах от ижевской позиции и заметили, что линия железной дороги разрушена и дальше к Ижевску по ней ехать нельзя. Рядом идет большая проселочная дорога. Отряд высадился из вагонов и выгрузил свои пушки и пулеметы. Пять конных разведчиков, прыгнув на лошадей, поскакали вперед на разведку. Командир большевистской батареи забрался на верх высокого дерева и оттуда в бинокль стал разглядывать впереди лежащую местность.

Ижевцы, скрываясь в своих окопах, вырытых между кустами, растущими здесь на позиции в большом количестве, зорко следили за каждым шагом противника и ничем не обнаруживали своего присутствия на этой позиции.

Объехав кусты, растущие на ижевской позиции, конные разведчики большевиков поднялись на высшую точку местности и оттуда стали любоваться открывшимся им красивым видом на окруженные девственными лесами и озаренные яркими утренними лучами солн-

ца Ижевские заводы с их гигантской трубой и Ижевск, разделенный прудом на две половины.

Делясь между собой впечатлениями виденного, разведчики возвратились к своему отряду и сообщили начальнику, что дорога до самого Ижевска совершенно свободна и на местности впереди их никого нет. Тогда начальник построил свой отряд в походную колонну и повел его по большой дороге на Ижевск, забыв выслать дозоры вперед и в стороны от колонны. Ижевцы же придвинули свой единственный, но бронированный ижевской сталью (отцом поручика Зебзиева) пулемет ближе к дороге, по которой идет противник.

Когда колонна большевиков подошла к окопам ижевцев, ижевцы дали залп из ружей и резко затрещал бронированный пулемет. Несколько десятков красных пали мертвыми в колонне. Лошади артиллеристов, кавалеристов и самого начальника отряда, как только что реквизированные от мирных крестьян, не приучавших своих лошадей не бояться выстрелов, сбросили своих седоков на землю и ускакали от них в лес.

Большевики, не ожидавшие ничего подобного от ижевских рабочих, легли было на землю и начали стрелять во все стороны. Ижевцы своим огнем не допустили большевиков зарядить орудия и пулеметы. Тогда большевики решили спасти от ижевцев хотя бы свои пушки и пулеметы. Они начали отступать и 6 верст отбивались от преследовавших их ижевцев, оставляя им своих убитых и раненых.

17 августа часть Красной армии № 2, штаб которой стоял в городе Сарапуле на Каме, в 60 верстах от Ижевска, в количестве 6000 боевых, самых ярых и злых большевиков — латышей и мадьяр — с 8 пушками и 32 пулеметами высадилась с пароходов на пристани Гольяны и повела наступление на Ижевск по Гольянскому шоссе. Отряд этот шел под командой знаменитого большевика Антонова, имевшего строжайший приказ от Ленина и Троцкого: «Взять Ижевские заводы во что бы то ни стало».

Ижевский маленький отряд из артиллерийских чиновников под командованием энергичного штабс-капитана Куракина, охранявший Гольянское шоссе, невзирая на громадное превосходство сил противника, ввязался с ним в огневой бой. Антонов со своим отрядом пытался окружить куракинский отряд и уничтожить его, но этого он не мог сделать, так как ижевцы убежали от них в таинственный лес.

Наступила ночь. Впереди антоновского отряда, на его пути, стоял огромный мрачный лес, в который, как в пропасть, утопала на 18 верст просека, а в ней шоссе. Глядя на наступающую ночь, Антонов не решился вступить в этот страшный лес, а отошел в сторону и на открытой

местности, вблизи села Завьялов, в 18 верстах от Ижевска, остановил свой отряд на ночлег.

Куракинский отряд не дремал в эту ночь. Он побывал в Ижевске, разыскал там и взял с собою большое количество взрывчатых веществ; затем вернулся в лес и в шести верстах от Ижевска, в просеке под шоссе, по которому намерен был двигаться противник, закопал громадный фугас, оставив здесь для взрыва двух подрывников.

Жители Ижевска, опасаясь победы большевиков в предстоявшем бою, после которого Антонов войдет в город праздновать свою победу и тут, во время своего торжества, кровью ижевцев и их семейств зальет все улицы города, решили дать необыкновенно громкий тревожный сигнал могущественным заводским паровым гудком, как это сделали в свое время их предки при нападении на Ижевские заводы отрядов Пугачева. Этот тревожный сигнал даст понять об опасности каждому ижевцу и заставит всех, могущих взять оружие, выступить в бой против приближающегося к Ижевску противника.

18 августа в 2 часа дня противник приблизился к лесу по шоссе на 6 верст к Ижевску и напел на фугас. Подрывники взорвали фугас и тем произвели в колонне противника большое смятение и потери. Но подрывники, геройски выполнившие свою задачу, были тотчас же большевиками пойманы и расстреляны.

Противник стал громить город пушками. Снаряды летели в город и разрывались на улицах. Но вот раздался необыкновенно громкий сигнал могущественного заводского парового гудка, который, говорят, бывает слышен в тихую погоду за 40 верст от заводов. Этот гудок, действительно, дал понять всем о надвигающейся опасности и заставил их, взяв в руки оружие, идти в лес туда, откуда по Ижевску стреляет артиллерия противника.

Полковник Федичкин, выйдя из штаба армии со своим личным адъютантом поручиком Попковым, собрав на улице 600 первых попавшихся им навстречу ижевцев и взяв единственную имевшуюся в оружейном заводе пушку с самодельными снарядами, вошел в лес, в просеку, и здесь в продолжение целого часа удерживали продвижение колонны Антонова к Ижевску одним только ружейным огнем, так как пушка после шести выстрелов заклинилась от несовершенства выделки гильзы и в этот важный момент боя была отправлена на завод для починки.

К этому времени вооруженное население Ижевска, формируемое фронтовиками в роты, отправлялось под командой офицеров в лес на Гольянское шоссе. При входе в лес, в просеку, полковник Федичкин объяснял ижевцам боевую задачу: «Окружить противника в лесу и

уничтожить его». Дал капитану Цыганову задачу колонной идти по лесу, обходя противника с левого фланга, штабс-капитану Перевалу — колонной обойти противнику правый фланг, зайти ему в тыл и отрезать путь отступления и штабс-капитану Терентьеву — бить своей колонной в лоб противнику.

Все остальные подходившие из города роты были направляемы в лес по следам ушедших колонн. Таким образом получился в лесу длинный мешок, в котором очутился противник благодаря тому, что лес вполне скрывал продвижение обходных ижевских колонн на фланги и тыл противника.

Не имея ни дозоров, ни разведки в лесу, Антонов все же почувствовал вокруг себя огромную враждебную силу и развил из 6000 ружей, 32 пулеметов и 8 орудий такой жестокий огонь, что ижевцам в лесу пришлось закопаться в землю или лезть на вершины деревьев, откуда было видно, куда надо стрелять.

К рассвету 19 августа противник расстрелял все патроны и снаряды и стрельба затихла. Ижевцы бросились на обессиленных красных с громким криком «Ура!» и добили насмерть всех раненых большевиков. Ижевцы в этом бою разбогатели пушкой, пулеметами, награбленным большевиками золотом и массой коммунистической литературы, которую тут же в лесу сожгли дотла.

По окончании этого боя семьи ижевских защитников встретили их с церковным колокольным звоном, с крестным ходом, с большим хором соборных певчих, певших благодарственные молитвы Богу со слезами радости на заплаканных глазах.

После этого боя отряд артиллерийских чиновников под командой энергичного штабс-капитана Куракина взял пристань Гольяны на реке Каме и тем отрезал сообщение между штабом 2-й Красной армии в Сарапуле и штабом 3-й армии, стоявшим в городе Перми.

Чтобы держать реку Каму в своих руках, ижевцы должны были иметь свои гарнизоны войск на обоих ее берегах. Для этого были поставлены небольшие войсковые части по 100, по 200 человек из местных крестьян в деревнях Еловке, Степановке, Сойчатке, Ершовке, Комбарском заводе. Для сообщения с Уфимской армией потом было послано 5 отрядов, общей численностью в 500 человек. Они должны были наблюдать за действиями противника на левом берегу реки Камы и охранять путь Сарапул—Бирск.

По установлении связи с Уфой эти части образовали из себя этапы на пути к городу Уфе.

Выяснилось из данных контрразведки, что в Сарапуле произошла стычка между городским советом и штабом 2-й Красной армии из-за

24 000 000 рублей золотом купеческих денег, хранившихся в сарапульских отделениях банков. Эти деньги штаб 2-й армии забрал себе и удрал с ними в Вятские Поляны, оставив в Сарапуле лишь незначительный отряд красных.

Отряд штабс-капитана Куракина из артиллерийских чиновников, после нескольких незначительных стычек в городе с отрядом красных, взял Сарапул и объявил там мобилизацию. Мобилизованных получилось 800 пешехоновских рабочих кожевенного завода, полубольшевиков. Они потребовали зачисления на все виды довольствия, а воевать с большевиками не пошли.

Крестьянские отряды

Одновременно с наступлением со стороны города Казани большевики еще вели наступление на Ижевск с запада от города Вятки и города Малмыжа и с севера от города Глазова и станции Северной железной дороги Чепцы, стараясь взять восставший против большевиков Прикамский край.

Крестьян Вятской губернии разоряли до сих пор сильно вооруженные красноармейские отряды, имевшие назначение отбирать даром от крестьян их собственный хлеб и скот и отправлять на довольствие частей все увеличивающейся с каждым днем Красной армии. Когда же восстали ижевцы, большевики обязали крестьян кормить все отряды Красной армии, направленные против ижевцев, и, кроме того, возить их на своих лошадях чуть не до самого Ижевска.

Поэтому вятские крестьяне секретно, в глухих лесах, в глубоких оврагах сделали сходы и порешили послать к ижевцам делегатов с просьбой о выдаче крестьянам оружия для защиты собственной жизни и имущества от грабежа большевистских продовольственных отрядов. Крестьянские делегаты были приняты в Ижевске, и просьба их была удовлетворена.

У крестьян были настоящие солдаты и офицеры с большим боевым цензом в период Первой мировой войны, чего у Ижевской армии недоставало. Поэтому полковник Федичкин, с согласия Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, приказал начальнику штаба, коренному ижевцу, который знал в лицо всех ижевцев, формировать из крестьянских солдат и офицеров боевые отряды, вооружать их и давать им боевые задания. За эту помощь крестьяне обязались привозить в Ижевск хлеб и съестные припасы в необходимом количестве для рабочих заводов.

Крестьяне быстро сформировали из рот большие отряды и начали с жаром уничтожать на своей территории все большевистские продовольственные отряды и драться против отрядов Красной армии, которых не пропускали к Ижевску. Благодаря богатству телефонных и телеграфных линий в Вятской губернии, связь крестьянских отрядов со штабом Ижевской Народной армии поддерживалась непрерывно.

Таким образом, в уездах Вятской губернии Малмыжском и Уржумском было сформировано 8 отрядов по 10 000 солдат-крестьян в каждом, и эти отряды образовали собою фронт в 130 верст длиною и в продолжение трех месяцев не пропускали в эти два уезда ни продовольственных отрядов, посылаемых для грабежа, ни карательных отрядов, посылаемых против ижевцев.

По Северной железной дороге, между городом Глазовом и станцией Чепцы, был образован Северный фронт на протяжении 150 верст, который в течение трех месяцев совершенно очистил Глазовский и Сарапульский уезды от красноармейских отрядов. На Северном фронте дралось 10 отрядов по 10 000 крестьян-солдат в каждом под общей командой ижевца капитана Зуева[110] с начальником штаба фронта капитаном Мироновым.

В начале октября большевиками были стянуты резервы из городов Вятки и Перми, количеством в 15 000 человек, с большим количеством артиллерии, и посланы на Северный фронт. После целого ряда упорных боев Ижевский Северный фронт должен был отступить на 30 верст и оставался здесь, снова укрепившись на позиции, до ликвидации восстания.

Ижевская армия, в виде боевых крестьянских отрядов находящаяся между Глазовом и станцией Северной железной дороги Чепцы, являлась сильной угрозой 3-й Красной армии, действовавшей в Пермской губернии, штаб которой находился в городе Перми на реке Каме, имея возможность отрезать ее от базы занятием линии Северной железной дороги на участке Глазов—Чепцы.

В середине сентября высшим большевистским командованием было выслано из города Вологды по Северной железной дороге через город Вятку 5 советских полков пехоты и один полк кавалерии при двух батареях с громадным количеством снарядов.

Два полка пехоты, 400 человек кавалерии и одна полевая батарея спустились на пароходах по реке Вятке и заняли город Нолинск 18 сентября и город Уржум 20 сентября; оттуда походным порядком, вернее, на крестьянских подводах двинулись к Ижевску. Остальные три советских полка с кавалерией и артиллерией прибыли

на станцию Северной железной дороги Чепцы и остановились в деревнях по линии этой дороги, как в исходных пунктах для наступления на Ижевск.

Все эти полки, пришедшие из России, привезли с собой заразные средства для населения и частей Ижевской Народной армии. Сообщая населению о преувеличенных победах красных, о могуществе Красной армии и ее несокрушимости, они угрожали жестокой расправой сопротивляющимся вплоть до поголовного уничтожения населения. Они все же мало имели успеха, так как жители еще до восстания испытали на себе в полной мере добродетели советских комиссаров.

На выборных позициях с хорошим обстрелом были построены руками крестьян на громадном протяжении глубокие окопы полного профиля и убежища от огня артиллерии. Для связи пользовались существовавшими здесь телеграфными и телефонными линиями, а там, где их не было, проводили новые. В качестве конной связи широко пользовались местными крестьянами.

Сведения о большевиках в этой местности давались беженцами из городов Вятки и Глазова, которые, кроме сообщений о численности и намерениях противника, давали еще знать населению о всех зверствах большевиков на линии Северной железной дороги, а также поддерживали таким образом в населении страх и ненависть к большевикам.

3-я армия красных, стоявшая в Пермской губернии и действовавшая против Сибирской армии в районе Екатеринбурга, имея полные сведения о находящейся у нее в тылу Ижевской Народной армии, не могла равнодушно относиться к ней, боясь быть отрезанной от города Вятки. С самого начала Ижевского восстания она выделила из своего состава кадр, сформировала из местных мобилизованных, настроенных против большевиков крестьян 6 полков и еще просила из центра войск для охраны Северной железной дороги со стороны Ижевска.

Но так как в то время высшее командование Красной армии было занято задачей вернуть занятые белыми города Казань, Самару, Оренбург и не дать белым сформироваться, большая часть советских формирований была брошена туда.

3-я армия красных, не получая из центра никаких войск против Ижевской Народной армии, ограничилась 6 сформированными из местных крестьян, ненавидевших большевиков, полками. Эти 6 полков прекрасно работали в пользу Ижевской армии, исполняя свои задачи. Они все время наступали и, разбитые, отступали, оставляя ижевцам свои пушки, пулеметы и отнятый от крестьян хлеб и скот.

Затем эти полки снова пополнялись, вооружались, снова наступали на ижевцев, разбитые — отступали, оставляли ижевцам новые трофеи и так старались действовать для ижевцев до самой ликвидации Ижевской Народной армии.

Западный фронт

После взятия большевиками города Казани ближайшей задачей Красной армии, действовавшей на Казань, стала ликвидация Ижевского восстания. Для выполнения этой задачи Троцкий выслал из Казани 3 дивизии пехоты, 2 полка кавалерии. направив их по Казанской железной дороге на город Сарапул.

На станции Сюгинский Завод войска выгрузились и заняли линию деревень с центром на станции железной дороги Вятские Поляны у железнодорожного моста через судоходную реку Вятку, где были сгруппированы главные силы противника.

Ижевская Народная армия, в зависимости от расположения противника и его частных задач, а также по условиям местности, заняла фронт также по линии деревень, с общим количеством вооруженных сил в 3000 человек при трех полевых скорострельных орудиях и 12 пулеметах, с тремя ближними и одним дальним резервами.

Задачей Ижевского Западного фронта была: продолжительная оборона занятой позиции, насколько хватит сил и средств у Ижевской Народной армии. Фронт был соединен телефоном и телеграфом как по фронту, так и с резервами и тылом — Ижевском. Был устроен ряд отдельных укрепленных пунктов с окопами полного профиля и блиндажами.

Питание фронта происходило по Казанской железной дороге до станции Ганжа, затем по Постольской железной дороге до станции Верхний Постол. Войска же, находившиеся далеко от железнодорожных станций, получали из Ижевска только артиллерийское довольствие, а прочее — от местных крестьянских обществ.

Противник повел энергичную разведку кавалерийскими частями, вооруженными пулеметами Льюиса и имеющими большой штат пропагандистов-агитаторов, снабженных большим количеством коммунистической литературы и денег для привлечения населения на свою сторону. Агитаторы проникали в районы восставших против большевиков и начали разрушительную работу внутри Ижевской Народной армии.

История антибольшевистского движения в Сибири не была известна на Каме. Из большевистских газет и радиотелеграмм мы зна-

ли только, что в Сибири работает «контрреволюционный отряд атамана Семенова», который большевики обещались в недалеком будущем разбить и таким образом «уничтожить гидру контрреволюции». В Уфе, Самаре, по большевистским газетам, все было благополучно. В Оренбурге было восстание атамана Дутова, которое с большой жестокостью было подавлено Красной армией. Вот это все, что ижевцы знали о противобольшевистском движении в России до падения Казани.

Узнав от большевиков, что Казань восстала против них, восстал и Ижевск. Естественно, что Ижевску надо было соединиться с Казанью во что бы то ни стало для большего успеха общего дела и для того, чтобы воспользоваться громадными складами вооружения, обмундирования, а главное — получить из казанских пороховых складов и погребов порох для ружейных патронов и артиллерийских снарядов. У ижевцев был пороховой голод.

От Ижевска до Казани 340 верст расстояния, занятого большевиками. Пробиться к Казани силы ижевцев не могли, но были уверены, что Казань, как большой город, военный округ, легко может сама соединиться с Ижевском и помочь, воспользовавшись ижевскими винтовками. Из Ижевска в Казань были посланы секретным способом три лазутчика-ижевца известить казанцев о восстании в Ижевске и о готовности действовать с Казанью совместно и подчиниться казанскому командованию. Просить для Ижевской Народной армии патроны, пушки, пулеметы, снаряды, пироксилин и порох. Две недели ижевские лазутчики просили это у Казанского штаба, но ему, как видно, было не до Ижевска.

Только после падения Казани часть Волжской военной флотилии под командой капитана 2-го ранга Феодосьева, принужденная отступать от Казани вверх по реке Каме, дошла до Сарапула. Капитаном Феодосьевым на усиление Ижевской армии было дано: 40 000 ружейных патронов, 30 фунтов толу, 100 капсюлей к ручным гранатам, 50 кавалерийских седел и одна полуторадюймовая пушка с 50 снарядами. Вот это все, что дала ижевцам богатая Казань.

Надежды ижевцев не оправдались. Эта флотилия спустилась вниз по Каме и остановилась в устье реки Белой, получив задачу охранять ее. Штаб Ижевской армии был связан с нею радиотелеграфом. Полковник Федичкин несколько раз запрашивал капитана Феодосьева, будет ли его флотилия надежно охранять реку Каму и будет ли Кама закрыта для прохода по ней большевистской флотилии. Капитан Феодосьев потребовал от Ижевского штаба армии 500 человек для охраны реки Камы в устье реки Белой, где сам стоял с флотилией.

Казалось бы, что при приличном количестве артиллерии, снарядов, ружейных патронов, а также достаточном количестве подрывных средств, вывезенных из Казани для минирования реки Камы, можно было бы до наступления морозов охранять Каму. Но случилось иначе.

Флотилия по неизвестным причинам, не предупредив о том штаб Ижевской армии, в один прекрасный день уплыла вверх по реке Белой в город Уфу и таким образом открыла путь флотилии большевиков по направлению к Перми, вверх по Каме. На следующий день появилось у пристани Гольяны 6 большевистских канонерок, отрезавших таким образом Ижевскую Народную армию от уфимских войск. Это было одной из главных причин, способствовавших падению Прикамского края.

В октябре месяце отряд артиллерийских чиновников под командой хорошо известного героя штабс-капитана Куракина был послан пробиваться в города Уфу и Самару, о восстании которых ижевцы узнали от казанцев. Отряд этот достиг своей цели. Получил из Самары 60 комплектов обмундирования, 60 пудов взрывчатых веществ, 10 000 трехдюймовых артиллерийских снарядов, 15 000 000 денег для уплаты жалованья ижевским рабочим и содержания Ижевской Народной армии.

Так как пространство между Уфой и Сарапулом было занято большевистской кавалерией Блюхера, то доставка Куракиным груза в Ижевск сильно замедлилась. Отряд Куракина, не имея возможности везти груз ни сухим путем, ни по реке Каме, должен был налегке, взяв только деньги да полевые телефонные аппараты, пробиваться к Ижевску. К этому времени Сарапул, стоящий на берегу реки Камы, был снова взят большевиками, и, следовательно, путь к Ижевску был отрезан. Но отряд все же выполнил свою задачу: деньги и телефоны принес в Ижевск, а весь остальной груз оставил на пароходе на реке Белой около города Бирска.

Узнав о назначении Верховным главнокомандующим всеми сухопутными и морскими силами России генерала Болдырева, главнокомандующий войсками края полковник Федичкин послал ему рапорт о состоянии армии Прикамского края и ее средствах и о необходимости присылки из Сибири одного полка пехоты с артиллерией и запасом патронов.

Присылка полка из Сибири была нужна для моральной поддержки прикамских войск и для того, чтобы население Прикамского края могло убедиться в том, что не оно одно восстало против большевиков, но и Сибирь свергла советскую власть и уже имеет крепкую и боеспособную армию, которая готова поддержать в борьбе с большевиками При-

камский край. В этом рапорте описывалась работоспособность и производительность в настоящий момент ижевских заводов и что они выделывают по 2500 винтовок ежедневно. Сибирской армии нужны винтовки, и, следовательно, в ее интересах держать единственный и богатейший в России Ижевский завод.

Хотя войск из Сибири в Ижевск просилось немного, но все же ни одного солдата, ни одного патрона, ни одной пушки генерал Болдырев не послал в Ижевск для поддержки Прикамской армии.

Вместе с рапортом генералу Болдыреву полковником Федичкиным было послано 15 000 новых проверенных и пристрелянных винтовок, но никакого письменного или телеграфного распоряжения в Прикамскую армию Верховным главнокомандующим генералом Болдыревым послано не было. Прикамская Народная армия с самого своего начала и до конца действовала самостоятельно, не получая никакой помощи и никаких директив откуда-нибудь.

Итак, связь с Самарой, Казанью и Уфой была сделана, но от этого Прикамскому краю стало не легче. Помощи никакой не получили, но узнали лишь о слабости все время отступающей Белой армии, которая помощи ижевцам дать не могла.

В конце октября средства Прикамской армии пришли к концу, и надежда на получение помощи извне была совершенно потеряна. Большевики, взяв Самару и Казань, надавили со всех сторон на Прикамскую армию. Они отрезали от Ижевска все крестьянские отряды, окружили Ижевск со всех сторон сильно вооруженными большими силами Красной армии и выслали в Ижевск делегатов с требованием выдачи большевикам главных деятелей восстания.

Полковник Федичкин 20 октября собрал вместе всю ижевскую администрацию и Комитет членов Всероссийского Учредительного собрания и объявил о немедленной эвакуации тех, кто не может доверить своей жизни большевикам. Пока есть возможность, в течение нескольких ближайших дней эвакуировать женщин и детей и ценное имущество. Через неделю у ижевцев не будет ни одного патрона и снаряда и «мы должны будем бежать из Ижевска голыми по льду через реку Каму».

Председатель Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания Евсеев не согласился с полковником Федичкиным и назвал заявление его об эвакуации трусостью. Тогда полковник Федичкин потребовал от Прикамского Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания увольнения его в отставку вследствие расстроенного состояния здоровья и командирования в распоряжение Верховного главнокомандующего сухопутными и морскими силами России генера-

ла Болдырева в город Уфу. Получив документы от Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания, полковник Федичкин со своим личным адъютантом капитаном Попковым сели на верховых лошадей и в ночь поехали через расположение красных войск в город Уфу.

Через несколько дней большевики вошли в Ижевск и расстреляли там на площади Михайловского собора 400 рабочих.

Ижевская армия с частью семейств и частью крестьянских отрядов с большим трудом и лишениями кое-как пробилась в Уфу.

С. Лотков[111]

КАМСКО-ВОТКИНСКИЙ ЗАВОД И ЕГО РАБОЧИЕ[112]

Огромной ценностью Камско-Воткинского завода были его рабочие. Завод вырабатывал не только металл и машины; он создавал целые кадры прекраснейших высококвалифицированных мастеров и специалистов по всем многочисленным профессиям своего обширного производства.

На нем служили настоящие русские рабочие, у которых прадеды, деды и отцы несли ту же службу — работу и в жизни которых были частые случаи перехода одного и того же станка к сыну после того, как его отец достигал предельного возраста и уходил на покой. Сыновья рабочих, окончив школу, поступали на завод мальчиками — посыльными, знали все цеха, чувствовали себя на заводской территории как дома. Подрастая, они постепенно переходили на производство подручными и подмастерьями, становились к станкам и пополняли кадры всех специальностей. Заводской рабочий после достижения предельного возраста, определенного в 56 лет, мог уходить на покой, за свой честный труд получая до конца жизни ежегодную от Царя-батюшки пенсию.

Каждый заводской рабочий состоял обязательным членом горно-заводской пенсионно-больничной кассы Главного управления Уральскими казенными заводами. В случае болезни или увечья рабочего эта касса выдавала на содержание его семьи половину заработной платы, вне зависимости от того, сколько бы дней он не выходил на работу. От кассы он получал денежные пособия при разных несчастных случаях, умер ли кто в семье рабочего, случился ли у него пожар, пала ли лошадь или корова, рабочему оказывалась необходимая помощь. В тех же случаях, когда рабочему были нужны деньги, будь то по хозяйству, по покупке инвентаря, на свадьбу детей и т. п., он мог брать из кассы беспроцентную ссуду и на очень льготных условиях постепенного погашения; ни

ломбардов, ни ростовщиков для воткинского рабочего не требовалось. Прекрасно была поставлена бесплатная медицинская помощь, как рабочим, так и их семьям. Для этого существовал прекрасно оборудованный госпиталь с бесплатной для рабочих аптекой.

Каждый рабочий был владельцем усадебного участка земли, с небольшим домом, садом и огородом; он не знал, что значит покупать молоко, яйца или овощи — все это было от своего хозяйства, от своей коровы (а то и двух), от своей домашней птицы, со своего огорода.

Рабочие жили в крепкой дружбе с крестьянами соседних деревень. В каждой рабочей семье были свои любимые друзья крестьяне; со многими были в близком и дальнем родстве. Большинство крестьян, ехавших на завод за покупками или по делам, заезжали в знакомые рабочие дома так же, как бы к самим себе. Дружба была родовая, шла от дедов и отцов к сыновьям и внукам. Так жили рабочие Воткинского завода; так же жили многочисленные русские рабочие Уральских горных казенных заводов, так жили рабочие Ижевского оружейного завода, Мотовилихинского пушечного завода и, нисколько не отставая в своем благополучии, жили рабочие частновладельческих заводов Демидова, Яковлева, Абамелек-Лазаревой, Поклевских-Козел...

Наступили тяжкие дни. Рабочие, вскормленные на свободе просторных русских полей и лесов, привычные жить в довольстве, были зажаты в тиски пришедшей «рабоче-крестьянской советской власти». Кондовые рабочие, люди высоких традиций и крепких устоев, привычные жить своей самобытной жизнью, по́том и кровью прадедов, дедов и отцов создавшие свое благополучие, не могли примириться с бесчинствами безбожников большевиков.

С первых же дней власти Советов эти рабочие почувствовали всю прелесть этой «рабочей» власти. Вообще в массе коренных рабочих завода большевиков не было, но, как всегда бывает, в семье все же оказались уроды, большевистские прихвостни вроде техника Гилева, двух братьев и сестры Казеновых, матроса Бердникова и других лиц из «интеллигенции», главную же опору новой власти составили пришлые элементы, обильно нанесенные в завод военным временем, которым и завод был не дорог, и терять было нечего.

Только весной 1918 года на завод явились командированные из губернского земства представители советской власти (в том числе недоросль студент Серебряков). Большевики сразу увидели, что им не найти опоры в коренной массе заводских рабочих, и начали прибирать к рукам темный элемент городского населения, разных пропойц-зимогоров, не знающих ни рода ни племени и частично недавно только вышедших из тюрьмы.

Во главе их встал «бахвальный», безграмотный арестант, «рыжий», Филипп Баклушин (убил когда-то мастера заводского цеха, был сослан на Сахалин в бессрочную каторгу, где пробыл 16 лет, но с революцией все это «золото» было освобождено, и он приплыл обратно на завод). Затмив своим уголовным прошлым всех остальных местных большевистских заправил, этот матерый каторжанин стал орудовать на заводе. Грозный и мстительный, он возглавил местный Совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов и стал давить и терроризировать все население.

Нашлись, однако, смелые люди, решившие его убрать: в его квартиру была брошена бомба, не достигшая, однако, цели; она запуталась в портьере окна, не дала достаточно распространенного удара, и Баклушин, спавший случайно в другой комнате, отделался только ушибом руки. Улик не было, виновных не обнаружили, но по приказу Баклушина были арестованы два молодых рабочих, стоявшие во главе антибольшевистского движения, и расстреляны самим Баклушиным на дворе Совдепа.

Постепенно вся эта преступная шайка раскачивалась и именем власти стала насильственно все ломать. Все, что было дорого рабочему, их веками сложившийся уклад жизни, их материальное благополучие — все это крушилось и уничтожалось одним росчерком комиссара, убийцы и каторжанина.

Новая «рабочая власть» сказала рабочим: «Знай твой станок, ни земли, ни покосов, ни дома тебе не нужно». Сказала и отобрала земли и вековые покосы, стала подбираться и под дома. У рабочих отняли постепенно все, что не полагалось иметь пролетарию. Шла жестокая перекройка: уральских рабочих, тружеников и собственников, силой переделывали в пролетариев чистейшей воды. Запретили ловить рыбу в заводском пруду: рабочий-де не рыбак и должен стоять у станка, деньги за сдаваемые в своем доме квартиры рабочий должен был сдавать в коммунальное правление — это очищало его от буржуазных задатков. Наступили тяжкие времена; каждый день приносил новое насилие; рабочие стали бояться нового дня.

После развала армии на завод стали возвращаться сыновья рабочих, взятые во время войны на военную службу. Они основали заводской Союз фронтовиков, поставивший целью взаимопомощь своим членам по устройству на службу, на работу. Союз быстро расширился и окреп; число его членов дошло до 800 человек, и он представил силу, с которой местному Совдепу пришлось очень скоро серьезно считаться.

Когда местные комиссары хотели провести насильственную мобилизацию бывших солдат для отправки на борьбу с атаманом Дутовым,

то Союз им заявил, что он готов защищать советскую власть, но требует выдать им винтовки и снаряжение сейчас же и здесь, у себя, на заводе. Конечно, комиссары не могли согласиться на такое требование, и мобилизация была сорвана. Между Совдепом и Союзом фронтовиков создалась весьма напряженная атмосфера.

Она стала еще более острой после того, как совдеп не допустил в свой состав уполномоченных от рабочих завода. Совдеп отлично знал, что рабочие представители не могли быть на его стороне, а потому и делал все, чтобы иметь свой большевистский состав, и достиг этого всякими ухищрениями, пользуясь модными тогда «кооптациями» и пополняясь совершенно чуждыми заводу элементами. Когда же рабочие все же выбрали своих уполномоченных, то Совдеп не допустил их в свой состав.

Не удовлетворили комиссаров также и выборы в цеховые комитеты (вместо заведующих цехами). Тогда, при организации коллегиального Совета управления заводом, комиссары просто назначили туда себя самих и своих людей — матроса Бердникова, мастера Казенова, каторжанина Баклушина и недоучившегося студента Серебрякова, после чего эта «знать» и воссела в кабинет начальника завода.

За долголетнее существование завода в первый раз стены управления увидели такую администрацию по ведению огромнейшей заводской работы. Ясно, что все это вызывало возмущение среди рабочих; скрытые затаенные раньше обиды и злоба стали переходить в открытую ненависть к новой власти. Делалось все более ясным, что чаша терпения рабочих наполнилась до краев и что дальше так продолжаться не могло.

Нужно сказать, что то же самое произошло и на Ижевском оружейном заводе, только там сами «товарищи» зашли еще дальше и расстреляли несколько видных рабочих. Атмосфера там дошла до белого каления.

Ужасное время переживало все Прикамье в тяжкое лето 1918 года. На всей территории от Перми до Казани, по правому и левому берегам Камы, свирепствовали насилие и большевистский террор. Шел стон русского народа, стонал и русский крестьянин-землероб, ему вторил и исконный уральский рабочий.

Жизнь каждого висела на волоске: всюду под ударами красных палачей лилась кровь невинных жертв, коими были переполнены все тюрьмы; там в невероятных условиях мучились офицеры и чиновники, священники и торговые люди, врачи, адвокаты, рабочие и крестьяне; каждую ночь шли пытки и расстрелы.

В городе Сарапуле, где стоял штаб 2-й Красной армии, со всего края свозили заложников, которых и держали в речных баржах. Из

одной только Уфы было туда доставлено более 200 таких жертв, которые после того, как чехи заняли Уфу, были все поголовно расстреляны и сброшены в Каму.

Почти все фабриканты и торгово-промышленники богатого Прикамского края были начисто ограблены и убиты. По селам и деревням рыскали агенты Чека, наводя на всех смертельный ужас. Продовольственные отряды Красной армии шныряли по всем углам, отнимая у крестьян хлеб, скот и другие припасы и беспощадно расправляясь с теми, кто только осмеливался протестовать против красного насилия.

Безоружные прикамские жители не имели средств для самозащиты. Нашлись, однако, более смелые и сильные духом люди, которые начали борьбу против комиссаров. Поручик Жуланов[113] в Осинском уезде и поручик Рычагов[114] в Красноуфимском уезде подобрали себе таких же смельчаков и, укрываясь в лесах, выслеживали красные продовольственные отряды и их уничтожали, добывая одновременно оружие для борьбы с большевиками.

В это время на завод стали доходить слухи, что на Волге и Белой, около Самары и Уфы, уже не было большевиков. Как-то веселее стало на душе, явилась надежда, что есть на свете места, куда можно уйти от окружавшего страха и ужаса.

Одновременно у рабочих Воткинского и Ижевского заводов зародилась мысль вооруженного выступления против красных насильников. На тайных совещаниях представителей фронтовиков обоих заводов было решено захватить склады оружия, имевшиеся в Ижевском заводе. Никто не сомневался, что как все заводское население, так и крестьяне окружных деревень станут на сторону восставших. Силы красных в Ижевске доходили в это время до 1500 человек красногвардейцев с пулеметами; в Воткинском заводе их было до 800 человек, но все это не страшило фронтовиков.

7 августа ночью на улицах Ижевского завода в опытных руках восставших заработали винтовки: утром 8-го был захвачен весь завод и склады оружия. Заводское население дружно стало на сторону фронтовиков, было сброшено ненавистное большевистское иго. Вспыхнуло пламя смертельной борьбы рабочих против «рабочей» власти. Ижевская народная армия из 15 000 бойцов рабочих подняла знамя борьбы за спасение Родины. Рабочие Воткинского завода в это время были доведены большевиками до пределов ненависти и злобы и представляли собой бочку с порохом, готовую взорваться в любую минуту.

Воткинские фронтовики держали непрерывную связь с ижевцами. В день восстания в Ижевске были посланные туда из Воткинска

фронтовики Непряхин, Разживин[115] и Петров[116], доставившие ижевцам просьбу возможно скорее прислать оружие.

В исполнение этой просьбы в Ижевске было решено послать на помощь воткинцам роту в 250 человек, причем каждый боец должен был нести по две винтовки. Эта рота должна была подойти к Воткинскому заводу на рассвете 17 августа, и ее первый залп должен был быть сигналом для восстания фронтовиков-воткинцев. После принятого решения воткинская связь в лице Разживина и Непряхина вернулась обратно, а поручик Петров остался, чтобы идти с назначенной Ижевской ротой.

Все держалось в строжайшем секрете; это был вопрос жизни или смерти. До последнего дня об этом знала только пятерка тайного Совета фронтовиков. Был разработан план восстания, велись тайные переговоры с отдельными офицерами-воткинцами. Штабс-капитан Мудрынин[117] и Шадрин, капитан Чебкасов[118], ротмистр Агафонов, поручик Пьянков и др. дали свое согласие руководить действиями восставших.

В это время местные красные заправилы были деятельно заняты сформированием отрядов для отправки на фронт против ижевцев; готовился даже бронепоезд. Наступила напряженная ночь на 17 августа. Никто из рабочих не знал, что завтра раздадутся оружейные залпы и завод освободится от ненавистного Совдепа. Большевистская головка митинговала, готовила банды красных наймитов для сокрушения ижевцев. Совдепщики и их присные не подозревали, что завтра их будут ловить как зайцев и что для многих 17 августа будет последним днем их жизни.

Завод спал; по внешности не было никаких признаков грядущего и уже столь близкого восстания. Только Совет фронтовиков во главе со своим председателем, решительным и смелым прапорщиком В.И. Мерзляковым, и членами Совета Разживиным, Непряхиным, Мехоношиным, Стялскиным и Пьянковым заканчивали детальную разработку действий по разоружению главной опоры большевиков — их красного гарнизона из 800 человек красногвардейской завали.

Было решено по первому сигналу захватить прежде всего Совдеп и большевистский Центральный исполнительный комитет, овладев имевшимися там винтовками, захватить в свои руки почту, телеграф и телефонную станцию, управление завода и казначейство, а также снять рельсы у железнодорожного моста через реку Сивую и этим прекратить сообщение с Камской пристанью.

Приближалось долгожданное утро; все фронтовики заняли назначенные места и ждали прихода Ижевской роты и шедшего с нею

оружия. Прошел час-другой. Солнце осветило завод, настало ясное августовское утро, а ижевцев, которые должны были подойти на рассвете, все нет и нет. Как выяснилось потом, они не могли не опоздать, так как им надо было пройти одним махом 60 верст, двигаясь ночью и без дорог, прямиком через лес. Только в 8 часов утра раздался залп, рассыпанные цепи ижевцев входили в завод с западной стороны, со стороны Сарапульского тракта.

Красные были застигнуты врасплох; среди красноармейцев началась паника, но все же сгруппировалось ядро более 250 человек и начался смертельный бой с Ижевской ротой. В это время фронтовики-воткинцы с одними револьверами в руках сбили красные посты, захватили Совдеп, вооружились взятыми там винтовками и бросились на помощь ижевцам, заходя в тыл противостоящим красногвардейцам.

Закипел уличный бой; частая стрельба огласила улицы. Забегали, заметались большевики, но уже было поздно. Часть красных наймитов разбежалась, побросав винтовки, а главное ядро, человек 360, решило уходить с завода и, лавируя по улицам, успело достигнуть прилежащего леса и ушло по тракту на село Дебессы.

Вся большевистская головка была захвачена: только Баклушину и Серебрякову удалось скрыться и бежать в лес. Невольное опоздание ижевцев было их спасением, ибо дало им возможность переплыть на лодке на другой берег пруда.

Через какой-нибудь час на заводе не оставалось уже и следа большевистской власти. Только по тракту на Дебессы слышна была перестрелка — то фронтовики гнали дальше ушедших по этому направлению большевиков. В первый же день их отбросили верст на 20 от завода; было захвачено и закреплено село Мишкино (в 18 верстах). Так прошел первый благословенный день, полный таких событий, волнений и радости.

На улицах остались следы боя: лежало несколько десятков красногвардейских трупов, воткинцы-фронтовики отделались только легкими ранами, но ижевская рота понесла большую утрату: в уличном бою был сражен и пал смертью храбрых ее доблестный командир поручик Мельников; он выполнил возложенную на него тяжелую задачу, но вернулся в Ижевск мертвым.

С быстротой молнии разнеслась по всему заводу радостная весть об изгнании большевиков. Рабочие высыпали на улицы и сразу же приняли живое и деятельное участие в помощи фронтовикам. Всем достаточно насолила эта «рабочая власть». Все от мала до велика спешили помогать, кто и чем мог. Уже в 11 часов дня рабочие-воткинцы в собрании имени Чайковского угощали уставших ижевских

бойцов, протянувших руку помощи в борьбе избавления от ненавистной власти.

В этой борьбе все слились воедино. Заводское собрание вынесло постановление поддержать всемерно фронтовиков и решиться лучше умереть в бою, чем ползать на коленях перед красными комиссарами. В воскресенье, 17 августа, рабочие Воткинского завода решили все как один с оружием в руках бороться против большевиков до последней капли крови. Движимые чувством любви к Родине, они восстали против власти, которая имела наглость назвать себя «рабоче-крестьянской», и с этого дня повели против нее героическую беспримерную борьбу.

В первый же день были сформированы роты из рабочих: первая под командой чертежника А.Н. Наугольных пошла на Мишкинский боевой участок, чтобы сменить там фронтовиков, вторая рота под командой счетовода Мудрынина была отправлена занять Бабкинский участок. Затем началось сведение рот в полки; первый полк из рабочих повстанцев был назван «17 Августа заводской полк». Через пять дней сформировался конный отряд ротмистра Агафонова.

Закипел рабочий муравейник, но уже не у привычного заводского станка, а на полях битвы, с винтовками в руках. Прогремели воткинские рабочие, но не только своими пароходами и машинами, а и славой своих подвигов в борьбе за Россию. Среди рабочих нашлись и свои военные — опытные командиры, изрядно вкусившие залах пороха в Германскую войну сыновья рабочих.

Многие из солдат-рабочих отличились в боях, были украшены Георгиевскими крестами, заработали офицерские чины; среди них высились штабс-капитаны Мудрынин, Калашников, Шадрин и Чебкасов, поручики Болонкин и Кузнецов, подпоручики Карпов и Стялскин, ротмистр Агафонов, прапорщики Мерзляков, Старков, Мольнов, Ефимов, Круглов, Вицин, поручик Ладыгин, капитан Семенов, штабс-капитан Кузнецов и др. — все коренные жители завода. Кроме того, на заводе случайно оказались военные: инженер-капитан 2-го ранга Вологдин, лейтенант Нилов, штабс-капитан Юрьев, подполковники Курбановский и Александров, подпоручики Мельников, Хрущев, Беркутов, прапорщик Мартынов, капитан Верцинский и др.

В окружных деревнях нашлись офицеры — сыновья местных крестьян; среди них выдающийся организатор «осинцев», штабс-капитан Жуланов, поручики Родычин, Решетников, Ходырев, Балабанов, Улитин, братья Трапицыны, братья Дробинины, Ощепков, Дорошин, братья Белоноговы, Юдины. Все они, и боевые унтер-офицеры, и солдаты, дружным строем пошли на помощь рабочим-воткинцам.

Был образован штаб обороны, все сосредоточено в одних руках командующего армией. Кипела боевая работа. Воткинцы верили, что русский народ будет спасен от большевистского ига.

Сибирская армия уже достигала центра Урала, и в ее руках был Екатеринбург. Чехи стояли на железнодорожной магистрали Самара—Златоуст; на Волге полковник Каппель овладел Самарой, захватил Казань, а в ней 36 вагонов золотого запаса; в Уфе сидела Директория и генерал Болдырев, а на правом берегу Камы восставшие ижевцы и воткинцы систематично, с каждым днем расширяли противоболышевистский плацдарм. Казалось, что приближалось время, когда все это должно было слиться в грозный кулак и раздавить ненавистную для всех власть.

Первым командующим воткинцами-повстанцами был лейтенант Нилов, но вскоре он перешел к ижевцам и его заменил ижевец капитан Журавлев. В общей работе выделился очень скоро своей энергией и железной волей штабс-капитан Г.Н. Юрьев, бывший секретарь управления завода. Ему мы были обязаны созданием Воткинской Народной армии[119]. Он умел узнавать людей и подобрал себе выдающийся кадр помощников, начальников боевых участков и командиров полков. Под его руководством заработали штабс-капитан Мудрынин, подполковники Курбановский и Александров, капитан 2-го ранга Вологдин, ротмистры Агафонов и Рябков, штабс-капитаны Жуланов, Дробинин, Шадрин, поручик Беркутов и др.

Воткинцы били и громили красные отряды, расширяя территорию повстанческого движения Прикамского края; успехи Жуланова и Балабана перебросили восстание далеко в глубину и на другой берег Камы. В штабе обороны работы было по горло; надо было формировать полки; нужны были винтовки, снаряжение, продовольствие. Во всем сказывались организаторские способности Юрьева; через три недели уже оформилась армия в несколько тысяч бойцов, а через месяц она насчитывала в своих рядах свыше 10 000.

Кругом поднялись все деревни. Крестьяне решили покончить с красными комиссарами, выгребавшими из амбаров последние остатки хлеба. Всюду выносились приговоры «всем вооружаться». По лесным дорогам к Воткинскому заводу со всех сторон тянулись вереницы и молодых 18—19-летних парней, и бородатых мужиков. Часто с песнями и под гармонику шли они к заводу; поднимались далеко, в 40—50 верстах, шли целыми деревнями, создавая одну роту за другою; последние и именовались по деревням: рота Бабкинцев, рота Ножовцев, Перевозинцев, Липовцев, Камцев и др.

Вслед за рабочим полком был сформирован-крестьянский полк имени Минина и Пожарского. В рядах восставших были рядом и

богатые, и бедные, и купцы, и рабочие, и чиновники, и инженеры, и техники, и лапотники крестьяне: все они слились в монолитную массу бойцов за освобождение от красного ига и шли в бой с винтовками в руках и с лозунгом на рукаве одежды: «Один за всех, все за одного».

Они создали легендарно стойкую и мужественную Воткинскую Народную армию, о которую долгое время разбивались брошенные против нее красные отряды из матросов, латышей и мадьяр. Их вели не генералы и офицеры дворянской крови: их начальниками были свои же братья по станку и по сохе. С ними восстала мужицкая и рабочая Русь. С ней в общем порыве слились купцы и ремесленники, инженеры и мастеровые, интеллигенты и простолюдины. Все были спаяны одним стремлением: победить красную силу, все горели одним желанием: уничтожить большевизм и освободить Родину от красного ига.

Мало они походили на воинские части, напоминая больше запорожские курени. Бедны были вооружением, одеты во что кто мог: неказисты с виду, но зато крепки и непоколебимы духом национального устремления. Они вступили в отчаянную борьбу с красными поработителями. Мужицкая сермяжная Рать поднялась против Красной гвардии. Здесь не было чего-то чужого, навязанного. Здесь рабочие и крестьяне своим верным мужицким чутьем осознали смертельную опасность большевизма и поняли, что уничтожение последнего было необходимо для спасения всего, что им было дорого.

Восстание рабочих Ижевского и Воткинского заводов ошеломило красный Кремль. Это был страшный удар по советской власти. Вековые рабочие поднялись против нее и с оружием в руках пошли на смертный бой против защитников пролетариата. Они открыто заявили, что советская власть была чужда рабочим, была врагом русского народа и держалась только наемной силой и варварским террором.

Сверх того, восстание этих рабочих в тылу Красной армии, защищавшей «красный Урал» и фронт на Белой и Каме, грозило большевикам большой военной опасностью. Поэтому красный Кремль забил общую тревогу. Раздались истерические вопли Троцкого, призывавшего к истреблению «предателей, пытавшихся вонзить нож в спину защитников революции». Против восставших заводов были брошены специальные карательные экспедиции, но последние сметались геройским сопротивлением заводских защитников и доставляли последним пушки, пулеметы и снаряжение.

Очень скоро Воткинская армия усилилась до 25 000 бойцов; ее действия захватили уже район Вятско-Пермской магистрали; ее отря-

ды разрушали телеграфные линии, жгли и взрывали мосты, спускали под откос красные поезда и прекратили всякое сообщение по Каме. Ее энергичные действия поставили в затруднительное положение всю 3-ю красную армию Эйдемана, оперировавшую на Урале, и ее штаб, расположенный в Перми. Одновременно ижевцы заставили бежать в Чистополь 2-ю Красную армию Шорина. Это довело комиссарские верхи до предела злобы. Последовал приказ Троцкого: «Стереть с лица земли Воткинский и Ижевский заводы, не оставить камня на камне на их местах и беспощадно уничтожить рабочих, изменивших пролетариату и советской власти...»

3-й армии Эйдемана было приказано двинуться от Перми на Воткинский завод, а 2-й армии Шорина и 5-й армии Вацетиса, усиленной латышскими дивизиями, охватить кольцом оба завода и совместно с 3-й армией их уничтожить. Началась беспощадная, не на жизнь, а на смерть борьба; по всему фронту завязались бои с красными, главным образом интернациональными частями.

В бою под селом Бабка воткинцы разгромили два красных полка, захватили массу оружия и патронов, а там же на боевом участке штабс-капитана Мудрынина русские бородачи ножовцы загнали в глубокое устье реки и утопили в нем весь интернациональный батальон 1-го Пермского советского полка, выловив при этом только несколько экземпляров красного интернационала для демонстрирования остальным рабочим завода, с кем приходилось биться и с какими элементами советская власть шла уничтожать коренных русских рабочих и крестьян.

Но силы красных росли и росли. Воткинцы отбивались, окруженные с трех сторон красным кольцом. Много подвигов величайшего мужества, отваги и геройства было совершено в эти три месяца, но стало не хватать патронов, а для взятых у красных орудий не было снарядов. Красное кольцо все сокращалось, был занят Сарапул.

Ижевцы выбились из сил, не могли более держаться на своем заводе и, оставив его, отошли на соединение с воткинцами. Последние держались еще крепко, ждали подхода помощи с разных сторон, и от Дутова, и от Сибирской армии, и от Каппеля, но дни шли, а помощь не шла, красные же все усиливались, и их атаки становились все более отчаянными.

Невозможность дальнейшего сопротивления в создавшихся условиях принудила штабс-капитана Юрьева к единственно остававшемуся решению: оставить Воткинский завод, вывести своих уставших бойцов на левый берег Камы и пробиваться на соединение с Сибирской армией.

Трудами своей саперной роты была выполнена весьма трудная работа срочной постройки понтонного моста через широкую и многоводную Каму. Потянулась по нему непрерывная линия людей и обозов; три дня продолжался этот великий исход. 40 тысяч рабочих и крестьян уходили из своих родных мест, гонимые новой «рабоче-крестьянской властью».

. 11 ноября 1918 года был покинут Воткинский завод. В ночь на 12-е по мосту перешли последние части Воткинской армии; саперы уничтожили мост; порвалась связь с правым берегом, где уже начинал бушевать кровавый разгул разного интернационального сброда. Там красная власть уже чинила ужасную кровавую расправу, лилась кровь, шли расстрелы отцов и братьев всех, кто принимал участие в восстании. Всего в эти дни было убито не менее 5 тысяч человек в Воткинском заводе да не менее того в Ижевске.

Повстанцы ушли от красной расправы; за них красная власть истребляла тех, кто были совершенно непричастны к восстанию и кто, не чувствуя за собой никакой вины, остался на родном месте вместе со своей семьей. Красные вампиры не могли помириться с тем, что Воткинская Народная армия ушла из окружения. Троцкий приказал советской «железной» дивизии догнать уходившие части и не дать соединиться с Сибирской армией.

Но ничто не могло взять наших крепко спаянных бойцов. В декабре месяце под Тюшевским заводом и под Бикбаркой холодные и голодные воткинцы, отбиваясь в ледяных окопах, отбросили назад шестнадцать атак отборных красных полков и, перейдя затем в наступление, разгромили знаменитую дивизию комиссара Азина, составленную из цвета коммунистических частей: полка красных орлов, полка северной коммуны и др. Последующие красные попытки «взять» воткинцев неизменно кончались неудачами и большими для большевиков потерями. Потом уже сами красные сознавались, что операции против Воткинского завода обошлись им в 30 000 убитых и раненых.

Воткинцы знали, что им пощады не будет. У них суворовский завет — «сам погибай, а товарища выручай» — был неразрывно связан с надписью на нарукавных повязках: «Один за всех, все за одного». Отбиваясь часто на все стороны, Воткинская армия прошла 300 верст от родных мест и только под Красноуфимском соединилась с теми, от кого так долго ждала помощи и выручки, под новый 1919 год она встретила первые части Сибирской армии — 17-й Оренбургский казачий полк под командой полковника Сукина: никакие красные кольца не могли удержать доблестных воткинских

бойцов. Они с честью вышли из всех окружений, а сверх того привезли с собой ценнейший подарок адмиралу Колчаку и его армии. Это были 100 тысяч винтовок, в свое время полученных ими от Ижевского завода.

Измученные и истерзанные пятимесячными боями и зимним походом, с сильно поредевшими рядами, но все же представляя собой внушительную силу — около 20 000 испытанных и крепких бойцов, воткинцы наконец получили столь заслуженный отдых. Приказом адмирала Колчака 1 февраля они были сняты с фронта и отведены в город Осу.

Здесь Воткинская Народная армия была переформирована в 15-ю сводную Воткинскую стрелковую дивизию[120] в составе четырех стрелковых полков, конного дивизиона, артиллерийского дивизиона с 14 орудиями и инженерного дивизиона. В марте месяце совместно с боевой колонной полковника Казагранди корпуса генерала Вержбицкого Воткинская дивизия получила приказание занять родной ей завод.

Перейдя реку Каму, воткинцы вступили в бой с красными. Глубоким обходом лыжников и сокрушительным ударом в лоб красного фронта 24 марта 1919 года, в канун праздника Благовещения, Воткинский завод был занят. При этом были захвачены комиссар дивизии, полевое казначейство, дивизионные лазареты со всем персоналом и склады всякого имущества — так стремителен был удар и так неожиданно появились здесь воткинцы.

После того как последующими действиями все Прикамье, Ижевский завод, Сарапул, Агрыз, Вятские Поляны и весь район выше до реки Вятки были очищены от красных, Сибирская армия была остановлена разливом реки Вятки. Воткинские рабочие и крестьяне Прикамского края были распущены по домам для полевых весенних работ. Получив от Верховного правителя благодарственную грамоту за особые заслуги в беспримерной борьбе за освобождение Родины, Воткинская дивизия расползлась по домам; в рядах полков остались только те, которые были обязаны военной службой в порядке, установленном для Сибирской армии. В гарнизоне Воткинского завода остался кадровый полк под командой полковника Мудрынина. Одновременно были распущены по домам и ижевцы, геройски отличившиеся при взятии Уфы.

Роспуск этих двух Народных армий, представлявших огромную силу из 40 000 закаленных и крепко спаянных бойцов, был колоссальной ошибкой адмирала Колчака, весьма сыгравшей на руку красным, дрожавшим тогда за Казань, Самару и Вятку. Но недолго при-

шлось воткинцам оставаться в своих домах. Оплакав отцов и братьев, расстрелянных большевиками, они были вновь призваны вернуться в ряды своих старых частей и стать под ружье для продолжения борьбы с прежним противником. Вновь возродилась 15-я стрелковая Воткинская дивизия, но было уже поздно... Яд большевистской агитации уже отравлял сибирский молодняк армии и разлагал ее тыл.

В одну ночь измена 1-го Ялуторовского, 2-го Барабинского и других полков сорвала весь фронт и открыла красным дорогу на Воткинский завод. Случилось то, что там, где осенью 1918 года ижевцы и воткинцы, окруженные красным кольцом, три месяца бились, не получая ни от кого помощи, Сибирская армия, опираясь на весь Урал и всю Сибирь, имея в изобилии пушки, пулеметы и патроны, в течение какого-нибудь месяца была вынуждена очистить весь Прикамский край. В мобилизованной армии не было того единства, той спайки, которые составляли великую силу и ценность воткинских и ижевских ополчений.

12 июня 1919 года Воткинский завод вновь был оставлен, но на этот раз из него эвакуировались все поголовно: и стар и мал. Крестьяне окружного района тоже бросили свои деревни. Тот, кто пережил кровавые ужасы чекистской расправы после первого оставления завода в страшные дни после 11 ноября 1918 года, не мог решиться подвергнуться всему этому вторично. Уходили все, оставляя на произвол судьбы и дома, и все имущество. В некоторых деревнях не осталось и десятка жителей.

Вновь собрались воткинцы вокруг своих командиров во главе с полковником Юрьевым, уже украшенным белым Георгиевским крестом. Вновь сильные и крепкие духом бойцы-прикамцы, бородачи бабкинцы и ножовцы стали под команду своего командира Мудрынина, а неуязвимые осинцы — около своего односельчанина полковника Жуланова. И вновь на долю 15 000 закаленных бойцов 15-й Воткинской стрелковой дивизии выпала честь и счастье наносить сокрушительные удары красному врагу и стать для него опять страшными.

Недаром красные направляли против них своего Блюхера с отборными частями. Но это не помогало. Воткинцы били Блюхера и в решительном бою на Иртыше под Тобольском, и у Тюмени, где прославленный красный вождь сам еле спасся, выскочив из штаба ночью в одном белье и успев убежать в тайгу.

Боевая служба героев-воткинцев была отмечена многими наградами, Георгиевскими крестами, офицерскими чинами. Среди награжденных — прапорщики Непряхин, Разживин, Анкудинов, Юдин,

Лушников, Круглов, Шалавин, поручики Доронин, Ощепков, Белоногов, штабс-капитан Кривилев и много других.

Лихие воткинцы-артиллеристы имели особое отличие — георгиевский шнур на погонах; они во главе со своим командиром полковником Алмазовым составляли на редкость крепко спаянную артиллерийскую семью. Всем на удивление, они единственные из всей Сибирской армии вывезли с собой из Ледяного похода все свои пушки; с ними они лихо бились в Забайкалье и только на ст. Маньчжурия были вынуждены сдать их китайским властям.

Много геройских дел совершил наш конный дивизион, и много вреда и потерь нанес он красным. Он был пополнен крестьянами, служившими в кавалерийских полках старой Императорской армии: эти, как их называли, «наши казаки» выступили из дома на собственных лошадях, в собственном, у кого нашлось, обмундировании и снаряжении, но после нескольких боев с красными у них появились и седла, и хорошие кони, и все нужное снаряжение. Все выравнялись как один; лапотники-крестьяне преобразились в блестящие эскадроны. Для них преград не было, их вели такие отважные командиры, как ротмистры Агафонов, Вдовин, Худяков, Рябков, Гукаев, в конных атаках не раз шашками рубившие красные цепи. Составленные из необычайно смелых и отважных людей, наши конные части не раз спасали пехоту, много раз громили врага дерзкими охватами, своей разведкой добывали ценные сведения. Врага они не считали, всегда его били и сделались для него страшным пугалом; их удары были неотразимы.

Огромную пользу принес воткинцам их саперный дивизион; его тяжким трудом была создана многолинейная оборона подступов к заводу, он был деятельным участником всей боевой службы воткинских частей. В ряду его боевых заслуг редкостным примером профессионального искусства и практического выполнения навсегда останется понтонный мост, наведенный им через реку Каму перед первым оставлением Воткинского завода. Этот мост был наведен на такой могучей и многоводной реке, как Кама, длина его была 482 сажени, закончен он был в необычайно короткий срок между 26 октября и 4 ноября в обстановке частой бомбардировки красными канонерками и без наличия каких-либо стандартных специальных средств.

Вместе с Сибирской армией пережили воткинцы радости и печали, дни побед и дни невзгод. С ней они разделили все трудности Ледяного похода, от родных берегов Камы до берегов Великого океана прошли они с поднятым знаменем борьбы против красных насильников, поработителей и разрушителей.

А. Гутман[121]

ИЖЕВСКОЕ ВОССТАНИЕ[122]

С начала 1918 года, как и во всей России, на Каме свирепствовали советские Чрезвычайки. Кровавый террор опустошал несчастные города и селения, расположенные на великой реке. Особенной жестокостью и зверствами отличались Чрезвычайки пермская и сарапульская. В Сарапуле, как окружном промышленном городе, были сосредоточены главные советские учреждения и военные штабы. Здесь орудовали большей частью черноморские матросы. Военным комиссаром был некий Седельников, молодой человек со звериными наклонностями, самолично убивавший арестованных; комиссаром финансов был местный рабочий Медведев. Совдепы накладывали на буржуазию и интеллигенцию миллионные контрибуции. Все тюрьмы города и уезда были переполнены. Каждую ночь там убивались сотни заподозренных в контрреволюции, не внесших сполна налогов или вообще чем-либо не понравившихся властям. Обреченные перед расстрелом подвергались страшным пыткам. Так, известный на Каме коммерсант В.И. Стахеев был убит и ограблен после двухнедельных пыток. Одного из членов торгового дома «Братья Грибасовы» арестовали за невзнос контрибуции и несколько раз водили из тюрьмы на Каму, опускали в прорубь (дело было зимой) и выпытывали, где у него спрятаны деньги. Каждый раз несчастный открывал новые места, деньги отбирались, а его продолжали пытать. Наконец, в одну ночь его привели к проруби и в бесчувственном состоянии спустили в воду. Тело его осталось неразысканным. Убивали офицеров, чиновников, общественных деятелей, врачей, адвокатов, торговцев, служащих и крестьян.

Из городов Прикамского края Сарапул особенно пострадал. Еще осенью 1917 года местный гарнизон взбунтовался, разграбил винный склад, перепился и начал громить город. Погром продолжался несколько дней, пока не удалось разоружить озверевших солдат. Теперь на Сарапул обрушился со всей силой большевистский террор. Матрос Ворожцов и комиссар Седельников лично по ночам приезжали в тюрьму и расстреливали намеченные по заранее составленным спискам жертвы. Каждый попавший в тюрьму знал, что оттуда он, по всей вероятности, уже не выйдет. После ночных кровавых оргий оставшихся арестованных заставляли мыть полы и стены тюрьмы, забрызганные кровью. В июне 1918 года, по доносу своих же рабочих, был арестован сарапульский кожевенный заводчик Давид Ушеренко с двумя сыновьями, учениками местного реального училища. Ему вменялось в

вину хранение оружия. В течение нескольких дней его и арестованных мальчиков безжалостно мучили и пытали. Наконец, ночью в тюрьму прибыли матросы, зверски их убили и трупы их, совершенно обезображенные, бросили в Каму.

Летом 1918 года вблизи Сарапула на Каме стояла баржа, служившая тюрьмой для уфимских заложников, вывезенных красными при паническом бегстве их в мае 1918 года из Уфы по Белой. Тогда ими было вывезено из Уфы около 200 человек, среди которых были уфимские общественные деятели: издатель «Уфимской жизни», член кадетской партии, земец Толстой; находившийся в ссылке в Уфе, как венгерский подданный, московский журналист Макс Редер, несколько врачей, журналистов и коммерсантов. Все они были в конце июля ночью зверским образом убиты и брошены в воду. После ухода красных из Сарапула в местной газете «Прикамье» одним из случайно спасшихся обитателей баржи была подробно описана ужасная смерть несчастных заложников, которых чекисты убивали по очереди топорами, ружьями и молотками и сбрасывали в воду. Экзекуция продолжалась всю ночь. Трупы замученных были брошены в Каму. (В том же «Прикамье» была описана страшная мученическая смерть захваченных красными на Уфимском фронте 26 чехов. Их беспрерывно мучили три дня и три ночи и потом топором отсекали отдельные части туловища, пока они не скончались в страшных муках.)

Кровавый террор господствовал и в Ижевском заводе, находившемся в 70 верстах от Сарапула. Здесь не было Чека, но ее обязанности исполнял местный исполком. Тут убивали не только интеллигенцию, но и крестьян и рабочих, заподозренных в контрреволюции. В селах и деревнях латыши-комиссары, командированные из центров, производили расстрелы, реквизиции хлеба, меда, масла, яиц и скота. Продовольственное положение в центре России было отчаянное. Вверх и вниз по Каме пассажирские пароходы шли переполненные преимущественно сормовскими рабочими, отправлявшимися на Белую и Каму в поисках хлеба. Вокруг камских пристаней лежали тысячи людей, спавших под открытым небом и ожидавших очереди, чтобы отвезти домой несколько пудов хлеба. Их ловили на пароходах заградительные отряды, отбирали хлеб, а сопротивлявшихся били прикладами и убивали.

По всей Каме стоял стон и раздавались проклятия населения по адресу советской власти. Но население чувствовало себя бессильным вступить в борьбу с советским правительством. Оно было безоружно.

В это время из Белой стали приходить радостные известия. Значительная часть Уфимской губернии оказалась занятой русско-чешскими отрядами. Передавали, что чехи двигаются по реке Белой и приближа-

ются к Каме. Началась усиленная тяга населения в зону белых. Все, кто только мог, разными способами спасался через окружные села пешком или на лошадях, обходя большевистский фронт, в Уфимскую губернию. Город Сарапул стал центром военных действий большевиков против Народной армии и чехословацких отрядов. В Сарапуле были сосредоточены штабы 2-й Красной армии. В то время главные силы большевиков, оперировавшие здесь, составляли латыши, мадьяры, китайцы и очень немного русских солдат — остатки старой армии.

В начале августа пришло известие о взятии Народной армией Казани, о захвате белыми золотого запаса и огромной материальной добычи. Это вселило в население края, и особенно Ижевского завода, бодрость и веру в скорое падение советской власти и приблизило начало нараставшего противосоветского восстания.

* * *

Мысль о вооруженном выступлении впервые возникла в недрах ижевского Союза фронтовиков, состоявшего из крестьян и заводских рабочих, вернувшихся с Германского фронта. Ижевский завод отстоит от реки Камы в 40 верстах. Он является одним из крупнейших оружейных заводов в России и в Русско-германской войне сыграл большую роль. Производительность завода доходила до 1000—1200 ружей в день. Состав рабочих в нормальное время доходил до 40 000. Население Ижевска составляло 70 000 человек. Рабочие завода по преимуществу местные крестьяне, в большинстве владеют собственными домиками, участками земли, которые они сами обрабатывают; как мелкие собственники, они мало похожи на представителей городского пролетариата. Социалистические идеи, а тем менее идеи большевистские, здесь не имели и не могли иметь никакого успеха. Только небольшая группа пришлой заводской полуинтеллигенции составляла здесь ядро социал-демократической партии (меньшевиков).

Та же картина наблюдалась и в соседнем казенном Воткинском заводе, изготовлявшем паровозы, пароходы и машины. Здесь работало несколько тысяч рабочих. Рабочие получали сравнительно высокую плату, так же как и ижевцы, владели своими домиками и землей, пользовались заводскими озерами, лесами и прочими угодьями. Оба завода приносили большие убытки, которые покрывались из общегосударственного бюджета. На заводах выполнялись преимущественно казенные заказы.

Таким образом, на обоих заводах не было никакой почвы для борьбы с «капиталистами и помещиками». Буржуазию заводских поселков

составляли мелкие торговцы, оружейные фабриканты, кустари и ремесленники и подавляющее большинство заводских рабочих.

Большевизм не только не встретил в заводах сочувствия, но рабочие и окрестные крестьяне отнеслись к нему резко враждебно. Советская власть, учитывая это настроение, командировала туда столичных агитаторов-коммунистов, которые и стали во главе исполкомов, не допуская к власти местных рабочих.

В начале августа на тайных совещаниях ижевских фронтовиков было постановлено поднять восстание. Но так как у заговорщиков не было оружия, если не считать несколько десятков припрятанных ружей, то было решено внезапно напасть на военные склады оружия и, застав стражу врасплох, обезоружить ее. Заговорщиков было едва несколько сот человек. Сами по себе они представляли слабую силу, но, учитывая настроение заводских рабочих и крестьянского населения, они были уверены, что встретят полное сочувствие и поддержку. Еще рассчитывали на то, что в заводских складах ружей достаточно и что, как только будет ликвидирована большевистская власть, все оружие перейдет в распоряжение повстанцев. Никто не сомневался, что все заводское население будет на стороне восставших; ужасы кровавого террора восстановили всех против советской власти.

Силы красных в Ижевском заводе были значительны, и разоружить их представляло большую трудность и риск. Но отчаяние, охватившее население, было так велико, что решили действовать во что бы то ни стало. Сигналом к началу восстания послужило объявление советской властью мобилизации населения завода для укомплектования красной армии. Военнослужащие были взяты на учет с запрещением отлучаться без ведома властей не только из города, но даже и из дома. 15 местных деятелей были арестованы в качестве заложников. Дальше медлить было невозможно.

В ночь на 7 августа внезапно раздался заводской гудок. Большевики предложили собравшимся фронтовикам немедленно отправиться в Сарапул, где они будут сформированы и вооружены для отправки на Казанский фронт. Но вероломный план большевиков, задумавших уничтожить невооруженных фронтовиков, был разгадан... Фронтовики потребовали выдать им оружие здесь, дома, и получили резкий отказ.

Рано утром 8 августа несколько сот фронтовиков, вооружившись чем попало, оцепили завод и заставили красных оттуда удалиться. Заречная часть завода была быстро очищена от большевиков. В их руках оставалась еще Нагорная часть.

8 августа толпа, во главе с фронтовиками, бешеным напором смяла красногвардейцев, захватила арсенал и исполком, арестовала боль-

шевистских главарей в полном составе. Красные вынуждены были бежать с завода по направлению к Сарапулу. Как часто случалось во время Гражданской войны, тысячная вооруженная сила бежала перед горсточкой храбрых воодушевленных людей.

Энтузиазм заводского населения после свержения советской власти был необычайный. В ряды фронтовиков стали вливаться сотни добровольцев рабочих и крестьян. Рабочие и заводская интеллигенция объединились и горячо принялись за организацию Народной армии. Через неделю из Ижевского завода отправился небольшой отряд для освобождения Воткинского завода, находившегося еще под советской властью. Утром 17 августа, после непродолжительной перестрелки, отряд подошел к заводу и занял Воткинск. Нападение было столь неожиданно для советских властей, что члены местного Совдепа едва успели выскочить и убежать походным порядком по направлению к ст. Чепцы Пермской железной дороги. Они не успели эвакуировать ни денег, ни ценностей из местного казначейства и оставили несколько десятков миллионов рублей денежных знаков, которые, конечно, пригодились восставшим.

На очереди стал вопрос формирования военно-административной власти.

К тому времени в Ижевске оказалось четыре эсера, бывшие члены разогнанного большевиками Учредительного собрания — Евсеев, Бузанов, Корякин и Шулаков.

Пример самарского Комуча соблазнил и ижевских эсеров, и они поспешили объявить себя Верховной властью, под громким титулом «Прикамский Комитет Учредительного Собрания».

Верховная четверка, верная принципам своей партии, немедленно сформировала агитационно-просветительное бюро, которое энергично занялось распространением среди населения эсеровской литературы. Бюро обратилось к крестьянам и рабочим с воззванием, призывало их встать в защиту «завоеваний февральской революции и Учредительного собрания». Сейчас же началось стягивание со всех концов партийных социалистов и распределение среди них ответственных административных должностей.

Фронтовики весьма неохотно согласились признать верховной властью четырех членов бывшей Учредилки, но другие социалистические группы поддержали эсеров, и пришлось примириться с этим. Тем более, что все считали эту власть временной до воссоединения с белыми центрами.

Образовалось два лагеря: социалистический и крестьянско-рабочий, беспартийный, выступавший под флагом фронтовиков. Последние опубликовали следующее воззвание:

«Товарищи крестьяне и рабочие! Мы, вышедшие из ваших рядов, еще вчера стоявшие с вами рядом у станков и сохи, мы, фронтовики, в этот грозный и великий час, когда куется вновь наше право на жизнь, мы стоим крепкой стеной на защите наших общих интересов, защите наших родных городов, сел и деревень от нашествия варварских большевистских банд, которые оставляют после себя реки слез и разграбленные города, села и деревни. Этот грозный час защиты наших интересов требует великого напряжения наших сил; мы через своих представителей говорим вам, что для нас в настоящий момент нет речи о всякого рода нормах, охраняющих наш труд в мирное время, — мы сплошь в рядах и на работе, мы стойко переносим в окопах все невзгоды за наше правое дело. И вы, товарищи рабочие и крестьяне, должны говорить так же; ваши сердца должны биться одинаково с нашими; наша мысль должна быть вашей мыслью, ибо наши интересы общи — напрягите ваши силы и покажите вашу мощь; покажите, что вы не рабы и умеете сознательно защищать свое правое дело каждый на своем месте; подымите производительность, рабочий у станка, крестьянин у земли, и дайте возможность еще товарищам стать борцами в наши ряды» (газета «Ижевский Защитник». 1918. 18 августа).

Ижевские жители звали к борьбе с варварской властью не во имя партийных лозунгов или воскрешения мертворожденной Учредилки, а во имя любви к Родине, во имя освобождения от рабства. Это были граждане-патриоты в лучшем смысле.

На призыв фронтовиков отозвались крестьяне и рабочие. Первые всячески помогали армии людьми и продовольствием, вторые увеличивали производство и охотно шли в ряды армии.

Фронтовики приступили немедленно к мобилизации крестьян окружных волостей и формированию из них отрядов. Опустевшие во время советской власти магазины, склады и рынки оживились. На заводах появился хлеб, овощи, мясо — крестьяне стали возить все на базары. Открылись лавки, появилась обувь, мануфактура, посуда и металлические изделия. Народ воспрянул духом, настроение было радостное. Заводская молодежь — рабочие и учащиеся — с энтузиазмом пошли добровольцами в Народную армию, образовали отдельные добровольческие дружины и разведочные отряды, производившие глубокие разведки и налеты в тылу красных. Производство Ижевского завода увеличилось до 1000 ружей в день (при большевиках он вырабатывал только 200 ружей в день). Рабочие, интеллигенция и буржуазия единодушно и горячо отдались борьбе с Советами. На этой небольшой территории России, освобожденной от

кошмаров советского режима, можно было наблюдать, как после свержения Советов произошло воскрешение из мертвых населения, как все стало постепенно приходить в себя, оживать.

Факт Ижевского восстания произвел в советских рядах замешательство. Это был страшный удар в сердце советской власти. Ведь в Ижевске восстали не офицеры и генералы старой армии, не капиталисты или городская буржуазия. Против «рабоче-крестьянской власти» восстали рабочие и крестьяне. Моральное банкротство советов сказалось во всей яркости. Коль скоро в самой цитадели советизма, среди рабочих и крестьян двух крупных заводов, поднята борьба против диктатуры советской власти, то это ли не означало начало конца. Кроме того, Ижевский завод поставлял оружие для Красной армии и после Тульского оружейного завода, в то время плохо работавшего, оставался единственным поставщиком ружей и отдельных к ним частей. И наконец, стратегически Ижевское восстание в тылу казанской группы красных отрядов было смертельным ударом, угрожало отрезать от казанской базы Советскую армию, оперировавшую на Вятке, Каме, Белой. Поэтому в Москве известие об Ижевском восстании произвело панику. Посыпались истерические приказы Троцкого «сравнять вероломные Ижевск и Воткинск с землей», «беспощадно уничтожить ижевцев и воткинцев с их семьями». Из Москвы, Петербурга, Казани двинуты были коммунистические и латышские части, получившие задание во что бы то ни стало очистить Ижевско-Воткинский район от белых.

* * *

Несмотря на падение Ижевска и Воткинска, Сарапул, к которому заводы эти прилегают, продолжал оставаться советским. Этот факт имел свои причины. Сарапульские рабочие-кожевники, изгнавшие владельцев заводов и овладев ими, бесконтрольно в них хозяйничали, продавали запасы кож, сапог, расхищали заводскую казну, занимали комиссарские должности и очень мало работали. Они несомненно были заинтересованы в сохранении советской власти, которая предоставила им полную свободу грабежа и легкой жизни. Особенно преданными большевикам оказались члены заводских комитетов, занимавшие хорошие должности и распоряжавшиеся миллионным состоянием предприятий. Эти советские буржуи опасались, что, если будет свергнута советская власть, их бесконтрольному хозяйничанью настанет конец. Поэтому сарапульские рабочие и одобряли кровавые оргии советских комиссаров, выносили резолюции,

осуждавшие контрреволюционные выступления ижевцев и воткинцев, и призывали к поддержке советской власти.

Вскоре, однако, народное движение докатилось и до Сарапула. Красноармейские части, действовавшие против Ижевска и Воткинска, терпели поражение за поражением. Красные бежали в панике при первой атаке белых, оставляли пулеметы, ружья и другие военные припасы. В Сарапуле стояла сильная вооруженная флотилия красных, много было и латышских частей. В продолжение августа красными неоднократно делались попытки высадить десанты на пристанях Гольяны и Галево, намереваясь оттуда вести наступление на Ижевск и Воткинск, но все эти операции кончались неудачей: красные не были способны противостоять воодушевленным и храбрым ижевцам и воткинцам.

В конце августа Сарапул был без боя оставлен красными, и ижевцы 1 сентября его заняли. Таким образом, вся Сарапульская область оказалась очищенной от красных. Дальнейшая задача заключалась в том, чтобы выйти из большевистского окружения и объединиться с оперировавшими в Казани и Симбирске с одной и Уфе с другой стороны — белыми армиями. На Казань и Уфу были обращены все взоры. Только в сентябре удалось, наконец, наладить связь с Уфой, где в то время происходило государственное совещание.

К концу сентября месяца из первоначальной горсточки храбрых и самоотверженных граждан выросла сравнительно крепкая боеспособная армия, насчитывавшая свыше 10 тысяч бойцов. Когда в августе фронтовики начали восстание, у них не было ни одного пулемета, ни одного артиллерийского орудия, было лишь несколько десятков ружей; теперь армия имела около полусотни пулеметов и около десяти полевых орудий. Все это были военные трофеи, отнятые у красных.

Однако, как ни храбры были повстанческие отряды, но все же без помощи извне они долго продержаться не могли. Красные силы все увеличивались. Из большевистского центра гнали войска без числа. Ижевцы оказались в огненном кольце, окруженные со всех сторон напиравшими на них красными. Со стороны Казани красные наступали по железнодорожной линии Казань—Екатеринбург, а со стороны Перми по линии Чепцы—Воткинск и по тракту Пермь—Оса—Воткинск. Единственный свободный выход — на Белую, устье Камы — к тому времени был освобожден боевой флотилией адмирала Старка и капитана Феодосьева. Если бы Ижевская армия желала пробиваться к Уфе для объединения с тамошним белым войском, она тогда имела полную возможность это сделать. Но этого намерения у ижевцев и воткинцев не было. Все были уверены в скором падении Перми, Екатеринбурга, в

возможности соединения с Казанью и Уфой и мечтали о том, что скоро вся страна скинет ненавистную власть.

Тем временем на заводах стала налаживаться и культурно-общественная жизнь.

В Воткинске в первых числах сентября стала выходить газета «Воткинская жизнь», в которой приняли участие оказавшиеся там петербургский присяжный поверенный Миленко, литератор Тарабукин, автор этой книги и московский литератор А.Л. Фовицкий (Альфа). Газета имела большой успех среди рабочих и жителей завода. Печаталась она на желтой оберточной бумаге в местной кооперативной типографии. Издавал газету местный Совет рабочих депутатов в новом составе (меньшевики и правые эсеры). В Ижевске вышла с первых дней переворота газета «Ижевский защитник», в котором я также сотрудничал. Читались нами на злободневные темы публичные лекции, доклады, устраивались литературно-музыкальные вечера, собрания.

* * *

Ижевское движение, захватившее целый уезд и перебросившееся в смежные Малмыжский и Нолинский уезды, могло бы принять серьезный характер и вылиться во всенародное движение. Но для этого было необходимо, чтобы на время были оставлены все партийные интересы, чтобы движением руководили люди, не связанные крепкими узами с той или иной политической программой, а охваченные идеей спасения России от большевизма и восстановления в стране государственного порядка.

Если бы в Ижевске пришел к власти энергичный и твердый вождь и сумел бы движение подчинить себе и им руководить, все пошли бы за ним. Все подчинились бы его разумной воле. Но в Ижевске к моменту возникновения восстания оказались, к прискорбию, четыре партийных деятеля, для которых догма была важнее, чем государство. Особенно когда дело шло о власти. Обаяние власти самарского Комуча было слишком сильно, чтобы случайно оказавшиеся на поверхности общественной жизни несколько маленьких, никому не ведомых людей не соблазнились хоть на короткое время стать «верховными правителями» одного уезда великого государства.

И началось социалистическое хозяйничанье.

Прикамский комитет овладел государственной кассой; в Ижевском и Воткинском казначействах оказалось 26 миллионов рублей в денежных знаках и бумагах. Резиденция комитета находилась в Ижевске, а

в Воткинск и Сарапул были назначены особо уполномоченные на правах комиссаров. Началось неразумное расходование казенных сумм, столь свойственное нашей революционной демократии. Рабочие ставки оплаты труда, существовавшие при большевиках, как и вообще большевистские декреты, касающиеся условий работ, оставлены были в силе. Солдаты Народной армии получали такое же жалованье, как рабочие и высшие военные начальники. Так называемая «культурно-просветительная вербовочная» секция эсеровской партии поглощала огромные суммы, хотя вербовала она в армию весьма туго; касса быстро таяла. Налогов и сборов почти не поступало, ибо боеспособное население сплошь находилось в армии.

К концу сентября большевики, освободив Казань и развязав себе руки на Камском фронте, подтянули свои резервы и повели наступление по казанской линии на ст. Агрыз, железнодорожный узел, соединявшийся с Ижевском и Сарапулом. Падение Казани стало известно в Ижевске лишь 18—20 сентября, и это известие в значительной степени подорвало стойкость бойцов, тем более что в тылу уже к тому времени началось разложение. Большевистская пропаганда, особенно в Сарапуле, безнаказанно делала свое дело. Заколебалось положение и в Ижевске. К тому времени 26-миллионный фонд истощился и финансовое положение стало критическим. Нечем было платить жалованье армии и рабочим, покупать продовольствие. Был недостаток в патронах и оружии. Оставалась единственная надежда на Самару и Уфу. Туда посылались курьеры и делегации. Оттуда ждали помощи деньгами и снаряжением. С нетерпением ижевские рабочие ожидали помощи и от союзников. Борьба шла под лозунгом «верность союзникам до конца и борьба с германо-большевизмом». В честь союзников раздавались хвалебные гимны.

Самарские и уфимские газеты приносили известия, что там ожидается «стотысячный отряд союзнических войск: японцев, англичан, французов и американцев, которые едут на выручку Народной армии и уже проехали Омск. В Уфу уже прибыли квартирьеры этой армии...» («Народное Дело» — Самара, «Уфимская жизнь»).

* * *

Командование отрядами Ижевско-Воткинской армии было в руках фронтовиков, среди которых было немало боевых солдат и офицеров, побывавших в Германской войне. С увеличением состава армии влившаяся в нее заводская интеллигенция давала инженеров и техников. Ижевцы и воткинцы, как выше отмечено, храбро отражали вра-

жеский напор, но расширять свою базу без помощи извне они не могли; для широких наступательных действий у армии не было технических средств, денег и оружия.

Командовал армией кадровый боевой офицер, капитан Федичкин. Воткинской группой командовал капитан Юрьев — социал-демократ меньшевик, член заводского комитета. Оба они оказались достаточно хорошими военачальниками. По принятому соглашению, военные приказы подписывались так называемым главнокомандующим прикамского Комуча, уполномоченным Союза фронтовиков и членом местного совета рабочих депутатов. В Сарапуле же военные приказы подписывались еще и делегатами фабрично-заводского комитета.

Военное командование не было свободно в оперативных действиях. Часто между ними и «верховной властью» возникали конфликты, особенно в вопросе наступательных операций. В маленьком масштабе в Ижевске происходило то, что имело место в Казани и Самаре. Офицерство, даже вышедшее из местного заводского населения, рассматривалось как «необходимое зло». Оно не имело никаких прав, даже права наложения дисциплинарного наказания за ослушание. На все требовалась санкция «революционно-демократических» учреждений.

В повстанческой армии, вместо железной дисциплины и устремления всех сил на борьбу с красными, началась обычная социалистическая пропаганда со всеми ее атрибутами. Смертная казнь была отменена. Боевые приказы штаба обсуждались в солдатских группах и часто не исполнялись, особенно в Сарапуле. О строгой дисциплине нечего было и думать. Понятно, что после первого взрыва энтузиазма среди рабочих и крестьян наступило охлаждение. Дисциплина стала падать, а тыл разлагаться. Следственные комиссии (состоявшие из социалистов) держали сотни арестованных в импровизированных арестных домах, с которыми советские агенты имели свободное общение. Началась обычная в то время пропаганда — примирения с большевиками и прекращения «братоубийственной» войны. В Воткинске, ввиду небольшого количества эсеров, дело было поставлено несколько лучше. Здесь штаб не считался с социалистическими организациями. В Сарапуле же наблюдался полный хаос, там работали три самозванных штаба. Солдаты митинговали. Отряды не выполняли боевых приказов.

При столь неблагоприятных условиях повстанческой армии приходилось выдерживать беспрерывные бои с красными. Особенно трудно доставалось воткинцам, на которых наступали с двух сторон китайско-латышские отряды. Насильно мобилизованных крестьян ла-

тыши гнали в наступление, выставив в тылу пулеметы. Несколько раз Ижевск подвергался непосредственной опасности. Красные пулеметы подходили уже очень близко к заводу, но геройским защитникам удавалось в решительный момент обращать красных в бегство и даже захватывать добычу.

В конце сентября в Ижевск прибыла долгожданная делегация самарского Комуча, представленная двумя эсерами, Шмелевым и Шелумовым. Они привезли немного денег (на $1^1/_2$ миллиона рублей облигаций военного займа) и уверяли, что военная помощь приближается. Это была неправда. Шмелев и Шелумов пытались мобилизовать «Роту Учредительного собрания», в которую, после усиленной пропаганды, записалось несколько десятков человек местной учащейся молодежи и интеллигенции. Во главе роты стал Шелумов, а Шмелев, исполнив свою «миссию» и почуяв личную опасность, поспешил в Уфу (через два месяца Шмелев вместе с Вольским и другими эсерами заключили в Уфе мир с большевиками и пропущены были в Москву). Шелумов же погиб на передовых позициях около Ижевска. С ним погибло несколько десятков самоотверженных энтузиастов, поверивших эсеровским призывам.

Под все усиливавшимся давлением красных в первых числах октября пришлось очистить Сарапул и отступить к самому Ижевску. С падением Сарапула создалось опасное положение. армия оказалась окруженной и стиснутой кольцом. Последний выход на Белую закрылся. Тем не менее, все продолжали жить надеждой на помощь извне. «Верховные правители» заверяли, что самарские товарищи спешат на помощь деньгами, оружием и людьми, а союзные армии идут с востока на выручку и находятся около Уфы.

7 октября пала Самара, последний оплот волжского Комуча. Оставалась последняя надежда на Уфу, и фронт держали с огромными усилиями. В ноябре грустная картина обнажилась. Помощи ждать стало неоткуда. Красные подходили уже к самой Уфе, заняли селения по Белой и почти отрезали выход ижевцев к белым армиям, оперировавшим на Урале.

Между тем силы повстанцев слабели. Они сражались героически; отдельные отряды интеллигенции и учащейся молодежи сдерживали натиск во много раз превосходивших их красных. Стало ясно, что падение Ижевска неминуемо и необходимо заблаговременно эвакуироваться. Комуч, однако, не сдавался, продолжал уверять, что помощь идет. На заводах царило паническое настроение.

Красные стали подходить к Ижевску. Был трагический момент, когда они были совсем близко от завода и послали делегацию, со-

стоящую из трех татарских мулл, ижевскому рабочему комитету с предложением выдать всю интеллигенцию, командный состав и оружие, за что рабочим была обещана полная амнистия. Письмо с делегацией попало в штаб. Ночью было созвано экстренное совещание. Решили принять энергичные меры: по тревожному гудку в 4 часа ночи были созваны жители на митинг. На нем был сообщен приказ командарма Федичкина о введении смертной казни за бегство с фронта. Сам Федичкин с несколькими ротами в ту же ночь повел энергичное наступление. Красные были еще раз разбиты, отогнаны от Ижевска, и бодрое настроение вновь вернулось к защитникам ижевского плацдарма.

После этого капитан Федичкин неоднократно убеждал свое гражданское «начальство» в необходимости своевременной эвакуации заводов, с целью вывести армию и спасти население. Он предлагал пешим порядком пробиваться на соединение с оперировавшими на Урале частями Сибирской армии. Но господа Евсеев, Бузанов и другие с упорством отклоняли предложение начать немедленную эвакуацию заводов. Решено было созвать «всенародный» митинг. Выступающий на нем капитан Юрьев заверил, что в Ижевск будто бы двигаются на помощь два полка Народной армии из Уфы, которые скоро должны прибыть. Члены Комуча подтвердили заявление Юрьева и умоляли бороться и не эвакуировать Ижевск до прихода помощи. Эвакуация была отвергнута. В это время пришло известие, что адмирал Старк и капитан Феодосьев, оперировавшие с вооруженной флотилией на Каме и Белой, ушли в Бирск разоружаться. Они мотивировали свой уход скорым наступлением зимы. Это немедленно было учтено красными. К пристани Гольяны подошли пять красных канонерок и обстреляли берег. Одновременно была захвачена и пристань Галево, единственный свободный проход на Урал. Повстанцы оказались в мешке. Оставался еще единственный и малонадежный путь отхода армии - - пристань Еловая, переправа через Каму и левым берегом, походным порядком на Кимбардинский завод, в районе которого находилась группа белых войск капитана Ларионова. Тогда-то было, наконец, решено оставить Ижевск. Стали готовиться к отступлению.

Но в этот момент красные окружили Ижевск и повели решительное наступление на город с двух сторон. Штабу и части отрядов едва удалось спастись по дороге на Воткинск, а тысячи жителей и рабочих не успели бежать и попали под власть красных.

Благодаря тыловому прикрытию ижевцев, отступавших с боем, Воткинску удалось сравнительно благополучно эвакуироваться и, со-

единившись с ижевцами, переправиться через еще не покрывшуюся льдом Каму. Приходилось идти с боем несколько недель, пока армии не потеряли связи с красными.

Моральное состояние ижевских отрядов было весьма угнетенное. Однако, имея достаточное количество орудий и пулеметов, отобранных у красных уже в боях на левом берегу Камы, штаб сформировал бригаду, выделив из числа всех добровольцев молодой элемент и отпустив стариков и больных.

В плохой одежде и рваной обуви покинули свои родные села ижевцы и воткинцы и шли пешком 500 верст, узким коридором, местами имея фронт противника в 3 верстах.

За Ижевской армией шло 20-тысячное население Сарапульского уезда, пережившее все ужасы кровавой власти и спасавшееся от неминуемой гибели. Тут были почти исключительно крестьяне, рабочие, ремесленники, словом, трудовой народ, бежавший от «рабочей власти».

Очевидцы захвата красными Ижевска передают следующие подробности кровавой расправы с мирным населением («Уральская жизнь», № 38).

7 ноября красные стремительно ворвались в Ижевск. Часть армии не успела спастись; солдаты побросали винтовки и побежали на завод. Красные окружили завод и произвели проверку рабочих. У кого оказался рабочий билет, того отпустили, а остальных вывели, собрали на церковной площади, всех расстреляли из пулеметов. Всего было убито в день захвата города около 800 человек. Тела убитых возили на подводах несколько дней и зарывали в огромных ямах в лесу близ заводского озера. На следующий день начала действовать Чрезвычайная комиссия. Ловили всех, на кого указывали местные коммунисты. Через несколько дней тюрьмы и все арестные помещения оказались переполненными. Арестованные валялись в погребах и сараях.

Главный контингент арестованных: рабочие и служащие завода. Расстрелы продолжались более месяца. Главное участие в расстрелах принимали китайцы, мадьяры и латыши. Квартиры рабочих семей, члены которых служили в Народной армии, совершенно разграбили. Семьи ушедших рабочих убивались.

Так «рабоче-крестьянское правительство» расправилось с рабочими и крестьянами, посмевшими восстать против его тирании. (Ижевскому заводу пришлось впоследствии, уже в 1919 году, вновь пережить радость освобождения от большевиков, а к концу того же года — новые ужасы их возвращения.)

Автору этих строк пришлось наблюдать зарождение Ижевской и Воткинской армий, пришлось пережить вместе с ней и первые недели

великой радости и подъема, как и последние страшные дни оставления Сарапула. Никогда из его памяти не изгладятся светлые воспоминания о русских людях Сарапульского уезда, отдавших себя служению родной стране. Незабываема храбрость рабочих, учащейся молодежи и интеллигенции, с которой эти люди, с глубокой верой в правоту своего дела, жертвовали собой, во имя освобождения России.

На первом этапе своего невольного странствования из Москвы, в Ижевске, Воткинске, в деревне Костоватой, где автор почти месяц укрывался от красных, как и в других деревнях и селах Сарапульского уезда, ему представилась возможность убедиться, какие огромные потенциальные силы заложены в русском народе, как легко было в нем вызвать здоровые патриотические и национальные чувства, как легко было его двинуть на великое дело спасения государства.

Во время атаки красных на пристань Галево, в августе месяце, крестьяне близлежащих деревень, опасаясь расстрелов и грабежей, спасались бегством. Нужно было видеть эту потрясающую картину. Крестьяне маленькой деревушки зарывали свой скромный скарб в землю; обитатели хижин, хлеборобы, кормящиеся своим тяжелым трудом, спасались от правительства, объявившего «войну дворцам и мир хижинам». Тогда казалось, что наше крестьянство со своим здоровым инстинктом собственника не переварит в своем организме чужеродное тело коммунизма и свергнет его идеологов. Дело было только за вождями. Но к великому несчастью, у Ижевского восстания, так блестяще начавшегося, вождей не оказалось. Социалистическая зараза, сделав свое злое дело в столицах и крупных городах России, перешла на Каму. Вновь к власти пришли случайные, слабые и бесхарактерные люди, проникнутые насквозь узкой партийностью. Пришли эсеры, на сей раз третьестепенные, и померк огонь энтузиазма борьбы за Россию. Началась обычная демагогия. Народ звали не к спасению государства, а к спасению завоеваний Февральской революции. Но все это было так чуждо сердцу народа!

Уфимская власть вместо помощи людьми и оружием прислала агитаторов и литературу. Болтали в Самаре и Уфе, болтали и в Ижевске, пока не пришли красные и не разгромили всё и всех.

«Мы предпочитаем лучше большевиков, чем погоны и порядки царской армии, которые нам навязывают из Сибири», — сказал автору этих строк уполномоченный прикамского Комуча, эсер Михайлов, накануне падения Сарапула. «Мы лучше примиримся с большевизмом, чем с реакцией». А в кадры «реакции», как и во времена Керенского, были зачислены все те, которые считали, что спасение России в сильной власти.

В 20 тысячной ижевской армии весьма незначительный процент, может быть 100—150 человек, принадлежало к социалистическим партиям. Остальной состав армии — простые рабочие и крестьяне, мало разбиравшиеся в социалистических программах, — поняли своим здравым умом, что советское правительство ведет русский народ к гибели, и стремились во что бы то ни стало свергнуть советскую власть. И они пошли исполнять свой долг и умирать, как умеют умирать простые русские люди. Сотнями, тысячами они гибли, — гибли их семьи, гибло их достояние.

* * *

Ижевцам и воткинцам суждено было впоследствии сыграть исключительную роль в борьбе армии адмирала Колчака. Они и в Сибири оказались самыми стойкими борцами за русскую государственность. Они совершили в отряде генерала Каппеля героический Ледяной поход через Байкал.

И. Уповалов[123]

РАБОЧЕЕ ВОССТАНИЕ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ[124]

17 июля 1918 года я пришел в Воткинск. Здесь я от председателя комитета с.-д. меньшевиков узнал, что воткинский Совет рабочих депутатов разогнан большевиками. Организации меньшевиков и эсеры оставались еще на легальном положении, но партийная работа шла плохо, чувствовалась подавленность и боязнь всемогущей Чрезвычайки. Просили меня сделать доклад на собрании нашего комитета, но пришлось его отложить, так как мне по партийным делам необходимо было выехать в Ижевск, в 60 верстах от Воткинска.

Прибыв в Ижевск, я сейчас же направился к зданию местного Совета. Однако вместо Совета я напоролся на вооруженный отряд красноармейцев. На мой вопрос, где Совет рабочих депутатов, я получил в ответ:

— А ты кто такой? Обыскать его!

Обыск был тут же произведен с ловкостью опытных царских жандармов. Однако, кроме документа от биржи труда, которым я запасся для поступления на работу, ищейкам ничего найти не удалось. Этот документ и спас меня на этот раз от ареста. Оказалось, что и ижев-

ский Совет рабочих депутатов разогнан большевиками, и многие его члены арестованы.

Целый день до позднего вечера я бродил по Ижевску, осторожно расспрашивая рабочих, не знают ли они кого-нибудь из меньшевиков или эсеров — членов Совета депутатов. На меня смотрели как на шпиона и отвечали, что не знают.

Только в 11 часов ночи я встретил одного рабочего, который в разговоре со мной нашел в себе мужество рассказать, что он эсер, знает квартиру одного меньшевика, который был товарищем председателя Совета рабочих депутатов, и согласен свести меня к нему. Попав в квартиру товарища председателя, я объяснил ему цель моего прихода. Оказалось, что он с часу на час ждет своего ареста. Я изумился: какой смысл дожидаться ареста? не лучше ли уйти? Он объяснил мне, что уйти от ареста не может, потому что из-за него будут беспокоить его мать и жену, и поэтому он решил отдать себя в руки насильников. Из-за этого он не может просить меня ночевать у него; посоветовал мне провести ночь у другого товарища, который не был членом Совета.

Утром я двинулся обратно в Воткинск. По настоянию местной социал-демократической организации, с которой я поделился впечатлениями и фактами из жизни сормовских рабочих, я решил остаться в Воткинске. Это было 18 июля 1918 года, а 25 июля я, как литейщик, поступил на работу в завод в сталелитейный цех. Рабочие этого цеха настолько почему-то преисполнились доверием ко мне, что уже на второй день выбрали меня делегатом на делегатское собрание профессионального союза.

Этому делегатскому собранию предстояло заслушать и принять резолюцию ЦК компартии, в которой говорилось, что членами профессионального союза могут быть только рабочие, стоящие на платформе советской власти. Попутно указывалось, что только члены профессионального союза имеют право на работу. Вывод был ясный: прежде чем быть членом профессионального союза, нужно быть коммунистом. Так коммунизировались и превращались в правительственные учреждения профессиональные союзы и так сходили они со сцены как защитники интересов рабочего класса.

Выслушав эту резолюцию, я не мог воздержаться от критики. Я сказал, что профессиональные союзы не дар с неба и не дар от власти, а плод продолжительной борьбы рабочего класса с царским режимом. Но при условиях, господствовавших в царской России, движение не могло серьезно развиваться. Однако самое худшее царское правительство и самый грубый царский жандарм не доходили до такой смелости, чтобы над профессиональным союзом рабочих вывесить правительственную

вывеску, а союз превратить в правительственное учреждение, как хотят это сделать большевики согласно резолюции ЦК компартии. Но, сказал я рабочим делегатам, если наши предшественники боролись долгие годы с произволом царского самодержавия за свободу и независимость профессионального движения, то я думаю, что мы будем не хуже их. Мы не допустим такого гнусного посягательства на профессиональное движение со стороны диктаторов, напяливших на себя маску рабоче-крестьянской власти, с презрением отвергнем резолюцию компартии и будем хранить свободу и независимость профессионального движения. После этого резолюция была поставлена на голосование и провалена 26 голосами против 10. Большевики подняли скандал и грозили мне арестом, но пока не арестовывали.

На следующий день из Ижевска пришло известие, что ижевские рабочие восстали против большевистского насилия и свергли их власть. Немедленно воткинские большевики собрали в заводе общее собрание, на котором предлагали рабочим записываться в Красную армию и идти против восставших ижевских рабочих. Я видел, что готовится безумное братоубийство, что нас хотят сделать палачами наших отцов, братьев, жен и детей. Я все это тут же во дворе сказал рабочим. Я сказал, что мы не станем на сторону палачей и всеми средствами будем бороться против ведения братоубийственной войны. Если же суждено нам в этой борьбе погибнуть, то мы погибнем, но не будем проливать братскую кровь и не пойдем против ижевских рабочих, которые подняли оружие на защиту своих прав.

Меня после этой речи арестовали и посадили в арестантскую. Здесь сидел один воткинский рабочий, который в разговоре со мной назвал себя максималистом. Из беседы с ним вырисовалась трагическая история. За две недели до моего ареста он с несколькими коммунистами вернулись с Чехословацкого фронта, где чехи разбили их наголову. Только немногим удалось спастись бегством. Когда они пришли в Воткинск, воткинский исполком отпустил им несколько ведер пива из имевшегося в Воткинске казенного склада, и они компанией в 6 человек устроили попойку. Напились допьяна, и один из компании — некий Протопопов — стал хвастать, как он расстреливал в Воткинске меньшевиков и эсеров. Товарищ мой по аресту на это заметил, что безоружных даже меньшевиков и эсеров расстреливать храбрости много не требуется. Другое дело воевать с чехословаками. «Там я нашел тебя, как жалкого труса, спрятавшимся в канаве», — сказал он Протопопову. Тогда Протопопов выхватил из кармана револьвер и хотел выстрелить. Не успел он этого сделать только потому, что мой сожитель уложил его пулей наповал из своего револьвера еще до того,

как Протопопов спустил курок. На второй день после этого он был арестован и посажен в эту арестантскую. «Большевики хотели меня расстрелять, — рассказывал он мне. — Но организация максималистов заявила, что они сами будут судить меня, как своего члена, и если найдут меня виновным, то они сами и расстреляют меня». Чем кончилась его история — не знаю.

На второй день моего пребывания в арестантской туда еще привели 5 человек крестьян из окрестных деревень. Арестовали их за неплатеж наложенной на них контрибуции. Завязав с ними разговор, я спросил их: как же это так, что вы не можете платить контрибуции; ведь чем-нибудь руководствовались власти, когда накладывали на вас эту контрибуцию.

— Да чем, батюшка, руководствовались? — сказал один из них. — Вот у нас в деревне есть 10 человек коммунистов, которые никогда не работали, а всегда занимались воровством да пьянством, а теперь они в комитете бедноты, и они сказали исполкому, что мы вот с этим буржуи, — показал он на сидящего с ним рядом крестьянина. — Ну и наложили на нас контрибуцию, на меня 800, а на него 500 рублей. А какие мы буржуи? У меня две лошади и корова, да 5 человек детей, которым бы еще по улице бегать. А они все помогают мне работать. И так я кое-как сводил концы с концами, по миру детей не пускал, а денег не имею ни гроша. Чтобы уплатить контрибуцию 800 рублей, я должен продать лошадей и корову, ну а дальше что я буду делать? Этот не лучше меня, — показал он на своего сотоварища, — да и все мы такие буржуи, — закончил он.

Так провел я два дня моего ареста в Воткинске. На третий день ко мне на свидание пришел один товарищ, который сообщил мне, что восстание ижевских рабочих разрастается. Воткинский исполком мобилизовал всех коммунистов и сегодня же отправляет их на Ижевский фронт. В связи с разыгрывавшимися событиями и продвижением ижевцев к Воткинску мой товарищ опасался за мою жизнь и предлагал мне свои услуги для устройства побега, но я на это не согласился.

В 4 часа того же дня я услышал со стороны недалеко находящейся станции крики прокатившегося «Ура!» и свисток паровоза. Это отходил поезд с мобилизованными коммунистами. Через несколько минут этот поезд, украшенный красными флагами, показался перед окнами арестантской. Видя всю эту беснующуюся мразь, я был уверен, что она разлетится как пыль от первого удара ижевских рабочих. Я был уверен, что воткинские рабочие разобьют гидру большевистского произвола и насилия и разорвутся цепи политического рабства. Но вместе с тем невольно думалось: переживу ли я это ко-

роткое время? Рождалось предчувствие, что большевистские палачи перед концом жизни своей помажутся кровью моей.

Так стоял я у окна и думал, глядя на уходивший поезд. Неожиданно ко мне приблизился стоявший на посту часовой и произнес:

— Поехали, товарищ!

— Кто поехал и куда поехал? — спросил я его.

— Воткинские поехали убивать ижевских, — ответил он и, помолчав, прибавил: — Многие из нас выпили ослиную дозу большевистской отравы. До сих пор не могут прийти в себя. А мы не понимаем, что творится вокруг, и слепо подчиняемся приказам всякого рода проходимцев, укрывающихся именем крестьян и рабочих. Вот эти проходимцы, — продолжал он, — руками мадьяр, латышей и китайцев расстреливают крестьян и рабочих. Пользуясь этой грубой силой, они и нас гоняли на эту бойню. Ты не знаешь меня, товарищ Уполномочен, поэтому ты можешь думать, что я завязал с тобой разговор, чтобы вытянуть от тебя что-нибудь для Чрезвычайки. Так нет, товарищ, я говорю с тобой как с рабочим, стоящим на страже интересов рабочего класса, и мне совестно стоять пред тобой с этой несчастной винтовкой. Но я вынужден это делать. Я коммунист с апреля месяца 1917 года, — продолжал он, — записался я в эту партию по глупости, так же как и многие другие. Все мы, не умеющие разбираться, не могли устоять пред теми обещаниями, которыми осыпали нас большевики, пока они не были у власти. А когда власть взяли и повели разбойническую политику, стали разгонять Советы рабочих депутатов и безжалостно душить свободу, тогда я увидел, что я грубо ошибся, затесавшись в эту партию, и поспешил выбраться из нее. Вот уже больше полугода, как я заявил, что ухожу из партии, отдал членский билет и не платил членский взнос. Но несмотря на все это, неделю тому назад вызвали меня в исполком, где мне заявили, что я коммунист и должен записаться в Красную армию, в противном случае пригрозили мне расчетом из завода и обещали считать меня как дезертира, а дезертиров они расстреливают...

Что я ему мог сказать? Подчиниться власти и идти на фронт? Там его могут убить, но может и уцелеть. Не подчиняться власти и не ходить в Красную армию? Это значит определенно быть расстрелянным. Не подчиняться власти и убежать из Воткинска? Но это значило подвести под расстрел семью. Я посоветовал ему подчиниться власти и идти в Красную армию.

Так в беседе и размышлении о развертывающихся событиях прошел третий день моей арестантской жизни в Воткинске. Утром на четвертый день моего ареста ко мне на свидание пришел товарищ и

сообщил, что накануне отправлявшийся из Воткинска поезд с мобилизованными коммунистами попал под перекрестный огонь ижевских рабочих и был вдребезги разбит; из 250 коммунистов вернулись в Воткинск только 35. По мере того как ижевские рабочие наносили удар за ударом Красной армии и продвигались к Воткинску, мои друзья все больше и больше беспокоились за мою жизнь. Они были уверены, что если большевикам придется уйти из Воткинска, то они меня живым не оставят.

Так это и было бы, если бы случайность не спасла меня. На пятый день моего пребывания в арестантской, в 2 часа ночи, пришли восемь коммунистов, которые потребовали от часового выдать меня на расстрел. Я в это время спал, но сидевшие со мной крестьяне, не привыкшие к тюремной жизни и встревоженные происходящими событиями, не спали подряд ночами. Они первые услышали это, подошли ко мне, разбудили и сказали:

— Прощай, друг, тебя требуют на расстрел...

Легко себе представить, как скоро я встал с постели. Подойдя к окну, я услышал первые слова часового:

— Дайте документ на расстрел Уновалова.

Раздался ответ часовому:

— Ты знаешь, кто мы такие, и не должен спрашивать документ, а должен выдать нам Уновалова.

Часовой оказался тот, который накануне беседовал со мной. Он сказал им, что ему нет надобности знать, кто они такие, а ему нужен документ, без которого он категорически отказался выдать меня и заявил им, что если они захотят взять меня без документа, то они это сделают только перешагнув через его труп.

Этот категорический ответ часового и случайное появление во дворе двух воткинцев, которые жили рядом с арестантским помещением, поколебали этих хулиганов, и они не решились напасть на часового.

Так в ту кошмарную ночь была спасена моя жизнь.

Утром узнали обо всем этом воткинские рабочие. Они энергично запротестовали и потребовали моего освобождения. Видя революционную бурю, надвигавшуюся со стороны Ижевска, воткинский исполком удовлетворил требование рабочих и освободил меня, обязав выехать из Воткинска в Пермь. Будучи уверен в том, что конец большевистского владычества в Воткинске — вопрос нескольких дней, я и мои друзья колебались: ехать ли в Пермь или оставаться в Воткинске. При всестороннем обсуждении этого вопроса мы решили, что ехать в Пермь я не должен, но рискованно и опасно оставаться в Воткинске.

Решили отправить меня в деревню, расположенную в 85 верстах от Воткинска, и так и сделали. Один из друзей ночью запряг лошадь и отвез меня в деревню к своему родственнику, у которого я и остался жить в ожидании известия о совершившемся перевороте в Воткинске.

Я отсиживался в деревне, куда меня сплавили товарищи после попытки большевиков расстрелять меня, окончившейся ничем благодаря мужеству охранявшего меня в тюрьме часового. В ожидании известия о совершившемся в Воткинске перевороте я решил, чтобы не навлечь на себя подозрение, заняться крестьянской работой. Я целиком вошел в эту работу, справляя все, что полагается в крестьянском хозяйстве.

Спустя несколько дней я стоял в поле и жал полосу ржи. Смотрю — едет вооруженный всадник, направляясь ко мне. Подъехал, спросил, кто и откуда, и, получив удовлетворивший его ответ, подал мне письмо.

Свершилось! После ижевских рабочих свергли у себя ненавистную большевистскую власть и воткинские товарищи. Меня требовали немедленно в Воткинск. На следующий день, отмахав 85 верст, я был среди восставших воткинцев.

Воткинск был неузнаваем. Это был уже не завод, а сплошной военный лагерь. В 10 или 15 верстах от Воткинска шла упорная борьба безоружных рабочих с вооруженными до зубов мадьярами, латышами и китайцами, а внутри Воткинска шла организационная работа Совета рабочих депутатов, местного самоуправления и военного штаба. Задача стояла довольно трудная. Нужно было организовать армию из восставших рабочих и крестьян, нужно было наладить продовольственный аппарат для снабжения этой армии и гражданского населения, нужно было вооружить армию хотя бы винтовками, о пушках и думать не приходилось. Только благодаря крепкой вере в правое дело, при общем и тесном единении организаций и всего населения, эти трудности были преодолены. Работающее в заводе офицерство было призвано организовать армию из восставших рабочих и крестьян. Крестьяне дали хлеб и обмундирование, ижевские рабочие день и ночь не отходили от станков, изготовляли винтовки и пулеметы, патроны и снаряды. Были моменты, когда большевистские латыши и китайцы подходили к Ижевску на 2 или 3 версты. Тогда станки останавливались, рабочие брали винтовки и уходили на фронт, разбивали противника и опять становились к станкам.

Все рабочие и крестьяне, взявшиеся за оружие, жили одной мыслью, у всех было одно желание — победить насильников и спасти хоть

минимум завоеваний мартовской революции. Только с этой мыслью под лозунгом Учредительного собрания и под верховной властью членов Комитета Учредительного собрания они несли свои жизни на поле брани, где как львы сражались, не имея пушек, вооруженные одними винтовками, при недостаточном количестве патронов, с противником, до зубов вооруженным и в 10 раз превосходившим их. Они побеждали и отнимали у противника пушки и пулеметы. Через месяц упорной борьбы Ижевская и Воткинская армии с 10 000 восставших рабочих увеличилась до 75 000 штыков. У них уже было более 100 пушек и 700 пулеметов, все взятые у противника.

Но по мере того как увеличилось количество армии, ухудшалось ее качество. Терялось сознание долга перед свободой и революцией, и она легко поддавалась агитации большевистских агентов. Но тогда при свободе слова и печати с этим легко было бороться, потому что это был уже не 1917 год большевистских обещаний мира, хлеба и свободы, а 1918-й, когда все и каждый увидели, что вместо мира большевики зажгли ужасную и все разрушающую Гражданскую войну, вместо хлеба каждый вкусил горький плод нищеты, вместо свободы каждый сделался жалким рабом. Малейшее напоминание этих фактов отрезвляло умы колеблющихся и толкало их на арену борьбы с насильниками.

В августе месяце 1918 года эти насильники получили неожиданную помощь.

Застывшие в своих иллюзиях наши левые цекисты, при отсутствии других членов ЦК, арестованных при разгоне в Москве всероссийской рабочей конференции, вынесли резолюцию, осуждавшую борьбу с большевиками, и призывали организованные слои рабочих влиться в ряды большевистских организаций, предполагая таким путем очистить эти помойные ямы. Это было для нас предательским ударом, ударом в спину демократическому пролетариату, боровшемуся с насильниками-большевиками за политические права рабочего класса и за свободу всего русского народа.

Большевики достойно оценили эту резолюцию. Они напечатали ее в миллионах летучек и разбрасывали их по всему фронту и в тылу. И надо сказать, что эти летучки не остались без влияния, как на фронте, так и в тылу. Да я сам, несмотря на то что так много перестрадал от большевиков, тоже был смущен в своих действиях. Не потому, конечно, что я боялся смерти или тех неслыханно диких пыток, которые применяли большевики к своим политическим противникам, и не потому, что я разубедился в справедливости моего отношения к большевикам как контрреволюционерам и стал считать их безумную политику преддве-

рием к социализму. Нет! Я в этом был непоколебим, пока жил в дико каторжных условиях большевистской политики. Но когда я оказался за рубежом по ту сторону фронта, то, не имея прямых сведений из центра России, я допустил мысль, что, может быть, снизошел луч благоразумия на головы большевиков и они отказались от безумной политики коммунизма, раскрепостили своих политических противников, меньшевиков и эсеров, и создали один общий фронт на защиту свободы и революции от надвигающейся реакции справа. Я думал, что только в таком случае наш ЦК мог выпустить подобную резолюцию.

Для выяснения нашего отношения к этой резолюции был созван комитет воткинской партийной организации. Не имея, однако, официальных сведений из центра России о политической жизни рабочих, мы не могли прийти к определенному решению и решили ждать, как отнесется к этой резолюции Уральский областной комитет.

Ждать пришлось недолго. Подвергнув резолюцию всесторонней критике, Уральский областной комитет пришел к заключению, что подобного рода резолюции могут выносить только люди, соскользнувшие с рельсов русской действительности, оторвавшиеся от земли и от рабочих масс.

Уральский областной комитет решил продолжать борьбу с насилием, откуда и под каким бы флагом оно ни приходило. Такое отношение областного комитета к большевикам и к их политике снова ободрило меня и лишний раз напомнило мне, что не было еще в истории того, чтобы какая-нибудь деспотическая власть добровольно уступила свое место власти народной. Я понял, что я ошибся, допустив мысль, будто большевики могут раскрепостить своих политических противников и вместе с ними весь русский народ освободить из цепей насилия и произвола. После этого я снова отдал себя на служение рабочим, взявшимся за оружие в борьбе за политические права и за свободу русского народа.

Борьба была неравная и трудная. Как ни велик был героизм ижевских и воткинских рабочих, но одного героизма было недостаточно. Нужны были еще пушки и патроны, обмундирование и деньги. Все это приходилось брать у противника. Отнимая у него пушки, снаряды и патроны, они платили за это жизнью лучших и незаменимых людей. Они верили, что на место павших придут другие. Эта вера толкала все вперед и вперед. Эту веру не могли поколебать бесконечные жертвы, гибель сотен и тысяч людей от вражеских пуль, от болезней и морозов. Но эту веру поколебали вожди партии, призывавшие во имя социализма поддерживать палачей русской свободы и русского пролетариата. Шли вперед, но с раной в

душе, чувствуя, что они в этой неравной борьбе одиноки, что одним им не выдержать...

Прошли два месяца упорной борьбы, август и сентябрь, наступила зима с уральскими морозами, напирали большевистские наемники. ЦК предавал анафеме всех активно борющихся с большевистской реакцией. Кольцо, в котором находилась горсточка борцов за свободу, в лице ижевских и воткинских рабочих, сжималось все теснее и теснее.

В первых числах ноября 1918 года противник подошел на 4 версты к Воткинску, но дружным ударом рабочих был прогнан. Видя увеличившиеся силы противника с большим запасом пушек и снарядов, а позади себя начинающую замерзать реку Каму, не имея достаточного вооружения, воткинское и ижевское командование совместно с Советом рабочих депутатов решили оставить Воткинск и Ижевск и уйти за Каму. Задача предстояла трудная, противник имел в своих руках сильную флотилию и всех родов оружие; воткинцы имели только три парохода, отнятые у противника, и несколько баржей. На этих пароходах они и должны были перевезти 30-тысячную армию, военное снаряжение, около ста пушек, несколько сот снарядов и около 700 пулеметов. Благодаря энергии и умелому командованию, благодаря беспримерному мужеству рабочих и крестьян они справились с этой трудной задачей. Для того чтобы не прошла флотилия противника, они с обоих концов реки Камы затопили по нескольку баржей и таким образом заградили проход неприятелю. В свободном пролете из оставшихся баржей они навели плавучий мост, по которому провезли 20 тысяч беженцев, все военное снаряжение, фураж и довольствие и 30-тысячную армию.

Тяжело было ижевцам и воткинцам оставлять родной край на разграбление латышам и китайцам, а родные семьи на поругание, тяжело им было оставлять и могилы погибших борцов за свободу. Я, как ссыльный, не имел семьи в Воткинске, я ее оставил где-то далеко-далеко, и казалось, что для меня безразлична чужая сторона, но и я не без скорби душевной оставил Воткинск. И теперь, вспоминая все страдания ижевцев и воткинцев в борьбе за свободу, пережитые вместе с ними, тяжело слышать от святых отцов «Социалистического вестника» анафему по адресу ижевских и воткинских рабочих, отдавших жизнь свою за дело пролетариата и свободу народа.

Отступивших воткинцев и ижевцев закамское население встретило тепло и приветливо, стараясь по возможности облегчить им невероятные страдания. Но при таком огромном и внезапном наплыве множества людей население мало что могло для них сделать. Женщины с грудными детьми проводили ночи на земле под открытым

небом при 8—10 градусах мороза. Через несколько дней в тесном единении с местным населением воткинским организациям удалось кое-как устроить в ближних деревнях беженцев и армию. Но и это благополучие продолжалось недолго. Через неделю после отступления Каму сковало льдом и большевики превосходными силами повели наступление. В небывало тяжелых условиях, разутые и раздетые, среди трескучих морозов, воткинцы и ижевцы отражали нападение, отправляясь в атаку при пяти патронах в сумке. Когда этих патронов было десять — воткинцы считали себя прекрасно вооруженными и разбивали противника, отнимая у него патроны и обмундирование. Но силы постепенно слабели. Трудно жить и сражаться только за счет военной добычи даже при вечном тепле, а тут морозы доходили до 35 градусов. Стало невыносимо тяжело.

Разлагало воспоминание о призыве нашего ЦК к сотрудничеству с большевиками. Мало-помалу разъедалась воля борцов. Стали роптать на Моисея, зачем он их вывел из царства Фараонова. Измученные души жаждали отдыха.

Ничего не оставалось делать, как коренным образом реорганизовать остатки армии. Был издан приказ, в котором объявлялось, что все измучившиеся и отчаявшиеся в борьбе за свободу могут уйти из рядов армии, сдав свои винтовки, а все оставшиеся должны знать, что впереди предстоят испытания еще более тяжкие, чем пережитые. В результате по разным направлениям Урала и Сибири стали расходиться люди, потерявшие силы и веру.

Но много осталось и стойких, решивших продолжать борьбу до конца. Отражая яростные атаки и даже беря пленных, воткинцы отступили в глубь Урала. Ижевцев почти уже не было. Осталось их после приказа всего до 8 тысяч человек, да и те ушли в тыл. Удары жестокого противника приходилось принимать на себя одним воткинцам, которые оставались в количестве 20 тысяч человек. Эта разница между ижевцами и воткинцами была не случайной. В то время как Воткинский завод, как машиностроительный, во время войны был мало разбавлен пришлым элементом и на нем работали старые квалифицированные рабочие, проникнутые классовым самосознанием и выдержкой, от которых отскакивали как агитация большевистских агентов, так и легкомысленные иллюзии нашего ЦК, Ижевский завод, как ружейный, более чем наполовину был разбавлен пришлым элементом, совершенно задавившим организованное и сознательное ядро завода. Это и сказалось в стойкости и преданности делу борьбы с насильниками воткинцев и в слабости и малодушии ижевцев. Ижевская армия исчезла с горизонта.

ПЕСНЯ ВОТКИНЦЕВ[125]

Мы знамя подняли восстанья,
Рабами мы жить не могли
И, в руки взяв крест испытанья,
Из края родного ушли.

Оставили села и нивы,
И храмы, и сладостный труд,
И, в скорби своей молчаливы,
С врагами мы вышли на суд...

Покинули в горькой разлуке
Детей, матерей и отцов
И, стиснувши зубы от муки,
Ушли под мечами врагов...

Мы долго боролись за счастье...
Была непосильна борьба,
И темные тучи ненастья
Дарила нам злая судьба...

Мы долго боролись — устали...
Сражаясь в кровавой пыли.
Враги нашу силу отняли,
Но дух угасить не могли!..

В нас дух наших предков великих,
Служивших родимой стране,
Нас с неба приветствуют лики
Погибших в жестокой войне...

Мы знамя подняли восстанья,
Рабами не можем мы жить,
Не можем снести испытанья,
Греху и безумству служить...

До волн голубых океана
Прошли среди грома и тьмы,
Грозою для вражьего стана
В победах прославились мы!..

Мы русского счастья основы,
Без страха мы смотрим вперед.
Всегда мы бороться готовы
За Правду, за Русь, за Народ!..

КОММЕНТАРИИ

[1] Данные о численности Сибирской армии летом 1918 г. любезно предоставлены автору А.Б. Езеевым.

[2] **Петров Павел Петрович**. Генштаба генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; с лета 1918 г. начальник оперативного отдела штаба Народной армии, с 1919 г. начальник штаба 6-го Уральского армейского (стрелкового) корпуса, с 1 июня 1922 г. (10 августа — 3 ноября 1922 г.) начальник штаба войск Приамурского временного правительства (Земской рати). В эмиграции с 1931 г. начальник канцелярии Дальневосточного отдела РОВС в Мукдене. После 1949 г. в США. Умер 24 июля 1967 г. в Сан-Франциско.

[3] Впервые опубликовано: *Петров П.П.* От Волги до Тихого океана в рядах белых (1918—1922 гг.). Рига, 1930.

[4] **Алексеев Михаил Васильевич**, р. в 1857 г. Сын солдата сверхсрочной службы. Тверская гимназия, Московское пехотное юнкерское училище (1876), академия Генштаба (1890). Генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий до 11 сентября 1917 г. Основоположник Добровольческой армии. С сентября 1917 г. основал Алексеевскую организацию и формировал добровольческие офицерские отряды. 2 ноября 1917 г. прибыл в Новочеркасск; с декабря 1917 г. член триумвирата «Донского гражданского совета». Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода. С 18 августа 1918 г. верховный руководитель Добровольческой армии. Умер 25 сентября 1918 г. в Екатеринодаре.

[5] **Корнилов Лавр Георгиевич**, р. в 1870 г. Сын коллежского секретаря. Сибирский кадетский корпус (1889), Михайловское артиллерийское училище (1892), академия Генштаба (1898). Генерал от инфантерии, Верховный главнокомандующий до августа 1917 г., когда выступил против предательской политики Временного правительства и был арестован, содержался в Быхове. С 5 декабря 1918 г. в Новочеркасске, где возглавил Добровольческую армию, которую вывел в 1-й Кубанский («Ледяной») поход. Убит 31 марта 1918 г. под Екатеринодаром.

[6] **Деникин Антон Иванович**, р. 4 декабря 1872 г. в д. Шпеталь Дольный Варшавской губ. Сын майора. Ловичское реальное училище (1890), Киевское пехотное юнкерское училище (1892), академия Генштаба (1899). Генерал-лейтенант, главнокомандующий войсками Юго-Западного фронта. Участник выступления генерала Корнилова в августе 1917 г. С 29 августа по 19 ноября 1917 г. под арестом в Быхове. В начале января 1918 г. командую-

ний войсками Добровольческой армии, с 30 января 1918 г. начальник 1-й Добровольческой дивизии. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода, заместитель генерала Корнилова, с 31 марта 1918 г. главнокомандующий Добровольческой армией, с 26 декабря 1918 г. по 22 марта 1920 г. Главнокомандующий Вооруженными силами Юга России. В эмиграции с апреля по август 1920 г. в Англии, до мая 1922 г. в Бельгии, с июня 1922 г. в Венгрии, с весны 1926 г. во Франции (Париж, с мая 1940 г. д. Мимизан), с 1945 г. в США. Умер 7 августа 1947 г. в Энн-Эрбор (США).

[7] **Б.К. Фортунатов** летом 1918 г. был участником подпольной организации в Самаре, с 8 июня, будучи членом штаба Народной армии от Самарского правительства, воевал рядовым в отряде В.О. Каппеля. До ноября 1919 г. начальник отряда в Южной армии, затем в Уральской армии.

[8] **В. Боголюбов** при Временном правительстве был комиссаром Румынского фронта.

[9] **Чечек Станислав**. Поручик, командир 4-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; командир группы, с 20 августа 1918 г. командующий Поволжским фронтом Народной армии, полковник, с 2 сентября 1918 г. командир 1-й Чехословацкой дивизии. Генерал-майор (2 сентября 1918 г.).

[10] **Галкин Николай Александрович**. Подполковник артиллерии. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. глава подпольной организации в Самаре. С 8 июня 1918 г. начальник Главного штаба и командующий Народной армией, с 28 июля — управляющий военным ведомством Комуча, с июня 1919 г. командир 11-го армейского корпуса в Южной армии, с августа 1919 г. начальник группы Южной армии. Генерал-майор.

[11] **Каппель Владимир Оскарович**, р. в 1881 г. в Белеве. Из дворян, сын офицера. 2-й кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище (1900), академия Генштаба (1913). Подполковник, начальник штаба 37-й пехотной дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. во главе отряда особого назначения Народной армии («Добровольческого Партизанского отряда подполковника Каппеля»), на 15 августа 1918 г. командир бригады своего имени, с сентября 1918 г. полковник, командир Самарского отряда, с 20 августа 1918 г. возглавлял объединенные Симбирскую и Казанскую группы Поволжского фронта, с 17 ноября 1918 г. командир Сводного корпуса (генерал-майор), с 3 января 1919 г. — 1-го Волжского армейского корпуса Западной армии, с 14 июля 1919 г. — Волжской группы 3-й армии, с 4 ноября 1919 г. командующий 3-й армией и Московской группой армий, с 9 декабря 1919 г. — Главнокомандующий Восточным фронтом. Генерал-лейтенант. Орден Святого Георгия 3-й (12 сентября 1919 г.) и 4-й (22 июня 1919 г.) степени. Умер 26 января 1920 г. у разъезда Урей.

[12] **Дутов Александр Ильич**, р. 5 августа 1879 г. в Казанлинске. Из дворян Оренбургского казачьего войска, сын генерал-майора. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус (1896), Николаевское кавалерийское училище (1898), академия Генштаба (1908). Полковник, войсковой атаман Оренбургского казачьего войска (с 5 октября 1917 г.), не признал советскую власть. В белых войсках Восточного фронта; с 6 (11) декабря 1917 г. командующий войсками Оренбургского военного округа, с августа 1918 г. генерал-майор, с

17 октября 1918 г. командующий Юго-Западной армией (с 28 декабря 1918 г. Оренбургская отдельная армия). С 23 мая до 16 октября 1919 г. генерал-инспектор кавалерии, с 2 июня 1919 г. одновременно походный атаман всех казачьих войск, 21 сентября — 16 октября (с 16 октября) 1919 г. командующий Оренбургской отдельной армией, затем начальник гражданского управления Семиреченского края. Генерал-лейтенант (с 14 октября 1918 г.). В марте 1920 г. отступил в Китай. Смертельно ранен 24 января в руку и живот и скончался 25 января (6 февраля) 1921 г. в Суйдине при попытке похищения.

[13] Воспоминания В.И. Лебедева публикуются ниже.

[14] **Махин Федор Евдокимович**. Генштаба подполковник. В белых войсках Восточного фронта; с июля 1918 г. в Народной армии (перешел от красных, был командующим 2-й армией); с 15 июля и на 15 августа 1918 г. командующий частями Народной армии Хвалынского района, начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии, командующий Южной группой Народной армии (в направлении на Саратов), 23 октября — 24 декабря 1918 г. начальник 1-й Оренбургской казачьей пластунской дивизии, в ноябре 1918 г. командующий Актюбинской группой Оренбургской армии, с 2 декабря 1918 г. в командировке за границей. Полковник.

[15] **Чернов Виктор Михайлович**, р. в 1873 г. Из дворян. Московский университет (1894). Лидер партии эсеров, министр земледелия во Временном правительстве. С сентября 1918 г. член Комуча. С 1920 г. в эмиграции в США. Умер 15 апреля 1952 г. в Нью-Йорке.

[16] Волжская флотилия. Сформирована в первых числах июня 1918 г. в составе Народной армии мичманами Ершовым, Мейрером и Дмитриевым. Первоначально состояла из буксиров «Фельдмаршал Милютин» и «Вульф», вооруженных трехдюймовыми орудиями (по одному). Оказывала содействие отрядам полковника Каппеля. С прибытием ряда морских офицеров в августе 1918 г. развернута в 3 дивизиона по 6—8 судов в каждом, имевших по орудию на носу и на корме (трехдюймовые и 42-мм пушки) и пулеметы и 2 плавучие батареи (по 2 шестидюймовых орудия). После оставления Казани 3-й дивизион отошел на Каму, затем был оттянут в Сибирь, а по возвращении послужил основой Камской флотилии. Остальной личный состав поступил на формирование Бригады морских стрелков. Командующие: мичман Г.А. Мейрер, контр-адмирал М.И. Смирнов. Начальник штаба — старший лейтенант Н.Ю. Фомин.

[17] **Степанов А.П.** Капитан, командир 1-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир того же полка; командир батальона чехов при взятии Симбирска, затем начальник отряда под Казанью. Полковник (1919).

[18] **Сыровы Ян**, р. в 1888 г. Офицер австрийской армии. Поручик, командир 2-го полка Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; командир группы, полковник, с августа 1918 г. командир Чехословацкого корпуса, до 4 февраля 1919 г. командующий войсками Западного фронта. Генерал-майор (с августа 1918 г.). В эмиграции в Чехословакии, начальник Главного штаба, затем генеральный инспектор армии, осенью 1938 г. премьер-министр. Умер в 1971 г.

[19] 2-я Сызранская стрелковая дивизия. Сформирована 24 июля 1918 г. в Народной армии как 2-я стрелковая из войск Сызранского района. При отходе за Волгу в нее были влиты Южная (в направлении на Саратов; полковник Махин) и Сызранская (прикрывавшая Самару со стороны Пензы; полковник Бакич) группы. Состав: 5-й Сызранский (бывший 1-й Сызранский добровольческий), 6-й Сызранский (бывший 1-й Сызранский регулярный), 7-й Хвалынский (бывший батальон), 8-й Вольский стрелковые полки, 2-й Сызранский кавалерийский полк (бывший Сызранский конный отряд), 2-я Сызранская артиллерийская бригада (4 батареи), 1-й Сызранский и 12-й полевые тяжелые артиллерийские дивизионы, 1-й Кузнецкий отдельный батальон, 1-й Сызранский партизанский отряд, отряд партии меньшевиков — защитников Учредительного собрания, инженерная и автомобильная роты, прожекторный взвод, радиостанция, взвод 3-го авиаотряда. С декабря 1918 г. входила в состав 4-го Оренбургского армейского корпуса. В конце 1919 г. отступила в район Сергиополя и вошла в состав отряда Оренбургской армии, влитого в Отдельную Семиреченскую армию. Начальники: полковник Ф.Е. Махин (до конца ноября 1918 г.), полковник (генерал-майор) А.С. Бакич. Начальник штаба — подъесаул Финицкий.

[20] **Бакич Андрей Степанович**. Полковник. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командовал Сызранской группой Народной армии (прикрывавшей Самару со стороны Пензы), при отходе за Волгу — на 15 августа 1918 г. начальник 2-й Сызранской стрелковой дивизии; с 19 февраля 1919 г. командир 4-го Оренбургского армейского корпуса, генерал-майор. В эмиграции с марта 1920 г. в Китае. Возглавил «Голодный поход» остатков Оренбургской армии в Монголию. Весной 1921 г. взят в плен и расстрелян в Иркутске.

[21] **Вырыпаев Василий Осипович**, р. 18 декабря 1891 г. Коммерческое училище в Самаре. Капитан 5-го конно-артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в подпольной организации в Самаре, с июня командир 1-й отдельной конной батареи Народной армии. Полковник. В эмиграции с 1922 г. в Китае и с 1923 г. в Австралии, с сентября 1929 г. в США (Сан-Франциско), сотрудник журнала «Военная Быль». Умер после 1967 г.

[22] Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. Январь 1964 — март 1965. № 28—42.

[23] **Милович Дмитрий Яковлевич**, р. в 1870 г. Из дворян, сын полковника. В службе с 1887 г., офицером с 1890 г. Офицер 5-й конно-артиллерийской батареи и 30-й артиллерийской бригады. Генерал-лейтенант, начальник 14-й кавалерийской дивизии. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в Самаре (в армию не вступил), с осени 1918 г. до января 1920 г. начальник 1-й кавалерийской дивизии, летом 1919 г. начальник отряда Северной группы 2-й армии.

[24] **Клоченко Ипатий Иванович**, р. в 1859 г. В службе с 1877 г., офицером с 1879 г. Генерал-майор. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. инспектор артиллерии Народной армии.

[25] **Фон Зигерн-Корн Константин Людвигович**, р. в 1880 г. В службе с 1898 г., офицером с 1900 г. Полковник инженерных войск. В белых

войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. инженер в Народной армии, затем корпусной инженер Волжского армейского корпуса. Убит 28 сентября 1919 г. Генерал-майор (посмертно со старшинством 1 июля 1919 г.).

[26] **Мейбом Федор Федорович**. Владимирское военное училище (1914). Штабс-капитан, командир батальона 497-го пехотного полка. В белых войсках Восточного фронта; к лету 1918 г. в офицерской организации в Казани и партизанском отряде, затем рядовой в 1-й офицерской роте в Казани, командир офицерского взвода, командир 1-го батальона и заместитель командира 1-го Казанского полка Волжской дивизии; в 1919 г. капитан, командир батальона, помощник командира и командир 49-го Сибирского стрелкового полка. Участник Сибирского Ледяного похода. В начале 1920 г. подполковник, командир Отдельной офицерской роты Волжской бригады, командир бронепоезда «Витязь». В эмиграции в США, председатель отдела РОВС в Мичигане. Умер 2 декабря 1978 г. в Лас-Вегасе (США).

[27] Впервые опубликовано: Первопоходник. Февраль 1975 — декабрь 1976. № 23—34.

[28] **Попов Иван Иванович**, р. в 1866 г. В службе с 1883 г., офицером с 1885 г. Генерал-майор. Весной—летом 1918 г. член Союза защиты Родины и свободы, глава офицерской организации в Казани. Расстрелян большевиками в июле 1918 г. в Москве.

[29] **Попов Борис Иванович**, р. 13 мая 1894 г. Академия Генштаба (ускор.). Полковник, командир 2-й батареи 8-го тяжелого артиллерийского дивизиона. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в 1-м Казанском стрелковом полку. Участник Сибирского Ледяного похода, к 15 сентября 1920 г. начальник штаба Волжской бригады. В ноябре—декабре 1921 г. начальник штаба Поволжской бригады, начальник штаба 5-го повстанческого отряда. В эмиграции в Китае, к 1936 г. член Офицерского собрания в Шанхае. После 1949 г. — в США. Член и председатель Общества Ветеранов, с 1967 г. член редколлегии журнала «Вестник ОВВВ в Сан-Франциско». Умер 8 мая 1970 г. в Сан-Франциско.

[30] **Мейбом Георгий Федорович**. Поручик 5-го уланского полка. Летом 1918 г. агроном в Казани, затем в белых войсках Восточного фронта; в драгунском полку. Взят в плен в 1919 г. под Барнаулом. В эмиграции. Умер после 1927 г.

[31] **Перхуров Александр Петрович**, р. 1 января 1876 г. в с. Шерепове Тверской губ. Из дворян той же губернии, сын титулярного советника. 2-й Московский кадетский корпус (1893), Александровское военное училище (1895), академия Генштаба (1903). Полковник, командир 186-го отдельного легкого артиллерийского дивизиона. Георгиевский кавалер. С марта 1918 г. начальник штаба Союза защиты Родины и свободы. Руководитель Ярославского восстания, затем в белых войсках Восточного фронта; с сентября 1918 г. начальник 1-й Казанской стрелковой дивизии Народной армии, с февраля 1919 г. командир Казанской стрелковой бригады и 13-й Казанской стрелковой дивизии, с середины июля 1919 г. начальник партизанских отрядов 3-й армии. Генерал-майор (с июня 1919 г.). Взят в плен 11 марта 1920 г. в с. Подымахинском у Лены; с января 1921 г. служил в РККА. Арестован 20 мая 1921 г. Расстрелян 21 июля 1922 г. в Ярославле.

[32] **Родзевич Адольф Адольфович**, р. в 1870 г. В службе с 1888 г., офицером с 1890 г. Полковник л.-гв. Семеновского полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир 1-й офицерской роты в Казани, затем во 2-м Казанский полку 1-й Казанской стрелковой дивизии Народной армии.

[33] **Сахаров Николай Павлович**, р. в 1893 г. в Муроме. Муромское реальное училище (1911). Прапорщик запаса (1912), студент Московского сельскохозяйственного института. Подполковник 9-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. Член Союза защиты Родины и свободы. Летом 1918 г. командующий Восточным отрядом Северной Добровольческой армии (Муром). Руководитель восстания в Муроме 8—9 июля 1918 г. В белых войсках Восточного фронта; начальник Арского боевого участка Казани, с лета 1918 г. полковник, затем командир 3-го Казанского (потом 50-го Арского) стрелкового полка, затем командир Волжской дивизии; в начале 1919 г. начальник Симбирской пехотной дивизии, с сентября 1919 г. помощник начальника 1-й Самарской стрелковой дивизии, с 6 ноября 1919 г. начальник той же дивизии, с декабря 1919 г. командир Волжской бригады 3-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода; с марта 1920 г. командир Отдельной Волжской бригады, с 1921 г. — Поволжской бригады. Участник Хабаровского похода, в декабре 1921 г. начальник колонны (5-го повстанческого отряда), с августа 1922 г. снова командир Поволжской бригады, в сентябре 1922 г. командир Приволжского стрелкового полка. Генерал-майор (23 августа или 10 апреля 1919 г.). В эмиграции в США. Умер в 1951 г. в Сан-Франциско.

[34] **Болдырев Василий Георгиевич**, р. в 1875 г. Военно-топографическое училище, академия Генштаба. Генерал-лейтенант, командующий 5-й армией. В декабре 1917-го — мае 1918 г. в тюрьме, затем в белых войсках Восточного фронта; с 24 сентября по 18 ноября 1918 г. Главнокомандующий войсками Уфимской директории, затем выслан в Японию, с апреля 1920 г. вернулся во Владивосток, член правительства ДВР, 7 апреля — 12 декабря 1920 г. Главнокомандующий войсками Временного правительства Приморской областной земской управы во Владивостоке. Остался в СССР, в октябре 1922 г. арестован, летом 1923 г. освобожден и служил в советских учреждениях. Расстрелян 20 августа 1933 г.

[35] **Мейбом Эрнест Федорович**. Врач. В белых войсках Восточного фронта; осенью 1918 г. военный врач в Ново-николаевском госпитале, затем начальник санитарной части 3-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. В начале 1920 г. в Чите. В эмиграции в Китае.

[36] **Еленевский Александр Петрович**, р. в 1902 г. Сын офицера. Кадет Хабаровского кадетского корпуса. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. в 1-м отдельном Самарском артдивизионе. Окончил Читинское военное училище (1920). Прапорщик. В эмиграции в Китае, до 1923 г. в Шанхае, в прикомандировании к Хабаровскому кадетскому корпусу, с 1925 г. в Югославии. Окончил Донской кадетский корпус (1927). Служил в Русском корпусе (унтер-офицер). После 1945 г. в США. К 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 7 января 1975 г. в Сан-Франциско.

[37] Впервые опубликовано: Архивы русской эмиграции.

[38] 3-я Волжская имени генерала Каппеля батарея (3-я отдельная Волжская батарея). Выделилась после мая 1921 г. из 1-го Волжского стрелкового имени генерала Каппеля полка и вошла в состав Сводно-артиллерийского дивизиона. Затем входила в состав Поволжской бригады. К осени 1921 г. насчитывала всего 47 человек, из них 5—6 офицеров. Орудий эта батарея, как и все остальные, до Хабаровского похода не имела. В августе 1922 г. переименована в Приволжскую артиллерийскую батарею (дружину) в составе Приволжского полка Поволжской группы или рати (см. 3-й корпус). На 1 сентября 1922 г. насчитывала 51 человек и 2 3-дюймовых орудия. Имела малиновые погоны, петлицы и выпушки с витым вензелем «3 ГК» под пушками. Командир — подполковник Иличев.

[39] **Россин Константин Борисович**, р. 2 марта 1901 г. в Бресте. Сын офицера. Кадет Симбирского кадетского корпуса. Участник спасения корпусного знамени в марте 1918 г. В белых войсках Восточного фронта; младший урядник во 2-м Оренбургском казачьем полку; с августа 1919 г. юнкер Иркутского военного училища. На 27 октября 1919 г. юнкер 2-го курса.

[40] **Лебедев Владимир Иванович**. Полковник, морской министр Временного правительства, член Учредительного собрания. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. член Самарского военного штаба, организатор Народной армии, помощник военного министра Комуча.

[41] Впервые опубликовано: *Лебедев В.И.* Борьба русской демократии против большевиков. Нью-Йорк, 1919.

[42] **Гайда Радола (Гейдль Рудольф)**, р. в 1892 г. Офицер австрийской армии. Один из руководителей Чехословацкого корпуса. В белых войсках Восточного фронта; 12 октября — 24 декабря 1918 г. генерал-майор, командующий Екатеринбургской группой войск, в январе—июле 1919 г. командующий Сибирской армией. Генерал-лейтенант (с 17 января 1919 г.). 17—18 ноября 1919 г. поднял во Владивостоке мятеж против адмирала Колчака, после подавления которого убыл в Чехословакию. 16 декабря 1927 г. лишен чина и заключен в тюрьму за попытку переворота и по обвинению в шпионаже в пользу СССР. Арестован в 1945 г. в Праге. Умер после заключения в 1948 г. там же.

[43] Имеется в виду майор Благотич (см. выше).

[44] **Котомкин (Котомкин-Савинский) Александр Ефимович**, р. в 1885 г. Из крестьян. Алексеевское военное училище. Штабс-капитан, в 1917 г. редактор издания Казанского союза увечных воинов «К Свету». В белых войсках Восточного фронта. Полковник. В эмиграции в Германии. Фольклорист, поэт. Умер 26 ноября 1964 г. в Гамбурге.

[45] Впервые опубликовано: *Котомкин А.* О чехословацких легионерах в Сибири. Париж, 1930.

[46] Впервые опубликовано: Архив русской революции. Т. X. Берлин, 1923.

[47] **Мартынов Матвей Филаретович**, р. 16 мая 1881 г. на х. Мартынова ст. Каменской Уральского казачьего войска. Уральское войсковое реальное училище (1901), Московское пехотное юнкерское училище (1904). Полковник, командир 3-го Уральского казачьего полка. Участник похода генерала Крымова на Петроград. В начале 1918 г. сформировал из состава полка добровольческую Уральскую сотню и направился с ней на помощь астраханн-

ским казакам. 19 февраля 1918 г. до начала июня 1918 г. командующий войсками Уральской области и Уральского казачьего войска (избран Войсковым Съездом), 13 июня 1918 г. направлен с особым отрядом в Самару для установления контакта с чехословаками и Комучем, с июля 1918 г. генерал-майор. С 25 июля 1918 г. командующий Шиповским фронтом армии. Тяжело ранен в августе 1918 г. С конца сентября 1918 г. командующий Северным Соболевским фронтом, 9—27 ноября 1918 г. временно командующий Уральской армией. Генерал-лейтенант. Ранен 18 ноября у форпоста Красный. С конца ноября 1918 г. командир 2-го Уральского корпуса, в январе 1919 г. начальник обороны Уральска. Тяжело ранен. Умер от ран 31 марта 1919 г. в Гурьеве.

[48] Имеется в виду **Шокоров Владимир Николаевич**, р. 15 июля 1868 г. 3-й Московский кадетский корпус (1886), Александровское военное училище (1888), академия Генштаба. Генерал-майор, командир Чехословацкого корпуса. В эмиграции в Чехословакии. Умер 11 июля 1940 г. в Праге.

[49] **Фон Шварц Алексей Владимирович**, р. в 1874 г. Из дворян Екатеринославской губ. Реальное училище (1892), Николаевское инженерное училище (1895), Николаевская инженерная академия (1902). Генерал-лейтеннт, и. д. начальника Главного военно-технического управления. Летом 1918 г. бежал из Красной армии в Киев; в декабре 1918 г. в Одессе; приглашен на должность начальника предполагаемого десантного отряда для захвата Петрограда, с 21 марта 1919 г. командующий русскими войсками в союзной зоне и генерал-губернатор Одессы, в апреле 1919 г. начал формирование Южно-русской армии. В эмиграции в Италии, затем в Аргентине, преподаватель академии Генштаба и Высшей военно-технической школы. Умер 27 сентября 1953 г. в Буэнос-Айресе.

[50] **Ершов Александр Алексеевич**, р. в Самаре. Петроградский университет (1916). Произведен в офицеры из гардемаринов флота (1917). Мичман. В белых войсках Восточного фронта с июня 1918 г. Основатель Волжской флотилии, на 15 августа 1918 г. командующий речным боевым флотом Народной армии. В ноябре—декабре 1920 г. прибыл в Югославию на корабле «Владимир», с июня 1921 г. в Белграде.

[51] **Феодосьев Петр Петрович**, р. 22 октября 1887 г. Морской корпус (1906) (офицером с 1907). Капитан 2-го ранга. В белых войсках Восточного фронта; летом 1918 г. командир плавучей батареи «Чехословак», на 15 августа 1918 г. флагманский артиллерист речной обороны Народной армии, затем командир 3-го (1-го) дивизиона Волжской флотилии, 23 декабря 1918 г. — 30 января 1919 г. командир бронепоезда Отдельной бригады морских стрелков, весной—летом 1919 г. командир 3-го дивизиона речной боевой (Камской) флотилии, с августа 1919 г. на Обь-Иртышской флотилии, с сентября 1919 г. командующий той же флотилией. Капитан 1-го ранга (1919). Убит в начале 1920 г. у Красноярска.

[52] **Молчанов Викторин Михайлович**, р. 23 января 1886 г. в Чистополе. Сын чиновника. Елабужское реальное училище, Алексеевское военное училище (1906). Подполковник, командир 3-й отдельной инженерной роты 3-й Сибирской стрелковой дивизии. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г. руководитель восстания в Елабужском уезде, затем начальник парти-

занского отряда в том же уезде (до 9000 вооруженных повстанцев), затем переформированного в 32-й Прикамский стрелковый полк. С февраля (января) 1919 г. полковник, командир Ижевской бригады, затем начальник Ижевской дивизии, с марта 1920 г. командир 3-го стрелкового корпуса, с августа 1922 г. командир Поволжской группы. Генерал-майор (с марта по апрель 1919 г.). В эмиграции в США. Умер 10 января 1975 г. в Сан-Франциско.

[53] Впервые опубликовано: Первопоходник. № 17—18. Февраль—апрель 1974 г.

[54] **Озолин Вальдемар Петрович**. Генштаба капитан. В белых войсках Восточного фронта; и. д. начальника штаба флотилии особого назначения, с 17 марта 1919 г. подполковник, затем начальник штаба дивизии морских стрелков. Участник Сибирского Ледяного похода, в сентябре—октябре 1920 г. начальник оперативного отделения штаба Дальневосточной армии, в сентябре 1922 г. генерал-квартирмейстер Земской Рати. Полковник.

[55] Ижевская Народная армия (части Народной армии Ижевского района). Образована в результате Ижевско-Воткинского восстания в августе 1918 г. Организационно делилась на ряд групп, прикрывавших различные направления: Южная (Логинов; командиры отрядов: Каратеев, Лбов, Старков, Перевалов, Пермяков, Мордочкин и Мохов), Юго-Западная (Грачев), Левая (Банников), Средняя (Зорин), Правая (Вершинин). Кроме того, имелись партизанские отряды, во главе которых стояли: Козлевский, Бурановский, Бабинский и Лагуновский. 16 августа 1918 г. на поддержку воткинцам был выделен отряд прапорщика Ермакова (250 человек), при 1 орудии (поручика Островского). После соединения с белыми войсками 3 января 1919 г. переформирована в бригаду (см. Ижевская дивизия). Командующие: полковник Д.И. Федичкин, капитан Журавлев (с 26 октября 1918 г.). Начштаба — полковник Власов, Зебзиев, подполковник Пирогов (с 12 октября 1918 г.). Начальник снабжения — полковник Сорочинский.

[56] **Старк Георгий (Юрий) Карлович**, р. 20 октября 1878 г. в Санкт-Петербурге. Из дворян Выборгской губ., сын чиновника. Морской корпус (1897). Контр-адмирал, начальник минной дивизии Балтийского флота. В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. рядовой в Народной армии в Казани, командир отряда судов на Волге, командующий Волжско-Камской флотилией, с осени 1918 г. командир бригады и дивизии морских стрелков в Красноярске. Участник Сибирского Ледяного похода. В 1920—1921 гг. в Харбине, с 18 июня 1921 г. командующий Сибирской флотилией, с 10 августа 1922 г. одновременно помощник по морской части правителя Приамурского края, с сентября 1922 г. начальник тыла Приморья. При эвакуации в 1922 г. командующий Сибирской флотилией в походе от Гензана до Шанхая и из Шанхая в Олонгапо (Филиппины), где оставался на кораблях. В эмиграции с 1923 г. в Маниле, с 1931 г. в Шанхае (член Офицерского собрания), затем во Франции (в Париже), на 31 января 1944 г. и 20 января 1949 г. почетный член Общества бывших русских морских офицеров в Америке, в 1946—1949 гг. председатель Всезарубежного объединения русских морских офицеров. Умер 2 марта 1950 г. в Сент-Женевьев-де-Буа (Франция).

[57] **Модестов Георгий Иванович**, р. в 1894 г. в пос. Серахс Закаспийской обл. Сын чиновника. Оренбургский кадетский корпус (1913), Алексеев-

ское военное училище (1914). Капитан. В белых войсках Восточного фронта; с мая 1918 г. командир офицерской пулеметной роты в Уфе, затем командир батальона, помощник командира 13-го Уфимского стрелкового полка. В январе—мае 1919 г. на военно-академических курсах в Томске, с мая 1919 г. подполковник, старший адъютант штаба 4-й Уфимской стрелковой дивизии, в июле 1919 г. врид командира 14-го Уфимского стрелкового полка, с сентября 1919 г. командир 43-го Сибирского стрелкового полка Уральской дивизии, с ноября 1919 г. командир конного дивизиона той же дивизии, с января 1920 г. начальник штаба Ижевской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода, с весны 1919 г. начальник штаба 1-й сводной стрелковой дивизии. Полковник (с января 1920 г.). В эмиграции в Китае, с декабря 1920 г. в Харбине, с 1938 г. сотрудник японской военной миссии. Арестован в августе 1945 г. Умер 26 февраля 1946 г. в лагерном лазарете на ст. Азанка.

[58] **Филимонов Борис Борисович**, р. в 1901 г. Сын офицера. Псковский кадетский корпус (1918). В белых войсках Восточного фронта; с августа 1918 г. доброволец Казанского артиллерийского дивизиона, участник защиты Казани, затем унтер-офицер 1-го артиллерийского технического училища. В 1919 г. юнкер 1-го артиллерийского училища во Владивостоке, в 1920 г. в Гродековской группе войск в Приморье и в батарее 1-й стрелковой бригады. Участник Хабаровского похода. Поручик. В эмиграции в Китае (Шанхай). Умер 12 июля 1952 г. на о. Тубабао (Филиппины).

[59] Впервые опубликовано: *Филимонов Б.Б.* На путях к Уралу. Шанхай, 1934.

[60] **Семенов (Семенов-Мерлин) Григорий Михайлович**, р. в 1890 г. Есаул Забайкальского казачьего войска, комиссар Временного правительства в Забайкалье по формированию бурят-монгольских добровольческих ударных батальонов и командир Монголо-Бурятского конного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; с 19 ноября 1917 г. в боях с большевиками в Верхнеудинске, начальник сформированного им в Маньчжурии Особого Маньчжурского отряда, Маньчжурской особой дивизии, 1-й сводной Маньчжурской дивизии, с 8 октября 1918 г. командир 5-го Приамурского корпуса, с 8 декабря 1918 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 18 июня по 3 августа 1919 г. командир 6-го Восточно-Сибирского армейского корпуса, с 29 августа 1919 г. помощник командующего войсками Приамурского военного округа и главный начальник Приамурского края, с 12 ноября 1919 г. командующий войсками Читинского (с 5 декабря Забайкальского) военного округа, с 24 декабря 1919 г. главнокомандующий всеми вооруженными силами Дальнего Востока и Иркутского военного округа с подчинением ему и Забайкальского военного округа, с 11 февраля 1920 г. главнокомандующий войсками Российской восточной окраины. Одновременно с 19 ноября 1918 г. походный атаман Уссурийского и Амурского казачьих войск, с 23 апреля 1919 г. походный атаман Забайкальского и с 23 апреля 1919 г. Дальневосточных казачьих войск, с 13 июня 1919 г. войсковой атаман Забайкальского казачьего войска, с 30 апреля 1920 г. — походный атаман всех казачьих войск Российской восточной окраины, с 28 апреля 1921 г. походный атаман всех казачьих войск Сибири и Урала. Генерал-лейтенант. В эмиграции в Китае. Арестован

22 августа 1945 г. в своем доме в пос. Какахаши, под Дайреном. Расстрелян 30 августа 1946 г. в Москве.

[61] **Андогский Александр Иванович**, р. 25 июля 1876 г. Из дворян Новгородской губ. Вологодская гимназия, Санкт-Петербургский университет (1898), офицерский экзамен при Павловском военном училище (1899), академия Генштаба (1905). Офицер л.-гв. Московского полка. Генерал-майор, начальник академии Генштаба. В белых войсках Восточного фронта (перешел от красных); до 23 октября 1922 г. начальник академии Генштаба; с 18 сентября 1918 г. помощник управляющего Военным министерством по снабжению с оставлением в прежней должности, с 18 июня 1919 г. 1-й генерал-квартирмейстер Ставки, с октября 1921 г. преподаватель Владивостокского военного училища, в 1922 г. городской голова Владивостока. В эмиграции в Китае. Покончил самоубийством 25 февраля 1931 г. в Харбине.

[62] **Волков Вячеслав Иванович**, р. в 1877 г. Войсковой старшина 1-го Сибирского казачьего полка. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1918 г. организатор восстания в Петропавловске, начальник военного района, в ноябре 1918 г. полковник, начальник 1-й Сибирской казачьей дивизии. Участник Омского переворота 18 ноября 1918 г., с 1 декабря 1918 г. по 24 января 1919 г. командующий Восточно-Сибирской отдельной армией, с 25 декабря 1918 г. по 17 февраля 1919 г. главный начальник Иркутского военного округа, с 18 марта 1919 г. командир Сводного казачьего корпуса, 12—27 июня командир Уральской группы войск, с 20 июля 1919 г. командир Южной конной (с конца июля — Конной), с 20 ноября 1919 г. Сибирской казачьей группы 2-й армии. Участник Сибирского Ледяного похода. Генерал-майор (с ноября 1918 г.). Убит в январе 1920 г. под ст. Ангара.

[63] **Блохин Н.С.** Есаул Сибирского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; участник восстания в Петропавловске в мае 1918 г., начальник штаба военного района, с июня 1918 г. командир дивизиона 2-го Сибирского казачьего полка, в 1918—1919 гг. командир 2-го Сибирского казачьего полка, с лета 1921 г. командир пешего дивизиона Сибирского казачьего полка, затем (к декабрю 1921 г.) этого полка, заместитель атамана Уссурийского казачьего войска, летом—осенью 1922 г. командир Сводной бригады Сибирской казачьей группы. Генерал-майор.

[64] **Анненков Борис Владимирович**, р. в 1890 г. Из дворян Новгородской губ. Одесский кадетский корпус (1906), Александровское военное училище (1908). Есаул 1-го Сибирского казачьего полка, начальник партизанского отряда Сибирской казачьей дивизии. В белых войсках Восточного фронта; с конца 1917 г. действовал в районе Омска со своим партизанским отрядом. С 28 июля 1918 г. войсковой старшина, с середины 1919 г. на Семиреченском фронте, командующий Отдельной Семиреченской армией. Генерал-майор. В эмиграции с весны 1920 г. в Китае. В 1925 г. выдан большевикам. Расстрелян 24 августа 1927 г. (25 августа 1926 г.) в Семипалатинске.

[65] **Иванов-Ринов Павел Павлович**, р. 26 июля 1869 г. в Семипалатинской обл. Из дворян, сын офицера. Сибирский кадетский корпус (1888), Павловское военное училище (1890). Полковник, командующий Отдельной Сибирской казачьей бригадой. В белых войсках Восточного фронта; глава офицерских организаций Омска и Петропавловска. 7 июня 1918 г. воз-

главил антибольшевистское выступление в Омске, начальник гарнизона, с 13 июня по 7 сентября 1918 г. командир Степного корпуса (с 2 июля 1918 г. генерал-майор), с 15 августа 1918 г. войсковой атаман Сибирского казачьего войска, с 5 сентября врио (с 7 сентября 1918 г. постоянно) до 15 октября (2 или 4 ноября) 1918 г. управляющий военным министерством и с 5 сентября по 13 октября 1918 г. командующий Сибирской армией (до 24 декабря 1918 г.), с 3 (23) декабря 1918 г. — одновременно помощник верховного уполномоченного на Дальнем Востоке по военной части (до 15 (20) мая 1919 г.), с 23 декабря 1918 г. командующий войсками Приамурского военного округа (до 11 мая 1919 г.). С августа 1919 г. командир Отдельного Сибирского казачьего корпуса (до 19 сентября 1919 г.). Осенью 1919 г. помощник командующего 3-й армией, с начала ноября 1919 г. помощник главнокомандующего Восточным фронтом по военно-административной части. Георгиевский кавалер (9 сентября 1919 г.). Генерал-лейтенант (10 августа 1919 г.). С 23 марта 1920 г. в Харбине, с 7 июля 1921 г. начальник штаба атамана Семенова (походного атамана казачьих войск Сибири и Урала) в Гродекове, в 1922 г. начальник тыла армии; в эмиграции в Китае. Осенью 1925 г. выехал в СССР.

[66] **Гинс Георгий Константинович**, р. в 1887 г. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. управляющий делами Западно-Сибирского комиссариата, заместитель министра народного просвещения Сибирского Временного правительства, затем товарищ министра иностранных дел правительства адмирала Колчака. В эмиграции в США, профессор-историк, публицист. Умер около 9 ноября 1971 г. в Сан-Франциско (США).

[67] **Гришин (Гришин-Алмазов) Алексей Николаевич**, р. в Кирсановском уезде. Полковник. Георгиевский кавалер. По заданию генерала М.В. Алексеева организовывал офицерское подполье в Сибири. Организатор свержения большевиков в Ново-николаевске 27 мая 1918 г. 28 мая — 12 июня командующий войсками Омского военного округа, с 13 июня до 5 сентября 1918 г. командующий Сибирской армией, с 1 июля одновременно управляющий Военным министерством. В сентябре 1918 г. отбыл в Екатеринодар, с 29 ноября 1918 г. в Одессе, с 4 декабря 1918 г. военный губернатор Одессы и (до 15 января 1919 г.) командующий войсками Добровольческой армии Одесского района, с 24 февраля по 23 апреля 1919 г. врид командующего войсками Юго-Западного края. В апреле 1919 г. послан в Омск во главе делегации к адмиралу Колчаку. Генерал-майор. Застрелился под угрозой плена 22 апреля (5 мая) 1919 г. в Каспийском море.

[68] 2-й Степной Сибирский армейский корпус. Сформирован в составе Сибирской армии из добровольческих офицерских дружин 12 июня 1918 г. в Омске как Степной корпус (с 26 августа — 2-й Степной Сибирский, с 30 сентября — армейский). Ядром его послужили полки 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, Отряд полковника Смолина и Первый партизанский офицерский отряд. Конница была представлена формированиями сибирских казаков — отрядом сотников Тимофеева и Вальшевского и 2-м Сибирским казачьим полком, артиллерия — батареями капитанов Плотникова, Остальского и Седова (в 1-й батарее из 33 чинов 25 были офицеры). В составе корпуса были также Украинский гетмана Сагайдачного ку-

рень (до марта 1919 г.) и Степной Сибирский польский легион. К 31 июля насчитывал 2384 офицера и 7992 добровольца, в том числе 1314 и 4502 на передовой (в ряде полков и во всех батареях офицеров было свыше половины). Формирование завершено в сентябре—октябре 1918 г. Включал 3-ю Иркутскую (временно с 3 октября 1918 г.), 4-ю и 5-ю Сибирские стрелковые дивизии. 24 декабря 1918 г. корпус был сделан отдельным, а 3 января 1919 г. из него были выделены части, летом 1918 г. входившие в Западно-Сибирский отряд генерала Г.А. Вержбицкого, и развернуты в 3-й Степной Сибирский армейский корпус (куда вошли 3-я и 4-я дивизии). В начале 1919 г. включал 5-ю Сибирскую стрелковую дивизию, Партизанский отряд атамана Анненкова, 2-ю Степную Сибирскую кадровую стрелковую дивизию (позднее — 13-я Сибирская кадровая стрелковая дивизия) и 6-ю Сибирскую сводную дивизию. В июле 1919 г. в состав корпуса входили Партизанская дивизия атамана Анненкова, 5-я Сибирская стрелковая дивизия, Отдельные Семиреченская казачья, Степная стрелковая и Киргизская конная бригады. В ноябре—декабре 1919 г. послужил основой Отдельной Семиреченской армии. Командиры: полковник (генерал-майор) П.П. Иванов-Ринов (июнь—сентябрь 1918 г.), генерал-майор (генерал-лейтенант) А.Ф. Матковский (с 6 сентября 1918 г.), генерал-майор В.В. Бржезовский (с 2 января 1919 г.; убит), генерал-майор И. Ефтин (с 13 сентября 1919 г.). Начштаба: капитан (полковник) Василенко (июнь 1918-го — апрель 1919 г.), полковник Щербаков (с мая 1919 г.), полковник И.И. Попов.

[69] **Пепеляев Анатолий Николаевич**, р. в 1891 г. Сын офицера. Подполковник 42-го Сибирского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. глава офицерской организации в Томске, с 13 июня 1918 г. командир 1-го Средне-Сибирского стрелкового корпуса, с августа 1918 г. полковник, с 10 сентября 1918 г. генерал-майор, с 25 апреля 1919 г. командующий группой (Северной) Сибирской армии, с 14 июля 1919 г. командующий 1-й армией, с 11 марта 1920 г. командир Сибирского партизанского отряда, сформированного из остатков армии. Генерал-лейтенант. Взят в плен в 1923 г. в Якутии. Расстрелян 14 января 1938 г.

[70] **Фукин Михаил Николаевич**, р. в 1869 г. В службе с 1885 г., офицером с 1893 г. Полковник 44-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; до 21 июня 1918 г. начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии, затем в резерве чинов Западно-Сибирского военного округа, с 4 августа 1918 г. и. д. дежурного генерала штаба Западной армии. Генерал-майор (с лета 1918 г.).

[71] **Вержбицкий Григорий Афанасьевич**, р. 25 января 1875 г. Из мещан г. Летичева. Каменец-Подольская гимназия (не окончил), Одесское пехотное юнкерское училище (1897). Георгиевский кавалер. Полковник командир бригады 134-й пехотной дивизии. При большевиках отказался от предложенной ему должности начальника 134-й пехотной дивизии, был приговорен за неповиновение к смертной казни, но, спасенный солдатами, уехал в Омск 8 декабря 1917 г. Спасаясь от преследования большевиков, перебрался в Усть-Каменогорск. В белых войсках Восточного фронта. Участник свержения большевиков и организации Усть-Каменогорского офицерского отря-

да, с 20 июня 1918 г. начальник 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии. С 20 июля 1918 г. генерал-майор. По очищении района реки Туры назначен уполномоченным правительства с правами генерал-губернатора по насаждению государственного и общественного аппаратов управления освобожденных районов Западной Сибири. В дальнейшем командовал Западно-Сибирским отрядом. С 1 января 1919 г. командир 3-го Западно-Сибирского стрелкового корпуса, с января 1919 г. генерал-лейтенант. С 10 апреля 1919 г. командующий Южной группой Сибирской, затем 2-й армии. Орден Святого Георгия 3-й ст. 20 февраля 1919 г. Орден Святого Владимира 3-й ст. 2 мая 1919 г. Участник Сибирского Ледяного похода. Начальник колонны на правах командующего армией в составе Южной и Тобольской групп, с января 1920 г. командующий 2-й армией, с 25 марта 1920 г. командир 2-го Отдельного Сибирского стрелкового корпуса, с 22 августа 1920 г. командующий Дальневосточной армией, командующий вооруженными силами Приморской области, с 31 мая 1921 г. командующий войсками Временного Приамурского правительства и с 12 октября 1921 г. одновременно управляющий военным и морским ведомством, с декабря 1921 г. по июнь 1922 г. главнокомандующий Дальневосточной армией; в эмиграции в Китае; с 1930 г. помощник начальника Дальневосточного отдела РОВС, в 1932 г. начальник отдела РОВС в Харбине, с 1936 г. — Тяньцзиньского отдела РОВС. Умер 20 декабря 1941 (1942) г. в Тяньцзине.

[72] **Казагранди Николай Николаевич**. Штабс-капитан инженерных войск. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. организатор и командир 1-го партизанского офицерского отряда в Омске, в июне 1918 г. командир боевой колонны 1-й Степной Сибирской стрелковой дивизии (подполковник); на 9 мая 1919 г. командир 16-го Ишимского Сибирского стрелкового полка, с 26 марта (22 апреля — 22 июля) 1919 г. начальник 18-й Сибирской стрелковой дивизии. Затем командир отряда во 2-й армии, в начале 1920 г. — отряда в Северной группе. Участник Сибирского Ледяного похода. Полковник (1919). С мая 1921 г. начальник офицерского отряда (бывш. Корюхина) в Монголии. Арестован и расстрелян в июле 1921 г. на хребте Эгин-Дабан.

[73] **Смолин Иннокентий Семенович**, р. в 1881 г. Иркутское военное училище (1905). Подполковник 43-го Сибирского стрелкового полка, 4-го Финляндского стрелкового полка, помощник командира 3-го Финляндского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; в начале 1918 г. возглавлял подпольную организацию в районе Туринска, с 20 июня 1918 г. командир партизанского отряда своего имени, с июля 1918 г. полковник, затем командир 15-го Курганского стрелкового полка, особой колонны из нескольких полков, с января 1919 г. начальник 4-й Сибирской стрелковой дивизии, на 9 мая 1919 г. командир 3-го Степного армейского корпуса. С 27 января 1920 г. генерал-майор, командующий Южной группой войск, с 23 августа 1920 г. командир 2-го стрелкового корпуса Дальневосточной армии, с августа 1922 г. командир Сибирской группы. Орден Святого Владимира 3-й ст. Орден Святого Георгия 4-й ст. Французский крест с пальмовой веткой. Генерал-лейтенант (1921). В эмиграции в Китае и США. Член Общества Ветеранов. Умер 23 марта 1973 г. в Папеэте (Таити).

[74] **Манжетный Михаил Михайлович**, р. в 1886 г. Елисаветградское кавалерийское училище (1908). Ротмистр Отдельного корпуса жандармов, начальник жандармского отделения на ст. Курган. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. командир взвода Курганского добровольческого отряда, затем в партизанском отряде подполковника Смолина, с декабря 1918 г. командир Отдельного конно-егерского дивизиона. Полковник. Осенью 1920 г. остался в Харбине. В эмиграции в Китае, в 1926—1928 гг. в русском отряде генерала Нечаева армии Чжан Цзолина, командир 4-го кавалерийского полка, затем в Пекине и Тяньцзине, с 1949 г. на Филиппинах и в Австралии. Умер в 1959 г.

[75] **Войцеховский Сергей Николаевич**, р. 16 октября 1883 г. в Витебске. Из дворян Витебской губ., сын офицера. Великолукское реальное училище, Константиновское артиллерийское училище (1904), академия Генштаба (1912). Подполковник, начальник штаба 1-й Чехословацкой дивизии, командир 3-го Чехословацкого полка. В белых войсках Восточного фронта; 26 мая 1918 г. во главе группы Чехословацкого корпуса освободил Челябинск, с 11 июня 1918 г. полковник, с 12 октября по 25 декабря 1918 г. командующий Самарской группой, затем генерал-майор, с осени 1918 г. командир 6-го Уральского армейского корпуса, с 1 января по 18 августа 1919 г. командир 2-го Уфимского армейского корпуса, с 29 августа по 1 октября 1919 г. командующий Уфимской группой, с 12 сентября 1919 г. командующий Уральской группой войск, затем командующий 2-й армией, с 25 января 1920 г. главнокомандующий Восточным фронтом, с 20 февраля 1920 г. командующий войсками Российской восточной окраины (Дальневосточной армии). В эмиграции в Чехословакии, военный министр, генерал армии. Арестован 11 мая 1945 г. в Праге. Умер 7 апреля 1951 г. в лагере под Тайшетом (Иркутская обл.).

[76] **Доможиров Анатолий Григорьевич**. Гимназия, Казанское военное училище (1911). Георгиевский кавалер. Штабс-капитан, адъютант 43-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. помощник командира 1-го Степного Сибирского стрелкового полка, командир Уральского стрелкового полка. Участник Сибирского Ледяного похода, затем заместитель и начальник штаба Отдельной стрелковой бригады. Участник выступления 30—31 марта и 25—26 мая 1921 г. во Владивостоке и Хабаровского похода, в 1922 г. командир отряда 1-й стрелковой бригады Земской Рати. Полковник. В эмиграции в Корее, затем в Китае (Шанхай), служил в Шанхайском Русском полку (лейтенант). Умер 20 декабря 1955 г. в Брисбене (Австралия).

[77] **Гайкович Георгий**. Сибирский кадетский корпус (1915) Подпоручик. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. в 1-й Степной Сибирской батарее. Участник Сибирского Ледяного похода, в марте 1920 г. командир Добовольческого артиллерийского дивизиона; летом — в декабре 1921 г. командир Добровольческой батареи Дальневосточной армии, в сентябре 1922 г. командир Прикамской (6. Ижевско-Воткинско-Добровольческая) батареи. Подполковник. В эмиграции в Китае, командир броненоезда китайской армии. Убит 4 декабря 1925 г. под ст. Таян-Фу.

[78] **Черкес Евгений Владимирович**. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. командир Тарского повстанческого отря-

да, в 1919 г. в ижевско-воткинских частях, затем командир батальона 1-го Добровольческого полка; в начале 1920 г. командир 1-го полка Добровольческой бригады, с лета 1920 г., в декабре 1921 г. командир 1-го Добровольческого полка Дальневосточной армии, в сентябре 1922 г. командир Пермского батальона (бывшего Сводно-Добровольческого полка). В эмиграции в Китае, к 1923 г. в Гирине. В эмиграции член КИАФ и РМО. Умер 27 января 1969 г. в Сиднее (Австралия).

[79] **Бордзиловский Антон Викентьевич**, р. в 1876 г. в Сибири. Сибирский кадетский корпус (1895), Константиновское артиллерийское училище. Подполковник артиллерии, служивший по дворцовому ведомству в Гатчинском дворце. В белых войсках Восточного фронта; с июня 1918 г. помощник командира Тобольского добровольческого отряда (затем 6-й Степной Сибирский стрелковый полк), затем полковник, на 9 мая 1919 г. командир 25-го Тобольского Сибирского стрелкового полка, в июле 1919 г. командир отряда в 1-й армии, 3 сентября — 17 октября 1919 г. начальник 7-й Тобольской Сибирской стрелковой дивизии, затем помощник командира 2-го корпуса, в декабре 1919 г. во 2-й армии, в январе 1920 г. командующий отдельной Тобольской группой (начальник колонны), в Дальневосточной армии, в 1921 г. начальник гарнизона Спасска, в ноябре 1921 г. командир 1-й стрелковой бригады. Генерал-майор (к декабрю 1919 г.). Орден Святого Георгия 4-й ст. 6 апреля 1920 г. В эмиграции в Китае, в 1930 г. возглавлял Офицерский Союз в Харбине, председатель отдела РОВС и кадетского объединения в Харбине, до 1945 г. председатель объединения Сибирского кадетского корпуса в Шанхае. После 1945 г. в США, начальник отдела РОВС. Умер 30 мая 1962 г. в Принстоне (США).

[80] **Куренков Александр Александрович**, р. в 1892 г. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; в июне 1918 г. руководитель восстания в Шадринске и командир Шадринского добровольческого отряда (Ишимского офицерского отряда), затем батальона, 19 января 1919 г. вошедшего в 7-ю Сибирскую стрелковую дивизию как 27-й Сибирский Верхотурский стрелковый полк. Георгиевский кавалер. Генерал-майор. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции участник монархического движения. Умер 2 мая 1971 г. в Менло-Парке (в Сан-Франциско, США).

[81] **Перхуров Борис Петрович**, р. 12 января 1881 г. в с. Шерепове Тверской губ. 2-й Московский кадетский корпус (1900), Александровское военное училище (1901) (не окончил), Михайловское артиллерийское училище (1904). Подполковник. В белых войсках Восточного фронта с июня 1918 г.; командир орудия в Сибирской армии, командир 1-й Степной Сибирской отдельной тяжелой батареи, с ноября 1918 г. командир 4-го Сибирского отдельного легкого артиллерийского дивизиона, затем инспектор артиллерии, с 1919 г. интендант 3-го Степного корпуса, затем — партизанских отрядов 3-й армии. Полковник. Взят в плен 11 марта 1920 г. в с. Подымахинском у Лены; с января 1921 г. в лагере в Екатеринбурге, бежал 20 мая 1921 г.

[82] **Вологодский Петр Васильевич**, р. в 1863 г. Присяжный поверенный. Участник восстания юнкеров в Омске, в 1918 г. член Директории, министр иностранных дел, затем председатель Временного Сибирского пра-

вительства, с сентября 1918 г. председатель совета министров Директории в Уфе, до 23 ноября 1918 г. председатель Омского правительства, затем председатель совета министров и министр иностранных дел правительства адмирала Колчака. С 1919 г. в эмиграции. Умер в 1928 г.

[83] **Патушинский Григорий Борисович**, р. в 1873 г. Иркутский адвокат. В белых войсках Восточного фронта; с июля 1918 г. министр юстиции Временного Сибирского правительства, член Уфимской директории. Умер в 1931 г.

[84] **Ленков Александр Никитович**, р. 22 февраля 1896 г. Штабс-ротмистр. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в марте 1918 г. в офицерской организации в Кургане, участник восстания, с июня 1918 г. в Курганском добровольческом отряде, начальник конного отряда, затем ротмистр. Летом 1919 г. командир конного дивизиона в Южной армии Восточного фронта; затем командир кавалерийского полка в Сибирской армии. Подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода. Участник Хабаровского похода. Полковник (с февраля 1920 г.). В эмиграции в Китае, в 1924—1928 гг. в отряде генерала Нечаева в армии Чжан Цзолина, затем в Тяньцзине и Шанхае, до 1936 г. в Русском полку Шанхайского волонтерского корпуса. К августу 1952 г. в лагере на о. Тубабао, в августе 1952 г. вывезен в Чили, затем в США, член КИАФ. Умер 23 февраля 1975 г. в Сан-Франциско.

[85] Впервые опубликовано: Вестник первопоходника. Июнь—июль 1966 г. № 57—58.

[86] В этих воспоминаниях автор говорит о себе в третьем лице — как о Никите Львове.

[87] **Скоропадский Павел Петрович**, р. 3 мая 1873 г. в Висбадене. Праправнук гетмана Украины в начале XVIII в. И.И. Скоропадского. Пажеский корпус (1893). Офицер л.-гв. Конного полка, командир 20-го драгунского полка, л.-гв. Конного полка. Генерал-лейтенант, командир 34-го армейского корпуса. Георгиевский кавалер. После «украинизации» корпуса продолжал им командовать в войсках Украинской народной республики до 29 декабря 1917 г. В марте 1918 г. возглавил опирающуюся на офицерство организацию «Украинская народная громада». Руководитель переворота, результатом которого стало упразднение 29 апреля 1918 г. Украинской народной республики и провозглашение Украинской державы во главе с гетманом. 14 ноября 1918 г. провозгласил федерацию Украинской державы с будущей небольшевистской Россией. В результате начавшегося тогда же петлюровского восстания 14 декабря 1918 г. вынужден был отречься от власти и выехал в Германию, где погиб при бомбардировке 26 апреля 1945 г. в Меттене (Бавария).

[88] **Орлов А.** Сотник Терского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1918 г. в 1-м Сибирском казачьем полку.

[89] Впервые опубликовано: *Красноусов Е.М.* Вторая батарея 1-го Сибирского казачьего конно-артиллерийского дивизиона. Брисбен, 1958; см. также: Кубанец. 1997. Февраль. № 186.

[90] **Вологодский В.В.** Подъесаул Сибирского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта; в мае 1918 г. в 1-м Сибирском казачьем полку, к декабрю 1918 г. командир 3-й сотни того же полка.

[91] **Апрелев Борис Петрович**, р. 18 февраля 1888 г. Из дворян Новгородской губ. Морской корпус (1907). Старший лейтенант, в 1917 г. во французском флоте. В белых войсках Восточного фронта; военный агент адмирала Колчака в Италии и Югославии. Капитан 2-го ранга. К лету 1921 г. в Югославии. В эмиграции в Китае: 1927—1931 гг. в Харбине, с 1931-го, в 1948 г. в Шанхае, возглавлял там группу РОВС, с 1936-го по 18 июня 1946 г. член (в 1939 г. член Комитета старшин) Кают-компании в Шанхае, служил во французской полиции, затем директор гимназии в Циндао. Умер 5 марта 1951 г. в Сан-Франциско (США).

[92] Впервые опубликовано: Газета «Слово». 1931 г. 16 августа. № 854.

[93] **Михайлов Дмитрий Михайлович**, р. в 1888 г. в Мариямполе Сувалкской губ. Виленское военное училище (1914). Поручик, командир батальона 46-го Сибирского стрелкового полка. В белых войсках Восточного фронта; участник Ижевского восстания, с января 1919 г. по июль 1920 г. командир 1-го Ижевского стрелкового полка в Сибирской армии, в августе—октябре 1919 г. капитан, затем полковник. В эмиграции в Китае (Харбин), в 1928 г. в китайской армии, после 1963 г. в Аргентине. Умер 8 мая 1979 г. в Сан-Паулу (Бразилия).

[94] Впервые опубликовано: Русская Газета. Буэнос-Айрес. 1968. Август. № 59.

[95] Воспоминания Д.И. Федичкина публикуются ниже.

[96] **Вологдин Владимир Петрович**, р. 28 апреля 1886 г. Морское инженерное училище (1893). Капитан 2-го ранга, инженер-механик. В белых войсках Восточного фронта; до февраля 1919 г. начальник штаба Прикамской армии и Воткинской дивизии. Генерал-майор флота. В эмиграции во Франции, в 1924—1930 гг. член Общества бывших воспитанников Морского инженерного училища в Париже. Умер 2—3 марта 1951 г. в Париже.

[97] **Ефимов Авенир Геннадьевич**, р. 19 октября 1888 г. Симбирский кадетский корпус (1907), Николаевское инженерное училище (1910). В белых войсках Восточного фронта со взятия Казани. Участник Ижевско-Воткинского восстания. В сентябре—октябре 1918 г. командир Ижевского стрелкового полка. По окончании курсов военного времени академии Генштаба — в штабе 2-го Уфимского корпуса, с 24 февраля 1919 г. начальник штаба Ижевской бригады, капитан, затем Ижевской дивизии, с 11 декабря 1919 г. командир Ижевского конного полка, с 12 марта 1920 г. командир Ижевского полка, с 25 августа 1921 г. командир Ижевско-Воткинской бригады и колонны в Хабаровском походе, в сентябре 1922 г. командир Прикамского стрелкового полка. Полковник. В эмиграции в 1923 г. в Гирине и Шанхае, затем в 1932 г. в США. Член Общества Ветеранов, редактор «Вестника Общества Ветеранов Великой Войны в Сан-Франциско», к 1967 г. сотрудник журнала «Военная Быль». Умер 25 апреля 1972 г. в Сан-Франциско (США).

[98] Впервые опубликовано: *Ефимов А.Г.* Ижевцы и воткинцы (борьба с большевиками 1918—1920 гг.). Сан-Франциско, 1974.

[99] **Солдатов Семен**. Капитан. В белых войсках Восточного фронта; председатель Союза фронтовиков в Ижевске, один из руководителей Ижевско-Воткинского восстания, член штаба обороны, затем в декабре 1921 г. в

Ижевском полку. Полковник. В эмиграции в Шанхае, с 1927 г. в Шанхайском Русском полку. Умер после 1943 г.

[100] Унтер-офицер **Осколков** (в дальнейшем — подпрапорщик) прошел затем с ижевскими формированиями всю войну и в составе Ижевского полка был убит 4 января 1922 г. под Ольгохтой во время Хабаровского похода Дальневосточной армии.

[101] **Юрьев Георгий Николаевич**. Из дворян Киевской губ. Михайловское артиллерийское училище. Штабс-капитан 5-й артиллерийской бригады. В белых войсках Восточного фронта; один из руководителей Воткинского восстания, в августе 1918 г. командир Ижевско-Воткинского отряда, затем командующий Сводной Воткинской дивизией, с 2 сентября 1918 г. начальник штаба частей Народной армии Воткинского района, с 20 октября 1918 г. командующий Прикамской армией, с 3 до 11 января 1919 г. и с марта до октября 1919 г. начальник 15-й Воткинской стрелковой дивизии, затем помощник начальника дивизии морских стрелков. Орден Святого Георгия 4-й ст. Полковник (с января 1919 г.). Погиб осенью 1919 г. в районе ст. Кемчуг.

[102] **Болонкин Андрей Лаврентьевич**, р. 30 сентября 1893 г. в Вятской губ. Из рабочих Воткинского завода. Поручик. В белых войсках Восточного фронта. Участник Воткинского восстания, в августе 1918 г. командир батальона, начальник Мишкинского боевого участка, в конце сентября — октябре назначен командовать Шарканским фронтом Воткинской Народно-Революционной армии; с ноября 1918 г. штабс-капитан, с ноября 1918 г. до 1 января 1919 г. командир 4-го Воткинского полка, с июня 1919 г. командир батальона Воткинской дивизии. Тяжело ранен, остался за линией фронта и через год присоединился к своей части в Забайкалье, в январе 1922 г. помощник командира Воткинского полка. Подполковник. В эмиграции с 1922 г. в Китае (с 1923 г. в Гирине), с 1923 г. в Австралии (Брисбен, с 1929 г. Сидней). Участник монархического движения. Умер 9 октября 1970 г. в Сиднее (Австралия).

[103] Ухтомский князь **Ю.П. Корнет**. В белых войсках Восточного фронта; с 17 сентября 1918 г. начальник штаба войск Народной армии Сарапульского района.

[104] **Альбокринов Николай Петрович**. Подполковник. В белых войсках Восточного фронта с октября 1918 г. (перешел от красных), начальник штаба Воткинской Народно-Революционной армии, в ноябре 1918 г. в штабе Прикамской армии, с 11 января, на 9 мая 1919 г. начальник 15-й Воткинской стрелковой дивизии. Полковник.

[105] **Дробинин Владимир Никанорович**, р. в 1890 г. Из крестьян Вятской губ. Реальное училище в Сарапуле (1913), Ораниенбаумская школа прапорщиков (1916). Поручик, командир батальона 75-го пехотного полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; в августе 1918 г. участник Воткинского восстания, начальник Кельчинского боевого участка, в начале сентября 1918 г. командир 3-го батальона 1-го Воткинского заводского 17-го Августа стрелкового полка Воткинской Народно-Революционной армии, в ноябре 1918 г. командир 2-го батальона Воткинского полка, адъютант штаба Воткинской дивизии, с 1 января 1919 г. врио командира 4-го Воткинского полка, штабс-капитан, начальник гарнизона Воткинска, с мая

1919 г. командир Воткинского конного дивизиона, с января 1920 г. ротмистр, с 1920 г. подполковник. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 октября 1920 г. в Воткинском стрелковом полку. Участник Хабаровского похода; в марте—декабре 1921 г. командир Воткинского конного дивизиона (в сентябре 1922 г. — Прикамского конного дивизиона). В эмиграции в Китае, в 1923 г. в Гирине, затем в Харбине и Шанхае. Полковник. Умер 7 марта 1950 г. в русском беженском лагере на о. Тубабао (Филиппины).

[106] **Бускин Иван**. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; в ноябре 1918 г. командир 2-го батальона 4-го Воткинского полка. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 октября 1920 г. в Воткинском стрелковом полку. В Дальневосточной армии командир 3-й роты Воткинского полка. Штабс-капитан. Убит 4 января 1922 г. под Ольгохтой.

[107] Имеется в виду журнал «Вестник Первопоходника», в котором публиковались главы книги А.Г. Ефимова.

[108] **Федичкин Дмитрий Иванович**, р. 9 февраля 1885 г. Оренбургское реальное училище (1902), Казанское военное училище (1908). Полковник 13-го Туркестанского стрелкового полка. Георгиевский кавалер. В белых войсках Восточного фронта; весной 1918 г. в офицерской организации в Казани, с 8 августа по 23 октября 1918 г. (до 20 октября 1918 г.) командующий Ижевской Народной армией, Прикамской армией, затем в Уфе, с 3 декабря 1918 г. комендант Томска, с 1 июня 1919 г. помощник начальника Ижевской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. В эмиграции в США. Умер 24 октября 1966 г. в Сан-Франциско.

[109] Впервые опубликовано: Первопоходник. 1974. Февраль. № 17.

[110] Капитан **Зуев** с ноября 1918 г. до февраля 1919 г. командовал Ижевской бригадой, затем был командиром 3-го Ижевского полка. После Сибирского Ледяного похода в Забайкалье и затем в Приморье до самого конца белой борьбы командовал ижевцами (сведенными в Ижевский полк, а после в батальон), с которыми и перешел в Китай (в 1923 г. в Гирине).

[111] **Лотков С.Н.** Подпоручик. В белых войсках Восточного фронта; участник Воткинского восстания, в ноябре 1918 г. при отходе Воткинской Народной армии строил мост через Каму, затем командир инженерного дивизиона Воткинской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 октября 1920 г. в Воткинском стрелковом полку. Поручик. В эмиграции в США. Умер в 1969 г. в Сан-Франциско.

[112] Впервые опубликовано: Вестник Общества русских ветеранов Великой войны. Сан-Франциско. 1941. Июль—декабрь. № 179—181.

[113] **Жуланов**. Поручик. В белых войсках Восточного фронта; руководитель восстания в Осинском уезде, в январе 1919 г. командир 3-го Осинского полка Воткинской дивизии, затем командир 2-й бригады той же дивизии, помощник командира 4-го Воткинского полка, на 9 мая 1919 г. командир 59-го Осинского стрелкового полка, капитан. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 октября 1920 г. в Воткинском стрелковом полку. Подполковник.

[114] Поручик **Рычагов** происходил из крестьян. Произведен в офицеры за боевое отличие. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. возглавил восстание в Красноуфимском уезде; командир отряда своего имени и разверну-

той из него Отдельной Красноуфимской партизанской бригады, на 9 мая 1919 г. начальник Златоустовско-Красноуфимской бригады. Подполковник, затем полковник (по некоторым сведениям, был произведен в генерал-майоры в ноябре 1919 г.). Участник Сибирского Ледяного похода. Убит под Кемчугом.

[115] Впоследствии прапорщик; на 18 октября 1920 г. в Воткинском артиллерийском дивизионе. Участник Сибирского Ледяного похода.

[116] Впоследствии капитан; на 8 октября 1920 г. в Воткинском стрелковом полку. Участник Сибирского Ледяного похода.

[117] **Мудрынин Григорий Ильич**. Поручик, курсовой офицер Одесской школы прапорщиков. В белых войсках Восточного фронта. Участник Воткинского восстания, руководитель организации Воткинской Народно-Революционной армии, 17 августа 1918 г. начал формировать 2-ю роту, начальник Бабкинского боевого участка, в начале сентября 1918 г. капитан, командир 1-го Воткинского заводского 17-го Августа стрелкового полка, в 1919 г. командир 1-й бригады Воткинской дивизии. Участник Сибирского Ледяного похода. На 8 октября 1920 г. в Воткинском стрелковом полку. Полковник.

[118] **Чебкасов Аркадий Никитич**, р. в 1891 г. Из рабочих Воткинского завода. Штабс-капитан. В белых войсках Восточного фронта; в 1918 г. участвовал в Воткинском восстании. Взят в плен, служил в РККА, в 1920—1922 гг. дивинженер 46-й стрелковой дивизии, командир 14-го саперного батальона. Расстрелян в 1931 г. по делу «Весна» (Киев).

[119] Воткинская Народно-Революционная армия (части Народной армии Воткинского района). Образована в результате Ижевско-Воткинского восстания в августе 1918 г. Создавалась под руководством шт.-кап. Юрьева, кап. Нилова, кап. Шадрина, кап. Мудринина. 1-ю роту, по своему почину, начал формировать 17 августа 1918 г. прап. Наугольных, 2-ю в тот же день (по распоряжению штаба) — капитан Мудринин, Бабкинский отряд — прапорщик Н.Я. Ощепков, Ножевский отряд — подпрапорщик Ф.П. Рябков (Ножевка была отбита от красных 5 сентября 1918 г. ротой поручика Чиркова, ее комендантом стал шт.-кап. Ханьжин), Конный отряд — С.Г. Кудрин. В начале сентября 1918 г. отдельные роты были сведены в 1-й Воткинский Заводской 17-го Августа и 2-й Осинский (поручик Балабанов) стрелковые полки, в октябре создана учебная команда (шт.-кап. Горчаковский). Шарканским фронтом командовал капитан Русанов, затем шт.-кап. Болонкин. В октябре 1918 г. на сторону армии от красных перешла группа офицеров. 21 октября 1919 г. имевшиеся к тому времени четыре полка сведены в две бригады. После соединения с белыми войсками переформирована в дивизию (см. 15-я Воткинская стрелковая дивизия). Командующий — шт.-кап. Г.Н. Юрьев. Начштаба — подполковник Н.П. Альбокринов.

[120] 15-я Воткинская стрелковая дивизия. Сформирована 3 января 1919 г. на фронте за Камой из реорганизованной Воткинской Народно-Революционной армии, созданной в августе 1918 г. в Воткинском заводе и его округе. После отхода за Каму во второй половине ноября 1918 г. воткинские части были сведены в Сводную стрелковую дивизию Западной армии, 7 февраля переименованную в Воткинскую, с 16 апреля — 15-я. В январе 1919 г. состояла из 1-го, 2-го, 3-го и 4-го (Сводного) Воткинских полков, Отдельного Воткинского Конного дивизиона и Отдельного Воткинского артиллерийского

стрелкового дивизиона. Принимала участие в весеннем наступлении в составе 1-го Сводного Сибирского корпуса Сибирской отдельной армии, но сразу же по освобождении родного завода от красных была распущена по домам. Однако вскоре из добровольцев и призывников начала формироваться вновь. На 9 мая 1919 г. включала 57-й Воткинский заводской 17-го Августа (полковник Вольский), 58-й Сайгатский имени Чехословаков (полковник Крейер), 59-й Осинский им. Минина и Пожарского (поручик Жуланов), 60-й Воткинский имени Союзных держав (полковник Отмарштейн) стрелковые полки, 15-й прифронтовой (запасный) полк, 15-й легкий артиллерийский дивизион (пор. Курбаловский) и 16-й саперный батальон. 11 мая переформирована из добровольческой в регулярную. 27 июня 1919 г. была слита с 16-й Казанской (Сарапульской) стрелковой дивизией, вместе с которой с июня 1919 г. входила в состав 8-го Камского армейского корпуса. После слияния состав дивизии включал: 57-й Воткинский, 58-й Казанский, 59-й Лаишевский, 60-й Чистопольский стрелковые полки, Отдельный Воткинский конный дивизион и 15-й отдельный Воткинский артиллерийский стрелковый дивизион. С июля 1919 г. вошла в 1-ю армию, с сентября — в Тобольскую группу. Во время Сибирского Ледяного похода у д. Дмитриевской в Щегловской тайге 25 декабря 1919 г. почти полностью погиб Воткинский запасный полк, 58-й и 59-й полки попали в плен в начале января 1920 г. под Красноярском. В Забайкалье пехотные части дивизии были сведены в Воткинский стрелковый отряд Дальневосточной армии (потом Воткинский стрелковый полк). Воткинские части имели синий цвет (символ связи со своими заводами — железом и сталью) погон, выпушек и петлиц и буквы «Втк» на погонах. Галунных погон офицеры и подпрапорщики никогда не носили: на синих погонах были белые просветы, зигзаги, канты. Начальники: капитан (полковник) Г.Н. Юрьев (до 11 января 1919 г.), подполковник Н.П. Альбокринов (с 11 января 1919 г.), полковник Михайлов, полковник фон Вах. Начштаба — ротмистр (полковник) фон Вах.

[121] **Гутман Анатолий Яковлевич** (псевдоним А. Ган). Экономист, редактор газеты «Вестник финансов». В белых войсках Восточного фронта. Участник Воткинского восстания (издатель повстанческой газеты «Воткинский вестник»). С 1919 г. издатель газеты «Русский экономист». В эмиграции с 1922 г. в Японии, затем в Китае и Германии.

[122] Впервые опубликовано: Белое дело. Летопись белой борьбы. Кн. 3. Берлин, 1927.

[123] **Уповалов И.Г.** Депутат нижегородского Совдепа (меньшевик). Летом 1918 г. организатор антибольшевистских забастовок в Нижегородской губ. Участник Воткинского восстания. С осени 1918 г. в эмиграции в Германии.

[124] Впервые опубликовано: Заря. Кн. 3—7. Берлин, 1923.

[125] Приводится по изданию: Вестник Первопоходника. 1966. Июнь—июль. № 57—58.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Раздел 1

П. Петров. Борьба на Волге 9
В. Вырыпаев. Каппелевцы 43
Ф. Мейбом. Тернистый путь 82
А. Еленевский. Лето на Волге (1918 год) 134
В. Лебедев. Борьба русской демократии против большевиков 173
А. Котомкин. О чехословацких легионерах 202
Записки белогвардейца 208
В. Молчанов. Борьба на Востоке России и в Сибири 237

Раздел 2

Б. Филимонов. Поход степных полков летом 1918 года 253
А. Ленков. Никита Львов 330
А. Орлов. Первый бой ермаковцев у станции Чишма 334

Раздел 3

Б. Апрелев. Ижевцы и воткинцы 338
Д. Михайлов. Ижевско-Воткинское восстание 341
А. Ефимов. Ижевцы и воткинцы 343
Д. Федичкин. Ижевское восстание в период с 8 августа по 20 октября 1918 года 380
С. Лотков. Камско-Воткинский завод и его рабочие 397
А. Гутман. Ижевское восстание 412
И. Уповалов. Рабочее восстание против советской власти 427
Песня воткинцев 438

Комментарии 441